

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Часть 2

Н.Л. ВОЛКОВСКИЙ

Н. Л. ВОЛКОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Часть 2

ПОЛИГОН
Санкт-Петербург
2003

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Г. В. Жирков (СПбГУ);

Доктор исторических и юридических наук,
профессор, академик

В. А. Золотарев (РАЕН).

Волковский Н. Л.

В67 История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. — СПб.:
ООО «Издательство «Полигон». — 2003. — 736 с., ил.
ISBN 5-89173-201-7 (Ч. 2)
ISBN 5-89173-200-9

В данном издании на основе большого фактологического материала впервые делается попытка целостного освещения инструментария информационной борьбы в крупнейших войнах и кризисных ситуациях человечества с древнейших веков до наших дней. Механизмы воздействия на общественное мнение, роль СМИ в военных конфликтах, работа журналистов и представителей пресс-служб в «горячих точках», управление информационными процессами в кризисных ситуациях, проблемы гласности и государственной тайны — основные вопросы этого труда.

Книга полезна специалистам СМИ и PR, всем изучающим средства информационно-психологического воздействия и методы противодействия им, студентам факультетов журналистики, истории, психологии и широкому кругу читателей.

ББК 76.0

*Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение
всей книги или любой ее части запрещается без письменного
разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

ISBN 5-89173-201-7 (Ч. 2)
ISBN 5-89173-200-9

© ООО «Издательство «Полигон», 2003
© Волковский Н. Л., 2003
© Сергеев А. В., оформление, 2002

ГЛАВА XI

Средства информации в Первой мировой войне: механизм контроля и управления (1914—1918)

Пресса и военная тайна

В период между Русско-японской войной 1904—1905 годов и Первой мировой войной 1914—1918 годов в российской печати не стихал спор между сторонниками гласности в освещении военных вопросов и ее противниками. Так, 4 января 1911 года в журнале «Разведчик» была опубликована заметка Скифа «Печать и военное ведомство», в которой он возражал против освещения в прессе вопросов, касающихся военного и морского дела. В публикации говорилось: «Испытали броненосец — сейчас же сообщают все результаты с точнейшим указанием скорости, индикаторных сил; поднимется спор о рациональности того или другого способа постройки судов — сейчас же на сцену выводят их вооружение, бронирование и чуть ли не все остальные чисто боевые качества»¹.

Заканчивал автор свою заметку следующими словами: «При условиях такой, не знающей предела, «гласности» ни одному государству не надо держать в России тех шпионов, которыми немцы перед 1870 годом наводнили Францию; большую их часть заменят газетные вырезки, любезно предлагаемые справочным бюро по 10 коп. за штуку, что, конечно, легче и безопаснее».

8 февраля 1911 года в том же журнале была опубликована статья М. Португалова «Печать и тайна», в которой автор, возражая Скифу, писал, что не только в России с 1905 года, но и во всех остальных цивилизованных странах уже более полувека производится гласное обсуждение всего того, что «не может быть секретным» в отечественном военном и морском

деле. Это относится и к броненосцам, и к другим типам военных судов. И если были попытки соблюдать в секрете постройку тех или других, то они заканчивались полной неудачей, так как характерные признаки таких судов заинтересованные державы немедленно узнавали, замечалось в статье.

В качестве примеров этому автор приводил постройку англичанами «Дредноута», французами — подводных лодок и русскими — последних броненосцев «Гангут», «Полтава», «Севастополь» и «Петропавловск», подробные чертежи которых были напечатаны в английском журнале «Энджиниринг» 20 мая 1910 года.

«Получалось такое положение, — делал вывод автор, — заинтересованные иностранные державы хорошо знали “секрет”, а народ, в лице технических и других его сил, могущих помочь делу советом, ничего не знал...

Не прав г. Скиф еще и потому, что, как он наверно согласится, отсутствие гласности в России дало Мукден и Цусиму»².

Автор статьи «Военные секреты», опубликованной в «Разведчике» 2 августа 1911 года, писал: «Если наша печать и виновата несколько в своей откровенности, то только в том, что не то скрывает, что следует. Мы тщательно замалчиваем свои недостатки в военном деле и барабаним вовсю о достоинствах. А нужно поступать как раз наоборот. Если мы будем скрывать достоинства, а обнаруживать недостатки, то мало того, что это поведет к исправлению, оно же послужит к тому, что наши враги о нас будут худшего мнения, мы приготвим им такие сюрпризы...»³

Авторы этих и других публикаций были единодушны в том, что скрывать, например, от иностранцев факт сооружения новой крепости, конечно, нельзя, но силу профиля возводимых укреплений, качество употребляемого материала, силу и количество артиллерии и места расположения крепостных верков содержать в секрете не только можно, но и нужно. Н. М. Португалов, публицист по морским вопросам, отмечал: «...есть такие мелкие секреты, которые и можно, и должно скрывать»⁴. По этим соображениям, считал автор статьи, ни одна газета, считающаяся с интересами военной обороны России, не должна публиковать подобных сведений.

Между тем бреславская газета «Schlesische Zeitung» в № 112 за 1912 год относительно работ в Ревельской военной гавани

писала, что она «преобразуется в главную военную гавань русского флота», и сообщала:

«Окончание работ, определенное сначала на конец 1915 года, откладывается на конец 1916 года... Западная искусственная дамба, защищающая проход из Балтийского моря (Ostsee), удлинится на 500 метров (вместо 350 метров); мол, приспособленный для вмещения громадных судов, будет открыт с восточной стороны и снабжен тремя рельсовыми путями, дабы погрузка военных и жизненных припасов и угля производилась с наименьшей затратой времени. Весь ковш гавани будет вычерпан соответственно глубине посадки дредноутов (7,5 метра при нижней воде на 9,5 метра). На все эти работы ассигновано 60 миллионов рублей, распределенных на 6 лет.

Вооружение будет состоять из двух башенных фортов, каждый с тремя пушками Обуховского завода по 30,5 центрального калибра, и нескольких брустверов с 24 центем. гаубицами».

Предполагалось, что эти подробные сведения корреспондент газеты получил от лиц, участвующих в строительстве сооружений Ревельской военной гавани.

И это не было единственным случаем, когда военные секретные сведения просачивались на страницы печати. В № 1707 газеты «Россия» за 1910 год пекинский корреспондент этого издания А. К-рь сообщил, что болтливость русской прессы получила осуждение китайского официоза «Peking Daily News'a», выходящего на английском и китайском языках. В частности, 4 июня 1910 года эта газета писала, что для иностранца, владеющего русским языком, нет ничего удивительнее той откровенности, с которой русский публицист анализирует отрицательные стороны родной действительности, того легкомыслия, с которым он открывает карты своему противнику накануне решительного дела. «Как только за последнее время стали циркулировать слухи о возможной войне с Китаем, русская восточная пресса, верная своим традициям, не замедлила опубликовать данные о расположении войск; и если из числа других, интересовавшихся этим вопросом, сумели извлечь из этого пользу воспользовавшиеся этими сведениями и китайские агенты, то разве можно их в этом упрекнуть?» — спрашивала китайская газета⁵.

Почему это происходило при существовании целой армии цензоров? В официальном описании Русско-японской войны 1904—1905 годов по этому поводу говорилось: «Цензурные упущения обуславливались главным образом тем, что не было установлено определенного взгляда на важность сохранения военной тайны, а вследствие этого не было последовательности в принимаемых для этого мерах»⁶.

Определенный же взгляд на важность сохранения военной тайны не мог установиться потому, что в России не было истинного понятия самой сущности военного секрета даже среди высших представителей русской армии.

Так, командующий 2-й маньчжурской армии генерал О. К. Гриппенберг в беседе с корреспондентом «Нового времени» сообщил, что генерал Куропаткин дал ему для проведения операций под Сандепу всего лишь 63 батальона, задержав в общем резерве 60 батальонов. Эти сведения, когда они были сообщены, носили особо секретный характер, так как раскрывали численность русских войск⁷. Также один из командиров корпусов прислал в редакцию газеты копию рапорта о положении дел в корпусе за два месяца войны, не считаясь с тем, что в рапорте приводились весьма секретные сведения. В официальном описании Русско-японской войны 1904—1905 годов подобных примеров разглашения военных секретов приводится много.

В связи с этим вопрос правильного понимания военной тайны имел важное значение в деле обороны. Однако он был очень слабо разработан и поэтому вызывал споры. В жизни, в законодательстве, в судебной практике России и других стран «военная тайна» понималась по-разному. В мирное время в российском военном обществе по этому вопросу придерживались простого принципа — пусть начальство определяет сведения, которые желает сохранить в тайне, грифом «секретно».

В российском уголовном уложении 1903 года определялось, что сведения, опубликованные или сделавшиеся «общенародно известными», уже не имеют значения для внешней безопасности страны, так как подобные сведения не могут считаться секретными.

Однако существовало мнение, что, во-первых, нет таких сведений государственного или военного характера, которые

бы, при известных условиях, не имели значения для иностранного государства, и, во-вторых, что нет такого секрета, который являлся бы абсолютной тайной. По этому поводу французский военный министр генерал Фрейсине, выступая на процессе Дрейфуса, сказал:

«Вряд ли можно говорить серьезно о военных секретах в мирное время, да этих секретов, строго говоря, не существует. Мобилизация? Как у нас, так равно и у наших соседей она производится в кругу собственной территории. Когда вы замечаете, что в какой-либо местности, не насчитывающей двух или трех тысяч жителей, проведено семь или восемь железнодорожных параллельных путей, находятся провиантские магазины и депо, то становится совершенно ясным, что это и есть пункт сосредоточения войск...

Однако бывают случаи, когда сохранение секрета может принести огромную пользу, например в период переформирования и перевооружения армии. Если секрет нового оружия или ружья будет тщательно сохранен только на время изготовления их на заводах, то указанное обстоятельство может на целый год или, по крайней мере, на полгода обусловить перевес нашей боевой готовности над противной стороной, но по окончании перевооружения скрывать принятые новые образцы является делом абсолютно невозможным»⁸.

По французскому закону от 18 апреля 1886 года прежде всего требовалось выяснить, имеют ли данные сведения значение для защиты страны или нет? Этот закон (ст. 1, п. 1) охранял сообщение или разглашение «в целом или в частях планов, рукописей или секретных документов, имеющих значение для территории или внешней безопасности государства».

Таким образом, из приведенного текста французского закона следовало, во-первых, что при нарушении военной тайны наличие формального секрета требовалось лишь в отношении документов (*plans, ecrity on documents secrets*), во-вторых, что из секретных документов характер военной тайны придается лишь тем из них, которые «имеют значение для защиты территории или внешней безопасности».

В Австрии действовавший в тот период закон (§ 67) и проект уголовного уложения 1909 года (§ 126) критерием военной тайны считали признак *публичности* и отличались между

собой только редакцией. По действовавшему закону под военной тайной в мирное время понимались «относящиеся до военных сил государства или его военной обороны приготовления и предметы, кои не почитаются и не рассматриваются государем как публичные».

Приблизительно того же признака при определении военной тайны придерживался закон США от 3 марта 1911 года, который запрещал соби́рание, получение и сообщение иностранному правительству «сведений, относящихся к государственной обороне, знание коих виновному по закону не вменено». В частности, этот закон называл «документ, рисунок, фотографию, фотографический негатив, план, модель».

Германское уголовное уложение (§ 92) требовало сохранять в секрете «государственные тайны, планы крепостей или тайные документы, акты или сведения, сохранение в тайне которых от иностранных правительств необходимо для блага Германской империи или одного из государств союза». По германскому закону от 3 июля 1893 года военной тайной считались «документы, рисунки или иные предметы, содержание коих в секрете требуется интересами обороны государства». Этот закон гарантировал более широкую защиту военных интересов Германии, в то время как тайны государственных охранялись по-прежнему (п. 1, ст. 92 уголовного уложения 1870 года).

В Англии закон 1911 года военной тайной, воспрещенной к передаче военному правительству, объявлял кроки, планы, модели, предметы, заметки или иные документы и сведения, которые по свойству своему, прямо или косвенно, могут быть полезными для него или могут оказаться таковыми по обстоятельствам отдельного случая.

Сверх того, этот закон давал перечень «запрещенных мест», к которым возбранялось «приближаться», находиться «в соседстве с последними» или проникать в них с какой-либо целью, противно безопасности или интересам государства.

Под запрещенным местом понимались:

- «оборонительные сооружения, военные склады, фабрика, док, лагерь, судно, телеграф, сигнальная станция, присутственные места и вообще всякие места, принадлежащие его величеству, предназначенные для постройки, починки

и производства, а также хранения судов, оружия и других орудий, используемых во время войны, или планов и документов, к этому относящихся;

- места, хотя и не принадлежащие его величеству, в которых по поручению его величества или по договору с кем-либо действовавшим по его поручению или по какому-либо иному основанию от его имени, производятся, чинятся или хранятся суда, оружие или иные материалы или орудия, употребляемые во время войны, или планы и документы, к ним относящиеся;
- места, принадлежащие его величеству и временно объявленные государственным секретарем запрещенными в силу того, что сведения о них или вред, им причиненный, были бы полезны иностранному государству;
- железная дорога, шоссе или другая какая-либо дорога, канал или иные пути сообщения — сухопутные или морские (включая сооружения, составляющие часть таковых или находившихся в связи с ними) или места, предназначенные для газовых, гидрологических, электрических или иных сооружений общественного характера, или какие-либо места, в которых производятся, ремонтируются или хранятся не по поручению его величества суда, оружие или иные материалы или орудия, употребляемые во время войны, или планы и документы, к ним относящиеся, если таковые места объявлены государственным секретарем временно запрещенными на основании сей статьи в виду того, что сведения относительно сих мест, их разрушение, повреждение или посягательства на них были бы полезны иностранному государству».

Понятие «запрещенных мест» было также в законе США от 3 марта 1911 года, который карал того, «кто с целью получения сведений, относящихся к государственной обороне, знание коих ему по закону не вменено, выйдет на какое-либо судно или в адмиралтейство, морскую станцию, форт, батарею, минную станцию, арсенал, лагерь, здание, канцелярию или военное другое место, имеющее отношение к государственной обороне».

В России закон от 5 июня 1912 года обозначал важные с военной точки зрения сведения как «долженствующие сохраняться в тайне». К ним были отнесены: «План, чертеж,

рисунок либо иное изображение или описание российского укрепленного места, установленного района либо эспланады оного военного судна либо иного сооружения, предназначенного для военной обороны страны, документ, касающийся мобилизации и вообще распоряжения на случай войны».

Таким образом, приведенные положения из законодательств указанных выше государств, во-первых, свидетельствовали, что понятие военной тайны определялось ими в очень общих выражениях; во-вторых, что формальный признак тайны допустим лишь в тех случаях, когда ответственность ее нарушения обуславливалась прямым умыслом; в-третьих, что оценка характера сведений зависела от того, оглашаются ли они внутри своей страны или сообщались иностранному государству.

В связи с неопределенностью законодательных положений нельзя было удивляться тому, что в споре о том, как должна печать освещать военные вопросы, были столь разные взаимоисключающие мнения и почему не только корреспонденты, но и высокопоставленные военные оглашали сведения, которые были очень полезны противнику. Понимая вред такой гласности во время войны, государства, участвовавшие в Первой мировой войне, усилили военную цензуру прессы и приняли ряд более строгих законодательных мер об ответственности за разглашение секретных сведений, которые касались органов СМИ и их сотрудников.

Положение военных корреспондентов в России

Взаимоотношения прессы и военных в России накануне Первой мировой войны складывались по заранее разработанным правилам. Еще за два года до того, когда началась эта война, 5 июля 1912 года, был подписан закон, значительно расширявший представление о государственной измене и шпионаже. Согласно ст. 1034⁴ этого закона «виновный:

- в возбуждении в печати учащихся к прекращению, приостановлению или невозобновлению занятий в учебных заведениях;
- в возбуждении в печати к устройству воспрещенных законом скопищ;
- в распространении посредством печати заведомо ложных о деятельности правительственного установления или

- должностного лица, войска или воинской части сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение;
- в распространении посредством печати заведомо ложного, возбуждающего общественную тревогу, слуха о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии;
 - в распространении посредством печати сведений, касающихся внешней безопасности России или вооруженных сил ее или сооружений, предназначенных для военной обороны страны, вопреки состоявшемуся в установленном порядке воспрещению об их оглашении;
 - наказываются заключением в тюрьме на время от двух до восьми месяцев, или арестом на срок не свыше трех месяцев, или денежным взысканием не свыше трехсот рублей»⁹.

Это наказание предусматривалось в обычное время, а по объявлении мобилизации статья теряла свое значение и всецело заменялась частью 1 ст. 275² Уложения о наказании (по высочайшему указу 20 июля 1914 года), влекущей более строгое наказание — только одно тюремное заключение.

В 1912 году военное ведомство разрабатывает и утверждает специальное «Положение о военных корреспондентах в военное время»¹⁰. Оно определяло, что военным корреспондентом на театре военных действий считается лицо, особо уполномоченное редакцией издания или телеграфным агентством для сообщения сведений с театра войны и утвержденное в этом звании начальником Генерального штаба в порядке, установленном указанным положением. Подчеркивалось, что, кроме утвержденных начальником генштаба военных корреспондентов, ни одно лицо не имеет права посылать с театра войны какие-либо сведения, предназначенные для печати. Предусматривался допуск в армию 20 (в том числе 10 иностранных) корреспондентов. Военным корреспондентам разрешалось пользоваться фотоаппаратами. Кроме корреспондентов на театр военных действий допускались три русских военных фотографа (из профессионалов), утверждаемых в этом звании также начальником Генштаба. Военным фотографам запрещалась подготовка текстовых публикаций; им разрешалось лишь помещать под иллюстрациями краткие подписи.

Военные корреспонденты и фотографы утверждались в этих званиях лишь после выдачи ими подписки в том, что

содержание указанного положения им в точности известно и что они обязуются беспрекословно подчиняться всем его требованиям, а также и соответствующим взысканиям в случае нарушения этих требований. Утвержденные в своем звании военные корреспонденты и фотографы получали от Главного управления Генерального штаба специальные удостоверения и нарукавные повязки. Ношение последних для них было обязательно в тех районах, в которых действовало Положение о полевом управлении войск. Список военных корреспондентов и фотографов должен был опубликовываться Главным управлением Генерального штаба для всеобщего сведения и сообщался начальнику штаба главнокомандующего (начальнику штаба отдельной армии) для отдания его в приказе. В списке сообщались: имя, отчество, фамилия военного корреспондента (фотографа); номер его нарукавной повязки, соответствующий тому номеру, за которым военный корреспондент (фотограф) занесен в список Главного управления Генерального штаба; представителем какого издания (агентства) является военный корреспондент, фотограф (если издание иностранное, то также название страны, в которой выходит издание); время отправления военных корреспондентов и фотографов на театр военных действий, а также лица и учреждения, кому они должны явиться тотчас по прибытии на театр военных действий, устанавливались начальником Генерального штаба.

Обязательным условием для военного корреспондента было, чтобы он являлся подданным государства, в котором издавалось представляемое им издание (агентство).

Лица, которые желали быть утвержденными в звании военных корреспондентов, должны были подавать в Главное управление Генерального штаба прошение на имя начальника Генерального штаба.

При прошении должны быть приложены: удостоверение редакции (агентства) о том, что соискатель на звание военного корреспондента действительно уполномочен на сие редакцией; документ, удостоверяющий личность просителя; три фотографические карточки с собственноручной подписью просителя, надлежащим образом засвидетельствованные; свидетельство о благонадежности для русских подданных, а для иностранных — рекомендация нашего дипломатического представителя и военного агента в соответствующем го-

сударстве; залог в виде денежной наличности в размере: для русских военных корреспондентов — 25 000 рублей и для иностранных корреспондентов — 75 000 франков.

В случае утверждения просителя в звании военного корреспондента представленный им залог хранился в Главном управлении Генерального штаба для удержания из него штрафов, если таковые будут налагаемы на военного корреспондента. В случае же неутверждения просителя залог возвращался ему вместе с остальными документами, приложенными при прошении.

Далее требовалось представить нотариальное обязательство редакции (агентства) в том, что в случае уменьшения залога путем удержания из него штрафных сумм до половины первоначального размера редакция немедленно доводит залоговую сумму до установленной нормы.

Корреспондент также представлял свое нотариально заверенное заявление о том, что настоящее положение в точности ему известно и что он беспрекословно подчиняется указанным в нем требованиям, а также и наказаниям, положенным за их нарушение, если таковые нарушения им будут допущены.

Фотограф должен был быть обязательно русским подданным. Для своего утверждения в звании военного фотографа он должен был представить те же документы, только денежный залог, который он прилагал, был в размере 10 000 рублей.

На театре военных действий военные корреспонденты и фотографы должны были находиться в ведении начальника военно-цензурного отделения при штабе главнокомандующего, к которому они обязаны были явиться немедленно по прибытии в армию и предъявить ему документы, полученные от Главного управления Генштаба. Из числа документов военному корреспонденту возвращались: 1) удостоверение Главного управления Генерального штаба об утверждении военным корреспондентом (фотографом), 2) документ, удостоверяющий личность, 3) одна фотографическая карточка, засвидетельствованная начальником военно-цензурного отделения при штабе главнокомандующего. Все эти документы должны были быть всегда при военном корреспонденте и немедленно предъявляться им для контроля по первому тре-

бованию военного начальства. Приступить к работе военные корреспонденты и фотографы могли лишь после разрешения на это начальника военно-цензурного управления при штабе главнокомандующего.

Комендантом Главной квартиры им отводились помещения для проживания. Они могли иметь при себе для личных услуг прислугу, но не более одного человека. Военным корреспондентам и фотографам и их прислуге воспрещалась отлучка за пределы района расположения штаба главнокомандующего.

Военный корреспондент или фотограф, допущенный на театр военных действий, может сложить с себя звание военного корреспондента (фотографа) лишь по ходатайству перед начальником штаба главнокомандующего. Сложивший с себя звание военного корреспондента или фотографа обязательно высылался из действующей армии, причем до перехода им границ театра военных действий он должен был выполнять правила указанного положения¹¹.

Военные корреспонденты осведомлялись о ходе дел начальником военно-цензурного отделения при штабе главнокомандующего. Вся корреспонденция, предназначенная к отправке с театра войны для печати, представлялась предварительно на цензуру, причем в двух экземплярах, один из которых оставался при делах военно-цензурного отделения. Иностранные военные корреспонденты должны были представлять свои материалы лишь на французском, немецком или английском языке. Корреспонденции на иных языках не пропускались. Все иллюстрации представлялись также в двух экземплярах. Каждая из них должна была быть с подписью.

Кроме общих наказаний, налагаемых за нарушение правил военной цензуры, в Положении о военных корреспондентах в военное время предусматривались особые взыскания за нарушение требований, предъявляемых к ним при работе на театре военных действий. Так, военный корреспондент (военный фотограф), замеченный без нарукавной повязки, подвергается за это штрафу: в первый раз в размере от 25 до 100 рублей, во второй раз от 100 до 300 рублей, в третий и последующие разы штрафу 500 рублей. А если военный корреспондент (фотограф), отправивший без предварительного представле-

ния начальнику военно-цензурного отделения при штабе главнокомандующего корреспонденцию или иллюстрацию, предназначенную для печати или хотя для печати не предназначенную, но затем напечатанную, подвергается за это: в первый раз штрафу 300 рублей, во второй раз лишению звания военного корреспондента (фотографа). В случае, когда он отлучился без соответствующего на это разрешения начальника военно-цензурного отделения за пределы района расположения штаба главнокомандующего, пробывший в отлучке не более трех суток и затем возвратившийся в район расположения штаба подвергался за это: в первый раз штрафу от 3000 до 5000 рублей, во второй штрафу от 5000 до 10 000 рублей и в третий раз лишению звания военного корреспондента (фотографа).

Военный корреспондент (фотограф), отлучившийся без соответствующего на это разрешения начальника военно-цензурного отделения при штабе главнокомандующего за пределы района расположения штаба главнокомандующего и пробывший в отлучке более трех суток или же совсем не явившийся обратно, подвергается за это: лишению звания военного корреспондента (фотографа) и сверх того: 1) если он во время отлучки будет пребывать в местностях, на какие распространяется действие Положения о полевом управлении войск, — заключению в тюрьму гражданского ведомства на срок от шести месяцев до одного года, 2) если он будет пребывать во время отлучки вне местности, на которую распространяется действие Положения о полевом управлении войск, — заключению в тюрьму гражданского ведомства на срок от трех до шести месяцев.

Если военный корреспондент (фотограф) умышленно переходил на сторону противника, то подлежал за это заключению в тюрьму гражданского ведомства на срок от 3 до 5 лет, если же, умышленно передавшись противнику, военный корреспондент (фотограф) даст ему какие-либо из сведений, перечисленных в опубликованном «Перечне сведений, не подлежащих оглашению во время действий военной цензуры», то предается суду на основании ст. 108, 111, 111¹, 111⁴, 112, 118² и 119 Уголовного уложения.

Однако этому наказанию виновный мог подвергнуться не иначе, как по приговору военного суда. Предание виновного

военному суду производится распоряжением начальника штаба главнокомандующего, по представлению об этом начальника военно-цензурного отделения при штабе главнокомандующего.

Военный корреспондент (фотограф), уличенный в шпионстве, предается на основании ст. 108, 109, 110, 111, 111¹, 111², 111⁴, 112, 112¹, 113¹, 118, 118² и 119 Уголовного уложения военному суду распоряжением начальника штаба главнокомандующего. За преступления общие военные корреспонденты (фотографы) несли ответственность на основании общих или исключительных законов, действующих в местности, в которой преступление совершено.

Взыскания за нарушение требований военной цензуры, указанные Положением о военной цензуре, а также взыскания, перечисленные Положением о военных корреспондентах, за исключением наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом, налагались на военных корреспондентов (фотографов) в административном порядке властью начальника штаба главнокомандующего по представлению начальника военно-цензурного отделения при штабе главнокомандующего. Было установлено, что административные взыскания, наложенные на военных корреспондентов и фотографов, обжалованию не подлежат.

О каждом взыскании, наложенном на военного корреспондента или фотографа, связанном с денежным штрафом, сообщалось Главному управлению Генштаба для удержания соответствующей суммы из залога виновного. Штрафные суммы вносились в доход государства. Лишение военного корреспондента (фотографа) его звания было связано с последующей высылкой с театра войны в одну из внутренних губерний России, где он отдавался под надзор полиции до прекращения действия военной цензуры.

Свой залог или оставшуюся его часть, если производились штрафные удержания, военные корреспонденты и фотографы получали лично в Главном управлении Генштаба после прекращения действия военной цензуры. Залог также могла получить соответствующая редакция, если при внесении его была сделана об этом оговорка. При обратной выдаче залогов проценты на их сумму или часть ее не причитались.

Однако несмотря на эти довольно строгие меры, в начале Первой мировой войны начальник Генштаба генерал Н. Н. Янушкевич в первый же день вступления в должность указал в телеграмме начальникам военных округов: «Корреспонденты в армию допущены не будут»¹². 16 августа 1914 года главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Иванов «приказал принять к исполнению, чтобы ни в какие штабы и войсковые части не допускались никакие посторонние лица, особенно корреспонденты»¹³.

Следует заметить, что в августе 1914 года начальник германского Генштаба фон Мольтке (младший) заявил, что «печать является неизбежным средством войны» и что «необходима тесная связь между военным командованием и печатью»¹⁴.

Редакторы российских газет, известные журналисты обращались к российскому военному руководству с просьбами о допуске в армию для освещения военных действий. Так, в первые дни войны Михаил и Борис Суворины как редакторы «Нового времени» и «Вечернего времени» просили Верховного главнокомандующего генерал-адъютанта великого князя Николая Николаевича (младшего) допустить на театр военных действий их корреспондента Н. Кравченко. На телеграмме Сувориных Янушкевич пометил: «Отклонить в самых мягких выражениях, с указанием, что вел. кн., высоко ценя значение прессы, и особенно «Нов. Время», и понимая руководившие Сувориным побуждения, тем не менее в настоящую минуту признал это еще несвоевременным и поэтому не подлежащим удовлетворению ходатайство. При первой к тому возможности Кравченко будет вызван»¹⁵.

Были отклонены просьбы и от «Вестника Европы», «Нивы» и других газет и журналов. 31 августа просился также телеграммой известный военный корреспондент В. И. Немирович-Данченко, но и ему было отказано.

Однако в сентябре 1914 года позиция командования по отношению к печати начинает меняться. Об этом свидетельствует приказ 1-й армии от 20 сентября 1914 года, в котором указывалось: «Вследствие выяснившейся острой необходимости в сообщении печати не только сухих отчетов о передвижениях наших войск и взятых трофеях, но и описаний подвигов наших частей и отдельных лиц и дру-

гих материалов, дающих картинное представление о деятельности войск, приказываю во всех штабах корпусов и отдельно действующих отрядов назначить особых офицеров, которым был бы поручен сбор соответственных материалов и присылка их в штаб армии для дальнейшего представления этих материалов в штаб армий Северо-Западного фронта в целях официального или неофициального помещения этих данных в печати»¹⁶. Такие же приказы были и в других армиях. Очевидно, на это было указание вышестоящего штаба.

Тогда же, в сентябре 1914 года, Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич (младший) решил отправить в армию 10 корреспондентов. Перед ее допуском спешно были разработаны новые «Правила для русских и иностранных корреспондентов, допущенных в действующую армию», которые были утверждены начальником штаба Верховного главнокомандующего 26 сентября 1914 года. Правила устанавливали:

- по прибытии в штаб Верховного главнокомандующего корреспонденты представляют документы, удостоверяющие их личность, и удостоверение от редакции тех периодических изданий, сотрудниками которых они являются;
- корреспондентами даются подписки в том, что во все время пребывания их в районе действующей армии они будут строго соблюдать настоящие правила и подчиняться всем требованиям, которые могут быть сверх того предъявлены через назначенного состоять при корреспондентах штаб-офицера Генерального штаба;
- поездки совершаются всеми корреспондентами вместе по заранее разработанному в штабе Верховного главнокомандующего маршруту и по указаниям состоящего при корреспондентах штаб-офицера Генерального штаба;
- отделяться во время поездок и следовать отдельно строго воспрещается;
- назначается состоять при корреспондентах Генерального штаба подполковник Асанович, в помощь ему корнет князь Тундутов. Кроме того, при корреспондентах состоит от Министерства иностранных дела титулярный советник Солдатенков;

- каждый корреспондент получает от штаба Верховного главнокомандующего удостоверение, которое должен всегда иметь при себе; корреспонденты обязаны иметь нарукавную повязку, ношение которой обязательно во все время пребывания в пределах театра военных действий. Наручная повязка представляет собой полосу белой материи. Посредине полосы нашиваются из тесьмы буквы: В. К. (военный корреспондент) или В. Ф. (военный фотограф).
- при каждом корреспонденте может состоять мужская прислуга — по одному человеку на каждое лицо. На прислугу представляются документы, удостоверяющие их личность;
- корреспонденты дают подписку не писать ни в настоящем, ни в будущем ничего могущего быть использованным нашими противниками во вред нашей армии; все свои записки, заметки, фотографии, чертежи, рисунки, художественные эскизы и тому подобные собранные ими во время поездки материалы, касающиеся действий наших войск или войск противника или вообще касающиеся вопросов, имеющих военный характер, они обязаны представить по окончании объездов в просмотр в управление генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем через состоящего при корреспондентах штаб-офицера Генерального штаба;
- все отправляемые корреспонденции — письма и телеграммы должны сдаваться штаб-офицеру Генерального штаба и подвергаться его цензуре. Решениям в этом отношении штаб-офицера Генерального штаба корреспонденты должны беспрекословно подчиняться и после его цензуры могут или вовсе не отправлять корреспонденций, или отправлять таковые лишь в том виде, в каком посылка их будет разрешена. Все письменные материалы, представляемые корреспондентами для просмотра, могут быть написаны только на одном из трех языков: русском, французском или английском.

Употребление шифра безусловно воспрещается.

Все сделанные во время поездок фотографии, по их проявлении лично корреспондентом-фотографом или фотографом штаба Верховного главнокомандующего, подвергаются цензуре в этом штабе;

- при составлении корреспонденций, записок, заметок, рисунков, художественных эскизов, фотографий и других материалов военного характера, предназначенных для опубликования или распространения, корреспонденты и фотографы обязаны руководствоваться опубликованным в № 203 Собрания узаконений и распоряжений правительства от 26 июля 1914 года «Перечнем сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати воспрещается на основании ст. 1-й отдела II закона 5 июля 1912 года», копия какового перечня выдается каждому корреспонденту вместе с экземпляром настоящей инструкции;
- в случае нарушения сих правил или других требований, предъявленных через штаб-офицера Генерального штаба, корреспондент, по представлению названного штаб-офицера, подлежит немедленной высылке из пределов театра военных действий и, сверх того, подвергается ответственности по закону;
- расходы по передвижению, квартирному размещению и продовольствию корреспондентов во время их поездок, в размере не свыше 10 рублей в сутки на каждое лицо, штаб Верховного главнокомандующего принимает на себя, причем все хозяйственные заботы возлагаются на состоящего при корреспондентах штаб-офицера Генерального штаба¹⁷.

Это были правила для корреспондентов, временно допущенных в действующую армию. Об этой категории журналистов ничего не говорилось в Положении о военных корреспондентах в военное время. Поэтому они, наряду с тем что повторяли ряд требований положения, в то же время дополняли их некоторыми конкретными указаниями.

В первую группу корреспондентов для поездки в действующую армию были включены С. Ф. Бельский, Н. И. Кравченко, В. И. Немирович-Данченко, К. Н. Соломонов (Шумский), С. Н. Сыромятников («Сигма» от «Правительственного вестника»), А. М. Федоров, японский журналист К. Оба, англичане Роберт Вильтон, Бернард Перс, Мьюз, американец Стенли Вашбурн, француз Людовик Нодо, а также корреспондент «Русского инвалида» поручик В. В. Даманский.

Они выехали из Барановичей 26 сентября 1914 года и находились в войсках две недели.

После этого корреспонденты стали периодически получать разрешения для поездки на фронт. Так, в июне 1915 года Ставкой была организована поездка на театр военных действий второй группы журналистов. Ряд корреспондентов были аккредитованы при армии. Первым постоянным иностранным военным корреспондентом в русской армии стал американец С. Велибурн. В феврале 1915 года на Кавказе в русской армии работал английский капитан Симпсон. В мае 1915 года в действующую армию, в том числе и на Кавказский фронт, был отправлен особый военно-художественный отряд, сформированный по разрешению Николая II. В состав этого отряда, который возглавил гвардейский полковник В. К. Шенк, вошли: профессор батальной живописи Н. С. Самохин, ученики Высшего художественного училища при академии Петр Котов, Петр Митурич, Петр Покаржевский, Карп Трофименко и Рудольф Френц, фотограф А. Штюмер, матросы А. Герасин и П. Линник, ратники А. Селиверстов и А. Молодцов.

Многие литераторы, журналисты и живописцы просились в армию для освещения боевых действий. Однако их доступ на театр военных действий ограничивался, отбор для тех, кто получал разрешение, был очень строгим: ходатайство редактора «Правительственного вестника» князя Урусова о командировании в действующую армию корреспондента газеты С. Д. Масловского было отклонено начальником Генштаба Янушкевичем из-за того, что, по агентурным данным, указанный журналист также сотрудничал с левыми легальными изданиями — журналом «Заветы» и газетой «День»¹⁸.

Некоторые литераторы, получив аккредитации, но охваченные всеобщим патриотическим подъемом, ехали на фронт солдатами и офицерами. Среди них были А. Куприн, Н. Гумилев, С. Есенин, А. Серафимович, Б. Савинков, А. Толстой, А. Блок и другие. Многие из них выступали в газетах и журналах. Также издания стремились расширить сеть своих военных корреспондентов путем привлечения к сотрудничеству офицеров из действующей армии. Уже в первые месяцы войны в некоторых газетах под рубрикой «От собственных корреспондентов из действующей армии» публиковались их телеграммы и заметки. Командование русских войск про-

бовало запретить офицерам печататься в прессе. Так, 7 сентября в приказе по 1-й армии было объявлено: «Ввиду того, что по повелению Верховного главнокомандующего корреспонденты в действующую армию не допущены, появление в печати корреспонденций из армии недопустимо. Подтверждаю всем офицерам, под строгой ответственностью и угрозой расследования, не посылать из армии никаких корреспонденций и писем о военных действиях. Равным образом раненые и больные участники кампании не должны помещать в газетах своих воспоминаний, не имея на то разрешения от соответствующих начальствующих лиц. Печатаение корреспонденций из действующей армии должно быть совершенно прекращено»¹⁹. Однако эти угрозы не принесли успеха. Военные все шире публиковали сообщения с фронта, авторами которых были военные. Издания заинтересовали офицеров, имеющих доступ к информации, к сотрудничеству с ними выплатой высоких гонораров. Это привело к тому, что ряд офицеров крупных штабов и военно-цензорских отделов стали корреспондировать в суворинские газеты и другие частные издания, отказываясь сотрудничать с правительственной печатью, которая не могла предложить высоких гонораров²⁰.

Наиболее регулярным источником о событиях на театре военных действий являлись сообщения штаба Верховного главнокомандующего, сообщения Главного штаба и сообщения штаба кавказской армии. Также в конце первого года войны стали печататься краткие извлечения из официальных донесений о различных эпизодах боевой деятельности за первые месяцы войны. Но они носили эпизодический характер и не давали полного представления о ходе военных событий. Полезным дополнением к сообщениям штаба Верховного главнокомандующего являлись обзоры «Армейского вестника» (газеты штаба Юго-Западного фронта), которые велись с августа 1914 года, и обзоры «Нашего вестника» (органа штаба Западного фронта), начавшиеся с апреля 1915 года. Но эти официальные обзоры были малодоступными для широкой читающей публики не только потому, что они печатались в армейских газетах, но и по своему изложению они нуждались в комментариях.

В общей печати появилось немало корреспонденций с фронта, писем участников сражений, рассказов раненых и

других материалов, содержащих в себе порой немало подробностей относительно событий на фронте.

В ряде публикаций отмечалось, что «настоящая война в смысле информации ведется в таких условиях, которых наше русское общество еще не знало»²¹.

Официальные сообщения с фронта

Одной из особенностей Первой мировой войны было то, что в прежние войны официальные донесения и сообщения, публикуемые для всеобщего сведения, отличались большой подробностью, и, кроме того, в печати появилось много подробных корреспонденций с театра военных действий. «В настоящее время не только у нас, но и в других государствах признается нежелательной широкая огласка хода боевых действий»²². Официальные донесения характеризовались значительной краткостью и сдержанностью своих выражений.

Обусловлено такое изменение в деле осведомления общества о ходе военных действий тем, что сама война приняла иной характер, чем раньше. Прежде сражения, даже наиболее крупные, велись в течение одного же дня или, самое большее, затягивались дня на два, на три. Тогда всякий отчет о каком-нибудь деле являлся уже в значительной степени отчетом о законченной операции, оглашение подробностей о которой не могло бы повредить интересам дела. В начавшейся войне бои длились неделями или месяцами, одно сражение переходило незаметно в другое, и связь между различными участками театра военных действий являлась гораздо более тесной, чем раньше. Вследствие этого стало трудно говорить о «законченных» операциях, и время для опубликования подробных сведений о них наступало гораздо позже, чем в прежние войны. Также в связи с развитием телеграфных, телефонных и почтовых сношений какое-либо сведение, неосторожно проникшее в печать, могло теперь гораздо быстрее стать достоянием противника, чем это возможно было раньше, при медленности всякого рода сношений. Этими двумя обстоятельствами военные всех воюющих государств объясняли сухость своих официальных сообщений.

«Может быть, тут допускаются даже некоторые преувеличения,— писал А. Оггин в предисловии к сборнику официальных документов и сообщений первого года войны,—

но, повторяю, в этом отношении характер сообщений всех воюющих государств одинаков, и они различаются не столько по степени своей подробности, сколько по степени своей правдивости. Наши официальные сообщения кратки и неполны, но они правдивы, и их неполнота не может быть названа тенденциозной. В них можно указать умолчания о некоторых наших неудачах, но столь же легко можно было бы привести многочисленные примеры умолчания о наших крупных успехах. Наши официальные донесения не регистрируют наших потерь, но они не регистрируют полностью и наших трофеев. Если в сообщениях штаба Верховного главнокомандующего нельзя найти указаний, например, на наши потери в делах при Сольдау, где понесла поражение армия генерала Самсонова, то в этих же сообщениях мы не найдем и подсчета наших громадных трофеев в великой галицийской битве августа прошлого года. Этот подсчет был дан не сообщениями штаба Верховного главнокомандующего, а приведен, между прочим, в одном из обзоров «Армейского вестника».

Таким образом, наши официальные сообщения являются правдивыми документами в условиях необходимости сохранения военной тайны»²³.

О том, как составлялись сообщения штаба Верховного главнокомандующего, пишет в своей книге М. Лемке, который был причастен к их подготовке. Он называет некоторые положения, которым следовали офицеры, составляющие эти сообщения: «Начатая нами и незакончившаяся операция, по возможности, должна обходиться молчанием, чтобы не обнаружить нашего плана; разгаданная нами операция врага не должна быть выяснена ему, чтобы обмануть противника своим неведением об его замысле; всякий наш успех должен быть сообщен вполне; всякий наш неуспех в отражении удара — только в общих, неясных выражениях; наши потери и неудавшиеся операции и маневры обходить полным молчанием; когда мы бьем немцев — писать «германцев», а если австрийцев — «противника»; фамилий нашего командного состава и названий частей не упоминать; взятых нами пленных подсчитывать почаще, на разные даты, чтобы создавать иллюзию более значительного успеха; результаты действия неприятельских аэропланов обходить молчанием»²⁴.

Бюро печати при Ставке

Михаил Лемке, штабс-капитан, призванный из запаса, был назначен офицером Бюро печати, созданного в конце 1915 года при Ставке Верховного главнокомандования, которое должно было нормализовать ее отношения с периодической печатью. Офицеры, входившие в него, относились к отделу генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего. Группа офицеров, занимавшихся печатью, входила и в состав отдела генерал-квартирмейстера Генерального штаба, который находился в Петрограде. Их задачей было информировать печать о ходе военных действий и боевых эпизодах как в России, так и за границей, а также предупреждать нежелательное толкование военных вопросов, которые встречались в печати, несмотря на наличие военной цензуры. С этой целью полковник А. М. Мачульский и другие офицеры Генштаба, отвечавшие за работу с печатью, проводили беседы с журналистами, готовили военные обозрения. Они, по соглашению с Министерством иностранных дел, составляли и редактировали особые неофициальные брошюры для распространения в нейтральных государствах с целью создания там благоприятного для России общественного мнения, а также для опровержения сообщений враждебной печати. Там же готовились статьи, которые под видом неофициальных распространялись в прессе. Для их размещения были установлены связи с редакциями, принимавшими к исполнению все то, что им предлагалось провести негласно, под видом редакционных статей.

Создание Бюро печати при Ставке, где должны были находиться корреспонденты ведущих газет и агентств, должно было ускорить информирование печати о военных событиях. Кроме того, Ставка должна была указывать Генштабу и на перспективные направления работы с печатью хотя бы общего характера. Однако эти задачи оказались очень сложными для Бюро печати из-за отсутствия четкой концепции в информационной работе и недостаточной подготовки офицеров к такому характеру деятельности. Офицерам, возглавлявшим Бюро печати, доставало: доброжелательного отношения к печати; понимания, что пресса нужна армии для

поддержания падающего настроения и энергии народа, участвующего в затянувшейся войне; желания предоставить корреспондентам таких условий работы, при которых были бы компенсированы расходы газет на их содержание; понимания необходимости полной неприкосновенности прав офицеров Ставки выступать в печати при соблюдении ими всех правил цензуры²⁵.

От русских журналистов было немало предложений о том, как лучше организовать взаимоотношения печати и армии и наладить их сотрудничество. Член редакции «Русского слова» В. Филатов, например, представил проект «О пользовании печатью»²⁶, в котором отмечал, что немцы умеют превосходно направлять печать и посредством ее ложных сведений отвлекать внимание противника от своих действительных планов: «Так, все внимание немецкой и нейтральной печати было сосредоточено на Ипре и потому ждали удара там и к нему готовились, а Верден упорно считали демонстрацией, о чем даже писали французские газеты»²⁷.

Филатов утверждал, что достигнуть такого же управления русской, а через нее и нейтральной печатью в нашу пользу при настоящем положении мы не сможем в силу того, что с начала войны на такую сознательную помощь со стороны печати не было обращено должного внимания. Однако он считал, что теперь возможно постепенно установить руководство нашей печатью для трех целей:

1) Для более широкого осведомления публики и для придания газетам авторитетности.

Для этого журналист предлагал давать им сведения о прошедших и, когда возможно, о текущих операциях с не подлежащими сокрытию фактическими, статистическими и прочими данными, например: ежемесячные схемы фронта, о выдающейся деятельности отдельных лиц командного состава (у нас проведена полная анонимность войны, а достаточно вспомнить, какую роль сыграл для подъема настроения хотя бы Кузьма Крючков, герой очень маленький), о деятельности отдельных войсковых частей и т. д. Причем эти сведения должны быть даваемы не в виде готовых статей, а лишь в виде материала; тогда во всех газетах будет появляться об одном и том же, но разное и лучше, живей написанное.

2) Для создания ложного представления у врага о предстоящих с нашей стороны операциях или о мерах нашей готовности для отражения его операций.

Для этого Филатов считал необходимым по временам сосредоточивать в печати внимание на избранных штабом Верховного главнокомандующего пунктах фронта, посылая оттуда корреспонденции. Давать преуменьшенные или преувеличенные статистические сведения о наших силах и средствах борьбы, а также о силах и средствах борьбы противника, чтобы повторением этих неверных сведений в разных газетах показать, что эти сведения получены из официального источника, и ввести тем врага в заблуждение относительно нашей осведомленности.

«Кроме извращенных статистических данных необходимо давать лживые описания той или другой деятельности армии или тыла, размеров и направлений перевозок войск (например, едет корреспондент по железной дороге и пишет: «движение все задерживается от массы войск, солдаты очень веселы, поют песни, играют на гармониках» и т. д., как будто это нечаянно проскочило, а уже нейтральные газеты схватят — и пойдет дальше)» — писал автор проекта²⁸.

3) Равным образом указанное инспирирование может понадобиться Верховному командованию для поднятия или успокоения настроения русского общества.

Далее, говоря об инспирации, Филатов отмечал, что ввиду того, что после 4—5 инспирированных в печати выступлений они могут быть поняты немцами, инспирации должны подлежать лишь важные операции и крупные вопросы боевой и тыловой жизни. Одним из серьезных способов заставить верить и считаться с истинностью инспирации явилось бы инспирирование в сторону предсказаний такого будущего, которое действительно и осуществится на деле. «От находчивости штаба Верховного главнокомандующего зависит умение перемешивать инспирацию этих двух видов и тем привлекать внимание противника ко всей печати вообще», — утверждал он.

Для организации такого инспирирования сотрудник «Русского слова» считал необходимым соблюдение следующих условий:

— должно быть намечено небольшое число (4—5) влиятельных как у нас, так и особенно на Западе русских газет

- («Новое время», «Биржевые ведомости», «Речь», «Русское слово», «Русские ведомости»);
- сношения должны вестись не с редакциями, а с избранным из состава каждой доверенным сотрудником, который и будет посвящен во всю суть дела, конечно, из лиц, понимающих все его чисто государственное значение;
 - посредником между собой и сотрудником Ставка должна назначить лицо, которое пользовалось бы полным доверием обеих сторон, причем следует иметь в виду одно важное условие: как показал опыт инспирирования в других областях, печать доверяет в этих случаях лишь лицам, хорошо известным ей по их литературной деятельности;
 - этот избранный Ставкой посредник должен проживать в Петрограде, наезжая временами в Москву, деятельно поддерживать связь с обоими пунктами и внимательно следить за запросами общества и печати;
 - весь сообщаемый ему из Ставки материал должен быть точно разделен на истинный и служащий для цели инспирации: истинный может быть сообщаем прямо редакциям, инспирируемый — исключительно избранным сотрудником.

«Разумеется, — писал автор проекта, — в отношении между посредником Ставки, редакциями и намеченными сотрудниками не должен входить элемент материальной заинтересованности²⁹.

При указании, о каком участке фронта надо усиленно писать, штаб должен учитывать возможность накапливания там врага, чтобы это в конце концов не оказалось бы опасным; пишущие в обсуждение этой стороны входить, конечно, уже не могут».

Для полного соблюдения тайны В. Филатов предлагал: все инспирируемые статьи и заметки должны направляться сотрудниками из штабов фронтов или армий через фельдегерей и разъездных жандармов в штаб Верховного главнокомандующего на имя указанного им лица и, по разрешению к печатанию, должны посылаться, каждый раз согласно просьбе, или прямо в редакцию, или обратно автору. Разрешение к печатанию (за сделанными красными чернилами исключениями или поправками) должно быть дано в совершенно

категорической форме: «Печатать разрешается. Штаба Верховного главнокомандующего полковник Генерального штаба NN, число, месяц, год».

Однако военные чиновники равнодушно отнеслись как к этому, так и к другим предложениям русских журналистов.

Русская военная цензура в 1914—1917 годах

В 1915 году политический обозреватель журнала «Пробуждение» В. Новоселов в статье «Печать и война» писал, что «целый год голос страны был заглушен, общественное мнение было придавлено, печать стеснена до последних пределов. Введение военной цензуры, охранявшей оглашение необходимых военных тайн, покорно приняли республиканская Франция и свободолюбивая Англия, учитывая это обстоятельство как необходимую жертву. Печать, сознательно принеся эту жертву, в силу стечения «чисто русских» обстоятельств внутренней политики, потребовала не жертв, а самозаклания — полного отречения от своих прав, полной безгласности, полного молчания по жгучим вопросам»³⁰.

У автора были все основания выступать против строгости русской военной цензуры. Готовя в 1912 году «Положение о военных корреспондентах в военное время», правительство разработало и закон, значительно расширявший представление о государственной измене и шпионаже, который был подписан 5 июля 1912 года.

До опубликования этого закона свобода печатного слова в области военного и морского дела регулировалась главой IV Уголовного уложения 1903 года «О государственной измене» и пунктами 3 и 5 ст. 1034⁴ Уложения о наказаниях, где указывалось, что «распространение посредством печати заведомо ложных о деятельности правительственного установления или должностного лица, войска или воинской части сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение» и «распространение посредством печати сведений о передвижении войск или морских сил или о средствах обороны, заведомо вопреки состоявшемуся в установленном порядке воспрещению об их оглашении» — то и другое наказывалось заключением в тюрьму на время

от 2 до 8 месяцев, или арестом на срок не свыше 3 месяцев, или денежным взысканием не свыше 300 рублей.

Сама армия была защищена ст. 1034⁵ Уложения, гласившей: «Виновный в оскорблении в печати войска или воинской части наказывается заключением в тюрьму на время от 2 месяцев до 1 года и 4 месяцев», и ст. 281¹ того же узаконения: «Виновный в публичном разглашении или распространении: заведомо ложных о деятельности правительственного установления или должностного лица, войска или воинской части сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение, подвергается заключению в тюрьму на время от 2 до 8 месяцев, или аресту не свыше 3 месяцев, или денежному взысканию не свыше 300 рублей. Если последствием такого разглашения или распространения было народное волнение, или противодействие власти, или нарушение порядка в воинской части, то виновный подвергается заключению в тюрьму на время от 2 месяцев до 1 года и 4 месяцев».

Глава «О государственной измене» содержала в себе двенадцать статей (108—119), из которых одни предвидели преступления, возможные в мирное время, другие — в военное.

Статьи первой категории вменяли в вину:

- «побуждение иностранного правителя к военным или иным враждебным действиям против России, или к прекращению военного с ней союза, или к уклонению от заключения такого союза» (ст. 110);
- «обещание, прежде объявления войны, иностранному правительству за себя или за других содействовать его военным против России действиям» (ст. 110);
- «опубликование или сообщение правительству или агенту иностранного государства, не находящегося в войне с Россией, плана, рисунка, документа, копии с оных или сведения, которые заведомо должны были, в видах внешней безопасности России, храниться втайне от иностранного государства» (ст. 111);
- «снятие без надлежащего разрешения плана или составление рисунка или описания российского укрепленного места или установленных района или эспланады оного, военного судна или иного военного сооружения, предназначенного для защиты страны» (ст. 112);

- «проникновение без надлежащего разрешения, скрыв свое звание, имя, подданство или национальность или посредством иных уловок, в российское укрепленное место, военное судно или иное военное сооружение, предназначенное для защиты страны» (ст. 113);
- «заготовление средств нападения или защиты от неприятеля заведомо негодных для употребления» (ст. 114);
- «поставка предметов довольствия для действующей армии или ее госпиталей, или для действующего флота или его госпиталей заведомо вредных для здоровья или заведомо негодных для употребления предметов довольствия» (ст. 115);
- «действия уполномоченного России, направленные к заключению договора с иностранным правительством заведомо во вред России, или дипломатические переговоры его с иностранным правительством, клонящиеся заведомо ко вреду России» (ст. 116);
- «повреждение, сокрытие, захват или подлог документа, служащего заведомо доказательством права России по отношению к иностранному государству» (ст. 117);
- «повреждение или перемещение пограничного знака или иное искажение линии Государственной границы с целью предания иностранному государству части России» (ст. 117).
Статьи второй категории вменяли в вину:
- «способствование или благоприятствование неприятелю в его военных или иных враждебных против России действиях» (ст. 108), и
- «вступление в войско заведомо неприятельское или невыбытие из оногo» (ст. 109).

Таким образом, в печати, в лекциях и публичных речах возможны были нарушения лишь ст. 110, 111 и 108. М. Лемке в своем исследовании утверждает, что ни одна из этих трех статей печатным или публичным словом нарушена в России не была³¹.

Новый закон, утвержденный 5 июля 1912 года, внес серьезные изменения в прежний Закон о государственной измене путем шпионства. Перемены прежде всего коснулись ст. 111 Уголовного уложения: «Способствование правительству или агенту иностранного государства в собирании сведений или предметов, касающихся внешней безопасности России, или вооруженных ее сил, или сооружений, предназначенных для во-

енной обороны страны», при этом покушение также наказуемо. Было введено новое понятие преступного деяния:

«Опубликование, сообщение или передача другому лицу, в интересах иностранного государства, без надлежащего уполномочия:

- долженствовавших сохраняться в тайне сведений или предметов, касающихся внешней безопасности России, или вооруженных ее сил, или сооружений, предназначенных для военной обороны страны;
- плана, чертежа, рисунка либо иного изображения или описания российского укрепленного места, установленных района либо эспланады оного, военного судна либо иного сооружения, предназначенного для военной обороны страны, или документа, касающегося мобилизации и вообще распоряжений на случай войны» (ст. 111¹).

Министру внутренних дел ст. 1, отд. II было предоставлено «воспрещать на определенный срок сообщение в печати сведений, касающихся внешней безопасности России, или вооруженных сил ее, или сооружений, предназначенных для военной обороны страны». 28 января 1914 года был опубликован «Перечень сведений по военной и военно-морской частям, оглашение коих в печати воспрещалось», представленный министром внутренних дел, с указанием, что срок действия перечня определяется на год, т. е. до 28 января 1915 года³².

В этом перечне запрещалось публиковать сведения:

1. О предполагаемых и вводимых изменениях в вооружении армии и флота.
2. О формировании новых воинских частей и учреждений армии и флота и об изменении в численном составе существующих.
3. О вооружении строящихся и намеченных к постройке боевых судов флота.
4. О ремонтных работах на судах флота, временно нарушающих их боевую готовность.
5. О количестве боевых припасов и иных запасов для надобностей военного времени в войсках, укрепленных пунктах, портах и на военных судах.
6. О современном боевом состоянии и значении для военного времени крепостей, укреплений, военных портов и опорных пунктов (баз), о производимых в них работах по усилению их

боевой готовности, а равно о предположениях по созданию новых и расширению или упразднению существующих укреплённых или опорных пунктов.

7. О боевом маневрировании и производстве стрельбы во флоте.

8. О ходе и результатах поверочных и опытных мобилизаций в армии и на флоте.

9. О ходе маневров и подвижных сборов в пограничных губерниях и областях.

10. О прекращении увольнения воинских чинов в отпуск и о вызове к своим частям находящихся в отпуске и в запасе, о задержке увольнения воинских чинов в запас, о передвижении войск к границам и о фрахтовке или стягивании коммерческих судов к портам.

Действие перечня от 28 января 1914 года не распространялось на те сведения, которые опубликованы или впредь будут опубликованы правительствующим Сенатом, или военным и морским ведомствами, или же разрешены будут к опубликованию названными ведомствами.

Однако считалось, что этот перечень не обеспечивает полного соблюдения военной тайны, и накануне войны, 12 июля 1914 года, был опубликован новый, значительно дополненный «Перечень сведений по военной и военно-морской частям, оглашение коих в период войны запрещается»³³. В отличие от первого, в нем было запрещено обсуждение в печати «провозоспособности и технического состояния железных дорог» (п. 7), «о предположениях по поводу военных действий армии и флота» (п. 15), «о всякого рода заготовках и складах для нужд военного и морского ведомств как в России, так и за границей» (п. 16), а также был ряд других дополнений. Это видно из текста второго перечня, публикуемого ниже, где цифры в скобках показывают соответствие содержанию пунктам первого:

1. Об устройстве, составе и численности всякого рода воинских частей и учреждений военного и морского ведомств, а равно о местах расположения и о передвижении сих частей и учреждений и об изменениях в их устройстве, составе и численности.

2 (3,5). О вооружении, снаряжении, обмундировании, довольствии, санитарном состоянии, боевых качествах и вся-

кого рода техническом оборудовании армии и флота или их отдельных частей, а равно и о всех предполагаемых и вводимых изменениях по этим предметам.

3 (1, 2, 6). О современном состоянии, вооружении, снаряжении, снабжении всякого рода запасами и значении для военного времени крепостей, укреплений, опорных пунктов (баз) и военных портов, а также о проектировании и сооружении новых и расширении или упразднении существующих, о численности и составе их гарнизонов.

4. О местах расположения и о передвижении отрядов и учреждений добровольной санитарной помощи.

5 (4). О производстве всякого рода работ в крепостях, укреплениях, опорных пунктах (базах), военных портах, на судах флота и по подготовке позиций, а также на заводах по изготовлению заказов военного и морского ведомств для надобностей военного времени.

6 (8). Сведения, указывающие на подготовку к мобилизации воинских частей и учреждений военного и морского ведомств, о приведении их на положение военного времени, о производстве поверочных и опытных мобилизаций, а также о всякого рода распоряжениях различных ведомств, касающихся мобилизации и сосредоточения армии и флота.

7. О сооружении провозоспособности и техническом состоянии железных дорог, о работах на них с целью развития провозоспособности, а также о деятельности их по перевозке войск и военных грузов; о строящихся и предположенных к постройке новых железных дорогах в пограничных губерниях и областях.

8. О состоянии существующих и о сооружении новых грунтовых, шоссежных и водяных путей в пограничных губерниях и областях и о работах, производящихся на этих путях.

9. О техническом состоянии, числе, протяжении и направлении существующих и об открытии новых телеграфных и телефонных линий и учреждений как правительственных и земских, так и частных, в пограничных губерниях и областях, а равно о станциях беспроволочного телеграфа во всей империи.

10 (10). О прекращении увольнения воинских чинов в отпуск и о вызове к своим частям находящихся в командировке, в отпуске и в запасе; о задержке увольнения воинских чинов в запас; о поездках начальников отдельных частей и высших начальствующих лиц.

11. О неопубликованных высочайших приказах по военному и морскому ведомствам.

12 (7). О боевом маневрировании и производстве стрельбы во флоте.

13 (9). О маневрах и подвижных сборах в пограничных губерниях и областях.

14. О военных и военно-морских мероприятиях России за границей.

15. О предположениях по поводу военных действий армии и флота.

16. О всякого рода заготовках и складах для нужд военного и морского ведомств как в России, так и за границей.

17. О поимке шпионов, о суде над ними и о приведении в исполнение приговоров.

18. Фотографические снимки, эстампы, рисунки и т. п. изображения, могущие дать сведения, не подлежащие распространению на основании сего перечня.

Действие этого перечня не распространяется на те сведения, которые опубликованы или впредь будут опубликованы правительствующим Сенатом, либо военным и морским ведомствами, или же разрешены будут к опубликованию названными ведомствами.

Эти два перечня касались только печати. Однако 20 июля 1914 года указ правительствующему Сенату³⁴, в котором министру внутренних дел было предоставлено «воспрепятствовать, по объявлении мобилизации и во время войны, сообщение в речах и докладах, произносимых в публичных собраниях, сведений, касающихся внешней безопасности России, или вооруженных ее сил, или сооружений, предназначенных для военной обороны страны».

Тогда же Совет Министров положил представить на высочайшее утверждение второй перечень, сделав его обязательным уже и для речей и докладов в публичных собраниях. Высочайшее утверждение последовало в тот же день, и таким образом создан третий по порядку перечень, буквально повторивший все содержание второго³⁵. Он не удовлетворял министра внутренних дел Н. Маклакова, и 26 июля 1914 года был опубликован четвертый более полный перечень запрещенных сведений.

Он был напечатан 26 июля 1914 года в № 203 Собрания узаконений и распоряжений правительства, издаваемом при

правительствующем Сенате, и им теперь следовало руководствоваться военной цензуре. Перечень не являлся секретным. Он в 1914 году вошел в сборник «Цензура и шпионство по законам военного времени»³⁶, изданный частным издательством в числе других законодательных актов, регламентирующих деятельность печати, журналистов и раскрывающих ответственность лиц, нарушивших законы о военной тайне в период войны.

В отличие от перечней, опубликованных в № 170 и 191 Собрания узаконений и распоряжений правительства 12 и 20 июля 1914 года, последний перечень запрещенных сведений имел уже не восемнадцать, а двадцать пять пунктов. Он дополнился запрещениями на публикацию сведений о личном и командном составе войсковых частей и учреждений военного и морского ведомств, о боевой готовности армии и флота, о порядке укомплектования во время войны частей и учреждений, о стратегических и тактических свойствах местности театра войны, о потерях в личном и материальном составе армии и флота, о фамилиях выбывших из строя, о волнениях среди жителей занятых нашими войсками областей, о железнодорожных, пароходных и других катастрофах, а также об эпидемиях на театре военных действий, о взрывах и пожарах в частях и учреждениях сухопутных и морских сил (см. приложение 6).

Следует заметить, что все три перечня исходили от МВД и были подписаны его главой Н. Маклаковым. Видимо, в течение этих двух недель мнение о перечне запрещенных сведений менялось и список их увеличивался. 14 ноября 1914 года Собрание узаконений и распоряжений правительства сообщило о его дополнении еще одним пунктом, который запрещал сообщать: «О предположениях, постановлениях и мероприятиях по Совету Министров как связанных с чрезвычайными расходами на потребности военного времени, так равно вызываемых военными обстоятельствами»³⁷.

Четвертый перечень запрещенных сведений действовал до 25 июля 1915 года — пока не истек его годичный срок. Поэтому 31 июля 1915 года был опубликован новый, пятый перечень, внесенный в Совет Министров министром внутренних дел Щербатовым и прошедший помимо верховной власти³⁸. Его пункты 1—5, 8, 9, 10, 14, 17—23, 26 и 29 были

буквальным повторением пунктов 1—5, 7, 8, 9, 13, 14—20, 23 и 25 четвертого перечня; п. 30 соответствовал дополнению от 14 ноября.

В новой редакции были изложены пункты 6, 11—13, 24, 25 и 27. Теперь о запрещенных сведениях в них говорилось:

6. О производстве всякого рода работ в крепостях, укреплениях, морских базах, военных портах, на судах флота, на заводах по изготовлению заказов военного и морского ведомств; о производящихся, в связи с военными надобностями, работах по оборудованию коммерческих портов и частных заводов, с указанием мест нахождения этих заводов, и о подготовке позиций.

11. О сооружениях, подвижном составе, провозоспособности и техническом состоянии железных дорог, о работах на них, производящихся с целью развития пропускной способности, а также о деятельности их по перевозке войск и военных грузов; о постройке новых железных дорог; о нарушении и перерыве нормального железнодорожного движения.

12. О состоянии существующих и о сооружении новых грунтовых, шоссейных и водяных путей на театре военных действий и путей, служащих военными дорогами, и о работах, производящихся на них.

13. О техническом состоянии разного рода телеграфных и телефонных линий и учреждений на театре военных действий, о числе, протяжении и направлении упомянутых линий, как военных и морских, так и правительственных, земских и частных, о станциях беспроволочного телеграфа во всей империи; о проведении новых телеграфных и телефонных линий на театре военных действий и о прокладке новых телеграфных кабелей.

24. О заготовлениях для нужд военного и морского ведомств как в России, так и за границей; о заготовлениях топлива и сырых материалов для заводов, выполняющих заказы военного и морского ведомств, а также о заготовлениях, делаемых Россией для отправления союзным государствам.

25. О потерях в личном и материальном составе армии и флота, о фамилиях выбывших из строя, с указанием номера части или названия корабля и места боевых действий, а также о числе заготовленных и свободных для эвакуируемых мест в разных пунктах.

27. О приостановке работ на казенных и частных предприятиях, о всякого рода нарушениях обычного течения жизни в местностях, объявленных состоящими на положении чрезвычайной охраны или на военном положении, о железнодорожных, пароходных и других катастрофах, а равно об эпидемиях на театре военных действий, о взрывах и пожарах в частях и учреждениях, указанных в п. 1.

Новыми в пятом перечне были пункты 7, 15, 16 и 28, которые запрещали публиковать сообщения:

7. О движении коммерческих судов, как русских, так и иностранных, уходящих, прибывающих или направляющихся в русские порты или порты союзных с Россией государств и о передвижении доставляемых в Россию военных грузов, а также о количестве и составе этих грузов.

15. О результатах бомбардировки территории империи неприятельскими армией, флотом или путем нападения с воздуха.

16. О потерпевших крушение у наших берегов военных и коммерческих судах неприятеля и о работах по их спасению.

28. О деятельности предприятий, работающих для нужд государственной обороны.

В примечаниях к перечню отмечалось, что действия его распространяются на однородные сведения, касающиеся внешней безопасности союзных России государств и их военно-морской и сухопутной обороны. Действие перечня не распространялось на те сведения, которые могли быть опубликованы или впредь будут опубликованы правительствующим Сенатом, либо военным и морским ведомствами, либо канцелярией Совета Министров, или же будут разрешены к опубликованию названными ведомствами и канцелярией.

Кроме указа Сенату 20 июля 1914 года Николай II утвердил «Временное положение о военной цензуре». В нем предоставлялось право министру внутренних дел воспрещать по объявлении мобилизации во время войны сообщать сведения, касающиеся внешней безопасности России или ее вооруженных сил, а также сооружений, предназначенных для военной обороны страны. Виновные в разглашении этих сведений подвергались заключению в тюрьму от 2 до 8 месяцев. Этому же наказанию подвергались виновные «в возбуждении» к прекращению войны. Также главнокомандующему

или командующему отдельной армией разрешалось, в случае необходимости для успеха ведения войны, воспрещать собственной властью в подчиненной им местности выпуск периодических изданий, а также передачу почтовых отправок и телеграмм.

«Временное положение о военной цензуре» состояло из девяти глав.

В двенадцати статьях первой главы излагались общие положения о военной цензуре, и прежде всего объяснялось, что она есть мера исключительная и имеет назначение не допускать по объявлению мобилизации армии, а также во время войны оглашения и распространения сведений, могущих повредить военным интересам государства.

Определялось, что рассмотрению военной цензуры подлежат: всякого рода произведения тиснения, эстампы, рисунки, фотографические снимки и т. п., предназначенные к выпуску в свет; почтовые отправления и телеграммы; тексты и конспекты речей и докладов, предназначенных к произнесению в публичных собраниях.

Действию военной цензуры не подлежали: все правительственные издания; издания академий, университетов и других высших правительственных учебных заведений; издания на древних классических языках и переводы с этих языков; издания, подлежащие, согласно действующим указаниям о печати, предварительной цензуре, за исключением изданий, получаемых из-за границы, которые контролировались почтовой цензурой; почтовые отправления и телеграммы, как посылаемые, так и получаемые:

- особами императорской фамилии;
- главнокомандующими или командующими отдельными армиями;
- всеми правительственными учреждениями и должностными лицами, за присвоенной этим учреждениям и лицам печатью;
- дипломатическими и консульскими представителями иностранных государств; публичные речи и доклады, произносимые во исполнение долга службы или обязанностей звания.

Военная цензура устанавливалась в полном объеме или частичная. Военная цензура в полном объеме заключалась: в предварительном просмотре произведений тиснения, эстампов,

рисунков, фотографических снимков и т. п., предназначенных к выпуску в свет, а также текстов или подробных конспектов речей и докладов, подлежащих произнесению в публичных собраниях; и в просмотре и выемке как внутренних, так и международных почтовых отправлений и телеграмм, без соблюдения правил, установленных для этого в ст. 368¹ устава Уголовного судопроизводства.

Частичная военная цензура заключалась в просмотре и выемке международных почтовых отправлений и телеграмм, а также в просмотре и выемке в отдельных случаях, по распоряжению главных начальников военных округов, внутренних почтовых отправлений и телеграмм, без соблюдения правил, установленных для этого в ст. 368¹ устава Уголовного судопроизводства.

Военная цензура в полном объеме могла быть введена лишь на театре военных действий. В прочих местностях могла быть введена только частичная военная цензура.

Объявлялось, что военная цензура вводилась по объявлении мобилизации или с открытием военных действий императором, по совместному представлению военного и морского министров. Во время войны принятие «сей меры» предоставлялось власти главнокомандующего или командующего отдельной армией в пределах подчиненных им местностей. При этом и в утвержденном высочайшей властью положении, и в распоряжении главнокомандующего или командующего отдельной армией о введении военной цензуры должны были в точности определяться местности, на которые распространяются ее действия в полном объеме. Также указывалось, что действие военной цензуры прекращается с приведением армии в мирное положение или с окончанием войны в том же порядке, в каком она была установлена.

Военному министру, по соглашению с министрами внутренних дел и морским, предоставлялось издавать подробные правила по применению «Временного положения о военной цензуре». На театре военных действий такое же право предоставлялось главнокомандующему или командующему отдельной армией в отношении подчиненных ему местностей.

Вторая глава определяла организацию учреждений военной цензуры. В местностях, не входящих в театр военных действий, учреждения военной цензуры составляли:

- главная военно-цензурная комиссия;
- местные военно-цензурные комиссии;
- военные цензоры.

На театре военных действий делами военной цензуры ведали: штабы главнокомандующих, армий, флота и военных округов театра военных действий, по указаниям главнокомандующих или командующих отдельными армиями, по принадлежности.

Главная военно-цензурная комиссия находилась при Главном управлении Генерального штаба. Она состояла из председателя, членов — по одному от министерств военного, морского, юстиции и иностранных дел и трех от Министерства внутренних дел (Главного управления по делам печати, Главного управления почт и телеграфов и департамента полиции) — и секретаря. Сверх того, в необходимых случаях председателю комиссии предоставляется право приглашать на заседания комиссии представителей других ведомств.

Председатель главной военно-цензурной комиссии и член от Военного министерства назначались военным министром по представлению начальника Генерального штаба. Другие члены комиссии назначались главами ведомств, в которых они служили. Секретарь комиссии назначался начальником Генерального штаба по представлению председателя комиссии. Председатель и член от Военного министерства подчинялись начальнику Генерального штаба.

Местные военно-цензурные комиссии учреждались при военно-окружных штабах в составе: председателя, членов — по одному от ведомств военного и морского (в случае необходимости) и трех от ведомства внутренних дел (от местных учреждений, наблюдающих за печатью, от почтово-телеграфного ведомства и местной гражданской администрации) и секретаря. Также, при необходимости, председателю комиссии предоставлялось право приглашать на заседание комиссии представителей других ведомств, кроме судебного.

Естественно, что председатель местной военно-цензурной комиссии и член ее от военного ведомства назначался главным начальником военного округа по его выбору. Другие члены комиссии назначались главным начальником ведомства, которое они представляли. Секретарь комиссии

назначался главным начальником военного округа по представлению ее председателя.

Обязанности военных цензоров возлагались на местных должностных лиц, наблюдающих за печатью, и на чинов местных почтово-телеграфных учреждений, по соглашению военного начальства с Главным управлением по делам печати и начальником почтово-телеграфного округа. Кроме того, в необходимых случаях распоряжением главного начальника военного округа для выполнения обязанностей военных цензоров при почтово-телеграфных учреждениях назначались также офицеры действительной службы; исполнение тех же обязанностей по наблюдению за печатью возлагалось на чинов военного и других ведомств, кроме судебного.

Министру внутренних дел предоставлялось право: командовать, где это оказывалось необходимым, для надобностей военной цензуры, в составе комитетов по делам печати и для исполнения обязанностей инспекторов по делам печати, должностных лиц, занимающих штатные должности или состоящих по ведомству Главного управления по делам печати, а также приглашать должностных лиц других ведомств по соглашению с их начальниками, но кроме лиц судебного ведомства; в тех учреждениях почтово-телеграфного ведомства, где это окажется необходимым, добавлять, с той же целью, в действующий в этих учреждениях штат почтово-телеграфных чиновников 1-го разряда; и назначать указанным должностным лицам (п. 1 и 2) особое за их труды вознаграждение в предусмотренном порядке.

Военные цензоры и лица, исполняющие их обязанности, оставаясь в общем порядке службы в подчинении своему непосредственному начальству, в отношении исполнения обязанностей по военной цензуре руководствуются указаниями местной военно-цензурной комиссии.

Лица, исполняющие обязанности военных цензоров, получали, сверх содержания по занимаемой ими штатной должности, суточные деньги в размере, устанавливаемом главным начальником военного округа, не свыше 3 рублей в сутки.

Председатели военно-цензурных комиссий, главной и местных, а также и военные цензоры, в случае невозможности совмещения этих должностей с занимаемыми ими штатными

должностями, отчислялись от последних и получали содержание в размере окладов, присвоенных последним занимаемым ими должностям. Освобождаемые в таких случаях должности (в военном ведомстве административные) не замещались до окончания действия военной цензуры, а лица, их исправляющие, считались выполняющими эти должности и получали содержание по этим должностям как вакантным.

Третья глава временного положения определяла обязанности учреждений военной цензуры. На Главную военно-цензурную комиссию возлагались: разработка проектов об изменении и дополнении подробных правил по применению Временного положения о военной цензуре; разъяснение вопросов, возникающих при применении постановлений о военной цензуре; наблюдение за деятельностью постановлений о военной цензуре.

На местные военно-цензурные комиссии возлагалось: представление, в необходимых случаях, на разрешение в Главную военно-цензурную комиссию вопросов по применению постановлений о военной цензуре; разъяснение военным цензорам вопросов, возникающих при применении постановлений о военной цензуре; представление главному начальнику военного округа предложений об учреждении должностей военных цензоров; наблюдение за деятельностью подведомственных им должностных лиц и рассмотрение жалоб на их действия.

Обязанности военных цензоров были изложены в следующих трех главах положения. Прежде всего, в четвертой главе определялся порядок цензуры произведений печати на театре военных действий. Ее первая статья гласила, что военным цензорам вменялось в обязанность не допускать к опубликованию путем печати всякого рода сведений, даже если они были и не предусмотрены подробными правилами, издаваемыми военным министром по применению настоящего временного положения, но которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства. Таким образом, эта статья значительно расширяла права военного цензора и давала ему возможность запретить до разрешения в высшей инстанции любую корреспонденцию, если он посчитает, что в ней разглашается военная тайна.

Редакторы периодических изданий обязаны были представлять цензору набранные номера изданий в гранках в следующие сроки: для ежедневных утренних изданий — не позже чем за 5 часов до выпуска его в свет; для ежедневного вечернего издания — не позже чем за 2 часа до выпуска его в свет. Представляемые в военную цензуру книги, рукописи, рисунки и т. п. произведения печати должны были рассматриваться военными цензорами без всякого отлагательства. Рассмотрение периодических изданий должно было заканчиваться: ежедневных — не позже чем за 3 часа до выпуска в свет номера утреннего издания; еженедельных изданий — не позже суток со времени представления набранного пробного номера или рукописи цензору; ежемесячных изданий — не позже трех суток со времени представления рукописи.

На просмотр должны были представляться и намеченные к печати вырезки из периодических изданий, выходящих в регионах, где не была введена военная цензура в полном объеме.

Набор периодических изданий типографиями разрешался лишь по предъявлении редакторам разрешения на предварительный набор и печатание за подписью местного военного цензора. Набор и печатание брошюр, книг и других непериодических изданий разрешался типографиям лишь по рукописям, уже просмотренным местным военным цензором, с точным исключением всех недозволенных мест, и снабженным разрешительной надписью, помещенной на обороте заглавного листа. Рукопись скреплялась по листам рукою цензора и выдавалась представителям типографий под расписку.

Также устанавливалось, что издания, вышедшие в свет вне театра военных действий, допускались к обращению лишь с разрешения местного военного цензора. Если в этих изданиях содержались сведения, разглашение которых военным цензором признавалось опасным для военных интересов государства, содержащие такого рода сведения, статьи и рисунки вырезались или заштемпелевывались.

Глава пятая временного положения определяла взаимоотношения военного цензора и типографий, литографий, металлографий, а также заведений, производящих и продающих принадлежности тиснения (имелись в виду типографские шрифты, краски и т. п.), и книжной торговли на театре

военных действий (ТВД). Органы военной цензуры обязаны были осуществлять надзор за ними. Так, открытие предприятий печати разрешалось штабами армий и военных округов. Типографиям и другим заведениям для тиснения воспрещалось печатать всякого рода произведения в неразрешенном военным цензором виде. «Содержатель заведения для тиснения или управляющий оным обязан представлять, сверх указанных в действующих узаконениях о печати экземпляров, отпечатанных в этом заведении изданий, еще два экземпляра местному военно-цензурному установлению»³⁹.

«Заведения для тиснения» могли выпускать в свет отпечатанные в них произведения лишь после того, как представленные им военному цензору отпечатанные экземпляры будут последним сличены и найдены «тождественными с разрешенным военной цензурой и напечатанию подлинником»⁴⁰.

Глава шестая устанавливала военную цензуру почтовых отправок и телеграмм. В ней предусматривался просмотр получаемых по почте из-за границы периодических изданий, бандерольных отправок с печатными произведениями, книг и вообще всякой печатной продукции. Осуществлять этот контроль должна была иностранная и почтовая цензура.

О военной цензуре речей и докладов на театре военных действий говорилось в шестой главе положения. Их тексты или подробные конспекты должны были представляться в военно-цензурные учреждения не позже чем за двое суток до назначенного для собрания дня. О разрешении или воспрещении указанных текстов или подробных конспектов речей или докладов устроители собрания возвещались за сутки. В случае уклонения оратора или лектора от разрешенного цензурой конспекта речи или доклада собрание немедленно закрывалось присутствующим на собрании чином полиции.

Глава восьмая временного положения сообщала об ответственности за нарушение постановлений о военной цензуре. Так, виновные в сообщении в публичной речи или докладе сведений, не разрешенных цензурой, подвергались штрафу в размере от 100 до 2000 рублей или заключению в тюрьму на время от одного до шести месяцев. А за публикацию в газете или журнале сведений или изображений вопреки запрещению военной цензуры виновные подвергались денежному взысканию

от 500 до 10 000 рублей или заключению в тюрьму на время от двух месяцев до одного года. Сверх того, при повторении указанного действия издание печатного периодического органа могло быть приостановлено на все время действия военной цензуры. Если же в периодическом издании были помещены сведения или изображения не вопреки запрещению военной цензуры, а только без ее разрешения, т. е. они не рассматривались цензурой, то виновные подвергались денежному взысканию только лишь в размере от 100 до 2000 рублей. Но в том случае, если разглашенные сведения касались внешней безопасности России, ее вооруженных сил или сооружений, предназначенных для военной обороны страны, то виновные подвергались штрафу от 500 до 10 000 рублей или тюремному заключению от двух месяцев до одного года. А при повторении этого действия выпуск периодического издания мог быть приостановлен на время действия военной цензуры. Несколько легче были наказания за такие же несогласованные с военной цензурой публикации в книге, брошюре и других неперіодических изданиях. Там для виновных самый высокий штраф был до 2000 рублей, а заключение в тюрьму — от одного до шести месяцев.

Ответственность за содержание публикуемых в периодических изданиях сведений и изображений прежде всего нес редактор, и он считался главным виновником, если требования военной цензуры были его газетой или журналом нарушены. Ответственными лицами за содержание помещенных в неперіодических изданиях сведений и изображений могли быть: автор, издатель, типографщик (литографщик, металлографщик и т. п.) и книгопродавец. Автор считался во всех случаях виновным, если он не мог доказать, что публикация его сочинения произведена без его ведома и согласия; издатель — в том случае, если имя и место жительства автора неизвестны или этот последний находится за границей; типографщик (литографщик, металлографщик и т. п.) — когда ни автор, ни издатель неизвестны, или когда местопребывание их не открыто, или когда они находились за границей; книгопродавец — в том случае, если на продаваемом экземпляре сочинения не выставлено имени и места жительства типографщика (металлографщика, литографщика и т. п.).

Подвергались штрафу от 100 до 2000 рублей и те лица, кто без разрешения военной цензуры распространял на ТВД газеты и журналы, вышедшие в других местностях. В случае же, если в таких изданиях содержались сведения, касающиеся внешней безопасности России, ее вооруженных сил или сооружений, предназначенных для обороны страны, виновные подвергались штрафу от 500 до 10 000 рублей или тюремному заключению от двух месяцев до одного года. Виновные в распространении на ТВД непериодических изданий, вышедших в других местностях, при тех же нарушениях, подвергались денежному взысканию от 25 до 2000 рублей и тюремному заключению от одного до шести месяцев.

Содержатель типографии, литографии, металлографии и т. п. заведения или управляющий оным, виновный в отпечатании произведения, не снабженного разрешительной надписью военной цензуры или в измененном против разрешенного военной цензурой изложении, подвергается, если не подлежит по закону более строгой ответственности, денежному взысканию от 25 до 300 рублей или заключению в тюрьму на время от двух недель до трех месяцев.

Дела о нарушении военной цензуры возбуждались штабами армий, флота или военных округов, а также учреждениями и должностными лицами по принадлежности. Когда в выпущенных в свет изданиях обнаруживались нарушения, то на них по распоряжению указанных штабов мог налагаться арест.

Арест заключался в конфискации предназначенных к распространению вышедших в свет изданий, кроме тех экземпляров, которые перешли уже во владение третьих лиц для собственного их употребления. При этом налагался арест также на стереотипы и другие принадлежности тиснения, заготовленные для напечатания арестованного экземпляра, если бы содержатель заведения или управляющий им пожелали сохранить их до истечения срока действия военной цензуры.

Последняя, девятая глава положения называлась «Об обжаловании действий, распоряжений и постановлений военно-цензурных установлений и об исполнении сих постановлений»⁴¹. В ней устанавливалось, что жалобы на действия и распоряжения органов военной цензуры подаются в 3-дневный срок со дня объявления о последовавшем действии и распоряжении:

- на театре военных действий — командующим армиями и главным начальникам военных округов; решения командующих армиями и главных начальников военных округов могут быть обжалованы главнокомандующему;
- вне театра военных действий — местным военно-цензурным комиссиям, а на последние — Главной военно-цензурной комиссии.

Решения главнокомандующих, а также утвержденные военным министром решения Главной военно-цензурной комиссии считались окончательными.

Жалобы на постановления командующих армиями и главных начальников военных округов о наложении взысканий за нарушение правил военной цензуры также должны были подаваться в 3-дневный срок со дня объявления обжалуемого постановления главнокомандующему, решение которого считалось окончательным.

Во всех случаях подача жалобы не приостанавливала исполнения распоряжений и постановлений военно-цензурных учреждений, командующих армиями и главных начальников военных округов.

Характерно, что военные сами не должны были приводить в исполнение постановления о наложении взысканий за нарушение правил военной цензуры — этим заниматься была обязана полиция.

Временное положение о военной цензуре устанавливало также штаты главной военно-цензурной комиссии и местной военно-цензурной комиссии (см. приложения 4 и 5).

Статья II высочайшего указа правительствующему Сенату от 20 июля 1914 года, который вводил в действие Временное положение о военной цензуре, гласила: «Министру внутренних дел предоставляется, с соблюдением порядка, определенного в учреждении Совета Министров, воспрещать на определенный срок сообщение в печати сведений, касающихся внешней безопасности России или вооруженных сил ее, или сооружений, предназначенных для военной обороны страны»⁴².

Применение на практике утвержденного 20 июля 1914 года «Временного положения о военной цензуре» выяснило ряд недостатков в организации цензуры. Во-первых, несовершенство ее обуславливалось несогласованностью действий военных и гражданских цензоров. Во-вторых, существенным

различием отношения цензуры к печати в тех местностях, где она была введена в полном объеме, — на театре военных действий, и частичной — вне театра военных действий. В-третьих, вследствие введения во временное положение ст. 31. Она отступала от свойственного временному положению узко военного характера и давала возможность включать в сферу цензурного рассмотрения вопросы, к войне не относящиеся, как, например, проблемы внутренней политики, не создавала для определенного толкования неоспоримые основания в силу расплывчатой ее формулировки.

Известный уже нам политический обозреватель В. Новоселов писал: «Цензурная вакханалия дошла вскоре же до того, что презрела всякий здравый смысл и обратилась в сплошной произвол. Один цензор из одного органа делал «выемку», не допуская к печати «крамольный материал»; другой в другом органе беспрепятственно пропускал отреченное первым. В столицах одному органу разрешалось печатать то, что не разрешалось другому. В провинции цензура вычеркивала разрешенное столичными цензорами, а администрация налагала штрафы на подцензурные издания. Не было такого вопроса дня, даже касавшегося прямо военных событий, который мог быть использован свободно целиком в печати. Журналы и газеты выходили усеянные пробелами. Редакции вынуждены были заявлять, что такая-то статья по независящим обстоятельствам не может появиться в номере или что не могла появиться своевременно и появляется задним числом, когда уже острый момент ее злободневной темы был упущен...»⁴³

11 июля 1915 года министр внутренних дел князь Щербатов писал начальнику штаба Верховного главнокомандующего: «Установление законом двоякого рода военной цензуры, полной и частичной, привело на практике к тому, что московские и провинциальные газеты свободно трактуют о том, что строжайше запрещено для изданий петроградских и выходящих в местностях, объявленных состоящими на театре военных действий. Так, статьи об автономии Польши и Армении и о необходимости полного еврейского равноправия, изъятые военной цензурой из обсуждения петроградской прессы, свободно печатаются московскими периодическими изданиями. Содержание секретной записки глав-

ноуправляющего земледелием и землеустройством о земельном фонде, об изъятии которой из газетного обсуждения сделано было в Петрограде специальное распоряжение, опубликовано в выходящих в Москве «Русских ведомостях». Такое положение дела вызывает естественное неудовольствие публики и нарекания и нападки на военную цензуру со стороны прессы. Но, не касаясь даже разницы положений, в которые поставлены периодические издания, выходящие в тех местностях, где введена полная военная цензура, и в тех, где цензура только частичная, нарекания в печати и в публике вызывают и действия военно-цензурных установлений тех местностей, где введена полная военная цензура.

Ст. 31 Временного положения о военной цензуре вменяет цензору в обязанность не допускать к опубликованию всего того, что, по мнению цензора, может оказаться вредным для военных интересов государства. Это требование закона естественно вызывает необходимость осуществления военной цензуры лицами, достаточно к тому подготовленными и опытными. Между тем во многих местностях состав военных цензоров чрезвычайно разнообразный и состоящий из офицеров преимущественно отставных, преподавателей учебных заведений и чиновников гражданского ведомства, призванных из запаса, приводит к тому, что весьма часто в одном и том же городе и в составе одной и той же военно-цензурной комиссии один цензор запрещает то, что разрешается другим. За недостатком подходящих людей в состав военной цензуры привлекаются иногда военным ведомством люди уже весьма пожилые, которым напряженная и носящая срочный характер цензорская работа не по силам, и даже люди с физическими недостатками, как, например, в городе Киеве, где во главе военной цензуры стоит человек совершенно глухой...

В целях устранения такого рода несогласованности в действиях военно-цензурных установлений, как находящихся в местностях, объявленных состоящими на театре военных действий, так и в остальной части империи, необходимо ныне же принять меры к объединению всех лиц военного и гражданского ведомства, на которых возложен просмотр произведений печати, в одном учреждении для руководства их действиями и придания им характера единства»⁴⁴.

В ответ на это начальник штаба Верховного главнокомандующего в письме на имя князя Щербатова 18 июля и на имя военного министра 23 июля, напротив, признал единственно правильным, чтобы цензоры на театре военных действий руководствовались только «Временным положением о военной цензуре» и Перечнем запрещенных сведений, совершенно устраняли от рассмотрения вопросы внутренней политики и пользовались ст. 31 Временного положения лишь в применении к военным интересам⁴⁵.

Такое отношение генерал-адъютанта Янушкевича к политическим вопросам общегосударственного характера ставило правительство в тяжелое положение и еще более усиливало агитационную деятельность прессы.

В связи с появлением в газетах публикаций о предполагаемых перемещениях в правительстве председатель Совета Министров 15 августа 1915 года предложил министру внутренних дел предупредить цензоров о необходимости строгого исполнения ст. 30 Перечня запрещенных сведений.

9 сентября 1915 года председатель Совета Министров препроводил министру внутренних дел копии письма от 2 сентября главного начальника Петроградского военного округа и ответного письма председателя Совета Министров от 8 сентября по поводу воспреещения печатания статей по следующим вопросам внутренней политики: о возникающих в среде Совета Министров разномыслиях по отдельным вопросам, дающим повод ко всевозможным неблагоприятным для совета в его целом и для отдельных его членов суждениям; о находящихся в производстве Совета Министров правительственных предположениях в области окраинных, инородческих, вероисповедных и иных однородных вопросов; о взаимоотношениях Совета Министров и законодательных учреждений; о возможных перемещениях в составе членов Совета Министров с суждениями о вероятных кандидатах на якобы освобождающиеся министерские посты; и, наконец, всякие измышляемые слухи о призыве к власти министерства общественного доверия, кабинета государственной обороны и т. д.

Дальнейшая переписка главы правительства с министрами внутренних дел и военным, основанная на единогласном пожелании Совета Министров об установлении взаимодей-

ствия между органами военной цензуры и гражданской власти в целях прекращения вредной агитационной деятельности печати (заседания 16 и 18 августа 1915 года), привела к предложению об образовании особого межведомственного совещания в Министерстве внутренних дел.

В связи с неоднократными заявлениями военных властей, что военная цензура не имеет права выходить за пределы военных интересов и принимать к своему рассмотрению статьи по политическим вопросам, касающимся внутреннего состояния страны и отношения к правительству, министр внутренних дел 17 сентября 1915 года предложил дополнить перечень новой статьей, запрещающей опубликование статей и сведений, признающих несоответствие императорского правительства для организации обороны государства. Однако военный министр А. А. Поливанов, поддерживая прежнюю точку зрения, в письме от 22 сентября 1915 года в то же время не нашел возможным согласиться и на дополнение перечня⁴⁶.

Таким образом, подчиненная военным властям военная цензура признавалась применимой только в узких пределах специального круга военных вопросов и всячески отстранялась военной властью от содействия правительству в борьбе с политической разнузданностью прессы. Воспретив цензорам принимать к своему рассмотрению статьи невоенного содержания и выработав штамп «не подлежит рассмотрению военной цензуры», военные власти фактически ставили цензоров в необходимость уклониться от рассмотрения резких статей политического характера, чем содействовали подрыву основ авторитета правительственной власти. Вследствие этого 23 сентября 1915 года Совет Министров признал необходимым выработать подробные правила о задачах органов военной цензуры по надзору за периодической печатью в общеполитическом отношении. Составление означенного проекта совет возложил на особое при Главном управлении по делам печати совещание, с тем чтобы заключение совещания было представлено на одобрение правительства. Вскоре при Главном управлении по делам печати было образовано частное совещание, в котором участвовали председатели петроградского, московского и варшавского комитетов по делам печати и помощников управляющего делами Совета

Министров; никто из чинов военного ведомства на совещание не был приглашен ввиду ярко определившегося отрицательного отношения военной власти к обсуждаемому вопросу. Совещание выработало меры к прекращению дальнейшей агитационной деятельности в печати.

По решению совещания, средства борьбы с отрицательными явлениями в печати могут быть двух родов, в зависимости от места происхождения, а именно:

- на театре военных действий;
- вне театра военных действий, но в местностях, объявленных на военном положении;
- вне театра военных действий, но в местностях, состоящих в положении чрезвычайной охраны.

На театре военных действий военная цензура введена в полном объеме, т. е. установлен предварительный просмотр всех предназначенных к выпуску в свет произведений тиснения. На основании ст. 31 Временного положения о военной цензуре военным цензорам вменено в обязанность не допускать к опубликованию всякого рода сведений, которые, по мнению цензора, могут оказаться вредными для военных интересов государства. При таких условиях не может быть и речи о появлении в газетах статей о бездеятельности и попустительстве правительства в деле обороны, о необходимости его смены, о создании ответственного кабинета и т. д., ибо подобные статьи, дискредитирующие высших представителей правительственной власти, способствуют розни среди населения и лишают государство единения, необходимого для одоления врагов.

Для прекращения агитационной деятельности некоторой части периодических изданий были предложены следующие мероприятия:

1. Предоставить министру внутренних дел, по собственному почину или по инициативе других ведомств (кроме военного и морского), сообщать главнокомандующим фронтами, командующим отдельными армиями и главным начальникам военных округов, какие именно вопросы признаются в данное время с точки зрения государственных интересов недопустимыми к опубликованию в печати; перечисленные военные власти, получив означенное сообщение министра внутренних дел, тотчас же должны довести их, согласно ст. 31

Временного положения о военной цензуре, подведомственным им военно-цензурным установлениям к неуклонному руководству.

2. С целью обеспечить состав военно-цензурных установлений должностными лицами, подготовленными к цензурной работе и знакомыми с общеполитическими вопросами, необходимо просить начальника штаба Верховного главнокомандующего приказать подведомственным ему военным властям об установлении единообразия в организации военно-цензурных комиссий и о привлечении в них, по соглашению с министром внутренних дел, местных должностных лиц, наблюдающих за печатью.

3. Петроградскую военно-цензурную комиссию изъять из ведения Главной военно-цензурной комиссии, подчинив ее главному начальнику Петроградского военного округа.

4. Просить начальника штаба Верховного главнокомандующего дать подведомственным ему военным учреждениям указания, что в случае неисполнения редакцией какой-либо газеты, выходящей на театре военных действий, требований военной цензуры и непомещении каких-либо сведений, необходимо принять, на основании ст. 32, 2 и 4 Временного положения о военной цензуре, подобное издание в цензуру в полном объеме, обязав редактора представлять весь материал в цензуру для предварительного рассмотрения⁴⁷.

В местностях, объявленных состоящими на военном положении, но не входящих в район театра военных действий (Москва и Московская губерния), военная цензура печати, на основании закона, не действует. Здесь периодические издания представляют гранки в цензуру добровольно, закон их к тому не обязывает. В этом месте имеет силу только Перечень запрещенных сведений. Его применение предписывает газетам не писать о том, что перечислено в нем, причем нарушение этого запрета влечет, на основании ст. 275² Уложения о наказании, наказание в судебном порядке в виде тюремного заключения от 2 до 8 месяцев.

Для пресечения вредного влияния прессы в местностях, объявленных на военном положении, предлагалось принять следующие меры:

— изъять из общей подсудности, на основании п. 6 ст. 19 правил о местностях, объявленных на военном положе-

нии, дела о нарушении перечня и передать их на рассмотрение военного суда;

- для прекращения появления в печати статей и сведений, вредных в политическом отношении, надлежит предоставить министру внутренних дел, по предварительному соглашению с военным министром, сообщать командующим войсками о допустимости опубликования в печати сведений того или иного характера; командующие войсками, получив подобное извещение, объявляют об этом редакторам повременных изданий, предупредив их, что неисполнение предъявленного требования повлечет применение административных мер воздействия;
- предложить военному министру дать командующим войсками указание на необходимость выполнить приведенные в № 2 требования министра внутренних дел и применять в отношении неподчиняющихся им редакторов административные взыскания, приостанавливать издания газет, закрывать типографии и высылать виновных из пределов губернии на время военного положения.

В местностях, состоящих на положении чрезвычайной охраны: здесь было указано на необходимость, чтобы министр внутренних дел передал всем главнокомандующим указания о принятии мер, аналогичных с теми, которые предлагались в местностях, объявленных на военном положении, но не входящих в район театра военных действий, так как условия прессы предоставляются в обеих категориях местностей одинаковые.

14 ноября 1915 года министр внутренних дел препроводил председателю Совета Министров справку о предложениях частного совещания по вопросу о прекращении дальнейшей агитационной деятельности некоторой части периодической печати. 11 декабря председатель Совета Министров уведомил министра внутренних дел, что эта справка была передана им при особом докладе на рассмотрение Николаю II, который 8 декабря 1915 года на этом документе написал: «Поручаю председателю Совета Министров условиться о нужных мерах с начальником моего штаба и доложить мне о последовавших по подлежащим ведомствам распоряжениях. Придаю значение также и более близкому участию Министерства внутренних дел в работе военной цензуры»⁴⁸.

Ссылаясь на эту резолюцию царя, глава правительства Горемыкин попросил начальника штаба Верховного главнокомандующего (в то время Николай II, отстранив великого князя Николая Николаевича, взял на себя его обязанности) генерала Алексеева сообщить ему свое мнение о тех лицах, которые могли бы принять руководство армией для облегчения взаимодействия гражданских и военных властей для усиления контроля за печатью.

19 декабря Алексейев написал министру внутренних дел: «...считаю необходимым выработать проект согласования Временного положения о военной цензуре с теми идеями, необходимость осуществления коих указана жизнью»⁴⁹. Поэтому он предлагал министру внутренних дел С. Белецкому прислать в Ставку компетентное лицо для предварительных переговоров.

Председателю правительства Алексейев ответил:

«Вполне разделяю мнение Вашего выс-ва, изложенное в письме от 14 сего декабря о том, что правильное направление деятельности печати, в чрезвычайной обстановке настоящего времени, представляется существенно важным.

Помимо тех больших средств, которые имеются, чтобы взять печать в руки, полагаю также существенно важным организацию нравственного воздействия на печать с тем, чтобы обратить ее в мощного союзника и привлечь к общей работе по укреплению власти, усилению армии и к борьбе с врагом. Цель важная.

Со всеми мероприятиями, намеченными в упомянутом письме В. в., имеющими целью обеспечение должного взаимодействия военной и гражданской власти, в поддержании надзора за печатью вполне согласен и, по соглашению с Министерством вн. дел, применение Временного положения о в. ц. на театре в. д. будет согласовано с правилами, вводимыми внутри государства.

По отношению тех вопросов, которые признаются, по общеполитическим соображениям, подлежащими изъятию со страниц печати, желательно, чтобы министр вн. дел оповещал не непосредственно власти, ведающие военно-цензурными установлениями на т. в. д, а меня для соответствующих распоряжений.

Всестороннее рассмотрение соответствующих статей Временного положения о в. ц. с целью привлечения воз-

можно большего числа чинов гражданского ведомства для пополнения числа военных цензоров является желательным.

Подчинение петроградской военно-ценз. комиссии глав. нач. Петроградского в. округа считаю правильным, о чем вместе с сим сообщаю и. д. нач. ген. штаба для сведения и главнокомандующему армиями Северного фронта для зависящих распоряжений.

Что касается прочих необходимых распоряжений по военной цензуре на т. в. д., во исполнение указаний с. и. в. г. и. от 8 сего декабря, о каковом В. в. сообщили мне в письме от 14 декабря, то таковые будут сделаны по получении от В. в. упомянутого в этом письме плана согласованных действий в империи по всем заинтересованным ведомствам»⁵⁰.

Министр внутренних дел командировал в Ставку для переговоров члена Совета Главного управления по делам печати Виссарионова. В ходе совещания с ним Алексеев согласился написать главнокомандующим фронтов и военному министру, чтобы военная цензура, помимо перечня и своего права, на основании ст. 31 Временного положения о военной цензуре, рассматривала внутренние политические вопросы. 7 января 1916 года Алексеев такое письмо главнокомандующим фронтами отправил. В нем указывалось: «Во исполнение... монаршей воли, для обеспечения взаимодействия военной и гражданской власти в поддержании надзора за печатью, с точки зрения общегосударственных потребностей переживаемого времени, представляется необходимым преподать руководящие разъяснения военно-цензурным установлениям и чинам в том смысле, что военная цензура должна оценивать представляемый на просмотре газетный материал не с одной лишь узковоенной точки зрения, а также и с общеполитической, дабы не допускать опубликования таких статей, сведений, слухов, рассуждений и сообщений, которые могли бы идти во вред доверия к правительству и сохранению общественного единения и воодушевления пред лицом вторгнувшихся в Россию вражеских полчищ, т. е. во вред военным интересам государства в самом широком смысле этого слова.

Вследствие этого надлежит указать военным цензорам на театре военных действий на их обязанность, согласно точного смысла ст. 31 Временного положения о военной цензуре,

воспрещать к опубликованию в печати статьи по тем вопросам внутренней политики, которые будут признаны Министерством внутренних дел вредными для общегосударственных интересов или которые будут содержать в себе суждения, умаляющие авторитет правительственной власти.

О тех вопросах, обсуждение коих в печати будет воспрещено Министерством внутренних дел, своевременно будет сообщаться штабу Верховного главнокомандующего, как ведающему, согласно ст. 14 Вр. пол. о в. ц., делами военной цензуры на всем театре военных действий, а последним — штаба главнокомандующих армиями фронтов и главнокомандующих и командующих отдельными армиями для зависящих распоряжений.

Далее, для создания живой связи между военно-цензурными комиссиями и комитетами по делам печати надо иметь в виду следующее.

Ст. 20 и 21 Вр. полож. о военной цензуре определено, что обязанности военных цензоров прежде всего возлагаются на местных должностных лиц, наблюдающих за печатью, и чинов местных почтово-телеграфных учреждений и, кроме того, где это окажется необходимым для надобностей военной цензуры, министру внутренних дел предоставлено усиливать соответствующими чинами состав комитетов по делам печати и почтово-телеграфных учреждений.

Чины Министерства внутренних дел, кроме того, должны входить в состав всех военно-цензурных комиссий, согласно штатам, установленным ст. 18 Временного положения о военной цензуре.

Поэтому представляется необходимым широко воспользоваться этими указаниями закона для привлечения к работе по военной цензуре комитетов по делам печати, где таковые имеются, в полном составе, и вообще чинов Министерства внутренних дел.

Следует также иметь в виду, что ст. 12 Положения о военной цензуре, гласящая о том, что введение военной цензуры не освобождает подлежащие власти от исполнения возложенных на них действующими узаконениями обязанностей по надзору за печатью, должна быть понимаема в том смысле, что органы надзора за печатью продолжают осуществлять лежащие на них обязанности лишь по выходе в свет

тех или иных повременных или непериодических изданий (цензура карательная, а не предварительная).

Независимо изложенного, замечено, что в некоторых местах представителям прессы предоставлено направлять в военную цензуру лишь тот материал, который признается самими редакторами подлежащим представлению в цензуру, причем большая часть материала подобных изданий печатается без предварительного рассмотрения.

Подобные льготы, обеспечивая известное удобство для повременных изданий, обяывают в то же время таковые к более осмотрительному охранению военно-государственных интересов.

Вследствие этого, если бы пользующееся данной льготой издание нарушило оказанное ему доверие и, посредством опубликования сведений или статей по воспрещенным вопросам или каким-либо иным путем, нарушило приказание военно-цензурной власти (ст. 69 Временного положения о военной цензуре), то подобное издание должно быть немедленно лишено пользования описанной льготой, а в особо важных случаях и приостановлено на все время действия военной цензуры, причем типография, в которой печатается такая газета, если эта типография принадлежит редакции, может быть закрыта, а редактор подвергнут высылке.

На основании всего изложенного, во исполнение высочайших указаний, прошу Ваше высокопревосходительство о нижеследующих распоряжениях по военной цензуре в районе фронта:

1. Разъяснить военным цензорам через подведомственные военно-цензурные установления, что ст. 31 Временного положения о военной цензуре отнюдь не должна быть истолкована в тесном смысле, то есть исключительно с точки зрения перечня, а, напротив, на основании означенного законоположения, военные цензоры не только могут, но и обязаны входить в рассмотрение представляемых им статей политического характера и никоим образом не разрешать к опубликованию всего того, что может вредить интересам военного могущества государства в широком смысле этого слова.

2. По получении от штаба Верховного главнокомандующего указаний о воспрещении к обсуждению в печати

каких-либо вопросов, признанных вредными с точки зрения военно-государственных интересов, срочно делать распоряжения в пределах фронта о приведении их в исполнение.

3. С целью обеспечить состав военно-цензурных установлений должностными лицами, наиболее подготовленными к цензурной работе, надлежит теперь же войти в сношение с Министерством внутренних дел о привлечении к военной цензуре всех местных должностных лиц, наблюдающих за печатью.

4. В случае неисполнения редакцией какой-либо газеты требования военной власти о непомещении каких-либо сведений или об изъятии из обсуждения каких-либо вопросов, необходимо принимать решительные меры в отношении редакторов, и в случае, если изданию было предоставлено право представлять в цензуру материал не в полном объеме, подчинять, на основании ст. 32, 2 и 4 Временного положения о военной цензуре, подобное издание цензуре в полном объеме, а в особо важных случаях — приостанавливать издания, закрывать типографии и высылать виновных из пределов соответствующих губерний на все время действия военной цензуры...»⁵¹

Посылая копию этого распоряжения военному министру Поливанову, Алексеев прибавил: «По просьбе представителя Министерства внутренних дел сообщаю на усмотрение Вашего выс-ва о тех мерах по военной цензуре, которые желательно было бы принять, по мнению этого министерства, в местностях вне театра военных действий, объявленных на военном положении: изъять из общей подсудности, на основании п. 6 ст. 19 правил о местностях, объявленных на военном положении, дела о нарушении перечня и передать их на рассмотрение военного суда»⁵².

Таким образом, армия, стремившаяся стоять в вопросах внутренней жизни вне политики, включилась в контроль по ограничению гласности в стране — в деятельность, не имеющую ничего общего с соблюдением военной тайны и подрывом обороноспособности государства, для чего были созданы органы военной цензуры. Теперь по указаниям министра внутренних дел, которые приходили начальнику штаба Верховного главнокомандующего, а через него уже уходили в виде приказов в нижестоящие штабы, запрещалось печатать речи оппозиционных депутатов Государственной

думы, сообщения о забастовках на заводах, а также освещать другие вопросы внутренней жизни России⁵³.

Февральская революция 1917 года ликвидировала царский строй и его государственную цензуру. Военная цензура не была отменена. Только она до определенного времени игнорировалась. Временное правительство вначале своего правления обнародовало заявление о «свободе слова, печати, союзов, собраний и стачек»⁵⁴. Затем 26 апреля утвердило Закон о печати, в котором указывалось: «Печать и торговля произведениями печати свободны. Наказания за нарушения правил о печати, а равно за преступления, совершенные путем печати, налагаются не иначе как по суду. Никакие меры, направленные к задержанию, аресту и изъятию из обращения произведений печати, до судебного о том приговора по существу предъявленного обвинения не допускаются»⁵⁵.

Однако, когда в июльские дни 1917 года, после провала наступления на фронте и расформирования революционных воинских частей, возник очередной политический кризис в России, Временное правительство приняло постановление, в котором предусматривалось, что виновный «в публичном призыве к неисполнению законных распоряжений власти наказывается заключением в крепость на срок не свыше трех лет или заключением в тюрьму. Виновные в призыве во время войны офицеров, солдат и прочих воинских чинов к неповиновению действующим при новом демократическом строе армии законам и согласных с ними распоряжений военной власти наказываются как за государственную измену, т. е. расстрелом»⁵⁶.

После событий 3—5 июля в Петрограде Всероссийский съезд Советов в воззвании «К солдатам» также осудил «необдуманно статьи и воззвания» крайне левой печати. «Знайте, товарищи, что эти газеты, как бы они ни назывались — «Правда» ли, «Солдатская правда» ли, идут вразрез с ясно выраженной волей рабочих, крестьян и солдат, собравшихся на съезде»⁵⁷. 7 июля А. Ф. Керенский, занимавший с мая пост министра армии и флота, направил телеграмму с требованиями прекратить распространение в действующей армии оппозиционных газет. А в случае их появления — немедленно конфисковать и строго наказывать тех лиц, кто их распространяет⁵⁸.

14 июля Временное правительство, во главе которого уже с 8 июля стоял А. Керенский, своим постановлением «О военной цензуре» посчитало необходимым напомнить о существовании закона о военной тайне. А перед этим, 12 июля, правительство предоставило в виде временной меры право закрывать периодические издания, «призывающие к неповиновению распоряжениям военных властей, к неисполнению воинского долга и содержащие призыв к насилию и к гражданской войне»⁵⁹, с одновременным привлечением к суду редакторов. Керенский закрыл несколько газет в столице и на фронте. Среди них были большевистские «Правда», «Окопная правда» и др. Постановление от 14 июля фактически вводило предварительную цензуру, т. е. оно запрещало публикацию «без предварительного просмотра военной цензурой сведений, относящихся к военным действиям российских армий и флота, и о всех мероприятиях военного характера, разглашение коих может нанести ущерб интересам российских или союзных армий и флотов. Виновный в нарушении сего постановления, если в деянии его не заключается признаков преступлений, предусмотренных ст. 108 Уголовного уложения, подвергается: заключению в тюрьму на время от двух месяцев до одного года и четырех месяцев или денежному взысканию не свыше 10 000 рублей, причем суд может подвергнуть виновного денежному взысканию независимо от тюремного заключения или ареста»⁶⁰. 26 июля было утверждено постановление «О специальной военной цензуре печати», в котором «во изменение и дополнение утвержденного 20 июля 1914 года Временного положения о военной цензуре» устанавливались суровые меры по отношению к виновным в непредставлении военной цензуре своего издания.

Однако эти законодательные акты имели лишь теоретический характер. Ибо в силу сложившихся взаимоотношений между правительством и органами революционной демократии суд и военная власть были парализованы, ответственность фактически отсутствовала, а крайние левые органы, меняя названия («Правда» — «Рабочий и солдат» — «Пролетарий» и т. д.) продолжали выходить и выполнять свою задачу.

Несмотря на запрет, печать всех направлений беспрепятственно хлынула в армию. В этом большое содействие ока-

зывали военное бюро и военные секции различных партий Петрограда и Москвы, а также культурно-просветительные комиссии войсковых комитетов. Средства для их издания и распространения брались часто из войсковых экономических сумм, полупринудительно или легально отпускались старшими войсковыми начальниками. «Так, один из моих предшественников по командованию Юго-Западным фронтом, генерал Гутор,— пишет А. Деникин в «Очерках русской смуты»,— открыл фронтовому комитету на эту цель кредит в 100 000 рублей... Генерал Черемисов субсидировал из казенных средств ярко большевистскую газету «Наш путь»...»⁶¹

Летом 1917 года комитетом Западного фронта издавалась газета «Фронт» тиражом 20 тысяч экземпляров. В 29 номерах этой газеты были опубликованы: 15 статей, доказывающих, что продолжение войны выгодно только для врагов демократии — «буржуев, помещиков, фабрикантов»; призывы прекратить войну, в том числе резолюция фронтового комитета против наступления; развивались идеи интернационализма с призывом к немедленному заключению мира; ряд резолюций комитета и статей, выражающих недоверие начальникам и штабам; 5 статей и протоколов комитета, требующих для солдатских организаций права отвода, назначения начальников и суда над ними⁶².

Все это свидетельствовало о том, что военная цензура не могла противостоять революционной солдатской массе, несмотря на попытки Временного правительства ее реанимировать. Октябрьский переворот положил конец военной цензуре в процессе ломки, реорганизации центральных и местных органов власти и военного управления. В январе 1918 года упраздняются старый институт военных цензоров и институт военной цензуры, а весь их личный состав и учреждения вместе с делами и финансами передаются в Военный контроль.

Взаимоотношения армии и печати союзников

До 1917 года США не участвовали в Первой мировой войне. В 1914 и 1916 годах американские вооруженные силы действовали в Мексике. В ходе мексиканской кампании 1914 года ВМФ образовал цензурный отдел в Веракрузе, после того как порт был взят американскими войсками. Однако

в 1916 году во время армейской операции под командованием генерала Першинга по взятию Панча Вилья цензурные отделы не создавались. Правда, обе эти операции, особенно последняя, не были войной в формальном смысле слова: армия, по заверениям администрации, просто выполняла полицейские функции в стране, где власти не могли самостоятельно навести порядок. В таких условиях военные, естественно, не слишком беспокоились, что из-за отсутствия цензурных ограничений свободное распространение информации сможет нанести какой-либо ущерб вооруженным силам⁶³.

А вот когда в 1917 году США вступили в Первую мировую войну, институт военной цензуры был незамедлительно реанимирован. В течение 18 месяцев, пока США находились в состоянии войны с Германией и ее союзниками, Джордж Грил, в прошлом главный редактор одной из газет, возглавлял Комитет по информированию общественности. Этот комитет и стал первым в американской истории официальным органом пропаганды и цензуры. В своей деятельности комитет руководствовался инструкциями администрации и Министерства армии и флота, разработанными еще до того, как Конгресс принял резолюцию о вступлении в войну. Эти ограничения, добровольно принятые прессой, запрещали опубликование информации военного характера, например, о передислокации частей на территории США, о выходе кораблей в море, а также сведений, способствующих идентификации соединений, направляемых за границу.

В дополнение к цензурным ограничениям Конгресс принял Закон о шпионаже от 1917 года и Закон о подстрекательстве от 1918 года. Первый запрещал опубликование любой информации, которая хотя бы отдаленно могла квалифицироваться как оказание помощи противнику, а также как вмешательство в военные дела США и военное производство. Виновным грозило до 20 лет тюрьмы или наложение штрафа до 10 000 долларов. Закон о подстрекательстве запрещал всякую критику или любые действия, направленные против правительства США или их вооруженных сил, в том числе пренебрежительные высказывания о флаге, военной форме, знаках и символах, и предусматривал аналогичные наказания. Эти законодательные акты, в сочетании с ограничительными мерами, составили наиболее жесткую цен-

зурную систему военного времени за всю историю США, которую, однако, высший суд страны признал конституционной. Вооруженные такими законами, федеральные власти осуществляли изъятие корреспонденции, которая, по их мнению, содержала недопустимую информацию, вели судебные преследования журналистов, редакторов и издателей, что в конце концов вынудило многих принять цензурную систему и смириться с ней без сопротивления.

Помимо цензуры в США военные власти проводили цензурную политику на главном ТВД — в Северной Франции, где этим занимался Фредерик Пальмер, в прошлом журналист из «Нью-Йорк геральд» и корреспондент «Ассошиэйтед пресс». Приказом генерала Першинга Пальмеру было присвоено звание майора и поручено заниматься связями с общественностью. Однако довольно скоро выяснилось, что Пальмер не удовлетворяет ни военных, ни прессу. Пресса обвиняла его в том, что он дает слишком мало информации, а военные — в том, что слишком много. Через некоторое время на смену Пальмеру пришла комиссия, составленная из бывших журналистов (из запаса) и кадровых офицеров. Комиссия функционировала от случая к случаю, но в конце концов лишила аккредитации пятерых из 60 журналистов, направленных освещать боевые действия. Наибольший резонанс получил случай с «Юнайтед пресс», опубликовавшей преждевременную статью о возможном подписании акта о перемирии. Цензурой были временно прекращены сношения между Нью-Йорком и корреспондентом «Юнайтед пресс», который выдал ложную информацию.

Жесткие цензурные ограничения, введенные правительством США в годы Первой мировой войны, в течение последующих двух десятилетий подвергались суровой критике. Особенно в среде юристов укоренилось мнение, что введенные ограничения существенно выходили за рамки того, что можно было бы считать законными военными основаниями⁶⁴.

Более сложно решался вопрос с введением военной цензуры в Англии. До Первой мировой войны никакой организации в этом отношении не существовало, да и прошлый опыт введения цензуры у англичан отсутствовал. Военному ведомству здесь никогда не приходила мысль что-то систематически объявлять для общего сведения. Необходи-

мость этого выяснилась неожиданно в предвидении войны. Срочно был создан Комитет Адмиралтейства, Военного министерства и печати, в который входили представители прессы, флота и армии. 27 июля 1914 года было назначено первое экстренное заседание. На нем Трагам Грик, секретарь Адмиралтейства, председательствовавший в комитете, объявил, что страна находится накануне войны и что предстоят передвижения войск и флота. Он предложил членам комитета высказаться о том, как это можно сделать без оглашения, сохранить в секрете.

Произошел обмен мнений, и в результате представителями печати был написан в газеты ряд писем, в которых сообщалось о предстоящей войне и вызываемых ею передвижениях вооруженных сил, в связи с чем высказывалась мысль, что в интересах нации «об этих передвижениях не должно быть никаких упоминаний»⁶⁵.

Английская пресса проявила высокое патриотическое сознание и прекрасно сохранила секрет. Германская разведка ничего не узнала об экспедиционном английском корпусе, отбывшем во Францию. Даже 20 августа 1914 года немцы все еще не имели сведений, где высадился корпус и сколько было в нем людей. Прессу за эту самоцензуру подвергали критике на том основании, что она является «коммерческим предприятием», но в этом случае, подчеркивал лорд Риддель в своей статье, помещенной в июне 1921 года в журнале «The journal of the Royal artillery», печать показала, что она является и патриотическим предприятием⁶⁶.

Эти правила сильно задевали английскую печать, не привыкшую к каким-либо ограничениям. Газетам запрещалось опубликовывать некоторые темы, но им было предоставлено право печатать на свой риск то, что они считали нужным. Фактически появилось цензорство, направляемое в газеты. В иных случаях последние оказывались сильно урезанными, а в других — даже и совсем кассированными.

С английской прессой, не привыкшей к цензуре государства, было очень трудно работать. Первый цензор лорд Биркенчед отказался от своей должности уже в сентябре 1914 года; второй — лорд Букмистер — ушел в 1915 году. Он был заменен Светшенгемом и Куком, которые оставались во главе цензорства до конца войны.

Много было разговоров и пререканий вокруг вопроса о посылке корреспондентов на театр военных действий. Сначала намечалась возможность послать их с офицером печати (Press Officer), но, очевидно, Военное министерство не сочувствовало этой идее; пушены были в ход оригинальные приемы затянуть дело. Сначала объявили, что корреспондентам не будет разрешено взять с собой автомобиль и что каждый из них должен запастись верховой лошастью. Это побудило корреспондентов приобрести лошадей и несколько недель практиковаться в Гайд-парке, чтобы научиться искусству верховой езды. Но по прошествии нескольких недель Военное министерство объявило, что прежнее мнение оказалось ошибочным и что ввиду больших расстояний нужно взять с собой автомобили, так как лошади будут бесполезны. Лошади были проданы, а посылка корреспондентов под разными другими предлогами задерживалась.

Настаивая на посылке сотрудников, кое-какие газеты договаривались с офицерами, и те начинали присылать вести с театра военных действий, другие посылали корреспондентов тайком, но из них некоторые были задержаны, другие арестованы и попали в тюрьму. В марте 1915 года дело приняло обостренный характер, и со стороны печати последовали настоятельные заявления о посылке своих людей, так как получаемые печатью и опубликованные ею сведения грешили пристрастием, неправильным освещением фактов, преувеличивали тяжелое положение Германии и Австрии и умаляли как размеры нужных жертв со стороны страны, так и размах ее духовного напряжения. Дело дошло до военного министра Китченера и морского министра Черчилля. Были намечены интервью с ними в целях получения сведений и ориентировки, но они не давали полного удовлетворения. Печать сравнила их с «блеском молнии, горевшей ярко, но на мгновение, после которой становится кругом еще темнее».

Представители печати начали настаивать на посылке корреспондентов, резко критиковали правительство за то, что оно не допускало журналистов на фронт. Все это заставило лорда Китченера, который вначале ссылался на главнокомандующего союзными войсками французского генерала Жоффра как на «главного двигателя, от которого все зависит и который один может изменить существующие на этот слу-

чай правила», начал уступать натиску журналистов. И когда представители прессы стали говорить, что они добьются изменений, лорд Китченер предложил им частным образом, чисто по-английски, послать 4—6 корреспондентов. Они были посланы и... более не возвращались. Они не были убиты, «они даже присылали свои статьи», и, как поясняет Риддель, «эти статьи весьма читались», но ни Китченер, ни кто-либо иной не поднимали вопроса о посланных на фронт корреспондентах. После первой пробы также частным образом были отправлены корреспонденты и на другие театры войны: на Балканы, в Австрию и т. д.⁶⁷.

Таким образом, в течение войны в Англии военное цензорство являлось существенным органом, регулировавшим все вопросы взаимоотношений между печатью и армией. В английской печати высказывалось мнение, что эта система довольно прилично справлялась со своей сложной задачей, несмотря на то что не было выработано никаких оснований для установления взаимоотношений между печатью и цензорством, никаких общих принципов цензорам для руководства в своей работе. Следует заметить, что после Первой мировой войны опыт работы английской военной цензуры 1914—1918 годов был обобщен и проанализирован в специальном докладе лорда Ридделя, по нему состоялся обмен мнений и, судя по откликам печати, были разработаны предложения насчет взаимоотношения печати и армии в будущих вооруженных конфликтах.

У следующего союзника России — Франции были разработаны правила военной цензуры. В области показа военных операций они запрещали что-либо публиковать о мобилизации, составе и численности формирований, боевых приказах, диспозиции, расположении, движении войск, сведения, касающиеся материальной части и военных судов; о фортификационных работах, устройстве новых средств сообщения; постановке мин; о планах воздушной обороны; полетах воздушных кораблей и движении военных судов противников; результатах производимых противником бомбардировок, минных атак судов, месте и времени минной атаки, направлении движения и роде груза атакованного судна; какой срок продержалось на воде взорванное миной судно; средствах, употребленных для отбития минной ата-

ки и для спасения; о средствах, употребляемых для борьбы с подводными лодками; о складах и способах снабжения военных судов противника; о тактических наблюдениях, инструкциях и приемах.

По всем упомянутым предметам могли публиковаться только официальные сообщения.

По личному составу вооруженных сил запрещалось что-либо писать о назначениях и переменах в высшем командном составе — могли опубликовываться только официальные сообщения. Потери — цифровые данные только по официальным сообщениям. Остальные сведения могли публиковаться по просьбам семейств, но они не могли содержать ни указания части, к которой принадлежал пропавший, ни обстоятельств его гибели раньше истечения 3 месяцев. Этот срок мог быть продолжен всякий раз, когда высшие штабы признавали такую меру необходимой.

Не разрешалось раскрывать сведения о новых снарядах, введенных в употребление после начала военных действий, производимых опытах, предохранении против средств борьбы противника, о морских сооружениях, заводах, работающих для нужд армии, положении вооружения, материальной части и продовольствия.

По всем этим предметам могли сообщаться только официальные сообщения.

Фотографии, карты могли публиковаться только с особого разрешения для каждой фотографии или карты. Это разрешение могло даваться военным министром или высшим штабом заинтересованной страны, на территории коей расположено изображаемое место или которая пользуется воспроизводимой материальной частью. Фотографии, рисунки и карты должны представляться в цензуру с приложением текста, при котором они будут напечатаны.

Запрещалось публиковать метеорологические сведения.

Из сведений внутреннего и морального характера не разрешалось ничего писать о перемещениях высших государственных чинов и лиц, исполняющих важные общественные обязанности, — могли сообщаться только официальные сведения. Также запрещалось печатать что-либо об арестах и протестах шпионов, дезертиров, контрабандистов или союзных подданных, занимающихся торговлей с врагами, —

придерживаться отчета, изложенного точно и без комментирования публичных прений, избегать опубликования всякого рода сообщений, относящихся к розыску или задержанию обвиняемых; о покушениях и происшествиях на заводах, работающих для государства, — только официальные сообщения; о побегах пленных и лиц, живущих на захваченных землях, — избегать всех деталей, относящихся к пройденной упомянутыми лицами местности, к лицам, которые могли содействовать предприятию, и об употребленных при побеге хитростях; публикацию приемов, позволяющих переходить границу, охраняемую врагом или запрещенную, и письма военных — не ранее 3 месяцев. Этот срок может быть продлен, если высшие штабы признают то необходимым.

Интервью военных — безусловно было воспрещено.

Посещение журналистами фронта, лагерей и промышленных заведений, работающих для армии, — лишь то, что будет разрешено офицером, уполномоченным сопровождать посетителей.

Помимо изложенных указаний власти обращались к патриотизму писателей и публицистов союзных наций, чтобы они сами устраняли из своих сообщений сведения, могущие, по их мнению, затруднить дело высшего командования.

Рекомендовалось также избегать всякой оценки и комментариев, которые не способствовали бы усилению взаимного единения и уважения союзных наций или которые могли бы показаться оскорбительными государству еще нейтральному⁶⁸.

Таким образом, правила французской военной цензуры имели много поучительного.

Эффективность воздействия печати: объекты, задачи, руководство

Первая мировая война показала, какую огромную роль имеет печать как средство воздействия на общественное мнение и психологию масс. Пресса путем информации о военных событиях и определенного освещения фактов формировала определенные взгляды и мнения, воздействовала на духовное состояние армии и населения страны, настраивала к действиям. Она содействовала формированию благо-

приятного общественного мнения в союзных и нейтральных странах и вносила разложение в ряды противника. Война 1914—1918 годов показала значение печати как мощного фактора вооруженной борьбы.

Это значение определилось в следующем: посредством печати может быть произведено информационное воздействие на психологическое состояние той или иной человеческой массы, который может носить характер укрепляющий (усиливающий) или ослабляющий (разлагающий). Таким образом, это воздействие для воюющей стороны может быть положительным (полезным) или отрицательным (вредным).

После Первой мировой войны появился ряд работ, в которых рассматривались вопросы военного использования печати. Это мемуары германского генерала Э. Людендорфа⁶⁹, сборник статей «Осведомительная служба, печать и настроение народа в мировой войне», автор которого подполковник В. Николаи в 1914—1918 годах руководил Управлением печати верховного командования германских вооруженных сил⁷⁰. О том, как использовалась печать со стороны Антанты, довольно полное представление дают работа лорда Ридделя⁷¹, раскрывающая взаимоотношения печати и армии на войне, и книга К. Стюарта «Тайны дома Крю», автор которой был помощником директора Отдела пропаганды в неприятельских странах, созданного в Англии во второй половине войны и находившегося в ведении лорда Нортклиффа. О том, как в военных целях использовалась печать России, некоторое представление дают записки М. К. Лемке «250 дней в царской Ставке»⁷², глава «Печать и пропаганда изнутри» мемуаров А. И. Деникина «Очерки русской смуты»⁷³, а также ряд других публикаций⁷⁴.

Авторы этих работ единодушны в мнении, что направляемая в соответствии с государственными и военными целями печать во время войны является ярким выразителем духа сплоченности нации, ее решимости довести войну до полной победы; она воодушевляет армию и население своей страны и союзников и вызывает благоприятное отношение народов нейтральных государств и действует разлагающим образом на противника. И наоборот, если печать не объединяется в своей работе общим руководством, органы которой образовали отдельные группы, преследующие противоположные цели, тогда она представляет собой в военное время крайне

вредное явление, так как разбивает на части население страны, разъединяет общественное мнение и выявляет этим внутреннюю слабость государства, ослабляет дух армии, возбуждает в противнике стремление усилить военный натиск. «Печать представляет собой силу, — подчеркивал В. Николай, — и, как всякая сила во время войны, она должна находиться в руках правительства»⁷⁵.

Таким образом, военное значение печати определялось возможностью для правительства и военного командования страны влиять через нее на массы в полезном для войны смысле, для чего необходимо было руководить ею.

В ходе Первой мировой войны более четко определились периоды воздействия печати на объекты, на которые она направляет свое влияние. По поводу временных рамок ее воздействия отмечалось, что современная война начинается не с ее объявления и заканчивается не с заключением мира, а намного раньше и значительно позже этих официальных моментов.

В связи с этим в этот период известное определение К. Клаузевица, что «война есть продолжение политики другими средствами», было перефразировано французским политиком Клемансо, что «мир» есть «продолжение войны другими средствами», а Уинстон Черчилль заявлял: «Смешно думать, что война окончилась, потому что войска перестали сражаться»⁷⁶.

Таким образом, из этих заявлений крупных европейских политиков вытекало, что не только в период войны, но еще задолго до ее начала и продолжительное время после ее окончания печать должна воздействовать в полезном для своей страны направлении.

Предвоенный период делился на два этапа: ранний и более близкий к войне и предмобилизационный.

На раннем этапе задачей прессы было создать не только в своей стране, но и у общественности всего мира твердое убеждение в миролюбии своего государства и в том, что мероприятия, осуществляемые его правительством, являются вынужденными и проводятся для улучшения благосостояния своего народа и в интересах всего человечества. Так, германская пресса на этом этапе изображала свою страну миролюбивым, слабым и беззащитным государством, и специально подобранными фактами населению внушалось, что полити-

ка германского правительства направлена на то, чтобы немецкий народ «завоевал свое место под солнцем».

На более близком к войне этапе печать старалась показать всю несправедливость домоганий противника и указывала населению на те опасности, которые могут возникнуть у них со стороны нарушителей мира. Например, один из идеологов прусского милитаризма граф Альфред фон Шлиффен изображал накануне 1914 года Германию, окруженной вооруженными до зубов соседями, готовыми напасть на нее. Он писал, что в центре Европы «стоят незащищенные Германия и Австрия, а вокруг них расположены за рвами и валами остальные державы... существует настойчивое стремление соединить эти державы для совместного нападения на срединные государства»⁷⁷.

На предмобилизационном этапе печать должна была приводить неопровержимые доказательства того, что ожидаемая война является для данного государства единственным и притом вынужденным выходом из создавшегося положения, осветить непримиримость противника, враждебность его намерений и действий, о которых до этого она молчала. Причем пресса должна довести эти доказательства до сведения общественности всего мира. Словом, печать должна мобилизовать в пользу своего государства мировое общественное мнение до того, когда будет объявлена мобилизация в вооруженные силы.

В период войны воздействие печати на формирование общественного мнения и сознание населения своей страны, союзных, нейтральных и враждебных государств еще более усилилось. На начальном этапе вооруженной борьбы внимание печати было особенно заострено на виновности противной стороны в войне. Печать представляла войну своего государства в глазах народа как борьбу против угрожающего жестокого зачинщика. В развязывании войны обвинялся неприятель. Он за все ответствен. Печать показывала несправедливые, захватнические цели противника в этой войне, угрожающие существованию всей нации. Справедливая цель войны — борьба с врагом за независимость — спланивала народ. Однако причиной войны не выставлялась мировая система международных отношений, а показывались только исключительно жутьнические инстинкты неприятеля. Это направлялось на то,

чтобы у народа не было колебаний по отношению к тому, кого следует ненавидеть.

Следует заметить, что при обвинении в начале войны особый вес имели акты, исходившие от историков и других лиц, которые в глазах общества искренне стремились к истине. В связи с этим, например, снова появилось «Завещание» Петра Великого. Германская пресса пыталась снова использовать этот «документ» для общественного мнения не только своей страны и ее союзников, но и других государств. В начале 1915 года с подачи немцев он был опубликован в иранских газетах, имея целью мобилизовать общественное мнение Ирана против России и попытаться вбить клин между Россией и ее союзниками⁷⁸.

Далее, когда общество было убеждено, что войну начал противник и тем нарушил мир, печать указывала общественному мнению на примеры наглости и развращенности неприятеля, его алчности и преступности. Так, в начале Первой мировой войны в англо-французской прессе очень широко были распространены различного рода публикации о зверствах и дикости германцев на захваченной ими у Франции территории. Подобные материалы заполняли газеты и журналы немцев и австрийцев, только здесь жестокими варварами изображались русские и их союзники.

Одной из главных задач печати в период войны являлось поддерживать воинственный дух населения, убеждая его, что есть шанс победить, т. е. создавать иллюзию победы. Словом, враг может быть преступным, вероломным, жестоким и т. д., но если он побеждает, то настроение многих групп населения начинает падать. И в таком случае ненависть пришедшего в уныние народа может обратиться на новый объект: население возмывает злобу к правителям своей страны, к союзникам и т. п. Поэтому печать, выражая уверенность в несомненности победы, неудачи своих войск объясняла как временные, связанные с внезапностью нападения противника, показывая одновременно блестящее ему сопротивление наиболее стойких ее частей армии, подвиги отдельных ее солдат и командиров. В это время в прессе тиражировался лозунг повышения бдительности, необходимости борьбы со шпионами, шла реклама «нового оружия», возможностей и успехов армий союзников и всячески замалчивались свои

потери и поражения. Большое внимание уделялось укреплению связей с союзниками, поддержанию дружественных отношений с нейтральными странами. Шло активное деморализующее воздействие на неприятеля. Здесь основными тезисами воздействия на сознание войск и населения были: дела на фронте для их страны безнадежны; кровь проливается даром; преувеличивались возможности своей армии и ее союзников; распространялись различные прогнозы и предсказания; поддерживалась оппозиция.

Утверждалось, что в период войны печать должна была использовать все средства, чтобы настроить массы в пользу своего государства как по отношению к отдельным операциям и мероприятиям, так и по отношению к усилиям, направленным к скорейшему восстановлению желанного мира.

В период после завершения военных действий задача печати заключалась в том, что она должна умиротворить воевавшие народы, усмирить их враждебные чувства и внедрить в сознание масс новые, возникшие в результате войны основы мирного сожительства.

В качестве объектов воздействия печати во всех перечисленных периодах являлись: 1. Население: а) свое; б) союзное; в) нейтральное; г) враждебное. 2. Вооруженные силы: а) свои; б) союзные; в) враждебные (см. таб. 1).

Таблица 1

Объекты воздействия печати

Население				Вооруженные силы		
свое	союзное	нейтральное	враждебное	свои	союзные	враждебные

Цели, преследуемые в печати, в зависимости от объектов ее воздействия, были различны. Например, в отношении своей и союзной армий, а также своего и союзного населения печать старалась всемерно содействовать укреплению духа солидарности, спаянности, понимания взаимных интересов и уверенности в победе. В отношении же неприятельской армии и населения печать, естественно, поступала наоборот, культивируя и поддерживая все, что будет способствовать

ослаблению их сплоченности. По отношению к нейтральным государствам печать старалась выявить все, что могло вызвать их благожелательность и участие, давая в то же время обильный материал для того, чтобы настроить их общественное мнение против враждебных государств и способствуя, таким образом, изолированию последних.

Печать не только вела наступление, но и отбивала нападения печати противника. Для этого она старалась быть осведомленной о всех враждебных выступлениях иностранной печати, что вызывало необходимость установления прочных связей с заграничными агентствами печати (особенно нейтральных стран).

Считалось, что исход Первой мировой войны решался не только военной, но и политической, экономической и культурной мощью государства, поэтому и печать должна вести соответствующую работу во всех этих областях.

В Первую мировую войну наряду с прессой важную роль играли непериодическая печать, особенно информационно-агитационная литература популярно-массового (пропагандистского) характера, а также графические изображения, картины, фотографии и другие иллюстративные материалы, которые эффективно воздействовали на психологию масс.

Наряду с танками и авиацией в Первую мировую войну пропаганда утвердилась в качестве современного инструмента войны. Генерал Людендорф в своих мемуарах утверждает, что немцами «устной пропаганде придавалось главное значение», так как «передача новостей от одного к другому — самое опасное, а потому и самое лучшее средство пропаганды», ибо «мысль висит в воздухе, а откуда она — никто не знает»⁷⁹, тем не менее следует признать, что главную роль в разгроме центральных держав сыграла все-таки не устная, а организованная печатная пропаганда государств Антанты.

Первыми обратили серьезное внимание на пропаганду немцы, хотя впоследствии ее значение признали все враждующие стороны. В последний год войны Германия подверглась мощной пропагандистской обработке, организованной, в частности, английским бароном Нортклиффом под руководством министра информации Бивербрука, которая оказала свое воздействие на процесс разочарования войной у немецкого населения в ее последние месяцы.

Управление СМИ в Германии

Когда началась Первая мировая война, в Германии роль печати, как мощного фактора ведения войны представлялась далеко не ясной. За печатью признавалась ценность политического и отчасти экономического, но не военного средства борьбы. Поэтому начало войны застало германский Генеральный штаб совершенно неподготовленным к выполнению тех задач, которые встали перед ним в отношении организации и руководства печатью. Все знакомство органов, ведавших подготовкой к войне, с вопросами печати вытекало из соприкосновения отдельных представителей Генерального штаба с присутствовавшими на больших маневрах корреспондентами газет, а вся подготовка к войне печати была сведена лишь к составлению списка военных корреспондентов, намеченных к командированию в действующие армии. Никакого органа, специально предназначенного для сношений с печатью (кроме единственного докладчика по делам этого рода), в составе германского Военного министерства не имелось, и хотя вопрос о его создании и возбуждался еще за некоторое время до войны, но еще осенью 1913 года он был решительно отклонен рейхстагом.

Подполковник В. Николаи, который в 1914 году возглавил созданное Управление печати Верховного командования германских вооруженных сил, так объяснял этот крупный пробел в подготовке к войне, допущенный германским Генеральным штабом:

«Причина, по которой рейхстаг не дал своего согласия на учреждение при Военном министерстве Управления печати, а Генеральный штаб держался в мирное время вдалеке от печати и не произвел заблаговременной разработки мобилизационных соображений, заключалась в том, что в мирное время печать считалась только политическим орудием. Но и политические власти также ничего не подготовили для войны, а с наступлением ее ничего не предприняли, чтобы восполнить обнаружившийся пробел. Столь же мало думала и сама печать о том, чтобы провести у себя хоть какие-нибудь приготовления на случай возникновения военных действий.

...Однако военное командование не могло лишиться себя того инструмента, каким являлась хорошая организация печати. То, что при данных обстоятельствах Генерально-

му штабу удалось создать, было сносно,— но та роль, какую ему пришлось играть в деле руководства печатью, выпала на него вопреки его первоначальным намерениям»⁸⁰.

Но уже 2 августа 1914 года начальник Генерального штаба генерал фон Мольтке, открыто заявив, что «печать является неизбежным средством войны», дает указание о «необходимости тесной связи между Верховным командованием и печатью», а на следующий день, 3 августа, состоялось первое собеседование представителей Генерального штаба с представителями прессы.

О том, какие задачи ставило германское командование своей печати и какой помощи от нее ожидало, В. Николаи сообщает:

«Мнения о существе и задачах печати были неодинаковы. Единого представления о них я не нашел даже в самой печати. Лозунг «Свобода общественного мнения» находил себе почву только в немецкой объективности. Он причинил много вреда. В то время, как обширные области общественной жизни, под давлением военных обстоятельств, подверглись принудительным мерам, ходовой товар общественного мнения под влиянием указанного лозунга был предоставлен свободному распоряжению партий или отдельных газет. Свобода печати была отождествлена со свободой общественного мнения. Не было необходимой ясности в вопросе, должна ли печать отражать настроение народа или же вызывать последнее. Первого мнения держались преимущественно те круги, которые стремились обеспечить за собой свободу разлагать дух решимости и затуманивать представление о тенденциях противника к разгрому Германии. Те же газеты, которые указывали на возможные последствия нашего поражения, держались взгляда, с которым было согласно и Верховное командование, что печать является призванной и обязанной влиять на настроение народных масс, в смысле полного напряжения сил для ведения войны»⁸¹. Далее Николаи пишет, что в ходе войны эта общая задача была уточнена и конкретизирована в том, что печать должна настойчиво выявлять непоколебимую волю к борьбе и победе, пока не будет достигнута цель войны и пока противник не будет фактически готов вступить в переговоры, «поэтому через посредство

печати не смеет культивироваться иной дух, чем тот, которым должна быть проникнута армия»⁸².

Но это последнее требование не имело в виду наглухо закрыть рот общественному мнению и отнять у печати право подвергать критике положение в тылу. Критика допускалась, но лишь бы не был нарушен при этом «внутренний мир», на необходимость поддержания которого впервые указал в своей речи Мольтке 13 августа 1914 года и смысл которого был разъяснен для печати Людендорфом.

«Внутренний мир,— указывал он,— находит свое выражение в стремлении поддерживать, при выполнении великих национальных задач дух спаянности и самоотвержения, устранять все, могущее повредить единению народа, и ни в коем случае не давать повода к возникновению впечатления, будто бы коллективная воля народа к победе подвергается какому бы то ни было колебанию»⁸³.

Далее Людендорф отмечал, что, поскольку не страдают военные интересы государства, можно высказывать любое убеждение, если только это делается в соответствующей форме. Всякое деловое выступление на защиту собственной точки зрения в политических и хозяйственных вопросах, хотя бы резко выраженное, столь же допустимо, как и спокойное указание на ошибки и заблуждения инакомыслящих⁸⁴.

«Наоборот,— утверждал генерал Людендорф,— всякие оскорбления, вызываемые неделовой защитой собственного мнения, в особенности же бранные слова, унижительные сравнения и недостойные подозрения должны быть безусловно избегаемы. Обвинения в своекорыстных или низменных побуждениях при преследовании политических целей, разжигание старинных распрей и возбуждение розни между классами населения, сословиями, вероисповеданиями и внутри прессы ни в каком случае не должны допускаться»⁸⁵.

Однако твердых организационных форм руководства печатью в Германии принято не было. Взяв по необходимости в свои руки с первых же дней войны управление печатью, германский Генеральный штаб первоначально имел в виду лишь узковоенные интересы, которые заключались в том, чтобы в печать не проскальзывали сведения, имеющие характер военной тайны, и чтобы население было в достаточной мере осведомлено через печать о ходе военных действий.

Но так как и политические власти, подобно военным, не приняли в мирное время никаких мер к заблаговременному созданию у себя органов, ведавших вопросами печати, и не проявляли также с началом войны никаких стремлений к восполнению этого пробела, то уже через короткое время обнаружилось, что наспех созданное при Генштабе Управление печати должно было решать более широкие задачи, чем это первоначально намечалось. Наступившие для немцев после первых успехов неудачи, а также начатая Антантой активная пропаганда возбудили в германской печати и в населении такую нервность, которая серьезно обеспокоила немецкое командование, потребовавшее тогда от политических властей соответствующего влияния на печать, а через нее и на население. Однако правительство, не придав должного значения этому вопросу, ограничилось созданием при Министерстве иностранных дел Бюро печати, которое и занялось исключительно иностранной прессой.

Последствия определения такой локальной задачи для Бюро печати не замедлили сказаться. «Представители прессы,— пишет В. Николаи,— политические деятели, ответственные объединения и отдельные патриоты стали обращаться за разъяснениями и советами, которых они не находили у политических властей, в военные учреждения, а эти последние — в Управление печати Генерального штаба, куда, кроме того, и непосредственно направлялось все возrastавшее количество запросов. Вследствие этого роль, которую стало играть Управление печати, вскоре далеко вышла за пределы первоначально намеченных рамок. И оно не могло от этой роли уклониться, если только не хотело предоставить события их собственному течению»⁸⁶.

Германское Верховное командование видело тяжкую ошибку в том, что политическое руководство печатью находилось не при рейхсканцлере, ответственном за ведение всей вообще политики, а при Министерстве иностранных дел. Со стороны командования не прекращались попытки как-то упорядочить дело руководства печатью. Особенную энергию в этом отношении проявил Людендорф, который в своих мемуарах так описывает предпринятые им шаги:

«Под влиянием создавшегося впечатления я обратился в декабре 1916 года к имперскому канцлеру с просьбой со-

здать при имперской канцелярии и непосредственно под его наблюдением орган, который объединял бы прессу всего государства во всех областях. Мои требования сводились к следующему: руководство всеми компетентными в деле прессы гражданскими властями авторитетным лицом, непосредственно подчиненным имперскому канцлеру; дружная совместная работа этого органа с Управлением печати военного времени и отделом прессы морского штаба; ограничение функции отдела прессы Министерства иностранных дел одними вопросами внешней политики; взамен этого, углубление его работы во вражеских, нейтральных и союзных газетах и, наконец, защита экономических интересов прессы и содействие им со стороны центрального органа».

...Требования эти были отклонены имперским канцлером фон Бетман-Гольвегом»⁸⁷.

Только на третьем году войны, в августе 1917 года, имперский канцлер Михаэлис попытался взять в свои руки управление печатью и даже назначил для заведования вопросами печати особое лицо. Но, по словам В. Николаи, это было лишь «мимолетным явлением». С уходом Михаэлиса все пошло по старому, и Управление печати Верховного командования «должно было одиноко выступать на защиту военных интересов».

Организационные формы Управления печати складывались постепенно. Входя с самого начала войны в состав той части «Отдела III В» Генерального штаба, которая осталась в Берлине, Управление печати занялось, прежде всего, налаживанием связи с представителями печати, пользуясь для этого передачей им исходивших от Верховного командования официальных сообщений о военных действиях и комментируя последние в собеседованиях, происходивших два раза в неделю. Одновременно выявилась необходимость информировать Верховное командование о содержании публикаций и настроении прессы, — сначала только внутренней, а затем и иностранной.

Позднее возникла необходимость создания цензуры; указания этого рода давались до тех пор вполне автономно главнокомандующими на Западном и Восточном фронтах, при которых имелись небольшие отделения, работавшие в тесном контакте с Управлением печати в Берлине, а уже в феврале 1915 года явилась необходимость формирования при Управ-

лении печати центрального органа, ведавшего исключительно вопросами цензуры. В 1917 году на Управление печати была возложена еще организация так называемого отечественного просвещения, т. е. политико-просветительной работы.

Основная организация Управления печати была оформлена лишь в октябре 1915 года, в связи с изданным 4 августа того же года приказом императора, в котором были отмечены «справедливые жалобы на отсутствие единообразия в деле наблюдения за печатью, особенно же в тех областях, где военные интересы тесно соприкасаются с политическими». В результате этого Управление печати было изъято из ведения оставшейся в Берлине части Генерального штаба и поступило в непосредственное подчинение Верховному командованию. Управлению печати были поставлены следующие задачи:

- облегчать совместную работу Верховного командования с внутренними властями в области печати;
- доставлять необходимые сведения властям и печати;
- заботиться об единообразном применении цензуры.

В связи с этим в управлении были образованы три отдела: 1) внутренней печати, 2) иностранной печати, 3) цензуры. Во всех трех отделах было 110 сотрудников⁸⁸. На начальника Управления печати было возложено поддержание теснейшей связи с имперскими властями в целях установления единообразного отношения ко всем касающимся печати вопросам. Кроме того, при управлении состояли постоянные представители министерств: военного, морского, иностранных дел, внутренних дел и колоний, на обязанности которых лежало содействие Управлению печати в проведении мероприятий как цензурного, так и общего характера.

Управление печати, поддерживая связи с отдельными представителями прессы, также наладило тесный контакт с «союзом германской прессы» и «ферейном издателей», в согласовании с которыми определило общую линию поведения. Была установлена также связь с органами, руководившими печатью в союзных с Германией государствах.

Отделы Управления печати выполняли следующие функции:

Отдел внутренней печати ежедневно передавал по телеграфу краткую сводку содержания германской прессы; эта

сводка одновременно дополнялась особо отпечатанными более подробными обзорами печати. Но так как, за краткостью времени, по одним газетам нельзя было составить точное представление о настроении в стране, то начальник Управления печати, стремясь соблюсти полную объективность, пополнял сводки и обзоры теми сведениями, которые он черпал из личного своего общения с представителями печати, а также с политическими, финансовыми и общественными деятелями. При таких условиях полная осведомленность Верховного командования о настроении внутри страны считалась обеспеченной.

Отдел иностранной печати сообщал результаты своих наблюдений за заграничной прессой не только Верховному командованию, но и другим властям, а также печати и отдельным общественным деятелям. При этом особенное внимание обращалось на то, чтобы довести до сознания населения те взгляды, которые проводились иностранной печатью, и выявить тот эффект, который производила германская пресса за границей. Однако публикации отдела «Известия иностранной печати», содержавшие ценный материал для борьбы с неприятельской пропагандой, очень мало использовались немецкими газетами.

Отдел цензуры встречал в осуществлении своей деятельности очень много трений, главным образом из-за того, что, при всем стремлении его ограничиться чисто военной цензурой, трудно было строго отделить вопросы политического характера от вопросов военных. С другой стороны, в отношении распоряжений по цензуре, исходивших от других ведомств, отдел являлся лишь передаточной инстанцией и за них не отвечал, а между тем в глазах затрагиваемых этими распоряжениями лиц вся ответственность падала на Управление печати, вследствие чего против последнего стало проявляться большое неудовольствие. Однако предложение Верховного командования совершенно отделить политическую цензуру от военной правительством принято не было.

Местными органами Управления печати являлись отделы печати в округах, подведомственные главнокомандующим. Эти отделы, в которых работа велась особо по руководству печатью и особо по цензуре, подчинялись через своих начальников непосредственно начальникам штабов, а

общие руководящие указания получали от соответствующих отделов Управления печати.

В крупных городах, где выходили влиятельные газеты, цензура была сосредоточена исключительно в руках начальников гарнизонов; в остальных она оставалась в ведении гражданских властей.

Общее руководство всеми местными отделениями печати, которых насчитывалось около 50, исходило от окружных отделов печати, они, в свою очередь, получали директивные указания от Управления печати Верховного командования.

В целях установления единства в проведении мероприятий по цензуре Управление печати время от времени устраивало съезды лиц, возглавлявших местные отделения печати.

Хотя приведенная выше структура германского Управления печати и подвергалась в течение последующих трех лет войны многократным изменениям и дополнениям, причем до самого конца не получила твердых организационных форм,— почему и является скорее схемой, чем организационным костяком,— тем не менее в ней можно усмотреть все признаки аппарата, в полной мере предназначенного управлять печатью.

Формы этого руководства печатью были следующие:

1) Собеседования с представителями печати. Целью собеседований с представителями печати было правильное ориентирование их во всех происходящих на фронте событиях, комментирование и разъяснение официальных сообщений о ходе военных действий.

Также собеседования способствовали сближению двух сторон и лучшего взаимного понимания, давали возможность постепенно расширять военный кругозор сотрудников периодических изданий и развивать в них полезное для общего дела отношение к событиям. Близкий контакт с представителями прессы позволял Верховному командованию своевременно освещать возникавшие с ходом войны крупные вопросы и готовить необходимые мероприятия, большая часть которых близко затрагивала интересы широкой массы населения.

Собеседования происходили регулярно, 2—3 раза в неделю, в каком-либо «нейтральном» месте (в здании рейхстага

или палаты депутатов). В этих беседах со стороны властей вначале принимали участие только представители Генерального штаба, военного и морского министерств и органов, наблюдавших за печатью. Постепенно к ним присоединились представители министерств: иностранных дел, колоний, внутренних дел, продовольствия, а также различных организаций, возникших за время войны. Участвовавшие в беседах представители печати избрали из своей среды несколько доверенных лиц, принадлежавших к различным политическим партиям. Эти лица должны были заботиться об обеспечении интересов печати со стороны властей и поддерживать во время бесед среди журналистов необходимую дисциплину.

В ходе бесед представители властей делали доклады и давали необходимые разъяснения. Происходил также свободный обмен мнений между представителями прессы и представителями властей. Последние в необходимых случаях уполномочены были давать информацию доверительного характера с целью подготовить население к тому или другому событию или же к проведению той или иной меры.

2) Осведомление о ходе военных действий. Право осведомления о ходе военных операций принадлежит исключительно Верховному командованию, причем ни один орган печати не должен был ни в малейшей мере выходить из рамок официального сообщения. Передача газетам официальных сведений о военных действиях производилась Управлением печати через Центральное телеграфное агентство (Бюро Вольфа). Составление этих сообщений заканчивалось к 11 часам, чтобы они могли попасть в вечерние газеты. О событиях за день делалось дополнительное сообщение в течение последующей ночи; оно печаталось в утренних газетах. Одновременно с сообщением официальных сводок печати они передавались по радио на фронты и при этом попадали также в неприятельскую печать. Такой метод передачи официальных сведений был связан со значительным протяжением фронта центральных держав (что не позволяло немцам делать более частые сообщения). Для немцев он оказался невыгодным, так как государства Антанты предпочитали посылать по радио свои сообщения уже после объявления германских сводок, и притом благодаря незначительной от-

даленности их фронтов не менее 2—3 раз в день, что давало им возможность включать в свои сообщения даже мелкие успехи; в результате — сводки государств Антанты производили более благоприятное впечатление, имели больший успех в смысле пропаганды и придавали германским сводкам характер замалчивания неудач.

В начале войны германское командование не возражало против публикации неприятельских сводок в своей печати. Но когда обнаружился пропагандистский характер сообщений Антанты, то встал вопрос, как с этим бороться. Полное запрещение печатать неприятельские сводки вызвало бы недоверие населения к правдивости германских сообщений, так как доступ в Германию нейтральных газет воспрещен не был. Добровольно отказаться от печатания их отдельные газеты не могли из-за конкуренции с другими изданиями. Печатание с пропусками также могло вызвать недоверие и упрек в замалчивании. Наконец, комментировать неприятельские сообщения в нужном смысле газеты не были в состоянии из-за недостатка вполне компетентных сотрудников. После обсуждения приняли решение — печатанию неприятельских сводок не препятствовать, но снабжать их передаваемыми одновременно с ними комментариями, которые должны были составляться в Министерстве иностранных дел при участии офицера Генерального штаба. При составлении комментариев разрешался также вопрос, подлежат ли они опубликованию в германской прессе или же только в иностранной, так как главной целью этих комментариев была борьба с пропагандой противника.

При разрешении всех указанных выше вопросов, а также по поводу того, что именно может или должно предаваться гласности из событий на союзных с Германией фронтах, Управление печати поддерживало с союзными командованиями самую тесную связь, имея в виду не нарушать интересов союзников ни в смысле принятия каких-либо решений, не соответствующих их внутренним политическим условиям, ни в смысле замалчивания их успехов, что могло неблагоприятно отозваться на духе их армий и населения.

Постоянное и близкое соприкосновение Управления печати с прессой давало Верховному командованию время от времени доверительно осведомлять наиболее видных представителей газет также и о предполагаемых опе-

ративных мероприятиях — преимущественно неприятного для немцев свойства, — чтобы, с одной стороны, осторожно подготовить свое население к предстоящему событию, а с другой — чтобы помешать противнику использовать это событие в целях пропаганды, доказав всем при помощи печати его добровольный характер.

3) Работа с военными корреспондентами. Из всех многообразных и сложных вопросов подготовки печати к войне единственный вопрос — о командировании в действующие армии военных корреспондентов — попал в поле зрения германского Генерального штаба в период подготовки его к мировой войне и был отражен в его мобилизационных соображениях. Еще в мирное время был произведен выбор подходящих лиц, исходя, главным образом, из степени доверия, которое то или другое лицо заслуживало с точки зрения соблюдения военной тайны. Однако мирный выбор не вполне оправдал ожидания. Многие весьма ценные кандидаты в корреспонденты должны были во время мобилизации отказаться от этой роли вследствие неудовлетворительного состояния их здоровья и тех трудностей, с которыми связана жизнь на фронте.

С началом войны на Восточном и Западном фронтах было образовано по одной «штаб-квартире военных корреспондентов», которые находились в ведении специально назначенных офицеров. На обязанности последних, сверх забот о размещении и осведомлении корреспондентов, лежала также и цензура посылаемых ими корреспонденций. При этом за основание было принято требование — не допускать в печать ничего, что могло быть вредно для армии. В частности, заслуживают внимания следующие указания Верховного командования офицерам, отвечавшим за работу с военными корреспондентами: «Сообщения военных корреспондентов вызвали недовольство войск тем, что в них события и обстановка изображались в таком виде, которые являлись обидными для их чувств. Такое недовольство проявляется в тех случаях, когда недостаточно учитывается тягость боев или лишений. Уже по одной этой причине всякое приукрашивание в корреспонденциях должно быть избегаемо. Для большей правдивости своих сообщений корреспонденты не должны увлекаться стремлением изображать все в розовом цвете. Отечество в состоянии перенести истину и может только

потерять доверие к корреспонденциям из-за их неправдивости. Столь же мало уместно и изображение всего в мрачных красках. Сверх того, необходимо, чтобы в тех местах, где говорится о сооружениях, предназначенных для облегчения жизни наших войск в поле, сообщения не носили обобщающего характера, дабы не создалось впечатления, что войска абсолютно никаких лишений не испытывают»⁸⁹.

В связи с этим рекомендовалось военным корреспондентам для надлежащего выполнения своих обязанностей лучше знакомиться с жизнью войск.

Корреспонденты должны были быть осведомлены об общем военном положении, но включать в корреспонденции какие бы то ни было соображения тактического или стратегического характера было строжайше запрещено.

Когда немецкие войска принимали участие в действиях на соседних театрах, то для сопровождения их из наличного числа корреспондентов выделялась специальная группа. Кроме того, имелись представители немецких газет и при союзных командованиях.

Количество военных корреспондентов было ограничено; поэтому некоторые из них обслуживали по несколько газет. Отдавалось предпочтение представителям крупных и влиятельных органов. Некоторые из корреспондентов брали на себя обязанность снабжать известиями провинциальную печать, но содержание таких корреспонденций не удовлетворяло воинов, получавших газеты с родины. Поэтому было разрешено самим военнослужащим посылать корреспонденции в газеты по месту их жительства, направляя их через Управление печати Верховного командования или через окружные отделы печати, в целях цензуры. Однако содержание таких корреспонденций оказалось чрезвычайно скудным, так как ограничивалось описанием «героических подвигов». Ввиду этого с 1917 года был введен институт офицеров-корреспондентов, на обязанности которых лежало питать сведениями газеты тех местностей, откуда комплектовалась данная войсковая часть.

С целью улучшения состава военных корреспондентов в качественном отношении производился в течение всей войны отбор наиболее способных, и для них устраивались специальные курсы, на которых они получали необходимую во-

енную подготовку. Такие корреспонденты пользовались особым доверием Управления печати.

4) Сотрудничество с художниками, фотографами и кинематографистами. В целях пополнения и иллюстрирования известий, сообщавшихся населению в официальных сводках и военных корреспонденциях, Управление печати допускало на театр военных действий художников, фотографов и киносьемщиков. Но при большом наплыве желающих разрешения выдавались только тем, кто не преследовал каких-либо своекорыстных коммерческих интересов, а хотел послужить общему делу обороны. К таким лицам войска относились благожелательно, если только убеждались, что они правильно изображают картины боевой страды. Художники допускались в район военных действий, главным образом, в целях поощрения искусства, так как масштаб боевых действий исключал возможность изображения сражений в целом. Воспроизводились только отдельные батальонные сцены, да и то большей частью лишь в эскизах. Часто объектами изображения художников становились полководцы и герои, что делало их популярными среди населения. Фотография оказалась более соответствующей практическим целям. Представители иллюстрированной прессы часто приглашались к освещению более крупных событий на фронтах, что содействовало пониманию населением обстановки на театре военных действий.

Кинематография вначале не получила должной оценки. Но когда выяснилось впечатление, которое производили в нейтральных государствах киносьемки воюющих против Германии стран Антанты, то на этот вопрос обратили большее внимание. Было решено образовать при Министерстве иностранных дел специальный орган, ведавший этим делом, что дало основание Верховному командованию сформировать на фронте специальные фотографические и кинематографические части, подчиненные тому же «Отделу III В», в состав которого входило и Управление печати.

При цензуре картин и снимков принималось во внимание, что «ужасы войны» не составляют главного в переживаниях войск. Поэтому органам цензуры было указано — не пропускать ничего, что могло бы односторонне влиять на настроение внутри страны, и в то же время не запрещать ничего, что может дать представление о величии подвигов армии.

5) Организация посещения фронта отдельными представителями печати. При нахождении на театре военных действий постоянных представителей германских газет в качестве военных корреспондентов посещение фронта отдельными представителями германской печати допускалось лишь в виде исключения. Это имело место, главным образом, уже во вторую половину войны и в отношении тех более крупных и влиятельных газет, которые были настроены оппозиционно и высказывались против энергичного продолжения войны. Что касается иностранных (нейтральных) журналистов, то вначале допуск их на фронт разрешался по ходатайству Министерства иностранных дел, которое в большинстве случаев исходило при этом только из соображений гостеприимства. Позднее — при очень большом наплыве желающих и в связи с жалобами войск на обременение их посетителями — Управление печати стало давать разрешения на посещение войсковых частей только представителям крупных и влиятельных иностранных газет, отчеты которых могли быть полезны в борьбе с неприятельской пропагандой.

6) Руководство военными газетами — армейскими и прифронтовыми. Они служили средством для проведения взглядов военного командования в армии и среди населения оккупированных областей. Управление печати осуществляло общее руководство военными газетами, непосредственное управление ими сосредоточивалось в Бюро полевой печати, созданных при высших штабах. На их обязанности лежало наблюдение за соответствующим направлением газет и доставление им необходимого литературного материала; в ведении этих же бюро находилось и руководство деятельностью офицеров-корреспондентов.

В германских вооруженных силах было 46 армейских газет (на Западном фронте — 28, на Восточном — 11, на Балканском — 6, на Турецком — 1). Они сосредоточивали на себе особенное внимание Управления печати, так как предназначались непосредственно для войск и должны были обслуживать последние интересующими их сведениями не только с театра военных действий, но и с ближайшей «родины» войсковых частей, т. е. из районов их комплектования. Главнейшей целью армейских газет было содействовать подъему настроения в войсках. Лица, непосредственно руко-

водившие газетами, должны были возможно чаще посещать соответствующие войсковые части и на месте знакомиться с их пожеланиями. Ответственное редактирование и цензура возлагались на специально назначенных офицеров.

Армейские газеты должны были быстро информировать читателей о всех более важных событиях, сопровождая сообщения необходимыми комментариями; обсуждать всё происходившее в пределах армии и внутри войсковых частей; сообщать о наиболее выдающихся подвигах отдельных лиц и целых частей; давать исторические и географические описания районов, занятых армией; отмечать памятные для армии дни и чествование героев войны; сообщать мероприятия по довольствию войск; давать сведения о работе почты и об отпусках; указывать на необходимость соблюдения военной тайны; делать предупреждения относительно сдачи в плен и тех вопросов, которые предлагаются пленным; возбуждать веселость юмористическими рассказами, задавать загадки и вообще всячески содействовать поддержанию в войсках бодрого духа.

Прифронтовых газет было 15. Они выходили на оккупированной немецкими войсками территории: на Западном фронте — 4, на Восточном — 9 и в Румынии — 2. Эти газеты, наряду с задачей информирования населения о ходе военных действий и общих событиях, имели преимущественно политический характер, так как являлись органами проведения необходимых мероприятий по управлению оккупированными областями. Некоторые из этих газет, как, например, «La Gazete des Ardennes» (Западный фронт), «Русский вестник» (Восточный фронт), приобрели большую популярность не только в оккупированных областях, но и далеко за их пределами, даже во враждебных Германии странах. По своему содержанию эти газеты распространялись и среди военнопленных, которые привлекались к сотрудничеству в них.

7) Организация снабжения фронта общей прессой. Информация из внутренних областей государства имела очень важное значение ввиду огромного влияния, которое оказывали эти известия на дух и настроение войск. Солдаты особенно интересовались тем, что происходило в местах их постоянного жительства. Вот почему на снабжение войсковых частей газетами, издававшимися в районах их комплектова-

ния, было обращено преимущественное внимание. Основными читателями их являлась главная масса войск — рядовой и унтер-офицерский составы. Не встречали препятствий доступу на фронт и крупные политические газеты, но они читались преимущественно офицерами. Запрещены были только немногие газеты независимого социал-демократического направления.

На фронт пресса доставлялась почтой, по подписке, или же через полевые и железнодорожные книжные киоски. Полевые киоски находились в ведении армейских командований или генерал-губернаторов провинций, а железнодорожные — в ведении начальников военных сообщений. Поэтому все вопросы снабжения войск прессой решались Управлением печати через соответствующих генерал-квартирмейстеров.

Управление печати не вмешивалось в вопросы пополнения книжных киосков теми или иными газетами. Выбор последних был предоставлен усмотрению армейских командований. В большинстве случаев этот выбор определялся фактическим спросом на ту или другую газету. На Управлении печати лежала лишь обязанность проводить в жизнь основное требование Верховного командования: давать армии все, что способствует укреплению ее духа, и не допускать ничего, что действует на него разлагающим образом. Следует отметить, что книжные киоски не только не требовали никаких государственных расходов, но даже приносили доход, который обращался на улучшение быта войск.

8) Осуществление военной цензуры. В начале Первой мировой войны германская военная цензура не имела четкой организационной структуры. В стране не было даже центрального органа, который объединял бы все возникавшие в этой области вопросы. И это не случайно: создание такого органа наталкивалось на положения действовавшего законодательства. Происходившие недоразумения разрешались по усмотрению отдельных властей — то гражданских, то военных, а за всеми справками, указаниями и разъяснениями представители прессы неизменно обращались в Управление печати Верховного командования. Последнее уже в феврале 1915 года образовало у себя высшее бюро цензуры, но законодательное оформление его, в качестве отдела цензуры на-

званного управления, последовало только через 8 месяцев, в октябре 1915 года.

Органам цензуры было вменено в обязанность строго согласовывать свою деятельность с «намерениями и пожеланиями центральных властей, ответственных как за ведение войны, так и за внутреннюю и внешнюю политику». Власти должны были передавать свои директивные указания органам цензуры исключительно через отдел цензуры Управления печати. Тщательное выполнение всех исходивших сверху указаний лежало на личной ответственности заведующих местными отделениями цензуры. В последних число цензоров было неодинаково. В составе цензоров преобладали вначале юристы и чиновники гражданского управления, в том числе и полиции; однако с течением времени число чиновников и полицейских стало постепенно сокращаться. Имелись среди цензоров также профессора и учителя, но лиц, причастных к печати, было всего трое, из которых лишь один журналист; участие последних в цензуре признавалось нежелательным.

В некоторых случаях (в пограничных местностях со смешанным населением, в отношении газет противогосударственного направления) являлась необходимой предварительная цензура. Добровольные предложения некоторых газет подвергаться предупредительной цензуре отклонялись, так как это налагало большую ответственность на органы цензуры.

Наблюдения за тем, что писалось о Германии в заграничных газетах. Этим занимался третий отдел Управления печати.

В Австро-Венгрии военные власти имели на прессу самое незначительное влияние, так как наблюдение за печатью находилось в ведении государственной прокуратуры. Сильно сказывались также национальные разногласия. Влияние на население частной прессы было в Вене и Будапеште еще сильнее, чем в Германии. Призванные к сотрудничеству с печатью военные органы сосредоточили свое внимание на историческом описании текущих военных действий и приглашали к тому же германский Генеральный штаб, который признал такие работы несвоевременными, не считая к тому же возможным отрывать для этого офицеров от работы в армии. В конце концов «командующий квартирою военной печати» потерял всякое влияние, которое перешло к Министерству иностранных дел.

В Болгарии и военное, и политическое руководство печатью было сосредоточено в руках одного лица, которое, однако, на первый план ставило задачи политического руководства. Поэтому его пожелания встречали мало отклика в Управлении печати германского Верховного командования, что привело в результате даже к охлаждению в их отношениях.

В Турции руководство печатью в военном и политическом отношениях было вверено разным лицам, но фактически военное руководство было всецело подчинено политическому. Это могло бы иметь хорошую сторону, если бы турецкая политика велась в полном согласии с германской: тогда и военные интересы Турции могли бы соответственно направляться. Но на самом деле этого не было, что и вызвало необходимость непосредственного влияния на турецкую печать со стороны германского посла в Константинополе. Таким образом, работа турецкого военного руководства печатью, с точки зрения общих военных интересов центральных держав, значения не имела.

Из-за такого положения в управлении печатью союзных государств для германского правительства возникла необходимость объединения всей вообще союзной печати с целью создать единое отношение к войне со стороны всех государств, заинтересованных наравне с Германией в ее успешном исходе.

Однако германское правительство, несмотря на свое первенствующее положение, не пыталось проявить хоть какое-нибудь влияние на прессу своих союзников. Ни Министерство иностранных дел не поддерживало в самой Германии достаточного контакта с представителями союзной печати, ни его заграничные органы (кроме посольства в Константинополе) не проявляли в этом отношении никакой деятельности. Наконец, и союзные правительства, со своей стороны, не делали попыток направить работу своей печати на общие интересы ведения войны.

Инициативу в согласовании усилий союзной печати взяло на себя Управление печати Верховного командования Германии. Для этого все находившиеся в Германии представители союзнических журналов и газет были приглашены объединиться и образовать при Управлении печати «штаб-квартиру союзнической прессы». После этого им

была предоставлена возможность получать непосредственно от лиц Верховного командования или через Управление печати все интересующие их сведения, а также предпринимать поездки на фронт и в занятые германцами местности. Цензура корреспонденций была упрощена, а почтовая пересылка облегчена и ускорена. Но со временем Управление печати Верховного командования передало всю эту организацию, равно как и налаженные отношения с представителями нейтральной прессы, в ведение военного отдела печати Министерства иностранных дел.

Также Управление печати Верховного командования приглашало к себе отдельных представителей органов, руководивших печатью в союзных государствах, чтобы в контакте с ними принимать те или другие меры по организации печати в общесоюзном масштабе. Вместе с тем оно давало им возможность знакомиться с постановкой этого дела в Германии, видеть работу германской армии и выслушивать пожелания военных и политических властей.

И все-таки пропаганда стран «оси» не смогла противостоять информационному воздействию печати Антанты. Э. Людендорф в своих мемуарах заявляет: «Перед лицом неприятельской пропаганды мы чувствовали себя, как кролик перед удавом»⁹⁰.

О мерах контрпропагандистской борьбы с Антантой, принимаемых в Германии, он сообщает, что летом 1916 года немецкое командование предъявило правительству требование создать твердую организацию пропаганды. После преодоления многих препятствий, особенно со стороны Министерства иностранных дел, в июле при последнем был организован военный отдел. Наряду с этим отделом, задуманным с чисто военными целями, Министерство иностранных дел обещало создать для экономической и политической пропаганды подобные же учреждения... Все три отдела должны были, по директиве Министерства иностранных дел, вести широкую активную пропаганду, переходящую в наступление против пропаганды Антанты и не ограничивающуюся, как прежде, слабым парированием неприятельской лжи. К сожалению, политическая и экономическая пропаганда Министерства иностранных дел ограничилась работой в прессе и созданием брошюр; большей

частью эта работа выливалась лишь в воздействие на газеты путем опровержений и объяснений политических событий и использования неприятельских промахов. Это было каплей в море и не имело никакого значения, подчеркивает Людендорф. Далее генерал рассказал, что в военном отделе Министерства иностранных дел полковник фон Гефтен постепенно создал большую организацию. Она была подчинена Верховному командованию, но финансировалась, главным образом, Министерством иностранных дел, которое получило за это право совместного обсуждения и установления основных директив; этим своим правом Министерство иностранных дел, надо сказать, совершенно не воспользовалось. С помощью слов и иллюстраций, а главным образом — путем фильмов полковник фон Гефтен старался укрепиться в нейтральных странах. Рисунок, фотоиллюстрация, фильм, а также графическое изображение в форме плаката, по мнению Людендорфа, действуют настойчивее и резче, чем письменное слово, и потому сильнее влияют на массы.

Наряду с этим шла печатная пропаганда при помощи телеграмм, радио и корреспонденций, пропаганда брошюрами и докладами, а также работа через бюро нейтральных военных корреспондентов, сообщает генерал. В первую очередь полковник фон Гефтен пытался путем быстрой передачи информации проникнуть во враждебную нам печать нейтральных стран. При посольствах нейтральных и союзных стран, а также в оккупированных областях на Востоке полковник фон Гефтен создал свои органы — военные заграничные бюро, которые обрабатывали и распространяли материал, полученный из центра, в духе, соответствующем особенностям данной страны. Они работали в полном согласии с немецким послом...

Однако германская пропаганда с трудом удерживала свои позиции, несмотря на все старания, и ее достижения были недостаточны в сравнении с величиной задачи. Нам не удалось повлиять на неприятельские народы, огорчается Людендорф. В нейтральных и союзных странах мы также не достигли ничего существенного. Он делает вывод, что совсем другая картина получилась бы, если бы полковника фон Гефтена поддерживала сильная воля имперского канцлера и всемогущество его высокого поста⁹¹. «Я часто предлагал ему

создать что-нибудь цельное,— вспоминал Людендорф.— Организация имперского учреждения германской пропаганды становилась неоспоримой необходимостью. Я придавал этому тем большее значение, что пропаганда посредством выступлений государственных деятелей становилась все действеннее. Лорд Нортклифф был прав, утверждая, что речь английского государственного деятеля приносит Англии 20 000 фунтов; 50 000 фунтов, если немцы ее перепечатают, и 100 000 фунтов, если они на нее ответят. Барабанный огонь выступлений неприятельских государственных деятелей не вызвал с нашей стороны никакого серьезного отпора, и еще меньше мы думали о том, чтобы его заглушить. Военный отдел Министерства иностранных дел не мог организовать такой борьбы, это могло сделать только имперское учреждение, обладающее особым авторитетом...

Армия не нашла себе союзника в лице сильной, идущей из глубин страны пропаганды. Одерживая победы на полях сражений, Германия оказалась бессильной в борьбе с психикой неприятельских народов»⁹².

И далее Людендорф, один из руководителей германского Генштаба, делает не совсем характерный для военного вывод: «Хорошо поставленная пропаганда должна далеко обгонять развитие политических событий. Она должна расчищать дорогу для политики и подготавливать общественное мнение незаметно для него самого. Прежде чем политические намерения превратятся в действия, надо убедить мир в их необходимости и моральной оправданности... Наши политические цели и решения казались часто грубыми и нелогичными, так как они преподносились миру с поражающей неожиданностью. Широкая и дальновидная пропаганда шутя могла бы изменить это впечатление...»⁹³

Организация пропаганды в странах Антанты

В странах Антанты пропаганда была организована по-разному. В США, спустя неделю после их вступления в войну, 14 апреля 1917 года был образован по распоряжению президента Комитет общественной информации (Си-пи-ай). В его руководство вошли военный и морской министры, государственный секретарь и известный журналист Джорж Криль, ко-

торый являлся председателем Си-пи-ай^{93а}. Одним из результатов указанного мероприятия было то, что работавшие за границей представители комитета пользовались престижем названных выше крупных органов государственного управления. На пропагандистские расходы Комитета общественной информации было выделено 7 миллионов долларов^{93б}.

«Комитет Крила» состоял из двух отделов внутренней и внешней пропаганды, которые делились на секции. Так, отдел внутренней пропаганды состоял из секций новостей, гражданского просвещения, кино, военных выставок, отношений с промышленниками, «союза труда и демократии», лекторов, рекламы и карикатур.

Си-пи-ай издавал ежедневную газету «Юнайтед стейтс официэл буллетин» тиражом 100 тысяч экземпляров, направлял материалы о войне в 16 тысяч газет и журналов, 9 тысяч библиотек, 17 тысяч отделений профсоюзов, 47 тысяч банков и других предприятий, учреждений, 56 тысяч почтовых отделений. Он использовал писателей, художников, журналистов, историков, изготовлявших агитационно-пропагандистские материалы, расхोдившиеся во все концы США и мира. К 1918 году он имел около 110 тысяч так называемых «четырехминутных ораторов». Пропаганда велась с экранов 17 тысяч кинотеатров, сотен театров, эстрад. В 1918 году по стране пошли агитпоезда^{93в}.

Много внимания уделялось учету всех каналов, средств пропаганды и типов аудитории. В связи с этим в Си-пи-ай работали специалисты, которые занимались агитацией и пропагандой среди женщин, молодежи, религиозных групп, фермеров и сельскохозяйственных рабочих, иммигрантов и т. п. Однако определяющей чертой в деятельности Си-пи-ай было комплексное воздействие на аудиторию с помощью средств печати (газет, брошюр, листовок и т. д.) кино, иллюстрированных материалов (плакатов, фотографий, рисунков и др.), устной агитации и пропаганды (лекций, выступления «четырехминутных ораторов».

Главным направлением в работе международного отдела комитета было воздействие на зарубежную аудиторию в духе идей американизма.

Американская система пропаганды возникла сразу и не менялась существенно в течение всей войны. В Англии же,

наоборот, она прошла долгий и сложный путь изменений. Здесь в начале войны внутренняя пропаганда была поручена парламентскому комитету. Тогда же в «Веллингтон-хаузе», в конторе страховых агентов, было образовано небольшое издательство для выпуска брошюр и листовок. Там же было положено начало «Известиям Брайса» («Brice report»), которые сделались одним из выдающихся органов на фронте пропаганды. Затем был учрежден Комитет кинофильма и радиотелеграфа, а в августе 1914 года — Бюро печати, которое позднее перешло в ведение Министерства внутренних дел.

Что касается зарубежной пропаганды, то Министерство иностранных дел Англии приняло меры, чтобы пресса нейтральных государств снабжалась не только так называемыми новостями, но и такими сообщениями, которые вызывали интерес у читателей, как, например, сведения о внутреннем положении той или иной страны, о ее экономике, торговле, военных наборах и т. п.

Уже в первые месяцы войны государства Антанты решили помещать в своих и нейтральных газетах статьи такого содержания, которое содействовало бы формированию благоприятного для них общественного мнения и в то же время вызывало бы осуждение политического и военного образа действий Германии и ее союзников. Этим имелось в виду оказать непосредственное влияние на нейтральные и колеблющиеся страны.

Одновременно Англия взяла на себя инициативу вести соответствующую пропаганду также и среди неприятельского населения, для чего командировала в штабы союзных с ней армий по несколько офицеров, получавших для своей деятельности указания от специального отдела Министерства иностранных дел в Лондоне и издателей «Морских известий» и «Военных известий» в Адмиралтействе⁹⁴.

В январе 1917 года был организован департамент пропаганды. Ставший во главе его полковник Бечен управлял четырьмя далеко распространившими свою деятельность отделами и нес ответственность перед Военным кабинетом премьер-министра. Был учрежден Совещательный комитет, состоявший из лорда Нортклиффа, лорда Бернгема, Роберта Дональда и К. П. Скотта. Когда лорд Нортклифф перенес свою

деятельность в Америку, то в этот комитет был назначен лорд Бивербрук, а позднее, кроме того, и Джордж Риддель. При такой организации дела велись беспорядочно. Для согласования деятельности отдельных агентов был приглашен Е. Керзон, член Военного кабинета, а Военное министерство организовало у себя особый отдел для ведения пропаганды против германской армии и гражданского населения Германии.

В феврале 1918 года лорд Бивербрук был назначен министром пропаганды. В то же время был учрежден особый «отдел пропаганды в неприятельских странах», директором которого был назначен лорд Нортклифф — владелец газет «Daily mail» и «Evening news». Технически лорд Нортклифф являлся ответственным перед лордом Бивербруком в отношении финансов, но фактически он имел право доступа к премьер-министру и в Военный кабинет. Также в это время были назначены «директора для осведомления и кинематографической пропаганды». Для координирования работы устраивались неофициальные совещания, а позднее образовался «Комитет политической пропаганды» под председательством лорда Нортклиффа.

И это назначение не было случайным. Лорд Нортклифф, прозванный «Наполеоном журнализма», оказался мастером в искусстве направлять и создавать общественное мнение. Возглавив «отдел пропаганды в неприятельских странах», он начал с назначения генеральной комиссии, члены которой обладали необходимыми качествами профессионалов, и в то же время он набрал себе штаб замечательных для намеченного дела журналистов и публицистов. Вскоре отдел Нортклиффа объединил все агентства пропаганды, работавшие до этого разрозненно.

До создания отдела Нортклиффа сотрудничество союзников в области пропаганды находилось в зачаточном состоянии. Как только лорд Нортклифф приступил к своим обязанностям, он созвал предварительное совещание по вопросу о междусоюзнической пропаганде. Участвовавший в нем секретарь французского военного министра Анри Муассе высказал пожелание создать «идейный генеральный штаб» для объединения дела пропаганды союзников в неприятельских и нейтральных странах. В результате этого предложения совещание избрало для указанной цели итальянского профес-

сора Боргеа, англичанина-журналиста Стида и француза Муассе⁹⁵. В августе 1918 года союзники провели конференцию, на которой была создана постоянная Межсоюзническая комиссия при итальянском Главном штабе.

Принимая предложение премьера возглавить отдел, Нортклифф имел уже свой взгляд на эффективность пропаганды. Она, по его мнению, должна воздействовать на умы и чувства неприятеля и для того, чтобы быть действенной, должна быть внушена последовательной политикой. Такая политика, по мнению Нортклиффа, должна пройти через различные стадии, основанные на военном успехе, приближаясь все время к миру — цели, к которой стремятся оба противника. Но каким бы искусным ни был руководитель пропаганды, какие бы совершенные методы он ни применял, они могут иметь действительное влияние только в том случае, если правительство обладает определенной политикой, известной во всех главных подробностях руководителю пропаганды. Весь план, по которому Нортклифф проводил свою кампанию, делится на две совершенно различные части. Первая — связь пропаганды с политикой, вторая — необходимость согласованности целей союзников.

Нортклифф был вхож в правительство, общался с самим премьером, был в курсе всех его политических предположений. Когда он взялся за дело антинеприятельской пропаганды, то понял необходимость скорейшего разрешения всех политических вопросов, остававшихся до того времени неясными и противоречивыми. Так, британское правительство совместно с другими дало противоречивые обещания Италии и Югославии. Нужно было рассеять все неясности. Он потребовал от кабинета быстрых действий, и ему настолько посчастливилось, что все недоразумения в отношениях между Англией и Италией были устранены как раз к тому времени, когда необходимо было начать сильнейшую пропаганду против австро-венгерских войск, результатом которой и явилась приостановка наступления на реке Пиаве вследствие деморализации южнославянских полков.

Таким образом, пропаганда имела целью не только произвести угнетающее моральное впечатление на германскую армию и народ, но также ознакомить их с военным положением союзников, с превосходством их огромных запасов, со снаб-

жением живой силой и материалом, с их научными открытиями и нарисовать перед ними в то же время картину того, что будет представлять собой мир после войны; при помощи пропаганды им внушалось, что в тот момент, когда немцы избавятся от своего правительства, союзники предоставят им широкую возможность возрождения и нового строительства и что им нечего опасаться разрушения и уничтожения, которых им следовало, по словам их правительства, ожидать от победоносных союзников, что война велась против кайзера и Гогенцоллернов, против царствующего дома Германии, но не против германского народа, которому нечего бояться. Это было не совсем так; но все-таки нельзя отрицать, что эта часть пропаганды, весьма искусно организованная, оказала большое влияние и в значительной степени способствовала революции.

«Оперировать истиной» — было основным положением всей работы лорда Нортклиффа. Но это «оперирование», имевшее целью «дать привлекательную перспективу мира после войны», только в том случае могло рассчитывать на успех, «если пропаганда задолго предшествует событиям реальной политики». «Пропаганда должна расчистить путь политике и формировать общественное мнение незаметным образом»⁹⁶.

Австро-Венгрия больше, чем Германия, сделалась объектом, против которого была направлена пропагандистская деятельность. Как только лорд Нортклифф сформировал свой штат, его первой заботой явилось направление людей, которых он намеревался послать против Австрии. Главными его агентами сделались журналисты В. Сид и С. Уотсон. При штабе итальянского Верховного командования была образована постоянная Межсоюзническая комиссия пропаганды. К ней были прикомандированы представители комитетов всех национальностей, входивших в состав двуединой монархии. Необходимые для использования сведения комиссия получала из специально организованного в Берне бюро. При комиссии издавался еженедельный журнал на четырех языках — польском, чешском, хорватском и румынском и, кроме того, печатались брошюры и выпускались манифесты. Вся эта литература распространялась среди австро-венгерских войск при помощи аэропланов, специальных приспособлений и дезертиров разных нацио-

нальностей. Были использованы также установленные между окопами граммофоны, пробуждавшие национальные чувства среди отдельных народностей австро-венгерской армии. В результате — дезертирство развилось до такой степени, что целые войсковые части со своими командирами переходили на сторону итальянцев.

До какой степени австро-венгерские власти были обеспокоены пропагандой, свидетельствуют приказы по армии и немецкие и австрийские газеты, в которых приводились выдержки из листовок, и лорд Нортклифф подвергался самым жестоким нападкам. Результаты этой пропаганды затронули также тактику отдельных войсковых частей австро-венгерской армии. Во время наступления под Пиаве пришлось выделить пулеметные отряды для предупреждения массового дезертирства. Однажды во время этого наступления среди чехословацких отрядов началось восстание; оно было немедленно подавлено немцами и венграми. Во время этого сражения были часты отдельные случаи бегства небольшими группами. Целый чехословацкий отряд под предводительством своего командира перешел однажды на сторону Италии; несмотря на бесспорную храбрость и смелость, выказанную немецкими и венгерскими полками Австрии, такое положение сделало успех операции невозможным; большое наступление не удалось. После сражения генерал Диаз, главнокомандующий итальянской армией, принял членов комиссии и горячо благодарил их, говоря, что в значительной степени победа одержана их стараниями. Эти усилия продолжались непрерывно вплоть до того времени, когда отпадение Болгарии увеличило дезертирство, усилило беспорядки и привело к крушению монархии.

По отношению к Германии был применен другой прием. Там работа шла на расслоение: сначала — между императорским домом и населением, затем — между правительством и народом, далее — между Верховным командованием и армией и, наконец, между начальствующим составом и подчиненными. Для этого издавались и распространялись с аэропланов и другими путями агитационные листки, которых в некоторые периоды войны на одном только Западном фронте выпускалось до 5 ? миллиона экземпляров в месяц; сообщались также войскам и населению «точные известия» о ходе

военных действий, распространялись карты, журналы, имевшие, с первого взгляда, внешний вид германских, но на самом деле это были агитационные листки; имелись затем проповеди, даже книги, обложки которых совершенно не соответствовали содержанию, диаграммы и сведения всякого рода — с целью произвести впечатление на солдат и гражданское население, и, согласно правилу, установленному лордом Нортклиффом, пропаганда всегда подготавливала путь политике.

«Хорошая пропаганда, — писал в своей книге «Тайны дома Крю» Кемпбел Стюарт, — должна задолго предшествовать событиям реальной политики. Она должна расчищать путь политике и формировать общественное мнение незаметным образом. Это был основной принцип, на котором был построен успех отдела лорда Нортклиффа. Попытка организовать пропаганду на политике является такой же роковой, как попытка руководить пропагандой без всякой политики или на основании противоречивой политики. Можно написать целые тома о результатах, полученных от всех отдельных случаев».

О том, с каким успехом действовала пропаганда Нортклиффа, свидетельствуют яростные отзывы германских военачальников.

Маршал фон Гинденбург с возмущением отнесся к этому «яду», который заразил не только дух армии, но дух всей Германии. Генерал фон Гутнер, победитель под Ригой, тактика которого уничтожила почти целиком всю 5-ю английскую армию 21 марта 1918 года, возмущается «хитростями, обманом и другими подпольными методами самого отъявленного негодяя из всех негодяев Антанты — лорда Нортклиффа». Арнольд Рехбер писал в более сдержанном тоне в «*Tagliche Rundschau*»: «Не может быть никакого сомнения в том, что лорд Нортклифф очень способствовал победе Англии в мировой войне. Метод его руководства английской пропагандой со временем получит должное место в истории, как достижение, успех которого трудно будет превзойти. Пропаганда Нортклиффа во время войны точно учла характер и умственные способности немцев»⁹⁷.

Оценку эффективности пропаганды англичан давали и их союзники. В частности, адмирал Симс, «командующий аме-

риканскими морскими силами в европейских водах», в своей книге «Победа на море»⁹⁸ рассказывает, как по его приезде в Лондон Адмиралтейство ознакомило его «с фактами и цифрами, которые не были сообщены британской прессе». Он прибавляет: «Эти документы обнаружили поразительный факт, что если бы не был положен предел ужасающему истреблению торгового тоннажа, имевшему место в то время, полная капитуляция Британской империи была бы неизбежна через несколько месяцев». Лорд Джелико показал ему цифры, доказывающие, что потери, понесенные от подводной войны, были в три или четыре раза больше цифр, опубликованных в прессе, и сказал: «Нам невозможно продолжать войну, если мы будем терпеть такие потери». «Газеты,— сказал адмирал,— в течение нескольких месяцев публиковали известия о потонувших в большом количестве подводных лодках, а теперь я убедился, что эти рассказы были неверны. Они печатали также отчеты о добровольной капитуляции германских подводных лодок; адмирал Джелико сказал мне, что этого никогда не было и что эти рассказы распространялись с целью ослабления морального духа неприятеля. Некоторые члены правительства,— продолжал адмирал,— думали, что захваченные немецкие подводные лодки находились уже в морских верфях»⁹⁹.

Руководитель Управления печати Верховного командования Германии В. Николаи признавался, что печать была сильнейшим средством неприятельской пропаганды. Часть ее изображала нас за границей как виновников войны, затягивающих последнюю своими стремлениями к захватам и мировому господству, или как уже побежденных, чтобы заставить нейтральные государства примкнуть к Антанте и чтобы скрыть нарушения Антантой международного права, а также подготовить почву для «погромного мира» (*Vernichtungsfrieden*). Другая часть печати, писал он в своих воспоминаниях, была предназначена для ослабления нашей боевой силы. Это и было целью всей пропаганды; работа последней за границей являлась лишь средством для достижения указанной цели. Она была предназначена и приспособлена для того, чтобы окружить Германию кольцом враждебных ей иностранных государств. Она рассчитывала на помощь изнутри, со стороны антигосударственных элементов, пораженцев, шептунов и на-

ходившихся в Германии интернациональных мечтателей. И в этом отношении она не просчиталась. Она нашла также поддержку себе в лице безродных германских дезертиров и политических беженцев. Согласованность действий Антанты простиралась до того, что даже в пропаганде на Восточном фронте принимали участие английские и французские офицеры.

Главной задачей пропаганды было разрушить монархию Гогенцоллернов, подчеркивает В. Николаи, но со вступлением Америки в войну прекратилась антимонархическая пропаганда, и почувствовалась и скоро приняла значительные размеры пропаганда с целью подрыва доверия к германскому командованию.

Далее руководитель германской пропаганды сообщает, что разведка, контрразведка и Управление печати представляли по команде обширный материал обо всех разветвлениях неприятельской пропаганды информационно-психологического воздействия и давали совершенно ясную, исчерпывающую картину всех ее целей, путей и средств. Но Генеральный штаб не являлся подходящим учреждением ни для борьбы с пропагандой, ни для организации контрпропаганды, делает он вывод, Верховное командование могло принимать меры только на театрах военных действий. Ведавшие разведкой офицеры побуждали войсковых начальников к передаче им сброшенных неприятелем листовок и изображений, поощряя к этому войска уплатой вознаграждения. Командный состав и руководители «отечественного просвещения» выступали с разъяснениями против пропаганды. Сдаваемые разведывательным офицерам летучки исчислялись десятками тысяч, а целые, не вскрытые тюки их доказывали, что войска не оказывали внимания неприятельской лжи. Но все это изменилось, когда такие же мысли стали проникать в войска из тыла. Неприятельская пропаганда только тогда стала оказывать влияние на дух войск, когда пропаганда на фронте протянула руку пропаганде в тылу¹⁰⁰.

Людендорф силу английской пропаганды видит в ее исторических корнях. В своих мемуарах он заявляет: «Пропаганда была испытанным и могучим английским средством борьбы. Благодаря ей Ост-Индская компания достигла блестящих результатов при завоевании Индии. Пропаганда создала в Англии школу. Англия была единственным государством, которое уже давно вполне сознательно и с поистине

широким размахом пользовалось этим вспомогательным средством политической и военной борьбы для своей национальной политики, стремящейся захватить весь мир в сферу своего влияния...»¹⁰¹

Печать в России входила в компетенцию Министерства внутренних дел, которое своими распоряжениями имело право воспрепятствовать издателям и редакторам касаться наиболее острых политических вопросов и событий, крупных катастроф и происшествий, всего, что оно считало необходимым не допустить на страницы газет и журналов. Вместе с тем, стараясь подчинить издания интересам победы в войне, руководители Министерства внутренних дел призывали печать помогать правительству и государству в это трудное военное время. В январе 1916 года МВД провело даже съезд представителей официальных изданий, на котором рассматривался вопрос объединения усилий печати для поддержки армии и народа в борьбе с врагом. В это же время В. В. Штюрмер, занимавший с января пост председателя Совета Министров, решил противостоять усиливающимся нападкам на правительство с помощью нового пропагандистского агентства, в состав которого вошли бы наиболее читаемые газеты. Получив на это от царя 5 миллионов рублей, Штюрмер предложил издателю И. Сытину возглавить его, но тот отказался¹⁰².

Такие агентства и бюро, через которые правительство оказывало воздействие на печать, уже существовали в России. Важную роль среди них играло Петроградское телеграфное агентство (бывшее Санкт-Петербургское телеграфное агентство), которое было передано с 1912 года в Совет Министров, но по-прежнему тесно работавшее с Министерствами иностранных и внутренних дел и так же, как во время Русско-японской войны, активно проводившее в своей информационной работе правительственную политику¹⁰³. В его составе теперь работало более 200 корреспондентов в России и за рубежом. ПТА имело своих военных корреспондентов¹⁰⁴. Также агентство заказывало опытным журналистам и публицистам статьи по необходимым темам¹⁰⁵.

Непосредственное воздействие на все виды изданий оказывало Главное управление по делам печати. Оно использовало различные рычаги для управления газетами и журналами. Так, в сентябре 1914 года, чтобы сделать послушным

сытинское «Русское слово», начальник Главного управления по делам печати вызвал к себе одного из руководителей газеты — Руманова, показал ему приказы Верховного командования, касающиеся прессы, и велел довести их смысл до Сытина и редакторов «Русского слова». Всего за два месяца, отчитал он Руманова, «Русское слово» умудрилось помочь врагу. Он — «друг газеты», однако, если она не переменится, он употребит власть. Преждевременному разглашению сведений о военных операциях нет оправдания, а посему никаких репортажей не публиковать до оглашения официальных сводок.

К октябрю военная цензура еще более ужесточилась, и вновь «Русскому слову» досталось за критику больше других. Отныне два цензора прочитывали военные комментарии, а также все иные материалы газеты, имеющие отношение к войне. Кроме того, они обязаны были определять, какое впечатление могут произвести публикации на гражданское население, и запрещать все, что казалось «упадническим». Что касается военно-морских вопросов, то «Русскому слову» впредь надлежало ограничиваться только официальными сообщениями¹⁰⁶.

Отношение к газете смягчилось только тогда, когда она стала освещать военные события с патриотических позиций.

Важную роль в управлении пропагандой в период войны играло Осведомительное бюро, которое с 1906 года существовало при Главном управлении печати с задачей «по положительному, с точки зрения правительства, информированию печати»¹⁰⁷. Оно работало в тесном контакте с Петроградским телеграфным агентством, Бюро русских журналистов¹⁰⁸ и другими информационными агентствами, бюро, комитетами, а также отдельными изданиями.

Осведомительное бюро издавало «Правительственный вестник о военных событиях»¹⁰⁹, «Военный бюллетень»¹¹⁰, в которых публиковались сводки сообщений с театра военных действий. Его сотрудники вели обширную работу по обзору российской столичной и провинциальной печати, а также зарубежных изданий — союзных, нейтральных и неприятельских¹¹¹ стран. Обзоры печати составлялись не только общего характера, но и по отдельным вопросам. Например, в 1914 году были подготовлены обозрения прессы по темам: «Обзор ино-

странной печати по повстанческому вопросу»¹¹², «Обзор заграничной печати по вопросу Финляндии»¹¹³, «Отзывы иностранной и инородческой печати о России»¹¹⁴ и другие. Обзоры столичной прессы производились ежедневно и в тот же день докладывались начальнику Главного управления печати¹¹⁵. Были также обзоры за десять дней, месяц или за какой-то другой период. Отдельно исследовалась печать Англии, Франции, США, Германии, Австро-Венгрии, Турции, Италии и других стран, а также по регионам, например Балканские государства. Пристальное внимание уделялось ведущим зарубежным изданиям. Так, из французских газет предпочтение отдавалось «Le Journal», «Le Regaro», «Le matin»¹¹⁶. Ежедневно выходил «Бюллетень Осведомительного бюро», для которого правительственные учреждения предоставляли официальные сообщения¹¹⁷. Бюллетень предназначался для редакций периодических изданий.

Архивные документы свидетельствуют, что Осведомительное бюро имело специальные денежные средства для субсидирования печатных изданий¹¹⁸. Под его руководством с правительством сотрудничало Бюро русских журналистов. При его помощи Осведомительное бюро усиливало свое влияние на общественное мнение путем информирования провинциальных газет. Им рассылались статьи, которые готовили сотрудники Бюро журналистов. С 1916 года оно также привлекалось для подготовки информации о России за рубеж¹¹⁹. С 1914 года при Главном управлении по делам печати существовал особый комитет народных изданий, который также осуществлял свою деятельность под воздействием Осведомительного бюро.

В Осведомительном бюро в начале войны сотрудничало более шестисот человек. В 1914—1916 годах штаты его не раз пересматривались в сторону сокращения и опытные сотрудники отправлялись на фронт. Таким образом, дополнительный объем информационной работы ложился на других сотрудников, что влияло на ее качество в худшую сторону.

По линии военного ведомства в Главном управлении Генштаба имелась группа офицеров, возглавляемая полковником Л. Мачульским, занималась подготовкой сообщений и статей для российской и зарубежной прессы. Распространение их велось через Министерства иностранных и внутренних дел.

Так, 15 июля 1915 года, когда Россия терпела поражение на фронте от германских дивизий, редакции периодических изданий получили копию телеграммы, посланной из Генштаба министру внутренних дел: «Необходимо путем неофициальных статей и широко поставленных разъяснений печати подготовить общественное мнение к вопросу о возможности (германского) наступления в пределах Варшавского военного округа». Позднее, в августе, Генеральный штаб предложил всем газетам опубликовать историю героической гибели на поле брани крестьянина Степана Веремчука¹²⁰.

Следует заметить, что влияние на зарубежное общественное мнение разделялось между Генштабом и Министерством иностранных дел. Однако единого органа руководства в этом направлении не было, и работа носила не систематически плановый характер, а эпизодический и велась пассивно, не опровергала даже тех слухов и лжи, которые распространяла германская пропаганда. В основном российские публикации касались военно-политических и экономических вопросов и предназначались для нейтральных, но не враждебных стран. Работу такого рода Главное управление Генштаба считало как бы своей монополией и предоставляло Ставке Верховного главнокомандующего ведение пропаганды на фронте. Однако ставка лишь через 14 месяцев после начала войны пришла к заключению о необходимости совместной деятельности с печатью, образовав у себя бюро печати, установила в виде опыта формы общения этого бюро с представителями печати, предупредительно сделав в составленной по этому поводу записке характерное примечание, что «ни одна из сторон (штаб и печать) не делает этим одолжения другой»¹²¹.

Таким образом, в то время, как германские разъяснения носили определенно активный характер и выявляли стремление военных верхов фактически направлять работу печати в соответствии с военными интересами, все поведение бюро печати в русской Ставке носило явно пассивный характер. Лишь единственный раз, в ноябре 1915 года, у начальника этого бюро внезапно и в резкой форме вспыхнуло желание управлять находившимися при Ставке представителями печати, «нисколько не считаясь ни с их профессиональными и материальными интересами, ни с интересами представляемых ими газет, а исключительно с точки зрения интересов воинского

дела»¹²². Но это желание столь же быстро должно было потухнуть вследствие того, что другие сотрудники бюро не сочувствовали такой постановке вопроса о военных обязанностях печати и, в противовес стремлению своего начальника, постарались внушить корреспондентам, что «их считают за курьеров или прислугу, и им всем надо немедленно уехать и предложить редакциям решить вопрос о дальнейшей работе в таком бюро»¹²³.

Впрочем, некоторая доля «активности», в смысле постановки печати задач, была проявлена Ставкой при самом создании бюро печати, когда в записке о «формах общения» с печатью предусматривалось обязательство газет помещать инспирированные Ставкой статьи, «чтобы таким образом влиять на общественное мнение нейтральных держав». Но при этом Бюро печати обязывалось «не только указать им в каждом отдельном случае на степень недостоверности допущенного сведения, но и каждый раз представить мотивировку самой необходимости такой инспирации»¹²⁴.

В самом военном ведомстве также не было единства в работе по информационному влиянию и разделению его сфер. Ставка, как и Генштаб, тоже предпочитала вести работу в этой области для нейтральных государств. Так, в апреле 1915 года по приказу Ставки штаб 6-й армии напечатал на средства военного фонда брошюру «Кайзер без маски» и перевел ее затем на шведский и французский языки. Через месяц была издана на шведском языке, с тиражом 30 тысяч экземпляров, брошюра Емельянова — ответ на «Слово предостережения» Свена Гедина. К осени того же года известным военным издателем Березовским, при содействии отпущенных Военным советом средств, было отпечатано на немецком языке 11 тысяч экземпляров брошюры «Воюющая Германия», причем часть тиража была направлена в нейтральные государства, а другую часть Ставка предполагала разбросать в Германии. В ноябре 1915 года начальник штаба Ставки утвердил проект прокламации к болгарскому народу, составленной в штабе 6-й армии, которое было подписано «Штаб русской армии», и распространяемой разными способами, и частью через румын.

Поступали в Ставку предложения (к удивлению — со стороны) и относительно пропаганды на фронте. Так, в сентяб-

ре 1915 года министр иностранных дел Сазонов просил Алексеева принять американского корреспондента «Таймс» Стенли Вашбурна и выслушать его проект о доставлении ежедневно на передовые позиции последних военных новостей, рисующих боевую работу союзников, и о разбрасывании с аэропланов и другими способами «открыток с картин Верещагина и др. из эпохи 1812 года, чтобы напугать немецких солдат предстоящею им зимнею кампаниею»¹²⁵. Но, по-видимому, проекты С. Вашбурна показались Алексееву слишком наивными, так как они никаких последствий не имели. Был отвергнут и ряд проектов русских издателей и журналистов в деле постановки пропаганды и ее концепции.

В целом в России не было единого управления печатью и пропагандой. Каждое из трех министерств — военное, внутренних и иностранных дел действовали разрозненно, поэтому не объединялись даже усилия тех людей и изданий, которые стремились помочь своему государству в борьбе с неприятелем. Например, крупнейший издатель И. Сытин встал под знамена самодержавия, и его издания воспитывали ненависть к врагу, показывали героизм русских воинов на фронте, старались замалчивать неудачи русской армии. Его «Русское слово» — самая читаемая в России газета, которая к тому же пользовалась необыкновенно широкой популярностью в деревне, из которой приходила в царскую армию основная масса, смягчила критику правительства, вызывавшего у народа недовольство перебоями в снабжении и тяжелыми потерями в сражениях. В сентябре 1915 года два репортера и художник-иллюстратор из «Русского слова» отправились на фронт с заданием рассказывать исключительно о доблести русских солдат. Вся редакция, писал редактор Благов военному министру, видит свою задачу в том, чтобы поддерживать в народе «бодрость духа и высокопатриотическое настроение», привлекая внимание читателей к «героическим подвигам» русских воинов¹²⁶.

В 1914 году в сотрудничестве с такими художниками, как Н. И. Рерих, Сытин начал выпускать патриотические плакаты, которым суждено было разойтись миллионными тиражами, а самым ярким примером может служить широко известный рисунок Рериха «Враг рода человеческого», изображавший германского императора Вильгельма II

в виде чешуйчатой гадины; в каждой руке он держал по черепу, а рядом были написаны названия городов, завоеванных его армией. Само собой, подобным персонажам в сытинских изданиях противопоставлялись идеализированные образы Николая II и его верноподданных; так, на одном из плакатов изображен спокойный, мудрый царь Всея Руси в окружении правителей других стран Антанты, исполненных в уменьшенном масштабе. На другом плакате полковой священник доказывает, что Бог на стороне России: вооруженный одной лишь иконой Спаса Нерукотворного, он убеждает нескольких австрийцев сложить оружие. У художника Д. Моора Сытин приобрел рисунки, сделанные на основе подлинных случаев героизма, проявленного русскими. В частности, на плакате, где солдат несет раненого офицера на перевязочный пункт Красного Креста, показан героический переход, который совершил «Рядовой Давид Выжимок под сильным огнем»; а плакат «Женщины в войне» изображает сестру Корокину, оказывающую помощь раненым под изорванным неприятельскими осколками флагом Красного Креста¹²⁷.

Типография Сытина также тиражировала работу Моора «Немецкие зверства». Здесь художник представил немцев хладнокровными садистами, которым нужны «новые колонии для сбыта своих товаров и для расселения избытка населения». Далее автор текста обрушивается на врага за его высокомерное «убеждение, что «Германия над всеми», что только немцы истинно культурные люди, что остальные народы просто дрянь, не стоящая внимания... И вот господа немцы... истязают и расстреливают мирных жителей, забирают в плен мужчин и бесчестят женщин, грабят и увозят в Германию имущество и разрушают великие произведения искусства». Художник в ярких красках рисует немецких солдат варварами: один поднимает на штык младенца, другой стреляет в священника.

Помимо этой пропагандистской поддержки Сытин сделал в 1914 году еще один шаг навстречу правительству; он не стал оспаривать судебный иск, возбужденный против одного из его изданий,— это единственный известный случай подобного рода. Речь шла о книге Корнея Чуковского «Поэзия грядущей демократии: Уолт Уитмен», в которой, как и в тол-

стовском «Круге чтения», содержались пацифистские идеи. Не послав адвоката своей фирмы на судебный процесс, состоявшийся в 1914 году, Сытин как бы дал молчаливое согласие на уничтожение книги, что и было сделано по постановлению Московской судебной палаты¹²⁸.

Этот поступок И. Сытина возмутил автора. Позднее К. Чуковский выпустит книгу в другом издательстве, ее переведут за рубежом. Несмотря на обиду, он продолжит сотрудничество в «Русском слове». Многие его статьи, опубликованные в этой газете, становились известными не только в России. Например, его статья «Не помогайте Вильгельму!»¹²⁹ получила широкий отклик в обществе, была, по словам М. Лемке, «по нашей разнузданности, по нашему равнодушию ко благу России»¹³⁰.

Такую пропагандистскую поддержку государству в этот период оказывали и другие российские издатели. В мае 1916 года редакторы «Русского слова» выступили с планом организованной пропагандистской кампании. Они направили В. В. Филатова в царскую Ставку с предложением, чтобы газеты, читаемые с наибольшим вниманием в России и Западной Европе, а именно «Новое время», «Биржевые ведомости», «Речь», «Русские ведомости» и «Русское слово», начали по договоренности между собой вводить в заблуждение как население России, так и ведущие мировые державы. Путем согласованного распространения ложных сведений, объяснил Филатов, газеты могли бы добиться отвода неприятельских войск с тех участков, где предполагается наступать, а также «успокоения русского общества». Затем было высказано одно условие, в свете которого весь этот план, рассмотренный и отвергнутый в высоких сферах, выглядит как дерзкая уловка: русскому военному командованию предлагалось неукоснительно извещать газеты, участвующие в кампании, об истинном положении дел на фронте¹³¹. В верхах посчитали, что сытинские редакторы назначили неприемлемую цену — попросили правительство делиться с печатью государственными тайнами. Видимо, тайны эти были необходимы сытинским редакторам, чтобы лучше строить информационное воздействие. Руководителям пропаганды союзников России по Антанте многие политические и военные планы доводились заранее, и они, исходя из них, заблаговременно строили свою работу.

Нет надобности отдельно перечислять те разрозненные и скромные попытки в отношении ведения пропаганды, которые предпринимались со стороны русского военного ведомства. Уже из сказанного до сих пор есть основание заключить, что это могучее средство современной войны не было в достаточной мере оценено в России и вылилось в мелкое кустарничество, как, впрочем, и на Западе оно не было планомерно использовано ни в качественном, ни в количественном отношении до тех пор, пока не перешло в 1918 году в руки лорда Нортклиффа. Но все же Антанта работала в этом отношении значительно лучше, чем Россия, как об этом свидетельствуют не только признания Людендорфа и Николаи, но и тот факт, как пишет сотрудник бюро печати М. Лемке, что даже сотрудники Ставки, перед которыми специально командированные представители Франции и Англии демонстрировали военную мощь своих государств — то отличными кинофильмами, то обстоятельными докладами (проф. Жюль Легра, ген. Ланглуа и др.), уходили с этих сеансов под тяжелым впечатлением своей крайней отсталости.

Что показал опыт войны

Первая мировая война показала, что власть над мнением, так же, как над жизнью и имуществом, перешла в официальные руки, ибо та опасность, которая грозила в результате свободы мнений, была больше той, которая могла получиться от искажений этих мнений. «Пропаганда, — по утверждению Гарольда Ласвеля, — это уступка способности современного мира рассуждать. Гораздо более может быть выиграно обольщением и обманом, чем принуждением».

Относительно правдивости сообщаемых пропагандой известий опыт Первой мировой войны показал, что всегда неразумно прибегать к пользованию таким материалом, который легко может быть опровергнут. Пропаганда должна избегать противоречий в одном и том же контексте, обращенном к одной и той же группе или даже к нескольким группам, но тесно между собой соприкасающимся. Должны быть применяемы те способы внушения, которые имеют шансы не вызвать опровержения, пока не будет достигнута цель пропаганды.

Пропаганда широко использовала исторический материал, для чего историки, зачастую вполне честно, придавали тем или иным фактам прошлого ту или иную окраску или фальсифицировали историю в соответствии с требованиями момента.

СМИ смогли истолковать войну как что-то такое, в чем заинтересованы все слои народа (отдельные социальные, профессиональные, религиозные и т. п. группы населения). О войне говорилось, что она должна вестись ради защиты их занятий, их семьи, их церкви, для увеличения их благосостояния, за укрепление их безопасности и веры. Формулировались цели войны, которые общего противника обращали в отдельного врага для каждого, каждая религиозная единица видела в поражении врага торжество своих богов.

Для осуждения неприятеля людьми, которые считают войну отвратительной гнусностью, нужно, чтобы они увидели в противнике величайшее препятствие к осуществлению прогрессивных мировых условий. Представленные им цели войны должны быть в высшей степени рациональны и идеальны. Например, английский публицист Уэллс, сотрудничавший с ведомством лорда Нортклиффа, сочинил целый ряд трактатов, в которых проводилась мысль, что германский милитаризм — препятствие лучшему мировому порядку. Это способствовало формированию у населения Западной Европы враждебного отношения к Германии, ее вооруженным силам.

Официальная и близкая к ней печать убеждала, что войну развязал неприятель, что народ, начавший войну, порочен и развратен; что он всегда ведет себя с демонстративным высокомерием и заносчивостью; что неприятель груб, жесток и алчен.

В случае неудачно складывающейся войны печать этой страны настаивала на конечном успехе ее народа, объясняя неудачи теорией внезапного нападения, сочетая это с тезисом блестящего сопротивления превосходству неприятельских сил.

Эффект неблагоприятного сообщения ослаблялся помещением информации на таком месте, которое не бросалось в глаза, с незаметным заглавием, или включением его в другое сообщение с пропуском подробностей, или, наконец, путем оспаривания его «очевидцем» и цитатами, которые вселяли

сомнения в правильности публикуемых сведений. На практике самым простым способом аннулирования невыгодных известий был прием компенсации. Ловкое преумножение благоприятных известий сможет нейтрализовать впечатление (от неблагоприятного сообщения).

Опыт войны 1914—1918 годов показал, что воинственный дух населения поддерживается убеждением, что есть шанс победить. Если станет ясно, что враг побеждает, то настроение многих групп населения сделается неуравновешенным и начнет падать. В таком случае ненависть пришедшего в уныние населения обратится на новый объект: народ может возыметь такую злобу к правящим классам своей страны или к союзникам, что он перестанет ненавидеть врага. (Пример: Австро-Венгрия, Россия.)

СМИ использовали как оружие прямой атаки на нравственное состояние неприятеля, с помощью его нарушали или отклоняли ненависть неприятеля от воюющей с ним страны. При необходимости направляли вражду на новый, независимый от нынешнего противника объект, рядом с которым он переставал иметь значение. Подготовительная к этому кампания — подрыв патриотизма, доверия народа к честности его правительства, уничтожение веры в возможность победы, муссирование лишений в тылу. Затем сосредоточивался информационный удар на одном определенном предмете: перенесение подозрения и вражды, например, на союзника. В России этот удар обрушился на монарха и его правительство. Война 1914—1918 годов доказала, какие хорошие результаты может дать пропаганда к прекращению вооруженной борьбы.

Информационное воздействие (пропаганда) в годы Первой мировой войны стало одним из трех главных орудий борьбы с неприятелем. (Двумя другими являлись военное и экономическое воздействие.) Основными стратегическими целями информационного воздействия (пропаганды) являлись: возбуждение ненависти к неприятелю; поддержание дружественного отношения к союзникам; сохранение добрых отношений с нейтральными странами и, если возможно, старание заручиться их сотрудничеством; деморализирование неприятеля.

Возбуждение ненависти к неприятелю достигалось тем, что он изображался алчным и жестоким зачинщиком войны, как

препятствие к достижению лелеемых идеалов и мечтаний народа, приданием врагу сатанинских качеств. Возбужденная таким образом ненависть поддерживалась уверениями, что этот алчный, жестокий противник в конце концов будет побежден.

Главным способом поддержания дружеских отношений с союзниками был показ своих напряженных усилий — в продолжении войны и выражении искреннего одобрения тех целей войны, которые преследовались союзником. Все это подкреплялось изъявлениями уважения к нему всеми способами внутренней пропаганды.

Чтобы овладеть симпатиями нейтральной страны, пресса стремилась нейтрально отождествить собственные интересы с поражением врага. Также были попытки втянуть нейтральную страну в какое-нибудь активное сотрудничество невоенного характера. Если ничего этого не удавалось добиться, то печать усиливала пропаганду пацифизма, изображая ужас войны и нежелание неприятеля заключить мир, или же пыталась посеять раздоры между двумя нейтральными государствами.

Для деморализации неприятеля печать старалась заменить вражду его населения к своей стране какой-нибудь новой враждой. Такая диверсия была рассчитана на то, чтобы развить у противника упадок духа и заразить его пораженчеством. Тогда открывался путь для жестокой кампании против его союзников, против правящих классов, среди мелких народов — против единства государства.

К целям тактического характера относились: возбуждение специфических интересов в отдельных группах населения; борьба с распространением нежелательных идей. Их достижение можно сформулировать следующим образом:

- должны быть распространены те способы внушения, которые могут возбудить специфический интерес в отдельных группах населения;
- должны быть избираемы те способы внушения, которые могут аннулировать нежелательные идеи, вызванные не поддающимися умолчанию событиями;
- должны быть применены те способы внушения, которые имеют шансы не вызвать опровержения, пока не будет достигнута цель пропаганды.

Стержнем информационного воздействия (пропаганды) являлось:

- войну ведут народные массы, и им она должна казаться навязанной: хочешь не хочешь, а защищайся;
- кого можно — следует убедить в его непосредственной материальной заинтересованности в войне и победе;
- необходимо замаскировать истинные цели войны под борьбу за справедливый и вечный мир.

Первая мировая война показала, что в нейтральных и союзных странах пропаганда может вестись открыто. Если она осуществляется скрыто, то это порождает подозрительность, недоверие и мешает согласию. Так, Комитет общественной информации США осведомил правительства нейтральных стран в отношении информирования населения этих государств. Но в то же время не следовало сообщать противнику, например, о том, что создан отдел пропаганды на неприятельские страны.

Ведение войны показало важность контроля над источниками информации населения как внутри страны, так и за границей и предпочтительно согласованного руководства им. Несогласованность приводила в значительной степени к параллелизму в работе, выпуску и распространению, например, брошюр одинакового содержания военными и дипломатами. Однако такое руководство требует, чтобы в организации информационного воздействия была в значительной мере сохранена автономность участвующих в работе органов. В ходе войны формы этой организации были следующие:

- единый исполнительный комитет пропаганды;
- орган, в котором каждый исполнитель ответствен за свою отрасль деятельности: один — за информационное воздействие среди неприятеля, другой — за пропаганду в нейтральных и союзных государствах, третий — за пропаганду среди гражданского населения, четвертый — за пропаганду среди войск;
- было установлено общее информирование прессы представителями соответствующих отраслей государственного управления, а все другие функции выполнялись заинтересованными в этом органами: Министерством иностранных дел, военным ведомством, Министерством внутренних дел. США избрали первую форму, Великобритания — вторую, Германия — третью.

Таким образом, устройство того аппарата, который во время войны направлял печать к выполнению военных задач в

каждом отдельном государстве, имело свою форму и особенности. Но общая схема этого устройства показывала, насколько сложно управление печатью во время войны и какими разносторонними должны быть мероприятия по ее координированию. Все это привело к выводу, что если пропаганда по своей природе не может быть сосредоточена в одних руках, то единство работы должно быть достигнуто, скорее, путем ее координирования, чем предоставлением кому-либо исключительных полномочий.

Во время Первой мировой войны все государства старались довести до минимума вредные последствия возможных в работе противоречий, несоответствия или параллелизма, прибегая для этой цели к одному из трех способов координирования: к совещаниям с представителями прессы (Германия); к образованию комитета из представителей исполнительной власти, с ответственностью каждого лица за определенную отрасль пропаганды (Великобритания), и к созданию единого исполнительного органа пропаганды, действовавшего от лица главных отделов управления (Соединенные Штаты). Немцы вследствие чрезвычайных трений между военными и гражданскими властями не ушли дальше общих совещаний с представителями прессы и случайно проявляющихся иногда стремлений к координированию. Французы, за исключением назначения специальных уполномоченных, посланных в некоторые из наиболее важных стран, пользовались существовавшими у них отделами управления. Англичане были принуждены в конце концов создать комитет из представителей исполнительной власти, бывших приблизительно на положении министров; каждому из них была предоставлена какая-нибудь одна важная отрасль пропаганды, как, например, пропаганда в неприятельских странах или же внутренняя пропаганда, или пропаганда у союзников, или, наконец, пропаганда в нейтральных странах. Выбором для управления каждой из этих важных отраслей лица, пользовавшегося авторитетом, достигалось иногда и то, что политика изменялась к лучшему. Нортклифф заставил кабинет выпрямить его линию политики по отношению к Италии и Югославии, причем результаты этого подтвердили правило, что политика и пропаганда должны работать рука об руку. Соединенные Шта-

ты разрешили эту задачу созданием комитета из лиц, возглавлявших важнейшие отделы управления (министерства иностранных дел, военное и морское), и одного серьезного и смелого лица для наибольшей продуктивности исполнительной работы. Централизация всей деятельности Криля оправдывается сравнительной простотой американской пропаганды как внутри страны, так и вне ее. Англичанам приходилось иметь дело с такими сложными решениями иностранных проблем, что излишняя централизация могла бы даже повредить налаженному делу.

Опыт войны показал, что во главе каждого из отделов пропаганды, имеющих более или менее крупное значение, должны встать лица, авторитет которых приблизительно равен авторитету администраторов, направляющих политику, и что личный состав рабочего аппарата должен быть набран главным образом из журналистов, из популярных писателей и из людей, специально изучавших пропаганду, как профессию, — но не из владельцев газет.

Война дала много доказательств того, что поддержание добрых отношений между службами пропаганды и органами законодательной власти является весьма трудной задачей. Исполнительная власть демократического правительства может неправильно пользоваться аппаратом пропаганды для целей партийных, личных или классовых и может заранее связать руки законодательству, склоняя общественное мнение к поддержанию собственной политики. Исполнительная власть может использовать бюро пропаганды для распространения неверной картины фактов, а законодательная власть, узнав об этом, может поставить это в упрек исполнительной власти в несдержанных выражениях и тем подорвать доверие общества к властям.

В этом случае налаживание дела часто зависело не от статуты и приказов, но от применения неофициальных источников осведомления, благодаря которым законодатели могли ближе ознакомиться с деятельностью этой службы. И если дела шли плохо, то они протестовали. Именно неумение заделать трещину между законодателем и администратором привело к недостойной и несправедливой критике Комитета общественной информации со стороны американского Конгресса.

В ходе Первой мировой войны сложились три основных приема печати в воздействии на массы: осведомление (информирование), агитация и пропаганда. Осведомление являлось пассивным приемом воздействия. Для достижения желательного эффекта осведомление (или информирование) стремилось, чтобы оно было правдивым, не вызывало сомнений в достоверности. Это не значило, что для отражения в печати пригодна вся информация. Подбор информационного материала был, по возможности, согласован с целями, которых в том или ином случае желательно было достигнуть.

Но замалчивание неблагоприятных известий подрывало доверие к информации, исходящей от тех или иных органов. Отсюда вытекало, что при информировании масс известиями, не отвечающими поставленным задачам, необходимо было путем комментариев и анализа дать соответствующее освещение, которое не только обезвредило бы их, но даже могло бы обратить их в полезные — для подготовки общественного мнения к восприятию таких мер, которые иначе могли бы представиться необоснованными. При этом возможно, что освещение не нужно давать сразу и в исчерпывающей полноте; напротив, учитывая необходимость внедрить известную идею как можно глубже в сознание масс, полезно систематическое возвращение к той же теме. Словом, происходило все по пословице: «Капля пробивает камень не силою удара, а частым падением». Важное значение имела своевременность использования информационного материала. Однако своевременность вовсе не являлась синонимом свежести сообщаемого известия в хронологическом смысле. Информационные материалы могли быть вполне «свежими» по времени, но не производить того впечатления, которое могли вызвать материалы более давнего происхождения, но использованные кстати. Следовательно, вопрос своевременности использования информационных материалов в военном отношении требовал, с одной стороны, накопления полезных материалов (в архиве или «портфеле»), а с другой — каких-то сигналов свыше, для того чтобы в нужный момент вся печать вполне согласованно выступала в целях выполнения определенных задач.

Агитация, название которой происходит от французского слова «agiter», в прямом смысле означает: волновать,

двигать, колебать, тревожить. Она имела целью, базируясь на информации и комментариях, вывести человека из состояния инертности, создать в нем необходимое настроение по отношению к какому-нибудь вопросу, предмету или явлению. Она носила уже определенно активный характер, но проводила свою работу в более или менее узких рамках, сосредоточивая внимание народных масс на отдельных пунктах, имеющих в данный момент то или иное значение для достижения поставленной цели. Для своего успеха агитация нуждается не только в убедительности (логичности) приводимых ею доводов, но и в настойчивом их подтверждении, пользуясь для этого каждым представляющимся случаем, чтобы вернуться к агитируемому вопросу, и стремясь таким образом повторно привлекать к нему внимание массы, чтобы пробить брешь в ее непонимании или инертности.

Третий прием — пропаганда (от французского слова «propager» — размножать, разводить; «propagande» — распространение учения, мнения) являлась той же агитацией, но углубленной до понимания и восприятия ее широкими массами и проводимой одновременно и непрерывно на обширном фронте — с атакой не одного, а целого ряда пунктов и с объединением всех разнородных и разнообразных действий одной общей и конечной целью. Во время Первой мировой войны информация и агитация проводились отдельно в каждой из затрагиваемых печатью областей — военной, политической, экономической и культурной, — и притом в каждой по их специфике, поскольку «пропаганда в целях победы» обязана сразу охватить все эти области и суметь направить все усилия каждой из них на достижение общей поставленной ей политической цели.

Информацию и агитацию относили к области «тактики печати», а пропаганда составляла область «стратегии печати». Подполковник В. Николаи приписывает поражение Германии тому, что ее правительство не сумело объединить население путем печати. «В Германии, — пишет он, — очень многие занимались тактикой печати, но стратегией печати не занимался никто»¹³². То же можно сказать и о России.

В ходе Первой мировой войны полиграфия развивалась так, что это позволило воспроизводить текст с высокой скоростью в любом количестве экземпляров, распространять его на огромных

пространствах и «массировать» печатные материалы там, где в этом ощущалась необходимость. Так, на Западном фронте лордом Нортклиффом выпускалось до 5,5 миллиона агитационных листовок в месяц, чего никогда не было в прошлых войнах.

Еще более сильным средством информационного воздействия являлось изображение: оттиск рисунка, картины, фотографии. Они производили весьма быстрый и сильный эффект на человека. Значительное воздействие оказывали карикатуры, шаржи, фотографии в сочетании с текстом.

Повышение роли информационного воздействия в Первой мировой войне было воспринято как отражение необъятности, рациональности и своеволия современного мира. Подчеркивалось, что это новая динамика общества, так как власть разделилась и раздробилась, и гораздо более может быть выиграно обольщением и обманом, чем принуждением. Предсказывалось, что оружие информации в XX веке будет иметь большой успех. В изучение этого вопроса в 20-е годы включились многие профессора, ученые, журналисты и военные. Среди видных германских ученых, выпустивших свои труды по пропаганде, мы встречаем Иоганна Пленге, Эдгара Штерн-Рубарта, Фердинанда Тэнниса и Курта Башвитца. Ценные монографии по исследованию этого предмета были написаны: Шенеманом, по-немецки — о Соединенных Штатах; Маршаном, по-французски — о некоторых видах германской пропаганды; Вилером, по-немецки — о специальных задачах пропаганды и некоторыми другими. Блестящим вкладом в эту сокровищницу мыслей и взглядов явился труд Демарсиаля, в котором проанализированы французская и германская пропаганда во время войны¹³³. Некоторые представители новейшей пропаганды и публицистики начали рационализировать и специализировать добытый опыт. Университеты стали открывать курсы лекций по новейшей технике пропаганды.

Таким образом, имелось много причин прогнозировать, что в новой войне информационное оружие будет использоваться еще более искусно и широко.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Скиф*. Печать и военное ведомство // Разведчик. 1911. 4 января.

² *Португалов М. И.* Печать и тайна // Разведчик. 1911. 8 февраля.

³ *Далинский*. Военные секреты // Разведчик. 1911. 2 августа.

- ⁴ *Португалов Н. М.* Печать и тайна // Разведчик. 1911. 8 февраля.
- ⁵ *А. К-рь.* Письма из Китая // Россия. №1707.
- ⁶ Русско-японская война. 1904—1905. Т. VII. Ч. 3. С. 361.
- ⁷ См.: Новое время. 1905. 4 февраля.
- ⁸ Цит. по: *Мансуров В.* За кулисами военного дела // Русский инвалид. 1908. 18 сентября.
- ⁹ *Громов М. А.* Цензура и шпионство по законам военного времени. Пг., 1914. С. 42.
- ¹⁰ *Лемке М. К.* 250 дней в царской ставке. Пг., 1920. С. 126—132.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 135.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Цит. по: *Белогуров С.* «Я еду простым рабочим» // Красная звезда. 1997. 29 ноября.
- ¹⁵ Цит. по: *Лемке М. К.* Указ. соч. С. 136.
- ¹⁶ Там же. С. 37.
- ¹⁷ Там же. С. 136—137.
- ¹⁸ Там же. С. 256—257.
- ¹⁹ Там же. С. 136.
- ²⁰ Там же. С. 258—364.
- ²¹ Год войны. М., 1915. С. 5.
- ²² Там же. С. 6.
- ²³ Там же. С. 7—8.
- ²⁴ *Новоселов В.* Указ соч. № 2. С. 580.
- ²⁵ *Лемке М. К.* Указ соч. С. 74—75, 205—206, 345—347, 372.
- ²⁶ Там же. С. 826—828.
- ²⁷ Там же. С. 826.
- ²⁸ Там же. С. 827.
- ²⁹ Там же. С. 828.
- ³⁰ *Новоселов В.* Война и печать // Пробуждение. 1915. № 2. С. 826—827.
- ³¹ *Лемке М. К.* Указ. соч. С. 363.
- ³² Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1914. № 26.
- ³³ См.: Собрание узаконений. 1914. 12 июля. № 170. Ст. 2056. С. 821—822.
- ³⁴ Там же. 1914. 20 июля. № 191. СПб., 1914. С. 3015—3016.
- ³⁵ Там же. С. 3024.
- ³⁶ Собрание узаконений... 1914. 26 июля. № 203. СПб., 1914. Ст. 2752.
- ³⁷ *Громов Н. А.* Цензура и шпионство по законам военного времени. Пг., 1914.
- ³⁸ Собрание узаконений... № 313. Ст. 2904. С. 4238.
- ³⁹ Собрание узаконений... Пг., 1915. № 220.

- ⁴⁰ Там же. С. 3024.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 3029.
- ⁴³ Там же. С. 3017.
- ⁴⁴ *Новоселов В.* Указ. соч. С. 580.
- ⁴⁵ *Лемке М. К.* Указ. соч. С. 391—393.
- ⁴⁶ Там же. С. 420.
- ⁴⁷ Там же. С. 427.
- ⁴⁸ Там же. С. 430—431.
- ⁴⁹ Там же. С. 432—433.
- ⁵⁰ Там же. С. 433.
- ⁵¹ Там же. С. 433—434.
- ⁵² Там же. С. 435.
- ⁵³ Там же. С. 438.
- ⁵⁴ Падение царского режима. М., 1924. Т. 1. С. 220—221.
- ⁵⁵ Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта.
- ⁵⁶ Там же. 27 апреля.
- ⁵⁷ Там же. 7 июля.
- ⁵⁸ *Деникин А. И.* Очерки русской Смуты // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 101.
- ⁵⁹ Вестник Временного правительства. 1917. 7 июля.
- ⁶⁰ Там же. 15 июля.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² *Деникин А. И.* Указ. соч. С. 102.
- ⁶³ Там же. С. 103.
- ⁶⁴ *Gottschalk Jack A.* Consistent with Security... A History of American Military Press Censorship. Communications and the Law 5. 1983. P. 35—52.
- ⁶⁵ Censorship the military and the media / The media at war: the press and Persian the Persian gulf conflict. New York. 1991. P. 9—10.
- ⁶⁶ См.: Военный зарубежник. 1921. № 1. С. 122.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ *Лемке М. К.* Указ. соч. С. 439—441.
- ⁷⁰ *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне. 1914—1918 годы. В 2 т. Пг., 1924.
- ⁷¹ *Nicolai W.* Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg. Berlin, 1920.
- ⁷² См.: Военный зарубежник. 1921. № 1. С. 122—123.
- ⁷³ *Лемке М. К.* Указ. соч.
- ⁷⁴ См.: *Деникин А. И.* Указ. соч. С. 99—104.
- ⁷⁵ См.: *Верховский Д. В., Ляхов В. Ф.* Первая мировая война 1914—1918 годов. М., 1964. С. 37—39; Пропаганда // Конфликты XX века. М., 1993. С. 110; *Рууд Чарльз.* Русский предприниматель

московский издатель Иван Сытин. М., 1996. С. 196—207; *Г. Гейдортн.* Монополии, пресса, война. М., 1964; *Новоселов В.* Печать и война // Пробуждение. 1915. № 2. С. 580—581; *Потанов Н. М.* Печать и война. М.; Л., 1926; *Лешанель Ф.* Пропаганда лорда Нортклиффа во время войны // Вестник Н.К.И.Д. 1921. 15 мая. С. 37—45 и др.

⁷⁶ *Nicolai W.* Указ соч. С. 167.

⁷⁷ Цит. по: *Потанов Н. М.* Указ. соч. С. 10.

⁷⁸ *Шлиффен А.* Канны. М., 1938. С. 368—369.

⁷⁹ См.: Русское слово. 12 мая 1915.

⁸⁰ *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 301.

⁸¹ *Nicolai W.* Указ соч. С. 53, 54.

⁸² Там же. С. 167.

⁸³ Там же. С. 184.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 72.

⁸⁸ *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 298—299.

⁸⁹ *Николаи В.* Указ. соч. С. 111.

⁹⁰ *Платонов Н. М.* Указ. соч. С. 33.

⁹¹ *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 292.

⁹² Там же. С. 303—306.

⁹³ Там же. С. 306.

^{93a} *Irwin W.* Propaganda and the News or What mares you thiur so? N. Y., 1936. P. 184.

^{93b} *Creel G.* How we advertized America. The first Telling of the Amazing Story of the Committee on Public Information that Carried the Gospel of Americanism to Every Corner of the Globe. N. Y.—L., 1920. P. 13.

^{93b} См.: *Greel G.* How we advertized America... P. 7—8; *Mock J. R.* and *Larson C.* Words that Won the War. The Story of the Committee on Publec Information. 1917—1919. Princeton, 1939. P. 339; *Лан В. И.* США от первой до второй мировой войны. М., 1947. С. 43—44.

⁹⁴ Там же. С. 303.

⁹⁵ Propaganda and the Father of it // *Cornill magazine.* N. S. V. 48. P. 233—241.

⁹⁶ Пропаганда лорда Нортклиффа во время войны // Вестник Н.К.И.Д. 1921. 15 мая. С. 37.

⁹⁷ *Steed Thirty Yearg.* II, P. 196.

⁹⁸ *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С.

⁹⁹ См.: Вестник Н.К.И.Д. 1921. 15 мая. С. 42.

¹⁰⁰ Там же. С. 38.

¹⁰¹ Цит. по: Вестник Н.К.И.Д. 1921. 15 мая. С. 45.

¹⁰² *Николаи В.* Указ. соч. С. 156—165.

- ¹⁰³ *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 293.
- ¹⁰⁴ *Щавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2 т. Нью-Йорк. 1954. Т. 2. С. 212—215.
- ¹⁰⁵ РГИА, ф. 1338, оп. 1, д. 103.
- ¹⁰⁶ См.: РГИА, ф. 1338, оп. 1, д. 167а.
- ¹⁰⁷ См.: РГИА, ф. 1338, оп. 1, д. 277. О переписке и дополнительных расходах, вызванных войной России с Австро-Венгрией и Германией. (В деле имеются ведомости о вознаграждении авторов.)
- ¹⁰⁸ *Рууд Ч.* Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин. С. 197.
- ¹⁰⁹ РГИА, ф. 776, оп. 32, д. 213. Положение об Осведомительном бюро отдела печати.
- ¹¹⁰ РГИА, ф. 776, оп. 33, д. 283. О взаимоотношениях Осведомительного бюро с СПГА.
- ¹¹¹ Там же. Д. 413.
- ¹¹² Там же. Д. 114, 115.
- ¹¹³ Там же. Д. 20—33.
- ¹¹⁴ РГИА, ф. 776, оп. 32, д. 144.
- ¹¹⁵ РГИА, ф. 776, оп. 32, д. 208.
- ¹¹⁶ РГИА, ф. 776, оп. 32, д. 45—154.
- ¹¹⁷ РГИА, ф. 776, оп. 32, д. 216.
- ¹¹⁸ РГИА, ф. 776, оп. 32, д. 167—189.
- ¹¹⁹ РГИА, ф. 776, оп. 32, д. 119—124, 132, 163.
- ¹²⁰ РГИА, ф. 776, оп. 33, д. 318.
- ¹²¹ РГИА, ф. 776, оп. 32, д. 413.
- ¹²² *Рууд Ч.* Указ. соч. С. 198.
- ¹²³ *Лемке М.* Указ. соч. С. 74.
- ¹²⁴ Там же. С. 205.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Там же. С. 74.
- ¹²⁷ Там же. С. 205.
- ¹²⁸ Цит. по: *Рууд Ч.* Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин. М. 1996. С. 199.
- ¹²⁹ Там же. С. 200.
- ¹³⁰ Там же. С. 201.
- ¹³¹ См.: Русское слово. 1916. 3 января.
- ¹³² См.: *Лемке М.* Указ. соч. С. 342—344.
- ¹³³ Там же. С. 287.

ГЛАВА XII

1917—1922 годы: в противостоянии двух России

Пропаганда Советской власти

В своих войсках и на своей территории

После Октябрьской революции перед новой властью встает вопрос о защите ее завоеваний. Развертывается широкая агитация в массах за вступление в ряды армии. На съезде по демократизации старой армии в декабре 1917 года выделяется агитационная коллегия, вырабатывающая основные положения этой работы, в которых значительное внимание уделяется печатной пропаганде: публикациям в газетах, изданию листовок. В декабре 1917 года также состоялось совещание военной организации при ЦК РСДРП(б), которое признает необходимым привлечение к вербовочной кампании воинских ячеек путем выделения ими агитаторов-организаторов. Таким образом, агитационно-пропагандистская работа среди населения тесно взаимодействует с организационной работой внутри армии.

Непосредственную организацию и руководство воинскими частями в тылу осуществляли различные органы: военные отделы местных советов и штабы Красной гвардии, на фронте это взяли на себя сохранившиеся военные комитеты, остатки старых и возникающие новые оперативные центры. При них появляются агитационно-вербовочные отделы военных отделов советов или красногвардейских штабов — «бледный прообраз будущих политических органов» РККА¹. Они также вели печатную пропаганду с помощью листовок. В это же время на фронте, при штабе главнокомандующего войсками Красной Армии на юге, возникает политический отдел, который организует издание не только листовок, но создает и военно-политическую газету². Это свидетельствует

о том, что при первом же подходе к задачам агитации и пропаганды в новой армии партия большевиков столкнулась с необходимостью строить это руководство не по территориальному принципу, а через особый централизованный военнополитический аппарат.

Поэтому после подписания декрета об организации Красной Армии 15 (28) января 1918 года в тот же день создается Всероссийская коллегия по организации РККА. В ее составе образуется организационно-агитационный отдел³.

В первой листовке, выпущенной его аппаратом, был опубликован декрет об организации РККА. На обратной стороне этой листовки напечатали тезисы декретов о создании Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии, об ассигновании 20 миллионов рублей на организацию вооруженной защиты власти Советов⁴.

Организационно-агитационный отдел Всероссийской коллегии по организации Красной Армии выпустил еще ряд листовок, в которых разъяснял сложившуюся обстановку и призывал рабочих и крестьян вступать в ряды «первой русской Красной Социалистической Армии». Так, в листовке «Все в ряды Красной Армии» говорится о наступлении контрреволюции, которая не брезгует никакими средствами борьбы и жестоко расправляется со сторонниками революции. В доказательство о зверствах контрреволюции говорится о киевском кошмаре — расстреле 1500 рабочих.

«Помните все, что удушение русской революции угрожает для всех вас неисчислимо тяжелыми последствиями»⁵, — говорилось в листовке. И далее объясняются эти тяжелые последствия для рабочих — «вы тогда попадете в кабалу к капиталистам», которые создадут такой же каторжный режим, «какой сейчас существует для рабочих Западной Европы»; для крестьян — «вам придется распрощаться со всеми вашими заветными мечтами о земле»; для солдат — «новое продолжение войны»... Таким образом, листовка касалась самых злободневных вопросов тех, кто представлял самую значительную часть населения страны и был заинтересован в победе революции.

«Улыбается ли вам такая перспектива? Хотите ли вы снова надеть на себя то ярмо, которое вы наконец с таким большим трудом скинули с себя? — спрашивала листовка. — Если

не хотите, немедленно организуйте отпор наглым хищникам...»⁶

Не охватывая военно-политического руководства армией в целом, организационно-агитационный отдел Всероссийской коллегии был, главным образом, центром агитации за создание РККА. При отделе работали курсы по подготовке агитаторов-вербовщиков.

Также широкую агитационную работу за вступление населения в армию развернул и Военный отдел издательства Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Вскоре после обнародования декрета об организации РККА им были выпущены листовки «Что такое красноармеец?»⁷, «Береги винтовку»⁸, «Что хотят англичане, французы, идущие против нас войной?»⁹, «Берегись помещика»¹⁰ и др. В 1918 году, когда была учреждена эмблема Красной Армии — пятиконечная звезда с плугом и молотом посередине, отдел издательства ВЦИК выпустил листовку «Смотри, товарищ! Вот красная звезда!». Все в образной форме, в виде сказки о правде и кривде, говорилось в ней о значении этой эмблемы: «...это значит, что Красная Армия борется за то, чтобы звезда правды светила пахарю-мужику и молотобойцу-рабочему»¹¹.

В такой же доступной форме листовки освещали и другие вопросы строительства Красной Армии — всеобщего военного обучения, перехода от добровольческого принципа формирования к регулярной армии на основе всеобщей воинской обязанности, проблему создания командных кадров, национальных и интернациональных формирований.

В марте—апреле 1918 года для осуществления политики большевистской партии в армии и политического контроля за военными специалистами вводится институт военных комиссаров. Для руководства их деятельностью 8 апреля 1918 года при народном комиссариате по военным делам было создано Всероссийское бюро военных комиссаров и в его составе — агитационно-просветительный отдел. 2 сентября 1918 года декретом ВЦИК был образован новый центральный орган — Революционный военный совет республики (РВСР), и ему были переданы все органы Наркомвоенна, в том числе и Всероссийское бюро военных комиссаров.

В марте 1919 года VIII съезд РКП(б) решил упразднить Всероссийское бюро военных комиссаров и образовать вместо него Политическое управление РВСР.

Летом 1918 года в войсках Восточного фронта, а осенью — в 10-й армии Южного фронта создаются политические отделы. К концу года они уже имелись на всех фронтах, почти во всех армиях и многих дивизиях действующих войск. Их функции были определены в положении о политорганах реввоенсоветов фронтов и армий, утвержденном РВС республики. Политические отделы, говорилось в Положении, учреждаются «для ведения политической (партийной) и культурно-просветительной работы как в среде действующей армии, так и среди населения прифронтовой и фронтовой полосы...»

Для ведения аналогичной работы в тылу во вновь организуемых военных комиссариатах (окружных, губернских и уездных) создаются агитационно-вербовочные отделы, позднее переименованные в агитационно-просветительные с такими же функциями. Сами военные комиссариаты были учреждены декретом СНК 8 апреля 1918 года. К концу 1918 года было сформировано 7 окружных, 39 губернских, 395 уездных и около 7 тысяч волостных военкоматов. С помощью аппарата агитационно-вербовочных отделов военкоматы вели огромную идеологическую работу среди населения по привлечению трудящихся в ряды Красной Армии и организации всеобщего военного обучения.

Всеобщее военное обучение трудящихся без отрыва от производства было принято в марте 1918 года VII съездом РКП(б) и IV Чрезвычайным съездом Советов и юридически закреплено декретом ВЦИК от 22 апреля 1918 года. Всеобуч стал одним из способов подготовки резервов для Красной Армии. Обучение осуществлялось по 96-часовой программе в течение восьми недель. Центральное управление Всеобщего военного обучения и формирования красных резервных частей Всероссийского главного штаба в мае 1918 года выпустило свою первую листовку «Советская власть создала Всеобуч», в которой объясняла его цели и задачи и призывала молодежь учиться военному делу. Кроме агитационной литературы Центральное управление всеобуча выпускало учебно-методи-

ческие брошюры, памятки, плакаты. Вопросам Всеобуча были посвящены и многие листовки и ряд плакатов окружных, губернских и уездных военкоматов, которые на местах ведали организацией военного обучения трудящихся. В пропагандистских целях ежегодно с 1918 года в стране проводился День Всеобуча, который широко освещался в печати. С участниками всеобщего военного обучения активно работали агитаторы военкоматов. Всего в системе Всеобуча было подготовлено 5 миллионов человек призывного и допризывного возраста.

Через аппарат агитационно-вербовочных отделов военкоматов успешно решались задачи агитации по формированию воинских частей и осуществлялось политическое влияние на красноармейские массы. Этой работе в значительной мере способствовало развертывание печатной пропаганды. В 1917—1918 годах выпускалось несколько центральных военных газет: «Армия и флот рабочей и крестьянской России» (затем «Рабочая и крестьянская Красная Армия и флот») — орган Совета Народных Комиссаров по военным и морским делам, «Красная Армия» — издание военного отдела издательства ВЦИК. В 1918 — 1920 годах издавались фронтовые, армейские, флотские и дивизионные газеты, листовки и брошюры. Часть изданий выходила в полках и батальонах. Каждая армия, дивизия и многие полки имели походные типографии. Уже к концу 1918 года издавалось 3 фронтовые, около 25 армейских и около 70 дивизионных газет, общий тираж их составлял 300—400 тысяч экземпляров¹². Кроме того, дивизии и полки получали ежедневно несколько сотен тысяч экземпляров центральных и местных газет.

К середине 1919 года выходило 38 фронтовых, окружных, флотских, армейских и им равных газет. Фронтовые и армейские газеты имели тираж от 5 до 25 тысяч экземпляров. Наиболее известные из них: «Красноармейская правда» — орган РВС Южного фронта, «Красная Армия» — орган РВС 12-й армии, «Красный кавалерист» — орган РВС 1-й конной армии. Наиболее широко развернулось издание газет на Восточном фронте. К октябрю 1919 года в армиях этого фронта выпускалось 25 газет с общим тиражом 250 тысяч экземпляров.

Особенно популярной у красноармейцев Восточного фронта была газета 5-й армии «Красный стрелок». Героизм бойцов, информация о становлении новой жизни в Советской России, растущая ненависть местного населения к иностранным интервентам и белогвардейцам, описание их зверств — основные темы публикаций «Красного стрелка» и других красноармейских газет Восточного фронта.

Газета «Солдат революции» предназначалась для красноармейцев Южного фронта. Ее постоянными рубриками были: «В чужих странах» (международная информация); «По России» (внутренняя информация); «Красный фронт» (оперативная сводка); «Там, где нет Советов» (о положении в районах, захваченных белогвардейцами).

В центре, на фронтах и в армиях наряду с газетами были созданы различные журналы. Политическое управление РВС республики издавало журналы «Политработник» и «Красноармеец», политотдел Восточного фронта — «Военная мысль», Западного фронта — «Красная звезда», политотдел 3-й армии — «Путь красноармейца», 5-й армии — «Армейский политработник», 12-й армии — «Листок политрука». Также в 1918—1920 годах начали издаваться центральные

Структура агитационно-просветительного аппарата военных комиссариатов. 1918 год

журналы: «Военное дело», который имел несколько приложений, «Красный офицер», «Революционный флот», «Вестник Воздушного флота», «Военно-инженерный журнал», «Красный командир», «Военно-революционная мысль», «Артиллерийский журнал», «Вестник милиционной армии», «Военное знание», «К новой армии», «Красный альманах», «Военно-исторический сборник», «Раненый красноармеец». Журналы основное внимание уделяли пропаганде идеологии марксизма, разъяснению важнейших мероприятий правящей партии и правительства по организации вооруженной защиты, налаживанию управления, восстановлению экономики, освещали вопросы международной обстановки, положения внутри страны и на фронтах, развития военного дела, а также публиковали агитационно-политические материалы. Например, в журнале «Красноармеец» была напечатана статья В. И. Ленина «К товарищам красноармейцам», в первом номере журнала «Раненый красноармеец» — его статья «На помощь раненому красноармейцу!».

Издавалось большое количество агитационно-политической литературы. В октябре 1919 года для объединения работы издательств, обслуживающих Красную Армию и Военно-Морской Флот, при Политуправлении РВС республики был учрежден литературно-издательский отдел, который за первые три месяца своей деятельности организовал выпуск брошюр, плакатов, листовок, памяток на политические и военные темы тиражом около 30 миллионов экземпляров. Активное участие в этой работе принимал поэт В. И. Лебедев, подписывавший свои статьи, заметки и фельетоны псевдонимом Кумач. В военной печати в годы Гражданской войны работали многие известные публицисты, писатели, поэты — Д. А. Фурманов, Д. Бедный, В. Я. Брюсов, В. В. Маяковский и др.

Кроме Политуправления РВСР, политотделов фронтов и армий агитационно-политическая литература издавалась военным отделом издательства ВЦИК, местными партийными комитетами, агитационно-просветительными органами окружных и губернских военных комиссариатов. Она направлялась в красноармейские части и распространялась среди местного населения.

Через аппарат агитационно-просветительных отделов военкоматов достаточно успешно велась работа среди насе-

ления по поддержке Красной Армии и политическое влияние на красноармейские массы формируемых частей. Сотни тысячи агитаторов военных комиссариатов распространяли небольшие печатные издания: листовки, лозунги, брошюры, воззвания, басни, лубки, плакаты и т. п. Небольшой размер, краткость, выразительность, призыв к действию были характерны для распространяемой агитационной литературы. Организовывались клубы, избы-читальни, проводились беседы на политические темы (в ряде губерний по определенной программе) и читка газет.

В населенных пунктах развевывалась наглядная агитация (тогда ее называли художественной). Важное значение в ней имел агитационный плакат политического содержания. Такой плакат был известен еще в Великую французскую революцию. Он также широко применялся воюющими державами в Первую мировую войну. В годы Гражданской войны он получил широкое развитие и у Советской власти, и у Белого движения. По неполным подсчетам, на территории РСФСР за 1918—1922 годы было выпущено 854 агитационных плаката¹³. Только литературно-издательский отдел Политуправления РВС республики выпустил 117 агитационных плакатов, тиражом свыше 5,5 миллиона экземпляров. Основные художественные черты советского агитационного плаката периода Гражданской войны: выразительность, простота линий, яркость красок. «Надпись его коротка, как вскрик. Рисунок элементарен, как схема»¹⁴.

Кроме типичного агитационного плаката, рассчитанного на быстрое восприятие, был и плакат-лубок, рисунок которого значительно детализирован, а текст расширен. Позднее предпочтение начали отдавать плакату-лубку. Аллегии и условности в красноармейском агитационном плакате были нежелательны, так как вели зачастую к его неверному пониманию. В агитации за Советскую власть и разгром врага использовалась грамзапись. В России накануне Октябрьской революции имелось более полумиллиона граммофонов¹⁵. Наиболее распространенными в годы Гражданской войны являлись грамзаписи речей В. И. Ленина — их было записано десять¹⁶. Они расходились в десятках тысяч экземпляров, имелись в клубах воинских частей, в агитпунктах, агитпоездах, агитпароходах и агитповозках.

Кстати, агитпункты, агитпоезда и агитпароходы были одной из активных форм пропагандистской работы с красноармейцами. Агитпункты создавались на путях движения войск, в местах их наиболее вероятных остановок и сосредоточения — преимущественно на железнодорожных станциях и водных пристанях. В их задачу входило снабжение войск газетами, листовками, плакатами, брошюрами и другой агитационной литературой и обслуживание их различными формами агитационно-массовой работы.

Эта форма организации тоже взята из прошлого опыта. В Первую мировую войну Союзом земств и городов при большинстве продовольственных пунктов на железнодорожных станциях создавались чайные, в которых велась агитация. В период, когда Временное правительство возглавлял Керенский, эти чайные, а также офицерские столовые были превращены в «агитпункты». Газеты и массовая литература (кроме большевистских) здесь бесплатно раздавались солдатам.

В начале Гражданской войны Советская власть восстановила систему агитпунктов. Определяющими моментами в необходимости создания агитпунктов были большие потоки пополнений, массовые передвижения эшелонов; борьба Красной Армии в начале войны велась преимущественно вдоль железных дорог; передвижение раненых; незакончившаяся еще демобилизация солдат царской армии; по путям сообщения передвигались пленные, беженцы и т. п.

Вскоре после зарождения агитпунктов на местах Совет обороны законодательным порядком оформил их. В 1919 году при Народном комиссариате просвещения образовывается межведомственная комиссия, а немного позднее создается Центральная коллегия агитпунктов, которая имела свои филиалы при политуправлениях фронтов и армий. Так, например, в 1920 году в ведении политуправления Западного фронта имелось 19 агитпунктов, расположенных на всех узловых железнодорожных станциях. Главной их задачей было обслуживание проходящего красноармейского состава, беженцев, военнопленных, а также железнодорожников и местного населения. Агитпункты распространяли периодическую печать, проводили киносеансы, лекции, спектакли, организовывали избы-читальни, библиотеки и школы для беженцев. Отдел

агитпунктов политуправления Западного фронта обладал собственным снабженческим аппаратом и самостоятельно вел подготовку работников агитпунктов. За один только 1920 год агитпункты Западного фронта распространили 210 тысяч экземпляров газет и 150 тысяч листовок, провели 130 киносеансов, 300 бесед, 330 спектаклей и концертов, 400 митингов и лекций. Всего обслужено 2,25 миллиона человек¹⁷.

После окончания демобилизации в 1921—1922 годах сеть постоянно действующих агитпунктов была упразднена¹⁸.

Мощным комплексным средством агитационной массовой работы среди войск и населения в годы Гражданской войны явились агитационные поезда. Они появились в России еще в период Первой мировой войны как специальные поезда Союза земств и городов, которые вели агитационную работу в патриотическом духе на фронте.

По-новому определилась их роль в 1918—1922 годах. Сначала планировалось применять поезда в основном для распространения литературы, поэтому их называли литературно-инструкторскими. Однако уже поезда Председателя ВЦИК и Председателя Реввоенсовета имели наряду с организационными также и агитационные функции. Поезд Председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого имел свою типографию и выпускал систематически газету «В пути». В инструкторском поезде «Октябрьская революция», который возглавлял Председатель ВЦИК М. И. Калинин, работали 84 представителя наркоматов и ведомств. Здесь был книжный склад, кинозал, радиоустановка, типография. В поезде выходила газета «К победе!».

Поэтому вскоре программа и содержание их работы были расширены и они получили название агитационных. В январе 1919 года Президиум ВЦИК утвердил и обнародовал особое Положение об агитпоездах и пароходах. Всю их работу координировал отдел агитационно-инструкторских поездов и пароходов. В 1918—1921 годах по стране совершали рейсы помимо названных агитпоезда «Имени Ленина», «Красный казак», «Красный Восток», «Советский Кавказ», «Большевик», агитпароход «Красная Звезда». Отдел агитационно-инструкторских поездов и пароходов ВЦИК к 1920 году объединял десять агитколлективов. В их составе были редакционно-издательские группы, в которые входили

ли и представители РОСТА. Они выпускали листовки, газеты; способствовали улучшению работы редакций местной прессы (проводили инструктажи, совещания журналистов, делали совместные выпуски газет), помогали наладить связь с РОСТА; изучали местную периодику, работу идеологического аппарата, что давало возможность подготовить ряд важных документов по совершенствованию работы печати и пропаганды.

Также имелись агитпоезда РККА, которые входили в состав политуправлений фронтов некоторых армий и имели своим назначением только агитационно-просветительную функцию на фронте и работали среди войск и населения прифронтной полосы.

Агитпоезда политуправлений фронтов и армий состояли из небольшой аудитории на 100—150 человек с киноустановкой, открытой эстрады, типографии с редакционно-издательской группой, театральной группы, эстрадной группы, группы театра малых форм и т. п. Позднее появились средства для выпуска радиогазеты и связи с политуправлением фронта и спецкорами. Также были инструкторы по всем видам массовой художественно-развлекательной работы, киоск по распространению литературы, читальня, выставка картин на патриотическую тему и героики Гражданской войны, запас кинокартин. В распоряжении некоторых агитпоездов были автосредства для переброски театральной, музыкальной и других групп, но чаще транспорт для этих целей изыскивался на месте.

Такую же роль, как агитпоезда, играли и агитационные пароходы. Так, по рекам Каме и Волге курсировал в 1919 году литературно-инструкторский пароход «Красная звезда». На нем передвижное бюро РОСТА издавало газету «Красная звезда», тираж которой расходился среди красноармейцев и населения прибрежных районов. Сообщая на своих страницах о победах красных войск над армиями Колчака и Деникина, «Красная звезда» призывала рабочих и крестьян Поволжья и Прикамья усилить помощь фронту, помочь Советской власти справиться с новым врагом — голодом, ускорить отправку хлеба для пролетарских центров — Москвы и Петрограда. В газете приводились заметки, в которых рассказывалось о братской помощи хлебных губерний городам и селам центра и севера России.

Тираж газет агитпоездов и агитпароходов доходил до 3,5—4 тысяч экземпляров. Здесь также выпускались листовки и плакаты.

Также в составе агитпоездов разъезжали по стране и фронтам кинооператоры. Они снимали эпизоды борьбы с интервентами и белогвардейцами и жизни населения, которые использовались для подготовки агитфильмов. Их в годы Гражданской войны было создано до семидесяти. Например, во время наступления Юденича на Петроград появился фильм «Пролетарград на страже революции». В 1920 году режиссер Д. Вертов смонтировал хроникальный фильм в 13 частях о борьбе за Советскую власть, а режиссер Л. Кулешов создал приключенческую кинокартину «На Красном фронте»¹⁹. Кино, особенно хроникально-документальные ленты, явилось исключительно действенным видом политической агитации.

После победы Октябрьской революции в России возникли проблемы со снабжением печати информацией по экономическим, политическим, военным, культурным и другим вопросам жизни страны и зарубежных держав. Это должна была быть не вообще информация, а «работающая» в пользу новой власти. Сотрудники существовавшего Петроградского телеграфного агентства (ПТА), состоявшего из более 200 корреспондентов в стране и за рубежом, оказывали сопротивление Советской власти. В связи с этим в октябре—ноябре 1917 года ЦК РКП(б) издает бюллетень Секретариата ЦК. В первом его номере сообщалось: «Ввиду того, что газеты не доходят и телеграммы не передаются, ЦК для осведомления решил разослать краткие бюллетени о положении дел»²⁰. Также все газеты использовали сообщения частного информационно-телеграфного агентства «Русель» — «Русский телеграф».

18 ноября 1917 года СНК принял декрет о реорганизации ПТА. По декрету намечалось создать новое телеграфное агентство как официальный орган при Совнарком, тесно взаимодействующий с местными советами, которые избирали уполномоченных реформированного ПТА. Новое агентство распространяло информацию в виде телеграмм, и местные советы обязаны были помещать их в своих печатных органах или выпускать специальные бюллетени с этими сообщениями.

При Совнаркоме и ряде наркоматов в первые месяцы Советской власти были созданы бюро печати — своего рода пресс-службы, которые информировали периодические издания о деятельности своих ведомств. Так, при СНК с декабря 1917 года по 26 июня 1918 года действовало Бюро печати, в задачу которого входило бесплатное информирование прессы о работе правительства, советских организаций и учреждений, а также оно контролировало использование этих сообщений местными газетами. В июне 1918 года оно рассылало свои материалы более чем 150 изданиям²¹.

Бюро печати наркоматов не только информировали о мероприятиях «наверху» — в центральных учреждениях своих ведомств, но и собирали информацию с мест. Например, сотрудники Бюро печати Наркомата земледелия опрашивали крестьянских ходяков, обращавшихся в Наркомат за помощью, советами, справками, изучали публикации провинциальной прессы, рассылали анкеты на места. На основе их бюро с 23 января 1918 года выпускало «Информационный листок», который вскоре стал ежегодным. Он рассылался в коллегии Наркомата земледелия, отдел текущей земельной политики, благодаря чему они были в курсе местной жизни. «Информационный листок» также поступал в центральные и многие местные газеты²².

Реформированное ПТА, Бюро печати СНК и другие информационные службы вошли в состав Российского телеграфного агентства (РОСТА), образованного постановлением ВЦИК 7 сентября 1918 года. РОСТА стал центральным информационным органом Советского государства²³, на базе местных информационных учреждений были образованы местные отделения РОСТА. К маю 1920 года действовало 68 губернских и областных и около 50 уездных отделений агентства²⁴. Украинское телеграфное агентство, действовавшее с марта 1918 года, и Бюро украинской прессы были слиты во Всеукраинское бюро РОСТА — УкрРОСТА, имевшее свои отделения. В Белоруссии с июня 1919 года действовало Витебское отделение РОСТА. Активно работали Бакино-Кавказское, Туркестанское, Казанское, Башкирское, Владикавказское отделения. Все они составляли единую государственную информационную систему РСФСР.

Деятельность Российского телеграфного агентства была разнообразной. Оно сообщало внутреннюю и международную информацию и распространяло ее для органов печати и радио. Ежегодно телеграфный отдел РОСТА готовил около 50 страниц информационного бюллетеня, а «Радиовестник» передавал около 3 тысяч слов, «Пикантный вестник» — 500—600 слов. В систему РОСТА входило около 120 радиостанций²⁵.

РОСТА не ограничивалось в своей деятельности лишь обеспечением существующей советской прессы международной и внутренней информацией, но и развернуло большую издательскую деятельность. С весны 1919 года информационный материал агентства распространялся в виде специального ежедневного бюллетеня «АгитРОСТА». Для расклейки в людных местах оно издавало «Экстренные бюллетени» и «Стенные газеты» с последними известиями и агитационными откликами на них. Подобные издания выпускались и местными отделениями РОСТА. Здесь зародился и такой яркий и своеобразный вид печати, как «Окна РОСТА» («Окна сатиры РОСТА») — агитационные плакаты на злобу дня, размножавшиеся с помощью трафарета. На плакатах давались броские рисунки и стихотворные надписи к ним. В их создании использовались традиции лубка и раешника. Обычно, когда телеграф приносил важное сообщение с фронтов, немедленно выпускалось «Окно» на тему. «Окна РОСТА» выставлялись в пустовавших тогда витринах магазинов, расклеивались на стенах домов. Оперативность, яркость, боевитость, доходчивость, политическая заостренность были характерными чертами «Окон РОСТА». Они создавались художниками и поэтами М. М. Черемных, Д. С. Моором, В. В. Маяковским и другими в 1919—1921 годах. Всего было выпущено более тысячи «Окон РОСТА»²⁶.

Таким образом, телеграфное агентство, созданное Советской властью, стало не только важнейшим орудием информации, но также использовалось и для пропаганды и агитации. Опыт Гражданской войны показал, что Российское телеграфное агентство, его отделения, корпункты и корреспонденты являлись во время боевых действий монополистами по передаче сообщений о положении как на фронте, так и в тылу, прилагая

все усилия к укреплению политико-морального состояния собственного войска и населения и к разложению фронта и тыла противника.

В общей проблеме о роли печати в период войны и на войне значение телеграфного агентства особенно важно, так как оно являлось наиболее подвижным механизмом информационного воздействия на фронте, в тылу и за рубежом. В период войны воюющие стороны имели возможность через свои информационно-телеграфные агентства влиять на мировое общественное мнение. Недостатком РОСТА было то, что он еще не имел возможности широко участвовать в международном обмене информацией.

В войсках интервентов

Во всех регионах, где находились войска интервентов, — на севере России, на юге Украины, в Сибири и на Дальнем Востоке, в Закаспии и на Кавказе была развернута разъяснительная работа среди иностранных солдат и матросов. В этом у Советской власти был уже опыт. До войск Антанты с усиленной пропагандой большевиков весной и летом 1918 года встретились германские дивизии, оккупировавшие Украину. Генерал Людендорф в своих воспоминаниях отмечал, что немецкие части, побывавшие на востоке, были развращены большевистской пропагандой и оказались не способными воевать на западе²⁷.

Одним из основных направлений разъяснительной работы среди войск интервентов была пропаганда антиимпериалистических идей и организация движения с требованием вывода иностранных войск с советской территории. К ее проведению привлекались и иностранные коммунисты, находившиеся на территории Советской России. Они входили в состав РКП(б) и объединялись Центральной федерацией иностранных групп при ЦК партии. Центральные бюро и комитеты польских, финских, китайских и корейских коммунистов подчинялись непосредственно ЦК РКП(б).

Группы иностранных коммунистов издавали на родном языке газеты, брошюры, листовки. Например, французы

выпускали в Москве газету «III-me Internationale». В редактировании ее принимали участие видная деятельница международного женского движения Инесса Арманд, бывший член французской военной миссии в Москве Жак Садуль. В газете печатались речи В. И. Ленина, мирные предложения правительства государствам Антанты, освещалась жизнь в советском тылу. Газета переправлялась через фронт подпольщиками. Материалы ее печатались в виде листовок в подпольных типографиях.

Одесским подпольным обкомом КП(б) Украины была создана Коллегия иностранной пропаганды, которая вела работу по разложению франко-греческих войск интервентов. В коллессию входили такие опытные организаторы, как В. А. Деготь, Я. Л. Елин, И. Ф. Смирнов, С. И. Соколовская, М. Я. Штиликер, а также иностранные коммунисты Альберт Залик, Жанна Лябурб, Стойко Ратков. Подпольщики распространяли листовки и газету «Le Communist», которую выпускала коллегия, беседовали с солдатами и матросами Антанты. Наиболее активную работу вела Жанна Лябурб²⁸. Она писала тексты листовок и редактировала публикации в «Le Communist», беседовала с французскими военнослужащими. Привлекла к сотрудничеству французских солдат и матросов.

Под влиянием агитации французские солдаты и матросы отказывались воевать, заявляли о своих симпатиях к Советской власти. 11 января 1919 года газета «L'Humanite» поместила высказывания бывшего солдата об участии французских войск в войне против Советской России. «Я — против интервенции, — заявил он, — русские свободны выбирать правительство, которое им нравится»²⁹.

В результате большевистской пропаганды в начале февраля 1919 года произошло политическое выступление на французском военном корабле «Мирабо». В марте при наступлении красноармейских частей на Херсон солдаты 176-го французского пехотного полка отказались сопротивляться. «Мы не воюем с русскими... Довольно войны!»³⁰ — заявляли они. В апреле не захотел воевать 19-й артиллерийский полк французской армии. Не стал стрелять в красноармейцев также батальон французских колониальных войск. Командующий союзными войсками генерал Д'Ансельм вынужден был признать,

что половина его войск «разложена» большевистской агитацией. 6 апреля произошло братание французских солдат с одесскими рабочими. 20 апреля на военных кораблях французской эскадры, стоявшей на рейде в Севастополе, были подняты красные флаги и моряки приняли участие в демонстрации севастопольских рабочих под лозунгом «Да здравствует Советская власть!».

Активная печатная пропаганда велась среди войск интервентов на Северо-Западе России. Так, в период с 18 ноября по 9 декабря 1918 года только на плесецком направлении было распространено среди иностранных военнослужащих 117 тысяч воззваний³¹. С 20 декабря по 1 февраля 1919 года в Котлас было направлено 27 тысяч газет и большое количество брошюр на иностранных языках. Все эти материалы распространялись через подпольщиков.

Пропаганда оказывала все большее влияние на иностранных солдат. В боях на северодвинском направлении сдались 50 английских солдат. Федерация иностранных групп РКП(б) опубликовала их заявления в газетах. 18 октября 1918 года американский посол Френсис телеграфировал государственному секретарю США Лансину: «Американский военноморской атташе, возвратившийся с железнодорожного участка фронта, сообщает о крупном недовольстве среди солдат двух американских и трех французских рот»³².

После окончания войны с Германией иностранные солдаты и матросы не хотели больше оставаться в России. 13 ноября 1918 года американский представитель Д. Пуль сообщал: «Подписание перемирия (с Германией на Западном фронте. — *Авт.*) породило некоторое сомнение среди американских и французских войск. Выдвигавшиеся прежде причины их пребывания на севере России больше не кажутся им обоснованными... Офицеры и солдаты хотят знать, почему необходимы военные действия против большевиков»³³.

Послевоенный рост революционного движения в Европе и революционных настроений в самой Англии наводил главу ее правительства Ллойда Джорджа на мысль, что дополнительная отправка солдат в Россию неизбежно приведет к тому, что они проникнутся идеями большевизма и будут представлять величайшую опасность для существующего в Великобритании строя. «Я уверен, — говорил премьер-

министр в Палате общин, — что если англичане попытаются послать еще войска в Россию, то произойдет восстание. Отправлять наших солдат на подавление большевиков — значит своими руками создать большевиков здесь. Самый лучший выход — дать большевизму погибнуть собственной смертью, и таким образом, послужить сдерживающим примером для всего мира»³⁴.

Однако оппозиция в правительстве, возглавляемая У. Черчиллем, считавшая реальную угрозу в самом факте существования Советской власти, отстаивала политику развертывания интервенции против Советской России. Став военным министром, У. Черчилль на следующий день своей деятельности послал телеграмму генералу Мейнарду в Мурманск и генералу Айронсайдру в Архангельск, подтверждая необходимость пребывания британских войск в России: «Это вопрос не столько военного значения, сколько морального эффекта, — подчеркивал он. — Лучше рискнуть несколькими тысячами людей... чем допустить крушение всей русско-сибирской системы сопротивления (белогвардейцев. — *Авт.*). Что же это будет за мирный договор, если вся Европа и Азия от Варшавы до Владивостока окажутся под властью Ленина?»³⁵

Отсрочка демобилизации вызвала волнения среди английских солдат. По свидетельству Черчилля, «за одну неделю из различных пунктов поступили сведения о более чем 30 случаях неповиновения среди войск». 8 февраля 1919 года в самом Лондоне восстали 3 тысячи солдат. Они выступили не просто с требованиями скорейшей демобилизации, но и против посылки войск в Россию.

Росту поддержки России в рабочей и солдатской среде Англии способствовали публикации в социалистических газетах этой страны. М. М. Литвинов, назначенный представлять в Лондоне Советскую Россию, в письме народному комиссару иностранных дел Л. Д. Троцкому сообщал: «Примечательно, оказанный мне прессой, вполне удовлетворительный... Я опубликовал воззвания к английским рабочим во всех социалистических газетах. Даже буржуазная пресса с готовностью предоставляет мне свои страницы, чтобы объяснить нашу позицию»³⁶.

В январе 1918 года английская газета «Дейли ньюс» сообщала о том, с какими требованиями выступают рабочие:

«Английскому пролетариату надо последовать теперь примеру большевиков. Нужно требовать теперь перемирия и осуществить мир на принципах, намеченных в России: без аннексий, без контрибуций и на основе самоопределения национальностей. Какое право имеет государство звать нас в солдаты и посылать на войну, когда, по нашему убеждению, надо заключить мир? Мы имеем право знать, за что сражаемся. Не хотим на войну: мы убеждены, что путем переговоров можно добиться большего, чем силой оружия»³⁷.

В то время среди читателей «Дейли ньюс» были популярны публикации ее корреспондента Артура Рэнсома, работавшего в Москве, который был, подобно Джону Риду, восторженным свидетелем русской революции, большим почитателем Ленина, с которым несколько раз встречался и беседовал. «Рядовые рабочие свято верили каждому слову таких певцов советского строя, как Рэнсом, — писал Дионео (Шкловский). — Когда начали получать из России опровержения, английские рабочие досадливо отмахивались от них»³⁸.

Большинство рабочих Англии поверили в то, что русская революция послужит на благо мировому пролетариату, симпатизировали ей. Большой размах среди рабочих приобрело движение «Руки прочь от России!».

Для достижения своих целей Черчилль всегда умел использовать общественное мнение. Поэтому военный министр сделал ряд официальных заявлений, в которых объяснял, что задержка демобилизации не вызвана желанием отправить войска в Россию. В то же время он распорядился устроить в военном министерстве встречу с 50 журналистами и, выступая перед ними, призывал прессу настаивать на помощи белой России. Черчилль приказал послать специальных корреспондентов в Мурманск и Батум в надежде, что публикуемые в прессе материалы об английских солдатах помогут добиться поддержки интервенционистской политики на их родине³⁹.

В начале апреля 1919 года Черчилль обратился к солдатам английских частей на севере России с посланием, в котором горячо уверял, что они не забыты. Напротив, их безопасность и благополучие составляют главную заботу военного министерства, «твердо намеренного сделать все, что в

его силах, для их благополучного возвращения домой». В воззвании описывалось, какая восторженная встреча ожидает солдат на родине. Однако, подчеркивал военный министр, «и ваша жизнь, и возможность вновь увидеть свой дом» целиком зависят от «вашей дисциплины и проявления исконных британских качеств... решительной и преданной службы... Деритесь, как подобает британцам, — призывал Черчилль, — и покажите пример в этих трудных условиях войскам любой другой страны»⁴⁰.

Однако разложение среди иностранных войск усиливалось. Их командование признавало эффективность пропаганды большевиков. 27 марта 1919 года начальник оперативного отдела английского генштаба П. Редклифф писал в парламент, что иностранные солдаты «устали, разочарованы, стремятся домой и даже склонны к мятежу». Он сообщил, что моральный уровень этих войск «настолько низок, что они могут стать жертвой очень активной и хитрой большевистской пропаганды, которую противник ведет с возрастающим знанием и энергией»⁴¹.

В связи с отказом сопротивляться красноармейским частям, переходом на их сторону командование интервентов вынуждено было ограничивать функции своих войск сторожевой службой в тылу; отдельных солдат арестовывали, эвакуировали. Был сформирован «славяно-британский легион» из насильственно мобилизованных русских солдат и командовавших ими англичан. Но и эта затея провалилась. Солдаты отказались подчиняться иностранцам.

Положение иностранных войск в Закаспии и Закавказье было таким же, как и на Северо-Западе. «Среди английских войск полная демократизация и отсутствие дисциплины, — сообщал Бакинский комитет РКП(б) в своем письме Туркестанскому краевому комитету. — ...Солдатская масса держится лояльной позиции во время рабочих забастовок». Указывалось, что и в Закаспии иностранное командование не могло полагаться на своих солдат⁴².

Таким образом, путем пропаганды Советская власть сумела привлечь иностранных солдат и матросов на свою сторону, поверить в великие освободительные цели своей борьбы и заставила иностранные правительства ограничить применение своих войск для интервенции в России.

Военная цензура диктатуры пролетариата (1917—1922)

Придя к власти, большевики сразу предприняли целый ряд мер против прессы своих противников. Одной из них был декрет о печати Совета Народных Комиссаров (СНК), подписанный В. И. Лениным 9 ноября 1917 года, — один из первых актов Советской власти. В этом документе отмечалось: «В критический момент, когда новая власть только упрочивается, невозможно было оставить это оружие целиком в руках врага, в то время как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы»⁴³. СНК постановил закрыть органы прессы, призывающие к открытому сопротивлению и неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; призывающих к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера⁴⁴.

Известный исследователь истории отечественной печати этого периода Г. В. Жирков отмечает, что декрет не был обычным юридическим законом о печати. Он не ликвидировал буржуазную и мелкобуржуазную прессу, а преследовал призывы к открытому сопротивлению и неповиновению Советской власти, ложь и клевету, т. е. имел агитационный характер и был одним из программных документов большевиков, вокруг которого развернулась острая борьба не только в печати, но и во ВЦИК, который большинством голосов принял резолюцию большевистской фракции о поддержке политики Совнаркома в области печати. На основании Декрета о печати с октября 1917 года по июнь 1918 года были закрыты или прекратили существование по другим причинам более 470 оппозиционных газет⁴⁵.

21 ноября 1917 года СНК был принят Декрет о введении государственной монополии на объявления, в котором сообщалось, что «печатание за плату объявлений в периодической печати, равно как в сборниках и афишах», являлось монополией государства. «Печатать объявления» могли только издания Временного рабочего и крестьянского правительства в Петрограде, а издания местных Советов «за напечатание объявлений, не имеющих на то право издания, закрываются»⁴⁶. Таким образом предполагалось сократить доходы

оппозиционных частных изданий. Однако ужесточение Гражданской войны, введение военного коммунизма, когда большая часть периодики распространялась бесплатно, сделали этот декрет ненужным.

Кроме того, закрываемые на основании этих декретов газеты вновь воскресали под иными названиями и продолжали выступать против новой власти. В ответ на такую тактику 28 января 1918 года Совнарком для подавления информационного оружия своего противника учреждает Революционный трибунал печати, ведению которого подлежали «преступления и проступки против народа, совершаемые путем использования печати»⁴⁷. Ревтрибунал печати состоял из трех лиц, избирающихся Советом.

Революционные трибуналы печати действовали до мая 1918 года. За «всякие сообщения ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни» печати они могли определить наказания от денежного штрафа или общественного поощрения до конфискации типографии, лишения свободы, удаления из столицы, отдельных местностей или пределов Российской республики, а также лишения виновного всех или некоторых политических прав. Решения Ревтрибунала печати были окончательны и обжалованию не подлежали⁴⁸.

Однако в ходе усиливающегося противостояния оппозиция большевиков все активнее использовала печать для борьбы с их режимом. И органы власти не раз предпринимали адресные меры для ее подавления. Так, 11 мая 1918 года вопрос о буржуазной и другой печати, поместившей вздорные и ложные слухи в связи с событиями на Украине, обсуждался на заседании Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК). Заседание постановило: «Ввиду того, что во многих московских газетах появились ряд ложных и ни на чем не основанных сообщений, ввиду того, что все эти ложные слухи направлены исключительно к тому, чтобы посеять среди населения панику и восстановить среди граждан против Советской власти, наконец, ввиду того, что подобные вздорные сообщения усиливают в других городах контрреволюцию, Президиум Ц.И.К. постановляет немедленно, впредь до рассмотрения этого вопроса в трибунале печати, закрыть все газеты, поместившие ложные

слухи и вздорные сообщения. Установить кару в виде штрафа от 25 до 50 000 рублей и предать редакторов газет суду трибунала»⁴⁹.

Основную конкретную работу с прессой вели революционные комитеты и комиссары разных рангов. В Петрограде после взятия власти ВРК назначил комиссара по делам печати. 27 октября ВРК в своем обращении к печатникам объявил, что ни одно воззвание, ни один орган печати не должен выйти в свет без санкции Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в лице уполномоченного комиссара. В состав ВРК также входила контрольная комиссия над печатью и большая группа комиссаров типографий. Все это объединялось отделом печати и информации. Комиссариаты по делам печати были созданы при советах Москвы, Харькова и других крупных городов. Комиссары печати, затем отделы печати были основными проводниками центральной политики новой власти до тех пор, пока 19 мая 1919 года не было обнародовано «Положение о Государственном издательстве», которое предоставляло ГИЗу права контроля и цензуры над всем издательским процессом⁵⁰.

Также принимались меры для установления военной цензуры. 8 января 1918 года в Петрограде был издан приказ Реввоенсовета № 11 следующего содержания: «Назначается И. С. Плотников Главным Комиссаром по делам военной цензуры и военного контроля с 8 января 1918 года.

Подлинный подписал Народный Комиссар по военным делам Н. Подвойский»⁵¹.

Старая военная цензура печати упразднялась с 12 января 1918 года, все ее дела передавались в Военный почтово-телеграфный контроль, который с 21 марта 1918 года был переименован в Военный контроль с возложением на него, кроме военной цензуры печати, почтового и телеграфного контроля, также досмотра лиц, выезжающих за границу и въезжающих в страну, проверки ввоза грузов и контроля охраны границ. Проверку печати органам Военного контроля также помогали вести военно-цензурные комиссии при штабах военных округов.

Весной 1918 года принимаются новые меры для усиления военной цензуры. 15 мая начальник Оперативного отдела Народного Комиссариата по военным делам (созданного 11 мая

1918 года приказом НК по военным делам № 357) доложил, что в печати начали появляться заметки секретного характера, и предложил в Петроградском бюро печати и Петроградской таможне иметь по два военных цензора. Предложение одобряется, и, кроме того, также при Оперативном отделе создается бюро военной цензуры, заведующим которого назначается Н. В. Муштафин. Также разрабатывается «Положение о военной цензуре газет, журналов и всех произведений печати повременной»⁵², которое вступает в силу с 21 июня 1918 года. В этом документе указывалось, что военная цензура заключается в предварительном просмотре тех произведений печати, предназначенных к выпуску в свет, в коих содержатся сведения, не подлежащие, в интересах военной тайны, оглашению. Действия военной цензуры не распространялись на Петроградское телеграфное агентство и бюро печати при Совнарком.

Для осуществления цензорских функций создавалось военно-цензурное отделение при оперативном отделе Народного комиссариата по военным делам. При окружных, губернских и уездных комиссариатах, где существовали органы печати, вводились местные цензоры.

На военно-цензурное отделение при оперативном отделе Народного комиссариата по военным делам возлагалась обязанность руководства и наблюдения за деятельностью местных цензоров, разъяснение вопросов, возникающих при применении положений о военной цензуре, рассмотрение жалоб на военных цензоров (окончательное решение по ним принимал начальник оперативного отдела).

В обязанности военных цензоров было рассмотрение представляемых произведений для помещения в ежедневных изданиях — «не позже шести часов со времени получения их», еженедельных изданий — не позже суток, ежемесячных — в течение трех суток.

К положению прилагался перечень сведений, подлежащих предварительному просмотру военной цензуры. Виновный в выпуске в свет произведения печати, подлежащего рассмотрению военной цензуры, без ее разрешения, подвергался заключению в тюрьме на время до шести месяцев или денежному штрафу до 20 000 рублей⁵³.

25 июня 1918 года военно-цензурское отделение уведомило все издательства о том, что на основе постановления

народного комиссара по военным делам о введении предварительной цензуры печати все редакции периодических изданий обязаны представлять все сведения, касающиеся военных вопросов, на предварительный просмотр военным цензором в трех экземплярах гранок и независимо от этого по пять экземпляров вышедших в свет. А двумя днями позже вышла инструкция военно-цензурского отделения. В 1918 году должность заведующего военно-цензурским отделением исполняли Н. В. Мустафин, В. В. Пряхин, А. И. Григорьев.

В июле—августе 1918 года создаются органы военной цензуры при окружных, губернских и уездных комиссариатах. 31 августа 1918 года народный комиссар по военным делам Э. Склянский утвердил временный штат военно-цензурного отделения оперативного отдела в составе 76 человек (заведующий отделением, его помощник, 3 старших цензора, заведующий канцелярией, 3 уполномоченных, 18 цензоров, секретарь, 3 машинистки, журналист, 3 курьера, служитель). К 28 сентября 1918 года военная цензура была введена в Петрограде и еще 15 городах России.

В связи с совершенствованием структуры управления вооруженными силами в стране военно-цензурское отделение передается из оперативного отдела в ведение отдела военного контроля Регистрационного управления Реввоенсовета республики (РВСР), который наряду с проверкой печати осуществлял контроль почтово-телеграфной корреспонденции. Приказом РВСР № 197/27 от 5 ноября 1918 года утверждается штаб регистрационного управления, в котором создается отдел военного контроля. В этом отделе организуется бюро печати в составе 41 человека. Приказом РВСР от 23 декабря 1918 года объявляется новое «Положение о военной цензуре».

На военную цензуру возлагались задачи:

- а) предварительный осмотр всех произведений печати, рисунков, фотографических и кинематографических снимков, предназначенных к выпуску в свет, в коих сообщаются сведения военного характера;
- б) просмотр, в целях контроля, вышедших в свет произведений, указанных в первом пункте;
- в) предварительный осмотр предложенных к опубликованию всякого рода приказов, официальных сообщений и проч., содержащих военные сведения;

- г) просмотр международных и, по мере надобности, внутренних почтовых отправок и телеграмм;
- д) просмотр материала, указанного в первом пункте, при перевозе его через границы республики;
- е) контроль над переговорами по иногороднему телефону.

Сведения, подлежащие предварительному контролю военной цензурой, указывались в прилагаемом перечне. Они охватывали сведения, публикация которых наносила ущерб государству и Красной Армии.

В положении указывалось, что военно-цензорскими органами являются: а) военно-цензурный отдел регистрационного управления Реввоенсовета республики и подчиненные ему органы; б) военно-цензурные отделения при отделах военного контроля округов; в) военно-цензурные пункты при отделениях военного контроля губернского военного комиссариата, где таковые окажутся необходимыми; г) местные военные цензоры.

На военно-цензурный отдел возлагалось незамедлительное введение военной цензуры на всем протяжении республики, сосредоточение и разработка данных военно-осведомительного характера, добытых военно-цензурными отделениями и местными военными цензорами, информация правительственных учреждений и доставление заинтересованным органам сведений, могущих быть полезными в деле ведения борьбы с злоупотреблениями, наносящими вред военным интересам республики.

В новом положении о военной цензуре бюро печати было преобразовано в военно-цензурный отдел, штат его был определен в количестве 32 человек. Начальник военно-цензурного отдела назначался главой регистрационного управления, все остальные его сотрудники — начальником военно-цензурского отдела.

В инструкции военным цензорам обращалось внимание на необходимость предварительного ознакомления их со всеми официальными сообщениями о военных событиях, чтобы не пропустить нежелательные сведения и не вычеркивать то, что уже известно читателю.

Гранки газет и других изданий представлялись цензору в трех экземплярах. Первый возвращался в редакцию с решением цензора, а остальные оставались в органах цензуры.

Цензор должен был вычеркивать недозволенное, не делая никаких приписок, не заботясь о редакции публикации. Если у цензора возникали сомнения, то он докладывал о них в орган цензуры, которому подчинялся. Военный цензор должен был читать все контролируемые им периодические издания после выхода в свет.

24 декабря 1918 года, через день после выхода нового «Положения о военной цензуре», вышел в свет приказ № 1 по отделу военной цензуры регистрационного управления РВСР, согласно которому переведенное в его состав из оперативного отдела военно-цензурное отделение ликвидировалось с 1 января 1919 года. Его личный состав распределялся по отделу военной цензуры и вновь учрежденному военно-цензорскому отделению при отделе военного контроля Московского окружного комиссариата.

5 января 1919 года отдел военной цензуры регистрационного управления РВСР направил во все органы военной цензуры округов и губерний циркуляр, в котором определял для них задачи о немедленном введении военной цензуры. В циркуляре отмечалось, что военная цензура ни в коем случае не должна умалять значения роли печати — всемогущего оружия рабочего класса России.

В марте 1919 года на VIII съезде РКП(б) в резолюции «О партийной и советской печати» было подчеркнуто, что «военная цензура должна быть введена в строгие рамки вопросов оперативного и военно-организационного характера»⁵⁴.

Летом 1919 года Гражданской войны вызвала необходимость пересмотреть некоторые статьи существующего «Положения о военной цензуре», и приказом РВСР № 1197/222 от 12 июня 1919 года было объявлено новое «Положение о военной цензуре», и его первая статья указывалось, что военная цензура осуществляется в целях сохранения военной тайны и ограждения интересов обороны РСФСР. Сведения, которые составляли военную тайну и нарушали интересы обороны Российской Федерации, указывала в «Перечне», приложенном к положению.

В отличие от предыдущего положения в новом на военную цензуру дополнительно возлагался контроль телеграмм РОСТА, радиотелеграфа, радиостанций и публичных лекций военного характера. Также указывалось, что действия военной

цензуры не распространялись на распоряжения Президиума ВЦИК, СНК и ЦК ВКП(б). Положение предусматривало следующие органы военной цензуры: военно-цензурное отделение при регистрационном управлении РВСР; военно-цензурные отделения при реввоенсоветах фронтов; военно-цензурные отделения при полевых почтово-телеграфных конторах; местные отделения военной цензуры печати, почт, телеграфов.

Военная цензура кроме принятия административных мер и возбуждения уголовного дела по отношению к виновным, наделялась еще и правом до решения суда задерживать, конфисковывать или временно закрывать периодическое издание. Штат военно-цензурского отдела регистрационного управления был увеличен до 107 человек. Организационная структура его была следующей: начальник, помощник, общее отделение — 25 человек, организационно-инструкторское отделение — 14 человек, отдел печати — 29 человек (старшие цензоры — 4, контролеры — 3, цензоры-контролеры — 8, цензоры — 12, журналисты — 2), отделение радиотелеграфного и телеграфного контроля — 29 человек, казначейское отделение — 8 человек. Отделу придавался один легковой автомобиль и два мотоцикла с коляской.

Военно-цензурское отделение при реввоенсовете фронта — 4 человека и армии — 3 человека имели стол цензуры, контрольно-осветительный стол. Военно-цензурские пункты в полевых почтовых конторах штабов дивизий состояли из 4 человек.

Военно-цензурские группы при военной цензуре почт и телеграфов в городах, где издавалось более 5 ежедневных газет и имелось отделение РОСТА, состояли из 10 человек, а в городах, где было до 5 газет и отделение РОСТА, — 6 человек, где одна газета, — 1 цензор. При ширококвотельной радиостанции создавался военно-цензурский пункт в составе 5 человек.

Органам военной цензуры предписывалось не только заниматься контролем печати, но также сбором, обобщением, подготовкой материалов осведомительного характера и их рассылкой заинтересованным учреждениям.

Такая система органов военной цензуры просуществовала недолго. 27 ноября 1919 года приказом РВСР № 2047/437

были внесены изменения в приказ РВСР № 1187/222 от 12 июля 1919 года: отдел военной цензуры был выведен из состава регистрационного управления и сделан самостоятельным отделом РВСР, который подчинялся комиссару полевого штаба РККА; все военно-цензорские органы были переведены в подчинение отделу военной цензуры при РВСР. Штат отдела оставался прежним. Его начальником был назначен Н. Батурин, а прежний руководитель отдела стал его помощником.

В августе 1920 года контроль почтово-телеграфной корреспонденции передается особому отделу ВЧК. В связи с этим военная цензура снова реорганизуется и вводится новое «Положение о военной цензуре», которое установило, что военная цензура производила: предварительный и последующий контроль печати, фото- и киноматериалов, планов, чертежей, всякого рода рисунков, публичных лекций военного характера, предварительный просмотр печатных произведений, чертежей, разного рода рисунков при вывозе их через границу Российской Федерации.

В качестве центрального органа создавалось управление военной цензуры полевого штаба РККА. Ему подчинялись: отделения военной цензуры при областных и окружных военных комиссариатах; отделения военной цензуры при губернских военных комиссариатах; военные цензоры при уездных военных комиссариатах; отделения военной цензуры при РВС фронтов и армий; военные цензоры пограничных пунктов.

В управление военной цензуры полевого штаба РККА входили: общий отдел; отдел печати, состоящий из отделения периодической печати, отделения неперiodической печати, отделения РОСТА, отделения печати на иностранных языках; информационного бюро; канцелярского, казначейского и хозяйственного отделений. Всего по штату — 100 человек.

Число местных органов военной цензуры определялось Управлением военной цензуры. При отдельных изданиях могли назначаться цензоры-совместители, которые получали вознаграждение за цензорский контроль в размере 50 процентов жалования по основной должности. Численность отделений военного цензора: при областных и окружных военных комиссариатах — 23 человека, губернских — 10 человек,

уездных — 1 человек; при РВС фронтов — 7 человек, армий — 1 человек; при пограничных пунктах — 3 человека. Петроградское военно-цензорское отделение состояло из 31 человека.

В феврале 1921 года Полевой штаб РККА и Всероссийский главный штаб переформировываются в единый Штаб РККА. В связи с этим Управление военной цензуры определяется как составная часть Штаба РККА. 24 марта вводились новые штаты органов военной цензуры. Численность Управления военной цензуры была установлена 88 человек.

Летом 1921 года военную цензуру ждали новые изменения. 1 августа состоялось заседание Совнаркома, на котором было принято постановление: «Поручить Реввоенсовету республики передать 1 августа военную цензуру в ВЧК»⁵⁵. Такое решение было вызвано тем, что в органах ВЧК сохранились все функции охраны государства и борьбы с контрреволюцией. 13 октября СНК утвердил «Положение о военной цензуре ВЧК» и «перечень сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению». Задачи военной цензуры, порядок контроля материалов сохранялись такими же, как это было установлено в прежнем положении. Определялась система военной цензуры: центральным органом являлся Подотдел военной цензуры Информационного отдела ВЧК; местные органы отделения военной цензуры и цензурные пункты при органах ВЧК в губерниях и уездах. Численность и местонахождение военно-цензурных органов определялось ВЧК. Уполномоченные (цензоры) отдельных цензорских пунктов назначались из числа ответственных работников, руководивших ранее издательской работой, периодической и непериодической печатью в данном районе. «Положение о военной цензуре ВЧК» было подписано председателем СНК В. Ульяновым (Лениным), управделами СНК Н. Горбуновым и секретарем Л. Фотиевой.

«Перечень сведений, составляющих военную и государственную тайну и не подлежащих распространению» состоял из трех глав: первая включала военные сведения и имела два раздела, которые запрещали публиковать: А — в мирное время, Б — в военное время; вторая содержала сведения экономического характера; третья излагала положение о

том, что перепечатка тех или иных сведений и сообщений по вопросам, перечисленным во второй главе, допускалась лишь с разрешения соответствующих наркоматов или их уполномоченных на местах.

В феврале 1922 года ВЧК была расформирована. При Наркомате внутренних дел РСФСР было создано Государственное политическое управление (ГПУ), которое в 1923 году было реорганизовано в Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР.

В связи с этим был разработан проект «Положения о военно-политической цензуре ГПУ», где было сказано, что в связи с прекращением военных действий и переходом к мирному строительству военная цензура реорганизуется в политическую, задачей которой было недопущение агитации против существующего режима, сохранение военной тайны и ограждение экономических интересов Республики Советов. Предполагалось иметь отдел военно-политической цензуры как центральный орган, отделения военно-политической цензуры и цензоров на местах.

В поддержку Белого движения

После Октябрьской революции, находясь в Петрограде, среди бурного потока воззваний, афиш, расклеенных и разбрасываемых повсюду, газет, протестующих, проклинающих и пророчащих гибель новой власти, известный американский журналист Джон Рид заметил: «Настало время борьбы печатных станков, ибо все остальное оружие находилось в руках Советов»⁵⁶.

И если печать правых эсеров обращалась только к аудитории страны, то кадетский ЦК в Петрограде 17 ноября 1917 года выпустил обращение к странам Антанты: «Никакие предложения и обращения к союзным и враждебным державам, исходящие от незаконной власти большевиков, — говорилось в нем, — совершенно не выражают воли русского народа и ни в каком отношении не могут считаться связывающими государство Российское»⁵⁷.

Газета «Правда» характеризовала кадетскую как «самую влиятельную из всех партий российской контрреволюции на международной фондовой бирже»⁵⁸. Кадетские лидеры

располагали обширными связями в Англии, Франции, США. Особое значение имели авторитет и личные связи вождя кадетов П. Н. Милюкова — бывшего министра иностранных дел правого состава Временного правительства. Кадеты старались обеспечить поддержку Белому движению из-за границы после первых неудачных выступлений генерала Краснова и атамана Каледина на Дону.

В первые недели после Октябрьской революции сообщения из России в зарубежной прессе были совершенно однотипными. Так, например, было в Англии. «Ленин теряет контроль», — уверяла авторитетная здесь газета «Таймс». Порядок в России «в конце концов восторжествует» — вторила «Дейли мэйл». Скорое крушение Советской власти предрекала «Манчестер гардиан». А «Обсервер» объявила падение большевизма уже решенным делом.

Но проходили дни, недели, месяцы, а Советская власть не только не рушилась, а даже укрепляла свое положение и предпринимала меры для выхода страны из Первой мировой войны.

Именно выход Советской России из войны У. Черчилль решил использовать для пропагандистского обеспечения вмешательства Англии в дела этой страны. 11 декабря 1917 года в своем первом публичном выступлении по поводу событий в России он объявил ее выход из войны предательством по отношению к союзникам и утверждал, что Октябрьская революция лишила французскую, британскую и итальянскую армии плодов победы, которая этим летом уже была почти у них в руках. «Россия окончательно побеждена Германией, — говорил Черчилль. — Ее великое сердце разбито — и не только германской мощью, но и германской интригой, не только германской сталью, но и германским золотом»⁵⁹.

Здесь Черчилль повторил то, в чем обвиняла большевиков вся кадетская пресса. В 1917 году она утверждала, что возвратившиеся на родину через Германию Ленин и его спутники — немецкие шпионы.

Джон Рид в своей книге «10 дней, которые потрясли мир» привел такой эпизод из октябрьских событий 1917 года в Петрограде: «...один молодой интеллигент — кадет, бывший личный секретарь Милюкова, рассказывал нам все подробности о взятии Зимнего дворца. “Большевиков вели германские

и австрийские офицеры!” — утверждал он. Такие нелепые слухи, — заключает Рид, — распространялись сотнями»⁶⁰. Их повторяли и за рубежом

Черчилль стремился убедить английское общественное мнение в опасности и вредности большевистских идей, старался поставить заслон их распространению. Он сам активно выступал в печати, парламенте, в публичных аудиториях. Он засыпал министра информации и пропаганды лорда Бивербрука настойчивыми просьбами и рекомендациями по поводу того, как следует организовать и вести пропагандистскую кампанию против Советской России.

Предостерегая от «перебарщивания» в таком тонком деле, Черчилль вместе с тем настаивал: британская пресса должна обеспечивать «постоянный поток фактов», подкрепляющих концепцию о том, что «эти негодяи нас предали». «Я все больше убеждаюсь в том, — писал Черчилль Бивербруку 23 февраля 1918 года, — что сегодня в Англии не может быть более ценной пропаганды, чем красочное описание насилий и жестокостей большевиков, предательства, которое они совершали, разорения, в которое они вовлекли свою страну, и вреда, который они причинили нам и нашим сражающимся солдатам. Думаю, что следует поощрять как можно более широкую публикацию в газетах известий о хаосе и анархии в России»⁶¹.

Взгляды Бивербрука соответствовали настроениям Черчилля. Меры были приняты, и многие английские газеты развернули широкую антибольшевистскую кампанию. «Они специализируются на большевистских ужасах, — писала «Правда», — поскольку правительство Великобритании поощряет всякое «мифотворчество» насчет большевиков в России: “чем кошмарнее, тем лучше”»⁶².

Антибольшевистская пропаганда в печати строилась на информации, которую поставляли из России корреспонденты газет. У многих английских журналистов были стародавние связи с представителями кадетской партии. В 1916 году в союзнических странах побывала делегация русских журналистов во главе с одним из лидеров партии кадетов В. Д. Набоковым — они широко общались со своими английскими коллегами и установили с ними немало тесных личных контактов. Во время пребывания в том же году в Англии парламентской

делегации Милюков и Шингарев завязали близкое знакомство с писателем Джоном Бьюкеном, который в 1917—1918 годах заведовал бюро информации премьер-министра Ллойда Джорджа.

Но главную роль в освещении событий в РСФСР играл известный журналист Гарольд Вильямс. Новозеландец по рождению, он получил образование в Лондоне и приехал в Россию в качестве английского корреспондента задолго до революции. На протяжении предреволюционного десятилетия Вильямс представлял в Петербурге газеты Великобритании — «Таймс», «Дейли кроникл» и др.

В 1906 году Вильямс женился на писательнице Ариадне Владимировне Тырковой — одной из активнейших лидеров конституционно-демократической партии. В ноябре 1917 года она и журналист А. С. Изгоев организовали выпуск нескольких номеров «боевой» газеты «Борьба», открыто призывавшей к борьбе против Советской власти.

Таким образом, Вильямс сделался своим человеком в кадетской среде, впитал ее идеалы, жил ее интересами. События в России он освещал в чисто кадетском духе. За долгие годы работы в России Вильямс завоевал среди английских журналистов репутацию виднейшего и авторитетнейшего специалиста по этой стране.

Тыркова и Вильямс покинули Россию в апреле 1918 года. Их квартира в Лондоне превратилась в своего рода русский центр, где обсуждались все животрепещущие вопросы. Они сотрудничали в «Комитете освобождения России», который обеспечивал пропагандистскую поддержку Белому движению за рубежом. В мае 1919 года Г. Вильямс приехал с корреспондентскими полномочиями от газет «Таймс» и «Дейли кроникл» в армию Деникина. Вскоре вслед за мужем в Ростов из Англии приехала А. Тыркова. После поражения Деникина она была эвакуирована вместе с английской миссией на пароходе из Новороссийска в феврале 1920 года.

В 1928 году, после смерти Вильямса, в эмигрантской газете «Последние новости», редактором которой был Милюков, появилась в качестве некролога статья «Г. В. Вильямс и белая борьба». В ней говорилось: «С английской твердостью и упорством стал он добиваться помощи русским против большевиков, доказывал ее необходимость в частных беседах с

влиятельными политиками, в публичных выступлениях, а главным образом в печати, делая все, что в силах одного человека, для помощи белой борьбе». И далее: «Надо иметь в виду, что это были слова не просто журналиста, а признанного авторитета в русских делах. В Англии же признание человека экспертом в той или другой области имеет большее значение, чем в какой-либо другой стране»⁶³.

А. Борман, сын Тырковой от первого брака, выпустил в США в 1964 году книгу «А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына», писал об отчине, что он являлся своего рода центром для иностранных корреспондентов в Петербурге и многие из них были обязаны ему информацией, поставлявшейся ими в свои страны. «Он весь отдался поддержке Белого движения, — вспоминал автор книги. — В нем было твердое и абсолютно полное отрицание коммунизма и советчины. Он считал, что сближение с большевиками при всех обстоятельствах всегда вредно для тех, кто стремится к такому сближению. И он всегда с предельной ясностью выражал это мнение во всех своих статьях»⁶⁴.

Сэмюэль Хор, будущий министр иностранных дел Великобритании, пожалуй, самый непримиримый после Черчилля противник большевизма в британских правящих кругах, в 1930 году опубликовал книгу о России под названием «Четвертая печать». Эта книга, на обложке которой красовался двуглавый орел, была посвящена памяти Гарольда Вильямса — «самого блестящего корреспондента в нашем поколении», который, как писал Хор, помог ему «понять искания, тайну и трагедию великого народа»⁶⁵.

В конце мая 1918 года в Москве состоялась конференция партии кадетов. Месяцем ранее кадетский ЦК был осведомлен о решении союзников «осуществить широкую высадку в России, чтобы вновь открыть сильный второй фронт и устранить большевиков». Поэтому, обсуждая отношение к намечавшейся интервенции, ее участники говорили, что обязанность кадетской партии — вести «пропаганду симпатии к союзникам», поскольку им необходимо «иметь за собой сочувствие населения»⁶⁶.

Весной 1918 года кадеты имели для этого значительные возможности. По-прежнему выходили кадетские газеты — «Русские ведомости» (переименованные затем в «Свободу

России») в Москве и «Наш век» (бывшая «Речь») в Петрограде. Более или менее регулярно издавался «Вестник партии народной свободы» (это было второе название кадетской партии, принятое ею в 1906 году). Кадеты имели свои печатные органы в других городах и регионах России. Так на Дону они выпускали популярную здесь газету «Ростовская речь», держали в сфере своего влияния газету «таганрогский вестник», «Приазовский край» и др. Главное содержание всех этих органов составляли критика и разоблачение недостатков и ошибок Советской власти и лишь слегка завуалированные призывы к ее свержению.

Заключение Брестского мира было воспринято кадетами как великая трагедия и позор русского государства. Заголовки статей об этом событии в кадетской прессе того времени говорят сами за себя: «Разгром России», «Капитуляция», «Глава последняя» и т. д.

Кроме искренних сомнений в законности большевистского правительства, в пользу для страны преследуемых большевиками целей и осуществляемых ими акций, помимо обсуждения действительных ошибок и просчетов новой власти, ее неприемлемых с точки зрения прежнего государственного права действий, в кадетской печати публиковалось множество нелепых, фантастических вымыслов, а иногда и заведомых фальшивок. Чем дальше эти публикации отходили от правды, тем больший отклик они получали в западной прессе, кочуя со страниц одной газеты в другую. Так, 14 апреля 1918 года выходившая в Москве кадетская газета «Свобода России» опубликовала заметку следующего содержания: «Из Саратова получено частное письмо, утверждающее, что местный клуб анархистов опубликовал декрет, согласно которому все женщины от 17 до 32 лет объявляются собственностью государства, права мужей упраздняются; женщины подлежат распределению среди тех, кому они потребны, и получают 232 рубля в месяц из государственных ресурсов».

19 апреля та же газета поместила письмо в редакцию от члена Московской федерации анархистских групп, опровергающее «дикое и абсурдное сообщение о мнимом декрете саратовских анархистов, провозглашающем социализацию женщин». В письме выражалось удивление по поводу публикации такой «новости» без всяких комментариев и сомнений

в ее достоверности. Автор письма раскрывал действительную историю вопроса: не в Саратове, а в Самаре черносотенцы из «Союза Михаила Архангела» с целью дискредитировать анархистские организации в глазах местного населения выпустили листовку с текстом пресловутого «декрета» от имени Самарской федерации анархистов. Последняя немедленно объявила в печати о своей непричастности к черносотенной провокации.

Публикуя письмо, редактор «Свободы России» пояснял, что не считал необходимым комментировать заметку из Саратова, поскольку, «откровенно говоря, не видел в ней ничего невероятного по сегодняшним временам беспрецедентных проектов всяческого рода». Тем более что, по сообщению «Зари России» (еще одна московская большевистская газета), «Известия» Совета депутатов города Хвалынска опубликовали материал аналогичного содержания: «предложение проекта о социализации женщин», которое внесла некая «товарищ Федорова». Автор предлагает, чтобы каждая незамужняя женщина, достигшая 18-летнего возраста, под страхом сурового наказания обязана была зарегистрироваться в Бюро «Свободной любви» при Комиссариате социального обеспечения и имела бы право выбрать себе в мужа любого мужчину в возрасте от 19 до 50 лет (независимо от его желания и протестов жены). Мужчины обладают такими же правами. Выбор мужа или жены не чаще одного раза в месяц. Рождающиеся в результате таких союзов дети переходят в собственность государства.

Выступая с подобными предложениями, заключал редактор «Свободы России», «товарищ Федорова» заявила, что они «уже осуществляются на практике в Луге, Колпино и других местах»⁶⁷.

31 октября 1918 года журнал «Новая Европа» опубликовал статью профессора-кадета М. И. Ростовцева «Практика и цели большевизма». К ней в качестве приложения «Большевики и положение женщин» был помещен уже известный проект «декрета о социализации женщин», предложенный «товарищем Федоровой» и якобы обнародованный в газете «Известия» Совета депутатов Хвалынска. Но теперь эта публикация объявлялась переводом декрета большевиков города Владимира, напечатанного в официальном советском

органе «Известия». 4 ноября 1918 года этот текст был перепечатан ежедневной газетой «Дейли мэйл» под названием «Последняя подлость большевиков». Публикация была воспринята как сенсация и тиражировалась во множестве газет, многократно повторялась на публичных митингах. Она влияла на общественное мнение во много раз сильнее, чем истинная информация об ужасном положении в Советской России: голоде, холоде, тифе, страшных лишениях в быту. Таким образом создавалась почва для расширения интервенции.

Осенью 1918 года перед появлением на политической арене адмирала А. В. Колчака кадетская печать усиленно готовила общественное мнение Сибири и Дальнего Востока к безоговорочному принятию как самой идеи военной диктатуры, так и ее конкретного носителя. Этим вопросом занимался Восточный отдел кадетского ЦК, органом которого являлась газета «Сибирская речь», регулярно печатавшая хвалебные статьи о Колчаке. Всяческую поддержку ему оказывали англичане. Их представитель полковник Уорд организовал кампанию в пользу Колчака в прессе. В одном из интервью он заявил, что при наличии «таких людей, как Колчак, Россия никогда не погибнет»⁶⁸.

Однако реакция союзников на переворот в Омске, в результате которого была установлена диктатура Колчака, не была однозначной. Их не устраивало, в какой форме он произошёл, беспокоило отсутствие какой-либо демократической декорации. Союзники власть признавали, но требовали наказания виновных. Трое — полковник Волков, войсковые старшины Каганов и Красильников, руководившие арестом социалистов — членов Директории, взяли вину на себя. На судебном процессе подсудимые изображались героями, предупредившими эсеровский заговор и действовавшими «по побуждениям любви к родине». Судебный фарс, освещавшийся печатью, имел целью полное оправдание подсудимых⁶⁹.

Восточный отдел ЦК кадетской партии стал одним из главных совещательных органов при Колчаке. Его руководство ежедневно встречалось с «вероятным противником». Жестокость и произвол колчаковщины полностью оправдывались и поддерживались кадетами. Их программный документ «Наш манифест», опубликованный 1 января 1919 года в «Сибирской речи», призывал применять для утверждения поряд-

ка «систему быстрых, твердых и, когда надобность укажет, неумолимо суровых мер». Поэтому введение военной диктатурой А. В. Колчака 18 ноября 1918 года (в день переворота) «в целях правильной информации населения» предварительной военной цензуры расстрел без суда и следствия редактора газеты «Власть народа» (Челябинск) Е. Маяковского за публикацию передовой статьи, в которой Омский переворот рассматривался как «тяжелый удар» по возрождению России, одобрялись кадетами^{69а}. Во всех министерствах, в каждом департаменте члены кадетской партии занимали влиятельные посты. 21 февраля 1919 года директором Пресс-бюро Отдела печати назначается один из лидеров кадетской партии Николай Васильевич Устрялов⁷⁰ — выпускник юридического факультета Московского университета, приват-доцент Московского и Пермского университетов в 1916—1918 годах. Он был человек литературно одаренный, сотрудничал в таких изданиях, как литературно-политический журнал «Русская мысль» и газета «Утро России».

Н. В. Устрялов очень верно оценил смысл происходившего: «Диктатор не явился на сибирскую сцену сам собой, его выдвинул не его собственный «эрос власти»... Как диктатора его всецело сделала обстановка, непреклонно требовавшая диктатуры. Не будь Колчака, Восток получил бы другого диктатора»⁷¹.

У «верховного правителя» была довольно разветвленная сеть изданий — в апреле 1919 года на территории, занятой войсками Колчака, издавалось более 120 газет и около 70 журналов^{71а}. Для управления печатной пропагандой Омское правительство при своей канцелярии имело Отдел печати, Пресс-бюро и Бюро иностранной информации. В мае 1919 года Отдел печати был передан частному акционерному Российскому обществу печатного дела (РОПД), которое возглавили А. К. Клафтон и Н. В. Устрялов, а при Главном штабе А. В. Колчака был образован Осведомительный отдел (Осведверх), руководивший осведомительными органами армий, входивших в состав войск «верховного правителя». С июня по октябрь 1919 года Осведверх выпускал бюллетень для военных газет. С октября 1919 года при Пресс-бюро выпускалась газета «Русское дело». Среди газет, выходивших при Колчаке, только в Омске выпускались «Родина», «Русская

армия», «Русский воин», «Слово», «Сибирская речь», «Сибирский казак», «Наша армия», «Крестьянский вестник», «Степь» и ряд других. В одной из колчаковских армий (3-й) была создана газета «Друг армии и народа», предназначенная для распространения в частях Красной Армии. Созданное в Омске РОПД выпускало сотни брошюр, листовок, воззваний, плакатов и т. д. В газетах рассказывалось о первых военных успехах войск Колчака, захваченных ими богатых трофеях, превозносились полководческие успехи его генералов. Пресса старалась поддерживать в армии и у населения оптимистический дух, обещая дальнейшие победы, которые принесет наступление.

Большую пропагандистскую работу в пользу Белого движения вел П. Н. Милоков в Лондоне, куда он приехал в январе 1919 года в составе делегации депутатов русской общественности и остался там после отъезда на родину других делегатов. В посланном в Национальный центр⁷² отчете Милоков писал: «В моем активе числится очень большое количество завязанных в английских кругах связей и отношений, много статей и интервью в прессе, несколько лекций перед большими аудиториями в университетах (Лондон, Ливерпуль, Лилс, Кембридж, осенью еще будет Глазго и Эдинбург), ряд речей на банкетах и чужих лекциях... беседы с членами палаты всех партий»⁷³.

В Лондоне Павел Николаевич взаимодействовал с другими членами кадетской партии: профессором-англоведом П. Г. Виноградовым, издававшим журнал «Русское государство», профессором М. И. Ростовцевым, убедившим предпринимателя Н. Х. Денисова дать 10 000 фунтов стерлингов на «организацию пропаганды русского дела». На эти деньги в Лондоне был создан «Комитет освобождения России». В его руководящий орган вошли Милоков, Струве, Ростовцев, Тыркова, Вильямс и еще несколько англичан. Комитет имел штат журналистов и переводчиков. В дальнейшем комитет получал крупные ассигнования от Колчака и Деникина. Размещался он на Флит-стрит — в издательском центре Лондона. Комитет организовал выпуск бюллетеней, которые рассылались всем членам парламента и политическим деятелям и содержали информацию с театров Гражданской войны. Также комитет снабжал сведениями о России английскую прессу.

Комитет установил связь с центрами Белого движения в России. В Архангельске для войск Северного фронта он издавал газету. Из Омска в комитет передавалась информация, которая распространялась в зарубежной прессе. Через членов кадетского ЦК комитет был связан с армиями Деникина и Юденича.

«Комитет освобождения России» развернул широкую пропаганду в поддержку Белого движения. Главный аргумент ее был таков: «Большевизм — это мировое зло, угроза для всего мира», и с ним «прежде всего необходимо справиться в России»⁷⁴. Комитет организовал выпуск на английском языке журнала «Нью Раша», который редактировал Милюков, а также издание брошюр. Среди них были «Англия и Россия» Милюкова, «Почему Россия голодает?» Тырковой, «Дух русской революции» Вильямса и т. п. Они тоже были на английском языке. Издания комитета распространялись не только в Англии, но и в других странах.

Комитет вновь вернулся к нагнетавшей за рубежом истории национализации женщин в Советской России. По мнению английского профессора В. Гуда, именно она служила «наиболее сильным средством, возбуждавшим дикое возмущение против большевизма»⁷⁵. Комитет опубликовал фотографии «находившихся в его распоряжении» документов: «мандата Главного комиссара Екатеринодара на социализацию некоего (неразборчиво написанного) числа женщин» и мандата на «реквизицию» девушек в возрасте от 16 до 25 лет. Две публикации подобного рода вошли в выпущенную в апреле 1919 года «Белую книгу», которая имела подзаголовок «Сборник донесений официальных представителей Его Величества в России и английских подданных, недавно возвратившихся из этой страны».

Поддержку в издании «Белой книги» оказали английские власти. Еще в ноябре 1918 года военный кабинет дал распоряжение собирать материалы о жестокостях большевиков для полной и скорейшей публикации. 28 марта 1919 года Черчилль напомнил лорду Керзону о необходимости срочно издать специальную книгу на эту тему. Он согласился с предложением военного министра и обещал содействовать выпуску «Белой книги».

В книге также публиковалось донесение генерала Пуля в Военное министерство от 11 января 1919 года, в котором говорилось: «...имеются сведения, что комиссариаты свободной любви учреждены в нескольких городах и порядочных женщин подвергают порке за отказ подчиниться; декрет о национализации женщин введен в силу и проведено несколько экспериментов по национализации детей»; сообщение преподобного Б. Ломбарда лорду Керзону от 23 марта 1919 года, который доносил: «...когда я покидал Россию в октябре прошлого года, национализация женщин была уже свершившимся фактом»⁷⁶.

К возмущившим Англию фактам о национализации женщин было привлечено внимание палаты общин. Один из депутатов-консерваторов обратился к премьер-министру с запросом о том, располагает ли правительство документами на эту тему. 9 апреля 1919 года в ответ на запрос палате общин была предоставлена изданная «Белая книга». На заседании выступил член парламента Джошуа Веджвуд. В 1918 году он являлся членом британской миссии в Сибири и потому оценил «Белую книгу» с точки зрения очевидца описываемых в ней событий. Он заявил, что все вошедшие в сборник истории о жестокостях большевиков не что иное, как сплетни. Таким образом, обсуждение «Белой книги» пошло по неожиданному для подготовивших ее политиков пути.

Окончательный удар по истории национализации женщин большевиками нанесла брошюра «Национализация женщин. Подлинная история лжи» (The Nationalisation of Women: The Natural History of Lie), выпущенная в конце 1919 года Британской социалистической партией. Собранные в ней выдержки из русских и английских газет позволили проследить историю рождения и затем неудержимого распространения этого мифа. Как утверждали английские социалисты, выступившие в защиту большевиков, на фотокопиях мандатов, опубликованных в изданиях «Комитета освобождения России», не имелось ни грифа, ни печати, ни даты — ничего, что удостоверяло бы подлинность этих «документов» или хоть «какую-либо их ценность в качестве доказательства»⁷⁷.

Черчиллю, Керзону и «Комитету освобождения России» приходилось преодолевать сопротивление противников интервенции в России, которые утверждали, что многие их

выступления перед публикой и сообщения в печати об ужасах в Советской России рассчитаны на неосведомленность аудитории о реальной политической ситуации и с помощью контраргументов снижали эффективность воздействия антибольшевистской пропаганды. В Англии все больше развевалось мощное движение под лозунгом «Руки прочь от России!», в котором активную роль играли массовые организации рабочего класса и многие представители интеллигенции. Все более острыми становились дебаты по русскому вопросу в парламенте. На его депутатов большое впечатление произвело письмо, полученное из Сибири. Тот же Джошуа Веджвуд огласил его на заседании, и стали известны факты бесчинств, жестокостей и насилия колчаковских властей, нежелание молодежи воевать на стороне Белого движения. Рассказывая об этом заседании, либеральная газета «Манчестер гардиан» отмечала: «Если даже Колчак дойдет к Москве, то и в таком случае Гражданская война в России не прекратится. Правительство reactionеров не может удержаться в России»⁷⁸.

Члены «Комитета освобождения России» всячески стремясь вызвать в английском общественном мнении сочувствие к Белой армии, возмущение Советской властью, старались показать опасность социалистических идей и в других странах. Так, весной 1919 года вышла книга А. Тырковой «От свободы к Брест-Литовску». В предисловии она писала:

«Социалисты сделали из моего Отечества огромное опытное поле для своих догм и теорий. Я знаю, что лучшие из них хотели дать счастье трудящимся массам. Их побуждали к действиям догматические иллюзии Интернационала, и они забывали, что человек является самым неизвестным, наиболее плохо изученным из всех существ на земле и что психология отдельных людей и еще больше масс развивается неисследованными путями и направляется силами, которые не поддаются ясному пониманию...

Я верю, что трагические уроки неизвестной, далеко лежащей страны и безумие преступных социалистических экспериментов крайних группировок могут послужить суровым предупреждением для других народов»⁷⁹.

В январе 1919 года в столице Финляндии Хельсинки был создан Русский политический комитет, в который наряду с

политиками и военными вошла группа промышленников и финансистов во главе с «русским Рокфеллером» С. Г. Лианозовым — «кадетом по политическим убеждениям»⁸⁰, как его назвал Джон Рид. Этот орган был создан с целью организации кампании на Северо-Западном фронте. Его председателем был избран один из лидеров кадетов Карташов. Комитет выдвинул на пост командующего армией генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича, который в марте—апреле 1917 года был главнокомандующим Кавказским фронтом. С осени 1918 года он находился в Хельсинки и входил в состав Русского политического комитета. Генералу, который не имел ни одного поражения, было нетрудно, создать репутацию военачальника, способного возглавить вооруженные силы для удара на Петроград, тем более что для этого были задействованы не только газеты, но и письма. Политический центр, организованный при Юдениче, душой которого стали кадеты, взял в свои руки «все дело печати и агитации». При нем было создано телеграфное агентство «для информации заграничной печати», стала выпускаться газета «Русская жизнь». Через Карташева они наладили связь с «Комитетом освобождения России» и отправляли ему сообщения о положении на Северо-Западе. В мае 1919 года Политический центр был преобразован в Политическое совещание, которое выполняло функции «зачаточного временного правительства для Северо-Западной области». Его председателем стал Юденич, Карташев — его заместителем. Профессор-юрист Кузьмин-Караваев возглавил отдел пропаганды при Министерстве внутренних дел этого правительства.

Однако в стане белогвардейцев не было единства. В августе 1919 года при помощи англичан было создано северо-западное правительство, в котором премьер-министром стал Лианозов, военным министром — Юденич. В его состав кроме кадетов вошли эсеры и меньшевики. Карташев отказался войти в его состав. Лианозовский кабинет подписал акт о независимости Эстонии и обязался создать при захвате Петрограда Учредительное собрание. Это вызвало негодование сторонников «единой и независимой России». В своем письме кадетам в Лондон Карташев убеждал своих однопартийцев вести агитацию в том направлении, чтобы зарубежное общественное мнение было готово к «новому акту создания

власти» в Петрограде, который «убивает коалицию (т. е. коалиционное, многопартийное лианозовское правительство, независимую Эстонию и учредилку)»⁸¹.

Но когда в начале сентября 1919 года началось новое наступление армии Юденича и в этот момент очень требовалась поддержка Прибалтийских государств, но те готовы были помогать только при том условии, что получают полную гарантию политической и экономической независимости в будущем. Кадеты из окружения Юденича посчитали возможным дать полную гарантию. Однако финское правительство согласилось участвовать в завоевании Петрограда лишь при условии, что предоставление Финляндии суверенитета будет подтверждено верховным правителем — Колчаком. Позиция Колчака оставалась непримиримой: он выступал за «единую и неделимую Россию».

Черчилль, видя неговорчивость русских военачальников, старался учить их тонкостям политической и пропагандистской игры. 20 октября 1919 года, направляя в штаб Юденича английского генерала Ричарда Хэйкинга, он составил для него подробный «Набросок инструкций» по руководству генералом Юденичем в первое время после занятия Петрограда. В этом документе определялось, как Юденичу вести себя в отношении Прибалтийских государств, как организовывать публичные суды над большевиками. Также Юденичу рекомендовалось обставлять свои действия возможно большей видимостью опоры на конституционные начала. Однако наставления не потребовались: стремительным наступлением советских войск Юденич был отброшен от Петрограда.

На Юге России при Главнокомандующем большим влиянием пользовался Национальный центр. Летом 1919 года в его состав входило 109 политических деятелей, в том числе 27 лидеров кадетской партии. Верхушка Национального центра вступила в тесный контакт с главнокомандующим. Кадеты М. М. Федоров, Н. И. Астров, В. А. Степанов, К. Н. Соколов и В. Н. Челищев вошли в состав действовавшего при Деникине Особого совещания, большинство в котором составляли генералы. Однако единства в окружении главнокомандующего не было. Конфронтация эта определялась издавна негативным, подозрительным отношением «правых» к кадетской идеологии, многократно усиленной сугубо ре-

акционной атмосферой, царившей в армии. Однако несмотря на отсутствие единства и противоречия, задача «свержения большевистского самодержавия», определенная еще генералом Л. Г. Корниловым, сплачивала вчерашних противников во всемерной, безоговорочной поддержке денikinского режима. В резолюции Екатеринодарской кадетской конференции, состоявшейся в конце июня 1919 года, говорилось о «неизбежной после каждой революции реакции». Не допускалась практика системы управления и армии, чтобы «не расшатать основ власти»; укреплять эти основы рекомендовалось указанием не на «недостатки и ошибки», а на «положительные меры».

В целях популяризации Белого движения, ее вождя в августе 1918 года на Дону было создано Осведомительное агентство (Осваг), издававшее газеты, брошюры, листовки. Важной задачей Освага было также «постоянное искоренение злых семян, посеянных большевистскими учениями в незрелых умах широких масс», и разгром «цитадели, построенной большевиками в мозгах населения». В соответствии с «Положением об Особом совещании при Верховном руководителе Добровольческой армии» от 18 августа 1918 года Осведомительное агентство входило в состав дипломатическо-агитационного отдела совещания. Осваг состоял из центрального управления и осведомительно-агитационных пунктов в городах и крупных селах, а также имел заграничные осведомительные пункты. Осваг подчинялся его председателю. Первым руководителем Освага был известный общественный деятель и публицист кадет С. С. Чахотин (август—октябрь 1918 года). В октябре 1918 года его сменил видный ростовский кадет, богач, издатель газет «Ростовская речь» и «Донская речь» Н. Е. Парамонов. Ему было поручено перестроить работу учреждения. В целях реорганизации пропаганды намеревались усовершенствовать работу Освага, создать «настоящее телеграфное агентство». Но все завершилось созданием в январе 1919 года Отдела пропаганды (однако термин «Осваг» имел самое широкое употребление вплоть до ликвидации Отдела пропаганды в марте 1920 года). 18 января Парамонов представил Особому совещанию проект учреждения и смету отдела. Управление Отдела пропаганды располагалось в Ростове-на-Дону, затем в Екатеринодаре. Ос-

ваг влился в отдел, но не растворился в новой структуре. Он стал «средостением между главою ведомства и руководителями частей»⁸².

Управляющим Отделом пропаганды оставался Парамонов. Никогда особо не отличавшийся левыми настроениями, он тем не менее стремился вести пропаганду среди населения в относительно либеральном ключе. Он считал необходимым условием успеха пропаганды привлечение к ее проведению видных сотрудников социалистических партий. Однако его программа встретила резкое противодействие со стороны генеральской части Особого совещания, и он вынужден был уйти, уступив место другому кадетскому деятелю — профессору К. Н. Соколову, занимавшему ультраправые позиции. Соколов столкнулся с трудностями в подборе персонала. «Мы должны были работать без социалистов и евреев», — вспоминал он. Это происходило из-за «повально антисемитского настроения массы, особенно военной». Перестраивая работу, Соколов провел чистку кадров, пригласил новых сотрудников. В их числе были и новые его помощники: полковник генерального штаба Б. А. Энгельгардт, ректор Петроградского университета, известный историк, профессор Э. Д. Гримм.

Отдел пропаганды представлял мощную разветвленную организацию, объединявшую семь отделений: информационно-редакционное, агитационное, литературно-публицистическое, художественно-агитационное, организационно-инспекторское, технического снабжения и общее. К осени 1919 года в отделе насчитывалось более 10 тысяч штатных работников, сотрудничавших в сотнях местных отделений, пунктов и подпунктов. «Громоздкое, с огромными штатами учреждение Освага, — писал впоследствии генерал Врангель, — стоило правительству бешеных денег»⁸³. Только за первые три месяца 1919 года на нужды этой организации было отпущено 25 миллионов рублей.

У Отдела пропаганды была и другая сторона деятельности — так называемая «информация вверх»: составление секретных сводок, касающихся деятельности политических партий, организаций и отдельных лиц. Занимавшаяся этим секция Отдела пропаганды постепенно превратилась (по признанию заместителя Соколова члена национального центра

Б. А.Энгельгардта) в «нечто вроде контрразведки охранного отделения былого времени». Сотрудники ее организовали «форменную слежку» за всеми начальниками различных ведомств «вплоть до самого Деникина»⁸⁴.

Под руководством Соколова развернулась широкая агитационно-пропагандистская кампания. Летом 1919 года у Деникина выходило более 100 газет и журналов. Кроме центрального издательства функционировало много издательств в разных городах: «Народная польза» и «Призыв» в Ростове-на-Дону, «Русская культура» в Одессе, «Народная библиотека» в Харькове, «Дешевая народная библиотека» в Новочеркасске. Все они огромными тиражами выпускали книги, брошюры (около 200 наименований), воззвания, агитплакаты, лубки и т. п. Осенью 1919 года ежедневно печаталось до 300 тысяч экземпляров листовок.

Подробные отчеты о деятельности учреждений Отдела пропаганды (его часто именовали по-старому — Освагом), воссоздающие картину многоплановой и, казалось бы, продуктивной работы, сохранились в архивах. Однако содержание этих документов вступает в разительное противоречие с плачевными результатами белогвардейской пропаганды. Негативную оценку эффекту деятельности Отдела пропаганды дали в своих мемуарах вожди и видные деятели Белого движения. «Надо откровенно признаться, — вспоминал впоследствии генерал Лукомский, что наша пропаганда никакой пользы не принесла»⁸⁵.

Об этом же свидетельствуют и донесения белогвардейской контрразведки, стремившейся воссоздать действительную картину постановки антибольшевистской пропаганды в различных регионах России. В предисловии к публикации одного из таких донесений, анализирующего работу Харьковского отделения Отдела пропаганды — крупнейшего и важнейшего идеологического учреждения на занятой белыми осенью 1919 года территории Украины, отмечается: «Выводы и рекомендации этой секретной сводки вовсе не носят частного и регионального характера, а дают возможность судить об общих недостатках в организации антибольшевистской пропаганды»⁸⁶.

Харьковское отделение Отдела пропаганды начало функционировать с 14 июня 1919 года. Сначала в составе 21 че-

ловека, затем штаты начали быстро расти. Однако увеличение численности сотрудников не способствовало улучшению его работы. Агенты отделения «хронически не поспевали за продвигающимся фронтом. Обычно они прибывали в тот или иной населенный пункт месяца через полтора» после его занятия белогвардейскими частями. «Огромная территория с многочисленным населением, — доносил начальник Харьковского разведывательного пункта, — буквально жаждущим каких-нибудь сведений о Добрармии, оставалась без таковых, а Харьковское отделение, силою обстоятельства превратившееся в крупный центр, базу нашей пропаганды во всей Малороссии, ограничивалось получением из Ростова ничтожного количества литературы и распределением ее, посредством длинной и долгой волокиты, между своими «пунктами».

Таким образом, чрезвычайно удобный момент, когда население представляло собой сырой, очень восприимчивый материал, был упущен, и место освагской пропаганды в ушах и сердцах населения было занято: во-первых, большевистской агитацией и, во-вторых, нашей же собственной «антипропагандой», т. е. поведением наших частей и деятельностью нашей администрации. ...Население, частично потерявшее веру в Добрармию, не верило уже «Освагу»⁸⁷ (когда тот начинал вести пропаганду).

Харьковское отделение Отдела пропаганды росло не только в численности сотрудников, но и в объеме своих задач. В его структуре быстро организуются культурно-просветительный, информационный, литературно-издательский, художественный, кинотеатральный, технический отделы.

Работа информационного отдела подразделялась на две части: информацию «вверх» (начальству) и информацию «вниз» (в население). Первая часть работы заключалась в составлении сводок о всех «проявлениях» местной общественной и политической жизни и отсылки их высшей инстанции. Сведения для сводок собирали агенты, затем их анализировал и обобщал заведующий отделом. По мнению разведки, сводки писались «сквозь призму последней декларации (имеется в виду программное заявление Национального центра). Написанные им, таким образом, сводки, скорее вредны, чем полезны, ибо в них тыловые настроения рас-

смаатриваются с предвзятой и теперь несколько устарелой точки зрения»⁸⁸.

Информация «вниз» заключалась в ежедневном печатании бюллетеней, включающей в себя важнейшие события жизни России и заграницы. «Бюллетени, написанные сухим официальным языком, не дают читателю эффективных и ярких представлений, чем, конечно, в значительной мере уменьшается их агитационная ценность»⁸⁹, — отмечалось в анализе разведотделения.

Кроме этих двух направлений работы информотдела в его задачи входила отсылка репортажей и подборы заметок о местных событиях в телеграфное агентство «Пресс-бюро».

Литературно-издательский отдел занимался выпуском брошюр, листовок, плакатов и другой агитационной литературы. В большом количестве печатались, например, официальные декларации по рабочему и земельному вопросу и комментарии к ним. Издавались портреты адмирала Колчака, генералов Деникина, Корнилова и других вождей Белого движения. Портретов было издано около 4 миллионов экземпляров. Также издавались три газеты: ежедневные «Родина» и «Народное слово» и еженедельная «Понедельник». Наиболее популярной было «Народное слово», рассчитанная на широкие слои городского и сельского населения. Издаваемые газеты, брошюры, листовки и другая агитационная литература отправлялись как в прифронтовую полосу, так и за фронт — на территорию, занятую красноармейскими частями. Часть газет и листовок расклеивалась в Харькове. Издательская часть отдела, находившаяся в Харькове, обслуживалась тремя крупными типографиями с ротационными машинами последних систем. Их производственные мощности не были полностью загружены из-за отсутствия рулонной бумаги, необходимой для ротационных машин.

Художественный отдел в основном обеспечивал работу литературного и театрального отделов: для первого изготавливались клише портретов и плакатов, рисунки для газет и листовок; для второго — декорации и художественные щиты. Им были подготовлены и изданы тиражом 10 тысяч экземпляров географические карты, которые вывешивались в витринах и на них обозначалось положение фронтов. Это вначале вызывало больший интерес у населения и бойцов белой

армии. Однако отступления белогвардейских частей на них не отмечались целыми месяцами, и интерес людей к ним пропал, им перестали верить.

Театральный отдел ставил бесплатные спектакли агитационного характера в Харькове и уездах. Киноотдел имел три передвижных кинематографа и несколько кинозалов при пропагандистских пунктах. Харьковский отдел разведки критически отзывался о работе киноотдела: «Организация широкой сети кинематографов и волшебных фонарей среди сельского населения должна значительно содействовать успеху нашей пропаганды; демонстрацию картин следовало бы соединить с пояснительными лекциями и беседами. Ничего в этом направлении не сделано, и, таким образом, богатейшие возможности остались неиспользованными»⁹⁰.

Культурно-просветительный отдел — его основной задачей было вести устную пропаганду. Однако этот отдел никак не мог довести число своих сотрудников до существующего штата. «В агитаторах и пропагандистах чувствуется большой недостаток, а словесная пропаганда в толще крестьянского населения, в большинстве неграмотного, конечно, во много раз плодотворнее, чем расклеивание воззваний и газет на зданиях волостных управлений»⁹¹. Одной из причин недостачи нужных агитаторов было правило, по которому в штаты отдела могли быть зачислены только те, кто прошел обучение на специальных курсах обучения. Однако из 496 слушателей курсов агитаторов, открывшихся при Харьковском отделении Отдела пропаганды, только 54 человека дошли до экзамена, а выдержало их 34 обучавшихся, из которых только 26 выпускников были приняты на службу в отделение». Порядочное число агитаторов малопригодно для работы даже в деревнях, как вследствие незнания крестьянского быта, так и в силу недостаточного своего общего развития».

В просветительной части своей работы отдел взаимодействовал с «Академическим союзом», профессиональным союзом преподавателей средней и низшей школы, с кооперативным обществом «Свобода и культура» и рядом других общественных и профессиональных организаций. Они оказывали ему финансовую поддержку, предоставляли свои помещения. Также культурно-просветительный отдел вел работу по организации многочисленных малых библиотечек.

«Следует указать на характерный недостаток устной пропаганды культурно-просветительного отдела, — отмечалось в анализе разведки. — В речах осважских ораторов красной нитью проходит мысль о том, что Англия спасает Россию, а не Россия сама себя возрождает. В результате получается обзор Английского государства, но никак не России»⁹³.

Отмечалось обилие в отделе пропаганды формалистики и канцелярской волокиты, что превращало это «живое, молодое дело в какое-то казенное присутствие». Блестяще организованы канцелярии и «кабинеты начальников», заведены барышни с пишущими машинками; много молодых людей в «пиджаках», обложены «входящими» и «исходящими» книгами, но самой пропаганды очень мало».

В мелких филиальных пунктах дело обстояло не лучше. Если во главе стоял шестидесятилетний генерал, то весь пункт «пропитан затхлой рутинной, и генералы скептически говорили: «генеральская пропаганда». Если во главе пункта молодой студент-второкурсник, то происходит наивная игра «в начальники» и появляются надписи «без доклада не входить» и т. д.

В том и другом случае крестьянин тоскливо смотрит с улицы на подоконники, заваленные литературой, но зайти боится»⁹⁵.

Таким образом, белогвардейская пропаганда все больше и больше отходила от населения, висла в воздухе. «Отдел пропаганды, копируя в постановке дела пропаганды большевиков, не перенял у них самого главного и самого важного: большевики своей пропагандой сумели подойти к населению вплотную, — делал вывод аналитик деникинской военной разведки. — Значение этого обстоятельства — невероятно большое: только благодаря ему большевики теперь сводят наши стратегические усилия намарку»⁹⁶.

В марте 1919 года Отдел пропаганды был ликвидирован. Основные его функции при Врангеле стал осуществлять Отдел печати правительства Юга России.

Врангель, последний военный правитель юга России (точнее Крыма), взяв главным своим девизом формулу «левая политика правыми руками» попытался уйти от абстрактных заявлений вроде: «Мы боремся за правое дело» и выдвинул понятные и привлекательные для воюющих в его армии кре-

стьян и казаков лозунги о земле, власти и т. п. Сравнив положение в Крыму с осажденной крепостью, «черный барон» ввел жесткую военную цензуру, которая включала и политический контроль и поддерживалась с помощью репрессий⁹⁷.

На севере, в Архангельске при Верховном управлении вопросами печати и пропаганды ведал правительственный комиссар и Северное бюро печати (Арбюро — Архангельское бюро), имевшее отделение на местах и издававшее газету «За свободу России». Здесь функционировали также отдел агитации и пропаганды (ОАП), правительственный осведомительный отдел. При Министерстве внутренних дел Временного правительства. Северной области вопросами печати занималась особая комиссия, а военное командование имело отдел военной пропаганды (ВОП)⁹⁸.

Органы управления печатью и пропагандой существовали и у других антисоветских сил. Так, у генерала А. П. Родзянки и атамана Булак-Балаховича этими вопросами занимались политотделы. Даже у Н. И. Махно был свой политический отдел и издавалась газета.

Таким образом в лагере противников большевиков была не менее мощная система пропаганды, которая к тому же взаимодействовала с информационными системами своих иностранных союзников, среди которых важное место занимала деятельность Комитета общественной информации США, который имел на российской территории свое подразделение в лице Американского бюро печати (АБП).

История его создания относится к весне—лету 1917 года, когда в России побывали различные правительственные миссии, представители которых настаивали на более значительном развертывании пропагандистской деятельности США в этой стране с целью удержать Россию в составе Антанты для ведения войны, предотвращение пролетарской революции и своего экономического закрепления здесь. Так, после визита «делегации выдающихся американцев», ее глава сенатор-республиканец Э. Рут в своем отчете госдепартаменту писал: «Германия атакует Россию своей пропагандой и тратит сотни миллионов, по меньшей мере миллион долларов ежемесячно, чтобы овладеть сознанием русского народа»⁹⁹. Им был представлен «План американской деятельности по сохранению и укреплению морального состояния армии и гражд-

данского населения России», в котором предлагалось: немедленно создать специальное информационное агентство; в связи с интересом в России к политической литературе издать большое количество брошюр и листовок для распространения среди русского населения; убеждал в необходимости издания «Солдатской газеты» для русских войск; организовать кинопропаганду и требовал послать в Россию в спешном порядке побольше кинокартин, показывающих, как США готовятся к войне, чтобы довести до сознания русских идею: «Америка что-то делает»; издать красочные агитационные плакаты для распространения в России; организовать устную пропаганду среди россиян, для которой советовалось завербовать сотни квалифицированных докладчиков. Расходы на эту агитационно-пропагандистскую компанию Э. Рут оценивал в 5,5 миллиона долларов. Необходимость подобной затраты сенатор аргументировал тем, что содержание одного американского полка на фронте правительству США обходится в 10 миллионов долларов ежегодно; истратив вдвое меньшую сумму на военную пропаганду в России, можно заставить воевать против Германии 640 русских полков¹⁰⁰.

23 октября 1917 года президент Вудро Вильсон одобрил план Э. Рута, поручив его реализацию Комитету общественной информации США (Си-пи-ай). Ответственным за пропагандистское воздействие на русскую аудиторию был назначен Эдгар Сиссон, бывший редактор газеты «Чикаго трибюн» и сотрудник журнала «Космополитэн», первый заместитель Дж. Крила по Си-пи-ай. Вскоре он отплыл из США и прибыл в Петроград уже после Октябрьской революции — 25 ноября 1917 года, где сразу приступил к созданию русского отдела Комитета общественной информации США — Американского бюро печати.

Помощником Э. Сиссона стал Артур Буллард, известный журналист, в 1905 году выезжавший в Швейцарию и подружившийся там с русскими политическими эмигрантами, свидетеля первой русской революции, затем в течение трех лет путешествовавшего по европейской части России. Его публицистический талант, незаурядные деловые качества и прекрасное знание России высоко ценили в Вашингтоне, и после отъезда Сиссона из России в марте 1918 года Буллард возглавит АБП.

В ядро этой организации также вошли: Грэхем Тейлор и Рид Левис, обладавшие статусом дипломатических работников, что позволяло им действовать с размахом и безнаказанно; журналист Гай Кроссвелл Смит, отличавшийся умением в налаживании контрабанды; Джордж Бейкмэн и Отто Глемэн, характеризовавшиеся своим профессионализмом в вербовке русских для участия в кампании по ознакомлению России с Америкой.

С 24 октября в офис АБП стали принимать по кабелю информацию из США и рассылать ее по всей России.

Учитывая частые нарушения в системе российской телеграфной связи той поры, бюро создало свою курьерскую службу для распространения не только получаемых сообщений, но и литературы. Специальные люди занимались тем, что дежурили на вокзалах, посещали многочисленные собрания, конференции, митинги и совещания в Петрограде и Москве и старались обеспечить литературой каждого участника, особенно приехавших из других районов страны. Они также добывали адреса, по которым рассылались издания АБП¹⁰¹. Кроме сотрудников АБП в корпус распространительной пропагандистской продукции входили эмиссары различных американских благотворительных организаций и миссий, но главным образом представители русской интеллигенции, учащаяся молодежь, журналисты, военные и т. д.

За короткий срок Сиссону и его сотрудникам удалось создать широкомасштабную систему пропаганды — от Петрограда и Москвы до Владивостока и Архангельска.

Первенство в арсенале средств воздействия этой организации на русскую аудиторию принадлежало печатным изданиям. Об этом говорит такой пример. Отдел доставки АБП за один из девяти месяцев своей деятельности в России — с 15 июля по 15 августа 1918 года — распространил 479 300 экземпляров пропагандистской литературы¹⁰². Это были листовки, афиши, проспекты, брошюры, журналы «Американские бюллетени» (Москва) и «Дружеское слово» (Владивосток).

Главным из этих изданий был журнал «Американские бюллетени», которые выпускались еженедельно с декабря 1917 года отделением Американского бюро печати в сотрудничестве в Американском генеральном консульством в Москве. Это было 16-страничное издание книжного формата, иногда

объем увеличивался до 24 страниц. Всего вышло 27 номеров этого еженедельника, последний номер датирован 24 августа 1924 года. Журнал распространялся бесплатно. Он рассылался по 40 тысячам адресов: всем известным русским газетам и журналам, различным организациям, кооперативам, всем советским правительственным и иным учреждениям, тысячам школ и библиотек, институтам и университетам, многочисленным профсоюзам, учительским ассоциациям, многим предприятиям, а также частным лицам. Таким образом распространялось 50 тысяч экземпляров каждого выпуска¹⁰³.

Основным содержанием «Американских бюллетеней», как и всей американской пропаганды в России, являлась канонизация системы государственного управления США, морализирование и навязывание традиционных стандартов, морально-ценностных постулатов, лежащих в основе американской идеологической традиции. В журнале «Американские бюллетени» они сводились к следующим трем незыблемым положениям: Америка в военном отношении непобедима и поэтому необходимо встать на ее сторону для достижения полной победы; Америка — страна свободы и демократии и, следовательно, ей нужно всецело доверять, ибо она одна только может противостоять вероломным империалистическим правителям; благодаря своей политической прозорливости президент Вильсон — единственный человек, который представляет картину будущего послевоенного мира и делает все для ее достижения. Совместная с союзниками победа должна привести к созданию этой новой эры мира и надежды, в которой армия и оружие будут преданы забвению, все человечество соберется вместе и сядет за представительный круглый стол наций, малые народности будут освобождены от гнета, а каждая страна и каждый народ обретет суверенитет¹⁰⁴. Американская пропаганда стремилась оправдать военное вмешательство США в дела России и обеспечить информационную подготовку «мировой политики» Вильсона и его цели противопоставить социалистической революции импорт американских порядков.

Тактика АБП была не нападать на большевизм или не дебатировать острые политические вопросы в России открыто, а через информацию насколько то возможно пропагандировать принципы демократии и цели Америки и союзников,

военную мощь США. В связи с этим публиковалось как можно больше новостей, специальных статей и материалов о политических и социальных условиях и идеалах США.

Исследователи называют это методом скрытого идеологического воздействия, когда за показом совершенства американской государственной системы и политики таилось противопоставление капиталистической цивилизации социалистическому строю, в результате которого у читателей появлялся вывод о несостоятельности социалистических идей и социалистических преобразований¹⁰⁵.

Информационное ведомство печати дополнялось демонстрацией американских кинофильмов, лекциями, концертами, благотворительными вечерами. Широкое информирование читателей о внешней и внутренней политики США, об экономических и технических достижениях и успехах этой страны велось через прессу Белого движения.

Американские пропагандисты прибегали к различным приемам и методам воздействия на русскую аудиторию. Так, они широко использовали такое оперативное и популярное средство пропаганды, вызванное к жизни революцией, как афиши. Значительный иллюстративный материал в журнале «Дружеское слово» и кинематограф, к примеру, помогал образному восприятию Америки, ее истории и образа жизни в этой стране. Использование писем русских читателей, ответов на них, их комментирование укрепляло связи с аудиторией, позволяло знать читательское мнение и делая из него выводы, лучше строить свою работу: учитывать возрастной состав и особенности русской аудитории, дифференцируя способы влияния на нее.

Е. А. Привалова в своем фундаментальном исследовании деятельности АБП отмечает, что американская пропаганда оставила заметный след в сознании «буржуазной и мелкобуржуазной общественности России». Интерес, симпатии и надежды на Америку, возбуждаемых рекламой общественно-политических, экономических и культурных образцов и программ «обновления» России с оглядкой на США, были повсеместными и значительными в Сибири и на Дальнем Востоке. И хотя этот «успех» не всегда был закреплен, поскольку сопровождавшие рекламу щедрые обещания материальной и культурной помощи для восстановления русской

экономики, развития народного образования и т. д. не выполнялись американцами, упорно добивавшимися прежде всего «политической стабилизации России», меркантильная увлеченность американскими идеалами оставалась неиссякаемой, а иллюзии неутраченными. У русского народа навсегда сохранился неизменный интерес к американскому кинематографу, достижениям в области науки, техники и образования, так же как он не переставал ценить американскую деловитость и предприимчивость, организаторский талант американцев.

Однако несмотря на свой широкий размах американская пропаганда не достигла желаемых целей. И дело тут не в «подозрительности, недоверчивости, угрюмом характере русских» или же «трудностях общения с ними», как об этом утверждал в своих воспоминаниях А. Буллард. Главные причины неудачи американской информационной кампании были в том, что все больше росло сопротивление интервенции. В народном сознании выступление американцев независимо от рода выполняемого задания «трактовалось как вмешательство во внутреннюю жизнь, посягательство на суверенные права народа и захват территории». По мнению многих трезвомыслящих русских и американских политиков, в том числе военного руководства США, «интервенция не только не способствовала успеху по борьбе с большевизмом, а наоборот, вновь вызвала к жизни этот последний, способствуя его укреплению и росту». Как подчеркивал генерал У. Грэвс, «несомненным последствием явилось привлечение на сторону Советов даже наиболее обеспеченных кругов русского населения»¹⁰⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Гражданской войны. В 3 т. М., 1928—1930. Т. 1. С. 112.

² Там же.

³ Фонд. ЦМВС. Инв. № 4/38047.

⁴ Там же.

⁵ Фонд ЦМВС. Инв. № 4/16260.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Инв. № 4т/15086.

- ⁸ Там же. Инв. № 4/22298.
- ⁹ Там же. Инв. № 4п/13798.
- ¹⁰ Там же. Инв. № 4/ 16517.
- ¹¹ Там же. Инв. № 4/22299.
- ¹² Советские Вооруженные Силы. М., 1987. С. 53.
- ¹³ Советская военная энциклопедия. М., 1933. Т. 1. С. 238.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Советские Вооруженные Силы. М., 1987. С. 54.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Военная энциклопедия. М., 1933. Т. 1. С. 42.
- ¹⁸ Во время Великой Отечественной войны сеть стационарных и временных агитпунктов была опять создана.
- ¹⁹ *Куманев В. А.* Искусство Республики Советов на защите завоеваний Октября / Из истории Гражданской войны. 1917—1922. М., 1974. С. 365.
- ²⁰ Цит. по: *Жирков Г. В.* Журналистика двух России. СПб., 1999. С. 64.
- ²¹ *Варецкий Б. И.* У истоков советской печати. М., 1985. С. 116.
- ²² *Жирков Г. В.* Указ соч. С. 65.
- ²³ *Брыляков Н. А.* Российское телеграфное... М., 1976. С.
- ²⁴ *Жирков Г. В.* Указ. соч. С. 66.
- ²⁵ *Брыляков Н. А.* Указ. соч. С.
- ²⁶ После Гражданской войны выпуск «Окон РОСТА» был прекращен. В период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов Телеграфным агентством Советского Союза издавались «Окна ТАСС».
- ²⁷ *Людendorff Э.* Мои воспоминания. Т. 2. С. 296.
- ²⁸ Ж. Лябурб, И. Смирнов и другие члены коллегии были арестованы и погибли в застенках контрразведки противника.
- ²⁹ L'Humanite. 1919. 11 janvier.
- ³⁰ *Марти Андре.* Восстание на Черном море. М.; Л., 1940. С. 110.
- ³¹ Вопросы истории. 1960. № 7. С. 124.
- ³² Papers Relating to the Foreigh Relations of the United States. 1918. Russia. V. II. P. 559.
- ³³ Там же. С. 567.
- ³⁴ *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Черчилль и Милюков против Советской России. М., 1989. С. 94.
- ³⁵ *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Черчилль и Милюков против Советской России. М., 1989. С. 95.
- ³⁶ *Coates W. P. and Z. K.* A History of Anglo-Soviet Relations. London. 1943 P. VIII.
- ³⁷ Daily Nevs. 1918. Jan. 8.
- ³⁸ *Дионео.* Англия после войны. Прага, 1924. С. 56.
- ³⁹ *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Указ. соч. С. 95.
- ⁴⁰ Цит. по: *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Указ.соч. С. 124.

- ⁴¹ Army. The evacuation of horth Russea. 1919. London, 1920. P.25.
- ⁴² Коммунист Узбекистана. 1960. № 10. С. 89.
- ⁴³ Цит по: История Советской Конституции. М., 1957. С. 51.
- ⁴⁴ Там же. С. 52.
- ⁴⁵ *Жирков Г. В.* Журналистика двух России: 1917—1920 гг. СПб., 1999. С. 12—14.
- ⁴⁶ Цит по: *Рид Д.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1959. С. 321.
- ⁴⁷ Газета Рабочего и Крестьянского правительства. 1918. 22 февраля.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ ГАРФ, ф. Р-1235, оп. 34, д. 19, л. 24—25.
- ⁵⁰ *Жирков Г. В.* Указ. соч. С. 18—21.
- ⁵¹ РГВА. ф. 1, д. 92, л. 6.
- ⁵² РГВА, ф. 25883, оп.1, д. 87, л. 62.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ ВКП(б) в резолюциях. Ч. 1. М., 1940. С. 312.
- ⁵⁵ ГА РФ, ф. Р-130, оп. 5, д.112, л. 9.
- ⁵⁶ *Рид Д.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958. С. 108.
- ⁵⁷ Наша речь. 1917. 17 ноября.
- ⁵⁸ Правда. 6 сентября.
- ⁵⁹ Times. 1918. Dec.12.
- ⁶⁰ *Рид Д.* Указ. соч. С. 112.
- ⁶¹ *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Указ. соч. С. 38.
- ⁶² Правда. 1919. 20 мая.
- ⁶³ *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Указ. соч. С. 39—40.
- ⁶⁴ *Борман А. А.* Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Вашингтон, 1964. С. 74, 209—210.
- ⁶⁵ Цит. по: *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Указ. соч. С. 40.
- ⁶⁶ *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 113—115.
- ⁶⁷ *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Указ. соч. С. 42—44.
- ⁶⁸ *Светачев М. И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1929). Новосибирск, 1983. С. 88—89.
- ⁶⁹ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак // Колчаковщина: из белых мемуаров. Л., 1930. С. 37.
- ^{69а} О цензуре привоенной диктатуре А. В. Колчака см.: *Жирков Г. В.* Журналистика двух России. 1917—1920. СПб., 1999. С. 87—87; Государственный переворот Колчака в Омске 18 ноября 1918 года: Сб. документов /Сост. В. Зензинов. Париж, 1919; *Кроль Л. А.* За три года. Владивосток, 1921; Колчаковщина: Из белых мемуаров. Л., 1930; *Светачев М. И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Новосибирск, 1983.
- ⁷⁰ *Устрялов Н. В.* Белый Омск. Дневник колчаковца// Русское прошлое. 1991. № 2. С. 292.

⁷¹ Устрялов Н. В. Из истории партии народной свободы// Руль. 1923. 10 марта.

^{71a} Бережной А. Ф. Углубляясь в историю печати. СПб., 1996. С. 75

⁷² Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 236.

⁷³ Национальный центр — подпольная кадетская организация, созданная весной 1918 года для борьбы с Советской властью. Она объединяла в своих рядах многих представителей помещичье-буржуазных кругов. Возглавляли его бывший городской глава Москвы Н. И. Астров и крупный домовладелец Н. Н. Щепкин (внук прославленного актера). Руководя в годы Первой мировой войны Союзом городов, они приобрели навык организационной работы и установили тесные контакты с деятелями других партий. Национальный центр финансировал Милюкова для ведения пропаганды в Лондоне.

⁷⁴ Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Указ. соч. С. 118.

⁷⁵ Там же. С. 119.

⁷⁶ The Nationalisation of Women: The Natural History of Lie. London, 1919. P. 18

⁷⁷ The Nationalisation of Women: The Natural History of Lie. London, 1919. P. 21.

⁷⁸ Цит. по: Светачев И. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1983. С. 152.

⁷⁹ Tyrkova-Williams A. From liberty to Brest-Litovsk. London, 1919. P. 3.

⁸⁰ Рид Д. Указ. соч. С. 30.

⁸¹ Думова Н. Г. Указ. соч. С. 250.

⁸² Соколов К. Н. Правление генерала Деникина: Из воспоминаний. София, 1921. С. 96.

⁸³ Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Франкфурт, 1969. С. 128.

⁸⁴ Энгельгардт Б. Потонувший мир//Военно-исторический журнал. 1964. № 10. С. 78.

⁸⁵ Лукомский А. С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 2. С. 145.

⁸⁶ Из документов белогвардейской контрразведки: Секретная сводка о работе Харьковского Освага//Русское прошлое. 1991. № 2. С. 340.

⁸⁷ Из документов белогвардейской контрразведки: Секретная сводка о работе Харьковского Освага//Русское прошлое. 1991. № 2. С. 341.

⁸⁸ Там же. С. 343.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Из документов белогвардейской контрразведки: Секретная сводка о работе Харьковского Освага//Русское прошлое. 1991. № 2. С. 343.

⁹¹ Из документов белогвардейской контрразведки: Секретная сводка о работе Харьковского Освага//Русское прошлое. 1991. № 2. С. 344.

⁹² Там же. С. 345—346.

⁹³ Там же. С. 246.

⁹⁴ Там же. С. 346.

⁹⁵ Там же.

⁹⁷ См.: Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Франкфурт, 1969; Печать при Врангеле // Антанта и Врангель. Вып. 11. М.; Пг., 1923; *Вернадский Г.* Крым // Новый журнал (Нью-Йорк). 1971. № 105. *Энгельгардт Б.* Потонувший мир // Военно-исторический журнал. 1964. № 10; *Жирков Г. В.* Журналистика двух России. 1917—1920. СПб., 1999; Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне. 1982.

⁹⁸ *Бережной А. Ф.* Углубляясь в историю печати. СПб., 1996. С. 80—84; *Жирков Г. В.* Журналистика двух России. 1917—1920. СПб., 1999.

⁹⁹ Цит. по: *Привалова Е. А.* В союзе с белогвардейской прессой: Американское бюро печати в Советской России (1917—1920 годы). М., 1990. С. 13.

¹⁰⁰ Там же. С. 14.

¹⁰¹ Sisson E. One Hundred Red Daus. O Personal Chronicle of the Bolshevik. Revolution. New Haven, 1931. P. 169.

¹⁰² Greel g. Op. cit. P. 381—382.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ *Mock J. R.* and *Larson C.* Op. cit. P. 247.

¹⁰⁵ *Привалова Е. А.* Указ. соч. С. 41—42.

¹⁰⁶ Там же. С. 315—316.

ГЛАВА XIII

Особый фронт Второй мировой войны (1939—1945)

Аппарат и методы пропаганды фашистской Германии

Пресса — рояль в руках правительства

Пропагандистская машина фашистской Германии возникла на основе вполне традиционных органов общественного и государственного механизма — отдела пропаганды при руководстве нацистской партии и отдела печати при правительстве страны. После победы на выборах НСДАП 13 марта создано рейхсминистерство народного просвещения и пропаганды, которое возглавил Йозеф Геббельс (1898—1945). 18 марта он обнародовал свою позицию о задачах прессы, где подчеркнул, что она «должна не только информировать, но и инструктировать»... Пресса будет так великолепно организована, что станет в руках правительства роялем, на котором оно сможет играть, чтобы стать чрезвычайно важным инструментом влияния на массовое сознание¹. Геббельс контролировал одновременно партийный и правительственный аппарат пропаганды. Новое министерство, задуманное им, было в составе пяти отделов, но на самом деле сначала их насчитывалось 9, потом — 12, а еще позднее — даже 16. В 1940 году было 15 отделов: бюджетный, кадров, юридический, пропаганды, немецкой прессы, иностранной прессы, иностранный, туризма, радио, кино, литературы, театральный, изобразительного искусства, музыки, отдел особых задач в области культуры².

Министерство Геббельса объединило все учреждения информации и пропаганды и к июню 1933 года основало 13 земельных управлений и 18 филиалов. Затем, 22 сентября, вышел закон о создании рейхспалат (ведомств) по делам прессы, радио, кино, литературы, театра, музыки, изобразительного

искусства. Это явилось следующим шагом в централизации СМИ.

Выполнение закона от 22 сентября 1933 года возлагалось на рейхсминистра культуры Макса Аманна (1891—1957), который подчинялся Министерству народного просвещения и пропаганды. Он также стал руководителем издательства НСДАП.

Вскоре М. Аманна стали называть «рейхслайтером прессы НСДАП», который шаг за шагом усиливал свое влияние. Так, с его участием был разработан «Закон о редакторах» от 4 октября 1933 года, который лишил издателей права принятия самостоятельных решений в области редакционной политики. Они передавались редакторам, являвшимся «носителями общественных интересов». Журналистика объявлялась в этом законе профессией государственного значения. Любой человек, пожелавший заниматься журналистским трудом, обязан был зарегистрироваться в палате по прессе. Журналист и издатель должны были иметь «арийское происхождение». Позднее, в июле 1935 года, рейхслайтер разослал приказ об обязательном членстве журналистов в НСДАП. Таким образом, многие журналисты еврейской национальности и коммунистических убеждений были уволены из газеты, а 1,5 тысячи издателей уже в 1933 году лишились права заниматься своей деятельностью³.

Еще ранее, 20 июня 1933 года, была запрещена Берлинская пресс-конференция, являвшаяся общественным объединением столичных журналистов. Исходя из того, что только государство может обладать правом на распространение информации, вместо нее была создана «Пресс-конференция рейхсправительства». Редакции должны были в обязательном порядке направлять туда своих доверенных представителей, которые становились ее членами. Все вопросы и ответы готовились заранее, спонтанные вопросы были категорически запрещены. Если сообщалась доверительная информация не для публикации, то в случае ее даже неумышленного разглашения это классифицировалось как предательство и каралось законом. В 1934 году А. Макс преобразовал очень влиятельную профессиональную организацию — союз газетно-журнальных издателей в ведомство и сам возглавил его, а также создал ряд управлений по руководству различными

звеньями СМИ. В том же году были преобразованы и информационные агентства. Так, широко известное «Вольфин Телеграфен бюро» (ВТБ) было присоединено к «Телеграфен унион». Новое агентство получило название «Дойче наврих генбюро» (ДНБ) (Германское информационное бюро) и полностью подчинялось НСДАП⁴.

В апреле 1934 года Аманн, расширяя дорогу прессе НСДАП, закрыл газетные издательства «с целью устранения нездоровой конкуренции», прекратил издание газет объявлений, запретил допускать капитал промышленников, корпораций и т. п. в газетно-журнальное производство, отказался от таких правовых форм организации издательств, как акционерное и коммандитное общества, а также позднее не разрешил создавать издательские концерны и выпускать в одном издательстве две и более газеты. Из-за этих запретительных мер в течение полутора лет произошло закрытие или слияние 600 газет⁵.

Статистика свидетельствует, что если в 1932 году в Германии общее количество газет равнялось 4700, то в 1939 году их было 3500, а в 1944-м их оставалось 977⁶.

Таким образом, уже в первый год пребывания нацистов у власти в Германии возникла печать, унифицированная в концепции, редакционной политике и экономическом состоянии. Все немецкие газеты издавались под контролем нацистской партии и министерства Геббельса. В то время как традиционные издания запрещались, количество газет НСДАП увеличивалось из года в год. Если в 1932-м у нацистов насчитывалось 70 печатных изданий, то в 1935-м их партия имела 140 газет, а в 1944-м их было 352 (в это число не включались газеты, которые частично принадлежали НСДАП)⁷.

Когда тиражи традиционных газет падали, то тиражи нацистской прессы, напротив, росли. Центральный орган НСДАП газета «Фёлькишер беобахтер» выходила в 1932 году тиражом 145 тысяч экземпляров, а уже в 1933 году ее тираж равнялся 310 тысячам экземпляров, в 1941 году — 1,2 миллиона экземпляров⁸. Главным организатором прессы НСДАП был упоминавшийся выше Аманн. После создания в 1933 году «Центральферлаг дер НСДАП, Франц Еер надольгер Глебх» он превратил его в самый мощный информационный концерн, издававший 83 процента тиражей всех

немецких газет⁹. Помощниками Аманна являлись Отто Дитрих (1897—1952) — рейхсляйтер, заведующий отделом печати НСДАП, с 1933 года — координатор прессы, с 1938-го — пресс-секретарь рейха и статс-секретарь Министерства пропаганды и Макс Винклер — главный попечитель газетно-журнальных издательств. Он был первым советником Аманна по вопросам концентрации прессы.

Радиопропаганда

На службу нацистской пропаганде было поставлено радио. После победы на выборах Й. Геббельс на все ответственные посты в системе радио назначил национал-социалистов. Геббельсу, возглавлявшему Министерство народного просвещения и пропаганды, был передан полный политический и экономический контроль над радиовещанием.

При поддержке Гитлера он ликвидировал посты региональных радиокомиссаров и устранил от управления местным радио власти земель¹⁰. Контроль за всеми радиостанциями Германии осуществляла Палата радиовещания (Rundfunkkammer).

Нацисты активно использовали радиовещание для пропаганды своих политических целей. Под девизом «Слово фюрера в каждое учреждение, в каждый дом» они начали массовое распространение радиоприемников¹¹. Уже к августу 1933 года в производство была запущена первая модель дешевого народного радиоприемника, который не мог принимать передачи из-за рубежа. Он стоил 76 рейхсмарок. Затем стал выпускаться миниприемник, стоивший 35 марок, — в ту пору самый дешевый радиоприемник в мире¹². К началу Второй мировой войны радиоприемниками располагали 70 процентов семей¹³. В 1939 году нацисты вещали по 15 радиостанциям, передачи которых принимали 11 миллионов радиоприемников¹⁴.

Важное внимание уделялось вещанию немецкого радио на зарубежные страны. Если в 1933 году иновещанию на нем отводилось 45 минут, то в 1934-м — уже 21 час 15 минут, в 1937-м — 47 часов. А через год после начала Второй мировой войны, в 1940-м, по нацистскому радио транслировалось 240 программ на 31 языке общей продолжительностью 87 часов в сутки¹⁵. В области вещания на границу

Министерство пропаганды тесно сотрудничало с Министерством иностранных дел.

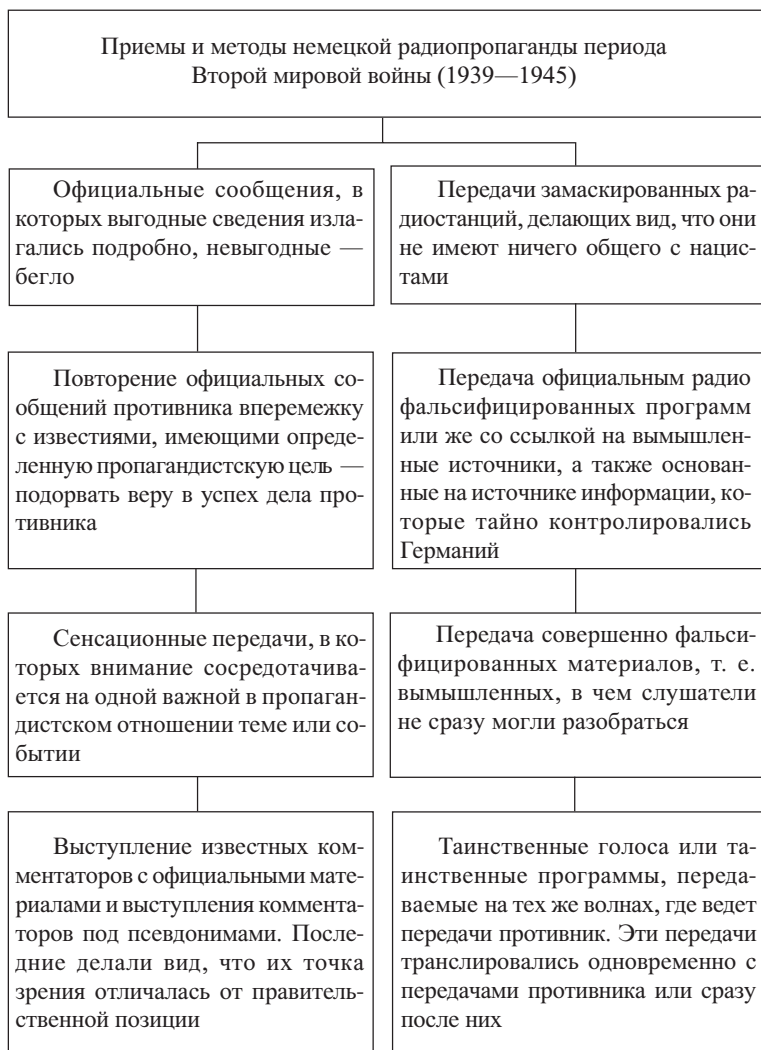
В ходе Второй мировой эти радиостанции активно использовались в целях пропаганды. В этот же период было организовано вещание «черных» радиостанций, выдававших себя за рупор «оппозиции» в различных странах. «Отлично работают наши тайные радиопередатчики, вещающие на Францию, — отмечал Й. Геббельс в своем дневнике 9 января 1940 года, — они хорошо замаскированы, французы ищут их буквально осязая и в темноте... Фюрер хвалит нашу радиопропаганду»¹⁶. Система «черных» радиостанций была весьма подвижной, постоянно менялась под воздействием складывающихся обстоятельств. До июня 1942 года существовало 11 «черных» радиостанций, затем по указанию Геббельса 4 было ликвидировано¹⁷.

Для германских программ радиовещания за границу были характерны специальные условия, которые инсценировали своего рода «накладки», дабы исподволь уверить слушателя, что он имеет дело с совершенно бесхитростными, трогательно неуклюжими людьми. Эта намеренная попытка создать в представлении иностранной аудитории атмосферу непринужденной веселости и компанейского духа в студии была предпринята нацистами в надежде вызвать у слушателей, еще не вовлеченных в конфликт, любовь к немецким программам и дикторам¹⁸.

Радио в период войны позволило быстро объединять миллионы людей в один напряженно слушающий коллектив. В Германии психологически наиболее действенной была та форма радиовещания, в которой передавались наиболее важные сообщения. Перед такими передачами оркестр фанфаристов из 100 человек исполнял определенную мелодию. Такое музыкальное оформление заставляло прислушиваться к голосу диктора даже тех, кто не проявлял к этому никакого интереса и кто полностью отвергал всякую пропаганду, в какой бы форме она ни распространялась. Сильно театрализованная передача особых сообщений (повторяющиеся позывные с промежутками в несколько минут, прерывание программы маршевой музыкой, паузы и т. д.) стала основной формой всех немецких пропагандистских передач вплоть до самого конца войны.

Исследователи отмечают ряд приемов и методов немецкой радиопропаганды периода Второй мировой войны. Основные из них представлены в приведенной схеме¹⁹.

По немецкому радиовещанию транслировались регулярные обзоры радиокомментаторов сухопутных сил, военно-

морского флота и авиации, а также фронтовые репортажи журналистов с передовой линии, с подводных лодок и бомбардировщиков, находившихся в момент передачи над территорией противника. Поскольку эти репортажи были организованы в виде радиомонтажа, они производили очень сильный эффект. Впоследствии американские специалисты охарактеризовали радиопередачи такого рода как «самую великолепную и совершенную войну нервов», которая когда-либо велась за поддержание в народе духа сопротивления²⁰.

Одновременно нацисты предпринимали меры, чтобы не только население Германии, но и народы оккупированных ими стран не слушали зарубежное радио. Особое внимание было уделено тому, чтобы не допустить прослушивание его вещания в немецкой армии. По этому поводу Й. Геббельс 9 января 1940 года в своем дневнике писал: «Я обсудил с полковником Шмундтом (один из приближенных Гитлера, его адъютант. — *Авт.*) вопрос о слушании зарубежных радиопередач в частях вермахта. Мы прекратим это, будет подготовлен соответствующий указ фюрера»²¹.

Один из немецких военачальников в обращении от 24 июля 1941 года писал: «Запрещено и будет наказываться по законам военного времени... слушание радиостанций, не находящихся не на территории великой Германии или районах, не занятых немецкими войсками»²².

В указаниях о применении пропаганды по варианту «Барбаросса» говорилось и о том, что громкоговорители следует применять и для пропагандистского воздействия на население оккупированных районов²³.

В мае 1942 года верховное командование германских войск разослало указание: «Вся находящаяся в распоряжении части радиоаппаратура в те часы, когда она не используется для служебных целей, должна применяться для агитации населения»²⁴.

Такие меры принимались с учетом того, что на территории СССР в пользовании у населения было ничтожно малое количество радиоприемников. Кроме того, немецкие специалисты пошли по пути создания мощных радиоузлов при восстановлении радиосети на оккупированной территории. Для этой цели была создана специальная радиогруппа «Восток», главный передатчик которой находился в Риге,

а вспомогательные — в Каунасе и Минске. Крупной радиостанцией располагала радиогруппа «Украина» с передатчиком в Виннице.

Это позволило уже в ноябре 1941 года немецким пропагандистам ежедневно и ежечасно вести передачи на украинском языке по семи радиостанциям²⁵. Позднее передачи на Украину вели 15 радиостанций²⁶.

На территории Белоруссии действовала фашистская радиостанция «Голос народа»²⁷. Использовались для радиопропаганды армейские передатчики «Урсула», «Зигфрид», «Густав» и передвижной передатчик «Х»²⁸. Специальная радиостанция «За Россию» вела передачи от имени «советских граждан», называвших германскую армию «освободительницей России»²⁹.

Вещание этими радиостанциями велось в строго определенное время по довольно однообразному трафарету. Например, через псковский радиоузел, восстановленный примерно спустя месяц после оккупации Пскова немецкими войсками, шла следующая программа передач: до 6 раз в день — последние известия, сводки германского командования и статьи из оккупационных газет; 3—4 раза в день — концерты и записи на грампластинках³⁰.

На население оккупированных территорий нацисты также воздействовали с помощью системы «черных» радиостанций. В 1942 году из семи имевшихся таких радиостанций одна вещала на советское население от имени «старой ленинской гвардии»³¹. Самой последней такой радиостанцией была «Вервольф», созданная в последние недели войны. Рассчитанная уже на обман соотечественников, она вещала от имени мифического «немецкого движения сопротивления». Информационные тексты для нее, основывающиеся на поэтических вольностях, сочинял даже сам Геббельс³².

Телевидение на службе нацистов

К началу 1930-х годов развитие механических систем телевидения оказалось в тупиковом положении. На смену пришло электронное телевидение, которое примерно с 1933 года начало все сильнее наступать на механические системы³³. В этом году на радиовыставке в Германии впервые было

показано телевизионное изображение в 180 строк со скоростью 25 кадров в секунду, что было для того времени значительным техническим достижением. Для его передачи использовали электронные приемники, не содержащие механических деталей, изготовленные на фирме «Радио АГ Д. С. Леве»³⁴. Нацистское руководство увидело в телевидении большие возможности для воздействия на общественное сознание и способствовало организации телевизионных трансляций и совершенствованию приемопередающих устройств. 1 апреля 1934 года почтовое ведомство Германии начало вести регулярные трансляции пробного телевещательного предприятия на частотах УКВ³⁵. Пробное телевещательное предприятие просуществовало около года и, значительно усовершенствовав телевизионную технику, 22 марта 1935 года превратилось в полноценное регулярное телепроизводство. Технические возможности приема телепередач были ограничены пригородами Берлина — радиусом 50—60 километров. Программы выходили только три раза в неделю. Они состояли из звуковых художественных фильмов, музыки и еженедельного информационного обозрения. В 1935 году было введено пятидневное телевизионное вещание, а в мае впервые была осуществлена прямая трансляция с одного из фашистских празднеств. Но телевидение не могло быть еще массовым и по причине того, что приемники стоили 2500—3000 марок и они не были доступны рядовому зрителю³⁶.

Однако нацисты стремились использовать интерес населения к новому средству массовой информации в пропагандистских целях. Для этого 9 апреля 1935 года в Берлине был открыт первый «телевизионный театр», в котором 30 человек могли по вечерам смотреть телепрограммы. Экран телевизора в нем был 18 × 22 сантиметра. К осени 1935 года в германской столице существовало 10 подобных телетеатров, летом 1936 года их стало 33. В пропагандистских целях нацисты провозгласили Пауля Нипкова основателем телевидения, хотя это не соответствовало действительности. Его именем был назван передающий телевизионный центр в Берлине — Вирулебене³⁷. Программа этого телевизионного центра в предвоенные годы состояла из информационно-сервисного вещания (37,2 %) и основного вещания (62,8 %), которое подразделялось на прямую пропаганду (23,7 %),

политические пропагандистские передачи (61,4 %) и развлекательное вещание (19,9 %).

Однако к началу Второй мировой войны телевизионная аудитория в Германии не увеличилась из-за прежней дороговизны телевизоров. В 1940 году после оккупации Франции нацисты захватили телецентр в Париже, имевший самый мощный в мире передатчик в 30 киловатт. Его передачи можно было принимать на берегах Ла-Манша. Геббельс планировал на базе парижского телецентра создать единое европейское телевидение. Однако было решено ограничиться Германией, Италией и Францией.

В 1943 году началось восьмичасовое вещание оккупационного телевидения во Франции. Его программа состояла из немецкого информационного обзора, новостей культуры, документальных фильмов, детского часа, трансляции представлений варьете и балета, художественных фильмов. Большинство передач выходило на французском языке, некоторые — на немецком. Телепрограммы принимались в немецких войсковых частях и госпиталях в Париже и провинциях, где было установлено около 200 телевизионных приемников. Около 1000 телевизоров находилось в собственности парижан. 20 августа 1944 года немецкий персонал покинул обслуживаемый им парижский телецентр, так как к французской столице подходили войска союзников.

Берлинский телецентр им. Пауля Нипкова был разрушен во время воздушного налета еще в 1943 году. После этого телевизионный сигнал передавался только по кабелю, к которому были подключены телетеатры. Это привело к значительному сокращению телеаудитории.

Таким образом, нацисты стремились использовать достижения в области развития телевидения и организовать ежедневное телевещание, чтобы использовать его в пропагандистских целях. Однако телевизионная техника еще не была доступна широкому потребителю, и аудитория телезрителей была незначительна. Летом 1933 года во время трансляции проходивших в Берлине Олимпийских игр, в ходе которых было показано 48 программ о состязаниях спортсменов, аудитория телетеатров германской столицы составила 190 тысяч человек. (Это был пик развития общественных телетеатров, в дальнейшем их количество в Берлине уменьшилось.)

А аудитория германских радиостанций к началу войны составляла 13 миллионов человек³⁸. Аудитория прессы была еще более значительной. Поэтому министерство Геббельса больше внимания уделяло пропаганде в прессе и радио.

Тайные структуры Министерства пропаганды

Поначалу бюджет Министерства пропаганды был в пределах 4—5 миллионов марок. Но уже в 1935 году его «ординарные расходы» составили 67 миллионов, «неординарные» — 65 миллионов, расходы на пропаганду за рубежом — 35 миллионов, на информационное агентство «Трансоцеан» — 40 миллионов, на Немецкое информационное бюро — 4,5 миллиона, на агитацию посредством кино и театра — 40 миллионов марок. Кроме того, еще 45 миллионов марок было выплачено анонимным получателям из особого секретного фонда³⁹. Эти финансовые средства выделялись структурам, связь с которыми министерство не афишировало, а в некоторых случаях даже само их существование являлось секретом, хотя их тайная деятельность была рассчитана на самый широчайший эффект. К подобным учреждениям исследователи относят «контору Шварца ван Берга», «контору Бёмера», систему «черных радиостанций». Структура многих из них и их функционирование продолжают оставаться тайной.

Учреждение, которое возглавил известный фашистский публицист Шварц ван Берг, обеспечивало, в частности, «пропаганду шепотом», т. е. распространение слухов. В этой области Шварц ван Берг был крупнейшим специалистом. Его «товар» в основном распространялся среди немецкого населения. Подобную «продукцию» на «внешний рынок» поставляла «контора» К. Бёмера, который пользовался особым доверием Геббельса.

Любопытно, что Бёмер, специализируясь на распространении слухов, пал жертвой собственной болтливости. В июне 1941 года, когда повсюду пошли расплывчатые слухи о предстоящем нападении Германии на Советский Союз, он ответил во время вечеринки в болгарском посольстве на просьбу прокомментировать эти слухи: «Ели хотите знать точно — я скоро буду губернатором Крыма». Скорее всего со стороны Бёмера эти слова были лишь остротой — в смысле не только

упоминания о Крыме, но и грядущего нападения вообще. Но уже на другой день бросившемуся по следам новости американскому журналисту секретарша в геббельсовском министерстве заявила, что она никогда не слышала о человеке по имени Бёмер. Утверждается, что Бёмер был арестован по настоянию министра иностранных дел Риббентропа, в то время как Геббельс за него заступался. Как бы то ни было, Бёмер был приговорен к трем годам тюрьмы, отсидел год, после чего попал на Восточный фронт, был тяжело ранен и умер в госпитале в Кракове. При погребении он был полностью реабилитирован.

Инструктаж журналистов

С начала Второй мировой войны — с осени 1939 года — Геббельс начал проводить ежедневно в 11 часов секретные инструктажи для самых высокопоставленных сотрудников своего министерства с присутствием представителей ряда других ведомств Третьего рейха — верховного командования вермахта, Министерства иностранных дел, имперской службы безопасности и др.

Особое внимание уделялось ежедневным пресс-конференциям, а точнее, инструктажам для журналистов. На эти инструктажи, проводившиеся дважды в день, были обязаны являться специально аккредитованные представители всех берлинских, а также крупнейших провинциальных газет. Проводились они самыми высокопоставленными сотрудниками министерства и носили доверительный характер. Делавшиеся во время инструктажей записи, а также вручавшиеся журналистам заранее отпечатанные инструкции подлежали по использованию уничтожению или возвращению в министерство. Кроме того, редакции газет и в особенности журналов регулярно снабжались циркулярами по средствам связи. Вся эта система, из которой нацисты в принципе отнюдь не делали тайны, была до того отлажена, что один из ответственных сотрудников геббельсовского министерства уже в ходе Второй мировой войны позволил себе публичное заявление о том, что немецкая пресса даже во время войны смогла отказаться от той предварительной цензуры, которая в якобы столь «свободных» демократиях Запада привела к

тому, что газеты должны выходить с большими белыми пятнами на полосах.

Аккредитованные в Берлине иностранные журналисты могли являться на пресс-конференции три раза в день, причем одна из них проводилась Министерством иностранных дел Риббентропа.

Войска пропаганды

Министерство пропаганды сотрудничало в отдельных областях с другими ведомствами. Так, готовясь к войне, немецкая армия намеревалась помимо оружия использовать пропаганду. По согласованию с Геббельсом для этой цели при генеральном штабе было создано специальное управление по пропаганде среди войск и населения страны противника. В армейских группах функционировали отделы пропаганды.

Были созданы и специальные войска пропаганды. Их организация началась после того, как в 1938 году представитель вермахта генерал Кейтель и Геббельс заключили основополагающее соглашение о ведении пропаганды во время войны. В том же году в немецких вооруженных силах началось формирование специальных рот пропаганды. Первые пять рот пропаганды были приданы командованию армейских корпусов в Дрездене, Бреслау, Нюрнберге, Вене⁴⁰. Осенью 1938 года они участвовали в оккупации Судет. В июне 1941 года, к моменту нападения на СССР, в немецких войсках, предназначенных к войне на советско-германском фронте, было 17 рот пропаганды⁴¹. В 1943 году роты пропаганды были выделены в особый род войск. Общая численность их в то время составляла 15 тысяч человек, а в штатный состав обычной роты пропаганды входило 115 человек⁴². В зависимости от выполняемых задач ее состав мог увеличиваться или уменьшаться.

В состав рот пропаганды входили военные журналисты, фото-, кино- и радиорепортеры, персонал по обслуживанию пропагандистских радиоавтомобилей и киноустановок, специалисты по созданию и распространению антисоветской литературы, плакатов, листовок. Для формирования этих рот отбирались лица, которые были обязаны одинаково хорошо владеть как журналистскими навыками (литературными,

радио-, фото- или кинорепортерскими), так и различными военными профессиями. Последнее обстоятельство имело в особенности важное значение при освещении боевых действий авиаторов, танкистов, моряков торпедных катеров и т. п., поскольку, например, экипаж боевого самолета не мог взять на борт ни одного лишнего человека, который был только наблюдателем происходящего. Журналист из роты пропаганды должен был уметь заменить кого-то из экипажа боевой машины.

Роты пропаганды были призваны обслуживать не только средства массового воздействия гитлеровского рейха. До начала военных действий подразделения пропаганды проводили работу среди своих войск и немецкого населения. С началом войны в их действиях преобладала пропаганда, нацеленная на войска и население противника.

Роты пропаганды имели определенную специфику, которая зависела от того, для какого театра военных действий это подразделение было предназначено. Так, в отдельном корпусе генерала авиации Фельми, предназначенном для вторжения в ближневосточные страны, личный состав приданного ему подразделения пропаганды владел тем или иным языком населения этого региона, а в его снаряжение входила типография с арабскими шрифтами. Были в нем специалисты-востоковеды, арабские дикторы и наборщики-арабы.

Успех еженедельной кинохроники, этого любимого детища Геббельса, обеспечивали роты пропаганды. Даже еще в начале 1945 года их кинооператоры присылали в Берлин по 20 тысяч метров отснятой еженедельно пленки⁴³, хотя на 45-минутный сеанс еженедельного хроникального выпуска требовалось всего 1200 метров⁴⁴. Производился отбор самых лучших сюжетов, что приносило успех кинохронике не только в Германии, но и в зарубежных странах. Для иностранного зрителя в начале войны еженедельно производилось 1000 копий выпусков таких кинохроник с дикторскими текстами на 15 языках⁴⁵.

На оккупированной территории

Перед нападением на СССР в немецкой армии был разработан план «мероприятий по разложению населения Украины и Прибалтики»⁴⁶. Вермахт вел пропаганду на совет-

ские войска, население прифронтовых и фронтовых регионов и особенно на жителей захваченной местности.

Помимо армии пропаганду в занятых областях осуществляло Министерство по делам оккупированных восточных территорий, в которых для этого были созданы специальные структуры. Координировались же пропагандистские акции через имперских комиссаров и подчиненных им генеральных областных и окружных комиссаров. В распоряжении рейхс-комиссаров имелись специальные отделы пропаганды. В систему пропаганды были включены низовые звенья оккупационной администрации — старосты, бургомистры и другие чины. Гитлеровские пропагандистские материалы рассылались по всем учреждениям, районам и волостным управам, сельским старостам, а старосты обязаны были зачитывать немецкие листовки и газеты населению. В таком же обязательном порядке зачитывались сводки немецкого главного командования. Кроме того, на видных местах в городах и селах вывешивались на специальных досках газеты, плакаты и листовки. Оккупационные власти пытались подготовить пропагандистов из местного населения. Для этого были открыты специальные школы.

В Брянске и Орле такие школы функционировали круглый год, имели специальные помещения с оборудованными аудиториями для лекций, комнаты для занятий, библиотеки. Посещение лекций считалось обязательным для учителей, врачей, служащих⁴⁷.

В имперском Министерстве народного просвещения и пропаганды был и специальный восточный отдел с филиалом «Винета» (служба пропаганды в восточных районах), который осуществлял руководство пропагандистскими акциями в войне против СССР. В составе восточного отдела имелись подотделы: активной пропаганды, кинопропаганды, радиопропаганды, культуры, книжной связи, комиссаров по особым поручениям. Самым многочисленным был подотдел активной пропаганды: в нем были отделения по выпуску брошюр и листовок, газет, плакатов, по организации выставок, по использованию передвижных громкоговорителей.

Заблаговременно, еще до начала боевых действий против СССР, нацисты заготовили большое количество плакатов, листовок, обращений, приказов, распоряжений и другой

печатной продукции. В целом они носили общий характер. Поэтому военное командование и оккупационные власти с первых дней войны приступили к созданию полиграфической базы непосредственно на оккупированной территории. Так как советские полиграфические предприятия были в основном эвакуированы или уничтожены Красной Армией при отступлении, то в большинстве случаев типографское оборудование было завезено из Германии или оккупированных стран Европы. В довольно быстрые сроки немцы восстановили во всех крупных городах и во многих районных центрах типографии. Бывший руководитель издательского и печатного дела в рейхскомиссариате «Украина» Г. Горнауэр писал, что за 1941—1943 годы «большое количество произведений печати было предоставлено гражданскому управлению и армии. При этом необходимо особенно вспомнить миллионы листовок, главным образом те, которые употреблялись для вербовки на работу, для борьбы с бандитизмом (так немцы называли партизанское движение. — *Авт.*) и прежде всего для устройства (восстановления) сельского хозяйства и сдачи сельскохозяйственной продукции, а затем листовки, которые сбрасывались в зону противника. Эти листовки большей частью должны были в несколько часов составляться, печататься и быть готовыми для распространения»⁴⁸.

Среди населения немцы распространяли различные издания на русском языке: книги, брошюры, календари, иллюстрированные журналы, плакаты, портреты Гитлера и т. п. Но основную массу из них составляли газеты и листовки. Наибольшее количество листовок выпускалось в первые дни оккупации. Затем они издавались только для партизан и населения, проживающего в зонах их активных действий.

В дальнейшем место листовок занимали всякого рода воззвания, приказы, объявления, плакаты и главным образом газеты. Чтобы привлечь внимание читателей, привыкших с уважением относиться к местным изданиям, зачастую логотип и название газет оставляли те же, что и в советское время. «Голос народа» издавалась в Смоленске, выходила раз в неделю на 4 полосах, «За Родину» выпускалась с 1941 года в г. Дно Ленинградской области на 8 полосах; к февралю 1943-го. вышло 348 номеров, «Белгородская правда» издавалась в Белгороде Курской области в 1942—1943 годах и т. п. Нередко

немецкая пропаганда шла на прямую подделку, маскируя свои издания под московские газеты «Правда»⁴⁹, «Красная звезда» или под видом других газет. Например, в 1943 году под видом «еженедельной красноармейской газеты» выходила четырехполосная газета «Боевой путь»⁵⁰. Точное количество газет, издававшихся для населения оккупированных территорий, абсолютно точно не установлено. На основе опубликованных исследований и данных архивных материалов установлено около 300 названий. Большинство газет выходили тиражами 5—10 тысяч экземпляров, некоторые имели тираж менее 3 тысяч экземпляров.

Однако были и такие, имевшие тираж 50—150 тысяч экземпляров, а у отдельных изданий, достигал нескольких сотен тысяч экземпляров. Например, «Белорусская газета» (выходила также под названиями «Минская правда» и «Минская газета») имела тираж 50 тысяч экземпляров, а смоленская газета «Колокол» для крестьян оккупированных областей выходила два раза в месяц на 4 полосах тиражом 150 тысяч экземпляров⁵¹.

Ряд изданий, издававшихся в поддержку немецких властей, были адресованы конкретным аудиториям. Так, как и уже названный выше «Колокол», значительное число газет и журналов адресовались крестьянам. В их числе были «Сельскохозяйственная газета», издававшаяся в украинском городе Ровно, «Український хлібороб» — иллюстрированная газета, выходила в Киеве с октября 1942 года на 4 полосах тиражом 250 тысяч экземпляров (с октября 1943-го издавалась в Луцке). Газета «Возрождение», распространяемая в городах оккупированных областей в 1942 году, имела подзаголовок «Для промышленных рабочих». Ряд изданий предназначался для детей и молодежи, в основном это были журналы, в числе которых были «Школьник» (выпускался в Смоленске в 1942—1943 годах), «Школярня» — выходил в г. Дубно Ровенской области с октября 1941-го раз в две недели, «Юнак» («Юноша») — бюллетень украинских националистов. Во Львове с 1941 года издавалась детская газета «Малі друзі» («Малые друзья»)⁵².

В ноябре 1942-го начал выходить ежемесячный журнал «Мир», посвященный вопросам политики, хозяйства и культуры. В Смоленске в 1942—1943 годах издавался журнал «Шко-

ла и воспитание», рассчитанный на учителей⁵³. Таким образом, СМИ охватывали своим влиянием не только все население оккупированной территории, но и целенаправленно воздействовали на детей и молодежь, а также охватывали важнейшие сферы человеческой деятельности.

Следует заметить, что их издателями были не только оккупационные власти. Широкое распространение получили издания украинских националистов: газеты «Вільна Україна» («Свободная Украина»), «Гайдамаки», бюллетени «Щаденні вісті» («Ежедневные новости»), «Известия с фронта УПА», «Информатор», журнал «Идея и чин» и т. п., газеты русских организаций, боровшихся с советской властью: «Заря» (выпускалась Русским комитетом в Берлине с 1942 года 2 раза в неделю на 4 полосах), «За свободу» (орган Русской народной армии, выходила в Смоленске с 1943 года раз в неделю), «Иллюстрированная газета» (выпускалась Комитетом освобождения народов России и т. п. В республиках Прибалтики распространялась периодика национальных объединений Латвии, Литвы, Эстонии⁵⁴).

Ряд изданий выпускался пропагандистскими службами вермахта, в числе которых были газеты «Голос правды», «К победе» (издавалась с 1943 года для частей Российской освободительной армии и так называемых «добровольческих частей»), «Новый путь» (издавалась подразделением немецких войск № 20245 в районе Львова с февраля по июнь 1942 года), затем газета с таким названием «Новый путь» с июня 1942 года по январь 1943 года издавалась полевым управлением немецких войск № 30952. Этот «Новый путь» был также на 4 полосах, но имел приложение под названием «Посев и жатва»⁵⁵, которое выходило раз в две недели. Пропагандистские службы вермахта также издавали многочисленные брошюры, маскируя их обложками и титулами, которые копировали издания Воениздата серии «Библиотечка красноармейца», но содержание немецких брошюр было антисоветским. Они в основном адресовались красноармейцам и были направлены на то, чтобы убедить их в бесполезности сопротивления немецким войскам и склонить их к сдаче.

Также издавались книги и небольшие брошюры для местного населения. Их содержание сводилось преимущественно к прославлению Гитлера и фашистского режима, «нового порядка» на оккупированной территории и условий труда в

Германии, куда призывали ехать молодежь. Об этом говорило само их название: «Гитлер — освободитель», «Кто такой Гитлер?», «По новому пути», «Почему я враг большевистской власти?», «Я живу в немецкой семье и очень счастлив» и т. п.⁵⁶

В районах, где было сильное партизанское движение, содержание брошюр, а также листовок и обращений, посвящалось преимущественно показу могущества и непобедимости вермахта, который изображался даже освободителем и защитником населения оккупированных им областей. Партизанам предлагалось сдаваться в плен или разбежаться по домам, так как их сопротивление, мол, безнадежно. Цветные плакаты и иллюстрированные газеты и журналы прославляли победы германских войск, заманивали молодежь на работу в Германию, показывали успехи «нового порядка землепользования».

Для населения оккупированных областей немецкие власти издавали значительное количество газет на немецком, румынском, финском и других языках. Если газеты на румынском, финском и других языках распространялись в основном в тех районах, где местное население этими языками свободно владело, то печатавшаяся сначала в Киеве, а затем в Луцке «Немецкая украинская газета», выходившая тиражом 150 тысяч экземпляров, распространялась по всей Украине. Там же два раза в месяц издавалась газета «Немецкий сельский хозяин»⁵⁷. Эти газеты были рассчитаны не только на германскую администрацию, но и нацеливались на то, чтобы культивировать на Украине немецкий язык. Газета на немецком языке «Minsrer Zeitung» («Минская газета») ежедневно выходила в столице Белоруссии, «Deutsche Zeitung in Ostland» («Немецкая газета на Востоке») издавалась в Риге. Подобные издания выходили и в других оккупированных регионах.

Издания русских формирований вермахта

Нападение Германии на СССР в 1941 году внесло раскол в русскую эмиграцию. Часть ее выступила в поддержку Германии под лозунгом освобождения русского народа от большевистского ига и сотрудничала с вермахтом. Другая часть, патриотически настроенная, отказалась от предложений немцев пойти к ним на службу. Многие русские участвовали в

рядах Сопротивления, в партизанском движении. Русские издания во Франции, Югославии, Чехословакии и других странах, захваченных Германией, перестали выходить, так как германские оккупационные власти приостановили деятельность организаций, издававших их.

В 1941 году после нападения Германии на СССР по инициативе Русского бюро в Югославии началось формирование отдельного русского корпуса, переименованного затем в русскою охранную группу. Более 30 процентов контингента корпуса (охранной группы) составили казаки, осевшие в 1920-е годы в Югославии и Болгарии. 10 процентов от общего числа добровольцев составляла русская молодежь, выросшая вдали от родины. Русская охранная группа была включена в состав вермахта с переименованием в Русский охранный корпус, который в сентябре 1944 года насчитывал свыше 11 тысяч человек. Главная задача корпуса состояла в охране шахт, путей сообщения и других военно-хозяйственных объектов. С начала 1944-го части корпуса сдерживали наступление югославских партизан И. Б. Тито, а с осени отражали наступление войск советской 57-й армии, неся при этом большие потери. Казаки также служили вместе с другими эмигрантами в добровольческом полку СС «Варяг», в русской национальной народной армии и ряде других формирований, воевавших на стороне фашистской Германии.

Для казачьих частей, входивших в германскую армию, издавались газеты и журналы. В первой казачьей дивизии русского корпуса выходила еженедельная газета «Казачий клич» (известен только один ее номер — 10 марта 1944 года). Двухнедельный общеказачий журнал «На казачьем посту» издавался для всех казаков, воевавших на стороне Германии. К ноябрю 1944 года вышло 37 номеров этого издания.

В российской освободительной армии (РОА) выходили газеты «Заря», «Доброволец» и «Боевой путь», которые предназначались для распространения не только в РОА и русском корпусе, но и среди советских войск и населения. Впрочем, «первоначально власовское движение было задумано немцами как чисто пропагандистская акция. «Это было то, что теперь принято называть холодной войной или психологической стратегией», — вспоминает М. Китаев, один из тех, кто работал в объединенной редакции этих трех газет^{59a}.

До создания газет при штабе генерала А. А. Власова издавались листовки. Рабочий аппарат для объединенной редакции подбирал главный редактор всей власовской прессы Мелентий Зыков. Его М. Китаев называет «подлинным начальником штаба идеологической войны». Это был опытный пропагандист, и, чтобы привлечь в РОА людей, он сообщал им, что речь идет о деле, которое возглавляет герой обороны Москвы генерал А. А. Власов.

С первых номеров «Зари», «Добровольца» и «Боевого пути» в листовках, которые выпускала объединенная редакция, пропагандировалась программа власовского движения, где подчеркивалось, что оно представляет собой демократическое объединение, которое призывает всех к борьбе за свободу. Тираж «Зари» вначале дошел до 50 тысяч экземпляров, а потом печаталось до 200 тысяч. Отдельные номера печатались тиражом 600 тысяч, а газета с выступлениями А. А. Власова выходила миллионными тиражами. В первое время редактором «Зари» являлся генерал В. Благовещенский.

Идеология власовских пропагандистов — от немцев и консультантов по русскому вопросу, состоявших в большинстве из старых эмигрантов монархического направления, сводилась к пропаганде реставрации в России дореволюционного режима при ведущей роли Германии. Отторжение от России части областей и национальных республик обходилось молчанием. Первые листовки с этими мотивами не имели успеха, поэтому в созданных газетах были напечатаны крупным шрифтом слова Власова: «Советская власть меня ничем не обидела».

Таким образом, пропаганда РОА решила показать, что борьба ведется не из-за личных обид, не из-за удовлетворения чувства мести, а из-за изменения политического режима, от которого плохо всему народу. В связи с этим основной тезис пропаганды «Зари», «Добровольца» и «Боевого пути» был таков: «В народной революции 1917 г., февральской и октябрьской, а также в гражданской войне, народ в борьбе со старым монархическим режимом завоевал демократические свободы, вполне обеспечивающие ему дальнейшее свободное развитие. Все достижения народной революции шаг за шагом были отняты большевиками. Поэтому мы и начинаем борьбу за отнятые достижения народной революции,

против тех, кто эти завоевания отнял, т. е. против большевиков. Но в самом начале мы должны сказать, что не только большевики — наши враги. Наши враги также те, на кого обрушились удары народной революции 1917 г., — сторонники самодержавия, сторонники неограниченной монархии». И чтобы привлечь многочисленных советских военнопленных, потеряв при этом не столь значительное число эмигрантов-монархистов, Власов заявил: «Никакой реставрации».

В своих статьях власовская печать говорила, что не должна иметь места не только реставрация монархизма, но и Временного правительства. Объяснялось, что жизнь новой России должна быть построена, исходя из тех изменений, плохих и хороших, которые произошли за время власти большевиков. Это вовсе не означало отрицательного отношения «власовского движения» к политике Временного правительства, наоборот, многие задуманные тогда реформы Власов обещал осуществить.

Следует заметить, что власовская печать тогда уже сделала несколько шагов вперед в сравнении с фашистской и враждебно настроенной к СССР русской эмигрантской прессой. Это прежде всего относится к вопросу отношения к советской власти, к которой они подходили по упрощенной формуле: раз большевизм, значит, чужь. На первом этапе пропаганда власовского движения не отрицала кое-чего хорошего, что сделали большевики, так как отрицание этого не умножало его ряды и не усиливало их позиции. Например, «Заря» не отрицала успехов индустриализации, проведенной под руководством большевиков. Но «Заря» показывала, что, во-первых, индустриализация эта проведена на костях народа, во-вторых, неумело, непродуктивно. За это, утверждала газета, большевики должны понести ответственность.

Более чем через два десятилетия доктор М. Китаев, бывший сотрудник объединенной редакции власовских газет, писал: «Отрицание объективно существующего, отрицание фактов ведет к неправильной оценке противника, его сил и возможностей, а следовательно, в конечном счете, к поражению. Следует не отрицать положительных достижений большевиков, но вскрыть их сущность, показать, как и почему это произошло и чего это стоило народу»⁵⁹⁶.

«Заря» и другие издания РОА связывали власовское движение с историческими попытками российского народа бороться за свободу. При этом подчеркивалось, что этому движению близка всякая борьба за свободу и безразличен вопрос о том, от какого класса исходила инициатива этой борьбы. Поэтому в газетах упоминались имена декабристов, А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, а также антибольшевистских групп в период советской власти. Из антибольшевистских движений наиболее близкой себе власовцы считали правую оппозицию. Они рассматривали ее не только как оппозицию внутри партии большевиков, а более широким политическим движением, боровшимся за демократические свободы, в котором приняли участие десятки миллионов людей из всех общественных классов, особенно крестьян. Они ссылались на то, что Н. И. Бухарин пытался заменить марксистскую теорию классовой борьбы теорией равновесия, почерпнутой им у позитивиста Спенсера, и развил ее применительно к русским условиям. Большинство пунктов, за которые боролись правые, были включены в программу власовского движения. И это не случайно. Многие бывшие правые стали власовцами. Самым значительным из них являлся бывший сотрудник Бухарина, руководитель власовской прессы Мелентий Зыков. Таким образом, подвластная ему печать объясняла исторические корни власовского движения. А генерала Власова и его окружение представляло как часть новой интеллигенции из народа, выращенной советской властью, но осознавшей свое общественное и историческое значение и ставшей ее могильщиком.

Газета «Заря» публиковала много писем своих читателей, которые поддерживали «политическую линию». М. Китаев в своих воспоминаниях указывает на то, что их приходило очень много, и вскоре одного сотрудника, занимавшегося ими, сменил целый отдел. В основном это были отклики на публикации газеты. Особенно много откликов вызвали помещенная в «Заре» полоса «Наш Маяковский», статьи о Чернышевском. Однако писем, которые критиковали власовское движение, редакция в печать не пропускала. А по свидетельству М. Китаева, среди военнопленных и людей, насильственно угнанных с оккупированной немцами территории на работу в

Германию, имелись устойчивые просоветские настроения. И письма от них, чаще анонимные, «“разоблачали”, — отмечает М. Китаев, — нашу деятельность»^{59в}.

Многочисленные отклики вызвали опубликованные в «Заре» статьи по национальному вопросу. Однако немецкая цензура запрещала власовской прессе затрагивать какие-либо национальные вопросы, кроме русского. По словам М. Китаева, за небольшую заметку о Лесе Украинке редакции был устроен разнос, а сверстанную полосу о Тарасе Шевченко запретили печатать.

Позднее из редакционного ядра «Зари» была создана газета «Воля народа», но она просуществовала недолго — вскоре произошел разгром фашистской Германии, а с ней и РОА, воины которой составили значительную часть второй волны русской эмиграции.

Методичность и системность

С исключительной методичностью нацистский пропагандистский аппарат обрабатывал население своей страны — Германии. «Мы начинаем с трехлетнего возраста, — откровенничал гитлеровский приспешник Роберт Лей. — Как только ребенок начинает сознавать, мы всовываем ему в руки флажок. Дальше — школа, союз гитлеровской молодежи, штурмовые отряды, военная служба. Мы ни на минуту не предоставляем его самому себе. А когда он пройдет через все это, им завладевает в свою очередь «Рабочий фронт» и не выпускает его до самой смерти, нравится ему это или нет...»

А когда молодые люди попадали в вермахт — здесь под руководством офицеров проходило так называемое национал-социалистическое образование, где в ходе занятий доказывалось превосходство германской расы, разъяснялся закон об охране ее «чистоты» и прямо говорилось, что «каждый новорожденный станет боеспособным солдатом»: «Мальчик — будущий солдат, девочка — будущая жена и мать солдата»; доказывалось, что солдат — «оруженосец нации», Германия же — это «народ без пространства», но рядом с ней есть «пространство без народа». Завоевать это пространство провозглашалось задачей немцев. Все они ответственны перед Адольфом Гитлером, «фюрером империи».

Геббельс не раз отмечал, что пропаганда должна быть систематической. 8 февраля 1940 года в своем дневнике он записал: «Обсудил с Фритче (сотрудник Министерства пропаганды Германии. — *Авт.*) проблемы, стоящие перед прессой. Ему недостает системы в работе. Пропаганда — это повторение, вечное повторение, повторение до тех пор, пока наши лозунги поймет и усвоит самый последний и самый глупый, к кому они обращены. В остальном Фритче работает хорошо»⁵⁸.

В самой системе нацистской пропаганды большое внимание уделялось планированию и нанесению пропагандистских ударов. По этому поводу отмечалось, что как прорвавшиеся в тыл противника войска отрезают его передовые части от тылов, нарушают связь с соседями, срывают нормальное снабжение, так и планомерный пропагандистский удар, если он проведен удачно, отсекает народ от своего правительства, отдельные круги и классы друг от друга, а действующую армию от тыла⁵⁹.

Идея исключительности немецкой нации

Еще до прихода Гитлера к власти в Германии от самой маленькой школы в глухой деревеньке до университета немцы твердили: «Все величайшие в истории военные подвиги — прусские, все величайшие творения искусства — немецкие, самая лучшая промышленность — германская, а самые толковые рабочие — немцы»⁶⁰.

Фашисты, оказавшись у власти, положив в основу своей пропаганды эту идею об исключительности, супергениальности нации, с помощью СМИ сумели внушить это миллионам людей в своей стране и сделать их послушным механизмом в борьбе за расширение «жизненного пространства». Нацисты объявили себя революционерами, поднявшимися из ужаса, безысходности и нищеты потерпевшей поражение нации. Они обещали реванш за 1918 год, и в период с 1930 по 1943 год их пропаганда достигла невероятных успехов.

«Пропаганда балагана»

Еще при создании нацистской пропаганды ее основными принципами стали броскость и беззастенчивость. Их сформулировал наставник Гитлера по вопросам пропаганды Эссер. Им

впервые была использована так называемая «пропаганда балагана» — огромные яркие плакаты и листовки, которые сторонники Гитлера размещали в местах скопления людей⁶¹.

Исследователи отмечают, что по своему содержанию и форме фашистская пропаганда была в целом достаточно примитивной и грубой⁶². И тем не менее ей удалось повлиять на значительную часть немецкого народа. Ее успех объяснялся наряду с социальной демагогией определенными социально-психологическими предпосылками. Неуверенность в завтрашнем дне, неустойчивость сегодняшнего существования порождали у значительной части населения настроения страха и ненависти к врагам, подлинным и мнимым, что ловко использовали в своих целях сторонники Гитлера, пропагандируя мифы о «заговоре», об «ударе ножом в спину» и т. п. Г. Димитров говорил: «Фашизму удастся привлечь массы потому, что он демагогически апеллирует к их особенно наболевшим нуждам и запросам»⁶³. Наряду с этим обывателю внушалась мысль о силе нацистов и необходимости послушания.

Для подготовки кадров пропагандистов во всех организациях фашистской партии были созданы так называемые школы Адольфа Гитлера⁶⁴.

Фальсификация истории

Одним из приемов нацистской пропаганды, неотъемлемой ее частью являлась фальсификация истории. Это началось еще до прихода нацистов к власти, когда они обосновали свои расистские теории, свою геополитику, свое притязание на мировое господство. В 1933 году с приходом к власти фашистов историческая наука Германии была подчинена интересам нового режима — подготовить немцев к большой войне, обосновать их право на господство в мире. Для этого историками, согласившимися сотрудничать с нацистами, в основу развития человечества была положена «расовая теория», которая рассматривает историю как борьбу рас — низшей и высшей. Падение тех или иных культур и государств объяснялось утратой соответствующей расой своей полноценности. Самой полноценной расой признавалась германская. Она и определялась стать господствующей в мире. При этом игнорировались действительные факты, документы, зачастую они извращались или фальсифицировались.

По этому поводу известный болгарский политик Георгий Димитров в 1935 году писал: «Фашисты перетряхивают всю историю каждого народа для того, чтобы представить себя наследниками и продолжателями всего возвышенного и героического в его прошлом, а все, что было унижительно и оскорбительно для национальных чувств народа, используют как оружие против врагов фашизма. В Германии издаются сотни книг, преследующих лишь одну цель — фальсифицировать на фашистский лад историю германского народа. Свежеиспеченные национал-социалистские историки стараются представить историю Германии таким образом, будто бы в силу какой-то «исторической закономерности» на протяжении двух тысяч лет проходит красной нитью линия развития, приведшая к появлению на исторической сцене национального «спасителя», «мессии» германского народа, известного «ефрейтора» австрийского происхождения! В этих книгах изображаются крупнейшие деятели германского народа в прошлом в качестве фашистов, а великие крестьянские движения — как прямые предтечи фашистского движения»⁶⁵.

Для пропаганды своих исторических концепций нацисты создали специальные исторические журналы. Один из них — «Krigsschuldfrage» («Вопрос об ответственности за войну») — ежемесячник, предназначавшийся для международной пропаганды, издавался с целью доказать всему миру, что Первую мировую войну 1914—1918 годов начали противники Германии, которая совсем не хотела воевать, и таким образом оправдать новую, Вторую мировую войну, которую Германия начала в 1939 году. Журнал не стеснялся подтасовывать известные всему миру факты, беззастенчиво фальсифицировал историю Первой мировой войны. Авторами многих публикаций этого журнала были отставные генералы, бывшие политики, которые в свое время употребили немало усилий для развязывания войны. Подобными методами фальсификации занимался и другой исторический журнал — «Berliner Monatshefte».

Публикации на историческую тему такого же характера появлялись и в других периодических изданиях Германии. Так, в конце ноября 1941 года все немецкие газеты опубликовали так называемое «Завещание» Петра Великого. Таким

образом пресса доказывала германскому населению и всему миру, что Россия всегда стремилась завоевать Европу и весь мир, что она действует в духе «Завещания» Петра I, который якобы завещал своим потомкам не слагать оружия, пока Россия не будет властвовать над всем миром. И германский фюрер, начав войну против СССР, спас Германию и Европу от осуществления этого страшного плана. Таким образом, гитлеровская пропаганда не постеснялась повторить прием Наполеона 1812 года и Вильгельма II в 1914 году, которые перед началом войны с Россией также публиковали это «Завещание». (Об истории его появления мы уже говорили в исследовании пропаганды в период Отечественной войны 1812 года. См.: «История информационных войн». Часть 1. С. 164.)

И если в начале войны и до нее нацистская пресса и радио запугивали население Европы призраком большевистской революции, то теперь немецкая пропаганда запугивала его еще и тем, что «большевики выполняют завещание Петра Великого о мировом господстве».

Фабрикация фальшивых документов, цитат, опровержений

Фабриковавшиеся фальшивые документы не только распространялись немецкой разведкой по своим каналам (как это было со шпионскими документами) на М. В. Тухачевского). Обычно для этого использовалась печать других стран и чаще всего нейтральных государств. Так, 23 июня 1942 года в шведской газете «Гетеборгс моргенпост» был опубликован текст состряпанного германскими службами особо секретного соглашения между СССР и Англией, перепечатанный 24 июня в «Фелькишер беобахтер». С этого же дня в немецких СМИ началась шумиха, длившаяся долгий срок.

Не раз в пропагандистских публикациях немецких СМИ разнообразное применение находили фальшивые цитаты и фальшивые опровержения. Так, в ноябре 1938 года аккредитованных в Берлине иностранных журналистов потрясло бесстыдство, с которым сам Геббельс опроверг факт организованных по приказу Гитлера еврейских погромов в Германии⁶⁶.

Жупел «превентивной войны»

Нападение фашистской Германии на СССР было явной агрессией, и ведомство Геббельса имело задачу оправдать захватническую акцию тогдашнего германского руководства. Поэтому оно подхватило термин «превентивная война», введенный Гитлером 22 июня 1941 года с целью объяснить германскому населению, немецкой армии и мировой общественности причины Восточного похода.

В данном случае термин «превентивная война» играл роль пропагандистского жупела, но впоследствии он вошел в историографию в качестве ключевого понятия. Превентивная война, по мнению большинства исследователей, это операция с целью упреждения действий противника, готового реализовать свои политические цели военными средствами⁶⁷. Преобладающей стала тенденция перенесения понятия превентивная война в сферу идеологического противоборства — все сводится к доказательству того, что, используя его в своей пропаганде, гитлеровское руководство стремилось не просто снять с Германии, но и переложить на Советский Союз ответственность за начавшуюся между обеими державами войну.

После Второй мировой войны, когда в 1949 году СССР провел испытание атомной бомбы и начал наращивать свой ядерный потенциал, в США проводилось специальное исследование о возможной превентивной войне против Советского Союза. Однако американское военно-политическое руководство пришло к выводу, что возможен ответный советский удар, и идея превентивного внезапного ядерного удара по СССР в первой половине 1950-х годов так и осталась в архивах. После рассекречивания архивных документов этот факт используется не только историками, но и антиамериканской пропагандой⁶⁸.

Мифы большой лжи

Английский лорд Моэм в своей брошюре «Ложь как союзница» отмечал, что большой лжи всегда присуща определенная сила правдоподобия, так как широкие массы народа в своем примитивном простодушии скорее готовы пасть жертвами большой лжи, нежели лжи маленькой, поскольку они сами часто врут по мелочам, но устыдились бы прибегнуть к

большой лжи. «Им никогда не пришло бы в голову фабриковать колоссальные измышления, — говорится в брошюре исследователя гитлеровской пропаганды, — и они не могут даже подумать, что другие могут иметь наглость искажать истину столь бессовестно. И если даже им ясно доказать это на фактах, они все же будут сомневаться, колебаться и продолжать выискивать какие-то другие объяснения. Ибо от наглейшей лжи всегда что-то остается, даже после того, как она разоблачена, — это факт, известный всем лжецам на этой земле и всем конспираторам по части лжи»⁶⁹.

Большая ложь реализовалась гитлеровцами в форме мировоззренческих мифов и конкретно-событийных измышлений. К первым относились мифы о превосходстве «нордической» расы над прочими «недочеловеками»; о спасительной функции принципа «фюрерства»; о «тотальной вине» евреев; о «двойственной природе» капитала, который нацисты делили на «производительный» и «процентный», «долговой», т. е. банковский, капитал, вставая горой за первый и демагогически ниспровергая второй; о «союзе» международных еврейских банков и международного марксизма; о «сговоре» Католической церкви с «красным недочеловечеством»; о несовместимости марксистского учения с интересами рабочего класса; о необходимости и возможности ликвидации — причем очень быстрой — классов без ликвидации и даже посредством укрепления принципа частной собственности; о нацистской «революции», не признававшей классового характера государства; о строительстве в нацистской Германии «подлинного социализма» и «подлинно народного государства»; о христианстве как «пролетарски-нигилистическом течении» и т. п. Не один год гитлеровцы твердили о своем «миролюбии», выдавая за таковое даже захват Австрии и Чехословакии.

Аргументация подобных тезисов сознательно игнорировалась. Геббельс по этому поводу замечал, что «само собой разумеющиеся вещи не доказывают. Это принципы, которые действуют всегда и которыми нельзя пренебрегать безнаказанно».

Характерно, что в других случаях даже Гитлер заботился об аргументации своей пропаганды. Так, 28 марта 1942 года в его указаниях насчет линии политики в отношении США отмечалось, что в пропаганде против этой страны приводятся

негодные аргументы. «И то, в чем мы обвиняем данную нацию, — говорилось в указаниях фюрера, — это полное отсутствие культуры. Например, отвратительное обожествление звезд киноэкрана свидетельствует об общем отсутствии действительно великих идеалов. Ярко выраженная погоня за сенсационностью, не останавливающаяся перед такими омерзительнейшими изображениями и описаниями, как дамский бокс, борьба в грязи и иле, публичная демонстрация уродов и выродков, а также выставление на публичное обозрение самых гнусных преступников и т. п., — все это бесспорное доказательство бескультурья этой страны... Данный аргумент должен выдвигаться на первый план нашей дискредитации этого ханжи. Однако совершенно неверно высмеивать имеющее место в Соединенных Штатах цивилизаторское развитие в области техники»⁷⁰.

Мировоззренческие мифы были рассчитаны на выращивание семян нацизма, которые в конечном счете помогали немцам легче усваивать фальсифицированную событийную информацию. Последняя была менее пагубна, чем мировоззренческие мифы. Это отмечал американский исследователь фашистской пропаганды У. Ширер. Анализируя приемы нацистской газеты для американских военнопленных «О'кей — Оверсий кид», он считал ее краткосрочные цели подрыва морального духа пленных американцев посредством замалчивания успехов антигитлеровской коалиции на фронтах и подчеркивания неблагоприятного положения в самих США не столь важными по сравнению с долгосрочными, заключавшимися в том, чтобы посредством вдалбливания в головы пленных основных стереотипов нацистского мировоззрения создать — даже в случае поражения гитлеровцев и возвращения пленных американцев на родину — такую ситуацию, когда семена нацизма, воспринятые ими, дадут в будущем всходы за океаном и это поможет нацистам возвратиться на политическую авансцену в Германии и в Европе⁷¹.

Обращение к символам

Нацистская пропаганда не скупилась в период войны на различного рода символы, которые, как они понимали, должны были дойти до сердца немецкого обывателя: «героизм», «жертва», «еврейство», «капиталисты», «большевики»,

«Фридрих Великий», «Вероломный Альбион», «массовые убийства», «ненависть к Германии». Одни символы уходят в XVIII столетие, другие были взяты из первых лет после окончания Первой мировой войны. Они служили элементами словесно-символических структур — главного инструмента нацистских пропагандистов. Бессовестная кампания якобы справедливого возмущения, ненависть, гибель тысяч людей как ее результат могли быть, следовательно, поданы в виде мер необходимой обороны, в случае всеобщего противоборства чужеродным доктринам.

Набожным и благочестивым людям победы должны были явиться в образе святого благоволения, а поражения — как результат козней дьявола. В зеркале нацистской пропаганды периода войны отразились цинизм, муки и вера Йозефа Геббельса, который затем сам стал символом.

Исследователь нацистской пропаганды американец Р. Э. Герцштейн отмечает, что в сравнении с использованием в целях манипулирования людьми героического мифа, языка и исторической науки символические образы использовались успешнее, что характерно для немецких традиций и особенностей немецкого языка⁷².

«Ложь для узкого круга»

В пропаганде нацистской Германии широко использовали «ложь для узкого круга» в форме доверительных сообщений. Причем она применялась в расчете не только на дезинформирование иностранных разведок, но и для воздействия на немецкое население. Примером этого является заявление Геббельса на инструктаже 11 сентября 1940 года о том, что за время английских налетов на Германию с 10 мая по 10 сентября погибло даже не 1500, как где-то упоминалось, а всего 617 человек, но эту цифру публиковать нельзя, так как в Лондоне такое число людей погибает от немецкой бомбежки за сутки⁷³. Министр рассчитывал, что через его ближайших сотрудников это «доверительное» утверждение станет достоянием оптимистических слухов в немецком народе.

Геббельс был заранее посвящен в план «Барбаросса», ради успешного осуществления которого в начале июня 1941 года опровергал курсирующие предположения о предстоящем

нападении на Советский Союз, а 5 июня заявил: «Фюрер решил, что война не может быть доведена до конца без вторжения в Англию. Операции, которые планировались на Востоке, отменены»⁷⁴.

«Источник лжи должен тотчас маскироваться»

В апреле 1940 года, вскоре после нацистского вторжения в Норвегию и Данию, Геббельс отдал распоряжение, чтобы «для засылки ложных сообщений никогда не использовался официальный аппарат, информационные агентства и т. д.», что «источник лжи должен тотчас маскироваться», что «радио и пресса в собственной стране вообще не должны компрометировать себя такой ложью», что для нее подходят «только каналы, идущие за границу»⁷⁵.

Однако от последнего из перечисленных правил (которое и раньше далеко не всегда соблюдалось) Геббельсу пришлось по мере исчезновения шансов на военный успех отказываться все чаще и чаще.

Для маскировки источника дезинформации весьма удобным каналом для нацистов служили «черные» радиостанции. Специфической формой использования радио было вещание на волне противника. Так, во время боев в Арденнах нацистские агитаторы «запустили» на волну Би-Би-Си фальсифицированное интервью с английским фельдмаршалом Монтгомери.

На инструктаже 22 апреля 1942 года Геббельс велел наряду с организацией якобы английских радиопередач на Францию, в которых следовало подчеркивать, какие разрушения и жертвы навлечет на французов открытие второго фронта, изучить вопрос о заброске во Францию якобы английских листовок с аналогичным содержанием. Идею одной такой листовки подал сам Гитлер. Текст наброска гласил: «Французы! Когда в 1940 г. мы покинули вашу землю с нерастраченными силами и полной уверенностью в победе, мы сделали это с мыслью о вас и о том, чтобы ваша прекрасная страна не пострадала от дальнейших разрушений и чтобы вам не нужно было приносить дальнейшие жертвы в борьбе за наше общее дело. Теперь вся тяжесть борьбы лежит только на наших плечах. Вы можете рассчитывать на нас, на то, что мы победоносно перенесем войну. Мы рассчитываем на вас, на то, что вы и впредь будете на нашей стороне»⁷⁶.

Ложь — плохое средство

Многие исследователи истории информационных войн замечают, что уже во Второй мировой войне обе воюющие стороны все больше и больше отказывались от «абсолютной лжи» и по возможности избегали ее. Любая опытная служба информации старалась не делать такого заявления, которое противник мог легко проверить простейшими средствами и тут же, используя радио, разоблачить перед всем миром, как ложь.

Несколько по-иному воспринимается сообщение о своих успехах, когда преувеличиваются потери противника в танках, самолетах и т. п., а также о своих потерях, потому что эти цифры не всегда могут быть проверены.

Ложь стала во время Второй мировой войны трудным и проблематичным делом. Поэтому пропаганда велась на основе реальных фактов, вокруг которых строились домыслы.

«Факты должны представляться в высшей степени вероятными»

Бывший генерал-полковник немецкой армии Л. Рендулич, на основе личного опыта разбирая вопросы управления войсками в период Второй мировой войны, останавливается на роли дезинформации и пропаганды как средства ведения боевых действий. Предпосылкой эффективности мероприятий по введению противника в заблуждение и действительности пропаганды, по мнению Л. Рендулича, «является то, что используемые при этом факты на фоне общей обстановки и особых обстоятельств должны представляться в высшей степени вероятными»⁷⁷.

Первое такое мероприятие, проведенное германским верховным командованием, было направлено против Польши. Оно преследовало цель скрыть стратегическое сосредоточение и развертывание немецких войск. Для этого в газетах и по радио сообщали, что германское командование намерено построить на Востоке систему крупных оборонительных сооружений, подобную «Западному валу». Для такого строительства мог быть избран только район, расположенный вдоль границы с Польшей. С этой целью в приграничном

районе были проведены сначала топографическая привязка и маскировка позиций на местности, а затем оборудование мест расквартирования войск и прокладка линий связи. После завершения подготовительных работ к границе было подтянуто много дивизий, которые сразу же приступили к строительству полевых укреплений.

Затем через несколько недель на смену этим дивизиям, о чем также сообщалось в газетах и по радио, в приграничный район прибыло значительно большее число дивизий, а ранее находившиеся там войска снова были отправлены на территорию рейха. Поляки, с большим вниманием следившие за всеми передвижениями, после этой отправки войск вновь почувствовали себя в безопасности. Последовавшая затем третья, особенно мощная, волна означала уже сосредоточение войск. Таким образом, несмотря на большие передвижения, его удалось скрыть от поляков.

Нередко мероприятия по дезинформации противника немецкое командование проводило без участия войск, а только с помощью СМИ. Так, долгое время в центре немецкой пропаганды находился «Западный вал». Пропаганда этого «вала» началась перед операцией по захвату Судетской области Чехословакии (в октябре 1938 года) и сводилась к тому, чтобы представить оснащение и оборудование «Западного вала» намного современнее, а его военную роль намного значительнее, чем на самом деле.

Особенно активной эта пропаганда была перед войной с Польшей. В то время для обороны «Западного вала» германское командование имело лишь пять кадровых и двадцать пять резервных дивизий. Перед пропагандой стояла задача удержать западные державы, и прежде всего Францию, от вмешательства в войну, ибо это могло повлечь за собой серьезные последствия. Но генерал Гамелен, тогдашний начальник французского генерального штаба, заявил, когда речь зашла об оказании Польше обещанной помощи, что для наступления на «Западный вал» потребуется весь запас боеприпасов, имеющихся у французской армии. Таким образом, цель пропаганды была достигнута. И позднее в расчетах руководителей западных держав «Западный вал» играл намного большую роль, чем та, которую он имел в действительности.

«Дезинформация должна иметь форму мозаичной картины»

Для сохранения в тайне планов нападения Германии на СССР и срока его начала были проведены обширные мероприятия по введению противника в заблуждение, в которых участвовали не только войска, штабы и СМИ, но и политическое руководство Германии. Так, целям маскировки и дезинформации ненападения служил заключенный 29 августа 1939 года советско-германский договор о ненападении. И далее военно-политическое руководство уделяло особое внимание обеспечению внезапности нападения на СССР. В связи с этим ставка делалась прежде всего на сохранение в тайне замысла войны, введение в заблуждение советского военно-политического руководства. 15 февраля 1941 года немецким командованием была создана директива по дезинформации в период развертывания⁷⁸.

В ней отмечалось, что в первый период времени, примерно до апреля 1941 года, «необходимо поддерживать в общественном мнении неопределенность относительно наших намерений». Поэтому в руководящих указаниях на этот период говорилось об акцентировании предстоящего вторжения в Англию, хотя от этого плана германское командование окончательно отказалось еще в октябре 1940 года); широкой информации о новых средствах нападения на транспорты; преувеличении значения вспомогательных операций «Марита», «Подсолнечник», действий 10-го авиационного корпуса и количестве сил, предназначенных для проведения этих операций.

В подтверждение таких сообщений проводились мероприятия военного характера с целью создать у противника впечатление, что план высадки в Англию существует. К маю 1941 года в зоне пролива Ла-Манш и в Норвегии было сосредоточено особенно большое количество кораблей, а также проведены крупные учения по переброске и высадке морских десантов и т. п. Кроме того, и по линии контрразведки была пущена соответствующая информация, предназначенная для агенты противника.

Мотивировка стратегического сосредоточения и развертывания для операции «Барбаросса» в директиве определялась как обмен сил между Западом, Германией и Востоком,

подтягиванием тыловых эшелонов для операции по высадке в Англию или, «в конце концов, под видом тылового прикрытия со стороны России на случай перехода к обороне».

На втором этапе подготовки операции «Барбаросса» стратегическое развертывание сил для ее проведения, говорилось в директиве, «должно быть представлено в свете величайшего в истории войны дезинформационного маневра с целью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию»⁷⁹. Немецкое командование подчеркивало, что чем больше будет скопление сил на Востоке, «тем более необходимо делать все для того, чтобы поддерживать в общественном мнении неопределенность относительно наших планов»⁸⁰.

Осуществление дезинформации было возложено на службу информации, которой руководил начальник разведки и контрразведки верховного главнокомандования вооруженных сил. В директиве службе информации указывалось, что она должна руководствоваться принципом: осторожно пользоваться общей информацией, только строго по каналам, которые будут указаны начальником разведки и контрразведки. В общем дезинформация должна была иметь форму мозаичной картины, которая определяется общими целями. Подчеркивалось, что чем больше будет скопление сил на Востоке, тем более необходимо делать для того, чтобы поддерживать в общественном мнении неопределенность относительно наших планов⁸¹.

В этой дезинформационной акции участвовало и высшее политическое руководство фашистской Германии. Так, в июне 1941 года в газете «Фелькишер беобахтер» появилась статья Геббельса, в которой со скрытой угрозой говорилось о вторжении в Англию. Чтобы представить такое намерение более правдоподобным, распространение номера газеты с этой статьей вскоре после ее выхода было незаметно, но так, чтобы он все же смог попасть в руки агентуры противника, прекращено. Перепечатка статьи другими газетами также была запрещена. Правдоподобность высказанных в статье замыслов подкреплялась шагами, предпринятыми против газеты. Проведенное мероприятие полностью достигло своей цели.

По этому поводу Й. Геббельс 11 июня 1941 года в своем дневнике записал: «Все должно служить тому, чтобы замаскировать акцию на Востоке. Сейчас следует применять

более сильные средства. Впрочем, сама демаскировка замаскирована так, что никто ничего и не замечает...»⁸² 13 июня он отметил: «Вчера... тема России снова выходит на первый план. «Таймс» публикует статью, в которой выражено максимальное недоверие к нашим утверждениям. Причем все это довольно точно. Но это не так плохо. Мы же, напротив, даем сообщение о том, что нашли хорошую базу для переговоров с Москвой. Это подчеркивается. Моя статья со всеми церемониями передается в «Фёлькишер беобахтер». В ту же ночь происходит конфискация газеты. В этот момент я переживаю тяжелую потерю престижа. Но это себя оправдывает». Затем, через сутки, Геббельс не без самодовольства запишет: «Моя статья... произвела впечатление разорвавшейся бомбы... Внутри страны и за границей одновременно поднимается шумиха. Все удастся безупречно. Я совершенно счастлив этим. Огромная сенсация — налицо. Английские радиостанции уже заявляют, что сосредоточение наших войск против России — блеф, которым мы прикрываем свои приготовления к высадке в Англии. Такова была цель задумки!»⁸³

В последнюю неделю перед нападением на СССР дезинформация достигла наивысшей точки. 18 июня 1941 года Геббельс в своем дневнике записал: «Мы настолько захлестнули мир потоком слухов, что уже и я сам с трудом ориентируюсь. От мира до войны — в этом мире слухов каждый может выбрать то, что ему хочется. Наш новейший трюк: мы планируем созыв большой мировой конференции с участием также и России. Желанная пища для обсуждения мировой общественности. Но некоторые газеты почуяли, что пахнет жареным, и подходят весьма близко к истине»⁸⁴.

В эти же дни печатались 3 миллиона экземпляров листовок с воззванием Гитлера к солдатам немецкой армии, в которой он объяснял им цель похода на Восток. Чтобы их содержание не стало известно раньше времени, типография была оцеплена гестапо. До дня «X» рабочие выйти из нее не могли. Их обеспечивали питанием, койками. Упакованные листовки были переданы вермахту, который под надзором офицеров отправил их на фронт. Там листовки распределили по ротам и распространили в то утро, когда началась агрессия. «Вся эта процедура весьма затруднительна, но только это гарантировало тайну», — отмечал Геббельс⁸⁵.

Легенды и слухи

Дневник Геббельса свидетельствует, что он специально делал ставку на распространение в народе «подлинных легенд» о его налетах в разбомбленные английской авиацией кварталы Берлина.

Министр пропаганды расчетливо полагал, что незачем сообщать об этом в газетах: «Так лучше, здесь срабатывает устная пропаганда». И он же на инструктаже 24 октября 1942 года отдал распоряжение распространить в народе слух о применении немцами «неслыханно эффективного оружия» в Сталинграде⁸⁶.

Через месяц пошли разговоры, что в Сталинграде объявились немецкие танковые огнеметы, способные повергать в море огня дома в шесть этажей и выше, и что там же солдатами вермахта впервые применен автомат со скорострельностью 3000 выстрелов в минуту. При всех этих «точных» деталях речь шла о чистейших измышлениях⁸⁷.

Таким образом, не раз доверительные устные формы общения с огромной изощренностью использовались немецкой пропагандой для распространения легенд и слухов.

«В новостях мы делаем ставку на объективность»

31 января 1940 года Геббельс писал в своем дневнике, что Гитлер хвалил его радиопропаганду за то, что она достигла новых успехов в радиопередачах на зарубежные страны. И подчеркнул: «В новостях мы делаем ставку на объективность. Это действует очень эффективно»⁸⁸.

27 марта 1944 года Геббельс восторженно записал в дневнике: «Мир признал нашу полную победу над средствами информации Англии по уровню объективности в сообщениях о налете на остров Зильт. Наши, а не английские данные подтвердились»⁸⁹.

Дело в том, что после английской бомбардировки острова Зильт Лондон сообщил о больших разрушениях на нем, Берлин отрицал. В подтверждение объективности немецких СМИ Геббельс пригласил на Зильт, небольшой остров у западного побережья полуострова Ютландия, иностранных журналистов. Там они убедились, что разрушений на немецких объектах нет, о чем писали англичане. Пресса Нью-Йорка

признала это. Таким образом, Геббельсу удалось выиграть пропагандистский бой, в итоге которого доверие к английским СМИ было подорвано, а нацисты могли заявлять об объективности своей прессы и радио. И таких случаев Геббельс старался не упускать.

Так, по случаю, когда корабли Великобритании в норвежских территориальных водах атаковали безоружное немецкое судно «Альтмарк», на котором находились английские военнопленные, германскими СМИ был устроен «настоящий адский концерт», — отмечал Геббельс. — Все наши газеты и радио действуют в нужном направлении... Злость в немецком народе неопишима. В Норвегию от нас поехали иностранные журналисты... Нейтральные страны возмущены нападением на «Альтмарк». Капитан «Альтмарка» дал очень удачное интервью. Случай с этим судном стал темой, которая обсуждается во всем мире»⁹⁰.

Упредить противника в информации

По мнению американских исследователей германской радиопропаганды, с 1942 года наибольшим успехом пользовались выступления немецкого радиокомментатора Ганса Фриче⁹¹. Секрет этого успеха американцы видели в том, что Фриче был не столько пропагандистом, сколько контрпропагандистом. Его задача заключалась в первую очередь в том, чтобы лишить пропаганду противника всякой почвы раньше, чем его сообщения успеют достичь немецких радиослушателей через Би-Би-Си и прочие радиостанции противника. Если обычно принципом военной пропаганды является наступательный дух и стремление никогда не ссылаться на сообщения и аргументы врага, потому что таким образом они лишней раз становятся известными радиослушателям, то Фриче предложил совершенно иной метод. Он постоянно цитировал, иногда правильно, иногда тенденциозно, все сообщения радио и прессы противника, пытаясь одновременно апеллировать непосредственно к государственным деятелям враждебной стороны. Этим он создавал у своих слушателей впечатление непрерывной связи с противником.

Все попытки очернить врага имели бы очень малое значение, если бы немецкие радиослушатели не стремились

получить информацию из иностранных источников. Фриче все свои передачи обставлял так, что всякому немцу казалось, будто бы он сам принимает участие в ожесточенном словесном споре, а радиокomentатор — этот «рыцарь без страха и упреков» — борется против злого дракона или заговора закоренелых лжецов. «Никакой другой радиокomentатор не обладал таким талантом запутать слушателя в бесконечной и сложной сети противоречий»⁹².

Р. Зульцман отмечал, что такой способ комментировать привел к тому, что многие немцы были твердо уверены в своей исключительной осведомленности о прессе противника. Более того, у них даже складывалось о ней определенное мнение. Если, например, радио англичан раз за разом передавало сообщения о серьезных разногласиях между германскими вооруженными силами и партией или о попытках восстаний в Германии, то эти утверждения не просто опровергались: в этом случае германское радио передавало выдержки из сообщений противника примерно с таким вступлением: «Полагаясь на политическую зрелость немецкого радиослушателя, мы предоставляем ему самому возможность дать оценку следующим сообщениям». В одной из таких «подборок» (от 16 января 1942 года) содержалось следующее: «Би-Би-Си сообщает, что немецкие генералы хотят взять власть в свои руки. Как передают из Скенектади»⁹³, заговорщики уже имеют на территории Германии тайную радиостанцию, ведущую пропаганду, направленную против Гитлера. Корреспондент агентства Рейтер утверждает, что генералы приступили к формированию правительства. Из Скенектади сообщают, что на Вильгельмсплац⁹⁴ установлены пулеметы и партия борется с вооруженными силами. «Дейли Геральд» поместила обзорную карту с отелями, на крышах которых установлены пулеметы; здесь же приведены имена генералов, которые руководят восстанием. «Дейли Телеграф» сообщает, что немецкие войска отступают к Одру. Би-Би-Си передает, что в одном берлинском кинотеатре произошел бунт. Нью-йоркское радио сообщает о казни 25 тыс. немецких офицеров; по сообщению Би-Би-Си, число казненных составляет 62 человека»⁹⁵.

Отмечается также то, что успех Фриче как радиокomentатора в основном заключался в стремлении создать у слушателя иллюзию, что сообщения противника к нему приходят из первых рук. Этот метод контрпропаганды значительно способствовал тому, чтобы забаррикадировать открытые границы в эфире.

СМИ — непогрешимы и вездесущи

На инструктаже руководителей СМИ в июне 1940 года Геббельс учинил разнос еженедельнику «Ди вохе», который опубликовал фотографию граммпластинки, с которой шли в эфир фанфарные позывные, предваряющие радиосообщения об особо эффектных военных победах. Геббельс потребовал известить прессу, что в случае повторения выпуска подобного материала в печать и эфир или на экран он отправит редактора, виновного в преступном расследовании национальных событий, в концлагерь. Министр пропаганды также пообещал арестовать цензора, который еще раз пропустит подобную публикацию⁹⁶.

Этот разнос был связан с тем, что немецкая пропаганда старалась создать вокруг германских СМИ ореол непогрешимости, вездесущности, мистической потусторонности. Поэтому она не хотела посвящать население в то, как готовится радиопередача, как делается газета и т. п. Одновременно авторитет СМИ поддерживался посредством публикации в них сообщений, которые говорили о неудачах германской армии. Так, например, после катастрофы под Сталинградом населению было сообщено кое-что о ее масштабах. Наблюдатели на Западе предположили, что Геббельс просто рехнулся, сообщая об этом народу. Эти наблюдатели не знали, что Геббельс специально ездил в ставку Гитлера с предложением сказать народу «всю правду» о Сталинграде, но только для того, чтобы в будущем дезинформировать еще беспардоннее.

Извращение понятий, организация фактов

Немецкие СМИ не раз прибегали к тому, что с помощью лексических средств маскировали бесспорные факты. Так, в связи с отступлением немецких войск под Москвой в сообщении гитлеровской ставки от 17 декабря 1941 года вместо слова

«отступление» говорилось «плановое улучшение фронта» и «сокращение фронта»⁹⁷. «Какое-то эквилибристское извращение понятий», — назвал эту особенность гитлеровской пропаганды в своих мемуарах Р. Зульцман⁹⁸.

Также в необходимых случаях нужные факты организовывались. К ним можно отнести, например, поджог рейхстага, инсценировку якобы польского нападения на немецкую радиостанцию в Гливице, с чего началось вторжение в Польшу. Эти факты можно отнести к числу провокационных для оправдания внутри- и внешнеполитических акций. Но были и такие, которые носили чисто пропагандистский характер. Так, однажды немецкие оккупационные власти Краснодара объявили населению города, что несколько тысяч пленных бойцов Красной Армии якобы будут проведены через город и что краснодарцам разрешено оказать им помощь продовольствием.

В связи с этим большое количество жителей. Краснодара вышли навстречу, прихватив с собой подарки и продукты, но вместо советских военнопленных им навстречу были пущены автомашины с немецкими ранеными солдатами, причем тут же была произведена фото- и киносъемка, которая, по замыслу немецких провокаторов, должна была иллюстрировать «встречу», якобы устроенную советскими гражданами немецким солдатам»⁹⁹.

Во время бомбардировок Англии немецкая «черная» радиостанция сообщала англичанам элементарные инструкции по гражданской обороне, но при этом подробности нагнетались таким образом, что заставляли англичан заранее усомниться в важности выдержать воздействие германских бомбардировок. Особенно эффективно использовался метод искажения фактов в пропаганде нацистских достижений.

Пропаганда жестокостей

В годы Второй мировой войны гитлеровцы широко применяли «Greuelpropaganda», т. е. «пропаганду жестокостей», якобы совершавшихся прежде всего советскими солдатами. При этом Геббельс открыто заявлял на своих инструктажах, что здесь допустимы якобы преувеличения и фальсификации. Нормой стало появление фальшивых фотографий засеченных немецких женщин и детей, обезображенных трупов и т. п.

Силу пропаганды ужасов немцы ощутили на себе в годы Первой мировой войны. Поэтому в Германии не было ни одних курсов пропагандистов и агитаторов, на которых не разоблачалась пропаганда противника. Разоблачение приемов вражеской пропаганды было предметом политических занятий в школах, а редакции газет и журналов были буквально завалены этими материалами, отмечает в своих воспоминаниях Р. Зульцман.

В 1920-е годы в германской массовой литературе разоблачались наиболее известные факты лжи пропаганды Антанты и вскрыты их корни.

Особенно долго немцы ощущали результаты пропаганды ужасов. Огромную убедительную силу имели легенды об отрубленных детских руках, которые в самых различных версиях обошли всю мировую прессу. Тысячи граждан со всех концов всего мира заявляли тогда о своей готовности усыновить изувеченных детей, и даже сам Папа Римский обещал выразить протест германскому правительству, если ему будут предъявлены неопровержимые данные. Однако эти случаи не имели официального подтверждения. Также остались недоказанными легенды о «распятии канадца», сообщение о насилиях над монашками, о подвешенных католических священниках, о переработке немцами трупов солдат, своих и чужих, на стеарин и на корм для свиней. Это последнее сообщение вызвало во всем мире бурю негодования, и есть мнение, что оно ускорило вступление Китая в войну на стороне Антанты.

Только в 1925 году эта ложь была наконец разоблачена в статье, появившейся в американской газете «Таймс диспэтч», которая писала по этому поводу: «Из всех ужасных орудий современной войны едва ли не первое место занимает пропаганда, являющаяся важной составной частью военной машины любой нации. Знаменитая история с трупами, которая во время войны довела ненависть народов к Германии до предела, объявлена сейчас английской палатой общин ложью. Несколько месяцев тому назад мир узнал о том, что эта ложь была сфабрикована и распространена одним из ловких офицеров английской разведки»¹⁰⁰.

Во Второй мировой войне нацистская пропаганда в полной мере использовала этот прием для запугивания немецкого населения.

Запугивание противника

Эффективно немецкая пропаганда применяла метод запугивания с целью создания паники. Так, через несколько дней после нападения на Францию Геббельс велел передать через «черную» радиостанцию сообщение на Францию, что в Париже раскрыт план нападения на Бурбонский дворец. Это и другие сообщения немцев о действиях «пятой колонны», запущавшихся по различным каналам, подхватывала и подавала в сенсационном оформлении французская пресса.

Позднее, 8 августа 1940 года, Геббельс распорядился подготовить сообщение для «черной» радиостанции на Англию о том, что под Дюнкерком в руки немцев попало 100 тысяч комплектов английской военной формы. Замысел министра состоял в том, чтобы запугать англичан перспективой немецких парашютных десантов, одетых в английскую форму. 14 августа немецкие «черные» радиостанции сообщили, что в одном из районов Англии выброшены немецкие парашютисты частью в английской форме, частью в штатском и что они укрылись у агентов «пятой колонны». Английские газеты на следующий день сообщили, что парашюты на местности действительно обнаружены, но не видно, чтобы на них спускались, ибо не замечено никаких следов, которые должны были бы оставаться от искавших укрытия парашютистов. 20 августа Геббельс велел официально опровергнуть «английские сообщения» о наличии немецких парашютистов в Англии. В то же время «черные» радиостанции продолжали сообщать о новых десантах, указывая при этом, что уход парашютистов до поры до времени в укрытие обеспечивает «пятая колонна».

Метод опережающих сообщений

Один из излюбленных приемов фашистской пропаганды был «предвосхищение ожидаемых событий посредством еще не подтвердившихся, но возможных и правдоподобных сообщений»¹⁰¹. Однако с этим они не раз попадали впросак. Например, немцы так были уверены в падении Москвы, что 10 октября 1941 года сообщали о падении советской столицы. Также произошло и раньше, в сентябре 1939 года, когда немцы дважды сообщали о потоплении английского авианосца «Арк Ройал», первый раз —

посредством торпеды, другой — посредством авиабомб. Когда от англичан после этого пришло официальное уведомление, что «Арк Ройал» прибыл в Кейптаун, Геббельс обратился на своем очередном инструктаже к представителю немецких ВМС с вопросом, как реагировать на это сообщение. Представитель ВМС ответил: «Мне, к сожалению, нечего сказать по этому поводу, господин имперский министр, ведь «Арк Ройал» потопило министерство пропаганды, а не мы»¹⁰².

Часто немецкая пропаганда использовала метод опережающих сообщений с целью смягчить шоковое воздействие неприятных событий. Так, в связи с отступлением фашистских войск распространялась информация о намерении командования вермахта «выровнять» или «сократить» фронт, а затем появлялись сообщения об отходе германских частей на новые позиции.

Отвлекающие прогнозы

Учитывая, что за германскими СМИ наблюдают за рубежом, немецкая пропаганда прибегала к отвлекающим прогнозам в форме маскировочных статей и сообщений. Например, так было с публикацией статьи самого Геббельса «Крит нам пример», опубликованной 13 июня 1941 года, за девять дней до нападения на СССР, в берлинском выпуске главной газеты национал-социалистов «Фёлькишер беобахтер». В ней в связи с подготовкой нападения на СССР подкреплялась усиленно распространяемая разведкой и пропагандой версия, что массированный десант немецких войск на Крит в мае 1941 года является лишь генеральной репетицией предстоящего в ближайшее время вторжения немцев в Англию. Статья «Крит нам пример» явилась одним из мероприятий по осуществлению дезинформации противника, задуманных по выполнению совершенно секретной «Директивы немецкого командования по дезинформации» от 15 февраля 1941 года¹⁰³. Обычно номер газеты с фальшивым прогнозом конфисковывался, как, например, было с дезинформацией относительно главного удара вермахта на советско-германском фронте летом 1942 года. Предполагается, что конфискация номера издания проводилась с тем, чтобы привлечь к нему внимание иностранных наблюдателей.

Геббельс и Нострадамус

В пропагандистских целях Й. Геббельс решил использовать имя Нострадамуса — известного астролога французского Средневековья, стихи-предсказания которого, как считают их различные толкователи, свидетельствуют о предвидении им многих исторических событий, в том числе революций во Франции и России, мировых войн и т. д. По этому поводу 9 января 1940 года Геббельс писал в своем дневнике: «Мною создан комитет по астрологии и наследию Нострадамуса. Комитет должен дать нужный пропагандистский материал»¹⁰⁴. Вскоре была подготовлена брошюра о Нострадамусе в выгодном для нацистов свете. По этому поводу Геббельс 30 марта 1940 года в своем дневнике отметил: «Был у фюрера. Он опять очень доволен работой министерства пропаганды... Рассказал ему (Гитлеру. — *Авт.*) о брошюре о Нострадамусе. Это его очень интересует»¹⁰⁵. Еще ранее, 16 января 1940 года, Геббельс писал: «В сотрудничестве со специальными службами распространяем во Франции и в нейтральных странах предсказания Нострадамуса»¹⁰⁶.

О самом главном — во второстепенных фразах

Генри Пиккер, личный референт Гитлера, рассказывает, что в июне 1942 года фюрер, учитывая постоянные сообщения английской прессы о создании «второго фронта», поручил имперскому шефу печати, доктору О. Дитриху подготовить для него интервью с каким-нибудь иностранным корреспондентом, основным мотивом которого являлись бы вопросы Восточного похода. При этом Гитлер заметил, что поскольку каждый извлекает из интервью то, что кажется ему самому наиболее важным, при этом надо было бы мимоходом, как бы между прочим, затронуть вопрос о «втором фронте»...

Свои соображения по теме «второй фронт» Гитлер сформулировал таким образом: это интервью должно подействовать на англичан как холодный душ. Поэтому, чтобы не навредить цели данного интервью, он не скажет, что в создание «второго фронта» вообще не верит. Наоборот, выскажется в таком духе, что в силу немецкой военной скрупулезности и основательности надо быть готовыми ко всяким эвентуальным возможностям, в том числе и ко «второму фронту».

Разумеется, по вопросу «второго фронта» Гитлер мог бы высказаться и в публичной речи. Но произносить речи без подходящего для них повода — опасно. Ведь интеллигентные люди и так сразу заметят каждую соринку в глазу и наверняка поймут, что такая речь должна довести до их сведения определенные вещи. Если же такое намерение проявится слишком явно, желаемое воздействие заранее окажется иллюзорным. А если вопрос о «втором фронте» будет включен в интервью о проблемах Восточного похода, самое главное может быть сказано во второстепенных фразах так, чтобы это не бросалось в глаза.

Хвалить то оружие противника, которое слабое

Информационные бюро немецких газет также использовались для целей военной пропаганды. Не было исключения и германское «Международное информационное бюро», которое занималось политической и экономической информацией. Оно, например, помимо других репортажей давало сообщения о танковых боях на различных фронтах Второй мировой войны. В этих информационных сообщениях не раз говорилось об американском танке «Шерман». Немецкими войсками он расценивался как не очень боеспособный, однако германским «Международным информационным бюро» он представлялся как особенно опасное оружие противника и его боевые возможности всячески преувеличивались. Преследовалась одна цель: побудить американское руководство продолжать производство этой слабой машины.

Если замыслил наступать, говори об оборонительных намерениях

В сентябре 1944 года на Западном фронте немецким командованием было принято решение о наступлении в Арденнах. В связи с этим в Германии авторы многочисленных газетных статей стали подробно писать о консолидации большого участка немецкого фронта на «Западном вале» и о непреодолимости Рейна как водной преграды. Чтобы скрыть наступательные замыслы, германские войска начали с достаточной убедительностью демонстрировать оборонительные

намерения на Западном фронте. Таким образом, цель была достигнута: начавшееся в декабре 1944 года наступление немцев в Арденнах явилось для союзников полной неожиданностью. Перемещение и сосредоточение крупных сил они, возможно, заметили, но истолковали эти действия неправильно. Наступление создало опасную обстановку для союзников, и по их просьбе Советская Армия начала мощное наступление с востока.

Отношение к руководству страны

В печати и радио Германии периода Второй мировой войны активно велась пропаганда против руководства государств-противников. Часто она являлась центральной, но не всегда имела успех. Так, например, немецкая пропаганда, направленная против Рузвельта, потерпела полную неудачу, потому что средний американец верил своему президенту независимо от того, соглашался он с отдельными его мероприятиями или нет. Немецкая листовка, изображавшая Рузвельта в виде жнеца, не собирающего, а разбрасывающего колосья, вызвала у солдат союзников исключительно враждебное отношение к немцам и укрепила их боевой дух¹⁰⁷.

То же самое, по признанию Р. Зульцмана, можно сказать и про антигитлеровскую пропаганду союзников, совершенно не пользовавшуюся успехом среди немцев.

В обоих случаях пропаганда велась против таких государственных деятелей, которые пользовались исключительным уважением у своего народа и на которых широчайшие массы народа смотрели по крайней мере как на гарантов успешного завершения войны. «Такие действия органов пропаганды как с нашей стороны, — замечает Р. Зульцман, — так и со стороны противника означали отказ от проверенного практикой основного принципа ведения психологической войны, который еще в Первую мировую войну настолько уважался Антантой, что ее пропаганда никогда не делала резких выпадов против генерал-фельдмаршала Гинденбурга, тогда как кайзер изображался чем-то вроде зверя»¹⁰⁸.

С лета 1944 года по весну 1945-го отдел психологической войны при штабе главнокомандующего экспедиционными войсками союзников в Европе провел письменный анкетный оп-

рос немецких военнопленных с задачей установить, как германские солдаты реагировали на отдельные англо-американские сообщения. Доверие к Гитлеру было отмечено даже у таких военнопленных, которые давно отказались от веры в победу Германии и в силу секретного оружия. Эти солдаты все же думали, что Гитлеру удастся найти какое-либо политическое средство, чтобы смягчить тяжесть поражения.

В большинстве своем они верили в то, что между западными державами и Советским Союзом произойдет разрыв, который должен будет коренным образом изменить политическую и военную ситуацию. Эта вера была обусловлена всем образом мышления немцев, которые не могли себе представить, что «их фюрер» не сможет найти выхода из создавшегося положения и допустит полное поражение Германии и что англичане и американцы смогут отдать в руки СССР всю Центральную Европу¹⁰⁹.

«Мы пишем и говорим для народа»

«Радиопередачи предназначаются у нас для народа, — писал в своем дневнике Геббельс 27 марта 1940 года. — Они должны стать еще популярнее, в них надо постоянно повторять главные лозунги. Мы пишем и говорим для народа, а не для интеллектуалов. Все должно быть совсем примитивно. Народ хочет, чтобы в первую очередь обращались к его чувствам, а не к рассудку. Наши образованные слишком легко об этом забывают. Всегда повторять главное и никогда не снижать интенсивности, именно в этом вся суть пропаганды. Фюреру нравится наша пропаганда. Особенно за то, что направлена [она] на примитивные инстинкты»¹¹⁰.

Нацистские пропагандисты очень хорошо знали свой народ и могли рассчитывать хотя бы на минимальную восприимчивость к идеологической пропаганде, наводнявшей средства массовой информации. Население было поделено на три группы. В первую были отнесены люди, безоговорочно принимавшие все, что им подавалось, они чувствовали себя сильнее, покидая кинотеатр, где смотрели «Еврея Зюсса» или «Папашу Крюгера». Это были люди, по нервам которых пробегал электрический ток, когда они слышали выступления Геббельса 1943 года или видели

плакаты с идеализированным изображением Гитлера над надписью «Адольф Гитлер — это победа».

Во вторую группу вошли, беспартийные или оппортунисты, эдакие «полусочувствовавшие», люди, которые не прочь были и поворчать по поводу урезания скудных пищевых рационов, но исполняли свой долг в войне и плевали на то, кто управлял страной. Наиважнейшей задачей представлялось Геббельсу поддерживать у этой группы людей идею преданности победе.

Третью группу составляли активные и пассивные противники нацистского режима. Эти заботили Геббельса как никто другой, но лишь в виде некой абстракции, ибо пропаганда не имела целью завлечь их в свой лагерь. Речь скорее шла о том, чтобы не подпускать этих «отравителей» до первой и второй категории населения. Гиммлер, а не Геббельс, отвечал за диссидентов — участников коммунистического подполья, тех, кто писал краской надписи на стенах домов и заборах, авторов анонимных злобных посланий к нацистским лидерам и других активистов борьбы против режима¹¹¹.

«Двое делают одно и то же дело, а вещи получаются разные»

Совершенно ясно, что в психологическом воздействии приемы, используемые противником или в союзным государстве, могут иметь противоположный эффект в своей стране. Об этом свидетельствуют психологические ошибки периода Второй мировой войны. Так, по замечанию Р. Зульцмана, когда германская пропаганда против Англии проводилась наиболее интенсивно, Министерство пропаганды стало издавать серии фотоснимков, рассказывающих о жизни английского народа, которые по идее должны были заклеить глубокие социальные противоречия в этой стране. Поэтому рядом со снимком, изображавшим молодых принцесс верхом на пони в Гайд-парке, помещалась фотография беспризорных детей из лондонских трущоб, а рядом с лордами, выезжающими верхом со сворой собак на охоту, красовались снимки изможденных рабочих Уэльса. Сомнительность пропагандистского успеха подобных фотосерий стала вскоре совершенно очевидной, потому что немецкий читатель увидел в этом

в первую очередь не социальное неравенство, а свидетельство того, что в Англии, несмотря на войну, люди продолжают жить беззаботно и красиво. Не достигали своей цели и радиопередачи на коротких волнах, которые, используя эти же темы социального неравенства, должны были сеять недовольство в стране противника, потому что фотоснимки, иллюстрирующие жизнь высшего общества, можно было увидеть и в самой английской прессе, из которой они, собственно, и брались германским Министерством пропаганды. Это объяснялось тем, что средний англичанин не видел в жизни высших слоев своего народа никакой несправедливости в отношении себя самого, наоборот, он находил в ней скорее незыблемость существования государства и стабильность политической обстановки, что не могло не действовать на него самым успокаивающим образом.

Раздраженный этой неудачей, Геббельс сделал предложение немецкой прессе описывать частную жизнь отдельных выдающихся деятелей Германии, подобно тому, как это делали сами англичане. Он даже дал согласие сфотографировать для этих целей своих собственных дочерей катающимися на пони в парке Шваненвердер. Фотоснимки были сделаны, но подобная «пропаганда» дала результаты совершенно противоположные тем, которых все ожидали, и поэтому практика фотографирования «знаменитых» личностей была немедленно прекращена. Р. Зульцман по этому поводу в мемуарах заметил, что к пропаганде больше, чем к какой-либо другой области, подходит общеизвестная пословица: «Двое делают одно и то же, а вещи у них получаются разные»¹¹².

Формирование образа врага

Перед нападением на СССР большая часть немецкого населения была убеждена, что Советский Союз является особым противником Германии. Несмотря на все предубеждения и войны с французами в прошлом, Франции не было отказано в ранге великой европейской культурной нации. Иначе представлялся образ Советского Союза: по традиции, восходящей еще к Семилетней войне 1756—1763 годов, казак с кнутом был угрожающим образом, всегда легко воспринимаемым в Германии. Так, вскоре после

мартовской революции в Германии 1848 года в связи с обеспокоенностью по поводу возможного вторжения русских для поддержания старых монархий была выпущена листовка, в которой говорилось: «Русские уже здесь! Смерть русским! [...] Помните ли вы со времен освободительных войн наших друзей? Спросите своих отцов, дядей, тетюшек, бабушек и дедушек, как великолепно эти наши друзья умели воровать и грабить, мародерствовать и угонять. Помните ли вы еще казаков на низких лошадях с высокими седлами, увешанных котелками, чайниками, сковородками, утварью из серебра и золота? Всюду, где они побывали, они оставляли за собой разрушение, вонь и насекомых. И эти казаки, башкиры, калмыки, татары и т. д. десятками тысяч горят скотским желанием вновь разграбить Германию и нашу едва рожденную свободу, нашу культуру, наше благосостояние, уничтожить, опустошить наши поля и кладовые, убить наших братьев, обесчестить наших матерей и сестер и с помощью тайной полиции и кнута уничтожить любой след свободы, человечности и честности. [...]

Сокровищница Германии приманивает русские орды, подстрекаемые религиозным фанатизмом. Так называемые «офицеры-болтуны» из Петербурга проповедуют во всех частях солдатских орд якобы ниспосланный Господом «панславизм» (славяно-русское иго над другими народами) и провозглашают явление «батюшки» (императора), который поведет их на Германию во исполнение Божьей волей и для наказания врагов Божьих и порядка»¹¹³.

Эта и другие листовки были выпущены несмотря на то, что русская сторона не имела никаких намерений совершать нападение на Германию. Тема русской угрозы тогда использовалась и в пропаганде революционного противостояния. Одна из карикатур изображала немца Михеля на рождественском базаре, перед ним св. Николай в одежде казака и грозящий кнутом его холоп Рупрехт. Они символизировали царя Николая I и русскую орду: изображенный в листовке кнут, цепи и сабля — символы русского гнета.

В 1863—1864 годах подавление русскими войсками польского восстания хотя официально и одобрялось прусским правительством, но в печати общественность крити-

ковала его и давала повод закрепить среди немцев мнение о жестокости русских. Немецкий писатель В. Хен, уроженец прибалтийских губерний русской империи, в страхе перед русской угрозой в 1867 году писал: «Казакки придут на своих лошадях с плетками и пиками и все затопчут. У них нет никаких потребностей, они мастера разрушений, ведь у них нет сердца, и они бесчувственны. И вместо убитых сотен тысяч придут другие сотни тысяч, ведь они как саранча. И опять может предстоять решающая битва при Халене, об исходе которой никто не знает. Все это уже было. Монголы, пришедшие из глубины Востока, застряли в Силезии, славяне запросто могут остановиться лишь у Атлантического океана. Пока их уничтожает только алкоголь, который в данных обстоятельствах может стать благодетелем для человечества».

Дневник Хена был издан в 1892 году профессором русской истории Теодором Шиманном как предостережение немецкой общественности. Шиманн, который тоже был прибалтийским немцем, являлся консультантом генерального штаба и императора Вильгельма II. Тогда же, в 1892 году, еще один немец-прибалтиец, генерал Фридрих фон Бернарди анонимно издал брошюру «*Videant consules...*» с политическими требованиями о завоевании русских прибалтийских губерний. Необходимость этого он обосновывал тем, что немцам нужно иметь более обширное побережье, с большим населением для дальнейшего расширения военного и торгового флота. «Только в борьбе в Россией мы можем достичь желаемого. Все обстоятельства подталкивают нас к неизбежному конфликту. [...] Грядущая историческая эпоха пройдет под знаком борьбы германского духа с панславизмом. Русские являются нашими национальными врагами, о чем мы уже говорили выше. Они грубо подавляют все немецкое. Антирусская позиция не является следствием сиюминутного политического положения. Напротив, сегодняшняя политическая ситуация, как сказано выше, подводит нас непосредственно к войне, которая станет необходимым выражением состояния, имеющего глубокие корни»¹¹⁴.

Представление о том, что с великой империей на Востоке не может быть ничего общего, усиливалось и расхожей формулой об «азиатском» (или, по крайней мере, «полуазиатском»)

характере России. Для широких слоев населения отсталость России от Западной Европы представлялась результатом примитивности народов царской империи и их неспособности к восприятию культуры. Вот как, например, характеризовались русские в школьном учебнике 1908 года: «Русские — это полуазиатские племена. Их дух не является самостоятельным, чувства справедливости и реальности заменены слепой верой, им не хватает страсти к исследованиям. Раболепие, продажность и нечистоплотность — это чисто азиатские черты характера»¹¹⁵. А в германском пропагандистском издании времен Первой мировой войны, 1916 года, говорилось: «В русском характере мы находим контраст между меланхолией, чисто славянским благодушием и жестокими кровожадными инстинктами азиатских кочевников. Чтобы понять это противоречие в русском характере, необходимо обратиться к историческому развитию русских. Русский характер обусловлен в своей основе влиянием татарского ига, деспотической формой правления в России и, в первую очередь, крепостным правом. Эти три момента в национальной жизни русских в течение веков оказали чрезвычайно отрицательное влияние на их характер»¹¹⁶. В 1925 году в школьном учебнике Веймарской республики подчеркивалось: «Русский дух как таковой, видимо, не приспособлен к творческой созидательной деятельности; почти всем, что создано Россией во внешних и внутренних делах, она обязана немцам, состоявшим на русской службе, или прибалтийским немцам»¹¹⁷ <>.

В ряде немецких публикаций первых двух десятилетий XX века указывалось на значение России для Германии как «колониальной страны» с большими запасами сырья. Прибалтийские губернии (с их небольшой немецкой прослойкой), а также Украина рассматривались как потенциальные колонии. В 1918 году, когда Польша, прибалтийские губернии, Украина и Грузия были оккупированы немецкими войсками, показалось, что сбывается задуманное. Директор дисконтного банка Самондзона писал: «Россия, находясь, с одной стороны, в крайне истощенном состоянии и, с другой, имея неограниченные возможности промышленного развития, способна удовлетворить потребности Германии в любом сырье. Она является колониальной страной у ворот Германии и на многие десятилетия может полностью обеспечить

небывалый расцвет нашей промышленности и торговли. Открыть эту колониальную страну для Германии — главная заповедь сегодняшнего дня»¹¹⁸.

Октябрьская революция 1917 года была благожелательно воспринята немецким политическим руководством по военным и внешнеполитическим соображениям, но революция в Германии 1918—1919 годов изменила это отношение. Даже после ее поражения опасность большевизма представлялась по-прежнему огромной. Угроза большевистской «мировой революции» переплелась с ужасами нашествия «азиатских орд». Барон Матноффель-Катуданген, в свое время эмигрировавший из Латвии и впоследствии оказавший сильное влияние на представление Гитлера и его партии о России, писал в 1926 году:

«Еврейский комиссар безраздельно управляет в своем районе жизнью и смертью, как когда-то татарский хан. Ленин сам был татарин и во многом напоминал великих монгольских завоевателей, таких, как Чингис-хан или Тамерлан. [...]

Большевики уничтожают памятники культуры, музеи, архивы, литературные произведения всех видов. В них живет ненависть к нашей западноевропейской арийско-германской культуре, что отразилось в физическом истреблении образованного слоя русского общества. [...]

Под этим углом зрения весь большевизм представляется новым монгольским нашествием, возвращением к монгольским набегам, которые однажды уже потрясли арийскую расу и арийско-германскую культуру, угрожая полным уничтожением. [...]

Но германский народ собственными силами справился с монгольской опасностью. Делать ставку на силу германского народа мы должны и сегодня. В его руках — исход этой борьбы, его собственная судьба и судьба Европы, судьба арийской расы и всей культуры, и если враг разобьет нас, то остальные народы Европы не смогут противостоять ему. Если мы победим, то после этого начнется неизбежное продвижение на Восток, жизненно важное для немцев»¹¹⁹.

В 1929—1932 годах идеологическое противостояние на практике было релятивировано политическим, экономическим и военным сотрудничеством между Германией и СССР. Но в это время, если не принимать во внимание идеализированные

представления немецких коммунистов и их сторонников, а также симпатии некоторой части интеллигенции, для большинства германского населения СССР оставался врагом № 1, представляющим опасность государству и обществу, религии и культуре, семье и молодежи. В разворачивающемся в этот период национал-социалистическом движении антирусский и антисоветский образ врага получил дополнительное радикальное обострение. Это произошло на основе традиционных антироссийских и антисемитских представлений. Старые и новые клише накладывались на бредовую антисемитскую идею о «еврейском всемирном заговоре». Центральным пунктом национал-социалистического образа врага стал стереотип «еврейского большевизма», который победил в России в 1917 году, угрожал Германии в ноябре 1918 года и теперь якобы стремится к господству над всем миром. В 1927 году Адольф Гитлер в «Майн кампф» писал: «В русском большевизме мы должны видеть предпринятую в двадцатом столетии попытку евреев завоевать мировое господство. [...] Германия является сегодня ближайшей крупной целью большевизма»¹²⁰.

Книгу «Майн кампф» Гитлер посвятил Дитриху Эккарту (1868—1923), журналисту и писателю с незаконченным медицинским образованием, автору антисемитских и антима르크систских трудов. Он был влиятельным наставником Гитлера, являлся одним из трех главных «отцов» национал-социалистического движения. В своей статье «Немецкий и еврейский большевизм», опубликованной в 1919 году в журнале «Начистоту по-немецки», Эккарт писал: «Весь ряд от Маркса и Энгельса до Каутского и «практиков» Толлера, Мюзамы, Водлера, Левина (называю лишь некоторых), — все без исключения являются евреями, т. е. плотским воплощением жадности к деньгам, чистым олицетворением идеи обогащения и ничем более»¹²¹. В 1920 году Эккарт способствовал приобретению газеты «Фёлькишер беобахтер», которая стала центральным органом НСДАП, а он ее первым редактором.

Существенное участие в развитии враждебного представления о России и идеи «еврейского большевизма» внесли прибалтийские немцы Альфред Розенберг и Макс Шойбнер-Рихтер, которые с начала 1920-х годов жили в Мюнхене. Под их влиянием в период становления НСДАП стали модными выражения «еврейский большевизм» и «советская Иудея».

Розенберг в 1924 году в журнале «Мировая борьба» писал: «В течение 1918 года все более или менее зрячие увидели, как спала маска большевистского сфинкса, и выяснилось, что большевизм не был и не является борьбой за социальную идею. Это политическая борьба евреев всех стран против национальной интеллигенции всех народов, чтобы с помощью натравленных против нее низших слоев народа уничтожить ее и на ее место поставить евреев или зависимые от них создания»¹²².

А. Розенберг (1883—1946) тесно сотрудничал с Гитлером. Он родился в Ревеле, изучал архитектуру в Риге и Москве, в 1918 году бежал в Германию, с 1919-го — член Немецкой рабочей партии (с 1920 года — НСДАП). С 1921 года — редактор, с 1923-го — главный редактор, с 1937-го — издатель газеты «Фёлькишер беобахтер», а также автор и издатель других национал-социалистических периодических изданий. В 1929 году основал «Союз борьбы за немецкую культуру». Претендовал, но безуспешно, на роль главного идеолога НСДАП. Основной его труд — «Миф 20 века» был издан в 1930 году. В 1933 году Розенберг возглавлял в НСДАП работу по внешнеполитическим вопросам, а с 1934 года — «уполномоченный фюрера по надзору над общим мировоззренческим и духовным обучением и воспитанием НСДАП». 17 июля 1941 года назначен рейхсминистром оккупированных восточных областей. На Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни¹²³.

В 1933 году с приходом НСДАП к власти антисоветская пропаганда усилилась. Ее главной темой стала программа захвата «жизненного пространства», требование расширения немецких земель на Восток. Исходя из этой точки зрения, война против Советского Союза рассматривалась как неизбежная и политически оправданная. Предрекаемый национал-социалистами скорый распад СССР — «этого глиняного колосса», использовался для оправдания немецких притязаний.

Информация о Советском Союзе теперь централизована и поставлялась Министерством народного просвещения и пропаганды, которое в 1933 году возглавил Йозеф Геббельс, ранее, в 1927 году, издававший газету НСДАП «Дер Анг-риф» и с 1930 года — руководитель пропаганды национал-

социалистов, в студенчестве изучавший философию и филологию, с 1921-го — доктор философии. Геббельс до 1935 года официально пользовался услугами прежде всего «Союза немецких антикоммунистических объединений» («Антикоминтерн»), которым руководил Адольф Эрт (родился в Саратове, доктор философии, автор ряда антибольшевистских книг и брошюр, доцент высшей политической школы в Берлине). Ряд исследователей доказывают, что на самом деле «Антикоминтерн» оказался союзом замаскированных отделов Министерства Геббельса¹²⁴. Сообщения в печати и по радио тщательно контролировались министерством пропаганды. Антисоветские фильмы и выставки сопровождались пропагандистской шумихой. Информация, которая могла бы изменить созданное ранее стереотипное представление о Советском Союзе, систематически замалчивалась.

Во всех крупных внешнеполитических событиях немецкой пропагандой использовался антибольшевистский аргумент. Так, например, было в судетском кризисе. Доктор Э. Тауберт (1907—1976), руководивший референтивным отделом Министерства II-4 (антимарксистская и антисоветская пропаганда) народного просвещения и пропаганды, писал в отчете об этом: «Был разработан материал, из которого вытекало, что Чехословакия является «плацдармом большевизма в Центральной Европе». Это нашло отражение в изданной Антикоминтерном книге «Предательство Европы», о которой на приеме журналистов говорили венгерский и польский ораторы, давая понять, что все соседи Чехословакии чувствуют угрозу со стороны вклинившегося в Европу смертельного агента большевизма. Книга была издана одновременно на французском и английском языках и в те критические недели разослана ведущим политикам всего мира»¹²⁵.

Во время конфликта в Испании тоже всплыл антибольшевистский аргумент. Через Португалию к Франко был послан очень ловкий агент, который служил в качестве первого советника по пропаганде. Через него Франко дали понять, что его политическая аргументация должна основываться на антибольшевистской точке зрения и что его программа должна иметь социальную окраску¹²⁶.

Развитие немецкой пропаганды как оружия вермахта проходило в тесном взаимодействии с практикой войск. Так, на

крупных маневрах вермахта осенью 1936 года доктор Э. Тауберт руководил пропагандистской ротой «Голубой группы сухопутных войск». Таким образом отрабатывались приемы информационного воздействия на противника в боевых условиях. О том, против кого учились работать военные пропагандисты, видно из того, что руководивший ими Тауберт отвечал в министерстве Геббельса за антимарксистскую и антисоветскую пропаганду.

В инструкции имперского Министерства пропаганды от 31 марта 1937 года говорилось: «Борьба против мирового большевизма — генеральная линия немецкой политики. Его разоблачение — главная задача национал-социалистической пропаганды. [...] Задача пропаганды состоит в том, чтобы показать немецкому народу, что большевизм его смертельный враг, и доказать миру, что он враг всех народов и наций и тем самым мировой враг»¹²⁷.

Период временного сотрудничества Германии с Советским Союзом привел к заметному ограничению антисоветской пропаганды. По этой причине СМИ не использовались для непосредственной подготовки к нападению на Советский Союз — частично это делалось и для дезинформации советской стороны о своих намерениях начать войну против СССР. «Сотрудничество с Россией было собственным пятном на нашей чести, — запишет 16 июня 1941 года в дневнике министр пропаганды Й. Геббельс. — Ныне оно будет смыто» [...]»¹²⁸.

О характере предстоящей войны и противнике четко и лаконично сказано в инструкции по разведыванию и боевым действиям по плану «Барбаросса».

«Война против России — один из важнейших этапов борьбы за существование немецкого народа. Это древняя битва германцев против славянства, защита европейской культуры от московитско-азиатского нашествия, оборона против еврейского большевизма. Цель этой войны — разгром сегодняшней России, поэтому она должна вестись с небывалой жестокостью. Каждая боевая операция и в планировании, и в ее проведении должна осуществляться с непреклонной волей к беспощадному тотальному истреблению противника. В особенности никакой пощады по отношению к представителям русско-большевистской системы»¹²⁹.

Позднее это дополнялось другими приказами немецкого командования на Восточном фронте. Вот, например, выдержки из приказа командующего 17-й армией генерал-полковника Г. Хота от 17 ноября 1941 года:

«[...] Здесь, на Востоке, борются друг против друга два внутренне непреодолимых воззрения: германское чувство чести и расы, многовековое немецкое воинство против азиатского типа мышления и примитивных инстинктов, подогреваемых небольшим числом в основном еврейских интеллигентов: страх перед кнутом, пренебрежение нравственными ценностями, уравнивание по низшим, пренебрежение своей не представляющей ценности жизнью.

Сильнее, чем когда-либо, мы верим в исторический поворот, когда к немецкому народу в силу превосходства его расы и его успехов перейдет управление Европой. Яснее сознаем мы наше призвание спасти европейскую культуру от азиатского варварства. Теперь мы знаем, что нам предстоит бороться с озлобленным и упорным врагом. Эта борьба может закончиться только уничтожением той или другой стороны; никакого соглашения быть не может».

[...] Русская масса уже в течение двух веков парализует Европу. Необходимость принимать во внимание Россию и страх перед ее возможным нападением постоянно довели в политических отношениях в Европе и тормозили мирное развитие. Россия — не европейское, а азиатское государство. Каждый шаг в глубь этой унылой, закабаленной страны позволяет видеть эту разницу. От этого давления и от разрушающих сил большевизма следует навсегда освободить Европу и особенно Германию.

Для этого мы боремся и трудимся.

Командующий Хот (подпись).

Направить в следующие части: полки и отдельные батальоны, включая строительные и служебные подразделения»¹³⁰.

До периода открытых враждебных действий против Советского Союза, начавшихся 22 июня 1941 года, немецкий народ, за небольшим исключением, узнавал о его социальной и хозяйственной структурах и культурной жизни только из подведомственных ведомству Геббельса СМИ, кино, пропагандистских выступлений и прошедшей цензуру литературы. «Подавляющее большинство немцев поэтому видело

в Советском Союзе бесчеловечную и бездушную систему подавления и представляло народ Советского Союза как полуголодную и тупую массу, — отмечалось 15 апреля 1943 года в служебном циркуляре СД «Сообщения из рейха» об образе русского населения. — Тысячи привезенных с Востока рабочих и военнопленных воспринимаются нашим населением как живые свидетели большевистской системы, на которых можно проверить существовавший до сих пор образ России и порожденные пропагандой представления о советском человеке. Судя по многочисленным сообщениям, мнения различных слоев населения по этому поводу раскололись, и трещина все более расширяется и углубляется»¹³¹.

Несмотря на то, говорилось в служебном циркуляре СД, что пропаганда постоянно указывает, что большевизм выкорчевывает религию и нетерпим к Церкви и религиозным знаниям, в потоке остарбайтеров из бывших районов Советского Союза в рейх оказалось много людей, носящих нательные крестики, изображения Мадонны и иконы. Это особенно бросается в глаза в католических районах рейха.

Далее «Сообщения из рейха» указывали на то, что одной из основных тем в пропагандистском изображении большевизма является искоренение русской интеллигенции и оболванивание масс. «В немецкой пропаганде советский человек представлялся неким тупым эксплуатируемым существом, так сказать, «рабочим роботом». Немецкие рабочие, однако, теперь имеют возможность часто убеждаться в обратном, т. е. в его способностях. В многочисленных сообщениях говорится, что рабочие с Востока, которые попали в военную промышленность, часто поражают немцев своей технической сообразительностью»¹³².

До сих пор в широких слоях немецкого населения считалось, сообщалось в служебном циркуляре СД, что для советских людей характерен низкий уровень образования и высокий процент неграмотности. С появлением остарбайтеров открылись неожиданные противоречия, которые часто сбивают немецких рабочих с толку. Во всех донесениях единодушно отмечается, что процент неграмотных очень низок. [...] Подобные примеры подтверждают это: «По мнению многих фолькгеноссе, современная советская система образования значительно лучше, чем при царизме. Сравнение знаний

немецких и русских сельских рабочих показывает, что русские образованнее» (Штеттин).

«Особое удивление вызвало распространенное знание немецкого языка, который преподается даже в деревенских средних школах» (Франкфурт-на-Одере) [...] ¹³³.

В немецкой пропаганде много говорилось о том, что большевистская система разрушила семью как ячейку общества. По этому поводу в обзоре СД говорилось, что представленные сообщения утверждают, что именно у остарбайтеров ярко выражены чувство семьи и высокая нравственность поведения. [...]

Особенно значительная роль в немецкой пропаганде отведена ГПУ. Ссылки в Сибирь и расстрелы в значительной мере определяли представления немецкого населения. Поэтому в кругах начальства и рабочих были поражены тем, что остарбайтеры не знают телесных наказаний.»

Из-за этих выводов, как указывается в «Сообщениях из рейха», значительно меняется представление о Советском Союзе и его людях. Сталкиваясь с противоречиями такого рода, немцы начинают задумываться. Там, где антибольшевистская пропаганда работает старыми методами и знакомыми аргументами, она не находит доверия и интереса, как это было до и в начале войны с Советским Союзом. Желательно давать как можно более конкретную картину русской повседневной жизни. Некоторые здравомыслящие немцы высказывают мнение, что остарбайтеры являются не вполне типичными представителями советского общества, поскольку, например, в религиозном отношении они ведут себя более свободно, чем это было возможно под давлением советского режима. «Но контакты с людьми, попавшими в рейх, недостаточны для того, чтобы изменить существовавший до сих пор образ России, не говоря уже о том, что многие не дают себе труда поразмышлять об этом».

Издатели «Сообщений из рейха» никак не симпатизировали СССР. Это издание предназначалось для узкого круга лиц верхнего эшелона власти Германии, и ответственным за эти отчеты СД был Отто Олендорф (1907—1951), начальник ведомства 3 (немецкие жизненно важные области), специалист в области права и экономики, бывший референт по экономике при СД, приговоренный на Нюрнбергском процессе к смертной казни.

Этапы германской пропаганды во Второй мировой войне

Тактика германской пропаганды во Второй мировой войне изменялась, замечает Рудольф Зульцман, в соответствии с ходом боевых действий и разделялась на три основных этапа:

- пропаганда военных успехов;
- пропаганда путем критического анализа своих ошибок;
- пропаганда путем внушения страха поражения.

По времени первый этап охватывает начальный период Второй мировой войны до поражения германской армии под Москвой (с сентября 1939-го по декабрь 1941 года).

На этом этапе немецкая пропаганда питалась победами на фронтах и видела свою задачу разъяснить немецкому народу необходимость и справедливость этой войны и доказать ее превентивный характер.

Оценки этого периода у исследователей противоречивы, так как высокий моральный дух в период частых побед является слабым доказательством эффективности психологического воздействия. Многие критикуют расистские лозунги германских газет. Радио и кино в дни побед твердили: «Любыми средствами завоевать весь мир, создать великую германскую империю, тысячелетний рейх»; «Вытеснить и истребить славянские народы», «Убить каждого, кто против нас»; «Уничтожай в себе жалость и совесть, убивая всякого русского, советского, этим ты прославишься навеки»; «Сотрем с лица земли Москву и Ленинград. Уничтожим русскую нацию». Использование расистских лозунгов, по их мнению, явилось одной из грубейших ошибок немецкой пропаганды.

Значительное внимание в этот период уделялось пропаганде военных успехов вермахта. Когда немецкая армия осенью 1941 года испытывала ожесточенное сопротивление советских войск под Москвой, немецкое командование обращалось со словами: «Солдаты! Перед вами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами. Вы прошли по улицам лучших городов. Осталась Москва. Заставьте ее склониться. Покажите ей силу вашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва — это конец войны. Москва — это отдых. Вперед!» Таким образом, в ход было пущено все: и тщеславие — «все столицы склонились перед вами»,

и близость цели — «перед вами Москва», и посулы пограбить — «пройдите по ее площадям», но главное: «Москва — это конец войны».

Верховное командование немецких вооруженных сил в июне 1941 года разослало подписанные начальником штаба оперативного руководства вооруженных сил Германии А. Йодлем Указания по применению пропаганды по варианту «Барбаросса», в которых говорилось: «Применение всех средств активной пропаганды в борьбе против Красной Армии обещает больший успех, нежели в борьбе со всеми прежними противниками немецких вооруженных сил. Поэтому имеет-ся намерение применять ее в больших масштабах»¹³⁴.

На оккупированной советской территории немецкая пропаганда стремилась согласовывать свои усилия с развитием событий на фронтах, приспособиться к меняющейся обстановке. Так, вначале, надеясь на успех «молниеносной войны», ставились задачи вести так называемую «угрожающую пропаганду», с тем чтобы путем запугивания сломить у населения оккупированных областей волю к победе. Но по мере того, как война принимала затяжной характер, немецкие руководители, осознав, что лишь запугиванием многого не добьешься, предприняли попытки склонить население к сотрудничеству.

Уже к концу 1941-го призывы к населению о сотрудничестве стали занимать одно из центральных мест в системе его информационно-психологической обработки. В одной из инструкций говорилось: «Для быстрого усмирения завоеванных областей необходимо завоевать доверие населения. Относиться к русскому населению как к бесправному и бесчестному неправильно и не соответствует нашим интересам... Немцы должны показать себя высококультурной нацией, господство которой является для русского народа освобождением от большевистского ига»¹³⁵.

Нацистская пропаганда в оккупированных советских областях расхваливала порядки в Германии, осуждая все советское, убеждала население в том, что немецкая армия пришла сюда не как завоеватель, а как «освободитель», что в войне повинны большевики и плутократы Англии и США.

22 апреля 1942 года Геббельс писал в дневнике: «Мы слишком больно ударили по русским, особенно по украинцам,

круто поступая с ними. Затрещина не всегда является убедительным доводом, и это относится как к украинцам, так и к русским».

22 мая 1942 года он вновь возвращается к этой теме и развивает ее: «Лично я думаю, что мы должны изменить нашу политику, особенно по отношению к народам Востока. Нам бы удалось значительно уменьшить опасность со стороны партизан, если бы мы сумели завоевать в какой-то мере доверие народа. В этом отношении могла бы совершить чудеса ясная политика по отношению к крестьянам и церкви. Может быть, было бы полезно организовать в различных районах марионеточные правительства, чтобы переложить на них ответственность за неприятные и непопулярные мероприятия»¹³⁶.

Фашистская пропаганда дифференцировала свои усилия в зависимости от социального положения и возрастного состава населения. Особое внимание уделялось идеологической обработке молодежи с надеждой внедрить в ее сознание фашистскую идеологию, сделать ее послушным орудием в своих руках.

Основные направления немецкой пропаганды на оккупированной территории:

- подорвать у граждан страны доверие к руководителям государства и правящей партии;
- оправданность нападения Германии на СССР, немецкие вооруженные силы вступили в пределы страны как «друзья» советского народа, вермахт ведет войну «справедливую»;
- распространение мифа о «национальной революции» в Германии, создавшей «народное государство»;
- доказать, что в СССР нет подлинного социализма;
- утверждение, что войну спровоцировали большевики;
- изображение войны как борьбы против англо-американского империализма и большевизма с целью «уничтожения колониально-капиталистической системы», спутником которой «является большевизм» и утверждение в Европе «нового порядка»;
- указание на то, что Германия является врагом большевизма, а не народа;
- уверения, что вермахт борется с большевизмом не один, а плечом к плечу с «русской освободительной армией»;

— в антипартизанской пропаганде преследовалась цель разложить изнутри партизанское движение, скомпрометировать партизан в глазах населения, лишить их всенародной поддержки.

Особенно тщательно закамуфлированной и поэтому весьма опасной была немецкая информационная акция на отвлечение от активной боевой деятельности, призывающая к выжидательной тактике и деятельности крупными соединениями, а не мелкими отрядами. Для этого от имени командования партизан выпускались листовки с призывом готовить силы для решающего удара, ждать приказа, чтобы одновременно выступить во всех районах области, ждать такого приказа, не проявляя вредной поспешности¹³⁷. Также были листовки от выдуманного «командующего армией прорыва», с призывом создавать вместо мелких отрядов крупные и не заниматься пока боевыми действиями, а затаиться и выжидать приказа о решительном наступлении¹³⁸. Антипартизанская тема была разнообразна по формам и методам ее ведения и широко развернута.

Второй этап начался с января 1942 года и продолжался до лета 1944-го. Он считается рядом исследователей наиболее интересным с точки зрения тактики. К этому периоду относятся «споры» Г. Фриче с пропагандой противника, а также еженедельная публикация передовиц Геббельса в газетах «Дас Рейх». По мнению Р. Зульцмана и американских исследователей, эти статьи представляли нечто новое в пропаганде.

Публикации Геббельса создавали впечатление, будто правительство совершенно открыто и непринужденно беседует с каждым немецким гражданином о самых щекотливых вопросах политической и военной обстановки и разрешает ему иметь в этом вопросе собственное мнение.

В своих выступлениях министр пропаганды использовал и известные ему сообщения пропаганды противника, успевшие проникнуть в народ. Он анализировал всяческие распространяемые в народе слухи и в определенных случаях позволял себе намеренно сгущать краски.

Стиль и тон правительственных передовиц существенно отличались от стиля и тона прочих выступлений прессы и обзоров радиокомментаторов, которые «создавали общественное

мнение». Если в первых своих статьях осенью 1941 года Геббельс обращался к представителям высших слоев немецкого населения, которые относились к примитивной пропаганде, разумеется, более критически, то с течением времени он стал приспосабливать содержание своих статей к интересам более широких слоев народных масс.

Широкой гласности статей Геббельса способствовала регулярная передача их по радио. Также текст одного из его первых выступлений распространялся среди населения в виде приложения к продовольственным карточкам¹³⁹.

В этот же период началась демонстрация уже давно подготовленного, но не выпускавшегося на экраны фильма «Фридрикус». Фильм должен был показать, как Фридрих Великий, несмотря на все неблагоприятно для него сложившиеся обстоятельства, упорством и настойчивостью добился победы, которая долгое время казалась невозможной. Кадры, на которых король был изображен в дырявых ботинках, долго не сходили со страниц прессы. С этого времени фронтовые репортажи, по мнению Р. Зульцмана, становятся еще более реалистичными, а еженедельное обозрение впервые помещает фотографии убитых немецких солдат.

Пропаганда путем критического анализа своих действий была рассчитана ее руководителями на то, чтобы убедить народ в необходимости войны, заставить его внутренне ожесточиться и сделать его невосприимчивым к неудачам на фронте.

Третий этап — пропаганда путем внушения страха — был вызван предчувствием близкого поражения Германии. Он начинается с вторжения союзников в Европу летом 1944 года и продолжается до конца войны — весны 1945 года. На этом этапе немецкая пропаганда пыталась мобилизовать для сопротивления противнику последние силы народа, внушая ему страх и ужас поражения.

Возможности в этом отношении были огромны. Обширный материал для пропаганды ужасов поражения давали безжалостные бомбардировки противником германских городов. Большое количество аргументов представляли Министерству пропаганды и сама политика западных держав и ставшие известными послевоенные планы. В этой атмосфере появилась и получила большое распространение поговорка: «Радуйтесь войне, ибо мир будет страшным». Исследователи

предполагают, что ее придумал сам Геббельс. Также отмечается, что именно в этот момент многие немцы открыто или тайно поверили в существование у Германии какого-то чудодейственного оружия.

На последнем этапе у немецкой пропаганды появился еще один лозунг: «Победа или Сибирь!» Он возник так. Когда в рядах немецких солдат окончательно сложилось убеждение, что война скоро закончится, американцы из опроса пленных заключили, что многие немецкие войска воюют так ожесточенно только потому, что не хотят быть отправленными в качестве пленных в Америку, опасаясь, что из-за океана им будет труднее вернуться на родину. Это заставило американцев быстро уничтожить сотни тысяч пропагандистских листовок, изображавших немецких пленных на пути в Америку, и заменить их новыми листовками, в которых объявлялось, что пленные немцы отныне не поедут в Америку, а будут содержаться в лагерях на территории Западной Франции. Немецкая пропаганда немедленно опубликовала эту листовку как «доказательство» того, что теперь всех немецких пленных будут передавать русским и угонять в Сибирь.

Р. Зульцман отмечает, что несмотря на то, что Геббельс пустил в ход все средства пропаганды с целью доказать стремление противника уничтожить немецкий народ, он не решился опубликовать полученную в Берлине летом 1944 года карту предполагаемого раздела Германии. Эта карта была перепечатана из одной турецкой газеты, она иллюстрировала первый проект разделения Германии на три зоны. Согласно этому проекту, Берлин, разделенный на три сектора, должен был находиться в центре английской зоны оккупации. Геббельс опасался, что с опубликованием такой карты немецкое население восточных провинций начнет переселяться на территорию будущей американской или английской зоны и следствием этого явится огромный беспорядок на транспорте, что отнюдь не способствовало бы усилению сопротивления Германии.

Р. Зульцман, утверждавший в своих мемуарах, что германская пропаганда избегала лжи, признается, что в конечной фазе войны она не только неправильно сообщала о положении на фронтах, но и делала это с большим промедлением. На пресс-конференции в те дни Геббельс говорил, что пропаганда долж-

на приложить максимум усилий, чтобы пережить всего лишь несколько ближайших трудных недель, пока новое оружие существенно не изменит обстановку.

Немецкая пропаганда стала прибегать к событийным аналогиям, облеченным в форму исторических ссылок. К ним она обращалась постоянно, но особенно часто это стало случаться после разгрома немецких войск под Сталинградом. Растерянность перед поражением заставляла гитлеровских пропагандистов изучать историческую литературу в поисках убедительных аналогий из немецкой истории. (Подобное характерно всегда для пропаганды стороны, которая проигрывает сражения. Так, например, было и в СССР на начальном этапе войны в 1941—1942 годах).

Признает доктор Р. Зульцман и то, что немецкая пропаганда апеллировала главным образом к чувствам, задевающим сердце и душу народа, т. е. к немецкому национализму, к готовности народа к самопожертвованию, к его вере в своих руководителей и преданности своим властям, равно как и к его солдатским добродетелям. Именно эти чувства проявлялись почти во всех областях общественной и частной жизни немецких людей. О том, что эти идеалы и чувства стали средствами обмана, большая часть немцев узнала слишком поздно. И возникшее вследствие этого глубокое разочарование породило еще большее недоверие к пропаганде¹⁴⁰.

Жертвой злоупотреблений стал не только немецкий народ. Так, например, один из тезисов немецкой пропаганды о создании Великой германской империи был подхвачен молодежью других европейских стран, о чем свидетельствуют судебные процессы, проходившие там после войны. Стремление молодежи избавиться от европейской разобщенности народов было использовано немецкой пропагандой в своекорыстных политических целях¹⁴¹.

Деятельность англо-американских служб военной информации в Северо-Западной Европе

В 1941 году, когда США официально вступили во Вторую мировую войну, они имели два крупных органа для ведения пропаганды на границу — Управление по координации межамериканских дел, занимавшееся пропаган-

дой в странах Латинской Америки (руководитель управления Нельсон Рокфеллер) и Управление координации информации, которое было создано в 1941 году. Оно выполняло две задачи: обобщало и анализировало всю информацию, в том числе и поступавшую от органов вооруженных сил; передавало информацию за границу, исключая страны Латинской Америки.

Во главе Управления по координации информации стоял полковник Донован. Ему была подчинена вся служба зарубежной информации, а также специальное радиовещание, в обязанности которого входило снабжать радиостанции, вещающие на границу, необходимыми пропагандистскими материалами. По мнению специалистов, эта служба не справлялась со своими задачами. В частности, Поль Лайнбарджер писал, что «радиопрограммы плохо проверялись, в вопросах политики был хаос, и передачи обычно отражали энтузиазм той личности, которая выступала перед микрофоном»¹⁴². В целом Управление координации информации располагало очень ограниченными возможностями для оказания влияния на население с помощью СМИ. Поэтому в 1942 году было создано Управление военной информации (ОВИ). Ему были подчинены следующие службы управления координации информации: бюро фактов; управление правительственных докладов; часть управления мобилизации; зарубежная информация. Оставшиеся функции Управления координации информации были переданы в ведение другого нового органа — Управления стратегических служб (ОСС), начальником которого назначили полковника Донована. Это управление стало одним из инструментов американского комитета начальников штабов. Таким образом, Управление координации информации прекращало свое существование. Управление по координации межамериканских дел реорганизации не подверглось. Управлению военной информации был передан контроль за всей внутренней информацией и белой пропагандой на границу. Информационная поддержка военных операций входила в круг обязанностей стратегических служб. Оно осуществляло в военные и послевоенные годы три главные функции: проводило научную и неофициальную разведку; осуществляло операции черной пропаганды; организовывало подрывные операции во взаимодействии с регулярными военными частями¹⁴³.

С появлением ОВИ и ОСС основная часть работы по ведению психологической войны перешла на театры военных действий (ТВД). На некоторых театрах военных действий командующие брали эту работу непосредственно под свой контроль, а ОВИ использовалось только как поставщик пропагандистского материала. На других ТВД, например в Европе, ОВИ работали совместно с ОСС, а кое-где, как это было на Китайско-бирманско-индийском театре военных действий — самостоятельно¹⁴⁴.

Англия стала вести радиопропаганду и забрасывать пропагандистские листовки на территорию противника с началом Второй мировой войны — в сентябре 1939 года. Для этого использовались такие органы, как Министерство информации, Управление политической разведки Министерства иностранных дел и Британская радиовещательная корпорация. США после вступления в войну подкрепили английские усилия деятельностью своего Управления военной информации и Управления стратегической службы¹⁴⁵.

Эти организации, как английские, так и американские, используя свои фонды, кадры и оборудование, вели подготовку к наступлению через Ла-Манш.

Политическая линия, определяющая характер деятельности этих органов, указывалась Президентом США и премьер-министром Великобритании, американским Госдепартаментом и английским Министерством иностранных дел. Министерство информации отвечало перед парламентом за проведение английской пропаганды. Степень руководства, осуществляемого американскими управлениями военной информации и стратегической службы, не всегда точно определялась, поскольку Президент США Рузвельт, возложив на управление военной информации главную ответственность за пропагандистскую деятельность за рубежом, не ограничивал Управление стратегической службы в отношении применения им пропагандистского оружия для подрыва морального состояния противника.

Задачу давать общие указания о направлении пропагандистских усилий союзников в Северо-Западной Европе первоначально возложили на английский Комитет политической войны и американское Управление военной информации. Их указания, естественно, требовали одобрения Вашингтона и Лондона, что не способствовало оперативному управлению

пропагандой. Особенно этот недостаток обнаружился, когда максимально не были использованы психологические последствия падения Муссолини. Поэтому в конце лета 1943 года был создан новый орган для общего руководства военно-пропагандистской деятельностью, известный под названием Лондонского комитета по координации политической войны.

Он состоял из представителей английского Министерства иностранных дел, Комитета политической войны, английского комитета начальников штабов, Государственного департамента, Управления военной информации и американского Комитета начальников штабов. Вскоре американские члены комитета стали жаловаться, что англичане пытаются оказать решающее влияние на выработку направления пропаганды как повседневной, так и на случай чрезвычайных обстоятельств. Американские начальники штабов подготовили протест, однако Государственный департамент похвально отозвался о работе Лондонского комитета, и они изменили свое мнение о нем¹⁴⁶.

Центры управления пропагандой в объединенных вооруженных силах союзников создавались и совершенствовались в процессе развития их военного сотрудничества. В январе 1942 года в Вашингтоне был учрежден объединенный штаб, через который Великобритания и США осуществляли высшее руководство войной¹⁴⁷. В 1943 году были созданы еще два штаба. Один из них — Штаб союзных сил на Средиземноморском театре — являлся лабораторией для проверки принципов и методов командования и подготовки американских и английских штабных работников к комбинированным операциям. Другой — Управление начальника штаба верховного союзного командующего — организован весной 1943 года для планирования операции по форсированию Ла-Манша в качестве ядра будущего верховного штаба союзных экспедиционных сил, который был официально создан в середине 1944 года¹⁴⁸. Таким образом, процесс его становления длился более двух лет, в течение которых в составе указанных штабов находились офицеры печати и психологической войны, большинство из которых затем вошли в состав службы печати и психологической войны верховного штаба союзных экспедиционных сил. Она называлась Шестым управлением верховного штаба, который начал функционировать 14 февраля 1944 года. Его возглавил бывший начальник ана-

логичного управления штаба Средиземноморского театра бригадный генерал Макклор.

Создание Управления печати и психологической войны произошло в некоторой степени под влиянием Отдела информации и цензуры, созданного в январе 1943 года в штабе Средиземноморского театра во главе с Макклором. Ознакомившись с этой североафриканской организацией, генерал Ф. Морган¹⁴⁹ в апреле 1943-го предложил создать аналогичный орган и во временном штабе экспедиционных сил союзников, созданном для планирования и подготовки операции вторжения в Северо-Западную Европу и последующих боевых действий на Европейском театре¹⁵⁰ и выделил небольшую группу для разработки проекта создания такого органа для верховного штаба. В сентябре 1943 года он сделал официальное представление о создании для верховного штаба отдела печати и психологической войны.

Предложение Моргана было немедленно одобрено английскими начальниками штабов, но американцы предложили решить этот вопрос после назначения верховного командующего. В противовес мнению английских и американских советников в Лондоне американские начальники штабов считали, что руководство этим органом должно быть смешанным — американо-английским. В начале 1944-го верховный командующий американский генерал Д. Эйзенхауэр решил этот вопрос, отдав предпочтение единоличному руководству, при котором начальником управления должен был стать американец, а заместителем — англичанин.

Таким образом, генерал Макклор, который прибыл из штаба Средиземноморского театра, чтобы возглавить отдел печати и психологической войны COSSAK, был назначен начальником нового Шестого управления верховного штаба.

Задача Шестого управления состояла в координации деятельности союзных органов печати и психологической войны в Северо-Западной Европе. Однако это управление, входившее в общую часть штаба, существовало недолго. Уже 13 апреля 1944 года его разделили на два самостоятельных отдела, переданных в специальную часть штаба: Отдел психологической войны во главе с Макклором и Отдел печати во главе с бригадным генералом Дэвисом, бывшим генеральным адъютантом верховного штаба¹⁵¹.

На Отдел психологической войны в первый период — на этапе до и после начала наступления, вплоть до момента, когда моральное состояние Германии стало расшатываться, — задача возлагалась посредством продолжительных усилий создать в сознании германского солдата веру в правдивость заявлений союзников в их прочном единстве, убедить его в неизбежности поражения Германии.

Поэтому задачей на первый период было распространение среди германских солдат пораженческих настроений посредством показа превосходства союзников в людях и вооружении, демонстрация подчеркнуто хорошего обращения союзников с пленными, возбуждение у немцев озабоченности в связи с опасностью войны на два фронта и ростом саботажа и сопротивления населения оккупированных стран, а также распространение слухов о разногласиях и раздорах между немецкой авиацией и армией.

После начала наступления усилия должны были быть направлены на то, чтобы сеять среди населения оккупированных стран неверие в силу немецкой армии.

Были разработаны планы достижения этих целей, одобренные верховным командующим. Согласно этому плану боевые действия союзников обеспечивались пропагандой трех видов: стратегической, тактической и связующей.

Со стратегической пропагандой верховному штабу почти не приходилось иметь дела. Подавление воли противника к сопротивлению и поддержание морального состояния симпатизирующих союзникам входили в задачи управления военной информации, комитета политической войны, Министерства информации и управления стратегической службы. Средства пропаганды включали широкоэвещательные радиопередачи, забрасывание листовок и использование агентуры.

Тактическая пропаганда велась в соответствии с указаниями верховного штаба группами армий и при необходимости союзными военно-морскими и военно-воздушными силами. Деятельность этого рода включала сбор сведений, необходимых для ведения психологической войны, использование листовок в боевой зоне и действия подразделений подвижной радиопропаганды, подвижных громкоговорителей, контрольных радиостанций и полевых типографий.

Связующая пропаганда осуществлялась исключительно верховным штабом и включала сбор сведений, необходимых для ведения психологической войны, использование и контролирование местных газет, радиостанций, кинотеатров, распространение пропагандистской литературы и плакатов, поддержание связи с различными штабами по вопросам ведения психологической войны.

С целью объединения усилий в области психологической войны генерал Макклюр имел в качестве своих заместителей представителей основных гражданских органов пропаганды: Джексона (Управление военной информации), Кроссмена (Комитет политической войны), Раута (Министерство информации), Ошнера (Управление стратегической службы).

Программа пропаганды союзников была направлена к тому, чтобы помочь верховному командующему выполнить поставленную перед ним задачу по возможности с наибольшей экономией войск, снаряжения и вооружения. В то же время нельзя было предпринять ничего, что могло бы нанести вред политике союзников в отношении Германии после того, как война окончится. Не следовало делать никаких заявлений о том, что с германской армии будет снято обвинение в агрессии или что после войны германскому милитаризму будет дана возможность существовать в какой-либо другой форме. Полагали, что на немцев, которые уже слышали такую пропаганду в 1918-м, она не подействует. Вместо этого союзники должны были подчеркивать недостаток людских ресурсов, вооружения и снаряжения у противника, слабость его авиации и превосходство союзников, рекламировать неэффективность гитлеровского руководства, неспособность справиться с двумя фронтами и невозможность победы Германии. Немецкий солдат должен был быть убежден, что он, как боец, полностью выполнил свою задачу и может сдаться с почетом.

Готовя пропагандистские обращения к германскому народу, верховный штаб чувствовал себя связанным формулой безоговорочной капитуляции, провозглашенной Рузвельтом в Касабланке. Главы государств США и Англии позже сделали разъяснительное заявление, которое устранило всякие опасения о терроре или актах мести со стороны союзников в отношении всего германского народа, но им не удалось вы-

работать такую формулу, которая могла бы быть использована пропагандистскими органами союзников с целью склонить германский народ на то, чтобы он добивался мира.

Поэтому были опасения, что немцы предпочтут сражаться до конца, но не пойдут на безоговорочную капитуляцию. Начальник Первого управления верховного штаба союзников, генерал Баркер в январе 1944 года высказал мнение, что будет серьезной ошибкой рассматривать безоговорочную капитуляцию как наше «неизменное требование», а генерал Макклор просил, чтобы ему разрешили в мероприятиях по пропаганде среди немцев делать хотя бы различие между германскими лидерами и народом.

О мнении верховного командования было сообщено в Вашингтон, и министры Хэлл и Стимсон, которые уже высказывались против условий безоговорочной капитуляции, пытались сделать так, чтобы Президент США изменил выдвинутую им формулу. В первые недели 1944-го разведывательные сообщения, полученные в Вашингтоне и Лондоне, указывали, что германские лидеры используют боязнь требований союзников, чтобы усилить сопротивление немецкого народа. Американские начальники штабов в марте убеждали президента сделать новое заявление о требованиях в таком духе, чтобы успокоить германский народ. Однако Президент США Рузвельт предпочел ничего не изменять. В защиту этой позиции были выдвинуты веские доводы. Начальник Управления гражданской администрации генерал Хиллдринг выразил сомнение в целесообразности того, чтобы союзники связали себя обязательством обращаться с противником каким-то особенным образом. Помощник военного министра США Макклой высказал предположение, что немцев заставляет драться не требование безоговорочной капитуляции, а боязнь Красной Армии. Возможно, что Рузвельт не знал об этих взглядах, но ему, вероятно, было известно мнение Черчилля о том, что союзники должны избегать делать специальные заявления об условиях капитуляции, которые впоследствии позволили бы немцам жаловаться на обман их союзниками.

Все-таки Эйзенхауэр и Смит сумели убедить заместителя Государственного секретаря США Стеттиниуса при встрече с ним в середине апреля 1944 года в Лондоне в необходимости

внести ясность в принципы безоговорочной капитуляции. Они считали, что если сделать для немцев ясным вопрос о том, на какой основе будет строиться отношение к немецкому народу после капитуляции, то союзники тем самым вызовут у части населения желание сдаться и, возможно, побудят германского Бадольо предпринять шаги, ведущие к капитуляции. (Маршал Бадольо 25 июля 1943 года после свержения Муссолини возглавил правительство Италии; под давлением народа, требовавшего выхода страны из войны, Бадольо был вынужден начать переговоры с союзным командованием. Эти переговоры привели к подписанию 3 сентября 1943 года акта о капитуляции Италии.). Они рекомендовали, чтобы США, Англия и СССР сделали совместное заявление, разъяснив сущность безоговорочной капитуляции и гарантировав закон и порядок в Германии. После того как в Северо-Западной Европе будет захвачен плацдарм, указывали они, верховному командующему следует сделать заявление, повторяющее условия капитуляции и призывающее противника сложить оружие. Если это не будет сделано, предупреждал Смит, союзники не будут иметь возможность использовать преимущества, которые они получают в результате успешной высадки.

Однако Стеттинус не убедил Рузвельта в необходимости шага, предложенного Эйзенхауэром и Смитом, президент твердо держался своего взгляда на безоговорочную капитуляцию. Спустя три недели Рузвельт все же сдался перед настояниями русских и англичан о необходимости изменения условий безоговорочной капитуляции в той мере, в какой это отразится на странах-сателлитах, и согласился, что в отношении Болгарии и Румынии можно проявить некоторую терпимость в решении вопроса о капитуляции¹⁵².

Хотя Эйзенхауэр стремился устранить преувеличенные опасения германского народа, он тем не менее полагал, что условия капитуляции должны включать капитуляцию вооруженных сил стран «оси» и выдачу определенных политических и военных лидеров для привлечения к суду. В отношении остального населения он предпочитал декларацию, в которой указывалось: «От населения стран оси будут ожидать и требовать, чтобы оно стремилось к миру в интересах улучшения условий жизни и ликвидации голода и нищеты»¹⁵³.

К концу мая в аппарате генерала Макклюра был составлен текст заявления, отвечавшего требованиям верховного командующего. В это время Рузвельт был согласен, что нужно издать декларацию к германскому народу, в которой главный упор сделать на неизбежность поражения Германии. Однако английский военный кабинет и Черчилль не одобрили это предложение. Премьер-министр заявил, что если в декларации не будут упомянуты военные преступления немцев, то впоследствии противник будет обвинять союзников в вероломстве, а указать об этих преступлениях — значит ввергнуть, пожалуй, немцев в ужас и побудить их драться еще более фанатично. 24 мая Черчилль в своем обращении к палате общин сделал далеко идущее заявление о том, что, хотя безоговорочная капитуляция не дает противнику никаких прав, она в то же время не освобождает союзников от каких-либо их обязанностей. «Справедливость, — сказал он, — должна восторжествовать; на зло и жестокость падет возмездие»¹⁵⁴.

Время шло, вторжение во Францию началось, а на просьбу верховного командования сделать конкретное заявление о военных целях, которое ослабило бы сопротивление противника высадке союзников, ничего так и не было предпринято. Единственной уступкой Вашингтона и Лондона было обещание предпринять кое-что позднее, когда операции союзников увенчаются «успехом крупного масштаба». В июне и июле обсуждались планы мероприятий на период оккупации Германии до капитуляции и в послевоенный период. Однако в середине августа все еще ничего не было придумано, кроме «безоговорочной капитуляции». Попытка управления военной информации разработать документ в качестве руководства для ведения в течение длительного периода пропаганды в Германии была отклонена военным министерством США, потому что в нем предлагалось мягкое обращение с противником. Было заявлено, что основными принципами политики военного министерства в отношении Германии являются «никакого братания» и подчеркивание немцам их военных преступлений. Давая такое разъяснение, генерал Хилдринг допустил исключение, сказав, что конец войны означает конец страданиям немцев и начало экономической, культурной и социальной реконструкции.

Обстановка для проводимой верховным штабом союзников кампании психологической войны, направленной к тому, чтобы склонить противника к капитуляции, ухудшилась в сентябре 1944-го, когда стало известно, что министр финансов США Моргентау уговаривал президента и Черчилля в Квебеке одобрить план превращения Германии «в страну главным образом земледельческого и животноводческого характера». Под сильным давлением Государственного секретаря и военного министра президент заявил, что он никогда не имел намерения согласиться с предложением превратить Германию целиком в сельскохозяйственную страну. Поскольку по этому вопросу не было сделано публичного заявления, то идея эта продолжала фигурировать в административных кругах и в немецкой пропаганде.

Все же генерал Макклор попытался получить установку на пропаганду, которая обеспечила бы союзникам по меньшей мере поддержку немецкого населения в оккупированной части Германии, и обратился за этим в Военное министерство США. Однако ему ответили, что следует руководствоваться установкой, данной в обращении президента от 22 октября. В этом обращении Рузвельт подчеркивал, что не будет торга с «нацистскими заговорщиками», которым не должно быть оставлено ни йоты военной власти или военного потенциала. Он не выдвигал обвинений против германской расы и заверил немецкий народ, что он не будет поработен.

Эти указания Военного министерства и Госдепартамента были более ценны для обеспечения сотрудничества с немцами в уже оккупированных районах Германии, чем в ослаблении воли к сопротивлению населения неоккупированной части Германии. Эйзенхауэр 20 ноября объяснил это различие, когда настаивал на безотлагательном отыскании путей к снижению сопротивления немцев.

После того как союзники в октябре и ноябре не смогли прийти к соглашению об обращении к немецкому народу по вопросу о безоговорочной капитуляции, английские начальники штабов создали комитет для обсуждения мероприятий по подрыву морального состояния противника. Позже этот вопрос обсуждался в Ялте, где перед окончанием конференции было сделано заявление о целях, преследуемых союзниками. 11 февраля Рузвельт, Черчилль и Сталин деклариро-

вали: «Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и обеспечение такого положения, чтобы Германия никогда не могла нарушить мир... Нашей целью не является истребление народа Германии, однако только после искоренения нацизма и милитаризма немцы получают надежду на достойную жизнь и место в семье народов». Верховное командование должно было удовлетвориться таким объяснением смысла безоговорочной капитуляции.

Так как верховное командование до начала вторжения не смогло получить такого определения смысла безоговорочной капитуляции, которое могло бы заставить отозваться немецкий народ, оно должно было направить свои главные усилия в сторону пропаганды среди немецких солдат. Отдел психологической войны предпринял специальные меры, чтобы внушить каждому немецкому солдату, что сдаться противнику после того, как он честно дрался в бою, не является позорным.

В первый период пропагандистской деятельности на плацдарме во время ведения малоподвижных боевых действий в «стране изгородей» специальные группы, приданные боевым частям, вели пропаганду, направленную к частям противника, которым грозило уничтожение. Эти пропагандистские группы обращались к противнику по-немецки, обрисовывая создавшуюся тактическую обстановку, чтобы внушить противнику мысль о безнадежности положения. Многие из этих пропагандистских мероприятий имели успех. В Бретани группы психологической войны сосредоточивали свои усилия на пропаганде среди гарнизонов крепостей.

В Сен-Мало группе психологической войны союзников было дано указание изучить различные ранее сделанные призывы к сдаче оружия противником, в том числе и призыв японцев к генерал-лейтенанту Вейнрайту на Коррехидоре (остров Коррехидор расположен у входа в Манильскую бухту, Филиппинские острова). Здесь остатки американских войск под командованием генерал-лейтенанта Вейнрайта после отхода с полуострова Батаан (о-в Лусон) капитулировали перед японцами в мае 1942 года, в чем немалую роль сыграло умело составленное обращение японского командования к американским солдатам с призывом сдаться в плен). В при-

зые союзников к немцам с Сен-Мало, составленном по примеру японского обращения к американским солдатам Вейнрайта, указывалось, что нет ничего позорного в том, чтобы сложить оружие ввиду подавляющего превосходства противника. Однако этот призыв здесь успеха не имел.

Более успешным приемом пропаганды в период тяжелых боев было распространение среди противника пропусков безопасности, на которых была подпись Эйзенхауэра и напечатано указание о том, каким образом немецкий солдат может сдаться в плен. Эти пропуска забрасывались в расположение противника с самолетов и в артснарядах. На них помещался скрепленный английской и американской печатями следующий текст на немецком и английском языках: «Немецкий солдат, имеющий этот пропуск, использует его как знак своего искреннего желания сдаться в плен. Он должен быть разоружен, получить хороший уход, пищу и если, требуется, медицинское обслуживание и как можно скорее выведен из опасной зоны»¹⁵⁵. Хотя нельзя быть уверенным, что пропуска были действенным средством, чтобы склонить солдат противника к сдаче в плен, бóльшая часть пленных видела их чаще, чем другие пропагандистские листовки, и большое число немецких солдат в течение нескольких недель носили пропуска на случай, если они решат сдаться, — отмечает американский военный историк Ф. С. Погью.

Когда войска союзников приближались к границам Германии, радиостанция союзников «Голос верховного командования» внушала работающим в Германии иностранным рабочим, чтобы они при первой возможности покидали предприятия, бойкотировали тех из них, которые были в хороших отношениях с немцами, и избегали неорганизованных действий. Мы советовали при отходе немцев оставаться на месте, не допускать, если возможно, чтобы отходящие войска разрушали объекты, и собирать ценную для союзников информацию. В другой пропагандистской кампании немецкому населению напоминали об опасности оставаться в районах, подлежащих бомбардировке, и предостерегали от жестокого обращения с пленными союзных армий и с иностранными рабочими.

После того как началась оккупация первых германских городов, отдел психологической войны верховного штаба пы-

тался принимать меры к возмещению убытков от неправильного обращения с немцами и к ликвидации боязни оккупационной политики союзников. Чтобы содействовать этим мерам, отдел использовал газету «Аахен Нахрихтэн», которая первоначально издавалась отделом психологической войны штаба 12-й группы армий. Эта первая выпущенная союзниками газета впоследствии имела тираж 52 тысяч экземпляров.

В октябре 1944 года генерал Макклор, убедившись, что пересмотр формулы безоговорочной капитуляции для пропагандистских целей маловероятен, переключился на мероприятия по обеспечению поддержки со стороны немцев системы военного управления оккупированными районами Германии. В ноябре Госдепартамент и военное Министерство предложили перечень целей, которые должны преследоваться верховным командованием в этих мероприятиях. В них подчеркивались преимущества союзного руководства перед нацистским, указывалось на то, что ответственность за лишения, испытываемые немцами, лежит на нацистах, давались заверения, что среднему немцу будет дана возможность жить и работать без притеснений, если он будет выполнять правила, установленные союзниками, и не будет совершать преступлений. 16 ноября эти цели были доведены верховным штабом до низших органов службы психологической войны. Им было указано, чтобы к населению неоккупированной части Германии не делалось никаких призывов. Их следовало лишь поставить в известность о методах, которыми союзники осуществляют военное управление в районах, оккупированных союзными армиями.

Война против немцев посредством листовок, которая проводилась интенсивно и до вторжения, после 6 июня значительно усилилась. Используя самолеты, артиллерию и временами агентов, органы психологической войны забрасывали в расположение войск противника большое количество газет и миллионы листовок, а среди населения оккупированных немцами стран распространяли листки новостей. В июне 1944 года союзная авиация забросила к противнику около 5 миллионов экземпляров газет для немецких войск, 2,5 миллиона экземпляров периодических изданий, около 6 миллионов стратегических и 35,5 миллиона тактических листовок. Сюда не входят те материалы, которые пе-

ребрасывались при помощи артиллерии и распространялись вручную. Количество листовок, составленных не на немецком, а на других языках, превысило 38,5 миллиона экземпляров.

В конце июля союзники провели особую кампанию по распространению бюллетеня, излагающего подробности покушения на Гитлера 20 июля. Вечером 23 и 24 июля самолеты сбросили в распоряжение противника в Нормандии почти 4 миллиона специальных листовок на эту тему и около $\frac{3}{4}$ миллиона газет, в которых давалась информация по этому вопросу.

На пропаганду союзников немцы, естественно, отвечали распространением своих листовок и призывами по радио. Анализ направления, которого они придерживались в пропаганде осенью 1944 года, показывает, что немцы пытались восстановить одного союзника против другого, особенно подчеркивая предстоящее столкновение русских с Западом. Стремясь противодействовать влиянию призывов союзников, немецкие пропагандисты указывали, что, причиняя союзникам тяжелые потери, германская армия обеспечит более благоприятные условия мира для Германии. Немецкому солдату говорили, что лучше умереть, чем жить в завоеванной врагом Германии.

Все свои листовки и другие пропагандистские средства американцы почти всегда заблаговременно проверяли на военнопленных для определения возможного психологического эффекта.

В необходимости тщательной проверки они убедились после того, как однажды в Италии собирались сбросить листовки, которые призывали немецких солдат капитулировать.

В этих листовках расписывалась райская жизнь военнопленных в американских, английских и канадских лагерях. На фотоснимках пленные изображались сидящими в глубоких мягких креслах, к завтраку им подавалась яичница с ветчиной. Для того чтобы убедиться в эффективности листовки, ее предварительно показали немецким военнопленным, находившимся в Аверсе. Увидев листовку, они разразились громким смехом. Хотя сказанное и написанное в листовке вполне соответствовало действительности и многие из сдав-

шихся впоследствии сами получили возможность жить в таких же условиях, однако никто из немцев не мог поверить в это, потому что такая жизнь просто не соответствовала их представлениям о плене.

После такого мнения немецких военнопленных вся партия листовок была уничтожена и случаи выпуска подобных листовок больше никогда не повторялись. Вместо обещаний угостить яйцами и ветчиной появился значительно более трезвый аргумент: «Лучше сдаться в плен, чем, находясь в безвыходном положении, в условиях полного превосходства союзников ожидать своей смерти»¹⁵⁶.

Подобный случай произошел и с американскими листовками, в которых сообщалось, что потери союзников на море компенсируются с избытком благодаря новым методам работы американских верфей, где Генри Кайзер «в течение пяти дней строит крупный океанский корабль». Несмотря на то что это тоже был реальный факт, у немецких солдат не появилось к нему ни капли доверия, ибо это совершенно противоречило их прежним представлениям о производственной мощности судостроительных верфей.

Отсюда следует вывод, что любое, даже абсолютно правильное, сообщение не будет воспринято желательным образом, если оно не соответствует представлениям тех, к кому оно обращено. Поэтому специалист по информационно-психологическим операциям должен знать образ мышления людей и то, как к нему обращаться. Для этого необходимо много дополнительных знаний, определенный опыт и очень большое искусство.

В ходе немецкого контрнаступления в Арденнах отдел психологической войны прекратил призывать противника сдаваться в плен и переключился на разоблачение хвастливых заявлений немцев о целях, которых германское командование намерено достигнуть. Радиопередачи верховного командования союзников подчеркивали, что Гитлер обещал до Рождества взять Льеж, Намюр и Верден. Союзники рассчитывали этим усилить разочарование противника, поскольку его контрнаступление потерпело неудачу.

В последние дни войны органы психологической войны еще раз обратились к гражданскому населению Германии и иностранным рабочим посредством листовок. Гражданско-

му населению прифронтовой полосы было предложено покинуть опасные районы, уклоняться от службы в фольксштурме и избегать ненужного разрушения своих домов. Иностранным рабочим в листовках советовали прибегать к саботажу и симуляции, к отказу работать на военных заводах и к распусканию слухов. Перемещенные лица инструктировались посредством листовок и газет, издававшихся под названием «Схаеф» на четырех страницах и на нескольких языках. Один раз для иностранных рабочих были сброшены небольшие зажигательные заряды с инструкцией, как ими пользоваться в диверсионных целях. Общее количество сброшенных авиацией листовок к концу войны достигло почти шести миллиардов. Из этого количества $\frac{3}{4}$ миллиарда было сброшено после вторжения.

Следует заметить, что в ходе действий коалиционных сил штатная численность личного состава отдела психологической войны и отдела печати была не постоянной. К началу 1945 года численность сотрудников отдела психологической войны резко сократилась в связи с тем, что часть из них была переведена в созданные службы психологической войны при управлениях групп армий, а также с необходимостью усиления отдела печати, задачи которого в ходе военных действий коалиционных сил усложнялись. К исходу войны штатная численность личного состава отдела печати увеличилась почти в 2,3 раза. Резкое сокращение численности сотрудников отдела психологической войны в начале 1945 года также сказалось на эффективности его работы, и вскоре его штат увеличился почти вдвое.

Таблица 2.

Штатная численность сотрудников отделов психологической войны и печати Верховного штаба союзников^{156а}

	На 12.07.1944	На 01.02.1945	На 01.04.1945
Отдел психологической войны	428	90	171
Отдел печати	116	180	266
Всего	544	270	437

Военная цензура союзников

На отдел печати была возложена обязанность за руководство цензурой прессы, фотоснимков и радиопередач в зоне операций верховного командующего, за общее наблюдение за средствами связи, которыми можно было воспользоваться в военной зоне для прессы, а также для передачи сообщений корреспондентам прессы и радио и за взаимоотношения с репортерами на Европейском театре.

Для того чтобы выполнить свои разнообразные обязанности, отдел печати должен был лавировать между необходимостью обеспечить строгое соблюдение военной тайны и стремлением дать народам Англии и США максимальную информацию об их вооруженных силах. Сотрудники отдела печати, стоя перед этой дилеммой, сталкивались со многими щекотливыми вопросами. Информация, данная корреспондентам перед началом наступления, передвижения корреспондентов в период перед началом вторжения, ориентирование корреспондентов нейтральных стран — все это могло быть использовано противником. Союзное командование считало, что датирование сообщения из района сосредоточения или сообщение хорошо известного корреспондента, как Пиль или Мурхед, о том, что он посетил определенное место в Англии, может обратить внимание на подготовительные мероприятия союзников. Ф. С. Погью пишет, что Черчилль был встревожен, когда английский военный писатель показал ему основные черты плана вторжения, которые он определил путем обобщения частичной информации, непредумышленно данной ему многими офицерами. Еще большее смущение вызвали довольно верные догадки, которые строились корреспондентами относительно планов союзников при условии, когда отсутствовали официальные заявления¹⁵⁷.

В предвидении наступления число корреспондентов в Англии быстро увеличилось. Это усложнило обстановку. Здесь не было такого строгого контроля за репортерами и фотографами, какой был уже установлен цензорами на театре военных действий. Генерал Макклор рекомендовал английскому командованию допустить в верховный штаб ограниченное число тщательно отобранных корреспондентов, и принять меры, чтобы их корреспонденция перед отправкой

подвергалась военной цензуре. В конце января 1944 года необходимость в какой-то форме контролировать корреспондентов была подчеркнута в докладе английской службы безопасности, в котором указывалось, что тайна подготовки к операции ослабляется неоднократными сообщениями о посещении генералом Монтгомери портов в исходных районах для вторжения.

В связи с этим У. Черчилль сообщил верховному командующему о мерах, предпринимаемых с целью убедить редакторов в США и Великобритании не делать предсказаний относительно возможного срока наступления через Ла-Манш или количества войск, которое должно быть в нем занято. Английский премьер-министр предложил «занять очень твердую позицию в отношении передачи корреспондентам печати сведений относительно операции «Оверлорд» как перед началом наступления, так и в ходе его»¹⁵⁸.

Сам приказ о контроле прессы в ходе операции «Оверлорд» был издан верховным штабом 1 мая 1944 года. Согласно ему корреспонденты, радиорепортеры, фотографы и представители кинохроники прикреплялись к войскам в определенном соотношении, каждая войсковая часть брала к себе установленное число корреспондентов. Корреспонденты союзных стран должны были быть поставлены в одинаковые условия в отношении пользования средствами связи, транспортом и прочим обслуживанием. В последующие месяцы отдел печати вел список прикомандированных корреспондентов, фотографов и радиорепортеров. На 7 июня 1944 года в списке значилось 530 человек¹⁵⁹.

Военная цензура сообщений прессы, фотоснимков и радиоматериалов верховным штабом была определена в соответствии с английской и американской практикой, установившейся в Англии в ходе Второй мировой войны. Американские военные цензоры были назначены в 1942 г., вскоре после прибытия американских войск в Англию, и работали в тесном контакте с английскими военными цензорами. В конце апреля 1944 году Объединенная группа военной цензуры прессы во главе с подполковником Мерриком имела в своем составе офицеров союзных сухопутных, морских и воздушных сил.

Назначение этой группы состояло в том, чтобы давать консультацию английскому Министерству информации по воп-

росам цензуры печатных и радиоматериалов, составляемых в Англии, и материалов, поступающих в Англию с континента. Начальник отдела печати верховного штаба нес ответственность за цензуру материалов прессы, имеющих отношение к американским войскам. За цензуру прессы на театре военных действий ответственность была возложена на командования групп армий. При необходимости они должны были согласовывать эту свою деятельность с авиационным и морским командованием.

Цензура хроникального материала осуществлялась в соответствии с принципом, что «следует воздерживаться от публикации только того минимума материалов, который не может быть дан по соображениям безопасности». В общем, изъятию подлежали материалы военной информации, которая могла оказаться полезной противнику, недостоверные, неточные или ложные сообщения, а также сообщения, могущие нанести вред моральному состоянию союзных войск.

Разрешение цензуры верховного штаба требовалось на публикацию материалов по следующим темам: всем вопросам большой политики, затрагивающим верховный штаб или верховного командующего; сведения о войсках различных государств, принимающих участие в боевых действиях, состав войск и потери, шифры и коды, вопросы управления гражданской администрацией, подтверждение догадок противника и его промахов и т. п., случаи уклонения от военной службы, химическая война, данные о вооружении и снаряжении, боевое и моральное состояние войск, сведения о руководящих работниках верховного штаба, изменения в составе командования и перемещение офицеров высоких рангов, случаи сурового обращения с военнопленными, материалы о психологической войне, движение Сопротивления и подпольные организации, диверсии и шпионаж, сведения о боевых кораблях и их командирах.

Цензоры руководствовались наставлением по цензуре прессы, отпечатанным на mimeографе документом в 200 страниц, содержащим принципы работы цензуры Англии, Канады и США на Европейском театре. Дополнительно к этому наставлению давались повседневные указания, в которых перечислялись темы, подлежащие запрещению или разреше-

нию цензурой; месячный список, выпускаемый Военным министерством Англии, в котором давался перечень предметов вооружения и снаряжения с указанием секретности; копии газет, пропущенных и запрещенных цензурой; соответствующие заявления Министерства информации.

Американские исследователи считают, что в силу того, что в 1930—1940-х годах обострились отношения между федеральным правительством и издателями крупнейших национальных газет, вступление Америки во Вторую мировую войну привело к некоторому ограничению цензурного произвола властей. И хотя участие Америки во Второй мировой войне было значительно более широкомасштабным, чем в Первой, как по численности задействованного личного состава, так и по географии фронтов и продолжительности боевых действий, цензурирование освещения Второй мировой войны было не столь жестким¹⁶⁰.

Однако в действие цензурная система была введена более оперативно и более последовательно. Так, если администрация Вильсона не вводила ограничений до официального объявления войны, команда Рузвельта ввела цензуру уже 31 декабря 1940 года, т. е. практически за год до Пёрл-Харбора. В этот день министр ВМС (в прошлом издатель «Чикаго Дэйли Ньюс») Фрэнк Нокс обратился к СМИ с просьбой воздержаться от публикации материалов на такие темы, как закладка новых кораблей и перемещения войск, без предварительного согласования. И пока действовала добровольная цензура, руководство армии и флота разрабатывало планы по ограничительным мерам на случай вступления в войну.

Война началась для США 7 декабря 1941 года, и в первое время за цензуру печатных изданий и контроль коммуникаций внутри США и за их пределами отвечало ФБР. Через восемь дней Рузвельт освободил от этих обязанностей главу ФБР Эдгара Гувера и назначил руководить цензурой Байрона Прайса. Законом «О чрезвычайных военных полномочиях» от 18 декабря 1941 года Конгресс одобрил кандидатуру Прайса и создание Департамента цензуры. Под руководством Прайса и в сотрудничестве со СМИ департамент подготовил список цензурных ограничений, которыми правительство просило руководствоваться добровольно. Это отражало установку на добровольную систему цензурирования в рамках

принципов, разработанных еще в годы Первой мировой войны, без дополнительных мер, которые предусматривались «Законом о шпионаже» и «Законом о подстрекательстве». Этот список получил название «Практический Кодекс военного времени» и был введен в действие 15 января 1942 года. Впоследствии в него вносились некоторые изменения, как самим Департаментом цензуры, так и военными властями на различных ТВД, однако в целом кодекс просуществовал на протяжении всей войны.

И хотя кодекс призывал журналистов воздерживаться только от публикации материалов традиционно военного характера, военные власти на местах шли, как правило, дальше. Америка участвовала в войне на двух основных ТВД — Тихоокеанском и Североафриканско-Западноевропейском. На Тихом океане, где Америка вступила в войну раньше, генерал Дуглас Мак-Артур и Главком ВМС адмирал Эрнст Дж. Кинг ввели серьезные цензурные ограничения. А по приказу генерала Мак-Артура все материалы, прежде чем они получали разрешение на опубликование, проходили многоступенчатую цензуру, а журналистам вменялось в обязанность создание благоприятного имиджа войск и военного командования.

Со своей стороны, командование ВМС задерживало прохождение материалов, нередко выжидая, пока репортаж о какой-либо победе не будет к месту, чтобы скрасить сообщение об очередной неудаче. Это привело к тому, что журналисты, редакторы и издатели стали жаловаться в Департамент цензуры и в Военный пресс-департамент, созданный в июне 1942 года в качестве официального органа пропаганды в военное время. Пресс-департамент, руководимый бывшим журналистом Элмером Дэвисом, пытался оказывать давление на ВМС, чтобы они ускорили прохождение материалов, и не всегда безуспешно.

Однако при всем при том цензура в годы Второй мировой войны была довольна сурова. В значительной степени ограничению информации способствовал естественный ход войны, в значительной степени происходившей на море. Большинство корреспондентов были вынуждены следовать за войсками на кораблях ВМС США, что уже само по себе предполагает значительно большие возможности для контроля, чем сухопутная война.

И тем не менее исключения бывали. Так, корреспондент «Чикаго Трибьюн» Стэнли Джонсон узнал, что удалось расшифровать военно-морские коды японцев, и написал статью, в которой в том числе указал названия японских кораблей, принимавших участие в Мидуэйском сражении. Статья была опубликована в газете. Опубликование такой информации свидетельствовало, пусть даже и косвенно, о том, что коды раскрыты. Японцы, безусловно, сделали бы надлежащие выводы и сменили коды, что имело бы негативные последствия для США. Дело слушалось в суде, однако решением суда корреспондент и газета были оправданы.

Ситуация в Северной Африке и в Западной Европе отличалась от положения дел на Тихоокеанском ТВД. Здесь военные власти США в сотрудничестве с англичанами создали менее жесткую цензурную систему.

Основные принципы военной цензуры наиболее полно были сформулированы в меморандуме, распространенном Верховным союзным командованием 25 апреля 1944 года. Рабочий меморандум за № 27 определял, что «ограничениям подлежит минимум информации и только из соображений безопасности». Цензурирование будет проводиться в контексте основных задач, как-то: безопасность, скорость, согласованность и содействие военным корреспондентам.

Однако даже при таком подходе имели место случаи недовольства со стороны прессы и столкновений интересов СМИ и цензуры. Так, в Северной Африке работу журналистов затрудняло требование предоставлять материалы не только в группу цензуры, но и офицерам по связям с общественностью. Это приводило к задержкам и к уменьшению количества информации, которая могла быть передана по армейским каналам связи, имевшим ограниченную пропускную способность. Положение вещей усугублялось и действиями группы цензуры в Лондоне, которая иногда надолго задерживала публикацию материалов. И это при том что официальные пресс-релизы военных властей быстро циркулировали по коммуникационным каналам, оставляя независимых журналистов «за бортом».

Самым ярким примером противоречий между СМИ и военными стали материалы о переговорах между союзным командованием и французскими властями в Северной Аф-

рике. Само союзное командование не очень хорошо представляло себе, с кем именно из многочисленных французских властей надлежит иметь дело. Военные власти и представители внешнеполитических ведомств союзной коалиции наложили запрет на все материалы, касающиеся этих вопросов, до тех пор, пока не будет выработана окончательная позиция. В противном случае, это могло бы привести к тому, что немецкое командование и вишистское правительство получили бы козыри в своей политической игре, что препятствовало бы капитуляции противника в Северной Африке. И хотя это ограничение касалось чисто политического вопроса, оно действовало в течение шести недель, пока союзное командование не договорилось с генералами Анри Жиро и Шарлем де Голлем.

Установка на то, что ограничению подлежит только информация, существенная с военной точки зрения, во время войны подверглась нескольким серьезным испытаниям, результаты которых далеко не однозначны. Так, когда ВВС США случайно нанесли удар по собственным позициям, в результате чего погиб в том числе один генерал-лейтенант, цензура тем не менее разрешила опубликовать этот материал, несмотря на его явно негативный характер. С другой стороны, военная цензура заблокировала прохождение материалов о том, что 11 апреля 1945 года генерал Эйзенхауэр приказал остановить американское наступление на Берлин с тем, чтобы дать возможность Советской Армии первой войти в город. И хотя оба материала носили, по крайней мере, отчасти, политический характер, вопрос об их допуске рассматривался с точки зрения той практической пользы, которую могло бы извлечь из них немецкое командование для организации противодействия советскому наступлению.

Цензура также пыталась заблокировать сообщения «Ассошиэтед Пресс» о том, что на Западном фронте немецкое командование сдалось союзникам. Причина заключалась в том, что американское и английское правительства хотели в ближайшее время повторить процедуру капитуляции с участием советской стороны. Когда корреспонденту «Ассошиэтед Пресс» удалось обойти цензуру на месте и получить разрешение на прямую из Лондона, разразился скандал, и в результате группа цензуры в Париже отозвала у журналиста аккредитацию.

Советская военная пропаганда накануне Великой Отечественной войны

В советской пропаганде к концу 1930-х годов главная роль отводилась печатному слову. В принятом 14 ноября 1938 года Постановлении ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» указывалось: «В пропаганде марксизма-ленинизма главным решающим оружием должна являться печать — журналы, газеты, брошюры, а устная пропаганда должна занимать подсобное, вспомогательное место»¹⁶¹. Объяснялось это тем, что печать дает возможность «ту или иную истину сразу сделать достижением всех, она поэтому сильнее устной пропаганды»¹⁶².

Одной из основных причин недостаточного использования прессы в пропаганде ЦК ВКП(б) назывался вредный разрыв в организации печатной и устной пропаганды, нашедший свое выражение в раздельном существовании отделов пропаганды и отделов печати как в обкомах, крайкомах и ЦК нацкомпартий, так и в аппарате ЦК ВКП(б). Такое расщепление руководства пропагандой между двумя отделами, говорилось в постановлении, привело к принижению роли печати в пропаганде, к сужению ее размаха, к кустарничеству и неорганизованности.

В связи с этим были приняты меры по централизации руководства партийной пропагандой. ЦК ВКП(б) постановил объединить отделы партийной пропаганды и агитации и отделы печати и издательств ЦК ВКП(б), ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов ВКП(б), создав единые отделы пропаганды и агитации. В них сосредотачивалась вся работа по печатной и устной пропаганде и массовой политической агитации: руководство прессой, издание пропагандистской и агитационной литературы, организация печатной и устной пропаганды, контроль за идейным содержанием пропагандистской работы, подбор и распределение пропагандистских кадров, политическая переподготовка и подготовка партийных кадров, организация массовой политической агитации¹⁶³.

В ведение отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) был передан Институт Маркса—Энгельса—Ленина. Работники отделов пропаганды и агитации должны были подбираться из

наиболее квалифицированных пропагандистов-профессионалов и партийных литераторов. Для поднятия качества пропаганды решено опираться на кадры «освобожденных от всякой другой работы товарищей, могущих полностью посвятить себя этой работе и неустанно повышать свою теоретическую и пропагандистскую квалификацию»¹⁶⁴. Было установлено, что заведующие отделами пропаганды и агитации обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, окружкомов, горкомов и райкомов партии утверждались ЦК ВКП(б), а все остальные «ответственные работники отделов пропаганды и агитации этих комитетов утверждались бюро обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий»¹⁶⁵.

О важном значении, которое придавалось делу пропаганды, свидетельствовало и решение о том, что в каждом горкоме, обкоме, крайкоме и ЦК нацкомпартий должен быть специальный секретарь, занимающийся исключительно вопросами организации и содержания пропаганды и агитации¹⁶⁶.

Под строгим контролем партии были и редакции газет. В Уставе ВКП(б), принятом на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1938 года, указывалось: «Центральный Комитет ВКП(б)... назначает редакции центральных органов партии, работающих под его контролем, и утверждает редакции партийных органов крупных местных организаций...»¹⁶⁷ Областные, краевые комитеты, ЦК компартий союзных республик назначали редакции партийных органов, работающих под их контролем. На окружные, городские, районные комитеты партии Устав ВКП(б) возлагал обязанность не только назначать и контролировать редакции своих газет, но и требовал руководить ими. Задачей первичной парторганизации являлось обеспечить руководство заводской прессой.

С целью повышения роли печати в деле пропаганды ЦК ВКП(б) обязал редакции «Правды», «Красной звезды», «Комсомольской правды», а также республиканских, краевых и областных партийных и комсомольских газет систематически помещать на страницах своих изданий статьи по теоретическим вопросам марксизма-ленинизма, консультации, лекции лучших пропагандистов, «ответы» на «вопросы» читателей. В составе редакций «Правды», «Красной звезды», «Комсомольской правды», а также республиканских, краевых и областных партийных и комсомольских газет были

созданы отделы пропаганды. Причем указывалось, что во главе их необходимо поставить «теоретически подготовленных товарищей» и привлекать к работе в отделах пропаганды редакций лучших пропагандистов. Отделы агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) обязывались объединить наиболее квалифицированных лекторов, консультантов, которые должны сотрудничать в теоретических журналах, в центральных газетах¹⁶⁸.

Отмечая оторванность теоретических журналов от насущных вопросов жизни и борьбы партии, их самозамыкание и тенденции к академизму, ЦК ВКП(б) обязал их редакции перестроить свою работу, обеспечить на своих страницах «постановку актуальных теоретических вопросов, обобщение опыта социалистического строительства, обслуживание теоретических запросов наших кадров»¹⁶⁹.

Для переподготовки пропагандистов и газетных работников были организованы годичные курсы в десяти городах: Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Ростове, Тбилиси, Баку, Ташкенте, Алма-Ате, Новосибирске. Общий контингент слушателей всех годичных курсов переподготовки пропагандистов устанавливался в количестве 1500—2000 человек, «с тем чтобы в этом составе примерно половину составляли газетные работники»¹⁷⁰.

Таким образом, журналисты работали под полным контролем и руководством партийных комитетов и не могли на страницах печати высказывать свое несогласие с «линией партии». Примером этого является Постановление ЦК ВКП(б) от 25 июня 1939 года «О редакторе газеты «За новый Север» т. Задове». В нем констатировалось, что в редакционном примечании к постановлению бюро Коми обкома ВКП(б), опубликованном 10 июня 1939 года в газете «За новый Север», ее редактор открыл на страницах этого областного издания полемику против обкома. «Противопоставляя газету «За новый Север» обкому, — отмечалось в постановлении, — т. Задов нарушил Устав ВКП(б), согласно которому газета руководится и контролируется партийным комитетом. Если редактор не согласен с обкомом, он в соответствии с Уставом партии имеет возможность поставить вопрос в обкоме партии, а в случае необходимости в ЦК ВКП(б), но не имеет никакого права использовать страницы

газеты для разрешения своих споров с обкомом»¹⁷¹. За публикацию редакционного полемического примечания к постановлению обкома Я. Г. Задов был снят с поста редактора газеты. Постановление ЦК ВКП(б) об этом инциденте было не только разослано всем обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик, но и для сведения журналистов опубликовано в журнале «Большевистская печать» № 15 за 1939 год.

На необходимость обеспечения серьезного контроля за публикационными статьями со стороны отделов пропаганды обкомов и ЦК ВКП(б) указывалось в Постановлении ЦК ВКП(б) «О постановке пропаганды марксизма-ленинизма в Белорусской ССР, Орловской и Курской областях» от 16 августа 1939 года¹⁷².

В 1930-е годы в большую силу выросла районная печать. Если в 1929 году в стране выходило 309 районных газет с годовым тиражом около 800 тысяч экземпляров, то в 1940 году издавалось более 3,5 тысячи районных газет с разовым тиражом около 10 миллионов экземпляров¹⁷³. Однако многие районные газеты, отмечалось в Постановлении ЦК ВКП(б) «О районных газетах» от 13 июля 1940 года, имели крупные недостатки в политическом воспитании масс. Поэтому, указывая на необходимость улучшения партийного руководства районными газетами, ЦК ВКП(б) определил их основную задачу в идейно-политическом воспитании населения на основе повседневной пропаганды текущей политики и мероприятий партии и правительства, опирающейся на конкретные, близкие и понятные факты из местной практики, их жизни своего района, колхозов, предприятий. О наиболее важных событиях за рубежом и в нашей стране районные газеты должны были регулярно помещать обзоры и информацию ТАСС¹⁷⁴.

Усиливался контроль и за изданием художественной литературы. В постановлении ЦК ВКП(б) «О работе Гослитиздата и тематическом плане издания художественной литературы на 1940 г.» от 13 июля 1940 года указывалось: «Ликвидировать существующий ныне порядок прохождения рукописи в Гослитиздате, при котором судьба книги фактически зависит от единоличного решения редактора и зачастую даже от мнения случайного рецензента, который не

несет никакой государственной ответственности за рецензию»¹⁷⁵. Чтобы исключить «случайных людей», дирекции Гослитиздата предлагалось подобрать постоянные кадры квалифицированных, проверенных рецензентов и представить их на утверждение в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Также предлагалось Управлению кадров и Управлению пропаганды и агитации ЦК в ближайший срок представить на утверждение ЦК заведующих секторами и редакторов Гослитиздата. При Гослитиздате был создан редакционный совет, в обязанности которого входило рассмотрение тематических планов издательства, содержания, тиражей и оформления выпускаемых книг.

Было обращено внимание на рецензирование различной литературы в прессе. По этому вопросу ЦК партии в 1940 году принял специальное постановление «О литературной критике и библиографии», в котором отмечались крупные недостатки газет и журналов в этой области. В нем отмечалось, что «наиболее слабым звеном в настоящее время является критика художественной литературы. Большинство критиков не занимается вопросами советской литературы и не влияет на ее формирование»¹⁷⁶. Редакциям центральных, республиканских, краевых и областных газет было предложено организовать на своих страницах отделы критики и библиографии. В специальном пункте постановления им ставилась задача «регулярно печатать рекомендательные списки книг и статей о наиболее важных литературных произведениях, а также обеспечить рецензирование всей литературы местных издательств»¹⁷⁷.

Выполняя указания ВКП(б), редакции стали чаще публиковать статьи по вопросам литературы, кино, театра, организовали библиографирование и обзоры издаваемых книг. Таким образом, критика и библиография в значительно большей степени стали служить делу идеологического контроля за создаваемыми художественными произведениями слова и его синтеза с другими видами искусства. Особенно остро ставила вопрос о строгой партийности в их оценке газета «Правда». Так, в опубликованной в ней 24 декабря 1940 года рецензии «Две легенды» давалась отрицательная оценка новой поэме Д. Алтаузена «Пробуждение героя». Она называлась надуманным, фальшивым произведением. «Правда»

упрекала «Литературную газету» за то, что она дала положительную оценку этой поэме. Одобрение «Правды» заслуживали те произведения, которые были выдержаны в русле партийности и служили делу коммунистического воспитания населения, несмотря на их назидательность и художественные недостатки. Например, в рецензии на новый фильм «Яков Свердлов» «Правда» дала высокую оценку этому произведению. Это был первый фильм из цикла «Жизнь замечательных большевиков».

Таким образом, накануне войны управление печатью как главным и решающим оружием пропаганды было централизовано и она безукоснительно служила целям и задачам укрепившегося в стране тоталитарного режима.

Главные установки советской пропаганды в предвоенный и военный период определялись И. В. Сталиным. В их разработке и формулировке также участвовали секретари ЦК ВКП(б) А. А. Жданов и А. С. Щербаков.

Мобилизационная готовность журналистики и литературы

О подготовке советских СМИ к войне свидетельствовали военно-журналистские игры — популярная в конце 1920—1930-х годов форма работы по военизации журналистов и разработке ряда важнейших проблем печати в военное время. Первые военно-журналистские игры провели в Государственном институте журналистики, «Рабочей газете» и Белорусском военном округе. Их опыт был обобщен и изложен в специальной брошюре А. Кадишева «Журналист на войне», изданной в Москве—Ленинграде в 1930 году. В ней были раскрыты цели и содержание военно-журналистской игры, показана техника ее проведения.

В этот же период в СССР вышел ряд изданий по вопросам работы военной и гражданской печати в военное время. Так, в 1929 году ГИЗ выпустил книгу «Печать корпуса действующей армии», составленную Н. Кудриным. В основу ее положен проект руководства, рекомендуемого Отделом печати ПУРа, в котором излагается организация и работа всей красноармейской печати в военное время в масштабе корпуса — характер печати, ее задачи, содержание, работы печати в различных условиях боевой обстановки, система организации

руководства, распространения, снабжения, техника издания, система работы с военкорами и т. д. В книге подробно рассматривается работа корпусной красноармейской газеты, походный корпусной типографии, печати дивизии.

Вопросы работы гражданской печати в военное время рассматривались в книге И. Волоцкого, В. Зудина, Н. Кудрина, Д. Митяева «Очерки по военной работе печати» (М.: ГИЗ, 1928). Она посвящена следующим проблемам: печать и оборона СССР, подготовка печати к работе в военное время, работа печати в период мобилизации, печать на войне и специальный военный корреспондент. Последние две главы книги знакомили читателя с состоянием и характером работы военной печати в мирное время.

Опыту работы газеты «Тверская правда» и выделенной ею военно-походной газеты во время показательной мобилизации и маневров в Тверской губернии в 1928 году была посвящена книга А. Капустина «Газета в тылу и на походе»¹⁷⁸. Здесь освещались вопросы: переход газеты на военное положение, массовая военная работа газеты на фабриках, заводах и сборных пунктах, работа журналистов на маневрах и в редакции военно-походной газеты в боевой обстановке. Также была издана брошюра А. Парница «Памятка военному корреспонденту»¹⁷⁹, где на ряде примеров давались методические и практические указания военкору, какие и как отбирать факты для публикаций в газету, какие бывают виды корреспонденции из войск, ведущих боевые действия.

Для ознакомления журналистов с работой печати в период Первой мировой войны были изданы работы: Ф. Блументаля «Буржуазная политработа в мировую войну», где в главе «Печать и война» давался ряд интересных материалов и примеров из работы печати на войне и методов воздействия на читателя; Н. Потапова «Печать и война», в которой освещалась организация и использованию печати в 1914—1918 годах в Германии и России. Переведены известные зарубежные исследования по использованию прессы в военное время: книга К. Стюарта «Тайны дома Крю» об английской пропаганде в Первой мировой войне; Г. Ласвеля «Техника пропаганды в мировой войне» — об организации обработки общественного мнения в военное время. Популярны были мемуары М. Лемке «250 дней в царской ставке», работавшего в Бюро

печати при русской ставке. В его книге приводилось много интересных сведений об организации и работе русской печати в Первой мировой войне¹⁸⁰.

Вышел также ряд изданий о работе военной печати Красной Армии в Гражданской войне. Это прежде всего статья «Военная печать», опубликованная в «Большой советской энциклопедии» (т. 12, раздел «Военная печать в Гражданской войне»); брошюра Я. Гервица «Листовка — орудие агитации в военное время», выпущенная ГИЗом в 1930 г., статья Е. Борисова «Печатная пропаганда на фронте», опубликованная в журнале «Война и революция», № 12 за 1929 год.

Были публикации и о работе печати по освещению военных конфликтов на Дальнем Востоке, в которых участвовала Красная Армия. В 1930 году в «Военном вестнике» № 6 напечатана статья И. Волоцкого «Тревога», в которой делался обзор и анализ работы красноармейской газеты во время событий на Китайской военной железной дороге (КВЖД).

Параллельно с подготовкой к войне журналистов к обороне страны готовились и литераторы — писатели, поэты, драматурги, литературные критики, которые под лозунгом мобилизации художественного слова на оборону СССР, укрепление боеспособности Красной Армии в 1920-е годы стали объединяться в литературные кружки и бригады, которые работали при редакциях окружных и флотских газет. Самым крупным и известным центром сплочения литературных сил стала газета Ленинградского военного округа «На страже Родины». Ее редактор и талантливый литературный критик Н. Г. Свирин стал организатором литературного объединения, которое создало литературную студию, где с 1926 года проводились занятия с красноармейскими авторами. К 1930-м годам литстудия при газете «На страже Родины» была переименована в литгруппу «Красная звезда». Ее состав увеличился за счет так называемого тогда призыва ударников в литературу. В то время был популярен лозунг обращения пролетарской литературы «лицом к ударнику» и овладения ударниками литературной профессией как важным орудием укрепления боевой мощи Красной Армии и Военно-Морского Флота СССР.

Литгруппа «Красная звезда» сыграла важную роль в объединении литераторов страны, пишущих на оборонную тему.

Она установила тесные контакты с литературными оборонными бригадами Балтийского флота, Москвы, Севастополя... На ее заседаниях обсуждалась «Первая конная» В. Вишневского, главы «Капитального ремонта» Л. Соболева, работы Н. Свирина по мобилизации литературы. «Я ощущал, жесткое порой, но всегда чуткое и внимательное... влияние», — писал в своих воспоминаниях об этих встречах Леонид Соболев¹⁸¹.

Это сближение литературных групп, занимающихся военной тематикой, явилось завершающим шагом в деле организации литературного объединения Красной Армии и Флота (ЛОКАФа). «Инициативная группа армейских и флотских писателей обратилась ко всей писательской общественности создать такое объединение, — писалось в сентябрьском номере журнала «Красноармеец и краснофлотец» за 1930 год. — На призыв инициативной группы последовал быстрый отклик».

В августе 1930 года ЛОКАФ был создан. На его учредительном заседании был избран Центральный совет объединения из 50 человек, в который вошли М. Горький, Д. Бедный, А. Серафимович, А. Безыменский, А. Фадеев, Ф. Гладков и другие известные писатели страны.

Такая быстрая организация ЛОКАФа стала результатом поддержки инициативы военных литераторов ЦК ВКП(б) и политическими управлениями армии и флота. В числе поставленных перед ЛОКАФом задач были беспощадная борьба с шовинизмом и пацифизмом, разоблачение подготовки капиталистов к новым войнам, укрепление боеспособности Красной Армии оружием художественного слова, подготовка литераторов к работе в условиях военного времени, выращивание новых красноармейских и краснофлотских писателей. Главная из них заключалась в создании ярких и актуальных произведений, показывающих жизнь армии и флота, несущих этими произведениями в сознание красноармейцев и краснофлотцев идеи марксистско-ленинского учения о войне и армии, воспитывании защитников Родины в духе верности революционным идеалам и готовности неустанно крепить боевую мощь армии и флота¹⁸².

Политуправления армии и флота оказывали поддержку ЛОКАФу в организации его региональных отделений. Они

создавались по тому же территориальному принципу, что и военные округа, т. е. Белорусский, Киевский, Приволжский, Забайкальский ЛОКАФы и т. д. Региональные отделения действовали в тесном контакте с армейскими и флотскими политорганами, военной печатью.

9 января 1931 года в газете «Красная звезда» было опубликовано «Открытое письмо Максиму Горькому» ЛОКАФа Белорусского военного округа. В нем «писатели, разделяющие взгляды большевистской партии на литературу и отдающие перо на службу социалистической обороне»¹⁸³, просили Алексея Максимовича дать «несколько советов о том, как следует писать, чтобы слово было метким оружием»¹⁸⁴.

В ответном письме, опубликованном 21 января 1931 года в газетах «Правда» и «Красная звезда», М. Горький писал: «Молодым литераторам — красным бойцам желаю не устывать учиться! Всегда учиться, все знать! Чем больше узнаешь, тем сильнее станешь. И надо твердо помнить: в будущих битвах красный боец должен действовать не только пулей, штыком и саблей, но и своим революционным словом рабочего...»

Для того чтобы лучше знать жизнь армии и флота, члены ЛОКАФа получали творческие командировки в войска. Они участвовали в маневрах и дальних походах, изучали боевую жизнь, быт красноармейцев и краснофлотцев. «Опыт, дух, практика оборонной подготовки должны систематически пропитывать всю литературную организацию и литработу в СССР», — писал в те годы Вишневский¹⁸⁵.

Также была организована подготовка писателей на военных курсах, находившихся в Ленинграде в Военно-политической академии имени Толмачева, где учились Б. Лавренев, М. Слонимский, Н. Никитин, А. Прокофьев, и других литераторов различных творческих направлений и разных поколений. Только в 1931 году здесь учебу прошло 60 писателей. Возглавлял эти курсы В. Вишневский.

Наиболее сильной региональной организацией ЛОКАФ было его Ленинградско-Балтийское объединение. Писатели, входившие в его состав, внесли значительный вклад в развитие оборонной темы в советской художественной литературе. Творческую основу Ленбалтлокафа составляли молодые писатели-моряки Вс. Вишневский, С. Гладышев, И. Зельцер,

В. Кнехт, С. Колбасьев, Н. Мамин, Л. Соболев, другие писатели, поэты и драматурги. Большую работу вели в ЛБО ЛОКАФ писатели А. Тихонов, Б. Лавренев, М. Слонимский, критики Н. Свирин, Е. Добин, А. Дымшиц.

При учреждении ЛОКАФа был решен вопрос о создании нового журнала, издание которого взял на себя Госиздат. Им стал ежемесячный оборонно-массовый журнал «Залп», редактором которого стал писатель-марксист А. Дмитриев, а заместителем редактора Л. Соболев. В редакционную коллегию входили Н. Свирин, В. Липинский, Ф. Мессер, М. Медведев, М. Поляк, А. Прокофьев, Н. Сиденьков, Н. Тихонов. Первый номер журнала вышел в январе 1931 года в Ленинграде. На его страницах публиковались рассказы, стихи и другие произведения военных писателей, статьи по теоретическим проблемам оборонной тематики, очерки членов ЛОКАФа. Также ленинградские локафовцы организовали выпуск журнала «Стройка».

При Научно-исследовательском институте новой литературы Академии наук СССР локафовцы создали секцию по изучению проблемы «Литература и война», в работе которой приняли участие высококвалифицированные научные силы. Они занимались изучением проблем войны и армии в русской дореволюционной литературе и ряде других направлений. Также была организована серия «Литература и война», на выпуск которой только в 1930 году Госиздат выделил 200 печатных листов. Первыми в этой серии были изданы художественные произведения В. Серафимовича, Д. Фурманова, А. Фадеева и ряда зарубежных авторов. В 1931 году в нее вошло десять книг, среди которых были романы «Перекоп» В. Ипполитова, «Есть — мести корабль» А. Дмитриева; повесть «Эскадрон комиссаров» В. Уралова-Ганибесова, пьеса «Последний решительный» Вс. Вишневского, маневренные очерки «Так держать» Б. Лавренева и «На разбеге» В. Князева, книга стихов «Приказ о мобилизации» Н. Брауна, А. Гитовича, А. Прокофьева, другие произведения оборонной тематики. Также велась работа по изданию книг детской военной серии.

ЛОКАФ вел значительную литературно-критическую работу. Они провели обсуждение романа С. Колбасьева «Поворот — все вдруг», рассказа И. Зельцера, его пьесы «Декада», романа В. Ипполитова «Перекоп», «Бригадной рощи»

С. Михайлова, очерка о заграничных походах Балтфлота Н. Мамина и целый ряд других произведений. Литературно-критической секцией Ленинградско-Балтийского отделения ЛОКАФа впервые в истории нашей литературы была разработана концепция оборонной литературы. «Нас не интересует, — писал Н. Свириг, — проблема войны и армии в литературе сама по себе, в узко литературной постановке... Нас интересует роль художественной литературы как орудия борьбы с империалистическими войнами, как фактор укрепления обороноспособности пролетарского государства. Предстоящая война потребует от каждого советского писателя умения орудием художественного слова способствовать организации нашей победы на фронте»¹⁸⁶.

В Москве издавался еще один печатный орган Литературного объединения Красной Армии и Флота. Это был журнал «ЛОКАФ», первый номер которого вышел в январе 1931 года. Он издавался Центральным Советом ЛОКАФа. В нем впервые были опубликованы рассказы «Дружба» В. Ставского, «Приговор» А. Исбаха, главы из повести А. Малышкина «Севастополь», отрывки из пьесы М. Залки и Г. Павлова «Перекоп», повесть А. Карцева «Ромб», стихи А. Суркова, И. Уткина, А. Ойслендера, А. Прокофьева, литературно-критические статьи С. Михалкова, Р. Мессер, Л. Соболева, Н. Свирина, А. Тарасенкова, Вс. Вишневского и многие другие литературно-художественные материалы. В конце 1932 года, когда начиналась организационная работа по подготовке к созданию Союза писателей СССР, журнал «ЛОКАФ» был переименован в ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Знамя».

В конце 1932 года ЛОКАФ насчитывал в своих рядах около трех тысяч человек. Среди них были профессионалы-писатели, военные журналисты, военкоры-общественники и члены армейских и флотских литкружков.

23 апреля 1932 года вышло постановление ЦК ВКП(б), в котором была поставлена задача «...объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем»¹⁸⁷. В связи с этим Центральный совет ЛОКАФа принял решение о том, что локафовцы войдут в

комиссию оборонно-художественной литературы создаваемого Союза советских писателей.

За два с половиной года своего существования Литературное объединение армии и флота выполнило значительную работу по развитию военной темы в советской литературе, подготовке писателей и журналистов к освещению вопросов войны и армии. Работу, начатую локафовскими писателями, в предвоенные годы продолжила комиссия по оборонно-художественной литературе при Союзе писателей СССР, в которую вошли армейские и флотские писатели. Оборонную комиссию в Союзе писателей СССР возглавлял Всеволод Вишневский. Она занималась подбором писательских сил для художественного отображения жизни армии и флота, организацией военного обучения писателей, подготовкой их к работе в печати в условиях войны. При ее участии в Военно-политической академии имени В. И. Ленина и Военной академии М. В. Фрунзе в 1940—1941 годах были созданы краткосрочные курсы военных корреспондентов, на которых учились К. Симонов, Н. Атаров, С. Щипачев, В. Кожевников, А. Сурков и другие члены Союза писателей. После отработки теоретических тем литераторы проходили лагерные сборы, а затем командировались на практику в окружные и армейские газеты. К. Симонов в своей автобиографии сообщал: «После Халхин-Гола, во время финской войны, закончил двухмесячные курсы военных корреспондентов при Академии им. Фрунзе»¹⁸⁸.

Характеризуя литературную деятельность писателей армии и флота в период 1930—1940-х годов, Всеволод Вишневский отмечал, что все это десятилетие военные писатели готовились к неизбежно надвигавшейся войне. Писатели участвовали в учениях, маневрах, ходили в дальние морские походы. 10 мая 1938 года в «Литературной газете» в виде передовой была опубликована его статья «Мобилизационная готовность литературы», в которой в прямой постановке были рассмотрены вопросы работы писателей и журналистов в условиях ведения боевых действий.

«Что значит для писателя быть в состоянии мобилизационной готовности?» — ставил в ней вопрос автор. И объяснял: «Это значит ясно представлять себе характер своей работы во время войны. Быть в состоянии мобилизационной

готовности — это значит для всей советской литературной армии, для многих тысяч писателей, журналистов, редакторов, работников издательств, корреспондентов глубоко проникать в дух современной войны, изучить, понять врага и разить его в самые уязвимые места.

Быть в состоянии мобилизационной готовности — это значит быть разносторонне подготовленным. Писателю, журналисту придется быть политработником, придется писать самые разнообразные статьи. Оборонный литератор должен быть подготовлен к быстрым, трудным переброскам: на машине, на танке, на самолете, на корабле. Обороннику, будущему спецкору придется делать и тяжелые марши пешком, и спать под открытым небом, и голодать, никогда не отрываясь от линий связи.

Газеты, радиоузы, народ ждут от него информации, материала, правды о войне. И он должен суметь — советский литератор, спецкор — быстро продиктовать, прокричать, а если ему будут мешать — или бомбардировка, или шум моторов, или атмосферные разряды, или радиопомехи, — свое письмо, свой очерк, свое донесение. Если понадобится, он должен уметь читать карту, править машиной, фотографировать, стрелять. Все эти требования встают перед нашей литературной армией.

Время терять нельзя»¹⁸⁹.

В ходе военного конфликта на Халхин-Голе, советско-финляндской войны 1939—1940 годов многие писатели работали военными корреспондентами армейских и флотских газет. Так, К. Симонов был на Халхин-Голе в качестве военного корреспондента газеты «Героическая красноармейская». На советско-финляндской войне в ленинградских многотиражных газетах кораблей Балтфлота служили поэты В. Азаров, Ю. Инге, А. Лебедев, драматург А. Зиновьев, писатель А. Зонин. В газете «Красный Балтийский флот» публиковали свои корреспонденции находившиеся на фронте Вс. Вишневский и Л. Соболев. В газете «На страже Родины» Ленинградского военного округа служил А. Твардовский. В редакциях военных газет служил И. Зельцер, Б. Лавренев, А. Штейн и многие другие литераторы. После окончания советско-финляндской войны вышел ряд сборников, составленных из очерков, статей, корреспонденций, рассказов и стихотворений писателей и поэтов — военных корреспондентов¹⁹⁰.

С началом Великой Отечественной войны функции Оборонной комиссии Союза писателей СССР изменились. Она стала помогать Главному политическому управлению Красной Армии подбирать писателей для работы на фронте, заслушивала отчеты поэтов и прозаиков, занятых в военной прессе, проводила литературные консультации для начинающих литераторов, способствовала публикации в центральных изданиях всего лучшего, созданного литераторами-фронтовиками. На нее возлагались одновременно пропаганда художественной литературы среди советских воинов. В январе 1942 года она была реорганизована в Военную комиссию.

В ее состав наряду с писателями и литературоведами вошли начальник отдела печати ГлавПУРККА бригадный комиссар А. Баев, его заместитель полковой комиссар В. Панов, начальник отдела печати Главного политуправления ВМФ полковой комиссар П. Пашенко. Председателем комиссии был полковой комиссар П. Павленко. За период 1941—1945 годов военная комиссия заслушала творческие отчеты 30 поэтов и 19 прозаиков.

На заседаниях Военной комиссии выступали с сообщениями о своих произведениях К. Федин, А. Сурков, А. Твардовский, И. Эренбург, С. Наровчатов, В. Кожевников и другие писатели и поэты. Однажды на ее заседание была приглашена редакция газеты 9-й армии «Защитник Родины». Члены комиссии совместно с президиумом Союза писателей провели широкие дискуссии, темами которых были: художественная литература о танкистах, о морях, образ советского офицера в литературно-художественном творчестве, военная песня. На последней дискуссии по докладу М. Исаковского выступили композиторы и музыканты И. Дунаевский, А. Новиков, Л. Утесов, поэты В. Лебедев-Кумач, Л. Ошанин, А. Сурков и др.

Бюро пропаганды художественной литературы, работавшее при комиссии, только в 1942—1943 годах организовало 650 выступлений писателей в воинских частях, госпиталях, пунктах всеобуча. Однако главным оружием писателей на войне была сила их слова, размноженного печатным станком или донесенного до человека через радиоэфир. Одна треть членов Союза писателей СССР пошла на фронт¹⁹¹, работала в военной прессе.

«22 июня 1941 года... Оставляю свои тетрадки, наброски, намерения и планы мирных дней в качестве спецкорреспондента, а еще точнее сказать — в качестве именно писателя (была такая штатная должность в системе военной печати), отправляюсь на Юго-Западный фронт в редакцию газеты “Красная Армия”...»¹⁹² — вспоминал А. Твардовский.

Военная судьба Александра Твардовского повторилась в судьбах сотен других писателей. Должность писателя на войне оказалась насущно необходимой.

Агрессор становится другом

В середине 1930-х годов заметно ухудшились взаимоотношения между СССР и Германией, где к власти пришли нацисты во главе с Гитлером. Идеологические разногласия между режимами СССР и Германии привели к развертыванию настоящей пропагандистской войны между ними. В течение ряда лет Германия изображалась в советских СМИ как наиболее агрессивная страна, угрожающая интересам СССР. Много внимания уделялось вопросам о перспективах возможного столкновения с германской армией. Она выступила в качестве противника СССР в известной повести Н. Н. Шпанова «Первый удар», а также в кинофильме «Если завтра война». В полном соответствии с господствовавшей в советской пропаганде установкой о грядущей войне как войне «на чужой территории» и победе в ней «малой кровью» по воле Шпанова «вторгшиеся» на советскую территорию немцы были «отброшены» и «разгромлены» всего за 11 часов боевых действий.

Однако когда 23 августа 1939 года Сталин посчитал выгодным подписать договор о ненападении с немцами, советская пропаганда отказалась от прежнего курса и взяла на вооружение идею о начавшейся «дружбе» с нацистским рейхом. Уже на следующий день «Правда» писала: «Дружба народов СССР и Германии, загнанная в тупик стараниями врагов... отныне должна получить необходимые условия для своего развития». 27 августа в «Правде» было опубликовано «Интервью т. Ворошилова об англо-франко-советских военных переговорах». В нем К. Е. Ворошилов объяснял: «Не потому прервались военные переговоры с Англией и Фран-

цией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате между прочим того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик из-за непреодолимых разногласий». 31 августа, В. М. Молотов, выступая на внеочередной сессии Верховного Совета СССР, прозрачно намекнул на необходимость свертывания антифашистской и антигерманской пропаганды, указав, что в Советском Союзе «были некоторые близорукие люди», которые якобы увлекались «упрощенной антифашистской агитацией»¹⁹³.

Через год, 1 августа 1940-го, Молотов, выступая с докладом о внешней политике СССР, заявил, что «в основе сложившихся добрососедских и дружественных советско-германских отношений лежат не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как СССР, так и Германии»¹⁹⁴. Сам Сталин, начиная с подписания договора о ненападении до выступления перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 года, публично не развивал тему отношений с Германией, предоставив возможность В. М. Молотову высказываться по этому поводу. Это позволило Сталину «оставаться в тени», что способствовало появлению слухов о наличии «прогерманского течения» в советском руководстве, которое якобы возглавлял Молотов¹⁹⁵.

Поворот в сторону сближения с нацистской Германией, воспринимавшейся в Советском Союзе исключительно как «фашистская страна», вызвал сложные процессы не только в общественном сознании, но и в самой советской пропаганде. Среди журналистов и идеологического аппарата партии и армии характерными были признания типа: «Сейчас вообще не знаешь, что писать и как писать» или «Агитацию и пропаганду против фашизма нельзя проводить, так как наше правительство не видит никаких разногласий с фашизмом». Сталин резко пресек нападки редколлегии газеты «Красная звезда» помещать информацию о Германии, отличающуюся от новой официальной точки зрения, и в разговоре с начальником ПУРККА Л. З. Мехлисом обязал немедленно прекратить публикацию материалов с критикой фашизма. Распространенным стало мнение, что вообще «с Германией воевать не

придется». С теми же, кто придерживался прежней, противоположной точки зрения, проводилась «разъяснительная» работа в свете требований ЦК ВКП(б) и ПУРККА, после чего большинство из них «осознавали свои заблуждения»¹⁹⁶.

Журналист Д. Ф. Креминов в своей книге «В орбите войны: Записки советского корреспондента за рубежом. 1939—1945 годы» вспоминал, что договор о ненападении с Германией поверг сотрудников редакции газеты «Известия» в изумление. Креминов, получивший уже 24 августа поручение подготовить передовую статью об этом договоре, не знал, что писать, поскольку сохранял антифашистскую точку зрения¹⁹⁷.

В июле 1940 года в Москву вернулся из Парижа И. Г. Эренбург. Он был встревожен поражением и капитуляцией Франции и был уверен, что Германия вскоре нападет на Советский Союз. Он намеревался рассказать с помощью своих публикаций в центральной прессе, что быстрый разгром этой страны объяснялся не чудодейственной силой вермахта, а слабостью правящего французского режима. Но в иностранном отделе газеты «Известия» ему заявили, что публиковать его статьи не будут. Такой же ответ писатель получил и в редакции газеты «Труд». Здесь даже ему пояснили, что не следует «ничего писать о немцах», а «ругать французских предателей» разрешается. Писатель обратился в Народный комиссариат иностранных дел с намерением поделиться собственными впечатлениями об увиденном. Эренбург был принят заместителем наркома С. А. Лозовским, однако его сообщения и намерения через прессу рассказать об увиденном оказались невостребованными. Тогда верхнему эшелону власти была необходима информация, подтверждающая «правильность выбранной политики», и они не хотели слышать ничего, что омрачало бы советско-германскую дружбу»¹⁹⁸.

В мае 1941 года «Красная звезда» опубликовала два отрывка из романа И. Эренбурга «Падение Парижа». Однако по указанию свыше пришлось убирать из авторского текста слова «гитлеровцы», «фашисты» и еще кое-что. «Это было сделано по прямому указанию Сталина, — пишет в своих воспоминаниях бывший редактор «Красной звезды» Д. Ортенберг. — Чтобы умаслить Гитлера, все неугодные ему слова было запрещено печатать»¹⁹⁹.

В июне 1940 года в связи с подготовкой к годовщине подписания договора заместителю директора Института мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР А. Ф. Бордадыну было поручено написать статью о германском хозяйстве, но при этом строго-настрого предупредили: ничего плохого о Германии писать нельзя. Бордадын подготовил статью, ее рукопись подверглась редактированию со стороны директора института Е. С. Варги, затем — в отделе Народного комиссариата иностранных дел. В результате из нее оказались вычеркнутыми выводы, касавшиеся слабых сторон экономики Германии. Статья была опубликована, журнал «Политучеба красноармейца» рекомендовал ее для изучения на политзанятиях²⁰⁰.

Не только журналистские публикации, театральные постановки, кинопрокат освобождались от тематики, связанной с возможным военным конфликтом между СССР и Германией. Исследователь советской пропаганды В. А. Невежин отмечает, что в архиве журнала «Знамя» сохранились письма, направлявшиеся членами редколлегии авторам, чьи произведения не принимались к публикации, в том числе — исходя из качественно нового состояния взаимоотношений с Германией. Так, 26 ноября 1939 года сотрудник редакции журнала сообщил писателю Е. Я. Ханину: «Я думаю, что Вы сами понимаете невозможность печатать в нынешнее время Вашу рукопись о русско-прусской войне. Это сейчас неуместная тема»²⁰¹. Аналогичные ответы были направлены и другим авторам. Был усилен контроль Главного управления за репертуарами и зрелищами (ГУРК) Комитета по делам искусств при СНК СССР. Его политические редакторы тоже приняли меры, чтобы «нежелательные» произведения не омрачали начавшейся советско-германской «дружбы». Так, еще до подписания договора в июне 1939 года в ГУРК был представлен текст пьесы В. Азовского (Гавриша) «Двойным ударом». Ее название вытекало из сталинской речи на XVIII съезде РКП(б). Советский Союз готов «ответить достойным ударом на удар поджигателей войны». Когда пьеса регистрировалась в ГУРК, ее тема была определена как «будущая война СССР с фашистской Германией и героизм советских людей». Но после подписания пакта обстановка изменилась, и тот же сотрудник ГКУРК 29 августа

та сделал о пьесе заключение: «Сама тематика, рисующая будущую войну с Германией, в данное время политически нежелательна»²⁰².

Таким образом, в советской пропаганде стал проявляться перекося в сторону апологетики успехов германского оружия. Печать освещала международные события, связанные с агрессивной политикой Гитлера, без критической оценки. Центральные газеты публиковали даже приветствия советского руководства германскому правительству в связи с «победой германского оружия»²⁰³.

В. А. Невежин в своем исследовании «Синдром наступательной войны» приводит факт, как в центре г. Ростова-на-Дону была вывешена огромная карта Европы, украшенная цветными флажками с нацистской символикой. С помощью этих флажков ежедневно отмечалось продвижение германских войск в весенней кампании 1941 года. У карты собирались группы людей, оживленно обсуждавших события на фронте войны Германии против ее противников. Комментарии по поводу каждого нового успеха вермахта сводились к следующему: «Он, немец, хитрый», «Супротив его идти никто не может», «Он пойдет куда угодно». Предполагается, что указанная карта принадлежала ростовскому управлению ТАСС²⁰⁴.

Исследователи отмечают, что политический выигрыш от договоренностей с Германией 1939 года омрачался идеологическими издержками и противоречиями. Литература, СМИ, театр, кино были «освобождены» от тематики с возможным конфликтом между СССР и Германией. То, что из тактических соображений она была настроена на обеспечение лозунга о «расцвете дружбы» с Германией, вводило в заблуждение и воспринималось как своеобразное «отклонение» от ее прежнего антифашистского характера. Договор с Германией расхваливался на все лады.

В этих условиях проблематика советских СМИ была в основном связана с пропагандой «великих побед социализма в СССР», провозглашенных в марте 1939 года на XVIII съезде РКП(б), и описанием мрачных картин жизни капиталистического мира. Однако военная тематика в СМИ расширяется и после подписания договора с Германией. В местной печати широко освещаются оборонная работа, овладение моло-

дежью военными знаниями, повышение физической подготовки. Одной из ведущих тем центральной печати оставались регулярные призывы к увеличению выплавки стали, проката, повышению производительности труда на оборонных заводах. Материалы газет не оставляли сомнений о том, что отрасли тяжелой индустрии справляются с плановыми заданиями и количество отправляемых Красной Армии танков, самолетов, орудий и другой боевой техники неуклонно растет.

Очевидно, что поворот в пропаганде на сближение с гитлеровской Германией не снял полностью с журналистов идеологической задачи подготовки населения к войне. Многочисленны были публикации, направленные на военно-патриотическое воспитание. Причем в их характере появилось новое явление — печать, радио, кино обратились к патриотическим традициям русского народа и его армии досоветского периода. Началось это с прославления Александра Невского, Петра I и других героев прошлого и их подвигов, празднования годовщины Ледового побоища, Полтавской битвы и т. п.²⁰⁵

Перед началом военного похода СССР в Западную Украину и в Западную Белоруссию в советских СМИ появился лозунг об этническом и культурном единстве с народами этих территорий. Для этого широко использовалась идея общности судеб русских, украинцев и белорусов, в связи с чем авторы публикаций обращались к давним историческим событиям. Так, напоминалось, что Западная Украина и Западная Белоруссия являлись исконно русскими землями, входившими в Древнерусское государство Рюриковичей и составлявшими единое целое с другими восточнославянскими племенами. Основу этому направлению пропаганды задала статья «О внутренних причинах поражения Польши», опубликованная 14 сентября в газете «Правда» без подписи, но, как установлено исследователями, ее автором являлся А. А. Жданов, а в доработке участвовал и И. В. Сталин²⁰⁶. В статье были нелестные отзывы о национальной политике польского руководства, утверждалось, что его действия превратили Западную Украину и Западную Белоруссию в «бесправную колонию», которая ничем не отличалась «от угнетательской политики русского царизма».

Перед вступлением советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию руководство СССР умело использовало реальный факт оставления польским правительством своей столицы и перехода его на румынскую территорию. В связи с чем подчеркивалось: советское правительство не оставит братьев-украинцев и братьев-белорусов, брошенных на произвол судьбы, беззащитными, для чего частям Красной Армии издан приказ перейти границу²⁰⁷.

Начальник ПУРККА Л. З. Мехлис в директиве от 15 сентября 1939 года, адресованной политорганам Московского, Киевского и Белорусского особых, Ленинградского, Харьковского, Орловского военных округов, войска которых планировалось задействовать в акции против Польши, предписывал немедленно перепечатать правдинскую статью во всех окружных, армейских и дивизионных газетах, а также переиздать ее в виде отдельного бюллетеня. Требовалось развернуть массовую разъяснительную работу вокруг статьи «О внутренних причинах военного поражения Польши», сделав последнюю «достоянием каждого командира, партизанского и красноармейца», провести соответствующие политинформации.

Директива также нацеливала устную пропаганду командиров, политработников, партийного и комсомольского актива «на разъяснение положения белорусского и украинского крестьянства панской Польши», на использование публикаций газет о начавшихся крестьянских восстаниях». В разъяснительной работе рекомендовалось сопоставлять положение украинцев и белорусов, проживавших в УССР и БССР, с положением представителей этих же народов в Польше. Еще ранее, 9 сентября по просьбе Л. З. Мехлиса Оргбюро ВКП(б) приняло постановление об увеличении в этих военных округах тиража газет более чем в полтора раза (с 320 до 515 тыс. экз.). Наиболее существенным было увеличение тиражей окружных газет в Киевском и Белорусском особых военных округах, на базе которых были созданы действующие фронты, начавшие 17 сентября 1939 года вторжение в Польшу. В Ленинградском — на 170 процентов (с 90 до 150 тыс. экз.) и 160 процентов (с 80 до 130 тыс. экз.). Оргбюро также постановило за счет сокращения розничной продажи в городах увеличить для личного состава Красной

Армии лимиты разовых тиражей центральных газет «Правда», «Комсомольская правда», «Известия» и журналов «Большевик», «В помощь марксистско-ленинскому образованию» на 140 тысяч экземпляров²⁰⁸.

15 сентября 1939 года нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия также издал директиву, которая обязывала сотрудников НКВД действовать на польских территориях «в теснейшем контакте с военным командованием», в занятых городах оказывать «всяческое содействие политотделам армии и прикомандированным к ним работникам в немедленном занятии типографий, редакций газет, складов бумаги», а также в налаживании выпуска советских изданий²⁰⁹.

Наступление Красной Армии на Польшу, или, как назвал его Молотов, «военная интервенция Советского Союза» началась ранним утром 17 сентября. В тот же день В. М. Молотов выступил с речью по радио, текст которой был опубликован в печати. В ней сообщалось, что Польша показала свою внутреннюю несостоятельность, местопребывание ее правительства неизвестно, прежние советско-польские договоры утратили силу, а СССР подает «руку помощи своим братьям — украинцам и белорусам, населявшим Польшу». Также подчеркивалось, что Красная Армия с честью выполнит «поставленную перед ней почетную задачу», покроет себя «новыми подвигами, героизмом и славой»²¹⁰.

По требованию директивы ПУРККА «Об изучении речи главы Советского правительства тов. В. М. Молотова» текст этой речи был опубликован во всех окружных, армейских и дивизионных газетах, она доводилась на политинформациях и беседах, обсуждалась на митингах личного состава, на которых были приняты рекомендации, «одобряющие мероприятия правительства, выражающие готовность... выполнить любое боевое задание партии и правительства». Отчеты об этих митингах и отклики на речь В. М. Молотова широко публиковались в газетах «Красная Армия» (Украинский фронт, «Знамя Советов» (Белорусский фронт), в армейской и дивизионной печати. Так как в директивных документах эта военная акция называлась «революционной, справедливой войной», то вскоре этот тезис был развит в красноармейской печати: «Мы смело и решительно идем вперед, ибо

знаем, что ведем самую справедливую из всех справедливых войн, которые когда-либо знала история человечества»²¹¹.

Не только в армии, но и по всей стране проходили митинги в связи с тем, что Красная Армия выступила «на защиту населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Страницы газет были наполнены публикациями о том единодушии, с каким поддержал советский народ действия своего правительства. «Трудящиеся страны Советов подают руку помощи братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу» — этот лозунг в те дни публиковали все газеты.

Далее советская печать отображала то ликование и ту радость, с которой встречало население Западной Украины и Западной Белоруссии воинов Красной Армии. В «Правде» 18 сентября на первой полосе давалась подробная информация под заголовком «Население Западной Украины и Западной Белоруссии восторженно приветствует доблестную Красную Армию». 19 сентября в статье Ем. Ярославского «Кому мы идем на помощь» рассказывалось о великой освободительной миссии советского народа²¹². В частях Красной Армии, освободивших Западную Украину и Западную Белоруссию, издавались военные газеты, в которых значительная часть публикаций посвящалась теме пролетарской солидарности и советского патриотизма. Особую роль в пропаганде этого освободительного похода советских войск играли газеты «Красная Армия» (Украинский фронт) и «Знамя Советов» (Белорусский фронт).

Характерно, что и война фашистской Германии, начатая 1 сентября 1939 года против Польши, тоже получила пропагандистское прикрытие «освободительного» похода за освобождение «угнетенных» немцев, которые проживали на территории Польши. В связи с этим СМИ Геббельса еще с весны 1939 года клеймили «террористическую и опасную национальную политику» руководства Польши, называли ее «государством реакции и упадка», где «паразиты у власти», и изображали разложение господствующей верхушки этой страны, продажность польских руководителей, их оторванность от широких масс населения. Практически осенью 1939-го подобным образом начали вести пропагандистское прикрытие похода советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию и советские СМИ.

Эта работа была всесторонне продумана и тщательно подготовлена синхронно с дипломатической и военной подготовкой, что и предопределило ее конечный успех. Население страны, личный состав вооруженных сил с одобрением относились к тому, что, во-первых, СССР шел освобождать Западную Украину и Западную Белоруссию, во-вторых, отодвинулась западная граница и, в-третьих, предотвратил сделку между Германией и западными державами за счет Советского Союза. Справедливость этого шага объяснялась и тем, что ни Англия, ни Франция, объявив войну Германии, так и не пришли на помощь полякам, хотя и заверяли их в этом.

Халхин-Гол: первый этап пропаганды среди войск противника

С массовым применением листовок советские войска столкнулись во время военного конфликта на Халхин-Голе летом 1939 года Японские самолеты не раз сбрасывали листовки над окопами красноармейцев. Они были главным образом порнографические, которые меньше беспокоили советское командование, но вскоре появились среди них и листовки, в которых утверждалось, что не японские, а советско-монгольские войска нарушили границу. Листовки призывали красноармейцев бросать оружие, переходить в Маньчжурию²¹³. Все это вызвало необходимость усиления контрпропаганды и из Политуправления РККА в политотдел корпуса, действовавшего на Халхин-Голе, поступило указание развернуть политработу среди войск противника и населения оккупированной Маньчжурии в целях морально-политического разложения его фронта. Для ее ведения при политотделе корпуса была сформирована специальная пропагандистская группа, в которую вошли армейские политработники М. И. Бурцев, И. М. Сорокин, И. В. Леванов — все имели высшее политическое образование, преподавали в военных академиях, двое являлись историками и один философом, Бурцев был знаком с опытом пропаганды республиканцев среди солдат Франко. Позднее группа была усилена военным журналистом М. А. Усовым и фотокорреспондентом В. М. Шверником. Таким образом, с этой группы было положено начало образования института ор-

ганов спецпропаганды, который в период Великой Отечественной войны вырос до 3 тысяч офицеров²¹⁴.

В середине июля 1939 года корпус, действовавший под командованием Г. Н. Жукова на Халхин-Голе, был преобразован в 1-ю армейскую группу войск. В те же дни политуправление Забайкальского военного округа передало политотделу 1-й армейской группы войск учебные редакции газет на японском, китайском и монгольском языках — более 30 журналистов, специалистов-востоковедов, переводчиков, полиграфистов с типографией и комплектом шифров-иероглифов (в 3000 знаков). В составе политотдела армейской группы создали штатное отделение по работе среди войск и населения противника. Возглавил это отделение полковой комиссар М. И. Бурцев. Также вскоре в состав отделения вошел и прибывший из Москвы звуковещательный отряд из пяти сотрудников и спецмашин²¹⁵.

По воспоминаниям М. И. Бурцева, большое значение для эффективной работы отделения имело изучение противника. Данные о противнике позволили определить тематику листовок и звуковещательных передач. Они были направлены на то, чтобы вызывать у японских солдат отрицательное отношение к захватнической войне, подрывать их доверие к офицерам, развивать неприязнь к ним, ослаблять моральный дух в войсках, склоняя военнслужащих к переходу в плен. Среди же маньчжур и баргутов пропаганда была направлена на усиление антияпонских настроений, обострение их ненависти к оккупантам.

В одной из листовок, выпущенных спецпропагандистами 1-й армейской группы войск на Халхин-Голе, говорилось:

«Японские солдаты!

Что вам дает и даст завоевание новых земель и порабощение чужих народов? Сотни тысяч ваших солдат, воевавших в Китае, стали калеками. С протянутой рукой, как нищие, сидят они по улицам городов и сел. Они никому не нужны, им никто не помогает. Всех вас ждет такая же участь. Война же нужна генералам и богачам. Они богатеют на этой войне. Солдаты, бросайте оружие, уходите с фронта!»

Листовка, как стало известно позднее от военнопленных, достигла определенного эффекта. В ней был верно сделан расчет на то, что солдат несомненно устал от войны в Китае,

а встреча с сильным противником в Монголии убила в нем сомнения в целесообразности происходящего. Однако ссылка на положение раненых не учитывала того, что, с одной стороны, вокруг них в Японии создавался ореол почета, хотя, с другой стороны, вставала и реальная картина жизни инвалида, известная из доармейского быта, которая могла повлиять на настроение солдата. Самой большой слабостью, признается М. И. Бурцев в своих мемуарах, в листовке являлось то, что не было в ней ответа на вопрос: из-за чего война? Строки о генералах, богатеющих на войне, не спасали положения. Политически неграмотный солдат не мог представить себе, как в степи, на поле боя, вдали от Японии, богатеют генералы.

Верная мысль, высказанная в листовке, увы, не подкреплялась столь же убедительными аргументами — доводами, фактами или примерами — и потому воспринималась японским солдатом в лучшем случае абстрактно, а не конкретно.

Улучшать свою работу спецпропагандистам помогали беседы с военнопленными. Готовясь к ним, они разрабатывали примерный перечень вопросов, направленных на выяснение национальных, психологических и других особенностей японских солдат и офицеров, их настроения, причин недовольства, изучение случаев дезертирства, а также систем идеологической обработки военнослужащих, их традиций и обычаев, условий жизни на родине. Таким образом, определялись сильные и слабые стороны противника, которые учитывались при составлении печатных материалов и звуковещательных программ. В них также использовались известные от пленных специфические солдатские слова и выражения, идиомы, пословицы и поговорки, бытовавшие в японской армии.

Военнопленным также давали ознакомиться с подготовленной листовкой и с учетом их замечаний, поправок или советов затем перерабатывали. Также пленных привлекали писать письма сослуживцам, в которых они рассказывали о том, как живут в плену, как с ними обращаются, что здесь видят (естественно, все это выглядело привлекательным для японских солдат, противоречило тому, что говорили о советском плене и Красной Армии их офицеры и печать).

В конце июля был налажен выпуск трех газет: «Голос японского солдата», «Китайский народ непобедим» и

«Монгольский арат» (для баргутов). В этих изданиях публиковалась международная информация, материалы о положении в Японии, Маньчжурии и Внутренней Монголии, о борьбе китайского народа против японских оккупантов, о Советском Союзе и МНР. Также печатались на страницах газет письма и портреты военнопленных, зарисовки их жизни в плену. В каждом номере давались обзоры военных событий на фронте, которые должны были подвести солдат к мысли о неизбежности поражения японской группировки войск в конфликте на Халхин-Голе. М. И. Бурцев пишет, что в конце июля «некоторые пленные знали наши листовки наизусть или сохраняли их у себя». Особенно благодатной для пропаганды была почва в маньчжурских и баргутских подразделениях: уже в июле несколько групп солдат во главе с офицерами перешли линию фронта, предъявив советские листовки-пропуска. Пленники-японцы уже говорили о «возрастающем интересе солдат к политике», «об опасениях офицеров, как бы солдаты не узнали правду о войне»²¹⁶.

В день наступления советских войск, 20 августа 1939 года, после артиллерийской и авиационной подготовки, на окопы противника посыпались листовки, сброшенные звеном наших бомбардировщиков, а также действовал звуковещательный отряд. Он воодушевлял атакующих гимном «Интернационал», затем обращался к японским солдатам с призывом прекращать сопротивление и сдаваться в плен. Десятки тысяч листовок разбрасывали монгольские кавалеристы, прорвавшиеся в тыл противника. Когда 23 августа кольцо окружения сомкнулось, спецпропагандисты оперативно отпечатали 20-тысячный тираж обращения советско-монгольского командования к японским солдатам. Из этой листовки японские солдаты узнали о факте окружения своих войск, скрываемом их генералами. Это деморализующе подействовало на многих из них. Сообщению об окружении и о безвыходном положении японской группировки войск было посвящено еще несколько листовок и передач звуковещательных установок. В связи с этим участились случаи попыток солдат противника перебежать из своих окопов к советским войскам, но чаще всего эти японские военнослужащие расстреливались своими офицерами.

Первый опыт работы советских спецпропагандистов среди войск противника помог сделать следующие выводы.

Во-первых, чтобы успешно вести работу по разложению войск противника, надо хорошо знать его, иметь о нем постоянную исчерпывающую информацию, оперативно ее использовать для агитационных выступлений, разумеется на языке противника; во-вторых, идеологическую работу на войска противника необходимо строить в органической связи с боевыми действиями своих войск с учетом оперативных планов командования; в-третьих, командиры и политработники должны быть хорошо знакомы со средствами, формами и методами работы по разложению войск противника, их применением в различных боевых условиях; в-четвертых, для ведения пропаганды и агитации на войска противника политорганы должны располагать специально подготовленными кадрами пропагандистов, владеющих соответствующими иностранными языками, знающих противоборствующую страну и армию, а также иметь необходимые технические средства, приспособленные к эксплуатации в боевой обстановке.

Пропагандистское обеспечение войны с Финляндией 1939—1940 годов

27 ноября 1939 г. центральная печать опубликовала «Ноту правительства СССР, врученную посланнику Финляндии по поводу провокационного обстрела советских войск финляндскими воинскими частями», в которой говорилось: «26 ноября, в 15 часов 45 минут, наши войска, расположенные на Карельском перешейке у границы с Финляндией, около села Майнила, были неожиданно обстреляны с финской территории артиллерийским огнем. Всего было произведено семь оружейных выстрелов, в результате чего убито трое рядовых и один младший командир, ранено семь рядовых и двое из командного состава. Советские войска, имея строгое приказание не поддаваться провокации, воздержались от ответного обстрела»²¹⁷.

В ноте заявлялось, что советское правительство не намерено раздувать «этот возмутительный акт нападения со стороны частей финляндской армии, может быть, плохо управляемых финляндским командованием». Но оно хотело бы, чтобы такие возмутительные факты впредь не имели места. Ввиду этого советское правительство, говорилось в ноте,

заявляя решительный протест по поводу случившегося, «предлагает финляндскому правительству немедленно отвести свои войска подальше от границы Карельского перешейка — на 20—25 километров и тем предотвратить возможность повторных провокаций».

Правительство Финляндии в ответ на советскую ноту заявило, что пушечные выстрелы, о которых упоминалось в ноте правительства СССР, были произведены «не с финляндской стороны», а «с советской стороны» и предлагало еще раз провести совместное расследование²¹⁸.

Следующая нота советского правительства имела выраженный пропагандистский характер. В первом же ее пункте заявлялось, что ответ Финляндии отражает глубокую враждебность ее правительства к СССР и призван «довести до крайности кризис в отношениях между обеими странами». Обращение факта артиллерийского обстрела «финскими войсками советских войск, повлекшего жертвы, не может быть объяснено иначе, как желанием ввести в заблуждение общественное мнение и поиздеваться над жертвами обстрела». Только отсутствие чувства ответственности и презрительное отношение к общественному мнению могли продиктовать попытку объяснить возмутительный инцидент с обстрелом «учебными упражнениями» советских войск в артиллерийской стрельбе у самой линии границы на виду у финских войск.

Далее советская сторона расценивала отказ правительства Финляндии отвести войска, «совершившие злодейский обстрел советских войск», и требование об одновременном отводе финских и советских войск, исходящие формально из принципа равенства сторон, как враждебное желание правительства Финляндии держать Ленинград под угрозой.

На самом деле мы имеем здесь не равенство в положении финских и советских войск, говорилось в новой ноте советского правительства, а, наоборот, преимущественное положение финских войск.

Для населения Советского Союза особенно убедительным был тезис этого документа о том, что советские войска не угрожают жизненным центрам Финляндии, ибо они отстоят от них на сотни километров, тогда как финские войска, расположенные в 32 километрах от жизненного центра СССР —

Ленинграда, насчитывающего 3 с половиной миллиона населения, создают для него непосредственную угрозу.

«Не приходится уже говорить о том, что советские войска, собственно, некуда отводить, — заявляло Советское правительство, — так как отвод советских войск на 25 километров означал бы расположение их в предместьях Ленинграда, что является явно абсурдным с точки зрения безопасности Ленинграда». В связи с этим очень убедительным выглядело напоминание о предложении Советского правительства отвести финские войска на 20—25 километров, что является минимальным, ибо ставит своей целью не уничтожение этого неравенства в положении финских и советских войск, а лишь некоторое его смягчение. Далее вывод был следующим: если «правительство Финляндии отклоняет даже это минимальное предложение, то это значит, что оно намерено держать Ленинград под непосредственной угрозой своих войск».

В третьем, последнем пункте ответа Советского правительства на ноту финляндского правительства объяснялось, что, сосредоточив под Ленинградом большое количество регулярных войск и поставив, таким образом, важнейший жизненный центр СССР под непосредственную угрозу, правительство Финляндии совершило враждебный акт в отношении СССР, несовместимый с пактом о ненападении, заключенным между обеими странами. Отказавшись же отвести войска хотя бы на 20—25 километров «после происшедшего злодейского артиллерийского обстрела советских войск со стороны финских войск», правительство Финляндии показало, что оно продолжает оставаться на враждебных позициях в отношении Советского Союза, не намерено считаться с требованиями пакта о ненападении и решило и впредь держать Ленинград под угрозой. Объявлялось, что правительство СССР не может мириться с тем, чтобы «одна сторона нарушала пакт о ненападении, а другая обязывалась исполнять его» и считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией и систематически нарушаемого правительством Финляндии²¹⁹.

Хотя правительство Советского союза и отметило в своей ноте, что «не намерено раздувать этот возмутительный акт

нападения», советские газеты 27—28 ноября поместили не только сообщение об обстреле у села Майнилы, но и многочисленные отклики граждан на этот факт. Вот только заголовки номера за 27 ноября 1939 г. «Ленинградской правды»: «Наглая провокация финляндской военщины», «Поджигатели войны не уйдут от ответственности», «Одобряем внешнюю политику СССР», «Красная Армия — несокрушимая сила», «Дать по рукам зарвавшимся провокаторам». «Красная звезда» в этот день опубликовала стихотворение А. Твардовского (в то время корреспондента газеты Ленинградского военного округа «На страже Родины») «Мы еще ждем», которое начиналось строками:

*На мирное наше
Спокойное слово
Ответили вы
Орудийным огнем.
Хоть память погибших
Взывает сурово,
Но мы еще терпим,
Но мы еще ждем...*

Под стихотворением стояла пометка: «Ленинград. 27 ноября (по телефону)». В этом же номере «Красной звезды» были отклики из войск: «Не потерпим провокаций», «Враг будет уничтожен», «От ответа не уйдут», «Проучить провокаторов войны», «Ответим сокрушительным ударом», «В любую минуту готовы к бою», «Сметем с пути все препятствия». Судя уже по заголовкам, что подтверждалось и текстами под ними, пресса призывала не к оборонительной войне, а наступательной, этот настрой передавали и отзывы красноармейцев.

Еще более угрожающими стали публикации после сообщения ответа советского правительства на ноту финляндского правительства. «Ленинградская правда» 28 ноября 1939 г. поместила резолюции с митингов трудовых коллективов под следующими заголовками: «Советский народ ответит тройным ударом на удар поджигателей войны», «Готовы!», «Обуздать наглых вояк». А вот заголовки номера газеты «Красная звезда» за этот же день: «Политические картежники просчитаются», «Грозное предупреждение», «Поджигате-

ли войны будут биты», «Сотрем в порошок провокаторов», «Обуздаем зарвавшихся наглецов» и т. п.

28 ноября, в день разрыва дипломатических отношений с Финляндией и за сутки до начала советско-финляндской войны, «Ленинградская правда» своими статьями «Пора проучить подлых шавок», «На каждый вражеский выстрел ответим ворошиловскими залпами», «Унять обезумевших гороховых шутов», «Великий советский народ сметет и развеет в прах обнаглевших поджигателей войны», «Бандитов нужно проучить», «Пусть пеняют на себя», в которых выражалась поддержка решений правительства и создавался настрой в обществе к решительным действиям. Публикации «Красной звезды» 29 ноября были еще более откровенными: «Готовы разгромить врага на его же территории», «Ждем сигнала боевой тревоги», «Нашему терпению пришел конец», «Не позволим финской военщине держать Ленинград под угрозой» и т. п.

Директива Политуправления ЛенВО от 27 ноября 1939 года призывала «разоблачать ложь финских и иных дипломатов, которые кричат, что Советский Союз хочет «советизировать» Финляндию, включить ее в состав СССР»²²⁰.

Дело в том, что за рубежом было распространено мнение о таком намерении Советского правительства. В связи с чем даже в речи по радио Председателя Совета Народных Комиссаров В. М. Молотова 29 ноября 1939 года значительное место было отведено этому вопросу. В частности, глава советского правительства отметил: «Враждебная нам иностранная пресса утверждает, что принимаемые нами меры преследуют цели захвата или присоединения к СССР финляндской территории. Это злостная клевета. Советское правительство не имело и не имеет таких намерений...»

В. М. Молотов объявил, что «единственной целью наших мероприятий является обеспечение безопасности Советского Союза и особенно Ленинграда с его трех с половиной миллионным населением. В современной, накаленной военной международной обстановке решение этой жизненной и неотложной задачи государства мы не можем поставить в зависимость от злой воли нынешних финских правителей»²²¹.

В приказе войскам Ленинградского военного округа, подписанном 29 ноября 1939 года командующим К. А. Мерецко-

вым и членом военного совета А.А. Ждановым, указывалось: «...перейти границу, разгромить финские войска и раз и навсегда обеспечить безопасность северо-западных границ Советского Союза и города Ленина — колыбели пролетарской революции»²²².

Таким образом, лозунг обеспечить безопасность северо-западных границ и Ленинграда был основным в пропагандистском прикрытии начинавшейся советско-финляндской войны.

Однако в этом же приказе командующего войсками ЛенВО вслед за ним говорилось: «Мы идем в Финляндию не как завоеватели, а как друзья и освободители финского народа от помещиков и капиталистов».

Казалось, для объяснения причин военной акции достаточно было лозунга безопасности Ленинграда. Но, видно, советские руководители в пропагандистском обеспечении конфликта с Финляндией решили использовать опыт кампании против Польши по освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии. В частности, в сентябре 1939 года был уместно использован реальный факт оставления польским правительством своей столицы и перехода его в Румынию. Этот факт тогда был взят для обличения «незадачливых руководителей» и обоснования начала ввода войск в Западную Украину и Западную Белоруссию. Начиная финскую кампанию, в Москве решили использовать подобного рода неблагоприятный предлог с целью бросить тень теперь уже на правительство Финляндии. Поэтому 4 декабря 1939 года В. М. Молотов на встрече в Москве со шведским посланником В. Винтером заявил, что советская сторона не признает правительства, «покинувшего г. Хельсинки и направившегося в неизвестном направлении». В то же время глава советского внешнеполитического ведомства напомнил о подписании договора о дружбе и взаимопомощи между СССР и Народным правительством Финляндской Республики, назвав его «надежной основой развития мирных и благоприятных отношений между СССР и Финляндией»²²³.

По сообщениям советской прессы, Народное правительство Финляндской Демократической Республики возникло 1 декабря 1939 года в местечке Териоки (Восточная Финляндия), по согласованию левых партий и восставших солдат. Его образованию предшествовало «Обращение ЦК компартии

Финляндии» от 30 ноября 1939 года, адресованное трудовому народу страны», в котором анализировались причины возникновения советско-финляндского военного конфликта, а также содержался призыв к созданию правительства левых сил²²⁴.

В центральной советской прессе 1—2 декабря сообщалось, что тексты «Обращения ЦК компартии Финляндии» и «Декларации Народного правительства Финляндии» были получены с помощью радиоперехвата. Однако установлено, что проекты обоих документов составлены на русском языке, а не переведены с финского и правлены рукой В. М. Молотова²²⁵. В архиве сохранились тексты «Декларации Народного правительства Финляндии» на русском языке и проекта сообщения ТАСС от 1 декабря 1939 года о создании правительства О. В. Куусинена с пометками А. А. Жданова. Его же рукой написано: «Радиоперехват. Перевод с финского», которые появились в заголовке «Декларации...». Он же вписал фамилии членов «правительства Финляндской Демократической Республики», перечисленных в этом документе²²⁶.

Явно не финляндского происхождения был и текст «Обращения ЦК компартии Финляндии, который изобилует советскими пропагандистскими штампами. Например, в нем говорилось: «Больше чем в течение 21 года наша страна была подобно панской Польше гнездом антисоветских интриг...» Термин «панская Польша» — изобретение советской пропаганды. В Польше слово «пан» — вежливое обращение к лицам мужского пола (к женщинам — пани); на Украине до 1917 года паном называли помещика. Видимо, последнее и ассоциировалось в пропагандистском термине «панская Польша», т. е. «помещичья Польша». Распространенными были в советской пропаганде конца 1930-х годов и термины «поджигатели войны», «незадачливые заправилы», «кичливые вояки», «террор и репрессии против революционных сил» и т. п. Стереотипной была формулировка из «Обращения...» и «Декларации» — «мы идем не как завоеватели, а как освободители», которая уже использовалась в период антипольской кампании в сентябре 1939 года, а также в приказе войскам Ленинградского военного округа, изданном накануне войны с Финляндией²²⁷.

И если в СССР подобного рода пропагандистские материалы вначале имели положительное воздействие даже на

представителей интеллектуальной элиты, которые были привычны к глубокому анализу событий²²⁸, то явно просматривавшаяся советская природа этих документов не оказывала ожидаемого эффекта на финское население. Противопоставление «народного правительства» законному, названному «плутократическим» правительству социал-демократов и центристов само по себе казалось финнам невероятным. Тем более, что правительство О. В. Куусинена соглашалось и передать 3970 квадратных километров финской территории на Карельском перешейке СССР взамен 70 тыс. квадратных километров районов Северной Карелии, и отдать на 30 лет в аренду остров Ханко и морскую территорию вокруг него. Утверждения о «белогвардейском терроре» в самой Финляндии, противоречащие действительности, не вызывали доверия к обещаниям правительства Куусинена, изложенным в его декларации. Финны не были согласны подчиниться новому режиму, который взаимодействовал со страной, стремящейся отторгнуть его территорию. Национальное самосознание сплотило их вокруг правительства Маннергейма для борьбы с противником.

Финны были убеждены также в том, что советское правительство проводило в отношении Финляндии экспансионистскую политику с целью «порабощения маленькой Финляндии». Поэтому армия была готова защищать родину, ее свободу и независимость. Более того, часть военнослужащих была заражена идеей борьбы за «Великую Финляндию» — за отторжение Карелии от Советского Союза и присоединение ее к Финляндии, проповедуемой крайними националистами.

Многие финны питали ненависть к СССР. Виновником военного конфликта они считали Советский Союз и его армию. Свою войну против СССР финны называли оборонительной, справедливой, освободительной, ссылаясь на то, что Финляндию поддерживали страны Европы и Америки, помогая ей оружием и добровольцами.

В военном отношении финская армия обладала мощными пограничными сооружениями — «линией Маннергейма», хорошо обученными и физически крепкими солдатами, приспособленными к суровым условиям военных действий в северных районах.

Все эти обстоятельства обусловили высокую моральную стойкость финских солдат и офицеров, их незначительную восприимчивость к нашей пропаганде.

Позднее советское руководство и наркомат обороны вынуждены были признать, что изучение общественного мнения Финляндии не велось. Советская пропаганда не знала, с какими лозунгами идти к населению территории, где действовала Красная Армия. Наносили вред и взгляды на классовую солидарность финских рабочих. Накануне советско-финляндской войны СМИ создавали впечатление, что финские трудящиеся ждут освобождения и чуть ли не с цветами и красными флагами готовы встретить Красную Армию. Советские бомбардировщики сбрасывали над Хельсинки листовки с призывами к рабочим объединяться с красноармейцами и свергнуть иго «капиталистических эксплуататоров»²²⁹.

На первом этапе советско-финской войны тезис об обеспечении безопасности Ленинграда, как цель ведущихся боевых действий, стал уступать место лозунгу об освободительной миссии РККА в Финляндии. В газете «На страже Родины», дивизионной печати, листовках для красноармейцев он доминировал. Соответствующим образом эта тема подавалась и в СМИ для населения Советского Союза. Лозунг освобождения положительно воспринимался общественным сознанием, что порой выражалось не только в откликах печати, но и в письмах советских граждан в ЦК ВКП(б), наркомат обороны. Так, трое демобилизованных в 1938 года военнослужащих Красной Армии в своем обращении к секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву подчеркивали, что они намереваются вернуться в ряды РККА, поскольку переживают «явный стыд и угнетение», оказавшись «в стороне от величайших исторических событий, переживаемых страной в связи с той миссией, которую выполняла Красная Армия по освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии и выполняет сейчас по освобождению финского народа от капиталистического рабства»²³⁰.

Первые публикации о советско-финляндской войне в советской прессе были в духе показа прославления мощи Красной Армии и пренебрежения противником. Так, 2 декабря 1939 года «Ленинградская правда» опубликовала репортаж своего собственного корреспондента С. Бойцова из действующей

армии «Враг лихо... отступает» о начале боевых действий советских войск на финской территории. Журналист уверен в успехе наших войск, показан высокий боевой дух красноармейцев. «Ни один из бойцов не заходит в покинутые финскими кулаками дома. В одном из особняков какой-то господин с издевкой выставил в окне большой кусок жареного мяса. Очевидно, господин помещик имеет представление о Красной Армии только по ложным информациям своих газет. Пришло время, когда мы можем подобных господ попросить для вящей убедительности отведать вкусные украинские щи из походной красноармейской кухни», — писал собкор в заключительной части своей публикации (мол, знай наших, не за жареным куском мяса пришли).

В том же номере «Ленинградской правды» заметка спецкора ТАСС об успешном десанте моряков-балтийцев. Она называлась «В освобожденных деревнях», и главная ее тема — радушное приветствие стариком финном советских десантников. Он тут же им сообщил: «Офицеры, шюцкоровцы, заставили население бросать насиженные места, свое имущество и эвакуироваться. Тем, которые отказывались, угрожали тюрьмой и расстрелом... но многие рыбаки не подчинились. Они знали, что скоро придет освободительница — Красная Армия. И вот, дайте срок, — закончил старик, — многие наши спрятавшиеся рыбаки вернутся из дюн и лесов. Теперь им нечего бояться, раз вы с нами!» Сообщения о радостной встрече трудового населения Финляндии публиковались в «Ленинградской правде» 3 декабря и в последующих номерах газеты в подборках под рубрикой «В освобожденных деревнях». А 4 декабря со ссылкой на германское информационное бюро в прессе появилось сообщение ТАСС об ослаблении боевой деятельности на советско-финляндском фронте и бегстве правительства Рюти из Хельсинки²³¹. «Красная звезда» в этот же день сообщила об общем собрании граждан освобожденного Красной Армией города Териоки, на котором народ горячо приветствовал Народное правительство во главе с О. В. Куусиненом.

8 декабря «Красная звезда» опубликовала заметку «Белофинны добивают крестьян» — сообщение о том, как после непродолжительного боя с финнами советские войска вошли в деревню Паркино, поспешно покинутую ее жителями.

Во время обхода был обнаружен труп финского крестьянина. Как выяснилось из рассказов вернувшихся в деревню жителей, он был расстрелян финским офицером из-за того, что отказывался следовать вместе с другими односельчанами с отступающими финскими подразделениями, как этого требовало командование. Подобные публикации печатались в советской прессе в начале войны постоянно. Сообщения о подобных случаях создавали впечатление о сопротивлении трудового народа финскому режиму.

12 декабря «Красная звезда» сообщила о теплой встрече финскими крестьянами красноармейцев («В финской деревне»), о записи добровольцев в финский корпус, действовавший на стороне Красной Армии («В народную армию»), о том, что «среди солдат финской армии — огромное брожение. Мы беседовали с пленным солдатом Уконеном...», который заявил: «Финской армии уже не существует, она распалась и стала небоеспособной, в лесах действуют только банды шюцкоров и егерей» («Человек с ружьем»).

4 января 1940 года «Красная звезда» проинформировала о расправах маннергеймовских банд над мирным населением за то, что местные жители дают советским частям проводников, что «вынужден признать корреспондент шведской буржуазной газеты “Дагенс нюхетер”». В публикации говорилось о массовых облавах полиции, поиске дезертиров²³².

8 января 1940 года «Красная звезда», ссылаясь на газеты Скандинавских стран, в том числе и на норвежскую «Арбейдербладет», рассказывала об арестах и суровой расправе с революционно настроенными рабочими, списки которых белофинские власти заготовили еще до войны: «Сейчас, с приближением частей Красной Армии, их арестовывают и подвергают серьезным репрессиям»²³³. Большинство публикаций были подготовлены ТАСС и потому публиковались и в других газетах. Подобные публикации Телеграфного Агентства Советского Союза появлялись весь период «зимней войны»²³⁴. Следует заметить, что большинство из них факты для своих сообщений брали из шведской, норвежской печати и газет других зарубежных стран, журналисты которых находились в Финляндии. Поэтому их достоверность не вызывала сомнений у читателей, эти пуб-

ликации убеждали их в реальности происходящего, и они считали военную акцию Советского правительства справедливой.

«Красная звезда» не раз откликалась на публикации зарубежных газет. Например, 30 декабря 1939 года в статье «Бесшабашное вранье «литераторов», работающих на барона Маннергейма». Главная газета военного ведомства СССР писала, что маннергеймовские «военные корреспонденты при поддержке скандинавской буржуазии и социал-демократической печати распространяют самые фантастические небылицы о боях белофиннов с частями Красной Армии». Мюнхгаузеновские приключения прямо блекнут перед небылицами, вышедшими из-под белофинских борзописцев и их сподвижников, сообщала «Красная звезда». В статье приводились примеры того, о чем писали шведские журналисты: рассказ об одном финне, который устоял в бою с 26 красноармейцами; об унтер-офицере, взявшем в плен 25 советских бойцов. «Барон Мюнхгаузен, — заключала «Красная звезда», — посвящал целые страницы своим героическим подвигам и стычкам с врагами, в которых он выходил победителем при любом числе противников. Борзописцы финского барона не уступают своему легендарному сопернику»²³⁵. Обращение к известным литературным персонажам было распространенным приемом, к которому прибегали журналисты противостоящих сторон.

Во время советско-финской войны в газете Ленинградского военного округа «На страже Родины» появилась сатирическая рубрика «Вася Теркин», где печатались стихи об одноименном персонаже, ставшем позднее главным героем известной поэмы Твардовского. Однако зимой 1939/40 года под этой рубрикой публиковались стихи различных авторов. Об этом свидетельствует вышедшая в свет в 1940 году в издательстве «Искусство» брошюра «Вася Теркин на фронте» (подписана к печати 19 февраля 1940 года), где было собрано 18 стихотворений. Автором одиннадцати из них являлся Н. Щербаков, трех — Ц. Солодарь, двух — Н. Тихонов, и лишь по одному принадлежало А. Твардовскому и С. Маршаку²³⁶.

Персонаж «Васи Теркина» был типичным советским парнем, находчивым бойцом, стихи и рисунки создавались

талантливыми поэтами и художниками, вот только обстоятельства, в которые попадал этот герой, были нетипичными, и выход из них, и одерживаемые им победы над врагом напоминали чем-то «мюнхгаузовские» похождения. То есть война изображалась сидящими в тылу журналистами как легкая прогулка, и замерзавшими на передовой солдатами, дравшимися с подготовленным и сильным противником, стихи эти воспринимались неоднозначно. По воспоминаниям солдат — участников этой войны, «Вася Теркин» был более популярен среди тех, кто не участвовал в боях с финнами²³⁷. В «Васе Теркине» в полной мере отразился характер советской журналистики советско-финской войны. Советские газеты в этот период были наполнены публикациями о непобедимости и несокрушимости мощи Красной Армии, доминировала концепция войны малой кровью и на чужой территории, не было глубокого психологического и военного анализа происходящих событий. Опыт работы военным корреспондентом в газете «На страже Родины» позволил А. Твардовскому осмыслить реальность боевой ситуации, всесторонне узнать человека на войне, и в его поэме Василий Теркин отражает черты реального солдата на фронте.

Советско-финляндская война сильно отличалась от похода Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию как по характеру боевых действий, так и по неоднозначности пропагандистского обеспечения. Эффективно действовавший в период антипольской военной акции в сентябре 1939 года лозунг освобождения стал не срабатывать во время затянувшейся кампании «зимней войны». Поэтому 4 февраля 1940 года, в разгар боевых действий, ПУРККА приняло директиву № 29 о задачах агитационно-пропагандистской работы в связи с советско-финляндским конфликтом, которую подписал заместитель Л. З. Мехлиса бригадный комиссар Ф. Ф. Кузнецов. В ней как серьезную ошибку квалифицировало руководство Политуправления Красной Армии выдвижение на первый план пропаганды среди личного состава вопроса «об интернациональных обязанностях... о помощи финскому народу в его борьбе против гнета помещиков и капиталистов». Подобное направление в агитационно-пропагандистской работе в войсках в директиве квалифицировали как

свидетельство «схематизма» и «книжности» комиссаров и политруков.

Директива переориентировала пропаганду в армии на разъяснение «главнейшей задачи в войне с белофиннами», состоявшую в том, чтобы «обеспечить безопасность наших северо-западных границ» и Ленинграда, «ликвидировать плацдарм для войны империалистов против СССР». Парадоксально, что ПУ РККА предало забвению собственные пропагандистские установки, которые в начале войны с Финляндией нацеливали бойцов именно на выполнение «интернациональных обязанностей» перед финскими рабочими и крестьянами.

Причина отказа от лозунга освобождения заключалась прежде всего в ожесточенном сопротивлении финнов. В таких условиях воины Красной Армии недоумевали: почему лозунги, с которыми они вступили на финскую территорию, оказались несостоятельными?

После советско-финляндской войны, 25 июня 1940 года, на совещании с писателями ответственный редактор «Красной звезды» Е. А. Болтин заметил, что «войну с Финляндией мы начали под лозунгом выполнения [Красной Армией] ее интернациональных задач». Однако, по его словам, практика заставила убедиться: этот лозунг, обращенный к красноармейцам, для данной войны оказался неправильным. Поэтому, признавался ответственный редактор газеты военного ведомства, пришлось заменить его другим, правильным — о защите северо-западных границ СССР и города Ленинграда²³⁸.

Этот лозунг дал возможность после подписания мирного договора с Финляндией утверждать в публикациях центральных газет, что поставленные задачи Советское правительство решило: безопасность Ленинграда обеспечена, северо-западная граница отодвинута. Возможно, причина изменения пропагандистских лозунгов изменилась вследствие усложнения боевых действий в связи с успешным сопротивлением финнов, в осуждении общественным мнением западных держав — Англии, Франции и Скандинавских стран, продемонстрировавших готовность поддержать Финляндию. Это изменило и первоначальные цели войны — освобождение финской территории и утверждение на ней нового правящего правительства О. В. Куусинена.

Для осуществления работы по разложению финских войск при политуправлении Ленинградского военного округа был создан специальный отдел, который организовал издание газеты и листовок на финском языке. Вела радиопередачи на войска и население Финляндии специально созданная для этой цели редакция. Во всех четырех действующих армиях округа были образованы отделения по работе среди войск противника. Они занимались выпуском газет, листовок, звукопередач. Во время «зимней войны» с декабря 1939-го по март 1940 года издавались пять газет на финском языке и одна газета на шведском, рассчитанная на воюющих в финских войсках добровольцев-шведов. На всем фронте было задействовано 7 звуковещательных установок. Организовали производство агитснарядов, агитбомб и агитмин, а также для распространения агитационных материалов использовались воздушные шары²³⁹.

Характерно, что М. И. Бурцев и ряд других спецпропагандистов, имевшие опыт работы по разложению японских войск во время военного конфликта на Халхин-Голе, после завершения боевых действий в Монголии были переведены на советско-финский фронт. Бурцев был назначен начальником отделения по работе среди противника политотдела 13-й армии. Вместе с офицерами из резерва, поступившими на комплектование его отдела и подобранными в Ленинграде сотрудниками редакции газеты на финском языке «Голос народа», Бурцев в последние дни декабря 1939 года выехал на Карельский перешеек. Вскоре в распоряжение отдела прибыли и две звуковещательные станции МТУ-39. Таким образом, работа отделения по разложению войск противника началась только в начале января 1940 года. Примерно столько же времени необходимо было и для укомплектования таких же отделов в остальных трех армиях. В этот период работой по разложению войск противника занималась только группа спецпропагандистов отдела пропаганды и агитации политуправления ЛенВО.

М. И. Бурцев отмечал, что не все тезисы, аргументы и призывы советской пропаганды могли привлечь внимание финнов и воздействовать на них на первом этапе войны. Особенно не восприимчивы были финны к пламенной агитации, не подкрепленной убедительными аргументами. «Они любили раз-

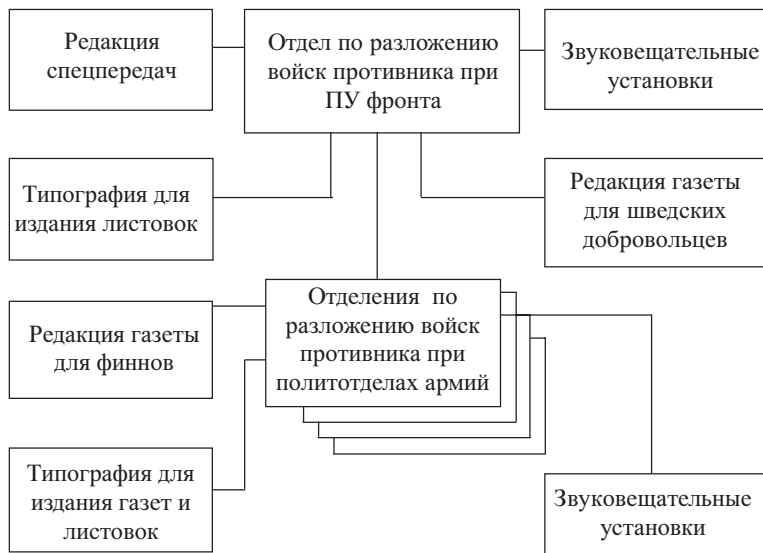
мышлять самостоятельно и приходиться к заключению на основе серьезных доказательств. Именно поэтому больше внимания уделялось выпускам газет для финнов, в которых имелись факты для размещений и выводов. А листовки с общими оценками и призывами так же, как и звуковещательные передачи, были нацелены на склонение военнослужащих противника к выгодным для советской стороны действиям. Так, за время боевых действий типография 13-й армии помимо издания газеты «Голос народа» выпустила всего 15 листовок. Листовочной пропагандой больше всего занималось политуправление фронта — им было издано 89 листовок тиражом около 31 миллиона экземпляров. Общий тираж газет на финском языке составил 2 миллиона 207 тысяч. Авиацией было распространено 17 миллионов экземпляров, артиллерийскими средствами — 5 миллионов листовок, а остальные — при помощи воздушных шаров и войсковой разведки.

В листовочной и звуковещательной пропаганде особенно эффективны были выступления пленных финских военнослужащих, вовлеченных в пропагандистскую работу. Их доводы более эффективно воздействовали на сознание и чувства соотечественников. В форме листовок издали и распространили 52 обращения пленных.

Выводы из опыта «зимней войны» 1939/1940 г. были сделаны на специальном совещании 19—20 июня 1940 г., материалы которого вошли в книгу «Партийно-политическая работа в боевой обстановке», в которой сформулировали и выводы о работе по разложению противника²⁴⁰. В частности, отмечалось, что широкое применение спецпропаганды было обеспечено в результате создания органов по разложению войск противника, появление материально-технической базы для ее ведения, привлечения квалифицированных литературных и пропагандистских кадров. Эта работа велась в сочетании общеполитической пропаганды с оперативной агитацией по злободневным вопросам боевой обстановки, с учетом настроений военнослужащих противника, обстоятельств их службы, состава и т. п. Во время советско-финской войны сложилась и действовала следующая структура аппарата по разложению войск противника: отдел в политуправлении фронта, соответствующие отделения и редакции газет

политотдела армии, типография для выпуска листовок, радиоредакция специального назначения в политуправлении фронта и звуковещательные станции в политуправлении фронта и в армиях (см. схему). Опыт показал, что отсутствие в дивизиях аппарата для работы по разложению войск противника значительно сдерживало оперативность спецпропаганды.

Отмечались и недостатки в работе органов спецпропаганды. К ним прежде всего относились: переоценка политической сознательности финнов, недооценка их глубоких национальных чувств и взглядов. Вследствие этого нереальными являлись призывы и лозунги «Свергайте свое правительство!», «Уничтожайте своих офицеров», «Поднимайте народное восстание» и др. Причинами этих и других ошибок явилось недостаточно глубокое изучение особенностей финских военнослужащих, их взглядов и настроений в начале военных действий. В числе упущений в работе по разложению войск противника называлось и то, что «имело место и смешение, подмена наших аргументов и лозунгов, провозглашенных

Структура фронтового аппарата по разложению войск противника периода советско-финляндской войны 1939/1940 г.

Красной Армией, тезисами и лозунгами, провозглашавшимися народным правительством О. Куусинена».

Опыт работы по разложению войск и населения противника в военных конфликтах 1939 года тщательно изучался, был подготовлен ряд материалов, которые в том же году вошли в книгу о партийно-политической работе в боевой обстановке²⁴¹. В проекте нового Полевого устава РККА, появившегося в 1940 году, от политотделов дивизий впервые требовалось: изучать политико-моральное состояние противостоящих частей и дивизий; вести среди них пропаганду и агитацию в целях подрыва их морального состояния.

Уроки «зимней войны» 1939/1940 года позволили сделать вывод для пропагандистского обеспечения военной акции советских войск по присоединению в июне 1940 года Латвии, Литвы и Эстонии к СССР. В директиве ПУРККА в начале июня 1940 года Л. З. Мехлис на первый план ставил задачу «обеспечить безопасность СССР». И лишь в дополнение к ней, говорилось в директиве, Красная Армия была призвана помочь «трудовому народу» Латвии, Литвы и Эстонии «освободиться от эксплуататорской шайки капиталистов и помещиков». Также делался акцент на то, что все три прибалтийских государства «станут форпостом на наших морских и сухопутных границах»²⁴². Эти тезисы затем тиражировались в многочисленных публикациях советской печати и особенно в военных газетах.

6 августа 1940 года нарком обороны СССР подписал приказ о создании в Главном управлении политической пропаганды (ГУПП)²⁴³ РККА самостоятельного отдела (на правах управления) по работе среди войск и населения противника. Такие же отделы было приказано сформировать в приграничных военных округах, соответствующие отделения — в армиях²⁴⁴. В политотделах дивизий вводилась должность старшего инструктора по специальной пропаганде. В созданный аппарат подбирались высокообразованные специалисты-гуманитарии, знавшие иностранные языки. Начальником отдела по работе среди войск и населения противника был назначен М. И. Бурцев, его заместителем стал А. А. Самойлов, бывший адъютант Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Сотрудниками отдела стали востоковеды И. С. Брагинский, работавший заведующим отделом пропаганды ЦК Компартии

Таджикистана, и германист Д. И. Москвин, который был до этого ученым секретарем Института экономики Академии наук СССР, специалист по Японии Б. Г. Сапожников, финский коммунист И. П. Пакконен, принявший советское гражданство, Н. Н. Берников, призванный в ряды армии после окончания аспирантуры Ленинградского университета, С. И. Самойлов, участвовавший ранее в революционном движении в Бессарабии.

Новые пропагандистские кадры из числа страноведов в большинстве своем тяготели к научно-исследовательской работе и меньше придавали значения методике пропагандистского мастерства, идеологическим средствам. Становление внешней военной пропаганды шло нелегко.

12 октября 1940 года вышла директива ГУПП РККА, которая определила задачи по работе среди войск и населения противника, если империалисты навязнут СССР новую войну. В таком случае директива требовала от политорганов проводить такую политическую пропаганду среди войск и населения противника, которая вызвала бы у них «отрицательное отношение к империалистической войне, протест против своего правительства, симпатии к Красной Армии и советскому народу». В ряду главных направлений пропаганды определялось: разъяснять солдатам противника причины и характер войны, разоблачать ее виновников, цели агрессоров, показывать бессмысленность войны для трудящихся, доводить до военнослужащих противника справедливый характер борьбы Советского Союза.

В директиве обращалось внимание на доходчивость и убедительность пропагандистских материалов, их краткость, конкретность, ясность и доступность для солдат и унтер-офицеров — основной контингент, на которых они должны быть рассчитаны.

Конечно, на подготовке этого документа сказались недостатки опыта, слабая теоретическая база — со времен Гражданской войны в нашей стране не разрабатывалось такого рода директив и наставлений, не велось в этой области и исследований. Определенное влияние оказал и лозунг, что война будет вестись малой кровью и на чужой территории. Исходя из чего более подробно в директиве были освещены задачи предстоящей работы среди населения противника и

менее подробно вопросы информационного воздействия на военнослужащих войск в различных условиях боевой обстановки. Упущено было такое важное направление, как работа с военнопленными.

1941 год: «...во всей пропаганде... преобладает мирный тон»

В Главном политическом управлении Красной Армии довольно реально оценивали военную пропаганду в стране. В январе 1941 года его начальник Запорожец в совершенно секретной докладной записке в ЦК ВКП(б) А. А. Жданову писал:

«Представляю некоторые соображения о военной пропаганде среди населения.

Международная обстановка чрезвычайно накалена. Война, которая может быть навязана капиталистическим миром Советскому Союзу, потребует огромного напряжения материальных средств страны и высокой моральной выдержки советского народа.

Однако во всей пропаганде, ведущейся в стране, преобладает мирный тон, она не проникнута военным духом, слабо напоминает советскому народу о капиталистическом окружении, о неизбежности войны, о необходимости всемерно укреплять оборону своей Родины, быть в любую минуту готовым к борьбе.

Боевые действия в Монголии и особенно в Финляндии показали, что среди некоторой части красноармейцев и начальствующего состава, особенно среди призванных из запаса, сильно развиты пацифистские настроения. Люди, не понимая основ советской внешней политики, хотят мира во что бы то ни стало.

Эти отдельные пацифистские настроения — результат крупных недостатков в нашей пропагандистской работе среди населения»²⁴⁵.

Далее начальник ГУПП РККА отмечал, что при разъяснении внешней политики советского правительства многие пропагандисты и органы печати исходят из упрощенного тезиса о том, что «мы сильны, капиталисты побоятся на нас напасть, сами же мы нападать ни на кого не собираемся». Замалчивается ленинско-сталинский тезис «о неизбежности

войн между Советским Союзом и капиталистическими странами, о том, что такие войны, более жестокие, чем все предыдущие, неизбежны». Очевидно, наши пропагандисты исходят из ложной боязни запугать народ ужасами войны, а на деле морально его не вооружают на предстоящие битвы.

Говоря об итогах походов Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 году и в Бессарабию и Прибалтику в 1940 году, Запорожец указывает на то, что они породили ряд неправильных толкований об интернациональных задачах Красной Армии, что будто бы в случае войны население воюющих с нами стран обязательно и чуть ли не поголовно восстанет против своей буржуазии, а на долю Красной Армии останется пройти по стране противника триумфальным маршем и установить Советскую власть.

Пропагандисты, в том числе и военные, ударившиеся в эту крайность, не понимают, что в условиях капитализма идея социалистического интернационализма близка и понятна лишь передовым слоям пролетариата, а широкие массы еще подвержены влиянию буржуазного национализма и могут быть подняты на войну против Советского Союза. Поэтому Красная Армия не всегда будет иметь дружественную встречу.

В пропаганде иногда забывается, говорилось в докладной записке, что Красная Армия в любой войне выполняет свои интернациональные обязанности, но далеко не всегда выполнение этих обязанностей является главной задачей. «В любой войне, которую поведет Советский Союз, основной задачей Красной Армии будет являться защита Советского Союза — отечества мирового пролетариата. Где и при каких бы условиях Красная Армия ни вела войну, она будет исходить из интересов своей Родины, из задач укрепления силы и могущества Советского Союза. И только в меру решения этой основной задачи Красная Армия выполнит свои интернациональные обязанности»^{245a}. В пропагандистской работе эти положения должного разъяснения не получают.

Также Жданову сообщалось, что население Советского Союза, как правило, не знает сил наших вероятных противников. Изучение сопредельных стран поставлено из рук вон плохо. Этим делом занимается большое количество научных учреждений: Академия наук, Международный аграрный

институт, Институт востоковедения, Институт мирового хозяйства и мировой политики и др. Единого плана работы все эти учреждения не имеют. Они собирают материалы, но слабо их популяризируют. В массовой печати мало статей, которые бы знакомили с географическим, экономическим и политическим положением в сопредельных странах, с развитием техники и вооружения. Редко встречаются эти материалы и в научных журналах.

Совершенно слабо поставлено в стране изучение иностранных языков. Основные языки — английский, французский и немецкий — являются обязательными в средней школе и высших учебных заведениях. Но, как правило, окончившие школы и учебные заведения языки знают плохо и дальше их не совершенствуют. Почти совсем не изучаются языки так называемых малых стран. Во время войны с Финляндией потребовались переводчики шведского языка. Оказалось, что в стране только несколько человек знают этот язык. Изучение его ни одной организацией не поставлено. Советский Союз окружает около десятка малых государств, языки которых не изучаются. Это не вяжется с потребностями обороны».

Начальник ГУПП РККА делал очень важный вывод, что в пропаганде нет трезвой оценки сил Красной Армии, что создает вредные настроения «ура-патриотизма» и «шапкозакидательства». Часто в докладах и статьях без всякого чувства меры сыплются приторные эпитеты: «великая и непобедимая», «всесокрушающая сила», «самая сознательная», «самая дисциплинированная», «армия героев» и т. д.

Конечно, наша армия и народ должны воспитываться в полной уверенности в своих силах и могуществе, в духе высокого советского патриотизма, отмечал Запорожец. Исторические победы Красной Армии, факты героизма и мужества должны находить широкое освещение в печати и в устной пропаганде, на них нужно воспитывать трудящихся, мобилизовывать на дальнейшие успехи. Но при этом нельзя сбиваться на «ура-патриотизм», «шапкозакидательство», которые порождают лишь зазнайство и самоуспокоенность, недооценку трудностей войны, понижают бдительность в отношении противника.

Так же в его докладе отмечались недостатки в воспитании воинского духа у молодежи, военном обучении и физ-

подготовке в средней школе, что городские школьники не видят поля, не знают природы, слабо развиты экскурсии, туризм, охота; придя в армию, молодежь часто боится по одиночке выйти в лес или в поле. «Жизнь в пионерских лагерях построена больше на развлечениях клубного типа. Спорт, лесные походы, ночные тревоги, все то, что вносит суровость в воспитание, развивает смелость и находчивость, не в почете. Последние годы в стране не слышно боя пионерских барабанов». Военная подготовка взрослого населения также находится не на должной высоте. Запущена работа с рядовым и начальствующим составом запаса. «нет с ними занятий, нет для них специальной литературы, не создан культ запасника, он не чувствует повседневной связи с армией».

ОСОАВИАХИМ, который должен вести военное обучение и массовую военную пропаганду, явно с этим не справляется. Все его внимание сосредоточено на военном обучении определенных контингентов по заданиям Наркомата обороны, и кое-что сделано на предприятиях и в городах (сеть кружков стрелковых, противовоздушной обороны, санитарных и т. д.). В деревне же дело обстоит из рук вон плохо. Одно время в колхозах начали создаваться хаты обороны, но в последние годы их почему-то забросили.

Наши общественные организации, особенно профсоюзы, которые должны были бы непосредственно заниматься военной пропагандой, стоят в стороне от этого дела.

В спортивных организациях развита погоня за рекордами. Мало работы по массовым видам физкультуры и спорта. Спорт и физкультура не подчинены требованиям военной подготовки.

Говоря о роли прессы, Запорожец подчеркнул, что военная пропаганда в печати развита слабо. Уже один тот факт, что из всех центральных газет только в одной газете «Правда» имеется военный отдел, показывает, что печать стоит далеко от военной пропаганды. Когда в редакции газеты «Труд» спросили, есть ли у них военный отдел, оттуда ответили: «Нет, мы газета мирная!»

Немногим лучше обстоит дело в газете «Комсомольская правда». В последнее время газета стала помещать отдельные статейки по военным вопросам: о гранатометании, о лыжах и т. д. Но все это только агитация. На страницах газе-

ты нет борьбы за внедрение военных знаний в массы молодежи. Газета слабо борется за воспитание воинственной, физически крепкой молодежи», — отмечалось в докладной записке.

Очень и очень мало занимаются военной пропагандой областные и городские газеты. Многие редакторы этих газет считают, что поскольку им не разрешают писать о жизни частей, находящихся в их городе или области, значит, ничего вообще нельзя писать на оборонную тематику...

В лучшую сторону отмечался журнал «Большевик», который уделял сравнительно много внимания освещению хода Второй мировой войны. «Но его материалы носят общеполитический характер, чаще всего — это обзоры международного положения. В материалах журнала «Большевик» слабо разъясняется и разрабатывается учение классиков марксизма-ленинизма о войне и армии».

Не было военной пропаганды и на страницах других центральных журналов. По этому поводу Запорожец писал: «Большую роль в подготовке населения к войне могли бы играть такие журналы, как «Исторический журнал» и «Историк-марксист», поднимая на своих страницах военную историю русского народа. Но они, очевидно, решили, что, раз издается «Военно-исторический журнал», это не их задача, и отошли от пропаганды военной истории»²⁴⁵⁶.

Из докладной записки начальника ГУПП РККА А. А. Жданову можно узнать, что неудовлетворительно было поставлено и снабжение страны военной литературой. Военное издательство Наркомата обороны, выпускавшее все уставы, военную и военно-историческую литературу, военные журналы, плакаты и лозунги, в силу ограниченных бумажных ресурсов свои тиражи распространяет только в частях Красной Армии. Газеты Наркомата обороны «Красная звезда» и «Боевая подготовка» опять-таки в силу ограниченности тиражей распространялись только в армии. Они не всегда имелись даже в военных отделах обкомов, горкомов и райкомов, совершенно не попадали в Осоавиахимовские организации и военрукам школ. Оборонгиз и издательство Осоавиахима издавали только литературу, связанную с описанием военной техники и учебы в аэроклубах, да и то небольшими тиражами. Политиздат в 1940 году намечал

издать серию книг по военным вопросам для партийных работников, но дальше планов и добрых пожеланий дело не пошло. Центральные газеты и журналы совершенно не занимались библиографией военной книги.

Также отмечалось, что в целях военной пропаганды в стране совершенно не использовались открытки, почтовая бумага, конверты и т. д. Иногда издательства берутся за это дело и начинают выпускать открытки, но обязательно альбомами и возможно подороже. Массового хождения открыток в стране нет.

Все эти факты говорят о неблагополучном положении с печатной военной пропагандой в стране, делал вывод начальник ГУПП РККА.

Не лучше обстояло дело и с устной военной пропагандой. В докладной записке говорилось, что в стране нет систематической пропаганды военной истории и теории военного искусства. В лекториях Москвы читают лекции на любые темы, но только не на военные. Даются циклы лекций о столицах мира и великих кинорежиссерах, но только не о великих полководцах и всемирно известных сражениях. Очень мало лекций о войне на Западе.

«Не создан интерес к памятникам военной истории. Рядом с Москвой находится место Бородинского боя. Почему бы не выработать традиции массовых экскурсий в одно из воскресений к Бородинскому полю? Почему бы не выработать в Ленинграде традиционных экскурсий на Карельский перешеек? У нас не развернута сеть военно-исторических музеев. В Ленинграде имеется в забытом состоянии Военно-исторический артиллерийский музей, и в Москве в нескольких комнатах Центрального дома Красной Армии ютится музей Красной Армии»^{245в}.

Касаясь вопросов литературы и искусства, Запорожец докладывал Жданову о том, что в стране мало распеваются массовых патриотических песен. Союзы писателей и композиторов слабо работают в этом направлении. Музгиз ничего не сделал, чтобы дать стране военные песни. Распространителем песен является только кино. В школах разучивание песен не организовано. В комсомоле даже перестали петь песни перед собраниями или в их перерывах. Клубная самодеятельность строится под эстраду, нет современной песни,

фельетона, скетча. Комитет по делам искусств стоит в стороне от военной тематики в малых формах. Если на сцене и появляется скетч или фельетон о Красной Армии, то обязательно пошленький («Мина» и др.). Современная Красная Армия не показана на большой сцене. В театрах держится, по существу, только одна пьеса на военную тему — «Любовь Яровая», и то рисующая период Гражданской войны. Остальные сошли со сцены как слабые. Нет упорной работы театров над тем, чтобы создать пьесу на тему о защите Родины, достойную нашей эпохи. У нас мало таких постановок, как «Иван Сусанин», «Суворов», «Фельдмаршал Кутузов».

В кино есть замечательные картины, но они отображают героизм Гражданской войны. Ничего крупного, запоминающегося о современной армии нет. Излюбленная тема кино — авиация, но все последние картины в этом направлении однотипны, заурядно, серенько показывают жизнь летчиков. Нет короткометражных (не только хроники, но и художественных) военно-пропагандистских фильмов. Кроме армии, нигде не демонстрируются фильмы-песни, которые помогают разучивать военную песню. Совершенно мало фильмов о военном прошлом нашей страны. На экранах еще не показаны Отечественная война 1812 года, Севастопольская оборона и ряд других волнующих страниц русской истории.

О набравшем все большую популярность радио говорилось, что передачи крупнейших станций страны также слабо насыщены военной пропагандой. Приспосабливают ее к известным кампаниям.

«Мало по радио передач о героическом прошлом, о фактах сегодняшнего дня, воспитывающих советский патриотизм. Выпуск красноармейских известий по радио ничего не дает для армии, так как красноармейцы в это время заняты учебой и его не слушают. Ничего не дает этот выпуск и населению, потому что по своему содержанию на него не рассчитан. Радиокomitee прикрыл этой вывеской все свои недочеты в военной пропаганде. В обычных передачах, в концертах нет ничего военного. Редко передаются военные песни, марши»²⁵⁵.

Критически относился начальник ГУПП и к грампластинкам. Все, что есть на оборонную тематику, — это выступления Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и

пляски, как будто никто, кроме него, и не может исполнять военных песен.

О писателях говорилось, что они должны играть огромную роль в военной пропаганде. От них зависит содержание работы театров, кино, радиопередач и т. п. Однако Союз писателей не задает тона в военной пропаганде, художественная литература бедна в этом отношении. В работе писателей еще господствовал культ опыта Гражданской войны. Современная Красная Армия и современные войны не находили отражения в художественной литературе. Ничего крупного нет в литературе по войнам на Хасане, Халхин-Голе, в Финляндии. За исключением Павленко («На Востоке») и Шпанова («Первый удар») никто из писателей еще не заглянул в будущую войну. Некоторые писатели побывали на фронте, участвовали в походах Красной Армии, но их впечатления не закреплены творческой работой. Подчеркивалось, что литературные журналы до сих пор не имеют рассказа на военную тему, хорошего патриотического стихотворения. Отсутствием материала о современной Красной Армии страдает даже журнал оборонной секции Союза писателей «Знамя».

Не сосредоточено внимание на военной пропаганде и Союза художников. Здесь также преобладает тематика периода Гражданской войны и совершенно мало запоминающихся картин о современной Красной Армии.

Много недостатков в военной пропаганде среди населения происходят потому, делал вывод Запорожец, что военные отделы партийных комитетов не являлись организующим центром военной пропаганды среди населения. Они занимались главным образом поставкой рабочей силы для оборонного строительства, обеспечивали призыв в армию и немного занимались военной подготовкой партийных работников. Они не координировали оборонную работу всех государственных и общественных организаций (комсомол, профсоюзы, пионерские и физкультурные организации, ОСОАВИАХИМ, школа, театр, кино, печать и др.).

Сами военные отделы партийных комитетов не имели единого руководящего центра внутри аппарата ЦК ВКП(б), центра, который направлял бы всю военную пропаганду в стране...

«...Не занимаясь специальным изучением состояния военной пропаганды среди населения, естественно, что ни в

обзоре, ни в предложениях я вопроса не исчерпал, — отмечалось в заключительной части докладной записки. — Было бы целесообразно поручить группе товарищей всесторонне изучить этот вопрос и подготовить предложения для ЦК ВКП(б)»²⁴⁶.

Усиление контроля за СМИ

«Цензура наша имеет значение лишь тогда, когда она предупреждает прорыв политический или разглашение военной и экономической тайны, когда она способствует улучшению как политического смысла и словесного характера, так и внешнего оформления произведения», — подчеркивал начальник Главлита и уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн в печати Б. М. Волин в своей статье «Предварительная цензура — основная задача райлитов», — опубликованной в «Бюллетене Главлита РСФСР и ОВУ (для районов)» № 8 за 1934 год²⁴⁷.

Между гражданской и Великой Отечественной войнами в органах советского контроля за прессой произошел ряд преобразований. Вскоре после передачи их органам ГПУ, 22 марта 1922 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было признано необходимым объединить все виды цензуры в одном центре — при Народном комиссариате просвещения.

6 июня 1922 года СНК утвердил Положение о Главном управлении по делам литературы и издательства при Народном комиссариате просвещения республики (Главлит) и его местных органах.

На Главлит и его местные органы возлагались: предварительный контроль всех предназначенных к опубликованию произведений, изданий периодической и непериодической печати, снимков, рисунков, карт и т. п.; выдача разрешений на право издания отдельных произведений и публикацию работ в периодической и непериодической печати; составление списков произведений печати, запрещенных к продаже и распространению; издание правил, инструкций, распоряжений по делам печати, издательств, типографий, библиотек, книжных магазинов.

В ст. 3 Положения указывалось, что Главлит воспрещает издание и распространение произведений, содержащих

агитацию против Советской власти, возбуждающих общественное мнение путем сообщений ложных сведений, вызывающих национальный и религиозный фанатизм, носящих порнографический характер.

От цензуры освобождались издания Коминтерна, ЦК ВКП(б), губернских комитетов партии, вся партийная пресса, издания Госиздата, Главполиграфпросвета, «Известия ВЦИК» и труды Академии наук.

Возглавлял Главлит заведующий, назначаемый Народным комиссариатом просвещения. Он имел двух помощников, которые назначались коллегией Наркомпроса по согласованию с РВС республики и ГПУ. Они находились одновременно в подчинении заведующего Главлита и ведомства, к которому принадлежали. Заведующим Главлитом в 1923 году был Лебедев-Полянский, а его помощником от военного ведомства — Г. Бокий.

Главлит и его местные органы осуществляли все виды цензуры (военную, политическую, идеологическую и т. д.)^{247а}. Однако статья 8 Положения о Главлите предусматривала, что по соображениям военной необходимости органы цензуры в отдельных местностях, по согласованию РВС с Главлитом, могут переходить в подчинение военному ведомству, которому также предоставлялось право вводить в них специального цензора. На органы ГПУ возлагалась обязанность по борьбе с распространением произведений, не разрешенных Главлитом, с провозом из-за границы запрещенной литературы, выявление подпольных изданий, а также надзор за типографиями.

Главлит пользовался правом приостанавливать отдельные издания, сокращать тиражи, а также закрывать издательства «при наличии явно преступной деятельности, предавал ответственных руководителей суду или передавал дело в местные органы ГПУ»^{247б}.

В инструкции Главлита своим местным органам указывалось, что цензура печатных органов заключалась в недопущении к печати сведений, не подлежащих оглашению (перечень которых прилагался и при необходимости дополнялся); в недопущении всякого рода печатных произведений, через которые проводится враждебная нам идеология в основных вопросах (общественности, религии, экономике, в националь-

ном вопросе, области искусства и т. д.); в недопущении бульварной прессы, порнографии, недобросовестной рекламы и т. д.; в изъятии из статей наиболее «острых мест» (фактов, цифр, характеристик), компрометирующих Советскую власть и коммунистическую партию^{247в}.

Местные органы создавались по образцу Главлита при губернских отделах народного просвещения. В случае наличия в уезде нескольких изданий и больших типографий Облиту предоставлялось право возбуждать ходатайство о назначении уездных цензоров.

Положение о Главлите обязывало руководителей типографий под страхом судебной ответственности строго выполнять все законы цензуры, не допускать печатных произведений без контроля цензуры. Для последующего контроля в Главлит направлялись по 5 экземпляров отпечатанных изданий.

Органы Главлита призваны были не только контролировать печать и другие средства информации, но осуществлять и идейно-воспитательные функции. «В настоящее время все большее значение приобретает печатное слово, одновременно являющееся могучим средством воздействия на настроения разных групп населения Республики, как в наших руках, так и в руках наших противников, — говорилось в Циркулярном письме, направленном в 1922 году областным отделам Главлита и политредактора. — Своеобразные условия пролетарской диктатуры в России, наличие значительных групп эмиграции, усилившиеся благодаря новой экономполитике материальные ресурсы у наших противников внутри республики создали благоприятную для них атмосферу в выступлении против нас в печати. Цензура является для нас орудием противодействия растлевающему влиянию буржуазной идеологии»²⁴⁸.

Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский в 1927 году, оценивая работу Главлита к 10-летию Советской власти, сказал: «Центрально-контрольные органы не только являются цензурными учреждениями. Наряду с цензурными функциями они фактически осуществляют и идеолого-воспитательные функции в лучшем смысле этого слова».

Кроме административного и судебного преследования цензурное воздействие осуществлялось и путем идеологического давления, воздействия на редакцию — путем пере-

говоров, ввода в ее состав «подходящих лиц», изъятия «наиболее неприемлемых» и т. д. Органы Главлита также вели наблюдение не только за частными, но и кооперативными, профсоюзными, ведомственными и прочими издательствами, имели подробные сведения о характере и программе, личном составе правления, связи издательств с общественными и политическими группировками как в России, так и за рубежом. Цензура распространялась также и на зарубежные издания, ввозимые в Россию^{248a}.

Даже свободные от политической цензуры издания не освобождались от военной цензуры. Таким образом, Главлит осуществлял контроль и за ними. Военная цензура осуществлялась через помощников заведующих учреждений Главлита в центре и на местах, работающих от военного ведомства и ГПУ.

Одновременно военным ведомством вырабатывались меры для закрытия каналов утечки секретных сведений. Так, 14 декабря 1923 года Совет труда и обороны принял постановление о запрещении производить фото- и киносъемки военных частей, складов, зданий, крепостей, лагерей, военных кораблей, портовых и других технических сооружений, имеющих стратегическое значение. В развитие этого постановления приказом РВС СССР № 839 от 26 июня 1924 года была введена в действие специальная Инструкция, по которой фото- и киносъемки военных объектов производились только с разрешения Политуправления РККА, которое согласовывало эти же вопросы с особыми отделами ОГПУ.

11 апреля 1924 года специальная комиссия на основе постановления президиума РВС СССР от 18 марта 1924 года признала целесообразным издать перечень воинских частей, номера и полные наименования которых можно было указывать в печати, пересмотреть список запрещенных сведений. 14 апреля 1924 года Президиум РВС своим постановлением № 210/15 одобрил работу комиссии и утвердил указанный перечень.

Контроль за публикациями военной тематики был возложен на Разведывательное управление РККА. По его представлению был издан ряд приказов, в которых указывалось на нарушение порядка печати материалов по военным вопросам. В связи с этим заместитель председателя РВС Уншлихт и председатель ОГПУ Ягода в письме заведующему

Главлитом от 23 сентября 1925 года указывали, что, несмотря на принятые меры, публикация секретных сведений военного характера в печати продолжается. Главной причиной этого они считали отсутствие военного руководства и контроля за работой военных цензоров как в центре, так и на местах, а также слабую их подготовку в военном отношении и отсутствие ответственности у лиц, допустивших разглашение военных секретов²⁴⁸⁶.

Уншлихт и Ягода в своем письме предлагали создать в Главлите военный отдел «с ответственным руководителем, хорошо подготовленным в военном отношении». В руках начальника отдела сосредоточить все руководство военной цензурой. В губерниях также должны быть созданы военные отделения, которые подчинялись бы начальнику военного отдела Главлита. Личный состав, работающий военными цензорами (политредакторами), должен быть заменен «подготовленными в военном отношении» работниками. Намечалось, что они будут нести ответственность перед судом за разглашение военной тайны.

Это письмо обсуждалось на заседании Управления Главлита 1 января 1925 года, где были приняты меры к урегулированию и усилению аппарата военной цензуры. По его решению секретная часть Административно-контрольного отдела была преобразована в Секретный отдел, который подразделялся на две части: военную и экономическую. Возглавлять Секретный отдел назначалось лицо, кандидатура которого согласовывалась с РВС и ОГПУ.

Также было решено более требовательно подходить к подбору цензоров (политредакторов), не допускать передачи функций военной цензуры политредакторам периодических изданий. Ответственность за разглашение секретных сведений возлагалась на военных политредакторов. Ответственные редакторы издательств должны были быть ознакомлены с перечнем сведений, не подлежащих оглашению. Этому документу придавалось важное значение, и он не раз изменялся. Так, 27 апреля 1926 года ЦИК СНК принял постановление «Об утверждении перечня сведений, являющихся по своему содержанию специальной охраняемой государственной тайной». Он состоял из трех разделов: а) сведения военного характера; б) сведения экономического характера; в) иного рода сведения.

В 1929 году вышел в свет новый перечень Главлита, в котором был введен раздел «Промышленность и государственное строительство», а также изложены первые ограничения по вопросам науки и техники. В приказе РВС СССР № 010 от 22 февраля 1930 года были определены сведения о противовоздушной обороне, которые разрешалось или запрещалось публиковать в печати.

В «Краткой инструкции-перечне по охране государственных тайн в печати для районных органов Главлита», изданной в августе 1930 года, не разрешалось оглашать в печати сведения о забастовках, массовых антисоветских выступлениях, манифестациях, о беспорядках «в домах заключения и в концентрационных лагерях», кроме официальных сообщений органов власти. Отдельные случаи антисоветских выступлений оглашать разрешалось по согласованию с органами ОГПУ.

Освещая в печати отдельные факты кулацких выступлений, говорилось в инструкции, нельзя давать данные о массовых выступлениях против Советской власти и партии кулачества, если бы таковые где-либо имели место, сводные данные о количестве террористических актов кулачества. Отдельные сведения об убийствах кулаками общественных работников, крестьян-колхозников должны были сопровождаться классовыми объяснениями убийства («убийство произведено в разгаре классовой борьбы с кулаками, подкулачниками» и т. п.).

В печать можно было пропускать все рисунки и фотоснимки, изображающие использование колхозами кулацких домов, инвентаря для общественных целей (бывший дом кулака, в котором открыта школа, и т. п.), но нельзя было пропускать иллюстраций, показывающих процесс раскулачивания (например: кулак с детьми выходят из отобранного дома или кулака под конвоем отправляют из села). Также объяснялось, как освещать и другие политические вопросы, которым в основном и была посвящена краткая инструкция^{248в}.

Разрабатывались и мероприятия по организации цензуры в военное время. С этой целью 13 июля 1928 года секретариат СНК направил на обсуждение проект Положения, в котором предусматривалось на военное время организовать при Совете труда и обороны особую комиссию из 5 человек: председа-

тель, заместитель и по одному представителю от Наркомвоенморотдела, Наркоминдела и ОГПУ. На эту комиссию предполагалось возложить общее руководство всеми цензурными органами на территории СССР. В марте 1929 года был представлен разработанный ОГПУ проект «Временного положения о военно-политическом контроле на военное время». В нем предусматривалось, что в целях сохранения государственной и военной тайны и «ограждения интересов обороны СССР» по объявлению мобилизации вооруженных сил, а также во время войны по всей территории страны осуществляется предварительный военно-политический контроль. Предполагалось, что с введением указанного Положения Главлит и его местные органы освобождались от функций контроля и эти задачи переходили к ОГПУ (учреждения Главлита поступали в оперативное подчинение ОГПУ).

Народный комиссариат разработал свой проект Положения о Главлите на военное время, который значительно отличался от проекта ОГПУ. Эти проекты обсуждались длительное время.

Пересматривались функции Главлита в мирное время с целью усиления политического контроля за выпускаемой периодической печатью. 5 сентября 1930 года ЦК ВКП (б) принял постановление «О работе Главлита», где отмечалось, что в связи с перестройкой издательского дела в центре, ростом низовой печати и радиовещания и в целях улучшения постановки контроля за литературой, радиовещанием, лекциями, выставками и т. п., поручить Наркомпросу реорганизовать Главлит²⁴⁹. В связи с этим 5 октября 1930 года СНК принял постановление о реорганизации Главлита. Он становился отдельным управлением в составе Наркомпроса, его аппарат освобождался от всяких оперативных работ по предварительному контролю. Весь предварительный контроль им осуществлялся через своих уполномоченных при издательствах, радиовещательных организациях, телеграфных агентствах. На Главлит возлагалось общее руководство всеми видами контроля политико-идеологического, военного и экономического; издание правил, распоряжений и инструкций; выработка совместно с другими ведомствами перечней сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной и не подлежащих опубликованию или

оглашению; разрешение к открытию отдельных издательств и запрещение к изданию отдельных изданий; последующий контроль за выходящей в свет литературой, как с политико-идеологической, так и с военной и экономической точек зрения; составление обзоров литературы и различных ее направлений^{249а}.

26 июня 1931 года постановлением СНК № 643 было утверждено Положение о Главном управлении по делам литературы и издательства и его местных органах. С его введением в действие прежнее Положение о Главлите 1922 года отменялось. На новое Положение сильное влияние оказала директива Политбюро ЦК ВЕП (б) от 5 апреля 1931 года «Об усилении политконтроля за выпускаемой периодической и непериодической печатью», в которой были даны указания об охране государственных тайн, о политико-идеологической цензуре, об институте политредакторов Главлита, об организации цензуры в краях, областях и нацреспубликах.

В результате принятых мер вводился предварительный контроль Главлита материалов, касающихся обороны страны, носящих характер официальных правительственных документов. Усиливалась партийная и уголовная ответственность за пропуск к печати антисоветских изданий.

В июле 1931 года было изменено руководство Главлита. Это было связано «со значительными прорывами на издательском фронте». К ним относились публикация повести А. Платонова «Впрок» в № 3 «Красной ниве», очерков Черного «Герой» и «Киса», «Подкоп» в № 4—5 «Октября», огромная конфискация плакатов в Москве и Ленинграде, признанных недопустимыми к распространению, а также многие другие примеры. Некоторые из них были приведены М. Горьким в его статье «Об антисемитизме».

«Все это свидетельствует о преступно-небрежном, политически неграмотном, а зачастую оппортунистическом отношении ряда уполномоченных и политредакторов к своим важнейшим обязанностям», — указывал новый начальник Главлита Б. М. Волин в циркуляре от 3 августа 1931 года^{249б}.

Усиливается и военная цензура. 7 июля 1931 года был издан приказ РВС № 048, в котором приводились примеры разглашения секретов в военной печати и командирами, назывались виновные сотрудники армейской прессы. Одновременно

в приказе предусматривались меры по усилению контроля за военной печатью: РВС и политуправления округов должны были взять под свое постоянное наблюдение и руководство все органы печати войск округа; практическое осуществление предварительного и последующего контроля за окружной и армейской печатью было возложено на IV отдел штабов округов и армий, а за центральной военной печатью и Военгизом — на IV управление РККА и лично тов. Я. К. Берзина; военное руководство над органами главлитов союзных республик возлагалось на начальника штаба РККА; начальник IV управления штаба РККА должен был разработать инструкцию по применению действующего перечня не подлежащих оглашению в печати сведений и в последующем вносить в него необходимые изменения, дополнения и пояснения.

В августе 1931 года приказом заместителя народного комиссара по военным и морским делам № 062 был введен предварительный контроль всех изданий и документов, публикуемых управлениями военного ведомства. Он возлагался на специального уполномоченного Главлита при народном комиссариате по военным и морским делам, работавшем при IV управлении штаба РККА.

9 апреля 1933 года начальником Главлита была направлена записка в Политбюро ЦК ВКП(б) «О работе и новых задачах органов цензуры», в которой указывалось, что после реорганизации органы Главлита улучшили свою работу, однако при данном состоянии своего аппарата последующим контролем было охвачено лишь до 70 процентов печатной продукции страны. Всего в Главлите было 10 групп (литературно-художественная, учебная, техническая, сельскохозяйственная, социально-экономическая, медицинская, национальная, гостайн, иностранная, оперативная). Весь аппарат Главлита вместе с техническим персоналом состоял из 39 человек. При всех издательствах, газетах и журналах был его уполномоченный по охране гостайн в печати. Главлит был республиканский (РСФСР) орган. «В других союзных республиках цензура — беспризорна, — говорилось в записке, — качественно крайне неудовлетворительна (например — Белоруссии), на Украине — немногим лучше: нет людей, а некоторые области Украины и вовсе не имеют органов цензуры»^{249в}.

В записке прилагалось унифицировать военную, иностранную, а также и идейно-политическую цензуру. То есть на базе Главлита РСФСР создать объединенный Главлит Союза при Совнаркоме СССР или ЦИК с Главлитами союзных республик (непосредственно подчиняющимися центру) при соответствующих Совнаркомах или ЦИКах.

Начальник Главлита Б. М. Волин был сторонником централизации контроля за печатью и другими средствами СМИ. Годом раньше он писал наркому по военным и морским делам К. Е. Ворошилову о том, что положение с цензурой на Украине и Белоруссии неблагоприятное, цензуру в военных округах осуществлять некому, настало время ликвидировать цензурную автономию республик.

23 января СНК СССР принял постановление № 2103/472 об усилении охраны военных тайн, которым предусматривалось создать институт Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати с назначением на эту должность Б. М. Волина. Одновременно группа Главлита по военной цензуре выделялась в самостоятельный отдел. Также предписывалось создать специальную единую инструкцию по охране военных тайн для всех союзных республик. Весь личный состав отделов по охране военных тайн считался состоящим на военной службе в резерве РККА.

«Положение об Уполномоченном СНК СССР по охране военных тайн в печати и об отделах военной цензуры» было утверждено постановлением Совнаркома СССР № 2430/573 от 4 ноября 1933 года. Согласно ему Уполномоченный СНК СССР (он же начальник Главлита РСФСР) осуществлял руководство делом охраны военных тайн в гражданской печати на территории всего Советского Союза и одновременно являлся начальником отдела военной цензуры СССР. При Уполномоченном вводилась должность заместителя по военной цензуре. Отделы военной цензуры создавались также при начальниках Главлитов союзных республик (кроме РСФСР), которые являлись одновременно начальниками этих отделов.

Отделы военной цензуры союзных республик оперативно подчинялись Уполномоченному СНК СССР по охране тайн в печати, на которого возлагалось руководство предварительной военной цензурой печати СССР; организация последую-

щего контроля за сохранением военных тайн во всей печати Советского Союза, а также в других средствах информации страны; управление работой отделов военной цензуры; регулярное (не реже раза в полгода) уточнение с представителями наркоматов и организаций СССР перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной; подготовка перевода военной цензуры с мирного на военное время.

«Предварительная цензура — основная задача нашей работы, — подчеркивал Б. М. Волин в одной из своих статей и пояснял: — Цензура наша имеет значение лишь тогда, когда она предупреждает прорыв политический или разглашение военной и экономической тайны, когда она способствует улучшению как политического смысла и словесного характера, так и внешнего оформления произведения»²⁵⁰.

Предварительную цензуру военной печати осуществляли: многотиражных газет и соединений — начальники разведки штабов этих войсковых формирований, которые по совместительству выполняли обязанности военных цензоров; армейских и окружных газет — специально назначаемые народным комиссаром по военным и морским делам военный цензор и два его помощника; центральной военной печати — шесть военных цензоров (один из них являлся старшим), которые также осуществляли и последующий контроль над всей военной печатью РККА.

Усиливается контроль за радиопередачами. В 1934 году Главлит издает «Инструкцию для работников цензуры над радиовещанием», где предусматривалось контролировать не только текстовый, но и музыкальный материал, а также его исполнение.

Строже становилась проверка публикаций в отношении сохранения секретов. Народный комиссар обороны (НКО) своим приказом № 008 от 11 февраля 1935 года ввел в действие Временное наставление по сохранению военных тайн. Оно состояло из девяти глав: общие положения; о выступлении в печати и общественных местах; о служебных разговорах, переписке с заграницей и о сношениях с иностранными учреждениями; о мерах по сохранению в тайне формирования и дислокации войск; о фотосъемке; о посещении воинских частей, о приеме вольнонаемных на службу в

РККА; о хранении служебных документов; о мерах по сохранению в тайне воинских перевозок. Приказ требовал, чтобы редакторы военных изданий, а также военнослужащие-авторы строго выполняли требования наставления.

Создавались органы цензуры в военном ведомстве. В связи с чем приказом НКО № 068 от 3 мая 1975 года отменялся § 2 приказа РВС № 048 от 7 июля 1931 года, возлагающий на Разведуправление РККА и его органы контроль за военной печатью. Приказом НКО № 0131 от 22 июля 1935 года в действие с 1 июня 1935 года вводилось новое положение «Об организации военной цензуры РККА»^{250а}. Первый пункт его определял объекты контроля: военная печать, военная фотокиносъемка, военное радиовещание, публичные лекции, доклады на военные темы. Для непосредственной работы по их контролю учреждались: в Наркомате обороны — Центральная военная цензура, работающая под руководством начальника Разведуправления РККА и в контакте с Уполномоченным СНК СССР по охране тайн в печати. В штаты управления округов, фронтов и армий вводились должности военных цензоров. В частях и соединениях военно-цензорская работа возлагалась на начальников соответствующих штабов^{250б}. Таким образом, после четырнадцатилетнего перерыва вновь были учреждены органы военной цензуры в армии и на флоте.

В Разведуправлении РККА для осуществления военной цензуры был создан 8-й отдел в составе 11 человек во главе с дивизионным комиссаром П. И. Колосовым. В конце февраля 1937 года приказом НКО СССР № 024 было введено в действие положение «О 8-м отделе разведывательного управления РККА». По существу это было уточненное положение о военной цензуре с учетом изменений, происходящих за два года, но базировавшихся на положении «Об организации военной цензуры РККА» 1935 года. В нем также учитывалась первая практика контроля материалов в ходе подготовки и проведения маневров РККА осенью 1936 года.

На 8-й отдел возлагалось руководство предварительной и последующей военной цензурой всей армейской печати, военных кинофильмов, плакатов и других средств информации. Положение запрещало какое бы то ни было вмешательство в действия военной цензуры со стороны органов и работников наркомата обороны.

Кроме центральной военной цензуры РККА в период существования военно-морского ведомства имелся отдел военно-морской цензуры Разведуправления ВМФ (с 1938 года до января 1941 года) в составе 12 военнослужащих и одного служащего^{250в}.

В 1939 году функции государственного контроля и охраны военных тайн в печати выполнялись несколькими органами: Уполномоченным СНК СССР по охране военных тайн в печати, Главлитом при Наркомпросе РСФСР, Центральной военной цензурой при Наркомате обороны, Военной цензурой при Наркомате Военно-Морского Флота. Помимо указанных цензурных органов функции ее выполнялись и другими учреждениями, а именно: в области искусства — Главреперткомом при Комитете по делам искусства; в области кино — Кинореперткомом при Комитете по делам кинематографии; в области картографии — самим Управлением государственной съемки и картографии при СНК СССР.

Если в РСФСР органы цензуры были узаконены специальным Положением о Главлите, утвержденным СНК РСФСР 6 июня 1931 года, то во всех остальных 10 союзных республиках не было единообразия в системе государственных органов. В одних республиках органы цензуры по аналогии с РСФСР числились при наркомпросах, в других, например, в Казахстане, они числились при СНК союзных республик.

Главлита Союза ССР не существовало, его функции выполнялись Уполномоченным СНК СССР по охране военных тайн в печати, который имел в своем распоряжении аппарат только из двух отделов: иностранного и военного. Для руководства такими отраслями работ, как контроль за технической, сельскохозяйственной и художественной литературой, материалами радиовещаний, проведение изъятия политически вредной литературы, подбор и подготовка кадров, Уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн в печати аппарата не имел и осуществлял эти функции через Главлит РСФСР, начальником которого он являлся. Главлит хотя и продолжал формально числиться при Наркомпросе, давно уже работал как самостоятельная организация и с 1 января 1938 года был переведен на самостоятельный союзный бюджет²⁵¹.

В 1939 году органами советской цензуры контролировалось: газет — 7194 с количеством номеров 898 418, разо-

вым тиражом 35 517 000 экземпляров (без печати РККА и ВМФ); журналов — 1762, объемом 83 035 авторских листов, тиражом 268 590 тысяч экземпляров в год; книг 41 000, объемом 247 066 авторских листов, тиражом около 600 миллионов экземпляров; все материалы ТАСС; 92 вещательные радиостанции, 1400 радиоузлов с собственным вещанием; иностранной литературы 2 357 803 бандероли; библиотек 70 000, из которых органы Главлита изымали политически вредную литературу; типографий — 4681, в которых контролировался порядок производства и выпуска в свет произведений печати. Весь этот объем контролировал аппарат цензуры в количестве 6027 человек, из которых руководящего состава 203, цензоров 4079 (из них 2199 совместителей в районах), обслуживающего персонала 545 человек³⁹⁹.

Таким образом, из приведенных данных видно, что большой удельный вес в выпуске книжно-журнальной и газетной продукции падает на Москву, Ленинград и Украину^{251б}.

«Цензура, охраняя государственные и военные тайны и осуществляя политико-идеологический контроль печати», говорилось в отчете Главлита о работе в 1939 году, исходяла «из решения XVIII съезда нашей партии и больших политических событий, вытекающих из нашего отношения к Германии, событий в Польше, заключенных договоров с Латвией, Литвой и Эстонией и провокационных выступлений белофиннов»^{251в}.

Качество работы цензуры определяется количеством предупреждений (вычерков), отмечалось в вышеуказанном отчете, сделанных цензорами в произведениях печати и материалах радиовещаний после подписи этих произведений к печати редакторами. Среди цензоров было развернуто социалистическое соревнование в этом направлении²⁵². За 1939 год органами цензуры было произведено по Советскому Союзу 66 126 вычерков сведений, не подлежащих оглашению в открытой печати и материалах радиовещаний, из них: сведений об РККА и ВМФ 5794; по военной промышленности и оборонному строительству 2249, по другим объектам оборонного характера 10 537; сведений экономического характера 2781, искажений цитат из произведений классиков марксизма-ленинизма и правительственных документов 2278; политически неправильных формулировок

11 772; переносов, искажающих смысл текста, 2271; опечаток 18 025 и других 10 469^{252a}.

Кроме работы предварительной цензуры, аппаратом последующего контроля местных органов Главлита были своевременно обнаружены ошибки, допущенные, с одной стороны, типографиями в процессе печатания и с другой – предварительным контролем цензуры. В результате этого были задержаны и перепечатаны 423 газеты, общим тиражом 2 248 366 экземпляров, а также 36 названий брошюр и книг, общим тиражом 288 282 экземпляра.

Анализ вычерков и исправлений, произведенных органами военной цензуры в 1939 году, показывал, что в числе ошибок, допущенных в редакциях, было разглашение военных и экономических тайн Советского Союза, искажение решений партии и правительства при их перепечатке или комментариях, неправильные формулировки, идущие вразрез с внешней политикой Советского правительства (договоров с Германией, Латвией, Литвой и Эстонией), неправильное освещение отдельных фактов из истории СССР и советской действительности, «вульгаризация и упрощенчество марксистско-ленинской теории, политически вредные формулировки в виде “опечаток”, искажения цитат из произведений классиков марксизма-ленинизма и руководителей партии и правительства, искажения фамилий руководителей партии и правительства»^{252б}. Вот несколько типичных вычерков и исправлений.

В книге «Сборник статей по антирелигиозной пропаганде», выпущенной в Краснодаре тиражом 5000 экземпляров, на 69-й странице был обнаружен текст, противоречащий нашим отношениям с Германией. Текст исправлен, сделана перепечатка страницы, и книга выпущена в свет.

В книге «Экономика Новосибирской области», изданной в Новосибирске тиражом 5000 экземпляров, раскрывалась подробно экономика области, в том числе и оборонная промышленность. Эта книга запрещена к продаже в книготорговой сети и наложен гриф «Для служебного пользования».

В журнале «Интернациональная литература» № 9–10, Гослитиздат, декабрь 1939 года, в статье Стефана Цвейга «Магеллан» дан политически двусмысленный текст:

«Ведь Магеллан не только покидает родину, но наносит ей ущерб, передавая в руки злейшему сопернику сво-

его короля острова Пряностей, уже занятые его соотечественниками. Он поступает более чем легкомысленно, поступает непатриотично, сообщая другому государству морские тайны. В переводе на современный язык это означает, что Магеллан совершил преступление не менее тяжкое, нежели офицер нашего времени, передавший мобилизационные планы и секретные карты генерального штаба соседнему враждебному государству. Но творческая личность подчиняется иному, высшему закону, не только узконациональному.

Для того, кто призван совершать великие дела, осуществлять возвышающие человеческие подвиги, настоящим отечеством является уже не родина, а это заветное его дело.

Ему скорее дозволено пренебречь временно интересами государства, нежели моральными обязанностями, возложенными на него его особым призванием, его исключительным даром». Цензором это место исправлено.

В книге Ж. Бизе «Письма», издательство «Искусство», Ленинград, имеется ряд мест, в которых автор открыто выступает против Парижской коммуны, называя коммунаров негодяями, безумцами, головорезами, шайкой подлецов, скотами, ворами и т. д. Все эти места цензурой исправлены, и книга выпущена в свет.

В брошюре М. Пришвина «Лисичкин хлеб», издательство «Правда», на странице 49 дан рассказ «Пиковая дама», политически двусмысленный: «Курица непобедима, когда она, пренебрегая опасностью, бросается защищать своего птенца. Моему Трубачу стоило только слегка сжать челюсти, чтобы уничтожить ее, но громадный гонец, умеющий постоять за себя в борьбе и с волком, поджав хвост, бежит в свою конуру от обыкновенной курицы. Бывает ли так у людей? Так я спрашиваю себя, положив на колени газету и глядя на курицу. В газете пишут о маленькой, хорошо защищенной стране, находящейся в грозной опасности. Сумеет ли она постоять за себя? Мне хочется думать, что если это маленькое государство, презирая опасность, в стальном единстве бросится на врага, то и большое государство уйдет, как мой Трубач, в свою конуру». В этом цензурой усматривалась аналогия с начавшейся в конце 1939 года советско-финской войной.

В газете «За социалистическое животноводство», органе Читлинского мясосовхоза Казахской ССР, 8 августа 1939 года в статье «Большевики в годы столыпинской реакции» было напечатано: «В героической истории Всесоюзной Коммунистической партии большевиков особое место занимает период под названием годы сталинской реакции (1900—1912)» (вместо «столыпинской реакции»).

В произведениях печати, особенно в газетах, из-за опечаток было много политических искажений. Наиболее характерными являлись следующие:

следовало печатать

напечатано

бесстрашный
исторический
классовый
намечают
объединение
отразит
превращение
председатель
социализм

страшный
истерический
кассовый
намекают
разъединение
разит
прекращение
предатель
капитализм

Например, в газете «Знамя ударника» Новаторского райкома ВКП(б) Калининской области 6 мая 1939 года было напечатано: «В массах трудящихся всего мира растет ненависть к хищному социалистическому (вместо “капиталистическому”) строю».

В газете «Организатор», выходившей в Лежневском районе Ивановской области, 3 октября 1939 года было напечатано: «В то время как в Европе полыхает пожар войны, наша страна в результате осуществления политики партии продолжает подобные (вместо победные) шествия по сталинскому пути»^{252в}.

Л. З. Мехлис считал, что причины этих опечаток и искажений вызваны недостатками в работе с кадрами и происканиями контрреволюционеров. Став заведующим отделом печати и издательств ЦК ВКП (б), он вызвал всех цензоров центральных газет. «В результате предварительного знакомства с этими людьми, — писал он секретарям ЦК ВКП (б) Сталину, Кагановичу, Андрееву, Жданову, Ежову, — выяснено,

что кадры газетной цензуры засорены политически ненадежными людьми. Из 25 человек, которых мы вызвали в отдел печати, по меньшей мере 8 человек вызывают серьезные сомнения.

Так, цензорами в ТАССе работают Аветисян — дважды исключавшийся из партии за связь с Ломинадзе, с Чаплиным; цензор Сприндис, уроженец Литвы, человек непроверенный, дал рекомендацию на секретную работу человеку, арестованному органами НКВД; Войник-Латычевский — литовец, был интернирован с корпусом Гая, до 1920 г. находился в Пруссии, работает цензором по немецкой газете и с. х. газетам; Жилинский — латыш, цензор иностранных газет, владеет 9 языками, до 1927 г. ездил по разным странам (Литва, Германия, Англия), нуждается в серьезной проверке.

Среди цензоров есть люди малограмотные, не имеющие ни достаточного общего образования, ни политического. Например, Федоров — цензор газеты “Индустрия”, до 1933 г. всю жизнь работал зав. складом, зав. гаражом, нигде не учился, во всех отношениях человек малограмотный²⁵³.

Гораздо хуже, по мнению Л. З. Мехлиса, было положение с цензорами областных и районных газет. Обкомы партии, как правило, не считали нужным выделять на эту работу людей. Встречались случаи выпуска газет без визы цензора. А бывший редактор воронежской «Коммуны» совершенно не считался с уполномоченным Облита. В номере этой газеты за 9 мая 1937 года было напечатано, что партийные организации сумеют «возглавить политический переворот в жизни страны». В этой газете 28 августа было напечатано о необходимости вовлечь широкие массы трудящихся «в борьбу с ликвидацией последствий вредительства».

Ссылаясь на обследование Куйбышевского Облита уполномоченным Комиссии партийного контроля, Мехлис сообщал об «исключительной засоренности» этого цензурного учреждения «вражескими элементами», в результате чего «в газетах появляются контрреволюционные вылазки. Так, в “Волжской коммуне” 20 июня 1937 года в опубликованном докладе Постышева было напечатано: “Тов. Сталин особенно подчеркнул, что для победы классовых врагов в новой обстановке необходимо овладеть большевизмом”. В газете Елховского района “За большевистские колхозы” 27 июня

того же года при перепечатке передовицы “Правды” допущена контрреволюционная вылазка. Напечатано: “Добить партийных и непартийных большевиков, преданных партии и Советской власти, преданных делу коммунизма”».

По предложению Л. З. Мехлиса в целях ликвидации бесконтрольности в работе Главлита, укрепления цензорского состава Оргбюро ЦК ВКП(б) 21 октября 1937 года приняло постановление «О цензорах центральных, республиканских, краевых, областных и районных газет». В результате цензоры были введены в номенклатуру работников, утверждаемых партийными органами. Цензоров центральных газет утверждал ЦК ВКП (б), цензоров республиканских, краевых и областных газет — ЦК союзных республик, крайкомы и обкомы; районных газет — райкомы^{253а}.

Заведующий отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) считал, что аппарат Главлита “засорен чуждыми людьми и вражескими элементами. 22 ноября 1937 года он в записке секретарям ЦК ВКП (б) Сталину, Кагановичу, Андрееву, Жданову, Ежову, председателю СНК Молотову сообщал: “За последние три месяца из центрального аппарата уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и Главлита РСФСР было изъято и изолировано 11 человек, в том числе оба заместителя Ингулова — Тянэев и Стельмах. Один из них — Стельмах руководил отделом военной цензуры, другой — был первым заместителем. Также были изъяты начальник отдела иностранной цензуры Борщевский и начальник Главной инспекции Лясковский.

Важнейшие участки Главлита — военная цензура, отдел иностранной цензуры, Главная инспекция находились в руках врагов народа. Пользуясь безграничной поддержкой и активной защитой начальника Главлита Ингулова, они широко использовали аппарат Главлита в своих шпионских целях. Все они, за исключением Тянэева, были приглашены на работу в Главлит Ингуловым. Он вместе с парткомом, идущим у него на поводу, глушил сигналы о вражеской работе своего заместителя Тянэева и его сподвижников по шпионским и вредительским делам. Разоблачительный материал о Тянэеве мариновался у Ингулова несколько месяцев”^{253б}.

Под нажимом Отдела печати и издательств ЦК ВКП(б) за последнее время из центрального аппарата Главлита было

удалено 60 человек, из них 17 исключены из партии. Однако очистка аппарата Главлита, по мнению Мехлиса, далеко еще не закончена. «Такие важнейшие участки Главлита, как отдел иностранной литературы (Садыков), сектор контроля за книготорговой сетью и библиотеками (Чурин), возглавляются политически сомнительными людьми, — писал он. — В частности, Садыков, по словам секретаря парткома, почти установленный шпион, и тем не менее он продолжает оставаться на работе в Главлите».

Именно вредительской деятельностью вражеских элементов Мехлис объяснял массовое изъятие Главлитом литературы (особенно на национальных языках) и рассылку в десятках тысяч экземпляров списков изымаемых книг с указанием фамилий авторов.

В вину Главлиту вменялись и факты проникновения анти-советской фашистской литературы (книг, газет, журналов), и случаи разглашения военных тайн. «Отдельные газеты, — сообщалось в записке, — с молчаливого согласия цензоров Главлита превращаются в легальную трибуну для враждебных элементов (в порядке цитирования и прямых выступлений). Сотни изданий выходят без просмотра цензурой, ибо руководство Главлита преступно развалило низовой аппарат».

В результате этой записки Л. З. Мехлиса ЦК ВКП (б) постановил снять С. Б. Ингулова с работы начальника Главлита²⁵⁴. По предложению Отдела печати и издательств ЦК вскоре начальником Главлита был утвержден Н. Садчиков. Он же был назначен и Уполномоченным СНК СССР по охране военных тайн в печати.

Словом, период репрессий 1937—1940 годов был сложным и для кадров органов цензуры СССР.

Одним из важных участков работы Главлита был контроль за иностранной литературой, поступающей из-за границы. А они порой были необычными. Так, об одном из них Л. З. Мехлис в записке Сталину, Кагановичу, Андрееву, Жданову, Ежову и Молотову, отправленной 4 ноября 1937 года, сообщал, что из-за границы, преимущественно из Германии, в СССР через Наркомвнешторг поступает значительное количество различной технической рекламы. Эта на первый взгляд столь невинная «литература» легально широко распространялась по всем нашим учреждениям и промышлен-

ным предприятиям и являлась, по мнению заведующего Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б), завуалированной формой фашистской пропаганды.

Он считал, что типичным примером подобного рода продукции являлся полученный предприятиями Станкоимпорта каталог германской фирмы «Цейс» «Технические приборы для точных измерений». Книга эта была издана в Берлине на русском языке и специально предназначена для работников советских промышленных предприятий. Однако значительная часть первого раздела каталога была посвящена описанию социального положения немецких трудящихся. В частности, сообщалось: «Все рабочие и служащие по истечении пяти лет работы имеют право на пенсию на случай инвалидности или старости, а также на вспомоществование семье в случае смерти трудящегося. Рабочим оплачиваются также все законные и обязательные праздники, падающие на какой-нибудь из дней рабочей недели; кроме того, они имеют право на оплаченный отпуск в течение от 1 до 3 недель, в зависимости от проработанного времени. Семьи рабочих и служащих после смерти главы семьи получают в течение трех месяцев вспомоществование в размере последнего заработка покойного, после чего вступает в силу получаемая ими пенсия...»

После обильной дозы подобного фашистского красноречия в книге печатаются уже прямые поручения гестапо, сообщал Мехлис. Так, желая выудить у наших работников подробные сведения о советской промышленности, берлинские авторы услужливо обещают «давать полезные советы каждому, кто по предварительному ознакомлению с настоящим каталогом пожелает предложить нам на разрешение ту или иную задачу», требуя лишь «обратить особое внимание на сообщение возможно более полных и подробных указаний (лучше всего с предложением чертежей и образцов) по нижеисследующим вопросам:

Назначение измеряемых объектов?

...Относятся ли измеряемые объекты к категории индивидуального или серийного производства?» и т. д.

«Следует также обратить внимание еще на один вид легальной фашистской пропаганды, — говорилось в записке Мехлиса. — Ежегодно Наркомвнешторг, ИНО НКПТ и дру-

гие ведомства аккуратно к началу года получают из-за границы, особенно из Германии (от Круппа, Демага, АЭГ, Цейса), в огромных количествах всевозможные календари, настольные и стенные, записные книжки и т. п., изданные на русском языке. Наши умники развешивают и расставляют эти календари в своих кабинетах и приемных, не смущаясь тем, что в календарях содержится неприкрытая фашистская пропаганда: указания о фашистских праздниках, дне рождения Гитлера, “победах” германского оружия и т. д.

Пора Наркомвнешторгу положить конец наглой фашистской пропаганде в нашей стране»^{254a}.

В связи с заключением договора СССР с Германией, вводом советских войск в Латвию, Литву, Эстонию, резко изменился характер публикаций о Советском Союзе не только в буржуазной печати Англии, США, Франции и других западных стран, но и партий II Интернационала. В соответствии с этим Главлит усилил просмотр печати, поступающей из-за границы. В 1939 году в Главлит поступило 2 357 803 бандероли. Из этого общего количества отделом иностранной литературы было прочитано контрольных экземпляров: газет — 94 797, журналов — 15 1459, книг — 57 798, мелкопечатных материалов — 308 590. В результате 44 087 контрольных экземпляров были запрещены для широкого пользования и переданы учреждениям и организациям, имеющим право пользоваться запрещенной иностранной литературой.

Кроме того, было конфисковано 17 561 бандероль с газетами, журналами и книгами, высылаемыми троцкистскими, социалистическими и белоэмигрантскими издательствами бесплатно в адрес учреждений, организаций и отдельных лиц.

В адрес Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) было получено на иностранных языках в порядке книгообмена 130 553 печатных произведений. В результате проверки было переадресовано учреждениям и организациям, имеющим право на получение запрещенной иностранной литературы: диссертаций на немецком языке 217, журналов на английском языке 196, журналов на польском языке 46, книг на польском языке 10 и книг на итальянском языке 12. Конфисковано грампластинок 450^{254б}.

В 1938—1939 годах органы Главлита проводили работу по изъятию из библиотек и книготорговой сети книг репрес-

сированных авторов. За два года Главлитом и его местными органами было издано 199 приказов на изъятия произведений 1860 авторов с 7809 названиями книг; 4512 книг отдельных авторов, 2833 сборника и 1299 названий списано в макулатуру. Всего таким образом изъято 16 453 названия, что составило 24 138 799 экземпляров книг²⁵⁵.

В июле 1939 года был разработан «Перечень сведений, являющихся государственной и военной тайной на военное время». Он запрещал выписывать многотиражные газеты и журналы иностранным подписчикам, была прекращена межобластная и межреспубликанская подписка на всю периодическую печать внутри страны, установлена цензура материалов, передаваемых за границу, не разрешалось издавать различные статистические справочники и картографические материалы. В нем имелось «Дополнение к перечню на военное время», которое было введено в действие 17 сентября 1939 года на территории Украинской и Белорусской ССР, Карельской АССР и областей: Тульской, Орловской, Московской, Смоленской, Горьковской, Курской, Калининской, Ленинградской, Мурманской, Ярославской, Вологодской и Архангельской.

13 декабря 1939 года, в связи с переходом на мирное положение, «Дополнение к перечню на военное время» было отменено на Украине и в Белоруссии, а также по областям: Тульской, Орловской, Московской, Смоленской, Горьковской, Курской, Ивановской и Ярославской. Но в связи с советско-финской войной он продолжал действовать до весны 1940 года в Ленинградской, Мурманской, Вологодской, Архангельской и Калининской областях и Карельской АССР. «Дополнение к перечню на военное время» запрещало опубликование в печати каких бы то ни было данных о продвижении, дислокации, военных действиях Красной Армии и Флота, Воздушного флота, данных о работе промышленности, транспорта, метеорологии и других областей народного хозяйства, связанных с обеспечением успешного действия Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Флота^{255a}.

С началом Великой Отечественной войны органы цензуры приступили к выполнению своих задач согласно нормативным документам на военное время. В начальный период местные органы Главлита испытывали большие трудности с

кадрами из-за того, что многие опытные работники были мобилизованы в армию. В связи с этим в приказе № 270 от 26 мая 1942 года Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати, начальника Главлита Н. Садчикова отмечалось, что «дело цензуры, несмотря на военную обстановку, продолжает отставать от предъявляемых к ней требований: нередко случаи, когда наши товарищи допускают разглашение военных и государственных тайн в печати, а также политико-идеологические ошибки.

Все это происходит потому, что за время Великой Отечественной войны со стороны начальников Главкрайоблитов ослаблено внимание к делу подбора, закрепления и воспитания кадров [...].

Отсутствие системы в деле подготовки кадров привело к тому, что деловая квалификация цензоров-совместителей, а подчас и штатных работников крайне низка: они слабо знают перечни и дополнения к ним; не изучают инструкции и информационные письма, недостаточно повышают свой идейно-политический и общекультурный уровень»²⁵⁵⁶.

Были разработаны мероприятия по улучшению работы с кадрами, в которой значительное внимание уделялось оказанию конкретной помощи неопытным работникам. Больше стали выдвигать на цензорскую работу женщин. Проводились совещания цензоров. В 1942 году Главлитом были изданы брошюры «Строго хранить тайны социалистического государства» и «О некоторых вопросах работы цензуры во время войны», в которых разъяснялись методы цензурной работы, а также были сжато сформулированы инструкции, приказы и перечень по охране военных и государственных тайн в печати. На проведенных в 1942 году кустовых совещаниях начальников Главкрайоблитов давались отзывы об этих брошюрах как о полезных и необходимых пособиях в практической работе цензоров. В 1943 году была издана брошюра «Цензура в дни Отечественной войны». В ней в связи с характеристикой нацистской пропаганды приводились выдержки из выступлений фашистских главарей, упоминались номера военных заводов с указанием области их нахождения, приводились данные из справочника Джейна с той целью, чтобы предупредить цензоров не подтверждать и не опровергать в нашей печати указанных в справочнике сведе-

ний о Советском Союзе. Несмотря на то что эта брошюра была издана с грифом «секретно», она содержала информацию, которую не имели право получать начальники Главк-райоблитов, и по этой причине была изъята из обращения. 28 июля 1943 года по поводу допущенной ошибки Уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальник Главлита Н. Садчиков представил письменное объяснение секретарю ЦК ВКП (б) А. С. Щербакову²⁵⁶.

4 марта 1943 года ЦК ВКП (б) направил специальное письмо редакторам центральных газет, в котором обращал внимание на необходимость строжайшего соблюдения государственной и военной тайн в печати и не допускать разглашения сведений секретного характера. В письме подчеркивалось, что редактор наряду с цензором несет ответственность за разглашение государственной тайны в печати.

Значительную работу в ходе войны вела военная цензура. Она контролировала не только материалы открытых видов информации, но и грифованные издания (за исключением приказов и директив командования). Последующий контроль осуществляли вышестоящие органы военной цензуры, а также цензоры, разрешившие материалы к опубликованию. Выпуск газеты в свет оформлялся не редактором, а военным цензором.

О масштабе и объеме работы органов военной цензуры в годы Великой Отечественной войны можно судить хотя бы по тому, что в то время в Красной Армии и Военно-Морском Флоте издавались 20 военных журналов разовым тиражом 1 млн. 960 тыс. экземпляров, 5 центральный военных газет, 18 фронтовых, 4 флотских, 18 окружных, 110 армейских, 15 флотильских и ВВС флотов, 160 корпусных, 880 дивизионных и корабельных, 110 военных газет на языках народов СССР, 7 — для населения оккупированной врагом советской территории, 9 — для населения европейских стран, 20 — для войск противника и одна фотогазета. Всего 1357 наименований газет разовым тиражом 6 миллионов 256 тысяч экземпляров^{256а}.

В 1942 году Отдел военной цензуры был выделен из состава Главного разведуправления и сохранен в НКО как самостоятельный отдел. Также цензоры округов фронтов, армий выделялись из разведорганов и подчинялись начальни-

кам штабов. Штат Отдела военной цензуры состоял из семнадцати военнослужащих и четырех служащих, в него входили 4 отделения: центральных военных газет; продукции Воениздата; грифованных изданий; последующего контроля, а также секретная часть. В 1943 году Отдел военной цензуры был включен в состав Генерального штаба.

16 декабря 1947 года приказом народного комиссара вводится новое «Положение о военной цензуре в Красной Армии» (положение 1935 года отменялось). Новое положение было рассчитано на военное время. Военный цензор наделялся правом запрещать полностью или частично печатные и другие материалы, если в них разглашалась военная тайна, контролировать военные типографии, а также гражданские, выпускающие военный заказ. Решение цензоров подлежало беспрекословному и немедленному исполнению. Все спорные вопросы решались в центре начальником Отдела военной цензуры Генштаба. Цензурная работа являлась секретной, и всякие изменения, вычерки, изъятия доводились только редактору, заместителю и их прямым начальникам.

В феврале 1944 года были введены «Правила по сохранению военной тайны в печати Красной Армии (на военное время)», утвержденные начальником Генштаба генералом Антоновым. Они устанавливали порядок освещения опросов мобилизации, организации войск, их дислокации, боевой подготовки, военных действий партизан, проблем дисциплины и политико-морального состояния личного состава, материального и финансового обеспечения, показа путей сообщения, санитарно-ветеринарного обеспечения, оборонительного строительства, деятельности организаций, содействующих обороне страны, и других важных сведений, публикация которых наносила ущерб государству и Красной Армии. Правила предусматривали публикацию в открытой печати только тех сведений, которые не представляли собой государственную тайну или не давали косвенных признаков для ее раскрытия. Правила состояли из четырнадцати разделов, к ним прилагались: перечень частей и соединений Красной Армии, о составе и организации которых разрешалось упоминать в открытой печати; перечень вооружений и боевой техники Красной Армии, разрешенных к открытому опубликованию; извлечения из Уголовного кодекса РСФСР в

редакции 1926 года с изменениями на 1 июня 1942 года и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 ноября 1943 года об ответственности за разглашение государственной тайны и об утрате документов, содержащих военную тайну. Эти правила действовали до конца Великой Отечественной войны.

Предварительный контроль осуществлялся до выхода издания в свет, а последующий контроль после его распространения.

Материалы в набор принимались без визы цензора. На контроль представлялась полностью оформленная полоса. После исправления новые оттиски вторично докладывались цензору, и он, сверив исправления, разрешал «К печати». Выпуск «В свет» осуществлялся с разрешения цензора. Таким образом, предварительная цензура, как правило, состояла из трех стадий. В период войны местная газета давалась на просмотр военному цензору.

Органы цензуры также осуществляли контроль периодичности, объема, формата и тиража изданий. (Тиражи военных изданий в выходных сведениях не проставлялись.) В типографиях проверялись производство и выпуск в свет продукции, соблюдение правил рассылки сигнальных и обязательных экземпляров и учет заказов.

Таким образом, главные задачи цензуры в годы Великой Отечественной войны заключались в том, чтобы не допустить в печати, радиовещании и других средствах информации разглашения военной тайны, осуществлять политико-идеологический контроль СМИ; воспретить нарушение установленных законов и приказов военного командования.

Советская пропаганда в годы войны

Перестройка системы СМИ

С началом войны была проведена организационная перестройка печати с целью широкого развития массовой печати на фронте, а также создания новых органов центральной прессы и информации. Поэтому несколько сократилась общая печать: из 39 центральных газет было оставлено 18. Перестали выходить многие отраслевые газеты. Их сокращение проводилось путем объединения родственных органов печати и пе-

редакции функций одних газет другим. Например, после закрытия газеты «Животноводство» и «Совхозной газеты» вопросами животноводства и совхозов стала больше заниматься газета «Социалистическое земледелие». «Литературная газета» была объединена с газетой «Советское искусство».

Также уменьшались тиражи, изменялась периодичность и сокращался объем центральной и местной печати. Республиканские, областные газеты стали издаваться пять раз в неделю на двух полосах. Районные газеты переводились на еженедельный выпуск на двух полосах. Учитывая популярность и доступность районных газет у сельского населения, их редакции обязывались экономить газетную площадь, добиваться более плотной верстки, больше помещать публикаций о помощи трудящихся фронту, рассказывать читателям о подвигах своих земляков в боях с немецко-фашистскими захватчиками, печатать письма бойцов и командиров своим родным и письма родных воинам армии и флота.

Сократилась сеть журналов. Перестали выходить «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «На рубеже», «30 дней», «Красная новь» и другие. Значительно сократился тираж «Нового мира», «Знамени», «Октября». Как правило, журналы имели меньше листов, часто выходили сдвоенными номерами. Было перестроено их содержание. Теоретические и общественно-политические журналы «Большевик», «Пропагандист», «Партийное строительство», «Пропагандист и агитатор Красной Армии» и другие сосредоточили свое внимание на показе захватнических целей войны фашизма, его членов ненавистнической идеологии, описании зверств, творимых гитлеровскими войсками на оккупированной территории, публиковали материалы об укреплении антигитлеровской коалиции, помещали статьи на военно-исторические темы, в которых раскрывался героизм и мужество российского народа в борьбе за свою национальную независимость, военное искусство воинов армии России и ее полководцев в боях с врагами. Авторами многих публикаций являлись видные советские историки, философы, экономисты, писатели, публицисты.

Значительно была расширена сеть военных газет. Во второй половине 1941 года в Красной Армии выходило 465 военных газет. В ходе войны их сеть значительно возросла и в 1944 году в армии выходило 757 газет, а общий разовый ти-

раж их составил 3 195 000 экземпляров²⁵⁸. Газеты издавались в бригадах (в частности, в танковых и железнодорожных), дивизиях, отдельных механизированных и кавалерийских корпусах, общевойсковых, танковых и авиационных армиях, во фронтах и военных округах. Также выходили центральные военные газеты. Таблица, приводимая ниже, показывает рост сети газет Красной Армии в 1941—1944 годах.

64 военные газеты выходили не только на русском языке, но и на языках народов СССР. Например, в 1944 году на 1-м Белорусском фронте фронтовая газета «Красная Армия» издавалась на русском языке тиражом 40 тысяч экземпляров, на татарском, узбекском и казахском языках — по 2 тысячи экземпляров. Газета «За честь Родины» 1-го Украинского фронта выходила 40-тысячным тиражом на русском языке, 12-тысячным — на украинском и по 2 тысячи — на татарском, узбекском и казахском языках. Кроме того, издавались на национальных языках армейские и дивизионные газеты. Ряд военных газет регулярно печатали одну из полос на языке национальности, представители которой служили в военных формированиях, для которых они предназначались.

Фронтовые газеты выпускались на четырех полосах малого формата. Они были рассчитаны на бойцов, сержантов и

Таблица 3

Газеты	Год			
	1941 (с июля)	1942	1943	1944
Центральные	2	3	3	3
Окружные	10	10	13	13
Фронтовые	15	19	18	13
Армейские и корпусные	38	93	128	128
Дивизионные и бригадные	400	600	600	600
Всего	485	725	762	757

младших офицеров. Издание фронтовых газет и их тиражи находились в прямой зависимости от обстановки на фронте, от количества войск, входивших в его состав. Фронтовые газеты, как уже отмечалось, выпускались не только на русском, но также на других языках. Иногда на одном фронте издавалось до шести газет (смотря по тому, каков был национальный состав войск фронта, тираж этих газет устанавливался из расчета: одна газета на пять бойцов).

Количество фронтовых газет колебалось в зависимости от числа фронтов. За время войны было создано вновь 95 армейских газет. В 1943 году их количество выросло до 128, что потребовало значительного увеличения бумаги для их издания. Поэтому объем армейских газет был уменьшен с 4 полос до 2. Тираж, установленный в начале войны для этого типа газет в 15 тысяч экземпляров, был сокращен до 8—10 тысяч. Также была сокращена периодичность — вместо ежедневного выхода газета выпускалась шесть раз в неделю. Такого же типа, как армейские, были газеты отдельных корпусов.

Дивизионные газеты выходили объемом в две полосы, размером 42 x 30 см, тиражом от 500 до 2000 экземпляров. Периодичность издания этого типа была установлена 13 или 15 раз в месяц. (Преимущественно в гвардейских соединениях газеты выходили 15 раз). К типу дивизионных газет относились и бригадные (объем, размер, тираж и периодичность издания их были такими же).

В начале войны Главное политическое управление, определяя содержание военных газет, указало их основные задачи: разъяснение постановлений ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 29 июня 1941 года о замыслах гитлеровской клики и программе мобилизации сил советского народа на борьбу с врагом; мобилизация воинов на беззаветное выполнение боевых приказов и воспитание у них нерушимой уверенности в победе над врагом; воспитание у воинов героизма, совершенствование боевого мастерства; пропаганда требований военной присяги, борьба за укрепление дисциплины.

Обращая внимание на усиление роли фронтовых, армейских и дивизионных газет в агитационно-пропагандистском воздействии на воинов ЦК ВКП(б), Главное политическое управление в мае 1943 года признало необходимым укреп-

пить аппарат дивизионных газет. В 1943 году штат дивизионных газет был увеличен на одного человека — была введена должность заместителя редактора газеты.

Укреплялась и расширялась центральная военная печать, рассчитанная на средний и старший офицерский состав. Укреплена была газета «Красная звезда» — орган Народного комиссариата обороны. Состав редакции был пополнен новыми силами, особенно за счет видных советских писателей. На протяжении всей войны здесь работали военными корреспондентами П. Павленко, А Сурков, В. Гроссман, К. Симонов, И. Эренбург. Также в «Красной звезде» сотрудничали первоклассные писатели и поэты — целая литературная рота из 114 членов Союза писателей²⁵⁹.

В августе 1941 года начала выходить газета для Военно-Воздушных Сил — «Сталинский сокол». В октябре 1942 года стала издаваться еще одна центральная газета — «Красный сокол», которая предназначалась для личного состава авиации дальнего действия.

Для Военно-Морского Флота выходила центральная газета «Красный флот», первый номер которой вышел в феврале 1938 года. В ней во время войны служили и сотрудничали Б. Лавренев, Л. Соболев, А. Штейн, А. Жаров, Вс. Вишневский, А. Первенцев и многие другие советские писатели-маринысты²⁶⁰.

Следующими по рангу на флоте были газеты флотов — «Краснофлотец» (Северный флот), «Красный Балтийский флот» (Балтийский флот), «Красный черноморец» (Черноморский флот), «Боевая вахта» (Тихоокеанский флот). Имели свои газеты и флотилии. В первые дни войны таких газет издавалось пять: «За Родину» — на Дунайской военной флотилии (позднее была переименована в «Дунаец», «На боевой вахте» — на Пинской военной флотилии, «Красный каспиец» — на Каспийской военной флотилии, «Красный амурец» — на Амурской военной флотилии, «Краснофлотская правда» — на Северо-Тихоокеанской военной флотилии. В августе 1941 года были созданы газеты «Северная вахта» — на Беломорской военной флотилии, «За Родину» — на Ладужской военной флотилии, «Красный азовец» на Азовской военной флотилии. Позднее были созданы газеты «За родную Волгу», Волжской военной флотилии, «Красный днепро-

вец» — Днепровской военной флотилии, «Красный вымпел» — нежской военной флотилии. Завершающим звеном в системе флотской печати были многотиражки. Они издавались в корабельных соединениях, на линкорах и крейсерах, на военно-морских базах, в военно-морских училищах, учебных отрядах, в частях береговой обороны, соединениях морской авиации и ПВО флота. Всего на флоте в 1941—1944 годах выходило 70 газет.

Наряду с газетами Главное политическое управление Красной Армии издавало журналы «Агитатор и пропагандист» и «Блокнот агитатора». Их разовый тираж в 1944 году составил 356 тысяч экземпляров. Кроме того, «Блокнот агитатора» выходил на языках народов СССР с разовым тиражом 65 тысяч экземпляров. Также издавался журнал «Красноармеец», тиражом 250 тысяч экземпляров, и выходило девять военных специальных журналов с общим тиражом в 52 тысячи экземпляров («Автобронетанковый журнал», Артиллерийский журнал», «Вестник воздушного флота», «Военно-инженерный журнал», «Военно-медицинский журнал», «Краснофлотец», «Военный вестник», «Тыл и снабжение», «Связь»). Кроме «Краснофлотца» в ВМФ издавались еще журналы «Партийно-политическая работа в ВМФ» (издание Главного управления политической пропаганды ПУ ВМФ СССР, в июле 1942 года был переименован в «Агитатор», который выходил трижды в месяц с подзаголовком «Журнал Главного политического управления ВМФ СССР), «Морской сборник» (издание Наркомата ВМФ СССР). В 1942 году начал выходить двухнедельный журнал «Блокнот агитатора ВМФ».

В ходе войны были созданы два юмористических журнала «Фронтowej юмор» (Западный фронт) и «Сквозняк» (Карельский фронт). Тираж каждого из них составлял 45 тысяч экземпляров²⁶¹.

Главная задача журналов была помогать пропагандистам и агитаторам, политработникам, партийным активистам организовывать и проводить агитационную и пропагандистскую работу в подразделениях.

Кроме газет на всех фронтах, в армиях, корпусах, дивизиях, бригадах издавались листовки. Они выпускались в связи с важнейшими событиями на фронтах, посвящались воинам,

совершавшим подвиги. Листовки, которые предназначались для личного состава фронта, армии печатались большими тиражами. Например, перед началом наступления войск 1-го Украинского фронта в январе 1944 года листовка с обращением командования фронта была издана тиражом в 200 тысяч экземпляров²⁶².

Расширение сети военной печати требовало систематического пополнения кадров военных журналистов. Поэтому уже в первые дни войны на укомплектование штатов редакций военных газет были призваны многие сотрудники гражданских изданий, среди них были многие известные писатели и журналисты. Так, приказом начальника Главного политического управления № 0045 от 24 июня 1941 года во фронтовые и армейские газеты были направлены А. Т. Твардовский — газета Юго-Западного фронта, К. М. Симонов — газета 3-й армии «Боевое знамя», Е. А. Долматовский — газета 6-й армии «Звезда Советов» и т. д.

Также в ходе войны шла интенсивная подготовка и переподготовка армейских журналистов на курсах политработников в г. Иваново, при Военно-политической академии. Но только на курсах в ходе войны подготовить необходимое количество журналистов было невозможно. Военные журналисты повышали свою квалификацию непосредственно в редакциях. В 1943 году начальник Главного политического управления издал приказ № 144 о необходимости изучать военное дело в редакциях. Это мероприятие помогало работникам газет поднять уровень своей военной подготовки и способствовать более квалифицированному освещению боевых действий.

В 1942 году Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) и Главное политическое управление Красной Армии утвердили положение «О работе военных корреспондентов». В нем определялись конкретные задачи военных корреспондентов. Они заключались в том, чтобы освещать боевой опыт частей, подразделений, бойцов и командиров, партийно-политическую работу по мобилизации воинов на разгром врага; содействие населения прифронтовой полосы боевым действиям Красной Армии; чинимые немецко-фашистскими захватчиками зверства, грабежи и насилия над мир-

ным населением оккупированных районов, истребление немцами советских военнопленных.

Указывалось, что главной задачей военных корреспондентов является показ людей фронта — бойцов и командиров, хорошо владеющих военной техникой и тактикой ведения боя, их инициативы, военной сметки и хитрости в борьбе с врагом, их ненависти к немецко-фашистским захватчикам, стойкости, самоотверженности и дисциплины в выполнении приказов командования²⁶³.

Эти задачи особенно актуальны были в начальный период Великой Отечественной войны (22 июня 1941-го — 18 ноября 1942 года), когда советские войска вели в основном оборонительные бои. Однако с началом наступательных сражений, в частности после побед под Сталинградом и на других фронтах, редакции медленно реагировали на изменения в боевой обстановке и недостаточно активно пропагандировали значение побед Красной Армии, в силу чего слабо воспитывали у воинов наступательный дух. Слабо популяризировали подвиги бойцов и командиров. Непоследовательно освещалась борьба тружеников тыла на страницах некоторых газет. Также не было серьезного обобщения опыта наступательных боев. Подобные недостатки были характерны не только для дивизионных и армейских газет, но и для некоторых фронтовых: «За честь Родины» (Воронежский фронт), «Фронт-овая правда» (Волховский фронт) и ряда других. Эти недостатки отмечались в приказах начальника Главного политического управления Красной Армии № 055 и № 1014. Также были определены новые приоритеты в работе военной печати: воспитание высокого наступательного порыва, борьба за дальнейшее укрепление дисциплины, помощь воинам в совершенствовании боевого мастерства, воспитание у воинов верности присяге, широкий показ и обобщение опыта воспитательной работы в бою, внедрение в массы навыков героической борьбы с врагом, пропагандирование великих традиций русского народа²⁶⁴.

Таким образом, на всех этапах войны работа военной печати постоянно корректировалась Главным политическим управлением Красной Армии, которое также требовало от политорганов усилить руководство печатью, поднять идейный, военный и культурный уровень газет; организовать си-

стематическую военную, политическую и литературную подготовку военных журналистов. Вышедшая в июне 1943 года директива ГлавПУ № 09 обязала политорганы сделать фронтовые, армейские и дивизионные газеты массовыми, создать вокруг газет широкий актив из командиров, политработников и бойцов. 3 июня 1943 года ГлавПУ провело совещание редакторов фронтовых и армейских газет, на котором были обсуждены коренные вопросы работы фронтовой печати. По рекомендации ГлавПУ подобные совещания военных журналистов были проведены во всех фронтах и армиях. Также Военные советы фронтов и армий стали более конкретно, повседневно руководить работой своих печатных органов: они обсуждали работу газет на своих заседаниях, заслушивали редакторов, принимали постановления с конкретными указаниями политорганам по усилению руководства прессой.

Это внимание к газетам помогало военным журналистам устанавливать тесные связи с частями и подразделениями, участвовать в совещаниях политорганов при обсуждении планов и практических вопросов агитационно-массовой работы в войсках. С помощью командования и политорганов редакции газет привлекали в качестве авторов работников штабов. С 1943 года установилась и такая форма руководства печатью, как регулярные беседы редакторов с командующими, членами Военных советов и консультации сотрудников редакций с руководителями управлений, служб, отделов штабов. Это давало возможность более профессионально и оперативно освещать боевую деятельность войск в соответствии с конкретной обстановкой на фронте. В 1944 году политорганы начали использовать и такую форму руководства печатью, как семинары редакторов армейских, корпусных, дивизионных и бригадных газет, которые проводились при редакции фронтовой газеты. Это была также и очень эффективная форма обучения руководителей редакционных коллективов.

Большую помощь журналистам на фронте оказывала газета «Красная звезда». Она регулярно публиковала статьи, обзоры фронтовой печати, в которых ориентировала военных журналистов по важнейшим вопросам, предупреждала от ошибок. Так, 14 ноября 1942 года «Красная звезда» под

рубрикой «Вместо обзора печати» напечатала редакционную статью «О некоторых ошибках фронтовых газет». Она была посвящена очень важному вопросу жизни войск — социалистическому соревнованию. В них обосновывалась ошибочность организации социалистического соревнования в боевых условиях. Д. Ортенберг свидетельствует, что эта статья была напечатана с личного разрешения И. В. Сталина²⁶⁵. 23 мая 1943 года «Красная звезда» опубликовала редакционную статью: «Сделать фронтовую печать важнейшим центром политической работы». В ней излагались основные задачи фронтовой печати, определенные ЦК ВКП(б) на данном этапе войны, подчеркивалось, что газета на фронте должна упорно и серьезно заниматься всем, что нужно для победы, — от умения воевать до победы в бою. Важным был и обзор «Красной звезды» «На кого должна быть рассчитана фронтовая газета», опубликованный 8 июля 1943 года. Эта публикация прекратила споры о том, на кого ориентировать фронтовую газету. «Красная звезда» объяснила, что фронтовые газеты ориентируются прежде всего на бойцов, а также младших командиров и командиров взводов и рот.

С начала Великой Отечественной войны развивается сеть военных корреспондентов на фронте. Право иметь постоянных корреспондентов на фронте предоставлялось Совинформбюро, ТАСС, Всесоюзному радиокомитету, редакциям газет «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Красный флот», «Сталинский сокол», «Комсомольская правда» и тем республиканским и областным газетам, на территории которых проходили военные действия. Все военные корреспонденты зачислялись в кадры армии и флота. На них возлагалась обязанность обеспечения печати и радио военной информацией и материалами, освещающими боевой опыт частей, бойцов и командиров, партполитработу в войсках.

Те газеты, которые не имели права послать своего сотрудника на фронт, старались подобрать внештатных корреспондентов из числа работников редакций фронтовых и армейских газет, а также из офицеров штабов объединений и соединений. Некоторые журналисты были военными корреспондентами сразу нескольких органов СМИ. Так, главный редактор

«Огонька» Е. Петров с первых дней стал военным корреспондентом «Правды», «Красной звезды», Радиокomiteта. «Он носился из конца в конец по гигантскому фронту от Баренцева до Черного моря. Возвращаясь в Москву, едва окончив новые боевые корреспонденции и очерки, наскоро ознакомившись с положением дел в «Огоньке», Петров тут же собирался в новую поездку...»²⁶⁶, — вспоминал хорошо знавший его А. Эрлих.

Редакции центральных газет, Комитет радиовещания и ТАСС отобрали для отправки на фронт лучших своих сотрудников, имевших большой журналистский опыт, необходимую военную подготовку. Отряд военных корреспондентов был значительным. Только «Правда» направила на фронт 40 своих сотрудников. Некоторые правдисты, работавшие корреспондентами в пограничных и юго-западных областях, после начала войны получили указание освещать ход боевых действий Красной Армии и были зачислены затем военными корреспондентами соответствующих фронтов. Большую группу журналистов направили на фронты в качестве военных корреспондентов «Известия», «Красная звезда», «Комсомольская правда» и другие газеты. Значительную часть военных корреспондентов составили писатели и журналисты из гражданской печати.

Главной задачей военных корреспондентов являлся показ людей фронта, хорошо владеющих военной техникой и тактикой ведения боя, их инициативы, военной сметки и храбрости в борьбе с врагом, их ненависти к противнику, стойкости, самоотверженности и дисциплины в выполнении приказов командования.

Обычно военные корреспонденты центральных газет организационно объединялись при политуправлении фронта, на котором они работали. Политуправления систематически проверяли работу военных корреспондентов, отмечали недостатки, давали направление в работе.

24 июня 1941 года было создано Советское информационное бюро. Одной из главных его задач было краткое изложение военно-оперативных сводок. Они составлялись оперативным отделом Генштаба, затем передавались по радио и печатались в газетах. За время Великой Отечественной вой-

ны было подготовлено около двух тысяч ежедневных сводок, 122 сообщения «В последний час», всего 2373 различных материала.

С первых же сводок был установлен стандарт их составления: первые несколько строчек — о сданных городах, а позже (при наступлении советских войск) — об их освобождении. Была в этих сводках и краткая хроника о боевых эпизодах на том или ином фронте, в армиях, частях. Возглавлял Совинформбюро секретарь ЦК ВКП(б), начальник ГлавПУРКА А. С. Щербаков.

Совинформбюро имело своих военных корреспондентов по всем фронтам, которые ежедневно давали информацию о положении на фронте и действиях советских войск на различных его направлениях. Так как для сводок в Москву нужен был лишь краткий репортаж, даже без объяснений событий, и в связи с тем, что сообщения в Совинформбюро посылались регулярно, они вынуждены были чаще всех безвыездно находиться на КП фронта и черпать материал в основном из оперативных донесений, которые поступали в штаб фронта. Поэтому их материалы значительно уступали в живости освещения жизни войск публикациям военных корреспондентов газет, работавших в дивизии, полку, батальоне, роте на передовой, где можно было собрать материал для корреспонденций и очерков.

Специальный корреспондент «Красной звезды» поэт Алексей Сурков писал об этом:

*По ветру настроив лютни,
В сироп макают перо
Собкоры из ТАСС и трутни
Из улья Информбюро.
Зовутся фронтовиками
Вдали от солдатских дел.
У них всегда под руками
Оперативный отдел.
От этой дешевой фальши,
Как от зачета студент,
Пугливо бежит подальше
Ваш собственный корреспондент²⁶⁷.*

А. С. Щербаков установил свой порядок, по которому газеты не имели права сообщать о важнейших событиях до сообщения Совинформбюро. Авторитет сводок считался непоколебимым. Однако, как вспоминает редактор «Красной звезды» первых военных лет Д. Ортенберг, в жизни это было не так. «В одних случаях Совинформбюро опаздывало со своими сообщениями о тех или иных событиях, — писал он, — в других — допускало ошибки, а в третьих — просто замалчивало событие. А для центральных газет — особенно «Красной звезды» — органа Наркомата обороны, Верховного Главнокомандования, — это было просто бедой»²⁶⁸.

Когда началось контрнаступление под Москвой, вспоминал Д. Ортенберг, сообщения спецкоров «Красной звезды» о контрударе советских войск поставили под рубрикой: «В последний час».

«Но рубрика озадачила секретаря редакции газеты Александра Карпова.

— Не попало бы нам за такую самодеятельность.

Дело в том, — пишет Ортенберг, — что под такой рубрикой печатались сообщения Совинформбюро. Я колебался, но все же оставил рубрику»²⁶⁹.

Последствия этой публикации были такие: редактора пригласили к секретарю ЦК А. С. Щербакову, который сразу спросил его:

«Почему вы написали о контрнаступлении, не ожидая публикации в Совинформбюро?

Я, — пишет Ортенберг, — сделал вид, что не понял вопроса.

И тут начался диалог.

— Александр Сергеевич, разве об этом нельзя было печатать? Что же здесь неправильного? Никто мне не говорил, не предупреждал, что надо ждать Совинформбюро.

— Конечно, раньше времени нельзя. Не надо давать знать немцам о нашем контрнаступлении...

— А что, разве немцы этого не знают? Вот в газете написано, что наши захватили много танков, что снежное поле усеяно трупами немцев.

— Вы забегаете вперед, — сказал он мне и добавил, обращаясь ко всем приглашенным (редакторам «Правды», «Известий» и других центральных газет. — *Авт.*) Пока не сле-

дует печатать о нашем контрнаступлении. Прислушайтесь к сообщениям Совинформбюро»²⁷⁰.

Кроме освещения событий и военных действий на фронтах, составления и публикации военных сводок по материалам Главного командования Совинформбюро информировало о работе тыла, патриотических начинаниях его труженников, руководило освещением международных событий и внутренней жизни в стране. Одной из важных его задач была организация контрпропаганды против вражеской пропаганды. Материалы Совинформбюро печатались в зарубежной прессе.

Представители Совинформбюро систематически проводили пресс-конференции советских и иностранных корреспондентов, на которых давались разъяснения по вопросам внешней политики СССР и военной обстановки на советско-германском фронте.

Организация работы среди войск и населения противника

В первый же день войны было принято решение о реорганизации отдела по работе среди войск и населения противника ГУПП РККА — в его составе создавались два пропагандистских отделения. Первое, ведущее — по Германии, включающее также инструкторов по странам — ее союзникам; второе — по работе среди населения оккупированных немецкими войсками стран: Польши, Югославии, Чехословакии и др. Первое возглавил батальонный комиссар И. С. Брагинский, хорошо владевший немецким, а также знавший некоторые другие языки, а батальонный комиссар С. А. Лесневский, специалист по Польше и другим славянским государствам, — второе. В связи с переходом на штатное расписание военного времени отдел пополнился новыми сотрудниками — мобилизованными в армию учеными, редакторами, журналистами, переводчиками... На нужды военно-политической пропаганды начали работать ведущие СМИ, издательства, полиграфические комбинаты. Так, в переводе заявления советского правительства в начале войны на немецкий, румынский, финский и польский языки участвовали переводчики, литературные редакторы и наборщики типографии Иноиздата, в которой имелись шрифты для издания литературы на

шестидесяти иностранных языках, а печатался трехмиллионный тираж первой советской листовки в ночь с 22 на 23 июля на полиграфическом комбинате «Правда». На рассвете она была доставлена авиацией на фронт. Здесь были приняты меры для распространения листовки среди войск противника. В ней впервые прозвучали слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Эти слова стали лейтмотивом советской пропаганды на протяжении всей войны.

С первых дней войны активное участие в работе среди войск и населения противника принимали немецкие коммунисты-эмигранты, в том числе и руководители КПГ В. Пик и В. Ульбрихт, которые выступили с рядом обращений к германскому народу. В первом из них, опубликованном в листовке от 24 июня 1941 г., говорилось: «Дело, которое защищает победоносная Красная Армия, — это наше собственное дело. Наш враг находится в нашей собственной стране: фашистские рабовладельцы — вот наш враг». Также включились в подготовку листовок и публикаций в газетах для войск противника на немецком языке германские писатели и поэты И. Бехер, В. Бредель, Э. Вайнерт. Многие немцы-коммунисты вели работу среди германских войск на фронте.

Тесный контакт существовал между отделом по работе среди войск и населения противника ГУПП РККА и работниками Коминтерна в Москве. Члены национальных секций Коминтерна давали свои рекомендации о содержании и аргументах пропаганды на войска и население стран—сателлитов Германии, помогали в изучении и использовании трофейных документов, в опросе военнопленных.

25 июня 1941 г. состоялось решение Политбюро УК ВКП (б) и правительства о систематическом проведении пропаганды среди войск и населения противника. Было создано Советское бюро военно-политической пропаганды, которому вменялось в обязанность определять содержание, формы и методы пропаганды среди войск и населения противника. В его состав вошли Л. З. Мехлис, Д. З. Мануильский, В. С. Кружков, П. Г. Пальчунов, С. А. Лозовский. Также 2 июля в бюро был введен М. Б. Митин. На заседаниях бюро военно-политической пропаганды анализировалась

обстановка, определялись сильные и слабые стороны противника, оценивались исторические, социальные и национальные особенности вражеских стран и их армий и с учетом характера боевых операций определялись тематика, основные тезисы и аргументы пропаганды, лозунги и призывы. Бюро осуществляло координацию военно-политической пропаганды среди войск и населения противника, проводимую как военными, так и партийными органами пропаганды и информации. Отдел по работе среди войск и населения противника ГУПП РККА стал рабочим органом бюро военно-политической пропаганды. Он обязан был информировать его о политико-моральном состоянии войск противника, об изменениях, происходящих в его войсках и тылу, разрабатывать по указанию бюро пропагандистские документы, обращенные к войскам и населению противника, к военнопленным.

На первом же заседании бюро военно-политической пропаганды были определены основные задачи работы среди войск и населения противника — всемерно ослаблять морально-политический потенциал вражеских войск, подрывать их боеспособность, разлагать фронт и тыл вермахта. Из тридцати лозунгов к немецким солдатам, разработанных отделом по работе среди войск и населения противника ГУПП РККА, было утверждено десять, содержащих ясные и сжатые формулировки, такие, например, как:

«Немецкие солдаты! Долой развязанную Гитлером грабительскую войну! Да здравствует дружба между немецким и русским народами!»;

«Немецкие солдаты! Запомните: уничтожение кровавого Гитлера и его приспешников — единственный путь к миру!»;

«Немецкие солдаты! Советская Россия не посягала и не посягнет на независимость и целостность Германии. Подумайте, ради чего вы проливаете свою кровь?»

В других лозунгах говорилось о несправедливом характере начатой Гитлером войны, провозглашались идеи дружбы между народами СССР и Германии, содержались призывы к совместной борьбе против фашизма.

Содержание пропаганды Красной Армии среди войск противника определялось следующими основными направлениями: разъяснение справедливого характера войны со сторо-

ны СССР и агрессивного захватнического — со стороны Германии; разоблачение как виновников войны фашистского режима лично Гитлера и его окружения; показ роста сил и могущества Красной Армии, гибельности для Германии войны на два фронта, неизбежности ее поражения; пропаганда плена как пути спасения и возвращения на родину.

Аппарат отделов по работе среди войск и населения противника политуправлений фронтов развертывал свою работу. В июле 1941 г. издавалось 18 газет на иностранных языках, из них 10 — на немецком. В Москве с августа выпускалась газета «Фронтиллюстрирте». («Фронтовая иллюстрация». Ее тираж был 200 тыс. экземпляров.) Начались регулярные передачи на радио на немецком языке, финском, румынском языках. За первые две недели было издано 67 листовок тиражом 90 млн. экземпляров²⁷¹. Был налажен выпуск листовок на фронтах. В июле—августе 1941 года стали издаваться серии информационных листовок: «Международная информация», «Известия с фронта», «Что происходит в Германии», «Как живут военнопленные в Советской России».

Общеполитическая и оперативная пропаганда

Работа среди войск и населения противника подразделялась на общеполитическую и оперативную. Основное содержание первой составляли военно-политические проблемы, вопросы международной обстановки, соотношение сил и средств воюющих сторон. Она велась исходя из политических и стратегических целей войны. Ее задачей являлся подрыв общественно-политической системы Германии и ее сателлитов, их идеологических и моральных устоев, формирование общественного мнения внутри этих стран, в оккупированных их войсками державах и на территориях враждебного фашизму и поддерживающих его режимам, призыв к сопротивлению им. Общеполитическая пропаганда велась как среди населения и вооруженных сил противника, так и среди народов захваченных им государств. В целях изоляции противника она охватывала и государства, не участвующие в войне, особенно это относилось к Турции и Японии, которых Германия всячески подталкивала вступить в войну с Советским Союзом. Оперативная пропаганда была обращена к лич-

ному составу противостоящих войск. Она исходила из обстановки на конкретном фронте, его отдельных участках. Главной задачей этой работы было ослабление боеспособности и морального состояния военнослужащих противника.

Материалы общеполитического характера разрабатывались в Москве центральным аппаратом РККА по работе среди войск противника под руководством Советского бюро по военно-политической пропаганде. На фронтах из центра получали как отпечатанные листовки, так и матрицы, с которых шло размножение пропагандистских материалов. Радиопередачи на оккупированные противником территории и население Германии и других стран велись из Москвы, а также созданных при седьмых отделах политуправлений фронтов радиоредакций. Фронты использовали свою полиграфическую базу — типографии в железнодорожных вагонах и на автомобилях. В армиях обычно имелась походная типография, размещавшаяся на одном автомобиле. В дивизиях листовки самостоятельно не издавались. Здесь имелась только типография для выпуска дивизионной газеты с русским шрифтом. Фронтовые спецпропагандисты в начале войны располагали небольшим числом звуковещательных станций — всего двадцатью, усиливающих звук до 2—3 километров. Но постепенно их число росло как за счет поступлений из центра, так и создания на местах. Появились звуковые установки, смонтированные не только на автомобилях, но и на бронемашинах, танках и даже на самолетах. Также были переносные окопные громкоговорящие установки, способные вещать на глубину до 400 метров. Они использовались в дивизиях.

Оперативную пропаганду вели фронтовые, армейские и дивизионные политорганы²⁷² по работе среди войск противника. Они освещали в листовках и передачах самые злободневные темы, рассчитанные на конкретную аудиторию — противостоящие части, соединения, объединения войск противника. Это были сообщения о потерях в живой силе и технике в прошедшем бою, обращения военнопленных к сослуживцам, о действиях их командиров, не сдающих жизни немецких солдат и т. п. Такие пропагандистские материалы, построенные на примерах и фактах определенной части и рассчитанные для ее личного состава, были особенно убедительны и доходчивы.

Опыт показал, что на начальном этапе войны наибольшей силой воздействия обладала не общеполитическая пропаганда, а оперативная, которая была более конкретная, адресовалась для определенных частей и соединений, касалась наиболее актуальных тем их переживаний в условиях боевой обстановки. Однако фронтовые, армейские и дивизионные органы по работе среди войск противника не были достаточно подготовлены к такой агитации, недостаточно проявляли инициативу, повторяя главным образом лозунги, тезисы и аргументы общеполитической пропаганды. Из миллиарда экземпляров пропагандистских изданий, распространенных среди войск противника, четвертая часть была подготовлена политорганами фронтов, армий и дивизий²⁷³, которую по содержанию не всю можно было отнести к оперативной пропаганде. Связано это было не только с нехваткой квалифицированных кадров, но и с недооценкой некоторыми командирами и политработниками значения работы среди войск противника, ограничением самостоятельности.

Прوماхи начального этапа

27 июня 1941 года в отделе по работе среди войск и населения противника ГУПП РККА была написана листовка «К немецким солдатам!», которая была утверждена на бюро военно-политической пропаганды. В ней разоблачалось варварство фашистов, немецкие солдаты призывались «переходить к нам». Следующая листовка называлась «Ко всем честным мужчинам и женщинам Германии». В этом обращении говорилось: «В бессмысленной и несправедливой войне против Советской России, против всего мира Германию неминуемо ожидает поражение. В мужественной борьбе против войны, против гитлеровского режима вас ожидает победа... Русский народ вам поможет. Свергайте Гитлера! Спасайте Германию!»

В то время, когда немецкие войска продвигались по нашей территории по всему фронту, было нелегко найти правильный тон в информационном воздействии на противника. Наиболее важным был выбран аргумент: «Вы измеряете ваши успехи количеством пройденных километров, мы же измеряем наши успехи числом уничтоженных немецких дивизий. Нашу территорию мы возьмем обратно, ваших же

дивизий вам никогда не вернуть». В 1941 году это было для немцев не очень убедительно, но все увеличивающиеся потери немецких войск заставляли задумываться.

Кроме того, советская контрпропаганда обращалась также к немецким авторитетам — некоторые их высказывания являлись вескими аргументами для убеждения немецких солдат в бесперспективности Восточного похода. Так, например, приводились слова Фридриха II Великого: «Всякая вражеская армия, которая отважилась бы проникнуть в Россию и пойти дальше Смоленска, безусловно, нашла бы там, в степях, свою могилу». А фотолистовка, где О. Бисмарк с портрета пальцем указывал на фигуру Гитлера, называлась: «Этот человек ведет Германию к катастрофе»²⁷⁴. На ее обороте были приведены слова легендарного германского канцлера о недопустимости войны с Россией, о том, что завоевание этой страны невозможно из-за ее огромных просторов, жизнестойкости и выносливости ее народа. Еще в одной листовке — «Россию победить невозможно» приводились изречения уже шести государственных и военных деятелей, известных в истории Германии. Также ряд советских пропагандистских материалов был основан на исторических фактах о победах русских войск над немецкими на Чудском озере в 1242 году, при Грюнвальде в 1410 году, в Семилетней войне 1756—1763 годов и других сражениях. Особенно воздействие подобных листовок возросло после поражения немецких войск под Москвой.

Огромное влияние на работу бюро военно-политической пропаганды оказывал член ЦК ВКП(б) Д. З. Мануильский, талантливый пропагандист и оратор, владевший многими иностранными языками. С 1942 года он фактически возглавлял работу среди войск и населения противника²⁷⁵. Уже на первом заседании бюро по военно-политической пропаганде он предложил прежде всего нанести пропагандистский удар по нацистским тезисам о завоевании «жизненного пространства» на Востоке, о том, будто Красная Армия и СССР представляют опасность для Германии и ее народа, а также развеять миф о способности вермахта «в считанные дни» завершить Восточный поход. Эти предложения Д. З. Мануильского были рекомендованы бюро в качестве основных направлений пропаганды среди войск и населения противника.

Д. З. Мануильский с участием руководящих деятелей германских коммунистов подготовил листовку «За что вы воюете?». Вот основные тезисы этой листовки:

«Немецкие солдаты! Может быть, вы воюете против Версаля, как говорит вам Гитлер? Нет! Вы воюете, чтобы навязать другим народам еще гораздо более худший Версаль. Так хотят немецкие империалисты. Вы воюете против Советского Союза — единственной страны, которая всегда была против Версаля.

Может быть вы воюете ради национальных интересов немецкого народа, как говорит вам Гитлер? Нет! Вы воюете ради безумного стремления Гитлера завоевать мир. Ваши действия направлены против национальных интересов немецкого народа, ибо гитлеровская война разоряет Германию, истребляет немецкую молодежь, несет смерть и нужду немецкому народу.

Может быть, вы воюете за «немецкий социализм», о котором лгут вам Гитлер и Лей? Нет! Вы воюете за наихудшую плутократически-капиталистическую систему, установленную в Германии Гитлером.

Может быть, вы воюете за «новый порядок в Европе», как говорит вам Гитлер? Нет! Вы воюете за жесточайшую средневековую реакцию. Топор и плеть гестапо орудуют в оккупированных странах. Вы воюете за превращение Европы в тюрьму народов...

Вы для Гитлера лишь пушечное мясо... Вы воюете за несправое дело, обреченное на гибель. Но немецкий народ хочет жить! Он может воспрепятствовать катастрофе, освободив родину от одержимой военным безумием гитлеровской клики...»²⁷⁶

К сожалению, даже в этой листовке Д. З. Мануильского, которую руководитель 7-го отдела ГУПП РККА М. И. Бурцев в своих воспоминаниях называет лучшей листовкой начала войны, не удалось избежать старых представлений о пролетарской симпатии к «единственной стране социализма, в которой трудовой народ во время Октябрьской социалистической революции уничтожил власть капиталистов и помещиков», классовой ненависти к капиталистам («завоевать мир ради мирового господства ваших собственных эксплуататоров — Круппа, Геринга, Симменса и Рехлинга»). Не учи-

тивная реалий, листовка призывала «повернуть оружие против ваших действительных врагов», бороться за свержение гитлеровского режима. Со временем, изучив противника и убедившись, сколь далеки были солдаты вермахта от «классовых симпатий к первому государству рабочих и крестьян», советский аппарат спецпропаганды изменил тон на жесткое обращение к немцам как к прямым врагам и захватчикам.

Советская пропаганда разоблачала утверждения нацистов о так называемой превентивной войне со стороны Германии, доказывала, что вина за развязывание агрессии лежит на гитлеровском режиме. По-настоящему убедительные, хорошо аргументированные листовки возникали в результате непрерывного изучения положения дел на фронте, анализа политико-морального состояния войск и населения противника. Общеполитические листовки готовились особенно тщательно. Вот что пишет об их подготовке в Москве М. И. Бурцев: «Как правило, тематика утверждалась на короткий срок, максимум на неделю, обсуждалась в отделе, после чего утверждалась на бюро. Автор листовки получал задание написать ее не более чем за двое суток, чаще — за одни сутки, а иной раз всего за один-два часа»²⁷⁷.

К написанию листовок привлекались писатели, журналисты, ученые. Уже готовая листовка обсуждалась в отделе по работе среди войск и населения противника и при необходимости перерабатывалась. Нередко текст листовки показывался военнопленным, которые помогали обогатить ее аргументами, солдатскими выражениями, идиомами и т. п. Во многом помогали немецкие коммунисты, сотрудничавшие с отделом. В оформлении листовок участвовала группа художников, в которую вошли Б. Ефимов, Н. Жуков, братья Е. и Ф. Новицкие, А. Сицко, Г. Писманник. Участвовали также Кукрыниксы.

Однако на первом этапе войны были и непонятные лозунги, неразборчивость в выборе тем листовок, что приводило к выпуску даже вредных пропагандистских публикаций. К ним относится ряд листовок, посвященных «сообщениям» о создании в Германии «случных пунктов», где эсэсовцы якобы «заботились», чтобы у жен немецких солдат было необходимое рейху потомство. Также не имели здравого смысла и листовки с «поцелуйными карточками» и удостоверениями

«члена союза по охвату женских половых органов», предлагавшего дамам, чьи мужья отсутствуют, «согреть супружескую постель путем выполнения мужских обязанностей». Все это должно было создать впечатление, что нацисты превращают Германию в публичный дом, породить у немецких солдат-фронтовиков беспокойство и возмущение. В действительности содержание подобных листовок служило лишь поводом для их шуток. Ветеран-спецпропагандист полковник в отставке Ю. В. Басистов замечает по этому поводу: «...Офицеры 7-го понимали недопустимость подобных фальшивок. Они были изданы волевым решением тогдашнего начальника Главного политуправления Л. Мехлиса»²⁷⁸. До апреля 1942 года во многих советских листовках был малопонятный призыв: «Прощай Москва, долой Гитлера!» На некоторых листовках 1941 года эти слова даже указывались как пароль для перехода немецких солдат на сторону Красной Армии. М. И. Бурцев и Ю. В. Басистов и другие ветераны спецпропаганды, в своих воспоминаниях указывают на то, что записку с такими словами нашли в оставленном немцами бункере. Несмотря на крайнюю маловероятность подобного происхождения, руководство Главного управления настояло на его использовании²⁷⁹.

Несмотря на эти и другие промахи в работе среди войск противника, фашистское командование уже в первые месяцы войны поняло опасность советской пропаганды. 10 декабря 1941 года, когда немецкие армии под ударами советских войск отступали от Москвы, начальник штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта генерал-полковник А. Йодль направил в войска директиву «О пропаганде», в которой писал: «Советское правительство в области пропаганды развивает исключительную деятельность. Зима будет в еще большей мере использована противником для усиления разложения. Поэтому невыполнение запрещения слушать передачи противника и неисполнение приказа о сдаче или уничтожении вражеских листовок могут повлечь за собой тяжелые последствия и даже смертельную опасность для армии и народа». Йодль требовал: «В инструктировании личного состава особый упор делать на то, чтобы борьба с пропагандой противника велась так же беспощадно, как и против всякого другого оружия врага»²⁸⁰.

Командование румынской армии отдало приказ выделить в каждой дивизии по 280 солдат для сбора и уничтожения советских листовок. «По всей Румынии, — сообщало лондонское радио, — распространяется большое количество листовок и воззваний к народу и армии с призывом прекратить самоубийственную войну»²⁸¹.

За военные месяцы войны 1941 года органами по работе среди войск и населения противника Красной Армии было издано и распространено 668 миллионов различных пропагандистских материалов²⁸².

Однако в начальный период до сознания основной массы немецких солдат призывы советской пропаганды не доходили по причине того, что она не всегда находила убедительные и доходчивые аргументы, которые заставили бы немецких солдат усомниться в том, что они обмануты нацистами.

Одной из главных причин неудач советской пропаганды среди войск противника было недостаточное знание противника, истории его страны, экономики, культуры, обычаев, нравов и традиций народа, его психического склада, особенностей развития армии. Не хватало конкретных знаний о противостоящих частях и соединениях противника, их морально-психологическом состоянии. Чтобы пополнить знания о воюющих войсках противника, стали полнее изучать захваченные у него документы — письма, приказы, распоряжения, данные наблюдений за ним на переднем крае, сведения разведки. Особое внимание обратили на изучение пленных. Чтобы материалы их допросов давали больше сведений для работы среди войск противника, спецпропагандистами центрального аппарата была разработана специальная «Инструкция по опросу пленных», утвержденная в сентябре 1941 года начальником Главного политического управления, которая была разослана во все политорганы армии и флота.

Таким образом, выяснилось много интересного об аудитории, на которую работали спецпропагандисты. Например то, что «из пяти с лишним миллионов солдат и офицеров вермахта, вторгшихся на нашу землю, около трех миллионов были членами национал-социалистической партии. Все они прошли школу фашистской молодежной организации «Гитлерюгенд» (Гитлеровская молодежь)»²⁸³. В свете полученных сведений вносились поправки в работу среди войск

противника: менялась тональность пропагандистских материалов, учитывалась привычка немцев к повиновению, их преклонение перед авторитетами и др. В ряде листовок, например, таких, как «Кому нужна война?», «Кто правит Германией?», «За что вы воюете?» советская пропаганда уже не призывала немецких солдат к действиям — «переходить на сторону первого государства рабочих и крестьян», «свергнуть гитлеровский режим» и т. п., а старалась побудить их хотя бы к размышлению. О том, что это удалось, свидетельствовал дневник убитого в бою унтер-офицера штабной роты 162-го пехотного полка 61-й пехотной дивизии Гейнца Пушмана, который в ноябре 1941 года писал: «Сегодня русские самолеты засыпали нас листовками. Читали почти все, даже офицеры. Советские листовки помогают понять, что именно происходит. Меня всегда поражала способность комиссаров просто и ясно изложить самый сложный вопрос. Кроме того, меня сильно интересует вот что: где научились большевики писать простым и понятным языком»²⁸⁴.

Особенно много поступило в Главное политическое управление РККА трофейных документов после разгрома немецких войск под Москвой. «Материал, доставленный к нам в мешках, — вспоминал М. И. Бурцев, — тщательно изучался при помощи специально созданных переводческих бригад²⁸⁵ (в том числе Иноиздата и других учреждений Москвы) и на его основе был составлен обзор “Разгром немцев под Москвой (признания врача)”», изданный отдельной книжечкой.

Задача была поставлена не вообще знать немецкие вооруженные силы и армии их сателлитов, а конкретные войска, которые действуют на том или ином участке и направлении фронта. К этой большой работе органы спецпропаганды привлекли большое число специалистов-германистов различного профиля: историков, филологов, переводчиков, людей, работавших в Германии, а также коммунистов-эмигрантов и согласившихся сотрудничать военнопленных.

В отделах по работе среди войск противника фронтов и армий были заведены «формуляры морально-политического состояния войск противника» на каждое противостоящее вражеское соединение. К июлю 1942 года формуляры были заведены на 75 вражеских дивизий, а к концу вой-

ны — на 406²⁸⁵. Подобные формуляры позволили более эффективно писать листовки и готовить звуковые передачи для военнослужащих конкретной части или соединения противника.

Формуляры заполнялись на основе сведений, полученных от военнослужащих. При их захвате допрос сначала производили разведчики, а затем спецпропагандисты. Формуляры заводились на каждую противостоящую фронту дивизию, что не всегда получалось, особенно при быстрой смене обстановки. Предписывалось при изменении дислокации дивизий противника передавать их формуляры через ГлавПУР с фронта на фронт, но это достигалось не всегда. Официально формуляры начали вести с апреля 1942 года, но в некоторых из них подшиты протоколы допросов с самого начала войны. Наиболее подробно освещены период с октября 1941 года по август 1944 года. Видимо, с осени 1944 года значение формуляров резко упало из-за сокращения сроков существования немецких дивизий и возросшего значения в спецпропаганде комитета «Свободная Германия». Также требовала усиления пропаганда среди населения стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Формуляры представляли собой досье-альбомы или папки. Они состояли из разделов, в заголовках которых перечислялись вопросы, требующие освещения. Многие альбомы подробно заполнены, содержат до ста страниц машинописного текста, в некоторых — всего две-три страницы. Формуляры были двух типов — «тематический» и «протокольный». В первом типе протокол допроса разрезался и показания заносились в соответствующие разделы. Такие формуляры удобны для изучения определенных вопросов. «Протокольный» тип формуляров представлял собой подшивку протоколов допросов. Разделов не имел, что затрудняло исследование конкретной проблемы, зато позволяло получить цельное представление о взглядах того или иного пленного. Также некоторые формуляры представлены в виде одной или двух справок. Они составлялись по запросам командования перед проведением крупных сокращений. Такие справки концентрировали в себе содержание целого формуляра и требовали от спецпропагандиста высокой квалификации. Их очень ценило командование.

Например, на 1-м Белорусском фронте служил спецпропагандист майор Ф. И. Шемякин, психолог по профессии. Его справки читались с большим интересом Г. К. Жуковым, который, интересуясь, каково состояние морального духа войск и населения противника, нередко вызывал его к себе. Шемякин готовил для командующего специальные доклады^{285а}.

Допросы военнопленных, на основании которых составлялись формуляры, велись по вопроснику, разработанному в ГлавПУРе и состоявшему из 12 разделов. Ряд из них дублировали друг друга, поэтому по содержанию выделяются следующие разделы: общие сведения; командный состав дивизии; вооружение дивизии; фронтовой быт; политические настроения солдат и офицеров; состояние дисциплины; советская пропаганда и ее влияние на солдат противника.

Спецпропагандистам предписывалось создавать на допросах спокойную обстановку, располагающую к откровенным ответам. Конечно, показания давались в плену, и это не могло не отразиться на степени их объективности. Однако в плену немецкие солдаты и офицеры имели возможность сказать то, что никогда не отважились бы написать в письмах или дневниках. Основная масса пленных отвечала на вопросы подробно и откровенно. Член-корреспондент АН СССР Е. И. Дружинина, служившая переводчицей особого отдела, вспоминала, что ее поражало, как пленные услужливо вели себя на допросах^{285б}.

Для населения оккупированной территории

Велась работа и среди населения оккупированных немецкими войсками советских областей. Уже в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года партийным и советским организациям прифронтовых областей, доведенной до населения в речи И. В. Сталина 3 июля 1941 года, указывалось на необходимость «разъяснить трудящимся их обязанности и создавшееся положение... организовать беспощадную борьбу со всякими... паникерами и распространителями слухов...»²⁸⁶

Для руководства этой работой в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) было создано пять новых отделов: радиовещания и радиоинформации; пропагандистских групп; художественной литературы; кинематографии, искусств²⁸⁷.

19 августа 1941 года всем военным советам и начальникам политуправлений фронтов была направлена директива Главного политического управления Красной Армии (ГлавПУ РККА) «О работе среди населения оккупированных областей и партийно-политическом руководстве партизанским движением»²⁸⁸. «В соответствии с указанной директивой при ГлавПУ РККА и в политуправлениях фронтов были созданы соответствующие отделы, а в политотделах армии — отделения. На них возлагалась обязанность осуществлять руководство пропагандой среди населения и партизан, изучать опыт ее проведения. Указанные отделы и отделения существовали до сентября 1942 года, а затем их функции перешли к созданным несколько ранее штабам партизанского движения.

30 мая 1942 года Государственный комитет обороны образовал при Ставке Верховного Главнокомандования Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД). Его начальником был назначен секретарь ЦК КП (б) Белоруссии П. К. Пономаренко. А через три месяца постановлением ГКО от 28 сентября 1942 года в составе ЦШПД было учреждено Политическое управление (отдел) во главе с секретарем ЦК КП(б) Б В. Н. Малиным. Перед управлением (отделом) стояла задача широкого развертывания агитационно-пропагандистской работы среди населения оккупированной территории СССР, руководства ею. В свою очередь названный отдел ЦШПД ставил перед подпольными организациями ряд задач, считая, что одной из основных «является организация печатной и устной пропаганды и контрпропаганды».

Политуправление ЦШПД руководило партийно-политической работой в партизанских отрядах, забрасывая в тыл врага пропагандистские материалы, технические средства (радиоприемники, портативные типографии, бумаги, краски и т. д.), направляло во вражеский тыл пропагандистов, журналистов, наборщиков и печатников.

12 июня 1942 года ЦК ВКП(б) освободил Л. З. Мехлиса от должности начальника Главного политического управления РККА. На этот пост был назначен А. С. Щербаков. При начальнике ГлавПУРа был создан Совет военно-политической пропаганды, призванный научно обобщать практику научно-политической работы и на этой основе определять пути и средства повышения ее эффективности. В состав совета во-

шли А. С. Щербаков (председатель), А. А. Жданов, Д. З. Мануильский, Е. М. Ярославский, И. В. Рогов (начальник Главного политического управления Военно-Морского Флота), Г. Ф. Александров, Л. З. Мехлис, Ф. Ф. Кузнецов. С образованием совета прекращалась деятельность бюро военно-политической пропаганды. На совет военно-политической пропаганды возлагалась обязанность обобщать ее практику, определять пути и средства повышения этой деятельности.

Вскоре Совет на своем заседании рассмотрел вопрос о мерах по улучшению работы среди войск и населения противника, следствием которого явились указания, изложенные в директиве начальника ГлавПУ РККА от 4 июля 1942 года, которая требовала строить работу на конкретном фактическом материале и дифференцировать ее применительно к специфическим особенностям вражеских частей и соединений. На первый план выдвигалась пропаганда возрастающей мощи Красной Армии, а также антигитлеровской коалиции, чтобы прочно внедрить в сознание солдат и офицеров армий противника безусловную неизбежность военного поражения Германии и ее союзников²⁸⁹.

В свете этой директивы командованием фронтов анализировалась работа среди войск противника и намечались меры по ее улучшению. Так, 9 июля 1942 года задачи по ее совершенствованию определил Военный совет Ленинградского фронта. Было отмечено, что пропаганда среди войск противника должна вестись непрерывно, разнообразными формами, но не навязчиво, во взаимосвязи с боевыми действиями, не следует гнаться за большим количеством листовок, важно поднять качество каждой из них; «классовая дифференциация» на этом этапе войны считалась нецелесообразной; доводить информацию о том, что происходит за рубежом, в Германии, о том, что скрывает фашистское командование (эту информацию рекомендовалось давать без комментариев и это было задачей радио, так как листовки с оперативными сообщениями запаздывают); использовать в пропаганде информацию радиоперехвата, которой должны снабжать разведка и другие органы. А. А. Жданов подчеркнул, что тон пропаганды должен быть угрожающим, но «самые острые вещи можно говорить вежливо, ругаться не нужно. Угрожающий тон — это значит постоянное указание на безнадежность, бессмыс-

ленность войны для германского народа, на крах гитлеровской авантюры.

...Неверно говорить в нашей пропаганде, что виновен лишь Гитлер, виновен и солдат, последовавший за ним... наши листовки должны подчеркивать нашу силу, виновность немцев в войне, показывать их потери, тяготы, раздувать противоречия, ссорить тыл и фронт»²⁹⁰.

16 сентября 1942 года Совет военно-политической пропаганды рассмотрел вопрос «О работе среди населения оккупированных районов СССР». Он отметил: «Вся агитационная работа среди советского населения оккупированной врагом территории сводится главным образом к распространению бюллетеня ГлавПУ РККА «Вести с Советской Родины» и выпуску листовок по отдельным вопросам. «Вести с Советской Родины» и листовки, как правило, адресованы населению всех оккупированных районов без учета особенностей отдельных областей...» Здесь речь идет о печатной продукции, направляемой в захваченные врагом районы из советского тыла. Работа партизан и подпольщиков подробно не анализировалась. Совет констатировал, что политической работой охвачена сравнительно небольшая часть населения, главным образом в районах действий партизан, и внес практические предложения по ее улучшению.

Основными формами, которые использовались для информационного воздействия на население временно оккупированной территории была печатная пропаганда и радиопередачи из советского тыла.

«Правда», «Известия», «Красная звезда», «Комсомольская правда» и другие центральные газеты и журналы призывали к стойкости в борьбе с врагом, пробуждали героизм и самоотверженность в труде, на поле боя. Многие материалы, опубликованные в центральных газетах, адресовывались непосредственно жителям оккупированных территорий страны. Газеты содержали важнейшие сведения о развитии событий на фронтах, о жизни в советском тылу, о международном положении СССР, служили незаменимым источником информации для советских граждан, волей обстоятельств оказавшихся во вражеском тылу. Засылку газет в тыл врага в основном осуществляли политорганы армии и штабы партизанского движения. Например, только с 1 сентября по 10 ок-

тября 1941 года политорганы войск Северо-Западного фронта забросили для советских людей на оккупированную территорию в полосе действий фронта почти 100 тыс. экземпляров «Правды», 5700 экземпляров «Известий» и 1400 экземпляров «Комсомольской правды»²⁹¹.

Однако центральная печать не могла в полной мере отражать события, происходившие за линией фронта, учитывать специфику различных оккупированных районов и вести оперативную дифференцированную пропаганду среди населения. Поэтому с первых дней войны возникла необходимость издания специальных газет для населения, оставшегося на захваченной врагом территории, и политорганами РККА.

Поэтому одновременно и политорганы РККА издавали и распространяли в тылу противника большое количество листовок, плакатов, обращений и других печатных материалов. Так, только с 22 июня по 1 августа 1941 года ГлавПУ РККА издал 9 листовок общим тиражом 1300 тыс. экземпляров²⁹³. Огромное число листовок выпускали фронтовые и армейские политорганы. Например, политорганы Западного фронта за 1941 года распространили на оккупированной территории 68 131 тыс. экземпляров листовок²⁹⁴. Политотдел 22-й армии с 5 сентября 1941 года по 1 января 1942 г. направил в оккупированные районы Калининской области 220 тыс. экземпляров листовок и обращений²⁹⁵.

В виде листовок не раз издавались сообщения Совинформбюро, статьи и заметки из центральной прессы. В августе 1942 года, например, в партизанские отряды Брянских лесов была направлено 3 тыс. экземпляров листовок с текстом передовой статьи «Правды» от 13 августа под названием: «Партизаны, крепче удары по врагу»²⁹⁶.

Выпуск печатных изданий для населения, оказавшегося на оккупированной территории, нарастал. Абсолютно точных данных о количестве изданных листовок не установлено. По подсчетам за годы войны общее число изданий для населения оккупированных территорий (в том числе и партизан) составило 3 млрд. экземпляров. В среднем на каждого человека, оказавшегося на оккупированной территории, приходилось по 70—80 листовок²⁹⁷.

В сентябре 1942 года — выпуск газет для населения оккупированной территории был передан в ведение соответствующим

щих республиканских партийных органов, которые вели издание и распространение своих периодических изданий одновременно с армейскими политорганами. Так, с 6 июля 1941 года ЦК КП(б) Украины выпускал и распространял на оккупированной территории областей свою республиканскую газету «За Радянську Україну», а с ноября она выходила в Москве (раз в три дня) тиражом 100 тысяч экземпляров. Так же для населения, находившегося в оккупации, им издавались спецвыпуски газет «Коммунист» и «Советская Украина» тиражом тридцать и пятнадцать тысяч соответственно. С июля 1941-го по декабрь 1942 года вышел 141 номер газеты «За Радянську Україну», 155 спецвыпусков «Коммуниста» и 185 — «Советской Украины»²⁹⁸. Также ЦК ВКП(б) Украины и СНК УССР издавали и направляли на оккупированную территорию листовки. Например, до октября 1943 года было выпущено 1211 наименований листовок. Всего за годы войны было распространено около 400 млн. экземпляров газет, листовок, обращений и другой печатной продукции при других изданиях²⁹⁹.

ЦК КП(б) Белоруссии с сентября 1941 года издавал газету «Савецка Беларусь», которая до 1942 года печаталась в Казани, а затем в Москве, в типографии «Известий», тиражом 40 тысяч экземпляров. Здесь же выпускался агитплакат «Раздавім фашысцкую гадзіну», ставший с апреля 1942 года газетой-плакатом³⁰⁰. После прекращения выпуска армейскими политорганами газет «За свободную Беларусь» и «За Савецкую Беларусь» ЦК КП(б)Б решил выпускать только одну республиканскую газету «Савецка Беларусь», форматом «Правды», на 4 полосах и периодичностью 10 раз в месяц³⁰¹. В период с декабря 1942 года по апрель 1943 года редакцией «Раздавім фашысцкую гадзіну» выпускался сатирический плакат «Партизанская дубинка». Однако практика показала, что более целесообразно сосредоточить сатирический материал в одном издании — в газете-плакате «Раздавім фашысцкую гадзіну».

Поэтому приказом Народного комиссариата обороны СССР «О газетах для населения оккупированных советских областей» от 30 июля 1941 г. предусматривалось издание при политических управления Западного, Южного, Юго-Западного, Северо-Западного фронтов специальных газет «За Советскую Белоруссию» (на белорусском языке, тиражом 200 тысяч экземпляров), «За Советскую Украину» (на украинском

языке, тиражом 300 тысяч экземпляров), «За Советскую Молдавию» (на молдавском языке, тиражом 50 тысяч экземпляров) и «За Советскую Латвию» (на латышском языке, тиражом 30 тысяч экземпляров)³⁰².

Также в 1942 году для населения оккупированной Белоруссии издавались газеты «За свободную Беларусь» (орган политуправления Калининского фронта) и «За Савецкую Беларусь» (орган Западного фронта)³⁰³.

До сентября 1942 года основное количество листовок и газет для населения оккупированных советских территорий издавали политуправления фронтов через специально созданные отделы. Они же занимались и контрпропагандой. Начальник 8-го отдела Западного фронта в ноябре 1941 года разослал указание политотделам армий, в котором рекомендовалось: «Основное в работе отделений — это партийно-политическая работа среди населения оккупированных районов и частей Красной Армии, действующих в тылу противника. Поэтому вопросы организации политразведки, переброска самолетами и наземными средствами (в том числе и через партизанские отряды) агитлитературы для населения оккупированных районов, своевременное издание небольших листовок, разоблачающих на конкретных примерах зверства фашистских людоедов и их брехню, посылка своих представителей к партизанским отрядам или с отрядами особого назначения для партийно-политической работы среди населения и обобщение опыта по этим вопросам — все это теперь приобретает особо важное значение в нашей работе³⁰⁴.

С августа 1941 года ГлавПУ РККА начало регулярный выпуск на русском, украинском и белорусском языках листовки-бюллетеня «Вести с Советской Родины», издававшейся огромными тиражами для населения всей оккупированной территории нашей страны.

Это издание очень тревожило оккупационные немецкие власти. В одном из специальных сообщений фашистской администрации отмечалось: «Советы в последнее время используют психологически активные и действенные средства пропаганды по сравнению с начальным периодом войны. Особое внимание обращает на себя регулярно сбрасываемая с самолетов газета-листочка. С июля 1941-го по май 1945 года вышел 141 номер этой газеты-плаката³⁰⁵. Наряду с сатири-

ческими материалами в ней широко подавались материалы, разоблачающие фашистскую пропаганду, а также рисунки и фотодокументы, иллюстрирующие борьбу партизан, доблесть и мужество красноармейцев в боях за освобождение белорусской земли. Характерно, что в ЦК КП(б)Б внимательно следили за доставкой печатных изданий, ежемесячно составляли график рассылки литературы и отчетность о распространении ее в тылу противника³⁰⁶.

Выпуск подобных газет организовали в Москве и центральные партийные органы Прибалтийских республик, вошедших накануне войны в состав СССР: ЦК КП(б) Эстонии с конца 1942 года издавал «Рахва хиэль» («Голос народа»), с февраля по июнь 1944 года для эстонских партизан выходила еще и «Газуя» («Мститель»)³⁰⁷, ЦК КП(б) Литвы с 1942 года издавал «Тiesa» («Правда»)³⁰⁸; ЦК КП(б) Латвии — газету «Циня» («Борьба») и «Пар Падомью Латвию» («За Советскую Латвию»)³⁰⁹. Так же для населения Прибалтийских республик ими издавались и десятки наименований листовок.

С марта 1942 года так же в Москве выходила газета «Молдова сочиалистэ», а также листовки на молдавском и русском языках³¹⁰. Тогда же стали выпускаться газеты Карело-Финской ССР — «Ленинское знамя» на русском языке и «Тогдкс» («Правда») на финском языке³¹¹.

Партийные комитеты областей и краев Российской Федерации, территории которых были частично заняты врагом, издавали для населения оккупированных районов специальные газеты или специальные выпуски краевых и областных газет. Так, в Московской области осенью 1941 года выходила газета «Московские известия» (№1—4) тиражом 100 тыс. экземпляров³¹². В Ленинграде с сентября 1941 года издавался специальный выпуск газеты «Ленинградская правда», выходили специальные номера молодежной газеты «Смена», с мая 1942 года начала регулярно выпускаться специальная газета «Народный мститель», позднее переименованная в «Советский партизан», а затем в «Ленинградский партизан». Также для населения оккупированных районов ленинградской области продолжали издаваться 17 районных газет разовым тиражом 10 тысяч экземпляров. С апреля 1943 года взамен районных газет начала выходить газета «За нашу Советскую

Родину». В 1943 году вышло 8 номеров этой газеты общим тиражом 40 тысяч экземпляров³¹³.

В Курской области с июня 1942 года выходил спецвыпуск смоленской областной газеты «Рабочий путь» («Малютка»)³¹⁴. Для оккупированных районов Курской области выходили 4 раза в месяц спецвыпуски газеты «Курская правда». С такой же периодичностью выходила специальная газета «Пролетарская правда» для населения оккупированной территории Калининской области, которая издавалась местным обкомом ВКП(б)³¹⁵. Так же в РСФСР издавались спецвыпуски областных газет «Коммуна» (Воронежская область), «Молот» (Ростовская область), «Большевик» (Краснодарский край) и ряд других.

В различные периоды войны партийными комитетами и армейскими органами специально для населения оккупированной советской территории издавались 2 центральные, 8 республиканских, 7 областных и 28 районных газет. Кроме них выходили спецвыпуски 6 республиканских и 13 областных и краевых газет³¹⁶.

Среди печатных изданий, выпускаемых в советском тылу для населения оккупированной территории, наибольший удельный вес имели листовки.

Однако доставка в тыл противника этих изданий не всегда была регулярной. Было немало случаев, когда отпечатанная литература залеживалась на аэродромах и устаревала. Газеты, листовки, поступавшие за линию фронта, неравномерно распределялись по всей оккупированной территории. Тиражи газет и листовок были небольшими, их полиграфическое исполнение несовершенно. Они не всегда откликались на все животрепещущие вопросы, встававшие перед населением и партизанами в районах, оккупированных противником.

Более эффективным было воздействие листовок или газет, изданных в подполье. В подавляющем большинстве случаев они оказывались в нужное время, в нужном месте и отвечали на вопросы, волновавшие людей. Поэтому с 1942 года засылка листовок и других изданий из советского тыла, по замечанию А. С. Щербакова, «должна быть подсобной, а основная политическая работа должна проводиться партизанскими отрядами, подпольными организациями, райкомами, и центр должен быть там»³¹⁷.

Газеты на иностранных языках

С началом войны при отделах по работе среди войск противника политуправлений фронтов были развернуты редакции 18 еженедельных газет на иностранных языках, из них 10 на немецком. Политуправление Ленинградского фронта, например, издавало с июля 1941 года три такие газеты: немецкую «Солдатскую правду», финскую «Сын народа» и шведскую «Новую газету». Последняя выпускалась для военнослужащих финской армии шведского происхождения. Газеты были небольшого формата, двух- и четырехполосные.

На Юго-Западном фронте выходили газеты, адресованные немецким и румынским солдатам.

На Северо-Западном фронте выпускалась газета «Зольдатен фройндт» («Друг солдата»). Ее редактировал батальонный комиссар Н. Ф. Янцен, специалист по немецкой психологии, опытный журналист-международник. В первых номерах его газеты публикации не только аргументированно разоблачали преступную войну Гитлера и зверства вермахта на советской земле, но и напоминали о добрых отношениях, которые существовали долгие годы между русским и германским народами. Янцен критически относился ко многим пропагандистским материалам, предназначенным для воздействия на войска противника. В сентябре 1941 года в своем письме М. И. Бурцеву он писал, что, по его наблюдениям, наши листовки доходят до немцев, они читали их, но не всегда верили им. Одна из причин этого — слабая вооруженность листовок убедительными доводами и аргументами. «Наша пропаганда — голая агитация»³¹⁸, — писал он.

На Западном фронте выходила газета на польском языке «Вольность» и на немецком языке «Ди вархайт» («Правда»). У этой газеты (как и у многих других, подобных ей) существенным недостатком было то, что своими общими, неоперативными статьями она не могла привлечь внимания тех, для кого предназначалась. Поэтому были предприняты меры по усилению редакции газет на немецком языке журналистами и литераторами из числа германских коммунистов и антифашистов. Активную помощь в выпуске газет для войск противника из государств—сателлитов Германии оказывали

политические эмигранты и выходцы из этих стран. Так, важное значение для выпуска газеты «Сын народа» на финском языке имели рекомендации О. В. Куусинена, высказанные ее редактору И. И. Лайтинену. Ознакомившись в июле 1941 года с первыми номерами этой газеты, он дал им в основном положительную оценку, но вместе с тем порекомендовал сделать упор на качество публикаций; избегать давать готовые выводы, а бить фактами причем, проверенными, не сгущать факты, где не нужно; тщательно обрабатывать информационные материалы, подавать их с учетом национальных и психологических особенностей финнов³¹⁹.

В Москве с августа 1941 года выпускалась газета «Фронт-иллюстрирте» — иллюстрированная газета на немецком языке. Из всех газет она была наиболее интересна и убедительна, ее с большим доверием читали немцы, потому что она привлекала внимание как своими актуальными иллюстрациями, так и короткими, без лишних слов, подписями к ним. Редактором «Фронтиллюстрирте» был опытный журналист Л. А. Железнов, в прошлом работавший в газете «Правда». Эта газета умело использовала иллюстрированные средства в задачах разоблачительной пропаганды. Например, после разгрома немецких войск под Москвой в ней был помещен фотомонтаж: генерал-фельдмаршал Мольтке-старший, весьма популярная в Германии личность, поднимает Гитлера за шиворот и говорит ему: «Остерегайтесь вступать в бескрайние русские просторы, берегитесь силы сопротивления русских».

Помимо газет выпускались еженедельные бюллетени «Известия с фронта», «Что происходит в Германии?», «Жизнь военнопленных в Советской России» и «Международная жизнь». Для этих бюллетеней подбирались достоверные факты, многие из них со ссылкой на авторитетные, в основном документальные источники. Цель публикаций, в которых использовались эти факты, — подорвать веру немецких солдат в победу и угрожать им гибелью в России. Так, например, публикация «Судьба Наполеона и замерзшего французского солдата», по утверждению пленных, угнетающе действовала на военнослужащих группы армий «Центр», наступавшей на Москву.

Зимой 1941/42 г. бюллетень «Известия с фронта» много публикаций посвятил разгрому немецких войск под Мос-

квой. Вот заголовки некоторых из них: «Русских прорвали укрепленные линии немцев» (на южном и юго-восточном направлениях), «Тяжелое положение немцев на центральном участке фронта», «Наступление Красной Армии продолжается», «Путь на Запад устлан тысячами трупов немецких солдат и офицеров», «Богатые трофеи русских войск» и т. п. Текст этих публикаций дополняется выразительными иллюстрациями: фотоснимками и схемами. Выпуски бюллетеня «Известия с фронта» чаще всего готовил сотрудник отдела по работе среди войск и населения противника ГлавПУ РККА политрук Ф. П. Куропатов, хорошо знавший обстановку на фронте.

Бюллетень «Что происходит в Германии?» редактировал другой сотрудник этого отдела — подполковник Г. Е. Константиновский. Это издание оперативно откликалось на события в Германии, разоблачало ложь гитлеровской пропаганды, которая скрывала правду о нацистском режиме. Так, 2 февраля 1942 года бюллетень рассказал о выступлении Гитлера 30 января, в котором он признал поражение под Москвой, но попытался оправдаться перечислением прошлых достижений Германии во время его правления. На основе веских аргументов и фактов авторы публикации показали несостоятельность этого оправдания.

«Гитлер сказал, что получил в наследство 3 миллиарда марок государственного долга и погасил его. Это — ложь. Газета «Франкфуртер цайтунг» 25 декабря сообщила, что государственный долг Германии составляет теперь уже 110 миллиардов марок. Гитлер сказал, что получил в наследство омертвевшую торговлю и оживил ее. Это — ложь. Министр Функ совсем недавно заявил: “В Германии нарушено равновесие между наличием товаров и количеством денег”». «Денежный оборот заменяется товарообменом», — писала и газета «Данцигер форпостен». Приводились и другие подобные факты. «Но самая большая ложь Гитлера, — говорилось в заключении, — это та, когда он говорит, что, придя к власти, стремился к мирному процветанию немецкого народа, к культурному строительству и социальным преобразованиям. С первого же дня прихода к власти Гитлер стал готовить войну за мировое господство. Гитлер — виновник этой войны и всех страданий и мучений немецкого народа. Так немецкие

солдаты подводились к выводу: Гитлер нашел козлов отпущения в лице нескольких десятков генералов — он отстранил их от командования, объявил себя главнокомандующим сухопутными войсками, но тем самым еще больше ухудшил положение вермахта. Казалось, публикация своей цели достигла — она заставляла задуматься немца о том, в какую пропасть ведет Германию Гитлер, вызвала сомнение в том, что он провозглашает. И вопрос авторов: «Не пора ли покончить с этим кровавым безумцем, толкающим германский народ в пропасть?» — был еще допустим. Но их призыв: «Сговаривайтесь между собой! Создавайте в каждой части солдатские комитеты борьбы за прекращение войны! Кончайте с Гитлером и войной! Ваш пароль: “Домой!...”» — был зимой 1942 года преждевременен. Вера немцев в Гитлера еще не была подорвана, его режим действовал отлаженно, моральный дух и дисциплина вермахта не стали настолько низкими, что можно было надеяться на создание солдатских комитетов и, сговорившись, разойтись по домам, как это было в 1918 году, когда в Германии возникла революция.

Указаниями директивы начальника ГлавПУ РККА от 4 июля 1942 года редакции фронтовых газет на иностранных языках (за исключением газеты Карельского фронта на финском языке) были реорганизованы в редакционно-издательские отделы отделов по работе среди войск и населения противника, которые в последующем обеспечивали подготовку и выпуск листовок.

Опыт показал нецелесообразность выпуска газет для войск и населения противника: они опаздывали с оперативной информацией, сложности были с их распространением, солдату противника трудно было спрятать газеты от своего командования. Таково было официальное объяснение прекращения выпуска фронтовых газет на иностранных языках, последние номера которых вышли в конце 1942 года. Следует также заметить, что газета для военнослужащих и населения противника имеет целый ряд специфических особенностей, к которым относятся: публикации текста на иностранном языке; характерные только для газеты формы и способы подачи информации; своеобразные структурно-композиционные и графические элементы, которые должны соответствовать не только принятым в данной стране нормам и правилам, но и

сложившимся традициям; оригинальность языкового и стилистического оформления материалов; жанровое и тематическое разнообразие и др. Также известно, что население той или иной страны усваивает информацию в соответствии с выработанными у них стереотипами.

Не все эти особенности учитывались при выпуске каждого номера газеты для войск и населения противника.

Также не все публикации этих газет отличались актуальностью и информативностью, не всегда были доступны для адресуемой аудитории по своему структурно-композиционному, языковому оформлению, подаче информации с учетом норм газетной журналистики, принятых в данной стране. Также при их издании недостаточно учитывались типичное мировоззрение большинства читателей, их социальные, национальные и религиозные особенности, информационные запросы, отношение к пропаганде противника. Необходимость осознания всего этого пришла в процессе более глубокого изучения противника в ходе войны, что отражалось в издании листовок, радиопропаганде и звуковом вещании.

В дальнейшем при проведении пропагандистского обеспечения крупных военных операций выпуска тематических листовок и агитпередач было недостаточно и принималось решение издавать специальные бюллетени. Так, например, было при осуществлении наступательной операции под Сталинградом. В ходе ее по решению ГлавПУ РККА издавался специальный бюллетень «Последние известия для солдат немецких войск в сталинградском котле». Он выходил два-три раза в неделю. В бюллетене печатались сообщения Совинформбюро, материалы, изобличавшие немецкую пропаганду, уверявшую, будто сопротивление 6-й армии обеспечивает устойчивость всего фронта на Востоке. Доказывалась невыполнимость обещаний Гитлера деблокировать окруженные германские войска. Каждый номер бюллетеня сообщал о том, чему сами окруженные были свидетелями новых ударов Красной Армии, сужения кольца, растущих потерь в окруженной группировке, увеличения числа раненых и обмороженных, не получающих должного ухода и лечения, надвигающегося голода. Материалы бюллетеня, как правило, иллюстрировалась схемами, картами, фотоснимками. Печатались письма или отрывки из дневников, отражавшие настроение солдат,

их откровения, признания, даже завещания, в которых они выражали «свою последнюю волю», просили прощения у родных за нанесенные им обиды и т. д. Материалы для подобных публикаций давало общение с пленными и перебежчиками, а также трофейные документы и радиоперехват.

Листовки как вид информационного оружия

Начальный период войны показал, что листовки обладают рядом преимуществ по сравнению с другими видами печатной продукции. Они были значительно оперативнее, чем газеты, бюллетени или брошюры, быстро откликались на изменения в политической обстановке. Они отличались небольшим объемом (чаще всего одна-две страницы), сжатым и доступным текстом, броским полиграфическим оформлением. Листовку очень быстро готовили к печати (иногда в течение нескольких часов, издавали большими тиражами на любой полиграфической базе, в короткие сроки распространяли. Одну и ту же листовку при необходимости многократно переиздавали и в больших количествах распространяли в тех или иных районах.

При необходимости в нескольких листовках, посвященных одному и тому же вопросу, по-разному расставлялись смысловые акценты, что позволяло учитывать психологические особенности различных контингентов военнослужащих, населения государств противника и людей оккупированных им территорий. Воспроизведение в листовке фотографий, копий официальных документов повышало их убедительность. А художественное оформление листовок способствовало усилению их эмоционального воздействия на аудиторию.

Небольшой, лаконичный, доступный текст листовки легко воспринимался даже при вынужденно быстром чтении во фронтовой обстановке. Благодаря малому формату листовку легко было спрятать, передать кому-либо, сохранить как пропуск для сдачи в плен.

В зависимости от формы подачи текста среди советских листовок наиболее часто встречались следующие виды.

Листовки—обращения командования. Такие листовки впервые появились во время зимнего наступления 1941/1942 года. В них излагались официальные обращения коман-

дования к окруженным немецким войскам, объяснялись сложившиеся условия и предлагалось в интересах сохранения жизни прекратить сопротивление. В них приводились хорошо известные немецким военным факты о положении их войск и предлагалось в интересах сохранения жизни прекратить сопротивление. Под обращением стояла подпись: «Советское командование». Такие листовки часто использовались в других наступательных операциях советских войск.

Листовки-приказы. В ходе битвы под Москвой появилась листовка-приказ, применяемая в русской армии как форма печатной пропаганды еще в Отечественной войне 1812 года. Своим возрождением она обязана командующему Западным фронтом Г. К. Жукову. Он приказал подготовить листовку, которая помогла бы перехватить бегущих вражеских солдат и побудила бы их сдаться в плен. Но когда она была подготовлена и представлена командующему, он не согласился с ее слишком гладким литературным стилем, заметив, что немецкий солдат привык к коротким чеканным фразам, к официальному языку, и предложил вариант листовки, написанной им самим...

«Приказ войскам Западного фронта» — гласил заголовок листовки, после которого шло всего два пункта и подпись:

«1. Всех немецких солдат, ефрейторов и унтер-офицеров, сложивших оружие и добровольно отказавшихся драться против частей Красной Армии, немедленно принимать на свою сторону, хорошо накормить, раздетых одеть и, не задерживая, направлять в глубь страны.

2. Настоящий приказ является пропуском через линию фронта русских для неограниченного количества пленных.

Главное командование Западного фронта».

Эта листовка-приказ была напечатана тиражом 800 тысяч экземпляров и в тот же день распространена среди отступающих войск.

На завершающем этапе Сталинградской битвы и во время других сражений Великой Отечественной войны не раз применялись листовки-приказы, а также листовки с изложением приказов советского командования. Они таким образом зимой 1943 года довели до войск противника содержа-

ние приказа Военного совета, в котором излагалась задача, поставленная перед фронтом: «Уничтожить врага под Сталинградом и заложить начало его разгрома и очищения нашей страны от кровавых захватчиков!»³²⁰. В листовке приводились данные из приказа, в котором упоминалось и о том, что более 100 мощных атак 6-й немецкой армии было отбито войсками этого фронта всего лишь за 2 месяца и что 300 тысяч немецких солдат уже нашли свой бесславный конец в бессмысленных попытках овладеть городом. «Подумайте, к чему ведут ваши атаки!» — таким обращением к немецким солдатам заканчивалась эта листовка.

Листовка-памфлет. Примером удачного издания такого рода явилась листовка «Хорошо живет немецкому солдату» (художник Борис Ефимов). Карикатуры на главарей фашистского рейха, помещенные в ней, сопровождались лаконичными подписями: «Гитлер думает за него», «Геринг ест за него», «Лей пьет за него», «Гейббельс говорит за него», «Гиммлер заботится о том, чтобы его жена не оставалась бездетной», а под изображением убитого на снегу солдата дана текстовка: «Ему самому не остается ничего другого, как погибнуть на фронте». По совету пленных эта многокрасочная листовка издавалась много раз, служила пропуском в плен.

«Сентиментальная» листовка — несмотря на то что германскую молодежь нацистский режим воспитывал в жестокости, грубости, вместе с тем немецкие солдаты оказались сентиментальны. Поэтому советская пропаганда обратила внимание на это их качество и таким образом стремилась воздействовать на психику и сознание военнослужащих вермахта. Об эффективности «сентиментальной» пропаганды стало известно после выпуска листовки, где на фоне заснеженного поля с замерзшими трупами немецких солдат крупным планом изображен плачущий ребенок — слезы градом катятся из его глаз, и под рисунком всего три слова: «Fater ist tod!» («Папа убит!») «Действие этой листовки превзошло все ожидания, — вспоминал М. И. Бурцев. — ...Не было пленного, который не упомянул бы о ней». После этого А. С. Щербаков, сменивший ГлавПУРА Д. З. Мехлиса, дал указание усилить «сентиментальную» пропаганду»³²¹.

Листовки от военнопленных — первым изданием такого характера явилась листовка первого немецкого перебежчика А. Лискофа, выпущенная в июне 1941 года Главным политическим управлением РККА ГлавПУ РККА. Листовка была с фотографией А. Лискофа, в тексте указана воинская часть, где он служил, а в подписи — место работы до призыва в вермахт. Лискоф призывал к уничтожению фашизма, его войну против СССР называл «бессмысленной авантюрой», объяснял, что рассказы гитлеровской пропаганды о пытках и расстрелах в советском плену — ложь, обращение здесь с немецкими военнопленными гуманно. В последующем листовки с обращениями военнопленных были распространены формой как общеполитической, так и оперативной пропаганды. На этих, как и других, листовках стояла подпись: «Прочти и передай товарищам!» Многие листовки издавались с обращениями депутатов рейхстага и бундестага, немецких писателей, антифашистов и т. п. Например, в июле 1943 года была выпущена листовка с обращением президента Национального комитета «Свободная Германия» Э. Вайнерта «Это говорю вам я как немец»³²². Были листовки с обращением к определенным частям, от военнопленных офицеров к офицерам действующей немецкой армии, военных священников и т. п.

Листовка-диалог. 12 июля 1941 года была издана ГлавПУ РККА под № 28а листовка «Жизненное пространство» — пространство смерти», написанная немецким писателем и драматургом Ф. Вольфом в форме диалога. Под названием стоял подзаголовок «Солдатские беседы — первая встреча». В ней в виде живой беседы двух солдат — Финка и Флидербуша о «чертовски большой стране России», которая должна стать «германским жизненным пространством», на что один из собеседников — Финк рассуждает: «Сегодня уже почти половина нашей роты лежит мертвой в жизненном пространстве, а эта Россия ужас до чего большая, и через два-три месяца, может, из нас никого в живых не останется в этом жизненном пространстве». Флидербуш с ним соглашается: «...Ведь этак, пожалуй, это будет для нас пространством смерти...» В листовке были помещены схематические карты Германии и СССР, видны громадные размеры советской страны. Подобный прием написания листовки в виде диалога

Ф. Вольф использовал несколько раз. Серия этих листовок была создана летом и осенью 1941 года.

Листовка-стихотворение. Примером такого издания является листовка со стихотворением немецкого поэта Эриха Вайнера «Довольно горя и позора!», изданная в ноябре 1941 года ГлавПУ РККА. Внизу листовки был напечатан пропуск на немецком и русском языках для сдачи в плен. Листовки со стихотворениями периодически издавались и политорганами фронтов и армий.

Листовка вопросов-ответов. В ноябре 1941 года ГлавПУ РККА выпустило листовку, написанную немецким коммунистом Антоном Акерманом «За что вы воюете?». Отвечая на этот вопрос, автор поставил четыре подвопроса, отвечая на которые он разоблачал фашистскую ложь о войне против СССР. «Может быть, вы воюете за «новый порядок в Европе», как говорит вам Гитлер? — спрашивалось в последующем вопросе листовки, и следовал ответ: — Нет! Вы воюете за жесточайший средневековый режим. Топором и плетью орудует гестапо в оккупированных странах. Вы воюете за превращение Европы в тюрьму народов. Этим вы усиливаете власть гитлеровской тирании и еще более укрепляете свои собственные оковы». Заканчивалась листовка резюме: «Немецкие солдаты! Вы для Гитлера лишь пушечное мясо. Он гонит вас на новые и новые преступления, которые не дают никакого результата, кроме смерти сотен тысяч немецких солдат. Он заставляет вас погибать в снегах русской зимы. Так, как поступает Гитлер, может поступать лишь злейший враг немецкой армии.

Вы воюете за несправедливое дело, обреченное на гибель! Гитлер ведет Германию к поражению и катастрофе, но немецкий народ хочет жить...»

Далее шел призыв к свержению гитлеровского режима, который был очень прямолинеен и выбивался из стиля всей листовки, содержание которой настраивало немецкого солдата на размышления в поиске ответа на выход из сложившегося положения.

Листовки-воззвания. Примером такой листовки является изданное в мае 1942 года ГлавПУ РККА воззвание депутатов рейхстага и ландтагов, известных в Германии политически деятелей. Рассчитана была не только на немецкие вой-

ска, но и все германское население. И внимание обращалось на усиление воздушной войны авиацией антигитлеровской коалиции, бесперспективность войны, беззащитность населения перед бомбардировщиками, в то время как немецкие «бонзы» обеспечили безопасность своих семей. Чтобы не допустить опустошения Германии, депутаты призывали немцев, мужчин и женщин, на совместную борьбу за свержение Гитлера, чтобы покончить с войной, не допустить бессмысленной гибели солдат на фронте и гражданского населения в тылу Германии.

Листовка-пропуск. Обычно содержала короткий призыв покончить с войной, сопротивляться гитлеровскому режиму, сохранить свою жизнь и т. п., а также слово «пропуск» и текст на немецком и русском языке о том, как вести себя при переходе в плен. Были и другие варианты подобных листовок. Например, в апреле 1942 года ГлавПУ РККА поместил пропуск под обращением депутатов рейхстага и ландтага В. Флорина, В. Пика, Г. Субботки, В. Ульбрихта «Откажитесь идти в весеннее наступление». Листовка-пропуск «Так или так» со стихами И. Бехера была иллюстрированной, напоминала собой мини-плакат, на котором были изображены погибший солдат вермахта и живой с листовкой-пропуском и написаны слова: «So oder so» («Так или так»)³²³.

Листовка-информация. В декабре 1942 года политуправлением Западного фронта была издана листовка, которая начиналась словами: «Я, стрелок Лейтс, попал в русский плен. Русских людей нам изображали всегда как наглых и необразованных...» Далее шел рассказ об обращении с военнопленными, их питании, жизни в лагере, встрече здесь с ефрейтором Обервиндером «из нашей роты, которого мы уже считали мертвым. В декабре он был взят в плен. Обервиндер был хорошо побрит и находился в хорошем настроении... Я убедился, что он имеет для этого основание, ибо сейчас рад, что попал в плен. Для нас война окончена». В листовке была помещена фотография о встрече двух сослуживцев с подписью: «Оба друга — стрелок Лейтс и ефрейтор Обервиндер — снова вместе»³²⁴.

Листовка-письмо. Удачным изданием подобного жанра являлась листовка «Письмо могильщика», выпущенная в октябре 1942 года политуправлением Воронежского фрон-

та. Его автором являлся солдат похоронной команды 323-й пехотной дивизии Зейер, попавший в русский плен. Он сообщал сослуживцам, что с 17 июля по 15 сентября своими руками похоронил на кладбище в Николаевке 620 солдат и офицеров своей дивизии. Всего же дивизия потеряла под Воронежем убитыми и ранеными не менее 5 тысяч человек. «Вы сами видите, как от рот, батальонов и даже полков остаются жалкие остатки. Если так будет продолжаться и дальше, то скоро 323-я дивизия переселится на кладбище в Николаевке. Во время последних атак русских даже нас, солдат похоронной команды, послали в бой...»³²⁵ Краткую и лаконичную листовку в форме письма с убедительными фактами, цифрами и аргументами, известными солдатам и офицерам дивизии, которой оно адресовывалось, трудно было опровергнуть. Эта листовка была равносильна меткому выстрелу.

Листовки-цитаты. Политуправление Закавказского фронта в октябре 1942 года выпустило листовку «Солдаты 371-й пехотной дивизии», которая начиналась словами: «Ваши товарищи: Глейм (669-й пехотный полк), Дитмар (669-й пп), Фрише (669-й пп.) передают вам приветы из русского плена. Послушайте, что они говорят...» Далее приводились выдержки из обращений этих немецких военнопленных к своим сослуживцам, которые объясняли, что они предпочли сдаться в плен из-за того, что не верят обещаниям начальства об окончании войны и таким образом решили покончить с ней для себя сами. Листовка заканчивалась призывом: «Для вас нет иного выхода: или смерть, или плен. Следуйте примеру своих товарищей»³²⁶.

Листовки от имени погибших. Одна из таких листовок «Мертвые говорят живым» была написана немецким писателем А. Куреллой весной 1943 года. Она начиналась словами: «...Мы — тени Сталинграда — следуем за вами по пятам. Нас было 240 тыс. таких же солдат, как и вы. Теперь мы в могиле. Но и здесь мы не нашли себе покоя. Бессмысленна была наша смерть. Придайте же ей последний смысл — выслушайте наше предложение и запомните его: Не верьте тому, чему верили мы!»³²⁷ Далее от имени мертвых разоблачались лозунги гитлеровской пропаганды и живые немецкие солдаты призывались «верить тому, чему не верили мы», — сообщениям пленных и следовать их призыву: «Освободиться от Гитлера, и война

кончится!» Текст листовки сопровождался рисунком с изображением на фоне неба фигуры мертвого солдата вермахта, обращающегося к живым. Листовка издавалась дважды — 26 августа и 1 июля 1943 года по 500 тысяч экземпляров.

Листовка-уведомление. Это были издания, сообщающие о каком-то событии. Например, 14 августа 1943 года такая листовка уведомила немецкие войска о том, что избран и приступил к работе Национальный комитет «Свободная Германия». Она так и называлась: «Уведомление»³²⁸. С подобных уведомлений начинали свою пропагандистскую деятельность все фронтовые уполномоченные НКСТ.

Листовки-указания. Они издавались от имени Национального комитета «Свободная Германия»: «Указание № 1, что делать немецким войскам на Восточном фронте» (сентябрь 1943 г.), «Указание № 2. Немецкий народ, мужчины и женщины на Родине!» (ноябрь 1942 г.)³²⁹ и др. Руководителями НКСТ такая форма обращения к своим сторонникам была выбрана с учетом психологии немца действовать по четким указаниям.

Листовки в форме вопросов. В сентябре 1943 года тиражом в 1 млн. экземпляров была выпущена листовка НКСТ «Дайте ответ», в которой от имени немецкого народа сначала ставился ряд вопросов к Гитлеру и его окружению о том, куда их политика завела Германию и когда будет покончено с войной, а затем от мировой общественности задавались вопросы немецкому народу:

«Хотите ли вы прекратить свое существование как государство или вы хотите сохранить свою независимость? — Дайте ответ.

Хотите ли вы покорно погибнуть с Гитлером или вы хотите от него освободиться и завоевать себе снова уважение народов? — Дайте ответ.

На эти вопросы весь немецкий народ требует сегодня ответа! И он хочет, чтобы этот ответ был не в форме слов, а в форме действий!»³³⁰.

Листовка-ответ. Такие издания в основном вели полемику с немецкой пропагандой. Так, 2 января 1944 года НКСТ и Союз немецких офицеров выпустил листовку «Ответ Верховному главнокомандованию немецкой армии» в связи с тем, что ОКВ³³¹ издало специальный четырехполосный номер «Сообщения для офицерского корпуса», которым открыло пропаган-

дистскую кампанию против движения «Свободная Германия». Вслед за этим эта кампания была подхвачена немецкими фронтовыми газетами. В листовке-ответе, подписанной лидерами НКСГ, разоблачались тезисы немецкой пропаганды, отрицавшей участие в освободительном движении немецких генералов и офицеров, и для того, чтобы убедиться в истине, немецким военнослужащим предлагалось посылать доверенных через линию фронта, возвращение которых гарантировалось³³². Тираж этой листовки составлял 1 миллион экземпляров.

Листовка-тезисы. Ярким примером такого издания является листовка с текстом «25 тезисов об окончании войны», выпущенная НКСГ в марте 1944 года. В тот период многих немцев волновал вопрос: «Как нам выйти из этой войны?» Продолжение бесперспективной войны означало бы конец нации, отмечалось в листовке: 25 тезисов об окончании войны — программа для каждого национально-сознательного немца. Листовка была отпечатана на четырех страницах и выглядела по-газетному.

Листовка-объяснение. В такой форме издавались многие листовки. В них объяснялись причины, характер ведущейся войны, политика правящих режимов, действия тех, кто не хочет воевать, и т. п. Также использовались для объяснения позиции тех антифашистских движений, которые выступали на стороне советских войск. Например, НКСГ и Союз немецких офицеров в 1944 году в специальной листовке «За что борется Свободная Германия?» объяснил немцам цели своей борьбы³³³.

Листовки-обвинения. Они были направлены против нацистского режима и его руководителей. Эффективно форма использовалась от имени антифашистов. Так, в середине апреля 1944 года НКСГ была выпущена листовка «Преступник в политике, дилетант в военном деле», в которой на основе веских фактов и аргументов показывалась преступная политика и бездарная стратегия Гитлера, которые привели Германию на край пропасти³³⁴.

Листовка-сообщение. К этому виду изданий можно отнести многие листовки. В них сообщалось об изменениях в международной обстановке, событиях в Германии, переменах на фронте и т. п. Так, в листовке, выпущенной 18 января на Ленинградском фронте, было опубликовано специ-

альное сообщение НКСГ и Союза немецких офицеров и Совинформбюро о прорыве блокады и об успешном наступлении Красной Армии южнее Ладожского озера. В листовке помещена схема направления удара советских войск. Листовки оперативного характера часто посвящались сообщениям о потерях противника в прошедших боях. Например, в иллюстрированной листовке «Что должен знать немецкий солдат под Ленинградом» на обороте были помещены данные о потерях немецких войск при прорыве блокады города в январе 1943 года. «Всего под Ленинградом погибли и получили ранения полмиллиона немцев, 2000 взяты в плен», — говорилось в листовке, — вы разделите их судьбу, если не поймете, что наступило время подумать о плене. Это верный путь к семье на родину» — таким выводом завершался текст листовки.

Листовка-сообщение особенно приемлема была при благоприятно складывающейся для нашей стороны обстановке: международной, военной, конкретно на данном участке фронта. Так, например, было, когда для немецких войск, окруженных под Сталинградом, готовилась листовка «Разгром немецких войск начался», сброшенная нашей авиацией над группировкой противника 22—23 ноября 1942 года, которая союшала:

«Немецкие солдаты!»

То, о чем мы предупреждали вас, свершилось!... — говорилось в ней. — Германские армии у Сталинграда и к востоку от Дона окружены. Одновременно Красная Армия начала наступление на Тереке, у Владикавказа. Германские армии на Кавказе оказались в западне. В Северной Африке разгромлена армия Роммеля. Железное кольцо вокруг Гитлера сжимается. Это начало конца гитлеровской армии.

ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДИН ВЫХОД! Сдавайтесь в плен — вы останетесь живы и вернетесь на родину или снимаетесь с фронта и уходите домой сами, убирайте с пути гитлеровских офицеров, эсэсовцев и всех, кто будет мешать.

РЕШАЙТЕ БЫСТРЕЕ! ПРОМЕДЛЕНИЕ СМЕРТИ ПОДОБНО!»³³⁵

В период войны не раз также издавались листовки с текстами советских правительственных документов, официаль-

ных заявлений, факсимиле оригиналов договоров, приказов, распоряжений и других документов, разоблачающих военно-политических руководителей государства противника.

Маскировочные издания. Они издавались под обложками немецких книг и брошюр, под заголовками газет противника и т. п. Так, для выпуска джаз-банд «Кривая ось» с карикатурами на Гитлера, Геринга, Гиммлера, Геббельса, Антонеску, Муссолини, Маннергейма, Квистенга, Лаваля, играющих по нотам «Майн кампф», была использована обложка немецкого юмористического сборника «Солдат Вунни». Но на фоне многих серьезных, обоснованных листовок были среди маскировочных изданий и неуклюжие фальшивки. К их числу относится «Имперская поцелуйная карточка», сообщавшая о том, что «гитлеровская банда превратила Германию в публичный дом, и показывающая документы, «как проводят время твои офицеры»³³⁶.

Также были издания в виде колоды игральных карт. Они не раз выпускались в ходе войны политуправлениями фронтов. Так, в декабре 1941 года среди войск противника, воевавших против Ленинградского фронта, была распространена колода игральных карт с антифашистским содержанием. На картах были изображены карикатурные портреты Гитлера, Муссолини, Геринга, Гиммлера, символическое изображение войны, голода, нищеты, смерти. Автором рисунков был художник Власов³³⁷.

Одна из экспозиций Музея истории Санкт-Петербурга, посвященная его обороне в период Великой Отечественной войны, показывает уникальный прием в работе по разоблачению войск противника — демонстрирует точную копию немецкого ордена «Железный крест», но только с надписью «За разбой и убийство». Он был выпущен на Ленинградском фронте.

По содержанию издаваемые листовки различались как информационные, аналитические, документальные. *Информационные листовки* имели цель донести до адресата соответствующее сообщение, информацию о каком-либо событии, обстановке в определенном районе, действиях политического и военного руководства. Эффективность их воздействия зависела не только от стиля изложения, но и от подбора фактов. Их оформление напоминало газетную по-

лосу: «шапки», заголовки, разнообразные шрифтовые выделения в тексте. В лучших из них не навязывались свои выводы, а давалась возможность сделать их самому адресату из изложенных в листовке фактов.

Аналитические листовки разъясняли какую-либо одну проблему. Основной тип подачи текста в них — изложение, обсуждение, разъяснение, комментарий, подтвержденные соответствующими аргументами и фактами.

Особым видом были листовки-документы, в которых публиковались приказы, копии карт, схем и других документов. Они были особенно убедительны для солдат противника.

Также по жанровым особенностям текстовые листовки были *публицистические и художественные*. Содержание публицистических листовок носило, как правило, общий характер и отличалось острым публицистическим стилем. Они предоставляли наиболее распространенный вид текстовых листовок. Художественные листовки представлены в виде стихов, пародий, памфлетов, мини-пьес и других литературных жанров. В их подготовке участвовали поэты и писатели.

Так же многочисленными были *иллюстративные листовки*, в которых текст являлся вспомогательным элементом и служил для более глубокого понимания сути замысла художника. Основные особенности иллюстративных листовок — их наглядность и выразительность.

Следует отметить, что различные виды советских листовок периода Великой Отечественной войны имеют как общие, так и своеобразные структурные элементы. Структура информационных листовок отличалась формой подачи текста. Нередко такое издание состояло из нескольких сообщений, имеющих подзаголовки. Также некоторые информационные листовки имели постоянные названия. Основными элементами структуры аналитических листовок являлись заголовок (название), обращение (указание адресата), вступительная часть, основной текст, заключительная часть, ремарка, пропуск.

Заголовок, или название, листовки выражал тему листовки, ее основное содержание, привлекая внимание читателей. Он мог быть сформулирован в виде лозунга, констатации факта, вопроса, обращения, пословицы, крылатой фразы и т. п. Чаще всего заголовок был кратким, сжато выражал основную идею листовки и лучше запоминался, если рифмо-

вался. Менее привлекали внимание длинные стандартные и маловыразительные листовки. Иногда заголовком листовки являлось обращение, т. е. в нем указывались те, кому предназначалась листовка. Так, например, одна из листовок, выпущенная в октябре 1942 года политуправлением Закавказского фронта, называлась «Солдаты 371-й пехотной дивизии».

Обозначение адресата листовки, т. е. того, кому адресовалась листовка, было правилом при выпуске большинства листовок. «Немецкие солдаты!», «Итальянские воины!» и т. п. обычно были первыми строками текста листовки, которые выделялись более заметным шрифтом.

Во вступительной части обычно указывались причины, побудившие к написанию данной листовки. Часто это мог быть факт, явление, событие и т. п. В некоторых видах листовок, таких, например, которые основываются на вопросах-ответах, вступление отсутствовало.

В основной части текста сообщалась основная информация, то есть основной тезис и совокупность подтверждающих его аргументов. Листовки со сжатой, концентрированной основной частью лучше воспринимались аудиторией даже при быстром чтении. Еще доходчивее содержание было, когда использовались фотографии, рисунки, схемы и другие иллюстративные материалы.

Завершался основной текст заключением (концовкой), в которой обычно содержались выводы, а также призывы и лозунги. В некоторые листовках отсутствовали концовки с выводами, и это было не случайно — выводы должен был сделать сам их читатель. Это давало больший эффект, чем стандартный вывод или лозунг.

Более авторитетной и конкретной всегда делала листовку подпись выпустившего ее органа или должностного лица (командующего войсками фронта и т. д.).

Ремарка, в качестве которой часто были призывы типа «Прочти и передай товарищу!», размещалась в верхней части листовки.

Текст пропуска обычно размещался в нижней части листовки или на ее оборотной стороне. Он печатался на русском и на языке противника. Пропуск помещался в основном в листовках, предназначенных для войск противника, действовавших на фронте.

Каждый из компонентов листовки выполнял свою функцию. Заголовок, ремарка, обращение, подзаголовки, иллюстрации привлекали внимание к листовке, побуждая к чтению основного текста; основной текст убеждал читателя в необходимости следовать содержащимся там рекомендациям.

Брошюры

Они представляли собой значительные по объему публицистические материалы, в которых разъяснялась губительная политика гитлеровского режима и обосновывалась необходимость его свержения. Примером такого издания является брошюра «Как следует покончить с войной», написанная сдавшимся в плен доктором Эрнстом Хадерманом, немецким капитаном, командиром 2-й батареи 152-го артиллерийского полка, которая была издана в августе 1942 года ГлавПУ РККА³³⁸. Она явилась страстным обвинением нацизма в том, что он ведет 80-миллионный народ Германии в пропасть. На основе анализа положения всех слоев германского населения, обращения к прошлому германского народа Э. Хадерман убедительно разоблачает человеконенавистническую политику Гитлера и его окружения, объясняет, как следует покончить с войной, и объясняет позицию тех, кто борется за это, их патриотическим долгом. Брошюра капитана Э. Хадермана была издана полумиллионным тиражом. Брошюрами также издавались речи других антифашистов, документы Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров.

Брошюры были в советской пропаганде относительно распространенным видом печатной продукции. Преимущество брошюр, по сравнению с листовками, состояло в том, что в них было больше места для текста и иллюстраций. Поэтому было легче разъяснить пропагандируемую идею, подтвердить ее аргументами и фактами. Брошюры особенно были полезны для разъяснения позиции германских борцов против фашизма, для разоблачения тезисов нацистской пропаганды, которые были подкреплены доводами формальной логики или неверными статистическими данными, где необходимо было опровергать пункт за пунктом, цифру за циф-

рой. Однако брошюры было труднее прятать, чем листовки. Поэтому, чтобы облегчить военнослужащим и населению страны противника использование брошюр, их обычно маскировали под немецкие издания.

Работа с пленными

Значительным успехом пользовались листовки, передачи и другие агитматериалы с выступлениями пленных военнослужащих противника. Уже 27 июня 1941 года появилась первая листовка от имени немецкого солдата Альфреда Лискофа с его портретом. Это был немецкий антифашист, перешедший на сторону Красной Армии, как только в 222-м полку 75-й дивизии, где он служил, зачитали приказ о нападении на СССР. Он переплыл Буг и сообщил об этом пограничникам. М. И. Бурцев отмечает, что первые пленные, изъявив желание принять участие в пропаганде среди немецких солдат, появились в ходе Смоленского сражения, когда войска Западного фронта нанесли ряд чувствительных ударов по врагу в районе Ельни и Духовщины. Там политотдел 16-й армии привлек к агитпередачам звуковещательной установки военнопленного, который обратился к своим сослуживцам, солдатам 671-го немецкого полка, и призвал их прекращать ненужную для немцев войну. Возле Тернополя перелетел линию фронта оберлейтенант Э. Каризиус, заявивший о своем несогласии с войной против СССР. При его активном участии 32 пленных немецких военнослужащих написали обращение антифашистского содержания к солдатам и населению Германии. В районе Киева к нам перелетел и приземлился немецкий бомбардировщик. Его экипаж согласился выступить в агитпередаче, заявив «решительный протест против преступного Восточного похода Гитлера». Заявление экипажа также было издано листовкой. Со временем военнопленные охотнее соглашались участвовать в работе среди войск противника.

Охотнее стремились участвовать в пропаганде среди своих войск пленные румыны. Под Одессой сдался в плен румынский майор Бадая. Он вскоре обратился к своим солдатам с призывом переходить на сторону Красной Армии или оставлять фронт и расходиться по домам. «Румыны не хотят погибать, грабя чужую землю, — писал он в листовке. — Гитлеровцы —

не друзья наши, а враги». Его агитация имела успех: большая группа румынских солдат, перешедшая линию фронта, обратилась с коллективным письмом к тем, кто еще остался под ружьем у немцев, и объявила себя «решительными противниками продолжения ненужной для румынского народа войны»³³⁹.

Однако в начале войны пленных еще не всегда эффективно использовали для пропаганды на войска противника. Об этом рассказывал в своем письме к Сталину и писатель В. Ставский, находившийся во время боев за Ельню в 24-й армии, 19-я стрелковая дивизия которой разбила 88-й пехотный полк 15-й немецкой пехотной дивизии. Было убито 400, взято в плен 1000 солдат и офицеров противника. «Эту дивизию можно разложить, но нет звуковещательной станции для агитации через фронт, — писал Ставский. — У немецких солдат в связи с их поражением у Ельни подавленное настроение. Однако пленных не используют в пропаганде»³⁴⁰.

В начале июня 1941 года Совнарком СССР утвердил «Положение о военнопленных», которое было составлено в духе Международной женеvской конвенции 1929 года: запрещало оскорблять военнопленных, жестоко обращаться с ними, угрожать им и принуждать их сообщать сведения о положении в Германии, отбирать у них обмундирование, обувь и другие предметы личного обихода, их документы и знаки различия; раненым и больным, нуждавшимся в госпитализации, предоставлялась медицинская помощь; для солдат и отдельно для офицеров устанавливались нормы обеспечения предметами первой необходимости; предоставлялось право сообщать на родину о своем местонахождении; к работам на основе особо разработанных правил привлекался рядовой и унтер-офицерский состав (офицеры и приравненные к ним работали по их согласию); на военнопленных распространялись постановления об охране труда и рабочем времени, действующие в данной местности в отношении советских граждан, занятых таким же трудом; при исполнении Красного Креста учреждалось Центральное справочное бюро о военнопленных³⁴¹.

«Положение о военнопленных» было переведено на языки всех воюющих против СССР стран и широко распространялось в листовках, газетах и по радио. Наряду с этим публиковались сообщения Совинформбюро, официальные заяв-

ления правительственных органов и приказов советского командования об отношении к пленным. Также начался выпуск бюллетеня «Жизнь военнопленных в Советской России», в котором печатались заявления самих военнопленных об отношении к ним со стороны Красной Армии, их письма на родину. Чтобы эти заявления и письма не вызывали никаких сомнений в их подлинности, указывались точные адреса родных, публиковались фотографии пленных, в том числе сюжеты из повседневной жизни в лагерях.

Однако, несмотря на целую систему агитации за плен, преодолеть в немецком солдате пленобязнь, вызванную не только немецкой пропагандой ужасов советского плена (расстрела, каторги в Сибирь), но и существующим в каждой армии чувством гордости, любви людей к родине, было нелегко. Кроме того, многие немцы боялись расплаты за преступления вермахта на оккупированной территории. «Положения о военнопленных» было недостаточно, и решено было подкрепить его документом еще большей политической силы, вызывающим доверие к русскому плену. Таким документом стал приказ № 55 народного комиссара обороны И. В. Сталина от 23 февраля 1942 года. В этом приказе говорилось, что у Красной Армии нет и не может быть таких целей, как истребление немецкого народа или уничтожение германского государства. Красной Армии приходится уничтожать немецко-фашистских оккупантов, поскольку они хотят поработить нашу Родину, или когда они, будучи окружены нашими войсками, как это было в районах Калинина, Клина, Сухиничей, Андреаполя, Торопца, отказались сложить оружие и сдаться в плен.

В приказе было сформулировано отношение Красной Армии к пленным: «Красная Армия берет в плен немецких солдат и офицеров, если они сдаются в плен, и сохраняет им жизнь. Красная Армия уничтожает немецких солдат и офицеров, если они отказываются сложить оружие и с оружием в руках пытаются поработить нашу Родину»³⁴².

Приказ № 55 был переведен на немецкий язык и распространен среди войск противника в газетах, бюллетенях, листовках, на радио и в звукопередачах. Приказ № 55 касался немецких солдат. В то же время велась работа в войсках других государств, участвовавших в войне на стороне Германии.

Советская пропаганда стремилась отделить их от немцев, показать особое отношение к ним советского командования. Это нашло свое отражение в приказе войскам Ленинградского фронта № 127 от 20 сентября 1942 года, который был переведен на испанский язык и распространялся в частях 250-й дивизии испанцев, воевавших под Ленинградом. В нем говорилось:

«В развитие приказа № 55 народного комиссара обороны СССР товарища Сталина приказываю:

- всех испанских солдат, ефрейторов, старших ефрейторов, фельдфебелей, обер-фельдфебелей и офицеров, бросивших оружие и добровольно отказавшихся драться за немецких оккупантов-поработителей против Рабоче-Крестьянской Красной Армии, немедленно принимать на свою сторону, хорошо накормить, раненым оказать медицинскую помощь и, не задерживая, направить в ближайший штаб Красной Армии;
- всех испанских военнопленных направлять в специально созданные лагеря для испанских военнопленных;
- настоящий приказ является пропуском через линию фронта русских для неограниченного количества испанских солдат и офицеров.

*Главное командование
Ленинградского фронта*³⁴³.

Такой же приказ войскам Ленинградского фронта вышел 15 октября 1942 года в отношении норвежских военнослужащих, который в виде листовки был распространен на позициях Норвежского легиона, воевавшего под Ленинградом³⁴⁴.

Подобные приказы издало и командование других фронтов в отношении румынских, венгерских и других военнослужащих. В развернутой агитации за плен основными были положения: плен — верный путь на родину после войны; сдача в плен для немецкого (итальянского, румынского, испанского и т. п.) солдата не позор, а акт благоразумия; грабительский характер освобождает немецких солдат от верности присяге, фюреру и т. д.

В созданных тыловых лагерях для военнопленных создавались библиотеки с литературой на иностранных языках, отобрали несколько десятков советских фильмов с субтит-

рами, организовывалась художественная самодеятельность, различные кружки. Были введены должности пропагандистов — на них назначались в основном политэмигранты-коммунисты. Выезжали в лагеря агитбригады, в составе которых были известные писатели, художники, работники кино, которые в течение одного-двух месяцев читали лекции, доклады, проводили беседы и другие мероприятия. Очень полезными были поездки немецких коммунистов, которые беседовали с пленными, проводили вечера вопросов и ответов, дискутировали, затрагивая широкий круг проблем. В седьмом отделе Главного политического управления было создано отделение по работе с военнопленными, сотрудники которого выезжали в лагеря и выступали там с докладами, лекциями о положении на фронтах, характере и перспективе войны, событиях в мире и в Германии, об СССР и Красной Армии, беседовали с военнопленными, изучая их настроение.

Таким образом выяснилось, что у многих военнопленных не было твердых нацистских убеждений, что антивоенные и антинацистские идеи близки части из них, хотя и незначительной. Подтверждением этого явилась разработанная коммунистами «Декларация требований германского народа», которую подписали 158 военнопленных³⁴⁵. Однако среди военнопленных было немало и фашистски настроенных людей. Об этом свидетельствовало и то, что солдат, подписавших декларацию, поносили и избивали те, кто был привержен нацистским идеям.

Но появление декларации свидетельствовало о возможности создания среди военнопленных широкого антифашистского движения. Этой задаче должна была способствовать и газета «Дас фрайе ворт» («Свободное слово»), решение об издании которой было принято Советским бюро военнополитической пропаганды в ноябре 1941 года. Ее редактировали член политбюро Центрального Комитета компартии Германии А. Аккерман и сотрудник седьмого отдела Главного политического управления К. Л. Селезнев.

В газете «Дас фрайе ворт» разъяснялись официальные документы ВЕП(б) и Советского правительства, военно-политические приказы и речи народного комиссара обороны И. В. Сталина; печаталась информация о военных действиях на фронтах и делались анализы военно-политических собы-

тий; разоблачались фашистский режим в Германии и нацистская идеология; публиковались антифашистские выступления военнопленных, а также материалы о жизни СССР, о социалистической идеологии и образе жизни советских людей; освещались жизнь и работа военнопленных, антифашистское движение, а также и другие темы.

Руководители компартии Германии В. Пик, В. Ульбрихт, В. Флорин, А. Аккерман вели в газете раздел «Девять лет лжи и обмана», где разоблачались политика и практика фашистского режима. Вокруг этих публикаций в лагерях велась работа, они обсуждались в бараках, по ним принимались резолюции, осуждавшие гитлеризм, в частности зверства фашистов на фронте. Газета вызывала пленных на откровенный разговор по этому острому вопросу, печатала их индивидуальные разоблачения. Особенно активно выступали пленные — антифашисты капитан Э. Хадерман, лейтенант Б. Кюгельген, обер-лейтенант Э. Каризиус, солдаты Г. Беклер, Г. Госенс, М. Эмендорффер, Г. Кесслер.

Везде пропагандисты лагерей и антифашисты создали группы содействия газете, члены которых писали заметки и корреспонденции, занимавшие половину газетной площади, и вели массовую работу с читателями. Также газета печатала рассказы, очерки, стихи — все это делало ее живой, интересной.

Вскоре начали выпускаться газеты и для военнопленных других государств, воюющих против СССР: «Грайдул либер» («Голос свободы») — для румын, «Уйсо» («Свободное слово») — для венгров, «Альба» («Заря») — для итальянцев, а также бюллетень для австрийских солдат, мобилизованных в вермахт. Направление и содержание этих газет было таким же, как и газеты для немцев — «Дас фрайе ворт», за исключением национальных особенностей аудиторий, которые учитывались каждым изданием. Активное участие в их выпуске принимали литераторы и журналисты коммунистических партий тех стран, представители которых находились в плену, а также военнопленные-антифашисты.

Пропаганда антифашистов

В июле 1943 года был создан Национальный комитет «Свободная Германия», положивший начало широкому ан-

тифашистскому движению немецких военнопленных и эмигрантов в СССР. (Впоследствии НКСГ и входящий в него Союз немецких офицеров стали одним из крупнейших отрядов общегерманского Сопротивления. НКСГ начал выпускать газету «Freies Deutschland» («Свободная Германия»), имел свою радиостанцию такого же названия, а позднее стал издавать иллюстрированную газету «Freies Deutschland im bild» («Свободная Германия в иллюстрациях»).

Газета «Freies Deutschland» выходила с 19 июля 1943 г. один раз в неделю на 4 полосах, формат в половину печатного листа. Первая страница имела наверху и внизу черно-бело-красные полосы, чтобы сразу было видно, что это орган Национального комитета «Свободная Германия». Газетой руководила редакционная коллегия, назначенная пленумом НКСГ, которая состояла из активистов, военнопленных антифашистов и сотрудников Национального комитета. В 1943 году вышло 24, в 1944-м — 52 и в 1945-м — 44 номера. Последний номер вышел 3 ноября 1945 года. Газету перестали выпускать после официального самороспуска НКСГ. «Freies Deutschland» распространяли среди войск действующей немецкой армии, в самой Германии, насколько это было возможно, и в лагерях военнопленных, а также незначительная часть попадала в другие зарубежные страны. Печаталась в советских типографиях.

Содержание каждого номера газеты планировалось редакционной коллегией, которая находилась в Москве в доме Национального комитета. Все публикации прочитывались членами редакционной коллегии и ими же утверждались. Сотрудниками редакции, кроме членов коллегии, были и другие члены НКСГ. К сотрудничеству в газете привлекались немецкие военнопленные из лагерей — от солдата до генерала. Газета не была рассчитана на читателей, нуждающихся в популярном изложении материала, а была предназначена для политически зрелых солдат и образованных офицеров. (Популяризация движения «Свободная Германия» осуществлялась главным образом посредством листовок, издаваемых НКСГ.) Однако это не значит, что газета обращалась главным образом к офицерам. В ее публикациях рассматривалась роль солдат в гитлеровской войне и солдата призывали к борьбе против Гитлера. Многие статьи, корреспонденции, заметки были написаны самими солдатами.

Газета призывала к свержению гитлеровского режима и созданию новой демократической Германии. С этой целью «Freies Deutschland» прежде всего разъясняла позицию НКСГ. Это делалось посредством публикации его официальных документов: Манифеста НКСГ³⁴⁶, который конкретно излагал цели движения, «25 тезисов об окончании войны»³⁴⁷, представлявшие платформу антифашистской деятельности. Затем в ряде статей разъяснялись отдельные тезисы этой программы. Также публиковались постановления и письма НКСГ и его лидеров, а также речи И. В. Сталина по важнейшим вопросам военного времени, а также выступления руководителей других стран.

Пропагандируя идеи НКСГ, газета не раз обращалась к историческим аналогиям. Характерными в этом плане можно назвать статьи Г. Керчера «Поступок генерала Йорка»³⁴⁸, доктора Корфеса «Немецкие патриоты 1812 года»³⁴⁹, доктора Хадермана «1919 и 1944»³⁵⁰ и др.

На страницах «Freies Deutschland» велась пропаганда идей движения «Свободная Германия». Примером этого является статья Г. Циппеля «Новый патриотизм»³⁵¹, в которой раскрывалась мысль о том, что любовь к немецкой отчизне требует свержения гитлеровского правительства.

Борьба против нацизма и германского национализма была в центре внимания газеты. Поэтому во многих статьях, публикуемых из номера в номер, говорилось о том, кто был виновником войны, в чьих интересах она ведется, и объяснялось, что спасение Германии состоит в неминуемом свержении Гитлера и окончании войны. Разоблачение германского милитаризма осуществлялось в статьях самих участников войны — офицеров и генералов, находившихся в плену. Разоблачая гитлеровский режим, газета в ряде публикаций представляла лидеров фашистской Германии, показав их жадность, страсть к наживе, звериную жестокость и полный аморализм, которые привели Германию на грань краха. Так, в статье «Коричневое лицо» были представлены политические портреты фон Папена, фельдмаршала Буша, гауляйтера Грейнера³⁵².

Информация о ходе военных действий была в центре внимания «Freies Deutschland». Газета не только публиковала сообщения с фронтов, но комментировала их, доказывая, что война приведет гитлеровскую Германию к крушению. Осо-

бенно актуальными были еженедельные обзоры военных действий Карла Марона, который многие месяцы писал их популярно и доступно для всех читателей. Его публикации способствовали антифашистской пропаганде. То же самое можно сказать об обзорных статьях по военной теме генералов фон Зейдлица, Латмана, полковника Штайдля и других бывших командиров немецких соединений и частей. Битва под Сталинградом, рассматриваемая как поворотный пункт в гитлеровском походе на Восток, подверглась особенно подробному анализу пленных немецких военачальников³⁵³. Подробный анализ событий был проведен в связи с окружением немецких войск в районе города Корсунь-Шевченково в феврале 1944 года. Также в ряде корреспонденций газета показала процесс внутреннего перерождения германской армии при Гитлере.

Значительное место на страницах «Freies Deutschland» отводилось сообщениям о положении в Германии, особенно о трудностях, которые пропаганда Геббельса замалчивала.

На основе трофейных документов, а также писем очевидцев из числа немецких военнопленных, попавших в плен, сообщалось о злодеяниях гитлеровской армии на оккупированной советской территории. Так, в номере газеты от 17 октября 1943 года под заголовком «Свидетельство позора» были опубликованы захваченные документы третьего батальона 15-го полицейского полка о поджоге нескольких русских деревень осенью 1942 года и об убийстве мирных граждан. Также публиковались материалы о разрушениях на Кубани³⁵⁴, письмо погибшего обер-ефрейтора Дрекслера, в котором автор с неприкрытым цинизмом рассказывает об «акции» по уничтожению еврейского населения в одном городе³⁵⁵ и т. п.

В связи с тем, что большинство немецких читателей не имело представления о терроре гитлеровского режима против самого же германского народа, «Freies Deutschland» опубликовала рассказ бывшего узника концлагеря Дахау³⁵⁶ и описание концлагеря смерти в Освенциме в статье «Узник под номером 58848»³⁵⁷ и другие материалы на эту тему, которые давали непосвященному читателю яркое представление о террористическом режиме Гитлера. Газета придерживалась мнения, что весь немецкий народ причастен к этим преступлениям, так как не оказал сопротивления фашизму

и в какой-то степени проявил готовность услужить в войне Гитлеру.

Информация о Советском Союзе, публикуемая в газете, имела цель дискредитировать антисоветскую пропаганду Геббельса, которая запугивала немецких солдат, что русские не берут в плен, говорила об ужасах большевистского плена и т. п. Ряд статей рассказывал о положении в стране, ее экономике, культуре и истории.

В связи с этим значительное место в газете имели публикации о жизни немецких пленных в Советском Союзе, которые не всегда соответствовали действительности. Так, на многих иллюстрациях плен для немецких солдат выглядел как своеобразный санаторий, что раскрывало пропагандистский характер этих публикаций.

Газета «Freies Deutschland in bild» («Свободная Германия в иллюстрациях») выходила в течение 1944 года один раз в месяц форматом 21×37 см на двух полосах. В ней публиковались почти одни иллюстрации, которые сопровождались небольшим текстом. Однако эта газета являлась самым эффективным пропагандистским средством. Эффективность ее публикаций основывалась на том, что она воспроизводила документы и печатала фотографии, которые очень убедительно воздействовали на немецких солдат. Например, сообщая в первом номере о создании Национального комитета, газета опубликовала только документы о его существовании. Это были главным образом групповые снимки членов НКСГ, которые невозможно было смонтировать из отдельных фотографий. В четвертом номере были помещены иллюстрации о деятельности членов НКСГ на фронте под Корсунь-Шевченково, где были окружены немецкие войска. Фотографии показывали генералов фон Зейдлица, Корфеса и других представителей НКСГ перед микрофоном, во время бесед с пленными и т. п. Также на снимках были изображены колонны немецких солдат и офицеров, сложивших оружие³⁵⁸. Шестой номер приводил иллюстрации текущих событий под общим заголовком «Весь мир говорит об этом»: показаны катастрофические поражения на фронтах, в Германии, подвергаемой бомбардировкам с огромными потерями³⁵⁹. Седьмой номер посвящался призыву немецких генералов устранить Гитлера, где иллюстрации демонстрировали контрасты: «Наша роди-

на под властью Гитлера» — развалины и разрушения и «наша родина до Гитлера» — мирная семейная жизнь³⁶⁰. Восьмой номер приводил только фотографии немецких генералов, взятых в плен и подписавших воззвание, призывающее свергнуть Гитлера. Девятый номер показывал генерал-фельдмаршала Паулюса и его воззвание покончить с войной³⁶¹. Одиннадцатый и двенадцатый номер вышел сдвоенным на 4 полосах и был посвящен только воззванию 50 немецких генералов к народу и армии. На снимках изображены группы генералов, подписывающих воззвание, и фотография самого воззвания.

Радиостанция «Freies Deutschland» начала вещать с 18 июля 1943 года сначала по три передачи в день, потом выходило четыре, затем шесть и восемь передач в сутки. Вещание распространялось на всю Европу. Выпуском радиопередач руководила редакционная коллегия, назначаемая Национальным комитетом «Свободная Германия», редакция состояла из военнопленных и эмигрантов, свободно проживавших в СССР. Радиостанция была предоставлена советскими инстанциями. Радиопередачи велись на коротких, средних и длинных волнах³⁶². Их содержанием были сообщения об акциях сопротивления гитлеровскому режиму, информация о возрастающей мощи антифашистской коалиции, комментарии о положении на фронтах, разоблачение измышлений и лжи пропаганды Геббельса, приветы военнопленных родным и знакомым (ежедневно передавалось от 60 до 80 приветов), обзоры военных событий за неделю генерал-майора Латтмана и недельные политические обозрения доктора Хадермана. Были выступления представителей различных партий, союзов, организаций, обществ, профессий, которые обращались к своим землякам на гамбургском, мюнхенском и других местных диалектах и разъясняли позицию НКСГ, призывали бороться против гитлеровского режима. Довольно большое место занимали выступления католических и евангелических священнослужителей. Они обращались к своим церковным общинам, затрагивали вопросы религиозной совести, объясняли, например, почему возможно нарушение клятвы, данной Гитлеру, призывали верующих христиан к сотрудничеству с антифашистами. В воскресенье и праздники священники проводили проповеди, которые сопровождались органной музыкой и пением хора.

Были специальные радиопередачи к окруженным группировкам немецких войск. Так, к окруженным германским частям и соединениям под Корсунь-Шевченко воззвание генерала фон Зейдлица передавалось 25 раз. Для группы армий «Центр» часто повторялось обращение 17 пленных немецких генералов, которые служили в ней. Обращение к немецким войскам 50 пленных генералов, прочитанное фельдмаршалом Паулюсом и записанное на грампластинку, передавалось по радио 20 раз.

Популярны были передачи для родины. В них военнопленные рассказывали о своей жизни в лагерях, передавали приветы родным и знакомым. В этих передачах принимали участие хоры и солисты из лагерей военнопленных. Эти радиопередачи выходили в эфир сначала раз в неделю, затем ежедневно и повторялись от двух до четырех раз. Устраивались вечера художественного творчества, посвященные немецким писателям и поэтам, отстаивающим гуманизм и свободу. Дважды в сутки звучали музыкальные передачи. Обычно транслировалась музыка запрещенных в Германии композиторов. В промежутках между отдельными фрагментами передачи военнопленные передавали приветы на родину³⁶³.

О воздействии радиопередач «Freies Deutschland» свидетельствовали немецкие военнослужащие, попадавшие в плен, которые сообщали, что они слушали вещание этой радиостанции. Полковник Штайдле, работавший длительное время фронтовым уполномоченным, осенью 1944 года на основе многочисленных бесед со сдавшимися в плен солдатами и офицерами вермахта, писал: «Передачи слушают по всей территории рейха. Число слушающих значительно увеличилось в последние месяцы. Особый интерес слушатели проявляют к сообщениям о положении на всех фронтах. Слушатель сразу сравнивает полученные данные с тем, что передают другие радиостанции»³⁶⁴.

Среди трофейных документов Министерства пропаганды в Берлине обнаружено много секретных папок о радиостанции «Freies Deutschland». Их содержание показало, что ее передачи ежедневно записывались и анализировались, в сделанных выводах содержались пространные и очень меткие рассуждения о замыслах радиостанции и предлагались меры по их предупреждению.

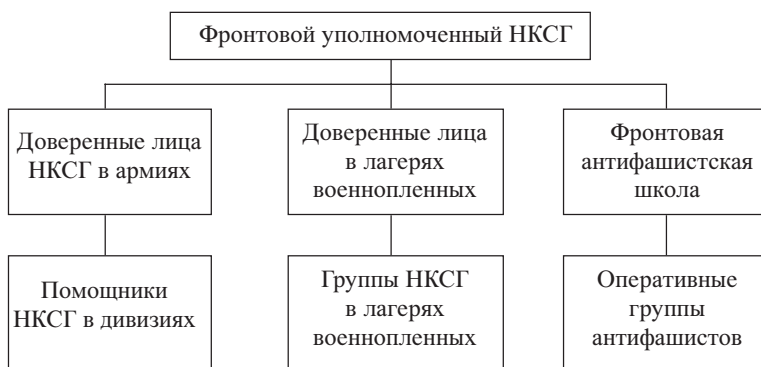
Иностранные радиостанции, особенно в Лондоне, США и Швейцарии, в своих откликах и комментариях уделяли большое внимание «Freies Deutschland», не раз ссылались на ее сообщения³⁶⁵.

Также члены НКСГ участвовали в проведении пропаганды на фронте. Вскоре после создания Национального комитета — 22 августа 1943 года он направил в действующую армию группу уполномоченных из числа испытанных антифашистов — по одному на каждый фронт с целью организации пропагандистской деятельности движения «Свободная Германия» в противостоящих немецких войсках, которые оповещались об этом в листовке-объявлении. В ней говорилось:

«Созданный 13 июня этого года Национальный комитет «Свободная Германия» приступил к своей деятельности.

По просьбе комитета военные инстанции русских разрешили направить членов и уполномоченных представителей Комитета в зону боевых действий, чтобы ознакомить немецких военнослужащих с целями и задачами Национального комитета «Свободная Германия».

Одновременно представители Национального комитета должны оказывать любую возможную помощь всем военнослужащим немецкого вермахта, которые попадают в плен и отправляются в лагерь для военнопленных в тыл русских войск.

Структура актива Национального комитета «Свободная Германия» на Ленинградском фронте

Национальный комитет «Свободная Германия» сообщает при этом, что своим уполномоченным на этом участке фронта назначен господин... (следует воинское звание, имя и фамилия уполномоченного).

Все военнослужащие вермахта, попавшие в плен, имеют право просить русских офицеров содействовать переговорам с нашими фронтовыми уполномоченными или через их посредничество напрямую связаться с Национальным комитетом «Свободная Германия»³⁶⁶.

Уполномоченным было поручено подбирать на фронтах небольшие группы сотрудников из надежных военнопленных-антифашистов. Вскоре сложилась система работы фронтовых антифашистов, которая сводилась к следующему: фронтовой уполномоченный отвечал за пропагандистскую работу на всем участке фронта; доверенное лицо отвечает за пропагандистскую деятельность на участке одной армии; помощник или доверенное лицо отвечает за пропагандистскую деятельность на участке дивизии. Эта система взаимодействовала со структурами спецпропаганды Красной Армии и сохранилась до конца войны. Вместе с советскими спецпропагандистами фронтовые антифашисты организовывали распространение за линией фронта печатных изданий НКСТ, готовили и издавали во фронтовых типографиях оперативные листовки, участвовали в выпуске передач громкоговорящих установок, через войсковые радиостанции устанавливали связь с немецкими радистами; готовили военнопленных к отправке через линию фронта в свою часть после кратковременного пребывания их в плену с тем, чтобы они как живые свидетели разоблачали ложь о плохом обращении с военнопленными в Красной Армии; оформляли разрешения по засылке надежных и хорошо проинструктированных антифашистов из военнопленных в тыл противника для пропаганды идей НКСТ; участвовали в создании и работе на фронтах спецкоров по подготовке военнопленных в качестве пропагандистов³⁶⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Вороненкова Г. Ф.* Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества (национальное своеобразие средств массовой информации Германии). М., 1999. С. 293.

- ² *Sington D., Weidenfeld A.* The Goebbels Experiment. A Study of the Nazi Propaganda Machine. New Haven, 1943. P. 146.
- ³ *Presse in Fesseln: Das Zeitungsmonopol im Dritten Reich. Eine Schilderung des NS-Pressetrusts.* Berlin, 1947. Wulf. S. 10—20; Schottenloher, Binkowski. 1964. S. 58. Bd 2, 1985. S. 131—133.
- ⁴ *Вороненкова Г. Ф.* Указ. соч. С. 295.
- ⁵ Там же. С. 296.
- ⁶ Там же. С. 302.
- ⁷ См.: *История Второй мировой войны. 1939—1945.* М., 1974. Т. 3. С. 304; *Presse in Fesseln: Das Zeitungsmonopol. Eine Shilderung des NS-Pressetrusts.* Berlin, 1947. S. 40.
- ⁸ *Вороненкова Г. Ф.* Указ. соч. С. 302.
- ⁹ Там же. С. 303.
- ¹⁰ *Behrens T.* Die Entstehung der Massenmedien in Deutschland. Frankfurt-am-Main, 1986. S. 211—212.
- ¹¹ Там же. S. 214.
- ¹² *Stuiber H.-W.* Medien in Deutschland. Bd 2. Konstanz, 1998. S. 60—61.
- ¹³ *Орлов Ю. Я.* Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. С. 119.
- ¹⁴ *История Второй мировой войны.* М., 1974. Т. 3. С. 303, 305.
- ¹⁵ *Riess C.* Tozerpng Goebbels. Eine Biographie. P. 160, 269.
- ¹⁶ «Как германцы, мы никогда не поймем славян»: Из дневника Й. Геббельса // Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 37.
- ¹⁷ «Wollt Jhr den totalen Krieg?» — «Die gehetmen Goebbels-Konferenzen. 1939—1943. Hrsg. und Ausgewaglt von Will A. Boelcke. Stuttgart, 1967. S. 254.
- ¹⁸ *Орлов Ю. Я.* Указ. соч. С. 132.
- ¹⁹ Схема составлена по книге П. Лайнбарджера «Психологическая война».
- ²⁰ *Итоги Второй мировой войны.* М., 1987. С. 526.
- ²¹ «Как германцы, мы никогда не поймем славян»: Из дневника Й. Геббельса // Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 37.
- ²² Мы обвиняем. Рига, 1967. С. 52.
- ²³ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сборник материалов. В 7 т. М., 1957—1961. Т. 2. С. 576.
- ²⁴ ЦВИА. Ф. 208. Оп. 2552. Д. 491. Л. 59.
- ²⁵ *Ивлев И. А., Юденков А. Ф.* Оружие контпропаганды, Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР. М., 1988. С. 63.
- ²⁶ *Коваль М. В.* В битве с фашизмом. Киев, 1964. С. 44.
- ²⁷ Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 1. Минск, 1967. С. 594.

- ²⁸ *Зазворка Г.* Психологическая война НАТО. М., 1963. С. 173.
- ²⁹ ЦВИА. Ф. 32. Оп. 11306, Д. 17. Л. 247.
- ³⁰ *Ивлев И. А., Юденков А. Ф.* Указ. соч. С. 123.
- ³¹ «Wollt Ihr den totalen Krieg?» — «Die geheimen Goebbels-Konfrenzen 1939—1943». Hrsg. und ausgewählt von Willi A. Boelcke. Stuttgart, 1967. S. 254.
- ³² *Орлов Ю. Я.* Указ. соч. С. 133, 134.
- ³³ *Вербанский А. М.* Телевидение. М., 1973. С. 16.
- ³⁴ *Stuiber H.-W.* Указ. соч. С. 65.
- ³⁵ *Hempel M.* Die Entstehung und Entwicklung der Television in Deutschland bis zur Zerschlagung des Hitlerrgimes. In: Mitteilungen Postmuseums Berlin, Bd. 3/4, Berlin, 1970.
- ³⁶ *Вороненкова Г. Ф.* Указ. соч. С. 310.
- ³⁷ Там же. С. 311.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Riess C.* Joseph Goebbels. Eine Biographie. Baden-Baden, 1950. S. 196.
- ⁴⁰ *Басистов Ю. В.* Особый театр военных действий. СПб., 1999. С. 87.
- ⁴¹ Zeitschrift für Militärgeschichte. 1964. № 4.
- ⁴² *Wedel H.* Die Propagandatruppen der deutschen Wehrmacht. Neckargemund, 1962. S. 66.
- ⁴³ *Wedel H.* Указ. соч. С. 62.
- ⁴⁴ *Sington D., Weidenfeld A.* The Goebbels Experiment. P. 222.
- ⁴⁵ Там же. С. 221—223.
- ⁴⁶ *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1969. Т. 2. С. 531.
- ⁴⁷ *Ивлев И. А., Юденков А. Ф.* Указ. соч. С. 116—117.
- ⁴⁸ Там же. С. 119.
- ⁴⁹ *Мазуров К. Т.* Незабываемое. Минск, 1984. С. 320—322.
- ⁵⁰ Там же. С. 362.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² *Ивлев И. А., Юденков А. Ф.* Указ. соч. С. 262—278.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. С. 273.
- ⁵⁶ Там же. С. 121—122.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ «Как германцы, мы никогда не поймем славян»: Из дневника Й. Геббельса // Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 41.
- ⁵⁹ Militarwissenschaftliche Rundschau. Berlin, Heft 4/1942.
- ^{59a} *Китаев М.* Как это началось. Нью-Йорк, 1970. С. 5.
- ^{59b} Там же. С. 18.
- ^{59b} Там же. С. 21.
- ⁶⁰ *Буш А.* Ложный путь одной нации: К пониманию германской истории. М., 1962. С. 193.

- ⁶¹ Мельников Д., Черная А. Л. Преступник номер один: Нацистский режим и его фюрер. С. 48—49.
- ⁶² См.: Волкогонов Д. А. Психологическая война. М., 1984; Мельников Д., Черная А. Указ. соч. и др.
- ⁶³ Цит. по: Хайзе В. В. В плену иллюзий. М., 1968. С. 417.
- ⁶⁴ Бланк А. С. Старый и новый фашизм. М., 1940. С. 109—110.
- ⁶⁵ Димитров Г. VII всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, М. 1935. С. 76.
- ⁶⁶ «The Goebbels Diaries. 1942—1943. Edited, translated and with introduction by Louis P. Lochner». New York, 1948. P. 16—17.
- ⁶⁷ Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии, 1939—1941. М. С. 283.
- ⁶⁸ Волковский Н. Л. Энциклопедия современного оружия и боевой техники. В 2 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 9—10.
- ⁶⁹ Maugham F. H. Lies as Allies. An Indictment of Hitler. London, 1941. P. 1.
- ⁷⁰ Застольные беседы в Ставке Гитлера (июнь 1941 г. — июль 1942 г.) // Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 174—175.
- ⁷¹ Shirer W. L. What the Germans Total the Prinsontrs // Harper's Magazine. New York, 1944, november. P. 537.
- ⁷² Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996. С. 17, 20.
- ⁷³ «Wolt Jhr den totalen Krieg». S. 101.
- ⁷⁴ Там же. С. 180.
- ⁷⁵ Там же. С. 46.
- ⁷⁶ Там же. С. 233.
- ⁷⁷ Рендулич Л. Управление войсками. М., 1974. С. 130.
- ⁷⁸ План «Барбаросса»: Сборник документов. Берлин, 1970. С. 248—250.
- ⁷⁹ 1941 год — уроки и выводы. М., 1992.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ План «Барбаросса»: Сборник документов. Берлин, 1970. С. 250.
- ⁸² Дневник Йозефа Геббельса. 1940—1941 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 217.
- ⁸³ Там же. С. 217—218.
- ⁸⁴ Там же. С. 221.
- ⁸⁵ Там же. С. 221—222.
- ⁸⁶ «Wolt Jhr den totalen Krieg?». S. 233.
- ⁸⁷ Там же. С. 296.
- ⁸⁸ «Как германцы, мы никогда не поймем славян»: Из дневника Й. Геббельса // Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 40.
- ⁸⁹ Там же. С. 43.
- ⁹⁰ Там же. С. 42.

- ⁹¹ *Krig, Speier*. German Radio Propaganda. N. Y., 1944.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Город в штате Нью-Йорк, где находилась старейшая и едва ли не самая мощная в США коротковолновая радиостанция.
- ⁹⁴ Одна из центральных площадей Берлина.
- ⁹⁵ *Зульцман Р.* Пропаганда как оружие в войне // Итоги Второй мировой войны: Выводы побежденных. СПб., М., 1998. С. 527.
- ⁹⁶ Там же. С. 62.
- ⁹⁷ Там же. С. 290.
- ⁹⁸ *Зульцман Р.* Указ. соч. С. 524.
- ⁹⁹ Правда. 1943. 12 апреля.
- ¹⁰⁰ Цит. по: *Зульцман Р.* Указ. соч. С. 522.
- ¹⁰¹ *Hagemann W.* Pubblizistik im Dritten Reich. S. 180.
- ¹⁰² «Wolff Jhr den totalen Krieg?». S. 301.
- ¹⁰³ План «Барбаросса»: Сб. документов. Берлин, 1970. С. 248—250.
- ¹⁰⁴ «Как германцы, мы никогда не поймем славян»: Из дневника Й. Геббельса // Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 37.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 44.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 37.
- ¹⁰⁷ *Lerner*. Propaganda i War and Crisis. 1951. С. 426.
- ¹⁰⁸ *Зульцман Р.* Указ. соч. С. 531.
- ¹⁰⁹ *Lerner*. Указ. соч. С. 428
- ¹¹⁰ «Как германцы, мы никогда не поймем славян»: Из дневника Й. Геббельса // Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 43.
- ¹¹¹ *Герцштейн Р. Э.* Указ. соч. С. 21—22.
- ¹¹² *Зульцман Р.* Указ. соч. С. 529.
- ¹¹³ Война Германии против Советского Союза. 1941—1945: Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. Берлин, 1992. С. 12.
- ¹¹⁴ Там же. С. 14.
- ¹¹⁵ Там же. С. 15.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Там же. С. 819.
- ¹¹⁹ Там же. С. 21.
- ¹²⁰ Цит. по: Война Германии против Советского Союза. 1941—1945... С. 25.
- ¹²¹ *Dietrich Eckhart*. Deutcher und Judisher Bolschewismus // Auf get deutsch 1 (1919). H. 25.
- ¹²² *Alfred Rosenberg*. Sowiet-Judaa // Der Welt-kampf 1. H. Z. (Juli 1924). S. 2.
- ¹²³ Война Германии против Советского Союза. 1941—1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. С. 24.

- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Текст 15. Война Германии против Советского Союза: документальная экспозиция. С. 25.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Там же. С. 29.
- ¹²⁸ Текст 32. Там же. С. 48.
- ¹²⁹ Цит. по приложению № 2 к инструкции по разведыванию и боевым действиям по плану «Барбаросса» для танковой группы 4 (генерал Хёпнер) от 2.5.1941 г. Там же. С. 5.
- ¹³⁰ Текст 38. Там же. С. 60, 63.
- ¹³¹ Текст 120. Там же. С. 183.
- ¹³² Там же. С. 184.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов. Т. 2. М., 1988. С. 575.
- ¹³⁵ *Ивлев И. А., Юденков А. Ф.* Указ. соч. С. 128.
- ¹³⁶ Цит. по: *Юденков А. Ф.* Указ. соч. С. 129.
- ¹³⁷ *Новак Т. Ф.* Пароль знают немногие. М., 1966. С. 110.
- ¹³⁸ *Ивлев И. А., Юденков А. Ф.* Указ. соч. С. 140.
- ¹³⁹ *Зульцман Р.* Указ. со. С. 533; *Lerner.* Указ. соч. С. 430—435.
- ¹⁴⁰ *Зульцман Р.* Указ. соч. С. 537.
- ¹⁴¹ См.: *Lerner.* Указ. соч. С. 126.
- ¹⁴² *Лайнбарджер П.* Указ. соч. С. 123.
- ¹⁴³ В 1947 г. на базе ОСС было создано ЦРУ.
- ¹⁴⁴ *Лайнбарджер П.* Указ. соч. С. 130.
- ¹⁴⁵ Погью Ф. С. Верховное командование. М., 1959. С. 89.
- ¹⁴⁶ Погью А. С. Указ. соч. С. 90.
- ¹⁴⁷ Погью Ф. С. Указ. соч. С. 90—91.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 68.
- ¹⁴⁹ Генерал Фредерик Морган — начальник штаба COSSAC.
- ¹⁵⁰ COSSAC (Chief of Staff to the Supreme Allied Commander) в феврале 1944 г. был заменен верховным штабом.
- ¹⁵¹ По мнению американского исследователя Ф. С. Погью, Шестое управление подверглось критике на основании того, что в зависимости от заинтересованности начальника управления одна из функций этого управления могла расширяться за счет другой. Поскольку деятельность в области психологической войны требовала тесной согласованности между Шестым управлением и гражданскими пропагандистскими органами Англии и США, представители печати опасались, что решению их задач не будет уделяться должного внимания. Генерал Макклор признал основательность подобных опасений, когда в апреле заявил, что «руководство этими совершенно различными органами может осуществляться более эффективно, если они

будут разделены и каждый из них установит прямой контакт с соответствующими специальными и командными инстанциями». Это предложение о ликвидации Шестого управления было признано целесообразным.

¹⁵² *Погью Ф. С. Указ. соч. С. 360.*

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ *Погью Ф. С. Указ. соч. С. 363.*

¹⁵⁶ *Lerner. Propaganda in War and Criesis. 1951. P. 420—425.*

^{156a} Таблица составлена на основе приложения 1 работы Ф. Погью «Верховное командование». М., 1959. С. 517.

¹⁵⁷ *Forrest C. Pogue. The supreme Command: Office of the chife of military history. Washington, 1954. P. 61.*

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ См.:

¹⁶¹ Решения партии о печати. Политиздат при ЦК ВКП(б). 1941. С. 177.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же. С. 184—185, 186.

¹⁶⁴ Там же. С. 185

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же. С. 186.

¹⁶⁷ Решения партии о печати. Политиздат при ЦК ВКП(б). 1941. С. 187.

¹⁶⁸ Там же. С. 182.

¹⁶⁹ Там же. С. 183.

¹⁷⁰ Там же. С. 184.

¹⁷¹ См.: *Большевистская печать. 1939. № 15. С. 4.*

¹⁷² См.: *Партстроительство. 1939. № 15. С. 49.*

¹⁷³ О литературной критике и библиографии /Решения партии о печати. Политиздат при ЦК ВКП(б). 1941. С. 189.

¹⁷⁴ Там же. С. 189—190.

¹⁷⁵ Там же. С. 191.

¹⁷⁶ О районных газетах /Решения партии о печати. Политиздат при ЦК ВКП(б). 1941. С. 197.

¹⁷⁷ Там же. С. 198.

¹⁷⁸ *Капустин А. Газета в тылу и на походе. М.: ГИЗ, 1929.*

¹⁷⁹ *Парница А. Памятка военному корреспонденту. М.: ГИЗ, 1929.*

¹⁸⁰ См.: *Блументаль Ф. Буржуазная политработа в мировую войну. М., ГИЗ, 1928. Потапов Н. Печать и война. М.: ГИЗ, 1926. Стюарт К. Тайны дома Крю. М.: ГИЗ, 1918; Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.: ГИЗ, 1929; Лемке М. 250 дней в царской ставке. М.: ГИЗ, 1920.*

- ¹⁸¹ Знамя. 1934. № 1. С. 229.
- ¹⁸² См.: Красноармеец и краснофлотец. 1930.
- ¹⁸³ Открытое письмо Максиму Горькому //Красная звезда, 1931, 9 января.
- ¹⁸⁴ Там же.
- ¹⁸⁵ Знамя. 1933. № 10. С. 194.
- ¹⁸⁶ *Свирин Н.* Основные теоретические проблемы ЛОКАФ.
- ¹⁸⁷ КПСС в резолюциях
- ¹⁸⁸ *Симонов К.* Собр. соч. В 10 т. М., 1979. Т. 1. С. 33.
- ¹⁸⁹ *Вишневский В.* Мобилизационная готовность литературы // Литературная газета. 1938. 10 мая.
- ¹⁹⁰ Удар по врагу. М., 1940; Балтийцы в боях на земле и на льду. Л., 1940; *Григорьев Н., Чуковский Н.* Крылатая Балтика. Л., 1940.
- ¹⁹¹ *Жуков С. И.* Фронтовая печать в годы Великой Отечественной войны. МГУ, 1968. С. 14.
- ¹⁹² «Своим оружием». М., 1961. С. 20.
- ¹⁹³ См.: Известия. 1939. 1 сентября.
- ¹⁹⁴ *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны. М., 1997. С. 62.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 65.
- ¹⁹⁶ *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия. Полит. портрет И. В. Сталина. В 2 кн. М., 1989. Кн. II, ч. 1. С. 131—132; *Плотников Н.* Расчеты и просчеты Геббельса //Армия. 1993. № 22. С. 52—55.
- ¹⁹⁷ *Креминов Д. Ф.* Записки советского корреспондента за рубежом. 1939—1945 годы. М., 1980. С. 55.
- ¹⁹⁸ *Невежин В. А.* Указ. соч. С. 65.
- ¹⁹⁹ *Эренбург И. Г.* Люди и годы, жизнь: Воспоминания. В 3 т. М., 1990. Т. 2. С. 222—225.
- ²⁰⁰ *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны. М., 1997. С. 62—63.
- ²⁰¹ Там же. С. 61.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ См.: Правда. 1939. 1 сентября.
- ²⁰⁴ *Невежин В. А.* Указ. соч. С. 64.
- ²⁰⁵ См.: О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами Красной Армии в 1941 учебном году (Директивные указания и учебные планы)/Гл. управление политпропаганды Красной Армии. М., 1941.
- ²⁰⁶ *Невежин В. А.* Указ. соч. С. 71—72.
- ²⁰⁷ «Нота Правительства СССР, врученная польскому послу в Москве утром 17 сентября 1939 года»// Правда. 1939. 17 сентября.
- ²⁰⁸ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д.36. Л. 185—188.
- ²⁰⁹ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сб. документов/ Ред. кол.: Степашин С. В. (предс.) и др. М.,

1995. Т. 1. Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.) / Сост. Ямпольский В. П. (рук.) и др. Дон. № 33.

²¹⁰ О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами Красной Армии в 1941 учебном году: [Директива указ. и учебн. планы] / Гл. упр. политпропаганды Красной Армии. М., 1941. С. 109.

²¹¹ Партийно-политическая работа в боевой обстановке: Сб. док., изд. во время освоб. похода в Зап. Украину и Белоруссию. М., 1940. С. 14—17, 24—25, 68.

²¹² См.: Правда. 1939. 19 сентября.

²¹³ *Бурцев М. И.* Прозрение. М., 1981. С. 6—9.

²¹⁴ Особый фронт / Сост. М. П. Соколов. М., 1986. С. 6.

²¹⁵ *Бурцев М. И.* Указ. соч. С. 11.

²¹⁶ Там же. С. 13.

²¹⁷ Известия. 1939. 27 ноября.

²¹⁸ Тайны и уроки зимней войны. 1939/1940/ Под ред. Золотарева В. А. Сост. Волковский Н. Л. СПб., 2000. С. 100—102.

²¹⁹ Ответ Советского правительства на ноту финляндского правительства // Известия. 1939. 28 ноября.

²²⁰ Из Директивы Политуправления ЛенВО начальникам политуправлений армий, военкомам и начальникам политотделов соединений: 27 ноября 1939 г. // Принимай нас, Суоми-красавица: Освободительный поход в Финляндию 1939—1940 гг. СПб., 1999. С. 28.

²²¹ Тайны и уроки зимней войны. 1939—1940. С. 110—113.

²²² Там же. С. 118.

²²³ Там же. С. 132—136.

²²⁴ Принимай нас, Суоми-красавица: Освободительный поход в Финляндию 1939—1940 гг. СПб., 1999. С. 38.

²²⁵ См.: *Донгаров А. Г.* Война, которой могло не быть. К полит. и дипломат. истории сов.-фин. вооруж. конфликта 1939—1940 гг. / Вопросы ист. 1990. № 5. С. 28—25.

²²⁶ *Невежин В. А.* Указ. соч. С. 90.

²²⁷ Тайны и уроки зимней войны 1939—1940.

²²⁸ 2 декабря 1939 г. В.И. Вернадский записал: «Огромное впечатление от финляндских дел. В сущности, сейчас народные массы решают...» (*Вернадский В. И.* Дневник 1939 года // Дружба народов. 1992. № 11—12. С. 6.)

²²⁹ *Александров К. М.* Новое об инциденте в Майниле! (Малоизвестные страницы сов.-финлянд. войны 1939/1940 г. // Новый часовой. 1994. №1. С. 29; Тайны и уроки зимней войны. 1939—1940/ Под ред. Золотарева В. А. Сост. Волковский Н. Л.

²³⁰ Цит. по: *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны. М., 1997. С. 98.

- ²³¹ Правительство Рюти бежало из Хельсинки // Ленинградская правда. 1939. 4 декабря.
- ²³² Расправы маннергеймовских банд над мирным населением // Красная звезда. 1940. 4 января.
- ²³³ Красный террор в бело-Финляндии//Красная звезда. 1940. 8 января.
- ²³⁴ Террор в бело-Финляндии// Красная звезда. 30 января; Нищета и террор в маннергеймовской Финляндии// Красная звезда. 1940. 9 февраля.
- ²³⁵ Бесшабашное вранье «литераторов», работающих на барона Маннергейма// Красная звезда. 1939. 30 декабря.
- ²³⁶ См.: Вася Теркин на фронте. Л.; М., 1940.
- ²³⁷ Беседы автора с участниками советско-финской войны 1939/1940 г. М. Морозом, В. Сынгаевским, П. Сидоровым и др.
- ²³⁸ *Невежин В. А.* Указ. соч. С. 107.
- ²³⁹ См.: *Бурцев М. И.* Прозрение. М., 1981. С. 19—21; *Бурцев М. И.* Спецпропаганда в советско-финской войне//Информационный сборник по зарубежным странам и армиям. 1995. № 100. С. 49—51.
- ²⁴⁰ См.: *Бурцев М. И.* Опыт советской пропаганды среди войск и населения противника в период войны с белофиннами// Партийно-политическая работа в боевой обстановке. М., 1940. С. 42—51.
- ²⁴¹ Партийно-политическая работа в боевой обстановке. М., 1940.
- ²⁴² *Донгаров А. Г., Пескова Г. Н.* СССР и страны Прибалтики (август 1939 — август 1940)// Вопросы истории. 1991. № 1. С. 43—44.
- ²⁴³ Политуправление РККА в августе 1940 г. было преобразовано в Главное управление политической пропаганды РККА.
- ²⁴⁴ Созданный отдел в ГУПП РККА и отделы в политуправлениях приграничных округов оказались седьмыми по счету. Поэтому в обиходе их называли седьмыми отделами.
- ²⁴⁵ Из докладной записки ГлавПУРа РККА в ЦК ВКП(б) А. А. Жданову «О состоянии военной пропаганды среди населения»// Военно-исторический архив. 2001. № 3. С. 52.
- ^{245а} Там же. С. 53.
- ^{245б} Там же. С. 56.
- ^{245в} Там же. С. 57
- ^{245г} Там же. С. 58.
- ²⁴⁶ ЦАМО РФ. Ф. 32, оп. 231346, д.15, л. 200—276.
- ²⁴⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 3. Д. 27. Л. 266.
- ^{247а} ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 1. Л. 82.
- ^{247б} Там же.
- ^{247в} ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 1. Л. 82.
- ²⁴⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 31. Д. 1. Л. 87.
- ^{248а} ЦГАЛИ СПб. Ф.31. Оп. 2. Д. 1. Л. 87.
- ^{248б} ЦАМО РФ. Ф.4. Оп. 2. Д. 129. Л. 8.

- 248в ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 3, Д. 1, Л. 55—59.
- 249 АП РФ. Ф. 3, оп. 34, д. 37, Л. 2
- 249а СУ РСФСР. 1930. № 50. Ст. 599. С. 785.
- 249б ЦГАЛИ СПб. Ф. 281, оп. 1, д. 39, Л. 60—62.
- 349в АП РФ Ф.3, оп. 34, Д. 37, Л. 35.
- 250 ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. оп. 3, Д. 27. Л. 266.
- 250а ЦА ВМФ РФ. Ф. Р-663, оп. 1, д. 320. Л. 1—38.
- 250б ЦА ВМФ РФ. Ф. Р-920, оп. 23с, д. 42. Л. 122-131.
- 250в ЦА ВМФ РФ. Ф. Р-1672 С, оп. 1с, д. 126. Л. 217—223.
- 251 ГА РФ. Ф. Р-9425, оп. 1, д. 12. Л. 174—176.
- 251а ГА РФ. Ф. Р-9425, оп. 1, д. 5. Л. 55.
- 251б Там же. Л. 56.
- 252 ЦА ВМФ РФ. Ф. Р-562, оп. 10, д. 13с, Л. 1—26.
- 252а ГА РФ. Ф. Р-9425, оп. 1, д. 5. Л. 58—59
- 252б Там же. Л. 60.
- 252в ГА РФ. Ф. Р-9425, оп. 1, д. 5. Л. 60—66.
- 253 РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 114, д. 826. Л. 189—190.
- 253а РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 114, д. 826. Л. 190—194.
- 253б АП РФ. Ф. 3, оп. 34, д. 37. Л. 81—86.
- 254 Там же.
- 254а ГА РФ. Ф. 9425., оп. 1, д. 1, Л. 18—19.
- 254б ГА РФ. Ф. Р-9425, оп. 1, д. 5. Л. 63—65.
- 255 Там же.
- 255а Там же. Л. 61, 62.
- 255б ГА РФ Ф. Р-9425, оп. 2, д. 30, Л. 13—14.
- 255в Фред Томас Джейн (1865—1916) — создатель ежегодного справочника по корабельному составу военно-морских флотов стран мира, известного среди моряков и судостроителей как справочник Джейна.
- 256 ГА РФ. Ф. Р-9425, оп. 1., д. 123, л. 40—41.
- 256а *Шевцов В.* Военная цензура России // Морской сборник. 1999. № 2. С. 88.
- 258 *Ортенберг Д.* Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. М., 1995. С. 81.
- 259 См.: *Мусьяков П.* Писатели на флоте в годы Великой Отечественной войны. М., 1977.
- 260 ЦАМО РФ, ф.32, оп. 23146, д. 15, л. 201.
- 261 ЦАМО РФ, ф.32, оп. 23146, д.15, л. 201.
- 262 О партийной и советской печати: Сборник документов. М., 1954. С. 499.
- 263 Сделать фронтовую печать важнейшим центром политической работы // Красная звезда. 1943. 30 мая.
- 264 *Ортенберг Д.* Указ. соч. С. 77, 78.

- ²⁶⁵ В 1942 году Е. Петров погиб в авиационной катастрофе.
- ²⁶⁶ Сурков А. Собр. соч. М., 1970. С.
- ²⁶⁷ Ортенберг. Указ. соч. С. 100.
- ²⁶⁸ Там же. С. 104.
- ²⁶⁹ Ортенберг Д. Указ. соч. С. 105.
- ²⁷⁰ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 64601. Д. 29. Л. 225.
- ²⁷¹ 16 июля 1941 г. вместо управлений и отделов политической пропаганды были образованы политические управления фронтов и политические отделы армий и дивизий, бригад.
- ²⁷² Бурцев М. И. Прозрение. М., 1981. С. 89.
- ²⁷³ Листовка выполнена в виде фотомонтажа известным советским фотокорреспондентом А. Житомирским.
- ²⁷⁴ Особый фронт / Сост. М. П. Соколов. М., 1986. С. 4.
- ²⁷⁵ Цит. по: Бурцев М. И. Прозрение. М., 1981. С. 38—39.
- ²⁷⁶ Бурцев М. И. Прозрение. М., 1981. С. 40.
- ²⁷⁷ Басистов Ю. В. Особый театр военных действий: Листовки на фронтах Второй мировой войны. СПб., 1999. С. 10.
- ²⁷⁸ См. Бурцев М. И. Прозрение. М., 1981. С. 49; Басистов Ю. В. Указ. соч. С. 10.
- ²⁷⁹ ЦАМО РФ, Ф. 32. Оп. 515185. Д. 47. Л. 89.
- ²⁸⁰ Там же. Оп. 11306. Д. 9. Л. 175.
- ²⁸¹ Там же. Оп. 515185. Д. 47. Л. 89.
- ²⁸² Бурцев М. И. Прозрение. М., 1981. С. 56.
- ²⁸³ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 542139. Д. 1. Л. 29.
- ²⁸⁴ Бурцев М. И. Прозрение. М., 1981. С. 74.
- ²⁸⁵ Бурцев М. И. Прозрение. М., 1981. С. 88. С. В. Кожин предполагает, что цифра 406 касается количества формуляров, а не дивизий. См.: Военно-исторический архив. 2002. № 2. С. 94—113.
- ^{285a} Кожин С. В. Изучение противника органами спецпропаганды Красной Армии в период Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. 2002. № 2. С. 95.
- ²⁸⁶ Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941 г. — 1945 г.): Документы и материалы. М., 1970. С. 42.
- ²⁸⁷ Партийное подполье. М., 1983. С. 235.
- ²⁸⁸ Бурцев М. И. Прозрение. М., 1981. С. 104.
- ²⁸⁹ ЦАМО РФ Ф. 217. Оп. 1217. Д. 131. Л. 66—69.
- ²⁹⁰ Юденков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной территории (1941—1944). М., 1971. С. 169.
- ²⁹¹ Партия во главе борьбы в тылу врага. 1941—1944 гг. М., 1976. С. 112.
- ²⁹² ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11036. Д. 39. Л. 243.
- ²⁹³ Там же. Л. 48.
- ²⁹⁴ Партийное подполье. М., 1983. С. 235.
- ²⁹⁵ Ивлев И. А., Юденков А. В. Указ. соч. С. 168.

- ²⁹⁶ Там же.
- ²⁹⁷ ПА ИПП при ЦК КПУ, Ф.1, Оп. 16, Д. 850, Л. 4; там же. Д. 4. Л. 77.
- ²⁹⁸ Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945: Документы и материалы. Т. 2. Киев, 1980. С. 225—226.
- ²⁹⁹ Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. Т.1. Минск, 1967. С. 149.
- ³⁰⁰ *Марцелов С. В.* Печать Советской Белоруссии. Минск, 1967. С. 277.
- ³⁰¹ *Юденков А. Ф.* Указ. соч. С. 171—172.
- ³⁰² *Тозик А. А.* В дни суровых испытаний. Минск, 1981. С. 117.
- ³⁰³ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д.65. Л.39.
- ³⁰⁴ Там же.
- ³⁰⁵ Всенародное движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 1. С. 247.
- ³⁰⁶ Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Т.2. Таллин, 1980. С. 29—30.
- ³⁰⁷ Гитлеровская оккупация в Литве. Вильнюс, 1966. С. 245.
- ³⁰⁸ Партийное подполье. С. 232.
- ³⁰⁹ Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Кишинев, 1964. С. 289.
- ³¹⁰ Советские партизаны. М., 1963. С. 664.
- ³¹¹ Выстояли и победили: Документы и материалы. М., 1966. С. 209—210.
- ³¹² См: *Петров Ю. П.* Партизанское движение в Ленинградской области. 1941—1944. Л., 1973. С. 220—222, 290.
- ³¹³ Партийное подполье. С. 290.
- ³¹⁴ Рабочий путь. 1943. 2 октября.
- ³¹⁵ *Ивлев И. А., Юденков А. Ф.* Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941—1944). С. 336—340.
- ³¹⁶ Там же.
- ³¹⁷ *Бурцев М. И.* Прозрение. М., 1981. С. 60.
- ³¹⁸ ЦАМО РФ. Ф.217. Оп. 1217. Д.135. Л.151—153.
- ³¹⁹ Цит. по: *Бурцев М. И.* Прозрение. С.121.
- ³²⁰ *Бурцев М. И.* Прозрение. М., 1981. С. 102.
- ³²¹ ММНА.Н.В.Ф. 1156/52.
- ³²² Мемориальный музей немецких антифашистов (ММНА). Н.В.Ф. 1515/6а.
- ³²³ Оружием правды. М., 1971. С. 139.
- ³²⁴ Письмо могильщика / За Германию против Гитлера. М., 1993. С. 83.

- ³²⁵ Солдаты 371-й пехотной дивизии/ За Германию против Гитлера. М. 1993. С. 84.
- ³²⁶ ММНА. Н.В.Ф. 1516/4а
- ³²⁷ За Германию против Гитлера. С. 242.
- ³²⁸ Там же. С. 243—246, 250—253.
- ³²⁹ Там же. С. 247—248.
- ³³⁰ ОКВ — Верховное командование вермахта.
- ³³¹ Там же. С. 266—268.
- ³³² Там же. С. 283—284.
- ³³³ Там же. С. 289—290.
- ³³⁴ Цит. по: *Бурцев М. И.* Прозрение. С. 123.
- ³³⁵ *Басистов Ю. В.* Особый театр военных действий. С. 28, 29.
- ³³⁶ *Басистов Ю. В.* На языке правды. Л., 1985. С. 26.
- ³³⁷ ММНА. Н.В.Ф. 1223/372.
- ³³⁸ *Бурцев М. И.* Указ. соч. С. 88.
- ³³⁹ Там же. С. 63—64.
- ³⁴⁰ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 36. 183.
- ³⁴¹ Архив Государственного архивного управления. Ф/П, Оп.1, Д. 1. Л. 1—3.
- ³⁴² *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1951. С. 48.
- ³⁴³ *Басистов Ю. В.* Особый театр военных действий: Листовки на фронтах Второй мировой войны. СПб., 1999. С. 62—63.
- ³⁴⁴ Приказ войскам Ленинградского фронта 15 октября 1942 г. № 127/ *Басистов Ю. В.* Особый театр военных действий. Листовки на фронтах Второй мировой войны. СПб., 1999. С. 85.
- ³⁴⁵ Правда. 1941. 15 ноября.
- ³⁴⁶ Freies Deutschland. 1943. 19 июля.
- ³⁴⁷ Там же. 1944. 5 мая.
- ³⁴⁸ Там же. 1943. 29 августа.
- ³⁴⁹ Там же. 1943. 5 декабря
- ³⁵⁰ Там же. 1944. 22 января.
- ³⁵¹ Freies Deutschland. 1943. 5 сентября.
- ³⁵² Там же. 1945. 25 апреля.
- ³⁵³ См.: *Зейдлиц.* Гитлер — виновник катастрофы под Сталинградом// Freies Deutschland. 1943. 19 и 21 ноября; *Латтман.* Урок Сталинграда// Там же. 1943. 19 и 21 ноября; Корфес. Критика блицкрига // Там же. 1943. 12 декабря и др.
- ³⁵⁴ Там же. 1943. 24 октября
- ³⁵⁵ Там же. 1944. 23 апреля
- ³⁵⁶ Там же. 1944. 21 мая.
- ³⁵⁷ Там же. 1945. 11 апреля.
- ³⁵⁸ Freies Deutschland in bild. 1944. Апрель.
- ³⁵⁹ Там же. 1944, июнь.

³⁶⁰ Там же. 1944, июль

³⁶¹ Там же. 1944, август.

³⁶² Там же. 1944, сентябрь.

³⁶³ За Германию против Гитлера! Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров/ Мемориальный музей антифашистов. М., 1993. С. 372, 435—441.

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Там же. С. 442.

³⁶⁶ Там же. С. 441—443

³⁶⁷ За Германию против Гитлера! Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров/ Мемориальный музей антифашистов. М., 1993. С. 338.

ГЛАВА XIV

РОЛЬ СМИ В ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ (1950—2000)

Место информационно-психологических мер в разрешении военных конфликтов

Под конфликтом принято понимать столкновение интересов различных социальных и социально-политических субъектов; также противоборство, форму разрешения противоречий между ними с применением политико-дипломатических, экономических, идеологических, военных и других средств и соответствующих им форм борьбы. В зависимости от состава противоборствующих сил и применяемых ими форм и средств борьбы конфликты классифицируются как межгосударственные, гражданские, этнические, религиозные, а также политические, экономические, военные, информационные и др.

Военный конфликт — это любое столкновение, противоборство, форма разрешения противоречий между государствами (коалициями государств), внутри государства между социальными группами, политическими элитами, этническими и религиозными общностями с применением силы. Под военным конфликтом понимается любое военное противоборство: войны различного масштаба, вооруженные конфликты на государственной границе, в приграничной зоне или возникшие внутри государства, военные акции, демонстративные действия и другие формы применения военной силы. В зависимости от политических и военно-стратегических целей и задач, масштабных показателей, привлекаемых сил и средств и дру-

гих факторов военные конфликты могут быть условно разделены на неограниченные — мировая война, и ограниченные — локальные и региональные войны и вооруженные конфликты. В данном случае под вооруженными конфликтами подразумевается обобщенное понятие, отражающее различные виды (типы), способы и формы столкновений вооруженных формирований конфликтующих сторон (между государствами, внутри страны), ограниченные целями, задачами, местом (территорией), временем и размахом боевых действий, не переходящих в состояние войны. Также к вооруженным конфликтам относят акции, вооруженные инциденты и другие столкновения вооруженных формирований как регулярных войск, так и иррегулярных формирований конфликтующих сторон.

В последнее время большое внимание уделяется исследованию сущности внутреннего вооруженного конфликта. Он определяется как одна из форм разрешения национально-этнических, религиозных и других некоренных противоречий с применением средств вооруженного насилия в пределах территории одного государства. Его основное содержание представляется боевыми действиями, вооруженными столкновениями небольшого масштаба с применением регулярных и иррегулярных вооруженных формирований. Характеризуется ограниченностью политических целей и масштабов военных действий, при которых государство не переходит в состояние, называемое войной, но возникает угроза его жизненно важным интересам, что может быть использовано как повод для вмешательства других государств в его внутренние дела. Целью применения средств насилия, привлекаемых для локализации и пресечения таких конфликтов, являются: скорейшая нормализация обстановки, восстановление законности и правопорядка, обеспечение общественной безопасности, оказание необходимой помощи населению и создания условий для урегулирования конфликта политическими средствами.

Западные политологи и специалисты в области вооруженных сил, заглядывая в перспективу межгосударственных отношений, отмечают тенденцию роста вооруженных конфликтов в мире на рубеже XX—XXI веков. Если в период 1950—1994 годов их было немногим более 300, то, как отмечается в специальном докладе, который по итогам года ре-

гулярно готовит ЦРУ США, в 1996 году на планете насчитывалось 28 «горячих точек», где возникали острые политические, религиозные, этнические и территориальные разногласия, сопровождающиеся в большинстве случаев боевыми действиями. В 1995 году это ведомство приводило данные о 27 межгосударственных и внутренних конфликтах различной интенсивности¹.

Переход к классификации войн и разного рода межгосударственных и внутренних конфликтов по их интенсивности наметился в США в 1980-е годы^{1а}. При этом в обращение введены новые термины — «конфликты высокой, средней и низкой интенсивности». Американские исследователи для оценки интенсивности данных конфликтов взяли такие критерии, как качественные характеристики оружия (ядерные или обычные), количество потерь и степень разрушений, численность участвующего в них личного состава, используемые ресурсы, временные рамки и т. д.².

Один из основополагающих уставов сухопутных войск США FM 100-20 следующим образом определяет конфликты высокой и средней интенсивности.

Конфликт высокой интенсивности представляет собой войну между двумя и более государствами и их союзниками, в которой воюющие стороны ставят перед собой самые решительные цели, используют современные достижения технологии, все имеющиеся виды оружия, включая ядерное, химическое и биологическое.

Конфликт средней интенсивности — это война между государствами или коалициями государств, в которой каждая из сторон ставит относительно ограниченные цели, а для их достижения используются главным образом обычные средства вооруженной борьбы, однако не исключается применение в ограниченных масштабах ядерного и химического оружия. Такие конфликты продолжительны по времени, однако ограничены размерами географических районов, которые могут быть охвачены боевыми действиями. Примером могут служить войны США в Корее и Вьетнаме.

Что касается конфликта низкой интенсивности (КНИ), то согласно определению представителей комитета начальников штабов (КНШ) вооруженных сил США это есть «ограниченная политико-военная борьба для достижения политических,

Таблица 4

Возможные меры разрешения военных конфликтов и их рейтинг⁴
(составлено на основе анализа военных конфликтов 1946—1995 годов)

№ пп	Меры, применяемые в мире, для разрешения локальных войн и вооруженных конфликтов	Рейтинг мер разрешения военного конфликта	
		на мирных фазах	на военных фазах
1	1. Информационно-психологические (идеологические) Активизация пропаганды о необходимости соблюдения международных договоров и соглашений	3,37	2,32
2	Информационно-психологическое воздействие на государства с показанием помощи странам, готовящим конфликт (участвующим в конфликте)	2,74	2,37
3	Осуществление идеологического, пропагандистского и психологического воздействия на конфликтующие стороны	3,05	2,74
4	Информирование населения и войск (сил) о причинах и истинных целях конфликта	3,79	3,47

№ пп	Меры, применяемые в мире, для разрешения локальных войн и вооруженных конфликтов	Рейтинг мер разрешения военного конфликта	
		на мирных фазах	на военных фазах
5	Психологические операции по предотвращению разжигания национальной вражды, шовинистических, националистических и других деструктивных настроений	3,32	3,42
6	Срыв психологических операций на международном уровне и внутри страны	3,32	3,08
1	II. Политические Встречи (официальные, неофициальные) глав государств и правительств, политических делегаций		3,68
2	Переговоры и консультации по активизации межгосударственных отношений	3,26	2,52
3	Проведение совещаний, конференций руководства военно-политических союзов по оценке угрозы и выработке рекомендаций для совместных действий	3,52	2,63
4	Объявление ультимативных требований государствам-агрессорам	2,84	3,84

5	Использование международных институтов (ООН, ОБСЕ и др.) для принятия санкций по отношению к государствам, дестабилизирующим международную обстановку	3,47	3,47	3,47
III. Дипломатические				
1	Активизация переговоров по вопросам, вызвавшим напряженность во взаимоотношениях	3,84	3,84	3,21
2	Укрепление мер доверия	3,52	3,52	2,84
3	Организация (перенос, отмена) визитов политических лидеров, государственных делегаций	2,68	2,68	2,58
4	Передача руководству государств, дипломатическим службам нот, требований, меморандумов, разъяснений в связи с создавшейся ситуацией	3,21	3,21	2,95
5	Сокращение численности персонала посольств, консульств и представительств; вывоз членов семей дипломатов	1,79	1,79	1,84
6	Разрыв дипломатических отношений	2,32	2,32	2,94
IV. Правовые				
1	Требования (на официальном уровне) соблюдения норм международного права, положений договоров, соглашений	2,84	2,84	2,21

№ пп	Меры, применяемые в мире для разрешения локальных войн и вооруженных конфликтов	Рейтинг мер разрешения военного конфликта	
		на мирных фазах	на военных фазах
2	Подписание двусторонних и многосторонних договоров и соглашений по урегулированию правовых взаимоотношений	3,79	3,05
3	Использование юридических средств (переговоры, посредничество, примирение, судебное разбирательство, обращения к региональным органам, заключение соглашений)	3,11	2,58
4	Использование международных правовых институтов (таких, как Суд ООН и др.)	2,68	2,16
V. Экономические			
1	Прекращение (расширение) внешних экономических связей, проведение переговоров по торгово-экономическим проблемам	2,89	2,68
2	Заключение (продолжение) долгосрочных договоров на взаимовыгодной основе	3,52	2,58
3	Прекращение переговоров о расширении торгово-экономического сотрудничества	2,63	2,42

4	Уменьшение (прекращение) кредитов, вклада инвестиций, введение эмбарго на поставку сырьевых энергоносителей	3,00	3,26	
5	Осуществление блокады воздушных, наземных и морских границ	3,00	3,63	
6	Полный или частичный разрыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио- и других сообщений	2,89	3,58	
1	VI. Военные Демонстрация перевода регулярных ВС на штаты военного времени	2,73	4,00	
2	Демонстрация перевода резерва на военное положение	2,11	3,37	
3	Формирование новых соединений и частей	2,47	3,47	
4	Перебазирование и рассредоточение сил и средств ВВС	2,89	4,21	
5	Перебазирование и рассредоточение сил и средств флота	3,05	4,21	
6	Демонстрация оперативного развертывания соединений и частей у границ	2,52	3,42	
7	Выход войск из пунктов постоянной дислокации и развертывание войск прикрытия вдоль государственной границы	3,21	4,21	

№ пп	Меры, применяемые в мире для разрешения локальных войн и вооруженных конфликтов	Рейтинг мер разрешения военного конфликта	
		на мирных фазах	на военных фазах
8	Официальное заявление о повышении боеготовности войск (сил)	3,53	4,05
9	Нарращивание состава дежурных сил	3,79	4,21
10	Организация и сбор разведанных в приграничных районах	3,11	3,42
11	Приведение СЯС в высшие степени боевой готовности	4,16	4,16
12	Подвоз ядерных боеприпасов к средствам доставки	3,95	4,11

Примечание. Эффективность мер (рейтинг) оценивалась экспертами на основе предложенного Генеральным штабом варианта развития конфликтной ситуации по пятибалльной шкале:

Шкала оценки	0	1	2	3	4	5
Содержание оценки	Мера не-эффективна	Мера слишком слабоэффективна	Мера слабо-эффективна	Мера недостаточно эффективна	Мера эффективна	Мера очень эффективна

социальных, экономических и психологических целей. Она часто носит длительный характер и включает в себя все — от дипломатического, экономического и социального давления до терроризма и повстанческого движения. КНИ обычно ограничены географическим районом и часто характеризуются лимитами в оружии, тактике и уровне насилия»³.

Обоснованно положение, что если не предпринимать должных мер по локализации КНИ, некоторые из них могут перерасти в конфликты более высокой интенсивности. Примером этого является конфликт в зоне Персидского залива, который на первом этапе относился к КНИ, а затем перерос в конфликт средней интенсивности (или как раньше называли — в локальную войну).

По оценке комитета начальников штабов и руководства видов вооруженных сил США, концепция конфликтов низкой интенсивности в современных условиях является одной из наиболее важных составных частей американской военной доктрины. Руководство США, учитывая сложившуюся в последние годы военно-стратегическую обстановку, существенно пересматривает взгляды на роль и предназначение вооруженных сил страны. В настоящее время боевые соединения и части все чаще привлекаются к выполнению задач, считавшихся ранее нетрадиционными: международные гуманитарные и миротворческие операции, оказание помощи жертвам стихийных бедствий, борьба с терроризмом и наркомафией, эвакуационные мероприятия, помощь гражданским властям в обеспечении общественного порядка и др.

Для обозначения таких действий в вооруженных силах США и других западных стран наряду с термином «конфликты низкой интенсивности» используется термин «операции, отличные от войны», одним из ключевых элементов которых западные эксперты считают психологические операции (ПсО).

В России, по мнению военных аналитиков, несмотря на большой объем научных исследований, еще не разработана стройная теория военных конфликтов, нет методов оценки эффективности мер по их разрешению на разных фазах развития, отсутствует система подготовки страны и Вооруженных Сил к предотвращению и разрешению военных конфликтов⁵.

Однако после чеченской войны 1994—1996 годов все чаще делается вывод о необходимости разрешения военных конф-

ликтов и обеспечения безопасности страны путем комплексного использования политических, дипломатических, правовых, экономических, информационно-психологических и военных мер. Отсюда основная задача видится в умелом применении несиловых военных действий по разрешению конфликтов на ранних фазах их развития.

Доктор военных наук В. М. Барынькин сообщает, что теоретическое обобщение опыта 260 вооруженных конфликтов и локальных войн, прошедших за последние 50 лет, позволило выявить некоторые закономерности их развития и выделить шесть устойчивых фаз: зарождение, обострение, нарастание, кризис, война, восстановление мира. При этом был сделан вывод, что на каждой фазе требуются совершенно конкретные меры по локализации конфликта и его разрешения. На основе анализа мер, принимаемых для разрешения конфликтов 1946—1995 годов, была определена оценка их эффективности (см. табл. 3). Это исследование показало, что меры информационно-психологические (идеологические), применяемые для разрешения локальных войн и вооруженных конфликтов, наиболее эффективны были на мирных фазах их развития. Наибольшую результативность информация приносила тогда, когда сообщали населению и войскам о причинах и истинных целях конфликта — это сильно воздействовало даже на военных фазах. Следующими по рейтингу шли психологические операции по предотвращению разжигания национальной вражды, шовинистических, националистических и других деструктивных настроений, а за ними — меры по срыву неприятельских психологических операций на международном уровне и внутри страны.

Этот анализ также показал, что рейтинг информационно-психологического воздействия по разрешению военных конфликтов оказался на втором месте после мер военного характера. За ними шли экономические политические, дипломатические, правовые меры, применяемые для разрешения конфликтов 1946—1995 годов.

50-е годы: опыт войны в Корее

Информационно-психологическая поддержка контингентов вооруженных сил США осуществлялась во всех войнах

и конфликтах второй половины XX века, в которых они участвовали. Первый значительный опыт в ведении информационно-психологических действий американцы приобрели во время войны в Корее (1950—1953), где они столкнулись не только с решительным вооруженным, но и с активным идеологическим сопротивлением. Впервые после Второй мировой войны в ходе ведения боевых действий из вооруженных сил США в течение полутора лет дезертировало 47 тысяч человек. В последующем их количество продолжало держаться на уровне 35—40 тысяч в год⁶.

Это заставило военно-политическое руководство США пересмотреть концепцию ведения психологических действий, изменить стратегию и тактику, приступить к реорганизации аппарата, совершенствованию форм и методов осуществления психологических операций. Для органов психологической войны США главной задачей стал показ действий американских вооруженных сил как легитимной оборонительной операции под эгидой ООН. При составлении информационно-пропагандистских материалов они стали избегать острых политических тем и аргументов, носивших идеологический характер. Значительное количество листовок и радиопередач было посвящено добровольной сдаче в плен. Тем, кто перейдет на сторону армии США, предлагалось большое денежное вознаграждение, было обещано предоставить американское гражданство. Проводилась значительная работа и по политической переориентации военнопленных.

Во время войны в Корее пропаганда строилась в соответствии с наставлением FM-33-5 «Ведение операций психологической войны», принятым в августе 1949 года. В нем указывалось, что важнейшим средством ведения психологических операций является пропаганда как система мероприятий по распространению политической информации. Там же давалась ее классификация по источнику («белая», «серая» и «черная») и содержанию (политическая и военная).

Для ведения психологической войны в Корее был перестроен аппарат и структура соответствующих подразделений. При отделе психологической войны штаба вооруженных сил США на Дальнем Востоке была создана группа радиовещания и издания листовок, имевшая в своем составе

штаб и три роты — штабную, репродукции и радиовещания (мобильную), которые предназначались для решения стратегических задач в интересах обеспечения военных операций. Для решения тактических задач была сформирована рота громкоговорящих установок и издания листовок. Она выделяла в оперативное подчинение каждого корпуса секцию громкоговорящих установок. Кроме того, осенью 1950 года из Форт-Райли в Корею был переброшен тактический информационный отряд⁷.

В 1951 году Министерство армии создало управление психологической войны и началась подготовка специальных кадров, для чего в общевойсковой школе сухопутных войск был основан отдельный факультет. На военную службу стали призывать офицеров запаса, в той или иной степени связанных с пропагандой. В 1952 году учебные подразделения психологической войны были переведены из Форт-Райли в Форт-Брэгг (штат Северная Каролина), где был создан центр психологической войны⁸.

Основными формами ведения психологической войны стали печатная пропаганда, устное вещание и радиопропаганда. В меньшей степени использовалась наглядная агитация. 1-я группа радиовещания и издания листовок каждую неделю выпускала в среднем 20 миллионов листовок, а 1-я рота громкоговорящих установок и издания листовок 8-й армии — 3,5 миллиона. Только в первые три дня боевых действий американская сторона распространила 100 млн. экземпляров. Радиопропаганда велась как мобильными военными радиостанциями, так и через гражданские передатчики. Для этой цели использовалось 19 радиостанций, работавших на средних и коротких волнах в городах Сеул, Тэгу, Пусан, Токио. Программы радиовещания занимали более 2 часов в день. Структурно радиопропаганда состояла из передач последних известий и обзоров военного положения, подготовленных отделом психологической борьбы. Устная пропаганда велась при помощи громкоговорящих установок, смонтированных на различных боевых машинах, в том числе на танках.

Активное информационное воздействие на южнокорейскую армию и войска ООН велось с северокорейской стороны. Направление, характер и основные вопросы его определял Комитет по руководству работой среди войск и на-

селения противника. В его состав входили член ЦК Трудовой партии Кореи (председатель), начальник Главного политического управления Корейской народной армии, начальник разведуправления КНА и заместитель министра внутренних дел. Практическую работу по указаниям командования осуществляли Седьмой отдел Главного политического управления КНА, группы по работе среди войск противника в политуправлении фронта и политотделах армий и инструкторы и переводчики в политотделах дивизий. Вся работа по разложению войск противника проводилась политорганами КНА в тесном и непосредственном взаимодействии с политорганами китайских народных добровольцев. Большое внимание уделялось политическому изучению противника. Главной формой изучения был политический допрос военнопленных. Кроме того, изучалась пресса противника, трофейные документы. Ценные сведения для использования в пропаганде черпались из радиоперехватов, из наблюдений за противником на поле боя и т. д.

Основной формой работы среди войск ООН и южнокорейской армии была печатная пропаганда. За время войны были изданы сотни миллионов листовок, огромное количество газет, брошюр и других агитационно-пропагандистских материалов на английском, корейском и других языках. Большинство листовок для американских, английских и других солдат и офицеров было написано кратким, выразительным, ярким языком, без излишней навязчивости и с учетом особенностей пропаганды для американцев и англичан. Листовки для южнокорейской армии были богато иллюстрированы, издавались в несколько красок и отражали корейский национальный колорит.

Много листовок было издано с расчетом на обострение противоречий в войсках ООН и создания в них антиамериканских настроений. Ряд листовок был адресован афроамериканцам. Издавались листовки, посвященные так называемой сентиментальной тематике (последнее письмо матери от сына — американского солдата, который убит в Корее; письмо Трумэну от отца, отказавшегося принять орден сына, погибшего в Корее, и т. п.). В листовках широко использовались выступления некоторых деятелей США, осуждавших войну в Корее, официальные материалы, сообщения газет и агентств. Так,

например, многотысячным тиражом было издано и распространено среди американских войск сообщение агентства «Рейтер» от 7 января 1953 года, в котором приводилось сообщение Министерства армии США о том, что с момента начала войны в Корее дезертировало 46 тысяч американских солдат⁹.

Учитывая психологию солдат противника, политорганы КНА и китайских народных добровольцев распространяли приуроченные к различным праздничным датам (Рождество, Новый год, корейский национальный праздник Осени и др.) подарки-пакеты с комплектом листовок, чистой бумагой, письмами от военнопленных и местного населения, эмалевыми значками с эмблемой голубя мира, сигаретами, продуктами питания, записными книжками. Представляет интерес, например, оформление записной книжки. Изданная в изящном переплете, она содержала всякого рода справочный материал, календарь событий в Корее (когда и где били американцев), высказывания Линкольна, Джефферсона, Рузвельта и различные изречения («Война хороша для тех, кто ее не испытал», «Живи и жить давай другим»), крылатые фразы из сочинений Шекспира («Сухой хлеб дома лучше, чем ростбиф за границей», «Сознание вины никогда не дает покоя», «Восток или Запад — а дома лучше») и др.

В основу пропаганды за переход в плен было положено Постановление № 90 Военного комитета КНДР «Об обращении с солдатами и офицерами вражеских войск, добровольно перешедшими на сторону КНА и китайских народных добровольцев».

Широко распространялись иллюстрированные пропуска для перехода в плен с текстами на английском, корейском и китайском языках. Пропуска содержали четыре гарантии (сохранение жизни, сохранение личного имущества военнопленных, хорошее обращение и оказание медицинской помощи), а также серию документальных фотографий, посвященных жизни и быту военнопленных.

О том, что американские и английские солдаты читали листовки, свидетельствуют следующие факты: из 409 американских и английских солдат, взятых в плен в августе 1951 года, как выяснилось при допросе, листовки читали 106 человек; из 420 пленных, взятых в бою за деревню Куфанри уезда Чан-Пкун, 122 человека читали листовки, некоторые держали их в руках как пропуска для сдачи в плен¹⁰.

Особенность агитационно-пропагандистских материалов для солдат южнокорейской армии состояла в том, что многие из этих публикаций содержали лишь минимальное количество текста и основные мысли передавали с помощью иллюстраций.

Кроме листовок и брошюр, для американских солдат и офицеров издавалась четырехполосная газета «Мир». Содержание и форма подачи материалов были подчинены задаче разоблачения политики США, показу роста тягот трудящихся США и прибылей монополистов в связи с войной в Корее, освещению растущего возмущения всех свободолюбивых народов зверствами американцев в Корее. В газете помещались письма американских солдат из плена, письма из госпиталей, информации о положении в США, описывались проигранные американцами сражения и понесенные ими большие потери в людях и технике.

Для солдат и офицеров южнокорейской армии издавалась газета «За спасение родины от американского империализма», которая вела пропаганду с позиции защиты национальных интересов корейского народа.

В устной агитации использовались мощные звуковещательные станции, которые с переднего края вели передачи для войск противника. В качестве дикторов привлекались американские, английские и южнокорейские военнопленные. Особой популярностью среди солдат южнокорейской армии пользовались дикторы-женщины, военнослужащие КНА. Широко практиковались выступления военнопленных по радио. Так, с января по октябрь 1951 года по радио выступило 80 военнопленных, из них 55 американских солдат и офицеров. Передачи по центральному радио КНДР списков военнопленных американских солдат и офицеров вызывали оживленные отклики в США. Газеты и радиокomпании комментировали эти передачи, семьи погибших направляли запросы правительству и в Конгресс и т. д.¹¹.

Командование и политорганы КНА и китайских народных добровольцев много внимания уделяли политической работе в лагерях для военнопленных. Военнопленные американцы и англичане создали Комитет борьбы за мир, который присоединился к движению сторонников мира во всем мире. Комитет издавал журнал «За правду и мир», который выходил через десять дней. Военнопленные солдаты и офицеры юж-

нокорейской армии в марте 1953 года создали «Союз борьбы за спасение родины от американского империализма». Председателем ЦК Союза был избран бывший генерал Сон Хо Сон. Союз вел пропаганду среди военнопленных и среди солдат и офицеров южнокорейских войск.

Таким образом, активная информационно-психологическая борьба в ходе ограниченной войны в Корее велась с двух сторон. Для американцев она показала, что, несмотря на изменения концепции психологической войны, стратегии и тактики ее ведения, а также организационной структуры специальных служб, конечных целей — разложить корейскую народную армию и китайских добровольцев — американским пропагандистам достичь не удалось. Вместе с тем в искусстве ведения пропаганды американские специалисты достигли определенного прогресса. В частности, неплохие результаты были достигнуты при работе с военнопленными, часть которых отказалась от репатриации после окончания войны.

Опыт деятельности американской армейской службы психологической войны был критически проанализирован. Так, уже в 1955 году был переработан Устав FM-33-5. В нем подчеркивалось: «Психологическая война включает мероприятия, при помощи которых передаются идеи и информация для оказания влияния на создание, чувства и действия противника. Они проводятся командованием в сочетании с боевыми операциями в целях подрыва морального духа противника в соответствии с политикой, провозглашенной руководящими инстанциями». Претерпели организационные изменения и службы психологической войны. Существовавшее во время войны в Корее управление психологической войны в 1955 году было преобразовано в управление специальных методов войны. Таким образом, в США психологическая война постепенно становилась частью специальных операций.

Вьетнамская война: проверка обновленной концепции и выводы (1964—1973)

Пересмотренная и обновленная концепция информационно-психологических операций прошла проверку в ходе войны во Вьетнаме (1964—1973). Для централизации планирования, руководства и контроля всеми психологическими операциями

(ПсО) в рамках Информационного агентства США — ЮСИА¹² был создан объединенный отдел по связям с общественностью. Он разрабатывал политические директивы для пропагандистского аппарата в войсках, планировал для него кампании на все объекты воздействия, взаимодействовал с министерством информации Южного Вьетнама, управлял всеми психологическими операциями в военной, политической и экономической областях в Северном и Южном Вьетнаме. Непосредственное руководство реализацией программ ПсО сухопутных войск США, морской пехоты и ВМС, а также координацию действий с авиацией осуществляло управление психологических операций штаба командования по оказанию военной помощи.

В задачи батальонов ПсО входили разработка, производство и распространение пропагандистских материалов. Каждый из них имел свою типографию, звуковещательные станции, машины с кинопроекторами, видеозвуковой и другой техникой. Оперативное управление этими подразделениями осуществляли командиры четырех зон ответственности. Аппарат психологических операций только сухопутных войск насчитывал около 1000 человек, причем 118 владели вьетнамским языком. Кроме того, к сотрудничеству привлекались сотни вьетнамцев. Широко использовались национально-психологические особенности местного населения, нравы, обычаи, суеверия, приемы устрашения^{12а}.

В качестве психологического давления на население применялись приемы ничем не оправданного насилия и варварства, преследующие единственную цель — вызвать чувство страха. Например, для распространения паники и внушения страха жителям Ханоя в 60 километрах от него был стерт с лица земли город Фули. Бомбардировки северовьетнамских городов и других населенных пунктов обязательно сопровождались интенсивной пропагандой. Впоследствии этот прием будет широко использоваться почти во всех локальных конфликтах. С целью психологического воздействия американцы широко применяли средства поражения, вызывающие тяжелые телесные повреждения, сильные болевые ощущения и психологический шок, в частности напалм, шариковые бомбы, стреловидные убийные элементы. Комплексные методы пропаганды, воздействующие на органы чувств, приносили ощутимые результаты. Отмечались случаи, когда под их влия-

янием бойцы ряда частей НФО еще до начала боевых действий были деморализованы и сдавались в плен¹²⁶.

Вместе с традиционными формами ведения психологической войны впервые широкомасштабно стало использоваться телевидение. Телепрограммы разрабатывались для гражданской и военной аудиторий. Были созданы студия и четыре передающие станции, вещавшие по 6 часов в сутки. Среди вьетнамцев были распространены 3,5 тысячи телевизионных приемников, во многих школах и читальнях установлены телевизоры. В 1971 году уже 80 процентов местного населения могло смотреть телепередачи.

В целях воздействия на население применялась «сувенирная» пропаганда: организовывалась раздача сигарет, жевательной резинки, зубной пасты, игрушек, пакетов с рисом и леденцами. Подобные пакеты с подарками, снабженными американской символикой и пропагандистскими лозунгами, сбрасывались авиацией и на территорию ДРВ. Лозунги и надписи были, как правило, краткими — например, «От детей Америки детям Северного Вьетнама». За первые 14 месяцев войны среди населения Вьетнама было распространено 8 миллионов таблеток витаминов, 29 тысяч зубных щеток, расчесок и карандашей на общую сумму 4 миллиона долларов. Практиковались выплаты денежного вознаграждения за сданное оружие, разведывательную информацию, а также доставленного перебежчика (24 доллара за солдата, 2100 долларов за политкомиссара).

Во Вьетнаме сбор, обработка и накопление информации стали осуществляться при помощи ЭВМ, была предпринята попытка создания единой глобальной информационной системы для ведения психологической войны (PAMIS). Несмотря на то что США потерпели поражение во Вьетнаме, психологические методы борьбы в этой войне получили высокую оценку. Об этом говорит то, что за период боевых действий около 250 тысяч вьетнамцев добровольно перешли на сторону противника¹³.

Исходя из опыта психологических операций во Вьетнаме, правительственная комиссия США выработала соответствующие рекомендации на будущее: создание гражданских структур по координации деятельности в области психологической войны; увеличение в мирное время численности сил и средств для ведения такой войны в 10 раз; повышение уров-

ня подготовки резервных сил психологических операций; развитие высокотехнологичных радиостанций и организация сети подвижных телестанций; создание и использование единого банка данных в интересах ПсО; усиление внимания к аппарату и проблемам ПсО со стороны правительства и министерства обороны¹⁴.

По мнению ряда официальных лиц, американцы потерпели поражение во Вьетнаме именно в тот период, когда лишились поддержки населения собственной страны и мировой общественности. Исходя из этого, военно-политическое руководство США при участии во всех последующих вооруженных конфликтах стремилось надежно обеспечить такую поддержку¹⁵.

После вьетнамской войны специалисты в области ведения ПсО пришли к выводу, что они могут быть успешными только в том случае, если носят тотальный характер, планируются и проводятся заблаговременно и комплексно, направлены не только против противника, но также населения и вооруженных сил нейтральных и дружественно настроенных государств. Эти положения и составили основу современной концепции психологических операций, проверенной как американцами, так и их союзниками по НАТО в ходе последующих малых войн.

80-е годы: основной компонент «стратегии национальной безопасности»

С начала 80-х годов, с приходом к власти администрации Рейгана, роль психологических операций существенно повышается. В этот период в пропагандистские материалы вносятся понятия «стратегия национальной безопасности». Данная стратегия была разработана аппаратом Рейгана в 1981 году и в общем виде состояла из четырех компонентов: дипломатического, экономического, военного и информационного. В качестве основного выдвигался последний. В 1981—1983 годах глава Белого дома издал ряд директив, в которых было уделено большое внимание информационно-психологическому обеспечению политики национальной безопасности Соединенных Штатов Америки¹⁶.

Этот упор на информационный компонент, как на основной, нашел подтверждение в вооруженном конфликте в Гренаде. На начальном этапе эта интервенция вызвала широкую

международную критику. Даже бывшая колониальная держава Великобритания, поддерживавшая в то время особенно тесные отношения с США, пыталась отговорить американское правительство от проведения этой операции. Используя аргументацию «стратегии национальной безопасности», американские специалисты приложили немало усилий для обработки международного общественного мнения, например распространя дезинформационные материалы, построенные на полуправде о вмешательстве Кубы и на планы создания советской авиационной базы (700 кубинцев, находившихся на острове, были в основном строительными рабочими, хотя они имели полувоенную подготовку, а строившийся аэропорт совсем не подходил для использования в качестве военной базы). Готовились специальные программы, призванные убедить людей в «справедливом» характере войны со стороны США. Трансляция велась через телевизионную сеть ЮСИА «Евронет», связывающую с помощью спутников телеканалы США и западноевропейских стран. Для пропаганды «освободительной» миссии Запада были задействованы мощнейшие радиокomплексы — «Голос Америки» и «Немецкая волна». Администрация Рейгана приняла меры для изоляции Гренады со стороны государств Карибского бассейна¹⁷.

Методика оказания влияния на мировую общественность включала в себя прямую дезинформацию, элементы полуправды и объективную информацию. Поскольку сведения можно было получить и от других СМИ, американская пропаганда в большей степени включала элементы полуправды и правды. Для того времени были характерны следующие особенности психологических операций: тесное взаимодействие подразделений войск специального назначения и ПсО (1-го батальона ПсО), а также комплексное морально-психологическое воздействие на местное население и военнослужащих противостоящей стороны.

Подразделение войск спецназа в числе первых объектов захватило радиостанцию «Свободная Гренада», которая сразу же была переименована в «Радио острова пряностей» и стала использоваться специалистами психологических операций. В последующем подразделения 1-го батальона ПсО развернули собственный передатчик мощностью 50 кВт (общее время

вещания составляло 11 часов в сутки). Наряду с радиопропагандой издавались листовки и газета «Голос Гренады», велись передачи через громкоговорящие установки. Пропаганда была направлена на разжигание противоречий между гражданским населением острова, революционной армией и кубинскими военнослужащими, на создание атмосферы лояльного отношения к американским солдатам и офицерам¹⁸.

Наряду с психологическим воздействием применялись материальные стимулы. Так, за денежное вознаграждение было сдано 17 тысяч единиц оружия. В результате проведения комплексных мероприятий примерно половина личного состава войск Гренады капитулировала или была выдана вторгшимся американцам местным населением¹⁹.

В ходе этой акции восстание было подавлено с минимальными потерями со стороны США, и, хотя премьер-министр Морис Бишоп был убит, было восстановлено демократическое правление при явном одобрении большинства гренадцев.

Важным последствием проведения ПсО в Гренаде явилось распоряжение президента (в начале 1984 года) Министерству обороны восстановить структуру и потенциал органов психологических операций вооруженных сил США.

По мнению экспертов Пентагона до 80-х годов потенциал психологических операций в стратегических целях недооценивался. Основная их задача заключалась в непосредственном психологическом обеспечении боевых действий американских войск на тактическом уровне. В связи с этим внимание военно-политического руководства США к ПсО вооруженных сил носило эпизодический характер. Оно возрастало лишь во время военных конфликтов, в которых принимали участие американские войска. Расформирование значительного числа подразделений ПсО после таких конфликтов неизбежно приводило к утрате боевого опыта и навыков использования военных психологических операций в интересах задач на всех уровнях²⁰.

В соответствии с указанным распоряжением президента был разработан план ПсО, одобренный главой военного ведомства К. Уайбергером в середине 1985 года. Он содержал рекомендации по значительному увеличению потенциала ПсО для поддержки глобальных интересов США в мирное время, в угрожаемый период и на всех этапах военного конф-

ликта. Планом предусматривалось свыше 200 мероприятий для перестройки ПсО, на выполнение которых отводилось несколько лет. В их числе был и пересмотр программ военных колледжей (видов вооруженных сил, штабных и командных) с целью повышения знаний офицеров в области ПсО. В плане развития военной теории психологические операции рассматривались как множитель боевого потенциала войск во всех видах боевых действий²¹.

В результате работы, проведенной в соответствии с общим планом Министерства обороны, к концу 80-х годов части и подразделения ПсО значительно увеличили возможности по психологическому обеспечению боевых действий. Так, по мнению американских специалистов, успех операции вооруженных сил США в Панаме в 1989 году во многом зависел от эффективного использования сил и средств ПсО.

20 декабря 1989 года впервые за свою историю оказался закрытым Панамский канал. Причиной тому послужило вторжение американских войск (большая часть которых фактически находилась в стране). Цель этой операции заключалась в свержении диктатора генерала Норьегы и возведение на пост президента Гуйермо Эндара Галлимани.

Здесь силы специальных операций, в отличие от других конфликтов с участием США, действовали по заранее разработанному плану, который являлся приложением к общему плану боевых операций. В нем определялись силы, средства, сроки передачи материалов гражданским средствам массовой информации. Место и роль психологических операций в Панаме определялись тем, что США с первых же дней столкнулись с психологически хорошо подготовленным к интервенции личным составом сил национальной обороны. Американцам пришлось прибегнуть к сильнейшему информационно-психологическому прессингу, используя в первую очередь силы и средства ПсО (общая численность их формирований составила 3,5 тысячи человек)²².

При проведении ПсО в Панаме специалисты исходили из того, что победа в конфликте низкой интенсивности невозможна без создания благоприятного общественного мнения. Поэтому было введено новое теоретическое положение о том, что применение военной силы в подобных конфликтах является последним аргументом для достижения экономическо-

го, политического и информационного воздействия. Решение об использовании силы было принято после того, как Норьега, сконцентрировав в своих руках диктаторские полномочия, объявил, что Панама находится в состоянии войны с США, спровоцировал ряд антиамериканских инцидентов, во время одного из которых погиб военнослужащий США. Особенностью ведения ПсО стало усиленное психологическое давление на генерала Норьегу и его дискредитация в глазах народа. Он обвинялся в торговле наркотиками, рэжете, отмене результатов демократических выборов, жестокой расправе над офицерами, пытавшимися совершить переворот. Еще до начала высадки американских войск на остров Гаити специалисты по ведению психологических операций не только звонили по телефону гаитянкам военнослужащим, призывая их не оказывать сопротивления, но также рассылали некоторым членам гаитянской олигархии, имеющим персональные компьютеры, электронные письма, содержащие угрозы. Использование компьютерных сетей — новое явление в информационно-психологическом воздействии, и специалисты предсказывают, что они в будущем будут находить более широкое применение в ПсО.

В Панаме была проверена новая система взаимодействия аппарата ПсО с гражданскими и военными СМИ. Для этого был создан специально подобранный и проинструктированный контингент журналистов и фоторепортеров, который к началу боевых действий перебросили на соответствующие объекты. Таким образом командование стремилось ограничить доступ нежелательных лиц в зону боевых действий. Основная информация поступала через службу по связям с общественностью, которая посредством брифингов, пресс-конференций и встреч с видными политиками, бизнесменами и другими влиятельными персонами умело воздействовала на ее направленность. Был создан информационный мост между Пентагоном и общественностью, что позволило нейтрализовать воздействие других, нежелательных источников²³.

В тактике ПсО отмечался метод так называемых «беспокоящих» действий. На все окруженные панамские группировки проводилось вещание через громкоговорящие установки, затем давалось 15 минут на размышление, по истечении которых в ультимативном порядке предлагалось вывесить бе-

лые флаги и сдать оружие. В случае неисполнения требований начиналось «ограниченное применение силы». По вызову командира части, блокирующей гарнизон, прибывал вертолет огневой поддержки, который имитировал нападение на объект, а звуковещательные средства призывали сдать оружие и назначали новое время. Если и на этот раз гарнизон продолжал сопротивление, то следовал приказ на открытие огня²⁴. Такой метод оказывал сильное психологическое воздействие на личный состав панамских войск.

Сам Норьега укрылся в резиденции папского нунция, и его попытались выкурить оттуда не только выстрелами, но и невероятно громкой рок-музыкой. Норьега сдался 3 января и был доставлен в США для судебного разбирательства²⁵.

Психологические операции в период конфликта в Персидском заливе (1990—1991)

Вооруженный конфликт в Персидском заливе (1990—1991), завершившийся фактически поражением Ирака, имел ряд особенностей в проведении информационно-психологических операций с той и другой стороны. Специалисты отмечают, что значительная роль в них отводилась обширному комплексу дезинформационных мероприятий, проводимых противоборствующими сторонами для обеспечения военных и политических акций стратегического и оперативного характера. Особенность этих действий во многом определялась задачами, которые решали участники на каждом этапе развития.

На этапе подготовки иракских войск к вторжению в Кувейт (до 2 августа 1990 года) военно-политическое руководство Ирака, стараясь обеспечить внезапность нападения на Кувейт, провело ряд мероприятий, которые позволили усыпить бдительность Кувейта и поддерживающих его государств и навязать им ложные представления о своих намерениях. Саддаму Хусейну путем постепенного нагнетания истерии в национальных средствах массовой информации удалось создать впечатление, будто его угрозы Кувейту представляют не что иное, как очередной «иракский шантаж». Предполагается, что, вероятно, на эту уловку попались и американцы. Согласно сообщениям западной прессы, еще 25 июля 1990 года ЦРУ передало в Белый дом полученные с помощью космических

средств фотоснимки, подтверждавшие, что иракские войска продолжают концентрироваться на границе с Кувейтом. 30 июля американская разведка информировала руководителей ряда арабских государств, что численность группировки в данном районе достигла 100 тысяч человек. Однако акция С. Хусейна расценивалась руководством США всего лишь как «игра мускулами». 1 августа, когда Багдад уже принял решение о вторжении, иракские и кувейтские представители все еще вели переговоры по мирному урегулированию конфликта. Несмотря на то что к концу указанного дня американская и израильская разведки выразили сомнение относительно истинности намерений Ирака, «слишком прямолинейный», но «не выходящий за рамки обычного» тон угроз не внушал серьезных опасений²⁶.

Но в связи с фактом, что за несколько дней до вторжения войск Ирака в Кувейт Государственный департамент США рекомендовал американским гражданам срочно покинуть страны региона, в печати высказывалось предположение, что США, преследуя свои цели, умышленно подыгрывали Багдаду, настраивая кувейтцев на «безмятежный лад». Но и в таком случае можно констатировать: дезинформация, на сей раз осуществленная американцами, увенчалась успехом. Следует заметить, что США косвенно поддерживали Ирак в его войне с Ираном (даже использование химического оружия против курдов не вызвало серьезных возражений). В ходе ирано-иракского конфликта не были затронуты американские интересы. В отношении Кувейта, основного поставщика нефти, эти интересы явно ставились под угрозу. Саддам Хусейн вероятно рассчитывал, что его вступление в Кувейт будет приветствоваться, по крайней мере, часть населения этой страны, например палестинцы, составляющие основную часть рабочей силы, но лишенные гражданских прав. Не учло иракское руководство и такого фактора, как прекращение «холодной войны», что лишало его советской поддержки.

В подготовительный период со 2 августа 1990 года по 1 января 1991 года (до начала наступления объединенных сил коалиции на Ирак) аппарат ПсО США разработал и четко провел в жизнь комплекс мер по организации и подготовке психологических операций. Прежде всего необходимо отметить самый высокий уровень принятия решения об их проведении. По дан-

ным иностранной печати, в период с августа по декабрь 1990 года президент Дж. Буш подписал три секретные директивы, санкционировавшие осуществление «самых разнообразных мероприятий по специальным программам». Эти директивы также определяли порядок организации и ведения психологических операций на весь период кризиса, регламентировали деятельность разведывательных служб, научно-исследовательских учреждений, занимающихся проблемами арабского мира, психологов и ряда армейских органов. Сам факт принятия этих документов — свидетельство того, что психологические операции ставились в один ряд с боевыми.

В качестве основных были определены следующие задачи психологических операций: мобилизовать против Ирака мировое общественное мнение; способствовать деятельности антииракской коалиции; углубить существующий раскол в арабском мире; устранить возможность оказания какой-либо страной поддержки Ираку; разжечь эйфорию «ура-патриотизма» в США и других странах Запада; дезинформация командования вооруженных сил Ирака и широкой общественности относительно планов военных действий; подрыв доверия населения Ирака к президенту Саддаму Хусейну; поддержка движения сопротивления в Кувейте и оказание помощи оппозиционным силам в Ираке; убеждение в бесперспективности сопротивления многонациональным силам²⁷.

Психологические операции в ходе всего конфликта проводились по следующим каналам: средства массовой информации; федеральные ведомства (ЦРУ, научно-исследовательские институты и т. п.), вооруженные силы (РУМО, формирования ПсО и т. д.).

Особая роль отводилась средствам массовой информации, чья работа строилась на основе специальных инструкций и наставлений Пентагона для корреспондентского корпуса, реализация которых фактически превратила конфликт в Персидском заливе, по выражению французской газеты «Юманите», «в самый закрытый в нынешнем столетии».

Американские, британские и французские корреспонденты, включенные в состав аккредитованных при МНС журналистских пулов, в письменной форме обязались строго соблюдать жесткие нормы в отношении характера и содержания передаваемых сообщений, установленные военными властями

ми. Практически все сведения из районов конфликта строго дозировались военной цензурой. Теле- и радиокomпании могли интервьюировать только специально отобранных для общения с репортерами военнослужащих. Соответствующие военные органы предоставляли в распоряжение телекомпаний специально снятые видеоклипы, изображавшие в нужном для командования союзников свете ход подготовки к ведению боевых действий. Весьма характерно, что в рекомендации радио- и телекомпаний Би-би-си, специально составленной для освещения конфликта, также подчеркивалась необходимость сведения к минимуму публичного показа снятых крупным планом раненых или трупов погибших британских военнослужащих, а также ограничения эфирного времени, предоставляемого противникам войны²⁸.

На этапе подготовки к началу боевых действий одним из главных направлений психологических операций являлось убеждение мировой общественности в необходимости мер, предпринимаемых объединенными силами коалиции.

Пытаясь оправдать свое намерение во что бы то ни стало разрешить возникший кризис военным путем, американские представители на самом высоком уровне постоянно дезинформировали мировое общественное мнение относительно степени угрозы вторжения Ирака в Саудовскую Аравию, ОАЭ, а также высадки десанта в Бахрейне. Столь же преувеличенными были заявления представителей администрации США о ядерном потенциале Ирака²⁹. В то же время, нагнетая в средствах массовой информации психоз относительно большой вероятности использования Ираком химического оружия, американцы и их союзники явно переусердствовали, спровоцировав в свою очередь иракскую кампанию по запугиванию противников возможностью применения этого оружия. Так, печатный орган иракского военного ведомства «Аль-Ка-дисия» констатировал: любая атака на Ирак будет отбита с использованием химического оружия. Между тем, как свидетельствовала западная печать, в ходе операции по освобождению Кувейта так и не удалось обнаружить ни одного химического снаряда. Отсутствовали средства химической защиты и у большинства попавших в плен иракских военнослужащих.

Эта хорошо скоординированная «информационная агрессия» достигла своей цели, по крайней мере, в отношении на-

селения США. Если к концу сентября 1990 года лишь каждый десятый американец выступал в поддержку войны, то к началу ее развязывания (середина января 1991 года), согласно данным опросов, уже свыше 80 процентов граждан США поддерживали действия своего президента относительно урегулирования кризиса силой.

Основным объектом психологического давления и дезинформации, естественно, были вооруженные силы Ирака и население этой страны. Мощной кампанией, развернутой средствами массовой информации, главным образом через радиовещание, американцы и их союзники преследовали цель подорвать доверие иракцев к президенту С. Хусейну, убедить в бесперспективности сопротивления военной машине США, дискредитировать и принизить качество состоявшего на вооружении иракской армии оружия и военной техники, а также дезинформировать иракского лидера и командование вооруженных сил Ирака о планах подготовки к боевым действиям американских войск и их союзников в целом.

Во время событий в зоне Персидского залива, особенно до начала боевых действий, основным средством воздействия являлись телевидение и радио. Только передачи международной службы новостей американской телекомпании Си-эн-эн, получившей исключительное право распространения информации из района конфликта, смотрели более чем в 90 странах мира. Еще свыше 100 телекомпаний покупали ее материалы³⁰.

Для обеспечения круглосуточного радиовещания на территории Саудовской Аравии были установлены ретрансляторы, обеспечивающие передачу материалов радиостанций «Голос Америки» и Би-би-си. При этом в интересах ведения радиопропаганды Би-би-си, например, увеличила время вещания на арабском языке с 3 до 10,5 часа в сутки, для чего была создана специальная группа, насчитывавшая 80 сотрудников. Командование многонациональных сил с помощью кочевников и авиации распространило среди иракских военнослужащих и населения около 150 тысяч транзисторных радиоприемников с фиксированными частотами. Согласно опросам, четыре из пяти военнопленных слушали радиопередачи противника³¹.

Кроме того, практически с момента развертывания многонациональных сил начали регулярно выходить в эфир переда-

чи ряда «нелегальных» антииракских радиостанций. (Нечто подобное существовало во время событий в Панаме.) Наиболее мощная и эффективная из радиостанций — «Голос свободного Ирака» — вещала на четырех частотах. Передачи готовились специалистами 4-й группы ПсО. В эфир шли новости, арабская музыка, призывы к сдаче в плен, предложения о снабжении продуктами питания и водой, заверения о добром отношении к иракцам, беседы об арабском братстве.

Своеобразным штрихом психологического воздействия на противоборствующую сторону явилось оперативное насыщение международного рынка товарами с антииракской символикой (например, трикотажные изделия с изображением летящей ракеты и надписями «Привет Саддаму от морской пехоты США», «До встречи в Багдаде» и т. п.).

Видеопропаганда осуществлялась путем широкого распространения видеокассет в Иордании и других сопредельных с Ираком странах для последующей переправки их в Ирак и Кувейт. В них рекламировалась мощь американской армии, вооружения и военной техники, показывалась высокая выучка военнослужащих, критиковался режим С. Хусейна.

Успех печатной пропаганды во многом был обусловлен умелым привлечением иракской оппозиции. С сентября 1990 года в иракских городах началось распространение листовок с призывом к свержению С. Хусейна «во имя безопасности страны». Он обвинялся, в частности, в организации массовых убийств лучших сынов Ирака и геноциде. Для распространения листовок широко применялись ВВС США и Великобритании.

Одновременно с этими мероприятиями предпринимались шаги и в противоположном направлении. Подыгрывая иракским средствам массовой информации, которые изо дня в день внушали своим гражданам, что их армия, «закаленная в многолетних боях» с Ираном, имеет «всесторонний, богатый опыт», президент «обладает полководческим талантом», американские официальные представители умышленно искажали данные своей разведки, сознательно недооценивая в публичных выступлениях такие оказавшиеся в итоге решающими факторы, как недостаточные профессионализм и морально-волевые качества иракских военнослужащих. Этому в известной степени способствовали и появившиеся в за-

падной печати прогнозы потерь многонациональных сил в случае начала боевых действий, исчислявшихся десятками тысяч. В частности, выделялся факт прибытия из США в Саудовскую Аравию 55 тысяч пластиковых мешков-гробов, а также огромных плавучих госпиталей «Мерси» (США) и «Ла-Ранс» (Франция), каждый из которых способен круглосуточно принимать до 200 раненых³².

Эти два, казалось бы, взаимоисключающих направления психологической обработки в действительности дополняли друг друга, обеспечивая полное перекрытие воспринимаемого иракцами информационного потока. Причем наибольшего эффекта достигли в тот период как раз те сообщения, передача которых преследовала цель расслабить иракцев, стимулировала у командования вооруженных сил страны чрезмерную уверенность в непогрешимости своих действий.

Кроме того, необходимо было ввести в заблуждение иракское руководство относительно сроков начала проведения боевых операций многонациональных сил. Поэтому за несколько недель до начала боевых действий в средствах массовой информации Запада появились сообщения о «действенности экономических санкций», введенных решением СБ ООН. Так, в ряде публичных выступлений директор ЦРУ США У. Уэбстер подчеркивал, что «санкции оказались более эффективными, чем ожидалось», что они «подорвали экономику Ирака и ослабили его армию», следовательно, мол, нет необходимости в ведении боевых действий: Ирак через некоторое время и так будет «положен на лопатки».

В январе 1991 года в информации, ориентированной на Багдад, появились новые акценты. Теперь уже официальные представители Министерства обороны США, не отрицая возможности развязывания военных действий, вводили иракцев в заблуждение относительно того, что МНС будут готовы к ночному наступлению лишь к началу марта, а к дневному — в лучшем случае к середине февраля. Это «подтверждалось» многочисленными комментариями в различных печатных изданиях, в программах радио и телевидения. Так, буквально за несколько часов до начала воздушной кампании представитель Эй-би-си, комментируя экстренное совещание совета национальной безопасности США, подчеркнул: «Истечение срока вывода иракских войск из Кувейта (15 января) не означает ав-

томатического вступления США в войну». Одновременно агентство АП со ссылкой на «секретные источники» в Вашингтоне уточнило, что президент Буш «еще не принял решение о войне с Ираком» и «каждый новый день предоставляет Багдаду возможность избежать войны и выбрать тропу мира».

Все это в значительной мере дезориентировало иракское руководство и настолько притупило его бдительность, что даже неоднократные предупреждения в советской прессе о серьезности намерений США не возымели действия. Получив за несколько дней до начала воздушной кампании предложение президента Буша обменяться визитами министров иностранных дел, С. Хусейн заявил в своем окружении: «Я же говорил вам, что Советский Союз запугивает нас неизбежностью удара, а события идут по другому сценарию»³³.

В связи с недоверием к искренности позиции СССР, в котором раздавались голоса в поддержку Ирака, американские СМИ распространяли различного рода дезинформирующие сообщения с целью представить советскую страну в невыгодном свете. Так, 14 ноября 1990 года на страницах «Вашингтон таймс» появилось подхваченное и другими изданиями со ссылкой на источники в разведслужбах США сообщение о якобы продолжавшихся поставках советских ракет СС-12 в Ирак, хотя к этому времени Советский Союз уже определил свое отношение к агрессии Ирака против Кувейта и добивался ее прекращения политическими средствами. Эта кампания продолжалась на всем протяжении конфликта. В феврале 1991 года, когда военные действия союзников против Ирака были в полном разгаре, средства массовой информации Запада передали целую подборку материалов, в которых со ссылкой на анонимные источники из ЦРУ и представителей радиоразведки Саудовской Аравии сообщалось о якобы перехваченных радиопереговорах какого-то советского офицера, руководившего действиями иракского батальона, о советских военных советниках и специалистах, помогавших иракцам обслуживать и наводить на цели ракеты «Скад», о неопознанном советском судне с военным грузом для Ирака, о целых транспортных колоннах, направлявшихся из южной части СССР через Иран в Ирак и т. п. В подобных действиях усматривалось намерение отстранить СССР от участия в дальнейшем урегулировании обстановки в целом.

В ходе подготовки вооруженных сил коалиции к нападению на Ирак СМИ стран Запада развернули широкое обсуждение характера предстоящих боевых действий. Направление этой дискуссии задал государственный секретарь США Дж. Бейкер, который в своем официальном выступлении 28 ноября 1990 года подчеркнул, что Соединенные Штаты нанесут внезапный массированный и решающий удар всеми тремя видами вооруженных сил. «Мы хотим дать противнику возможность выбрать один из многих способов погибнуть», — заявил высокопоставленный сотрудник Пентагона, комментируя выступление главы дипломатического ведомства США в сенатском комитете по иностранным делам. За два месяца до начала боевых действий министр обороны Р. Чейни отстранил от должности начальника штаба ВВС М. Дугана, который в интервью газете «Вашингтон пост» «чересчур откровенно» высказался о решающей роли, отводившейся в грядущей войне авиации союзников. Судя по официальным комментариям в связи с этим смещением, заявление американского генерала явно противоречит принятой в армии США концепции «воздушно-наземная операция (сражение)». И даже тот факт, что массированным авиационным ударом практически без участия наземных войск американцы в точности повторили вариант боевых действий, отработывавшийся ими во время учений на континентальной части, говорит об успехе дезинформационных мероприятий союзников, заставивших иракское командование допустить существенный просчет в оценке форм и способов предстоящих боевых действий.

16 января 1991 года в сражение против Ирака вступили самолеты и оружие нового поколения с выдающимися характеристиками и высокой поражающей мощностью. СМИ оповестили весь мир о войне «высоких технологий» и сообщали об успехах воздушных налетов, говорили о точности ударов американских самолетов-«невидимок», крылатых ракет (включенных в головной эшелон воздушного массированного удара), французских и английских истребителей-бомбардировщиков, информировали о действиях космических средств разведки, связи и целеуказания, самолетов контроля за полем боя. Следует заметить, что на «боевой стадии» конфликта средства массовой информации Запада безудержно

восхваляли, а также явно преувеличивали достоинства оружия и военной техники, состоящих на вооружении многонациональных сил, и прежде всего США.

Только через три — шесть месяцев после войны в Персидском заливе в прессу просочились более точные сведения о примененном в боевых действиях оружии. Так, эксперты полагают, что показатели потерь отличаются от выданных экспресс-информацией на одну треть в сторону уменьшения. Влиятельная американская газета «Вашингтон пост» писала в апреле 1992 года, что малозаметные самолеты F-117A, изготовленные по технологии «стелс», поразили около 60 процентов целей, а не 90. 288 крылатых ракет «Томахок» морского базирования, запускавшихся по плану воздушных массированных ударов, поразили чуть меньше 50 процентов целей, а не 85, как докладывали ранее представители ВМС США. В журнале «Флайт» от 7 сентября 1993 года, отмечалось: «Послевоенный анализ показывает, что американская разведка завысила потери противника в танках, по крайней мере, на 100 процентов, а возможно, даже на 134 процента».

Кроме того, в период боевых действий (воздушная операция продолжалась в течение 43 суток — до 24 февраля 1991 года, наземное сражение заняло всего 100 часов) в СМИ не просочились сведения о потерях союзников, причиной которых явилась стрельба по своим. Только через полгода после операции «Буря в пустыне» агентство «Франс пресс» довело до сведения читателей, что причиной 15 процентов всех людских потерь со стороны союзников была стрельба по своим. Так, потери американцев составили 149 убитых и 458 раненых. К нанесению ущерба собственным наземным силам причастна и авиация. Штурмовик A-10 ВВС США нанес удар ракетой с лазерным наведением по бронетранспортеру морских пехотинцев, в результате чего шесть человек погибли. Другой штурмовик по ошибке атаковал опорный пункт многонациональных сил — погибли восемь английских солдат³⁴.

Дуэли между своими танками также не были редкостью. Выяснилось это после анализа полученных повреждений, поскольку американцы применяли специальные противотанковые боеприпасы с сердечником из обедненного урана, оставлявшим характерные следы на месте пробоев, а Ирак не располагал подобным оружием. Отмечается, что раньше по

своим была преимущественно артиллерия, сейчас нависла угроза со стороны танков и самолетов. Получившая широкую рекламу система электронных ответчиков «свой—чужой» проявляла устойчивость только в позиционном бою, но как только силы противников приводились в движение, наступал хаос, и передовая электроника оказывалась неспособной действовать эффективно³⁵.

Статистические данные независимых экспертов отличаются от официальных. Американская газета «Ньюсдей» писала, что более половины потерь в живой силе понесено от огня собственных огневых средств (так, уничтожено или полностью выведено из строя 30 танков). Спустя шесть месяцев после войны семьи погибших не имели официальных заключений о причинах смерти родственников.

Послевоенные исследования поставили под сомнение разошедшееся по всему миру определение войны в зоне Персидского залива как войны «высоких технологий». Официальные данные гласят: доля применения высокоточного оружия составила 7 процентов. Таким образом, 93 процента пришлось на долю обычных (неуправляемых) боеприпасов, разработанных по технологиям периода вьетнамской войны, и бомб свободного падения — продукта Второй мировой войны. Один из американских обозревателей, приводя эти цифры, сказал, что нельзя назвать высокограмотной страну, где только 7 процентов населения имеет высшее образование³⁶.

Завышенные показатели эффективности оружия в дни войны потребовались для рекламы сил коалиции, поддержки мирового общественного мнения и устрашения противника. Так, первые комментарии в западной прессе по поводу результатов воздушной наступательной операции, в ходе которой выполнялось до 1,5—2 тысяч самолето-вылетов в сутки, отличались беспрецедентным психологическим давлением на иракцев, создававшим впечатление полного разгрома их вооруженных сил. Однако, несмотря на подавляющее преимущество многонациональных сил в воздухе, решительного успеха в первые дни ведения военных действий добиться не удалось. Чтобы не подорвать свой авторитет и, что еще более важно, не дать повода иракцам свести на нет последующие усилия союзников в области дезинформации, представители вооруженных сил антииракской коалиции и средств

массовой информации Запада пошли даже на такой шаг, как официальное дезавуирование первых победных реляций. В частности, как были вынуждены признать иностранные специалисты, вопреки первым сообщениям систему ПВО Ирака полностью уничтожить не удалось.

Через неделю после начала массированных налетов авиации МНС, когда разрушительные последствия бомбардировок стали очевидны, в средствах массовой информации стран Запада появились первые заявления представителей высшего командования США и пространные комментарии, в которых ставилась под сомнение необходимость проведения операции сухопутными войсками. Приблизительно через три недели массированных налетов акцент был резко смещен. Теперь уже не отрицалась необходимость ведения наземных боев, но все чаще высказывались предположения о целесообразности продолжать бомбардировки и обстрелы крылатыми ракетами. Так, за десять дней до начала операции сухопутных войск израильское радио информировало о том, что командующий группировкой МНС в зоне Персидского залива генерал Н. Шварцкопф рекомендовал министру обороны США Р. Чейни продолжить еще в течение месяца налеты на иракские позиции, а уже потом приступить к боевым действиям на суше. В это же время американские средства массовой информации со ссылкой на анонимные «военные источники» сообщили о намерении руководителей операции «Буря в пустыне» продлить бомбардировки еще на 30 суток. Одновременно в интересах дезинформации иракцев о направлении предполагаемого главного удара вблизи кувейтско-саудовской границы проводилась имитация перебросок войск³⁷.

Весьма искусно американцы и их союзники вводили в заблуждение иракское командование относительно своего мнимого намерения высадить морской десант на побережье оккупированного Кувейта. Так, в западных средствах массовой информации появились сообщения о том, что «наземной кампании против Ирака обязательно будет предшествовать высадка крупных сил десанта, в частности морской пехоты». Эта версия, активно обсуждавшаяся в прессе, а также проведенные американским амфибийно-десантным соединением в водах Персидского залива демонстративные действия и мероприятия по уничтожению рифов, песчаных отмелей и дру-

гих естественных препятствий, подавление некоторых целей на берегу вынудили Ирак стянуть в противодесантную оборону до пяти дивизий. На самом деле высадки не произошло, а значительная часть иракских войск была практически выключена из боевых действий, что облегчило наступление 1-й и 2-й экспедиционных дивизий морской пехоты США на приморском направлении.

Весьма характерным представляется использование США и их союзниками «фактора ООН» для развязывания рук в ходе развития событий в зоне Персидского залива. По мере того как бомбардировки населенных пунктов Ирака становились все более интенсивными, средства массовой информации Запада все чаще характеризовали явно выходящие за рамки «достаточности» массированные налеты как «войну, ведущуюся ООН». Однако сам генеральный секретарь этой организации Перес де Куэльяр в то же время подчеркивал: «Необходимо прежде всего уточнить одну вещь, которая остается пока неясной. Нынешний конфликт — это не война ООН. Это — война, санкционированная Советом Безопасности»³⁸.

В период боевых действий основными формами психологического воздействия были радио- и телевещание, устная и печатная пропаганда. С началом боевых действий радиопропаганда велась в тесном сотрудничестве с действиями подразделений радиоэлектронной борьбы, на которые была возложена задача по подавлению трансляций иракской государственной радиостанции «Голос Багдада». Тем самым было существенно затруднено информирование военно-политическим руководством Ирака личного состава армии и населения о положении на фронте и в стране. Глушение проводилось путем трансляции на ее частотах радиопрограмм, подготовленных специалистами 4-й группы ПсО. Многие военнопленные впоследствии заявляли, что на протяжении длительного времени они имели возможность слушать только радиопередачи сил антииракской коалиции и на их основании судить о происходящих событиях. Другими словами, сознание и психика людей в кризисной ситуации подвергались одностороннему интенсивному информационно-психологическому воздействию, на пути которого практически не было никаких преград³⁹.

Активно использовалась печатная продукция. Только за 31 января 1991 года, по сообщению агентства «Рейтер», авиация США распространила 5 миллионов листовок, сбрасывание которых осуществляли 50 самолетов и вертолетов. К распространению привлекались также артиллерийские части морской пехоты США. За всю операцию их было распространено около 30 миллионов. Главные темы листовок: бесполезность сопротивления, неизбежность разгрома, призывы к сдаче в плен, дезертирству, оставлению оружия, возложение всей вины на С. Хусейна. Согласно исследованию, проведенному американскими специалистами, 98 процентов опрошенных иракских военнопленных видели листовки, 88 процентов верили в то, что там написано, 70 процентов подтвердили, что именно они повлияли на их решение дезертировать или сдаться в плен. И это невзирая на приказ расстреливать любого, у кого будет найдена листовка противника. По оценкам экспертов Саудовской Аравии, листовки, изготовленные специалистами 4-й группы ПсО, были подготовлены профессионально, с учетом национально-психологических особенностей военнослужащих и населения Ирака⁴⁰.

Эффективность печатной пропаганды высоко оценивалась противником. По словам командира одной из иракских дивизий, «листовки по силе воздействия на моральный дух солдат уступали лишь воздушным бомбардировкам».

Следует заметить, что листовки — одна из наиболее распространенных форм печатных материалов, применяемых подразделениями вооруженных сил стран — участниц НАТО в психологических операциях. По их применению существуют специальные разработки и рекомендации. Так, в американских уставах определяются содержание, форма, цвет и типы листовок, даются рекомендации по их подготовке с учетом решаемых задач и характера объектов воздействия. По своему содержанию они делятся на убеждающие, информационные, директивные и листовки-пропуска, а по назначению — на стандартные и специфические.

Убеждающие листовки призваны в период успешных действий войск противника исказить реальную картину складывающейся ситуации и убедить его в возможности скорого изменения боевой обстановки. Информационные предполагаются использовать в тех случаях, когда положение дел скла-

дывается не в пользу противника, о чем свидетельствуют содержащиеся в них факты. Директивные листовки применяются тогда, когда, по данным разведки, противник психологически подготовлен выполнить определенные условия (например, сдаться в плен). Они также предназначены для подпольных сил и политических группировок, находящихся на оккупированной противником территории и поддерживающих политику США. Листовки-пропуска распространяются среди военнослужащих противоборствующей стороны в определенной боевой обстановке и представляют собой документ, «облегчающий» сдачу в плен, переход на территорию нейтральной страны или в районы, занятые союзными войсками. Для создания впечатления официального документа эти листовки имеют особые форму, цвет и размер. Как правило, на них ставится печать и факсимиле подписи главнокомандующего вооруженными силами США на ТВД.

Стандартные листовки изготавливаются заблаговременно для определенных целей. Их лучше использовать, по мнению зарубежных специалистов, в быстро меняющейся обстановке, когда не могут быть подготовлены печатные материалы, отвечающие новой ситуации. Для их классификации и удобства выбора создаются каталоги. Специфические листовки имеют определенное целевое назначение и предназначены для однократового применения в таких обстоятельствах, которые редко повторяются.

Западные специалисты считают листовки важным средством психологических операций, что определяется возможностью оперативно их составлять, печатать и распространять в больших количествах. Это еще раз подтвердила война в Персидском заливе.

В ходе боевых действий широко использовалось устное вещание через мобильные звуковещательные станции, установленные на автомобилях высокой проходимости или на вертолетах. 66 групп специалистов со звуковещательными средствами придавались командирам частей и подразделений по всему фронту действий сухопутных войск США с целью оказания тактической поддержки и склонения иракских солдат к сдаче в плен. Звуковещательные станции применялись также для введения в заблуждение противника относительно перемещений частей многонациональных сил и их дислокации.

Непосредственным их исполнителем стал 8-й батальон 4-й группы ПсО американских войск, насчитывающий около 200 военнослужащих и имеющий в своем распоряжении теле- и радиостанции, звуковещательные установки, мобильные типографии.

Таким образом, в период подготовки и осуществления боевых операций в зоне Персидского залива основными формами психологического воздействия были радио- и телевещание, печатная и устная пропаганда. Психологические операции велись по двум направлениям: внешнеполитическая область и непосредственное информационно-психологическое обеспечение боевых действий. В первом случае главными целями были обеспечение поддержки контрмер многонациональных сил в отношении Ирака, укрепление позиций антииракской коалиции и ослабление агрессора. Во втором случае усиление постоянного психологического давления, порождаемого военной обстановкой, должно было способствовать ухудшению морально-психологического состояния населения и личного состава вооруженных сил противника, снижению его боеспособности.

ПсО в зоне Персидского залива показали необходимость тесного взаимодействия всех видов и способов ведения психологических операций на стратегическом и оперативно-тактическом уровнях, наглядно показали ту роль, которую могут играть СМИ в сохранении в тайне планов, введении в заблуждение противника, навязывании ему своей воли и формировании мирового общественного мнения.

Такое комплексное воздействие на мировое общественное мнение и на население и личный состав армии Ирака в ходе ПсО многонациональных сил способствовало усиленному проведению боевых операций и достижению поставленных задач с минимальными потерями (около 150 человек со стороны коалиции)⁴¹.

По оценкам экспертов Пентагона, именно в ходе войны в Персидском заливе было окончательно доказано, что психологические операции — это «боевое оружие, которое не убивает, но поражает психологически и выступает важнейшим фактором повышения боеспособности войск, а также сохранения жизней солдат и офицеров по обе стороны фронта».

Вместе с тем война с Ираком выявила и ряд слабых звеньев в сфере готовности вооруженных сил США к проведе-

нию ПсО. В частности, конфликт в Персидском заливе показал недостаточную подготовку и осведомленность командиров и штабов корпусного дивизионного уровня в области применения сил и средств ПсО в интересах выполнения боевых задач. Выяснилось также, что существующих регулярных формирований ПсО (4-я группа ПсО и 96-й батальон РГН) в современных условиях явно недостаточно для обеспечения психологической поддержки объединенных командований в региональных и локальных конфликтах. Так, в войне с Ираком собственно подразделения ПсО были укомплектованы резервистами на 63 процента, по работе с гражданским населением — на 94 процента, с военнопленными — на 89 процентов. В то же время резервные формирования ПсО имеют ограниченные возможности реагировать на конфликты низкой интенсивности и обладают слабой материально-технической базой⁴².

В связи с этим Министерство обороны наметило ряд мер по укреплению потенциала структур психологических операций в условиях финансовых ограничений и продолжающегося сокращения вооруженных сил. Главный упор сделан на использование новейших технологий и достижений науки, а также на повышение профессионализма личного состава формирований психологических операций и совершенствование системы обучения командного состава и офицеров штабов основам ПсО. Изучался вопрос о внедрении штатных офицеров ПсО в оперативные отделы (отделения) штабов объединений и соединений вплоть до дивизии и отдельной бригады. Решено радикально повысить боеготовность резервных формирований ПсО сухопутных войск, а также расширить в этой сфере возможности других видов вооруженных сил⁴³.

Что касается информационно-психологических действий со стороны Ирака в период конфликта в Персидском заливе, то, по мнению западных аналитиков, они не принесли сколько-нибудь ощутимых результатов. Прежде всего это относится к воздействию иракской машины психологической войны на американцев и западноевропейцев. Специалисты в этой области из стран Запада однозначно оценили мероприятия Ирака по дезинформации как «неуклюжие». Примерами могут служить распространяв-

шиеся в тот период иракскими органами массовой информации (но тут же легко опровергаемые) слухи о якобы имевших место казнях в вооруженных силах Саудовской Аравии «за отказ воевать со своими иракскими братьями», а также сообщения о якобы тайных переговорах между Ираком и Кувейтом с целью разрешения кризиса на приемлемых для обеих сторон условиях.

Силы ПсО в миротворческих операциях и в акции по «восстановлению демократии» в Гаити

На четвертый день после наступления сухопутных войск многонациональной коалиции Ирак согласился выполнить требования 12 резолюций ООН. Президент США Дж. Буш объявил о прекращении наступления. В планы ООН не входило свержение правительства Саддама Хусейна, хотя лидеры США (да и ряда других стран) надеялись, что это будет сделано самими иракцами. Курды, постоянно преследуемые Саддамом Хусейном, подняли восстание сразу после начала войны в Персидском заливе. Несмотря на первоначальные успехи, курдские повстанцы были разгромлены побежденной, но сохранившейся армией С. Хусейна. Тысячи курдов вынуждены были мигрировать в соседние страны. В апреле 1991 года только на турецко-иракской границе скопилось около 2 миллионов беженцев. Для защиты курдов, снабжения их продовольствием, водой, медикаментами и возвращения к местам постоянного жительства по указанию Президента США Дж. Буша была спланирована гуманитарная операция «Обеспечение спокойствия», в которой участвовал 6-тысячный американский воинский контингент и до 400 военнослужащих из Великобритании, Франции, Канады и Италии⁴⁴.

В гуманитарной операции силы и средства ПсО применялись впервые. Они были представлены подразделениями 6-го батальона 4-й группы психологических операций. Для управления ими и решения задач в рамках операции «Обеспечение спокойствия» была создана оперативная группа ПсО. В ее состав входил штаб (31 человек), центр по разработке информационно-пропагандистских материалов и отдел по координации со штабами других оперативных групп.

Задачей оперативной группы являлась поддержка усилий по предотвращению попыток Ирака воспрепятствовать гуманитарной акции. Однако в связи с их отсутствием основное внимание этих органов было сосредоточено преимущественно на обеспечении проведения этой операции.

Целями ПсО на первом этапе были: предотвращение военного вмешательства в ход проведения гуманитарной операции и курдской стороны — в десантную операцию, сведение к минимуму хаоса и паники среди местного населения, информирование курдов о местах сброса гуманитарных грузов.

Оперативная группа планировала и вела согласование ПсО со штабами других служб и оперативных групп, готовила аудио- и печатные информационно-пропагандистские материалы для распространения среди курдских беженцев и иракского населения, а также разговорники для военнослужащих, принимавших участие в операции. Печатные материалы для курдских беженцев (листовки, брошюры, плакаты) содержали информацию о целях и задачах многонациональных сил в районе турецко-иракской границы, о местах сброса гуманитарных грузов, минных полях и путях их обхода, правилах санитарии и гигиены, ближайших лагерей беженцев. В частности, листовка, распространявшаяся в Ираке в начале операции «Обеспечение спокойствия», была напечатана на арабском и английском языках одновременно и содержала следующее обращение: «Население Ирака! Солдаты США прибыли в Заху. Наши военнослужащие, многонациональные силы и представители гуманитарных организаций посланы сюда помочь вашим страдающим братьям. Мы построим временное жилье и предоставим вам пищу, воду и медицинскую помощь. Мы делаем это в соответствии с резолюцией ООН № 688, а также из-за того, что это угодно Аллаху. Наши солдаты не причинят вам зла, если вы не будете нападать на них или на людей, которых они сопровождают. Не пытайтесь воспрепятствовать гуманитарной акции мирового сообщества; наоборот, помогите вместе с нами вашим братьям. Джон Шаликашвили, генерал-лейтенант, США, командующий, смешанная оперативная группа».

Специальные пропуска гарантировали безопасный проход беженцев через турецко-иракскую границу и в лагеря беженцев. В брошюрах и на плакатах объяснялись также предназ-

начение, состав и правила употребления продуктов, распространяемых в качестве гуманитарной помощи. Разговорники для американских военнослужащих составлялись на трех языках (английском, курдском и турецком) и, по мнению наблюдателей, сыграли существенную роль в налаживании взаимопонимания между солдатами и местным населением, а также способствовали оперативному выполнению поставленных задач. Например, англо-курдско-турецкий разговорник содержал следующие ключевые фразы и слова, которых, по оценке составителей, было вполне достаточно для общения американских военнослужащих с местным населением: «Кто среди вас старший? Кто-нибудь говорит по-английски? Пожалуйста, пройдите вперед. Есть ли среди вас врач или медсестра? Кто-нибудь болен? Тошнота или расстройство желудка? Лихорадка, простуда, головная боль? Есть ли боль, чесотка, кашель? У кого-нибудь есть вода? Есть ли среди вас дети? Сколько? (Счет от одного до 12.) Где ваш дом? Пожалуйста, покажите на карте ваш дом. Нарисуйте нам карту. Пожалуйста, повторите. Да и нет»⁴⁵.

Успешное применение сил и средств ПсО на первом этапе операции предопределило расширение круга поставленных перед ними задач на втором этапе. Основными из них были: подготовка местного населения к появлению специальных отрядов по распространению гуманитарной помощи, предотвращение вмешательства Рабочей партии Курдистана в ход этой операции, стремление убедить некурдскую часть населения зон безопасности не препятствовать ее проведению, поощрение стремления беженцев к возвращению домой, упорядочение их перемещения, управление массами беженцев в местах раздачи гуманитарной помощи, транзитных центрах, на станциях и т. д.

Перед началом второго этапа подверглась реорганизации и оперативная группа ПсО. На ее базе были сформированы два отряда психологических операций. В состав каждого входили штаб (четыре человека) и восемь тактических звуковещательных команд (по два человека). Первый отряд решал задачи непосредственной поддержки объединенной оперативной группы «Альфа» (штаб в населенном пункте Силопи, Турция), включающей в основном подразделения 10-й группы сил специального назначения сухопутных войск США.

Второй действовал в составе объединенной оперативной группы «Браво» (штаб в г. Заху, Ирак), сформированной из подразделений морской пехоты США и батальона 325-го воздушно-десантного полка 82-й воздушно-десантной дивизии. Кроме того, было создано небольшое подразделение ПсО (семь человек), обеспечивающее поддержку действий подразделений командос морской пехоты Великобритании (штаб на авиабазе Серсинк, Турция). Общее количество участвовавших в операции офицеров возросло до 78 человек⁴⁶.

Помимо печатной продукции эти офицеры готовили программы для устного вещания с помощью специальных средств и для радиопропаганды. Все члены звуковещательных команд были проинформированы о национально-психологических особенностях курдов, что способствовало успешному выполнению поставленных задач. Команды действовали как автономно, так и совместно с подразделениями крупных сил специального назначения и батальона по работе с гражданским населением. Основные задачи заключались в оперативном доведении до курдских беженцев информации о гуманитарной помощи со стороны США и их союзников, а также в контроле и регулировании перемещений беженцев в населенных пунктах и специальных лагерях посредством звуковещательных станций. Всего во время операции было распространено более 5 миллионов экземпляров информационно-пропагандистских материалов на английском, курдском, турецком и арабском языках.

По мнению председателя объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США Дж. Шаликашвили, руководившего проведением операции «Обеспечение спокойствия», «подразделения ПсО американских вооруженных сил внесли значительный вклад в успех этой гуманитарной операции и доказали свою исключительную роль усилителя эффективности любой проводимой вооруженными силами США операции не только в военное, но и в мирное время».

Полученный в иракском Курдистане опыт был учтен при выполнении гуманитарных и миротворческих операций «Морской ангел» по оказанию помощи беженцам с Гаити (1991), «Возрождение надежды» в Сомали (1992—1993), «Поддержка демократии» по отстранению от власти военных в Гаити (1994), военно-гуманитарные акции в бывшей Югославии

(1991—1994), «Объединенный щит» по выводу войск ООН из Сомали (1995), миротворческая операция «Совместные усилия» в Боснии и Герцеговине (1996).

Примером широкомасштабной информационно-психологической поддержки вооруженных сил стала операция «Возрождение надежды», проведенная в период с декабря 1992-го по май 1993 года в Сомали. Заручившись соответствующим мандатом ООН, американское руководство отдало приказ о высадке там воинского контингента, представив эту акцию как комплекс мероприятий по обеспечению безопасности организаций, ранее прибывших для оказания гуманитарной помощи голодающему населению. Одновременно специальные органы вооруженных сил начали информационно-психологическое обеспечение действий войск. Целью широкомасштабной пропагандистской кампании было представить США как единственную силу, способную защитить страдающее от войны население Сомали, установить там мир и порядок. На подразделения ПсО возлагались следующие задачи: разъяснение гуманитарных целей миссии вооруженных сил США под эгидой ООН; предотвращение возможных враждебных действий со стороны местного населения и вооруженных группировок; поддержка действий американских частей и подразделений в достижении поставленных перед ними военных и политических целей. Как и в период подготовки к ведению боевых действий в Персидском заливе, значительной пропагандистской обработке подвергалось население США и мировое общественное мнение. Опубликованные в журнале «Ньюсуик» 5 декабря 1992 года данные показали, что большинство американцев (66 процентов) поддержало направление американских войск в Сомали⁴⁷.

Для проведения психологических операций в Сомали в составе возглавляемой США многонациональной объединенной группы «Сомали» (ООГС) были направлены части и подразделения 4-й группы ПсО. Для управления ими и решения задач в рамках операции «Возрождение надежды» была образована объединенная оперативная группа психологических операций (ООГПсО), подчиненная через начальника оперативного отдела командиру ООГС. Мероприятия оперативного-тактического уровня этой группы были включены в пла-

ны действий войск. В ООГПсО насчитывалось свыше 120 сотрудников из состава 4-й группы ПсО, регионально ориентированного 8-го батальона ПсО, обеспечивавшего работу центра разработки информационно-пропагандистских материалов, 9-го батальона тактических ПсО (выделившего восемь групп устного вещания для поддержки американских сухопутных войск и морской пехоты, а также войск партнеров), батальона распространения материалов ПсО (обеспечившего работу радио- и печатного оборудования). В центре разработки информационно-пропагандистских материалов и в группах устного вещания работали американские военнослужащие и гражданские эксперты, знающие сомалийский язык. Кроме того, были привлечены около 30 местных жителей, которые к концу операции уже имели необходимую практику и смогли готовить информационно-пропагандистские материалы (ИПМ) для ведения пропаганды в печати и по радио в ходе последующих акций ООН в Сомали.

Накануне операции «Возрождение надежды», в конце ноября 1992 года, подразделения объединенной оперативной группы ПсО и две группы звуковещания были переброшены из Форт-Брэгга (штат Северная Каролина) в г. Момбаса (Кения), где присоединились к подразделениям экспедиционного батальона морской пехоты США, находившегося на борту десантного корабля «Триполи». 9 декабря они вместе с морской пехотой высадились в г. Могадишо. Два дня спустя прибыла основная часть сотрудников ООГПсО, которая образовала центр по координации психологической поддержки для операций объединенной оперативной группы «Сомали». Уже в середине декабря, сразу же после прибытия основного контингента ООГПсО, был налажен выпуск ежедневной газеты и радиопрограммы на сомалийском языке, получивших название «Раджо» («Надежда»). В последующем восемь групп устного вещания обеспечивали сухопутные силы ООГС в ходе их размещения в центральной и южной частях Сомали.

Для достижения поставленных целей использовались все формы информационно-психологического воздействия: печатная пропаганда (листовки, брошюры, плакаты и газеты), радиопропаганда, устное вещание (группы звуковещания).

Кроме того, оперативная группа ПсО ежедневно проводила анализ разведывательной информации в интересах ведения психологических операций. 9 декабря 1992 года силы ПсО провели первую акцию по распространению листовок на территории г. Могадишо с вертолетов морской пехоты СН-53 «Си Стэльен». Для этих целей использовалась в основном авиация.

Первые две листовки (4,5×15 см, отпечатаны в типографии 4-й группы ПсО в Форт-Брэгге) распространялись перед высадкой американских войск и в ходе продвижения конвоев с гуманитарной помощью. На одной из них был изображен солдат, пожимающий руку сомалийцу, на другой — конвой гуманитарной помощи. Сбрасывались они соответственно за два-три дня до прибытия войск в населенный пункт и через два-три дня после его занятия. Это наглядно иллюстрировало мысль о том, что коалиционные войска не причинят вреда, а сила будет применена только для защиты конвоев. В течение всей операции листовки распространялись вдоль основных путей подвоза гуманитарной помощи. Одна из основных задач таких акций — поддержка военных действий в секторах распространения гуманитарной помощи (РГП). В листовках содержались сведения о том, каких норм поведения придерживаться, а также сообщалось, что личный состав войск коалиции получил право использовать оружие, если его жизни будет угрожать опасность.

Группы звуковещания, приданные армейским частям и подразделениям морской пехоты, располагавшимся в каждом из секторов РГП, поддерживали связь с оперативной группой ПсО и запрашивали листовки, исходя из конкретной ситуации. Содержание листовок согласовывалось с начальником оперативного отдела ООГ «Сомали», затем осуществлялось макетирование, печатание и распространение в конкретном районе.

Ежедневная двухполосная газета «Раджо» на сомалийском языке (формат 21×35 см) впервые вышла в свет 20 декабря 1992 года. Она распространялась во всех городах и крупных населенных пунктах, где размещались войска ООГ «Сомали». В газете освещались следующие темы: ход военных операций по обеспечению безопасности в г. Могадишо и других крупных городах в секторах распространения гуманитар-

ной помощи; объем и номенклатура гуманитарной помощи; усилия по восстановлению порядка; определение перспектив на будущее; анализ процессов примирения и национального объединения. Регулярно публиковались интервью с работниками агентств, занимавшихся вопросами гуманитарной помощи, информация по профилактике детских заболеваний, сообщения о статусе секторов РГП, материалы о восстановлении системы образования и судебной власти, проблемах создания местной полиции и органов безопасности. Выпускалось до 28 тысяч экземпляров газеты ежедневно (средний показатель тиража составил 15 тысяч).

Объединенная оперативная группа ПсО организовала также трансляцию радиопрограмм с помощью передатчика, находившегося на территории посольства США. Радиопередачи продолжительностью 45 мин на сомалийском языке проводились дважды в день на средних, коротких и ультракоротких волнах. Программы включали тексты из Корана, публикации газеты «Раджо», рассказы и стихи сомалийских поэтов, новости из стран Африки, информацию о значительных международных событиях, а также сомалийскую музыку. После установки дополнительной аппаратуры радиопередачи на коротких волнах можно было принимать практически во всех городах и населенных пунктах Сомали⁴⁸.

Группы устного вещания, участвовавшие в операции «Возрождение надежды», решали различные по характеру и объему задачи. С помощью громкоговорителей распространялись обращения с призывами к боевикам сложить оружие и сдаться в плен, инструкции по обеспечению дорожного движения, раздаче продовольствия и т. д. Командиры подразделений морской пехоты включали использование групп устного вещания в планы своих действий по обеспечению безопасности в г. Могадишо. Например, в середине января 1993 года в ходе очистки части города, известной как «аргентинский рынок оружия», группы информировали об этом местных жителей, что способствовало обеспечению содействия. Группы использовали контакты с местными жителями для оценки степени безопасности обстановки и добывания информации в интересах ведения психологических операций. Группы устного вещания, общаясь с деревенскими старейшинами и религиозными авторитетами, спо-

способствовали усилению пропагандистского воздействия печати и радиопропаганды.

Серьезной проблемой в Сомали была опасность подрыва на минах. Во время операции «Возрождение надежды» от них погибли и были ранены несколько человек из контингента ООГС, а также многие сомалийцы. Поэтому специалисты ПсО распространяли плакаты и помещали материалы в газете «Раджо», предостерегающие о личной опасности. Органами ПсО были изданы красочные брошюры с объяснениями правил первой помощи пострадавшим от мин, способов выхода с минного поля, плакаты с изображением наиболее часто встречающихся мин. На каждом издании имелась надпись: «Не прикасайтесь к минам, сообщайте о них!» Данную продукцию получали командиры многонациональных сил, их копии на английском языке использовались для обучения войск. Листовки, брошюры и плакаты информировали жителей Сомали о выполняемых программах. Кроме того, в них содержались предложения о сотрудничестве, просьбы сообщать о местах возможного расположения мин.

Всего в ходе операции «Возрождение надежды» было создано, отпечатано и распространено около 37 вариантов листовок и более 10 видов брошюр и плакатов. На центральные и южные районы Сомали было сброшено свыше 7 миллионов листовок. Оперативной группой ПсО было выпущено 116 номеров газеты «Раджо». Восемь групп устного вещания оказывали поддержку командирам и 2 раза в сутки доносили новости до всех жителей⁴⁹.

Однако несмотря на многочисленность и разнообразие мероприятий ПсО и успех консолидирующей пропаганды в США, действия в Сомали являются примером неудачного проведения информационно-психологического обеспечения миротворческой операции. По оценке экспертов причины недостаточной эффективности ПсО заключались в следующем:

- специалисты психологических операций пытались перенести опыт, полученный в зоне Персидского залива, на совершенно иную обстановку в стране, где велась гражданская война;
- военнослужащие США плохо знали культурные, религиозные традиции и обычаи населения страны, а у аппарата

- ПсО отсутствовал опыт работы в условиях уникальной по своему масштабу акции;
- не было достаточного количества специалистов, владеющих местным языком.

В результате США не удалось добиться понимания и поддержки целей операции «Возрождение надежды» со стороны населения и основных вооруженных группировок. Об этом свидетельствовал рост антиамериканских настроений в ряде районов страны. В ходе боевых действий в Сомали погибло свыше 130 военнослужащих многонациональных сил и большое количество мирных жителей, фактически напрасно было израсходовано 2 миллиарда долларов.

Администрация президента Б. Клинтона, проанализировав психологические операции в Сомали, сделала соответствующие выводы. Первым шагом по устранению выявленных недостатков стала теоретическая разработка действий сил и средств ПсО в так называемых «миротворческих операциях». В результате появился устав FM-100-23 «Миротворческие операции», опубликованный министерством сухопутных войск в декабре 1994 года. В соответствии с ним специалисты психологических операций не только осуществляют информационно-пропагандистское обеспечение миротворческих операций, но и играют важную роль в процессе формирования местных временных властных структур. Кроме того, произошел пересмотр сроков начала психологических операций, которые теперь начинаются уже в мирное время, активизируются в угрожаемый (особый) период и в полной мере разворачиваются в ходе боевых действий.

После неудачной миротворческой операции в Сомали администрация президента Б. Клинтона стремилась провести акцию по «восстановлению демократии» в Гаити максимально бескровным путем и с минимальными материальными затратами. Важное значение при этом придавалось психологическим операциям. Поэтому для осуществления руководства ими в июне 1994 года при совете национальной безопасности США была образована межведомственная рабочая группа по ПсО, в которую вошли штабные офицеры из оперативного управления комитета начальников штабов, представители госдепартамента, ЦРУ, ЮСИА, других заинтересованных ведомств. Задачами ее являлись еженедельное

определение главных тем пропагандистского воздействия на мировую общественность и население Гаити, координация действий различных организаций при планировании и проведении психологических операций.

Важная роль отводилась команде военно-информационной поддержки, сформированной из специалистов 4-й группы ПсО и гражданских лингвистов, владеющих креольским языком. Она была переброшена с военной базы Форт-Брэгг (штат Северная Каролина) в Вашингтон. Эта команда, действуя в тесном контакте с находившимися в изгнании президентом Гаити Ж. Б. Аристидом и его сторонниками, уже через 5 часов приступила к подготовке радиопрограмм и листовок. Население острова при этом было разделено на 20 групп объектов операций, каждую из которых предполагалось подвергнуть дифференцированному психологическому воздействию. Специалисты ПсО организовали студию для записи ежедневных обращений Аристида к населению страны и создали две радиостанции — «Радио Демократия» (впоследствии преобразована в «Радио и телевидение Демократия») и «Радио Средние волны 940» (для сдерживания массовой эмиграции беженцев с Гаити в США и на американскую военную базу Гуантанамо на Кубе). Все подготовленные материалы утверждались межведомственной рабочей группой по психологическим операциям при совете национальной безопасности⁵⁰.

Прямое вещание на Гаити программ «Радио Демократия» началось за два месяца до военной операции с самолетов EC-130E «Коммандо Соло» из состава 193-й авиагруппы специальных операций национальной гвардии ВВС США, оборудованных радио- и телепередающей аппаратурой. Ежедневно проводилось по два сеанса радиовещания (4.00—8.00 и 16.30—22.00). Передачи начинались с крика петуха — символа партии президента Аристида. Для увеличения потенциальной аудитории на территории Гаити было распространено до 10 тысяч транзисторных приемников с фиксированными частотами, настроенными на «Радио Демократия».

В подготовительный период при проведении ПсО значительное место отводилось легитимации (признание или подтверждение законности каких-либо действий или прав) готовящегося военного вторжения США в Гаити в глазах мировой общественности и населения самого острова. Тон при

этом задавали Президент США, министр обороны и другие представители американской администрации в выступлениях по телевидению, на пресс-конференциях и различных национальных и международных форумах и встречах. В результате такой массовой информационно-психологической кампании Соединенные Штаты добились поддержки своих действий. Принятая в июле 1994 года Советом Безопасности ООН резолюция № 40 санкционировала создание многонациональных сил для отстранения от власти военных в Гаити. Также постоянно оказывалось интенсивное психологическое давление на руководителей гаитянского военного режима: для прессы и телевидения была организована «утечка информации» о планах Пентагона по высадке на остров, о передвижениях и концентрации американских войск, авиации и флота. По каналам ЦРУ в Гаити распространялись слухи, дискредитирующие лидеров военной хунты, в частности о том, что они готовят тайное бегство с острова с награбленными богатствами.

Офицеры разных уровней были привлечены к планированию операции «Поддержка демократии» на самых ранних стадиях, что позволило интегрировать психологические операции в планы всех привлекаемых соединений и частей видов вооруженных сил и скоординировать их деятельность.

Для непосредственной информационно-психологической поддержки сил вторжения в Гаити было создано объединенное оперативное формирование ПсО, в котором насчитывалось 230 военнослужащих и гражданских специалистов из состава 1-го регионального батальона общей поддержки психологических операций, 9-го батальона тактических ПсО и батальона подготовки и распространения материалов 4-й группы ПсО сухопутных войск, а также переводчиков креольского языка от всех видов вооруженных сил США. Объединенное оперативное формирование ПсО подчинялось командующему объединенными силами вторжения через начальника оперативного отдела штаба. Организационно оно состояло из штаба, центра разработки пропагандистских материалов, подразделений тактических ПсО (23 мобильных звуковещательные станции), типографского взвода, мобильной радиостанции, подразделений обеспечения и обслуживания, а также приданных ему самолетов EC-1 ЗОЕ «Ком-

мандо Соло» из состава 193-й авиагруппы специальных операций национальной гвардии ВВС США.

Всем основным группировкам сил вторжения придавались из состава объединенного оперативного формирования психологических операций поддерживающие их подразделения ПсО, включавшие группы управления и координации и тактические подразделения ПсО непосредственной поддержки с необходимыми техническими средствами. Всего было создано одно подразделение психологических операций дивизионной поддержки, шесть — бригадной поддержки и 23 звуковещательные команды.

Активность ПсО возрастала по мере приближения дня начала операции — 19 сентября 1994 года. Самолеты ВВС США MC-130 «Комбат Тэлон» 12 и 13 сентября сбросили на населенные пункты Гаити несколько сотен тысяч листовок, напечатанных в красно-синих цветах ее национального флага, с призывами к гражданам всячески содействовать предстоящей высадке американских войск и возвращению законного президента страны, не допускать актов насилия и беспорядков. Листовки также убеждали гаитянских военнослужащих оставаться в казармах и не оказывать сопротивления многонациональным силам. С борта самолетов EC-1 ЗОЕ помимо радиопрограмм транслировались короткие телепередачи по национальному телевидению.

19 сентября за несколько часов до высадки американских войск специалисты ПсО облетели на вертолетах, оборудованных звуковещательными установками, прибрежные районы, сообщая о достигнутой договоренности с хунтой о мирной передаче власти и прибытии войск США. Непосредственно перед высадкой первых подразделений морской пехоты начали активную работу в местах скопления населения тактические команды ПсО на автомобильных звуковещательных станциях, переброшенные вертолетами с десантных кораблей и авианосца «Америка». Они призывали граждан сохранять спокойствие и не мешать движению войск, получали и докладывали командованию достоверную информацию об обстановке в различных районах острова и о настроении людей, что позволяло оперативно реагировать на возникающие проблемы.

По оценке командующего объединенной оперативной группировкой вооруженных сил США в Гаити генерал-лей-

тенанта Г. Шелтона, благодаря эффективным действиям подразделений психологических операций ввод американских войск в Гаити прошел точно по плану и без потерь. В дальнейшем основные усилия подразделений ПсО были направлены на предотвращение вооруженных столкновений между сторонами Аристиды и функционерами свергнутого военного режима, разъяснение населению сути миссии американских войск на острове, содействие в поддержании общественного порядка, подготовку возвращения в страну президента Аристиды и борьбу с дезинформацией, распространяемой представителями военной хунты. Одним из важных направлений деятельности подразделений психологических операций стала также информационная кампания в поддержку акции «деньги за оружие», которая имела значительный успех. Местные жители сдали несколько тысяч единиц оружия и большое количество боеприпасов.

Учитывая массовую неграмотность населения Гаити, формирования ПсО основными формами информационно-психологического воздействия избрали устную пропаганду и радиовещание. Всего за время операции «Поддержка демократии» тактические команды ПсО провели 760 выездов на автомобильных звуковещательных станциях и совершили 67 вылетов на вертолетах, оснащенных мощными звуковещательными системами, для воздействия на жителей труднодоступных горных и других отдаленных районов. После того как американские войска взяли под свой контроль национальное радио и телевидение, стали регулярно передаваться программы «Радио и телевидение Демократия». В то же время подразделениями объединенного оперативного формирования ПсО печатались и распространялись в большом количестве листовки, карточки и другие материалы в основном иллюстративного характера с разъяснением правил поведения во время митингов и демонстраций, призывами оказывать содействие военнослужащим США и многонациональных сил, а в последующем и прибывающим им на смену войскам ООНС⁵¹.

Новой формой психологического воздействия оказалась раздача населению, и особенно молодежи, футбольных мячей, наклеек, маек, значков, плакатов и т. д. с символикой и надписями, пропагандирующими отказ от насилия, сотрудничество с американскими войсками и лояльность по отношению к за-

конному правительству. Также весьма удачным явилось и то, что в ходе подготовки к встрече президента Аристида специалисты ПсО даже нашли местного композитора, написавшего песню «Да здравствует мир!», которую затем постоянно передавали по радио и через звуковещательные станции.

В итоге подразделениям психологических операций удалось создать благоприятную обстановку для беспрепятственного «триумфального» возвращения на родину президента Аристида. Затем в течение месяца регулярные подразделения ПсО продолжали консолидирующие психологические операции, нацеленные на сплочение населения Гаити вокруг президента и пресечение возможных беспорядков и актов мести политическим противникам. Военное руководство высоко оценило деятельность аппарата психологических операций вооруженных сил США в Гаити. В ходе действия контингента вооруженных сил США в Гаити осенью 1994 года был убит только один американский военнослужащий, а количество жертв среди населения удалось свести к минимуму. По оценкам американских экспертов операция «Поддержка демократии» является примером успешного проведения ПсО в конфликтах низкой интенсивности. Ее опыт американское руководство учло при проведении информационно-психологического обеспечения военного контингента США, входящего в состав международных сил по выполнению соглашения СВС в Боснии и Герцеговине.

Информационно-психологическое обеспечение этой миротворческой операции началось еще до ввода войск, когда по официальным и дипломатическим каналам, через СМИ администрация Б. Клинтона настойчиво убеждала своих граждан и мировую общественность в необходимости урегулирования боснийского конфликта. В рамках проводимой с января 1996 года миротворческой операции «Совместные усилия» для поддержки оперативной группы «Орел», дислоцирующейся в северо-восточной части Боснии, основу которой составляет 1-я американская бронетанковая дивизия, из США были переброшены подразделения 4-й группы, сведенные в оперативное формирование психологических операций (ОФПсО).

Его основными задачами являлись: создание благоприятной обстановки для проведения миротворческой операции и

действий контингентов СВС в Боснии и Герцеговине, доведение до конфликтующих сторон и гражданского населения информации о миссии и намерениях сил по выполнению соглашений, обеспечение лояльности и сотрудничества с ними местных властей и жителей⁵².

В оперативное формирование ПсО входили: штаб, подразделения 6-го регионального батальона (обеспечивают работу центра разработки пропагандистских материалов на сербско-хорватском языке), 9-го батальона (тактические команды ПсО на мобильных звуковещательных станциях), батальона подготовки и распространения материалов психологических операций, располагающего соответствующей полиграфической, радио- и телепередающей техникой. Личный состав ОФПсО был усилен лингвистами, владеющими сербско-хорватским языком, и военнослужащими США — выходцами из бывшей Югославии. Кроме того, американским командованием были наняты в качестве переводчиков и дикторов местные жители, владеющие английским языком.

По оперативной организации ОФПсО состоял из подразделения дивизионной поддержки (осуществлял подготовку радио- и телепередач и распространение листовок) и трех подразделений бригадной поддержки (вели звуковещание и осуществляли непосредственные контакты с представителями конфликтующих сторон). Дополнительно к решению задач по созданию благоприятной для СВС психологической обстановки привлекали части и подразделения по работе с гражданским населением резерва сухопутных войск США. Общую координацию их действий осуществляли отдел военно-гражданских отношений штаба американского контингента СВС. В качестве объектов психологического воздействия рассматривали местные власти и военные формирования, гражданское население, различные неправительственные организации, беженцев и перемещенных лиц.

Основными формами информационно-психологического воздействия ОФПсО являлись: радиопропаганда (через специально развернутую радиостанцию «Радио IFOR»), печать (распространение листовок, буклетов, плакатов, газет, журналов), устная пропаганда (встречи с представителями конфликтующих сторон, беседы с местным населением, звуковещание).

Особую роль в деятельности органов ПсО США в Боснии играла газета «Гласник мира» («Вестник мира»), издаваемая подразделением ОФПсО при штабе 1-й бригады 1 брtd на американской военной базе в г. Тузла. Газета выпускалась на сербско-хорватском языке (одна полоса на латинице, другая на кириллице, в середине — вкладыш на английском языке с кратким изложением содержания газетных полос). В агитационно-пропагандистских материалах оперативная группа «Орел» декларировала твердые намерения добиваться выполнения мирных соглашений по Боснии и всеми средствами защищать своих военнослужащих от возможных нападения, подчеркивала беспристрастность СВС по отношению к конфликтующим сторонам и мирному населению, доводила до мирных жителей распоряжения командования СВС и информацию о порядке передачи территорий под контроль другой стороны и т. д. Важное место в работе специалистов психологических операций занимала подготовка листовок и других материалов, предупреждающих местное население о минной опасности и содержащих инструкции по обращению со взрывоопасными предметами⁵³.

Большое внимание органы ПсО отводят работе с местными и иностранными представителями средств массовой информации. В зоне ответственности оперативной группы «Орел» постоянно находилось от 1000 до 2000 журналистов, направленных сюда из разных стран, чтобы рассказать и показать, как разрешился этот конфликт. Пентагон, вместо того чтобы лишить представителей СМИ возможности попасть в район боевых действий или ограничить их передвижение, как это было во время вторжений на Гренаду (1983), в Панаму (1990) и в ходе войны в зоне Персидского залива (1991), стремился расширить присутствие журналистов настолько, насколько это возможно с учетом соображений их безопасности. Задача специалистов ПсО заключалась в том, чтобы, работая индивидуально с каждым из них, содействовать благоприятному для американских частей и подразделений освещению их миссии на Балканах и формированию мирового общественного мнения в нужном для Соединенных Штатов направлении. Этот опыт был затем использован при информационном обеспечении акции войск НАТО в крае Косово и нанесении ударов по Югославии в конце 1990-х годов.

По оценке командования американского контингента СВС в Боснии, ОФПсО благодаря предпринимаемым усилиям в значительной мере способствовало эффективному выполнению задач, позволяло избегать острых конфликтов между бывшими воюющими сторонами и содействовало поддержанию высокого престижа и позитивного имиджа американских военнослужащих.

Таким образом использование сил и средств ПсО в миротворческой деятельности и проводимых в ее рамках военных операциях и мероприятиях по оказанию помощи показали высокую результативность и уникальные возможности психологических операций, подтвердили их возрастающую роль в текущих и будущих конфликтах низкой интенсивности и операциях, отличных от войн. Командование вооруженных сил США отводит значительную роль информационно-психологическому обеспечению предпринимаемых акций. Ведение информационно-психологических кампаний накануне, в ходе и после завершения боевых действий считается неотъемлемой частью их планирования.

По взглядам американских специалистов, ПсО по обеспечению действий вооруженных сил в конфликтах низкой интенсивности могут осуществляться на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях. Причем на первом и втором к их организации и проведению помимо Министерства обороны привлекается вся «государственная машина психологической войны», включая соответствующие службы администрации президента США, совета национальной безопасности, государственного департамента, ЦРУ и других ведомств, а также информационное агентство ЮСИА и средства массовой информации. На тактическом уровне основная роль при проведении ПсО отводится регулярным подразделениям вооруженных сил США из состава 4-й группы психологических операций, а при необходимости из резервных компонентов. Особое внимание при этом уделяется четкой координации действий в соответствии с единым замыслом и планом.

Считается, что уникальные возможности ПсО в конфликтах низкой интенсивности и операциях, отличных от войны, позволяют решать такие ключевые проблемы, как создание благоприятной для действий войск (сил) психологической

обстановки, обеспечение поддержки общественного мнения, налаживание взаимопонимания и сотрудничества между противоборствующими сторонами и миротворческими силами, оперативное информирование населения о положении в районах конфликтов, противодействие слухам и дезинформации. Кроме того, части и подразделения ПсО располагают достаточно мощными и мобильными средствами для распространения необходимой информации, а наличие в них экспертов-лингвистов, знающих национально-психологические и культурные особенности народов других стран, помогает правильно учесть их при планировании действий войск.

Воздействуя на психику и поведение противостоящей стороны, ПсО способны значительно повысить эффективность действий войск, снизить потери военнослужащих и мирного населения. В полевом уставе сухопутных войск США FM 33-1 «Психологические операции» утверждается, что «успех в решении этих задач (в конфликтах низкой интенсивности. — *Автор.*) достигается главным образом за счет проведения психологических операций». Аналогичное мнение выражают на страницах печати и многие высокопоставленные американские военные. В связи с этим характерно высказывание командира 1-й дивизии морской пехоты США генерал-лейтенанта Э. Зинни, руководившего операцией «Объединенный щит» по эвакуации многонациональных миротворческих сил из Сомали в феврале 1995 года, который заявил: «В настоящее время я больше волнуюсь о психологических операциях и работе с гражданским населением, чем о системе огня и маневре».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Зарубежное военное обозрение. 1997. № 2. С. 46.

^{1a} До этого в военной теории США после Второй мировой войны западные специалисты выделяют два периода, в которых по-разному оцениваются войны. 1945 год — середина 50-х годов — господство концепции «тотальной войны», середина 50-х — начало 80-х годов — были в практике концепции «всеобщей войны» и «ограниченной войны».

² См.: Военная мысль. 1992. № 5. С. 5.

³ Там же.

- ⁴ Барынькин В. М. Оценка эффективности мер по разрешению военных конфликтов // Военная мысль. 1997. № 3. С. 2.
- ⁵ Там же. С. 4—5.
- ⁶ См.: Ограниченная война в Корее. М., 1956. С. 356.
- ⁷ Там же. С.
- ⁸ Sandler S. Army Psywarriors: a History of U.S. Army Psychological Operations // Special Warfare. Vol. 4. Winter 1991. P. 38—41.
- ⁹ Ограниченная война в Корее. С. 286.
- ¹⁰ Там же. С. 287.
- ¹¹ Там же.
- ¹² ЮСИА создано в 1953 году, в 1977-м было преобразовано в Управление по международным связям — УМС, в 1982-м возвращено старое название.
- ^{12a} См.: Волкогонов Д. А. Оружие истины. М., 1987. С. 21.
- ^{12b} См.: Communicating with Vietnamese Through Leaflets. Saigon, 1968.
- ¹³ См.: Зарубежное военное обозрение. 1989. № 3. С. 11.
- ^{13a} John M. Collins. Special operations forces. Washinton. 1996. P. 9—13.
- ¹⁴ См.: Живейнов Н. И. Операция PW. М., 1966. С. 283—284; Волкогонов Д. А. Оружие истины. М., 1987. С. 51.
- ¹⁵ Terry W. Swords Lightning: special forces and the Changing face of Warfare. London—Washinton—New York. 1997. P. 135—136.
- ¹⁶ Paddocr A. N. PSYOP in the early 1980 s: The Way We Were // Special Warfare. 1993. P. 29—33.
- ¹⁷ Мгимов Ю. США: Психологические операции в локальных войнах // Зарубежное военное обозрение. 1985. № 3. С. 4—5.
- ¹⁸ Там же. С. 7.
- ¹⁹ Плотников Н. Д. Информационно-пропагандистское обеспечение операций и боевых действий в военных конфликтах // Военная мысль. 1997. № 1. 65—67.
- ²⁰ Summe J. N. Total PSYOP Integration: Reorganizing Active and Reserve—Component PSYOP Torces // Special Warfare. 1992. October. P. 10—12.
- ²¹ Михайлов Б., Пашко В. Психологические операции вооруженных сил США // Зарубежное военное обозрение. 1993. № 8. С. 8—10.
- ²² Paddoc A. N. PSYOP in the Early 1980-s... P. 12.
- ²³ United States: Special Operations Command. Psychological Operations in Panama During Operations Just Cause and Promoted Liberty // Mac Dill AFB, Fl. 1994. March. P. 30—31.
- ²⁴ Parker J. Training the PSYOP Force // Special Warfare. 1992. October. P. 2—5.
- ²⁵ Martin C. A. Twilight warriors: Inside the Worlds Special Forces.

New York. 1997. P. 276—297.

²⁶ Summe J. N. PSYOP Support to Operation Desert Storm // Special Warfare. 1992. October. 1992. P. 6—9.

²⁷ Taylor P. M. War and the media. Propaganda and Persuasion in the Gulf War. Manchester ets. P. 266—278.

²⁸ Jones J. B. Psychological Operations in Desert Shield Desert Storm and Urban Treedoom // Special Warfare. 1994. P. 22—29.

²⁹ Adolph R. B. PSYOP: Gulf War Multiplier // Army Vol. 42. 1992. December. P. 16—22.

³⁰ Johnson R. D. PSYOP, the Gulf Paper War. Psychological Warfare Operations against Iraqi military and Civilian Establishments between November 1990 and February 1991. Titusville, FL: R. D. Johnson. 1992.

³¹ Там же.

³² Tones T. B. Psychological Operations... P. 26.

³³ Там же.

³⁴ См.: Бабич В. Действительные результаты войны в Персидском заливе // Зарубежное военное обозрение. 1997. № 9. С. 30—34.

³⁵ См.: Васильев Г. Операция вооруженных сил США «Дезерт шилд» // Зарубежное военное обозрение. — 1991. № 1. С. 5—11. Васильев Г. Военная операция «Буря в пустыне» // Зарубежное военное обозрение. — 1991. № 3. С. 10—14.

³⁶ См. Гусев А. Итоги войны в зоне персидского залива // Зарубежное военное обозрение. 1991. № 6. С. 6—8.

³⁷ См.: Печоров С. Дезинформация как метод психологической войны // Зарубежное военное обозрение. 1991. № 9. С. 3—9.

³⁸ Волковский Н. Л. Силы специальных операций. СПб. 1997. С. 42—43.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Summe J. N. PSYOP Support... 8—9.

⁴² Jonnes J. B. Psychological Operations... P. 27—28

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: Зарубежное военное обозрение. 1995. № 7. С. 12—14.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Borchini C., Borstelmann M. PSYOP in Somalia: The Voice of Hope // Special Warfare. 1994. October. P. 2.

⁴⁸ Егоров А. Информационно-психологическое обеспечение операции ООН в Сомали // Зарубежное военное обозрение. 1995. № 12. С. 9—11.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Михайлов Б. Психологические операции вооруженных сил США в конфликтах низкой интенсивности // Зарубежное военное обозрение. 1996. № 9 С. 2—6.

ГЛАВА XV

УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫМ ВОЗДЕЙСТВИЕМ В СОВРЕМЕННЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Руководство информационно-психологическим обеспечением конфликтов в США

Одним из условий эффективного использования СМИ Соединенными Штатами Америки в конфликтах последних десятилетий является то, что в управлении информационно-психологическими акциями задействованы американские военно-политические руководители самого высокого уровня.

В США решение о ведении информационно-психологических операций принимает президент. Делает он это на основе рекомендаций и разработок, подготовленных Советом национальной безопасности (СНБ), который осуществляет общее руководство информационно-психологическим обеспечением. Закон США четко определяет функции СНБ, которые заключаются в предоставлении рекомендаций президенту по вопросам согласования внутренней, внешней и военной политики, касающихся национальной безопасности, чтобы военные и другие правительственные структуры могли осуществлять более эффективное сотрудничество¹.

СНБ является совещательным органом (часто его называют консультативным). Его председатель — президент, а постоянные члены — вице-президент, государственный секретарь, министр обороны. В качестве постоянных советников в работе СНБ принимают участие директор Центральной разведки и председатель комитета начальников штабов вооруженных сил США. Традиционно в его состав входят также и некоторые другие члены кабинета и высокопоставленные сотрудники администрации. Решение по каждой кан-

дидатуре принимает лично президент. Например, после вступления в должность Б. Клинтона в состав совета были введены министр финансов, постоянный представитель США при ООН, помощник президента по экономической политике, руководитель аппарата сотрудников Белого дома. Членом СНБ является также помощник президента по национальной безопасности, который возглавляет аппарат совета и отвечает за подготовку его заседаний. Кроме того, на заседания могут приглашаться руководители других министерств и ведомств для обсуждения вопросов, которые находятся в их непосредственной компетенции.

Основные направления работы СНБ соответствуют его организационной структуре, которая является весьма динамичной и изменяется в зависимости от обстановки внутри страны и за рубежом. На рубеже XX—XXI веков совет включает различные отделы регионального назначения (Ближнего Востока и стран Южной Азии, стран Африки, стран Азии, европейских государств, по делам России и стран СНГ, латиноамериканских государств) и функционального предназначения (глобальных проблем и международных отношений, международных программ, международных экономических отношений, военной политики и контроля над вооружением, разведки, по делам ООН), а также вспомогательный состав и технических специалистов².

В СНБ работает около 200 экспертов по широкому кругу вопросов, в том числе в области обороны, разведки, контроля над вооружениями, пришедших в СНБ из госаппарата, Министерства обороны и ЦРУ. Многие из них являются как бы прикомандированными: в тех организациях, фирмах и учреждениях, где они работали раньше, за ними закреплены рабочие места и автоматически сохранены возможности дальнейшего продвижения по службе, получения очередных званий, а также пользования системой социальных льгот, положенных государственным служащим. Зарплату они тоже получают в своих ведомствах, а в случае смены администрации им гарантировано возвращение на прежнее место.

В аппарат СНБ поступает оперативная и аналитическая информация из различных федеральных ведомств, в первую очередь Госдепартамента, Министерства обороны и ЦРУ. Сотрудники совета анализируют ее, суммируют оценки и выводы и на основе этого готовят доклады и вырабатывают реко-

мендации президенту, которые могут стать предметом обсуждения на заседаниях. Директор ЦРУ, занимающий в администрации пост директора центральной разведки и курирующий все «разведывательное сообщество» США, снабжает СНБ всей необходимой информацией. В состав «разведывательного сообщества» входят ЦРУ, ФБР, разведывательные службы ряда гражданских ведомств (Госдепартамента, Министерства финансов, Министерства энергетики, Управления по борьбе с наркотиками), а также разведывательные органы Пентагона — Разведывательное управление Министерства обороны (РУМО), Управление национальной безопасности (УНБ), разведки министерств армии, ВВС и ВМС, Национальное управление воздушно-космической разведки (НУВКР). По объему и важности добываемой информации военная разведка фактически является основным звеном «разведывательного сообщества».

Директор ЦРУ, занимающий по совместительству должность директора центральной разведки, подчинен непосредственно президенту США и СНБ, координирует работу разведслужб по сбору, обработке и распределению добываемой информации. При директоре центральной разведки действует штаб, который согласно приводимым в печати данным, состоит примерно из 250 откомандированных в его состав сотрудников военной разведки. В системе директора центральной разведки имеется также совет национальной разведки, который занят в основном подготовкой национальных разведывательных оценок для высшего военно-политического руководства страны. Совет состоит из группы так называемых офицеров национальной разведки — специалистов, каждый из которых отвечает за подготовку аналитических материалов по своему географическому региону или разделу военно-политической и экономической деятельности разведываемых стран на базе данных, поступающих от всех разведорганов США³.

В ноябре 1994 года в США был рассекречен обзор аналитической службы по советским делам от 25 апреля 1991 года и совета национальной разведки от 23 мая 1991 года⁴, В этих документах излагались прогнозы в отношении СССР, в которых их авторы предсказывали его развал и вероятные варианты дальнейших событий на территории бывшего Советского Союза.

Отмечается, что апрельский обзор стал следствием острых разногласий среди правительственных советологов. Советская служба ЦРУ еще с конца лета 1989 года предрекала, что реформистская политика М. С. Горбачева потерпит крах из-за ее бессистемности и нерешительности, предлагала Белому дому сделать ставку на Б. Н. Ельцина, в то время всего лишь одного из лидеров оппозиции. Однако с этого времени всё большая часть администрации и, самое главное, президент Дж. Буш начали видеть в М. С. Горбачеве единственного гаранта перемен. Членов администрации пугала непредсказуемость и отдельные черты характера Б. Н. Ельцина. Апрельский доклад был еще одной попыткой экспертов переломить сложившееся в верхах мнение: документ был разослан всем членам администрации и многим комитетам конгресса. Однако обзор аналитической службы вызвал раздражение высокопоставленных лиц в Вашингтоне. Так, прочитав доклад, помощник президента по национальной безопасности обвинил аналитиков в «проельциновском уклоне» и отверг разделение сил вокруг М. С. Горбачева на реформаторов и традиционалистов как «упрощенный подход»⁵. Августовский путч 1991 года едва не застал Белый дом врасплох, хотя аналитики из «разведывательного сообщества» США еще с сентября 1989 года указывали на возможность такого поворота событий⁶.

В майском докладе совета национальной разведки США тезисы, изложенные в предыдущем документе, звучат более категорично. В нем особенный интерес вызывает оценка положения М. С. Горбачева. С точки зрения ближайшей политической перспективы, по мнению аналитиков ЦРУ, тот был обреченной фигурой, способной в лучшем случае сыграть переходную роль в процессе перераспределения власти от центра к республикам. «Даже если Горбачеву удастся удержаться, его преобладающая роль в советской политической системе сошла на нет и больше не возродится», — пишут они. Что касается самой политической системы в СССР, то она обречена и в течение года, «вероятнее всего, уже произойдет процесс фактического перехода власти к традиционалистам или, что еще вероятнее, к реформаторам». В докладе рассматриваются перспективы военного переворота и трудности, с которыми могут столкнуться в этом случае тра-

диционалисты; подробно расписывается сценарий распада старого Союза с утверждением в ряде республик Средней Азии и Кавказа авторитарных режимов. Прошедшее время показало, что прогноз аналитиков «разведывательного сообщества» США был довольно точным⁷.

Появление на свет этих и других аналитических документов из недр американской сверхсекретной организации показывает, что при подготовке подобных докладов Совету национальной безопасности США учитываются следующие основные факторы:

- значение рассматриваемой проблемы для интересов национальной безопасности, ее влияние на внутривнутриполитическую ситуацию и позиции США за рубежом;
- последствия того или иного варианта развития событий, а также возможный ущерб в политической, военной, экономической и других областях в кратковременной и долгосрочной перспективе;
- точка зрения федеральных ведомств;
- мнения Конгресса и различных групп общественности внутри страны;
- позиции иностранных государств;
- наличие возможностей и ресурсов для решения проблем.

Различные отделы СНБ одновременно ведут подготовку большого количества документов, которые поступают на стол президенту или его помощнику по национальной безопасности в зависимости от их значимости, и затем на их основе вырабатывается стратегия и тактика действий.

Газета «Вашингтон пост» в качестве примера приводит порядок работы совета в январе 1993 года, когда он приступил к изучению 29 кризисных ситуаций и международных проблем, чтобы выработать «последовательную американскую политику по отношению к миру»⁸. Документы, затребованные президентом Б. Клинтон, были разделены на три основные группы, и их классификация отражала внешнеполитические приоритеты администрации. Четыре исследования — по Гаити, Ирану, Сомали и бывшей Югославии — были отнесены к категории самых срочных и подлежали немедленной подготовке. Из них высший приоритет был отдан Балканам, которые стали доминирующей темой на совещании главных внешнеполитических советников Клинтона. В газете отмечалось, что эти исследова-

ния предназначались для того, чтобы, во-первых, дать возможность президенту и его помощникам выработать стратегию, отвечающую требованиям внешнего мира, не принимая скоропалительных решений на основе неполной информации и не откладывая надолго рассмотрение острых проблем, а во-вторых, избежать непоследовательной политики, основанной на сиюминутных решениях тактического характера⁹.

В дополнение к этим четырем темам СНБ принял решение провести срочные межведомственные исследования нескольких других острых политических проблем, в том числе по урегулированию ближневосточного кризиса и нераспространению ОМП. Эти исследования необходимо было завершить в срок от десяти дней до месяца, а на подготовку материалов по темам, которые вошли в третью группу (в том числе о силах ООН по поддержанию мира и мерах по контролю над вооружением), давалось от полутора до двух месяцев.

Аппарат Совета национальной безопасности является единственной службой, имеющей возможность сводить воедино информацию правительственных ведомств по вопросам внешней политики и обороны, осуществлять их координацию в рамках исполнительной ветви власти, а затем представлять все варианты действий.

Решение по основополагающим вопросам развития потенциала психологических операций и использования сил и средств ПсО принимает президент — этим правом он наделен Конституцией США, представляющей ему широкие полномочия в области внешней политики и провозглашающей его верховным главнокомандующим вооруженными силами.

При проведении психологических операций президент руководит мероприятиями государственного (стратегического) уровня. Он утверждает соответствующие директивные документы, определяет цели предстоящей психологической операции в подготовительный период с началом операции и по ее окончании. Так, бывший Президент США Дж. Буш перед развязыванием конфликта в зоне Персидского залива подписал три директивы, определяющие порядок организации и ведения психологических операций на весь период кризиса, регламентирующих деятельность разведывательных служб, научно-исследовательских учреждений, занимающихся проблемами арабского мира, психологов и ряда армейских органов¹⁰.

Совет национальной безопасности, осуществляя общее руководство ПсО, направляет и координирует различные пропагандистские и вспомогательные акции Белого дома, Госдепартамента, Министерства обороны, Международного информационного агентства (ЮСИА), Агентства международного развития (АМР) и Центрального разведывательного управления (ЦРУ). Кроме данных органов, образующих официальную часть информационно-психологического аппарата, его важнейшими элементами являются независимые организации: многочисленные научно-исследовательские центры, фонды, общественные образования (комитеты, лиги и др.) частные средства массовой информации¹¹.

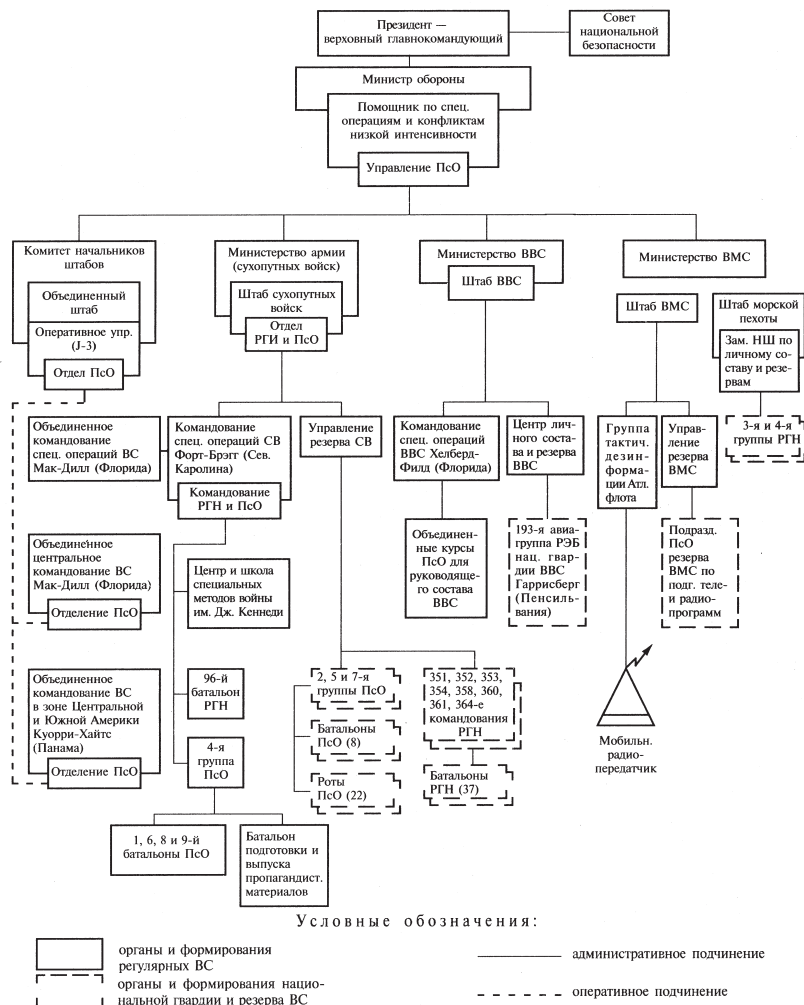
В 1990-е годы для планирования и направления деятельности различных организаций при проведении информационно-психологических операций при СНБ создаются межведомственные рабочие группы. Например, в июне 1994 года при Совете национальной безопасности США была образована межведомственная рабочая группа по ПсО, в которую вошли штабные офицеры из оперативного управления комитета начальников штабов, представители госдепартамента, ЦРУ, ЮСИА, других заинтересованных ведомств. Задачами ее являлись еженедельное определение главных тем пропагандистского воздействия на мировую общественность и население Гаити, координация действий различных организаций при планировании и проведении психологических операций.

Войска психологических операций

В рамках вооруженных сил организацию и руководство ПсО осуществляет министр обороны через своего помощника по специальным операциям и конфликтам низкой интенсивности. Последний курирует деятельность управления ПсО, функционирующего в составе аппарата Министерства обороны. В оперативном управлении (J-3) объединенного штаба КНШ имеется отдел ПсО, который координирует вопросы ведения психологических операций в интересах объединенных командований, а также оперативных объединений и соединений (см. схему).

Каждый вид вооруженных сил имеет свои силы и средства ПсО. Однако главный потенциал ведения психологичес-

Структура органов психологических операций (ПсО) вооруженных сил США

ких операций сосредоточен в сухопутных войсках. Они располагают регулярными формированиями ПсО, входящими в командование специальных операций сухопутных войск, в рамках которого в 1991 году создано командование по работе с гражданским населением (РГН) и ПсО, объединяющее соответствующие части и подразделения. Основным регуляр-

ным формированием ПсО сухопутных войск и одновременно ядром всей структуры ПсО вооруженных сил США является 4-я группа психологических операций (воздушно-десантная), дислоцированная в Форт-Брэгге (штат Северная Каролина). Ее девиз «Слово побеждает». Она включает управление, четыре батальона ПсО (1, 6, 8 и 9-й), подразделение (батальон) подготовки и выпуска пропагандистских материалов. В нем сосредоточены все типографские, радио- и телевизионные средства, состоящие на вооружении регулярных формирований ПсО сухопутных войск.

Первые три батальона регионально ориентированы. Так, 1-й предназначен для действий в зонах Атлантического океана, Центральной и Южной Америки, 6-й — в Европе и Африке, 8-й — в Тихоокеанском регионе (поддерживает также объединенное центральное командование вооруженных сил США), а 9-й объединяет все группы звуковещательных средств, предназначенные для поддержки частей сухопутных войск и морской пехоты.

Численность личного состава 4-й группы около 900 человек. Они изучают психологическую и социально-политическую обстановку в различных странах и их вооруженных силах, ведут аналитическую работу в интересах ПсО, обеспечивают готовность к ведению печатной, радио-, теле- и устной пропаганды, консультируют командный состав и штабы вооруженных сил по вопросам ПсО.

В Форт-Брэгге также дислоцирован 96-й батальон по работе с гражданским населением, обеспечивающий лояльное отношение населения и властей на захваченных территориях к американским войскам и военной администрации путем различных форм и методов воздействия. Численность личного состава около 200 человек.

4-я группа ПсО и 96-й батальон РГН являются мобилизационным ядром для частей и подразделений ПсО и РГН резерва армии, на которые приходится около 80 процентов всего потенциала вооруженных сил США в этой сфере. В резерве сухопутных войск имеются три штаба групп ПсО: 2-й (Кливленд, штат Огайо), 5-й (Вашингтон, федеральный округ Колумбия) и 7-й (Прессидио-оф-Сан-Франциско, Калифорния). Им подчинены восемь батальонов и 22 отдельные роты ПсО. В резерве находятся восемь командований РГН (351, 352, 353,

354, 358, 360, 361 и 364-е), включающие в общей сложности около 40 батальонов РГН.

Формирования ПсО созданы по модульному (секционному) принципу, что обеспечивает высокую гибкость их организационно-штатной структуры. Существует 27 типов функциональных команд. В зависимости от обстановки и стоящих перед ними задач формируются соответствующие части и подразделения ПсО. Команды подразделяются на три большие группы: штабные и управления; снабжения и обслуживания; оперативные.

В военное время предусматривается возможность создания в сухопутных войсках следующих формирований ПсО:

- группа общей поддержки, предназначенная для ведения ПсО в масштабе ТВД, может включать один или несколько батальонов по работе с военнопленными и батальон РГН;
- группа непосредственной поддержки, организующая и осуществляющая тактические ПсО на ТВД, состоит из батальонов и рот непосредственной поддержки из расчета один батальон на корпус, одна рота на дивизию и одна на отдельную бригаду.
- батальон общей поддержки (272—416 человек), предназначенный для проведения стратегических ПсО на ТВД, включает штаб, подразделения (роты и секции) пропаганды и разведки, тяжелую, среднюю и легкую типографии, радиостанцию в СВ- (до 150 км) и КВ-диапазонах, звуковещательные станции;
- батальон непосредственной поддержки (533 человека), осуществляющий тактические ПсО в интересах армейского корпуса, состоит из штаба, подразделений обеспечения и двух—пяти рот непосредственной поддержки;
- батальон по работе с военнопленными (188 человек), придаваемый бригаде военной полиции, имеет штаб, подразделения пропаганды и аудиовизуальных средств, среднюю типографию, киноустановки и звуковещательные станции;
- батальон консолидирующей пропаганды (по работе с гражданским населением, 330 человек), предназначенный для психологического воздействия в местах дислокации американских и союзных войск, действует в составе командований по работе с гражданским населением и включает штаб, две—пять рот, имеющих радио- и телередакции,

- подразделения эксплуатации местных радио- и телестанций, типографии и кинотеатры;
- рота непосредственной поддержки (около 90 человек), обеспечивающая боевые действия дивизии или отдельной бригады, состоит из управления и подразделений (взводов и секций) пропаганды, звуковещательных и аудиовизуальных средств, а также легкой типографии производительностью 500 тысяч листовок в сутки и 13 звуковещательных станций.

ВВС и ВМС США в мирное время не имеют собственных сил и средств ПсО и привлекаются в основном к оказанию поддержки сухопутным войскам в проведении психологических операций. В то же время отдельные подразделения их резервных компонентов располагают определенным потенциалом для осуществления психологических операций.

Так, в ВВС национальной гвардии США имеется 193-я авиагруппа РЭБ, базирующаяся в аэропорту Гаррисберг (штат Пенсильвания). На ее вооружении состоят самолеты ЕС-130Е, обеспечивающие трансляцию радио- и телепрограмм в интересах ПсО. Эта авиагруппа привлекалась к обеспечению психологических операций в ходе войны в Персидском заливе, где, по оценкам западных специалистов, успешно выполнила поставленные задачи.

ВМС США также имеют в составе резерва подразделения, способные готовить теле- и радиопрограммы на иностранную аудиторию. Кроме этого, группа тактической дезинформации Атлантического флота ВМС США располагает мобильным радиопередатчиком мощностью 10 кВт, который может быть использован в интересах ведения ПсО.

В резерве морской пехоты есть две группы РГН (3-я на Восточном побережье и 4-я на Западном), обеспечивающие проведение психологических операций.

Подготовка специалистов психологических операций осуществляется на базе единой учебной программы Министерства обороны США, предусматривающей обучение слушателей как в специальных учебных заведениях, так и на курсах. Курс основ ПсО введен в большинстве военных учебных заведений США, начиная с сержантских школ и кончая командно-штабными колледжами видов вооруженных сил.

Главными учебными заведениями, занимающимися подготовкой специалистов ПсО, являются центр и школа спе-

циальных методов войны имени Дж. Ф. Кеннеди в Форт-Брэгге. 3-й учебный батальон центра проводит обучение офицерского и сержантского состава по следующим направлениям ПсО: 1-я рота — специалисты по планированию, организации и осуществлению психологических операций в интересах поддержки войск и сил специального назначения, 2-я — специалисты по работе с гражданским населением, 3-я — военные политологи — специалисты по различным регионам мира со знанием соответствующих иностранных языков. При центре также действуют курсы по обучению сержантского состава основам ПсО и повышению квалификации в этой области. Кроме того, при школе специальных операций военно-воздушных сил в Хелберт-Филде (штат Флорида) функционируют объединенные высшие курсы ПсО для руководящего военного и гражданского персонала ВВС.

Также стало известным, что офицеры-специалисты по психологическим операциям проходили стажировку в ведущих СМИ США. Так в 1999 году Си-эн-эн приняла пятерых таких военнослужащих в качестве неоплачиваемых сотрудников, а Национальное общество радио — троих. Все они из 4-й группы психологических операций. Этот факт присутствия военных пропагандистов там, откуда передавались новости о конфликте в Косово, моментально вызвал шквал критики и породил вопросы относительно беспристрастности и независимости этих компаний^{11а}.

В середине 1990-х годов должности офицеров, занимающихся вопросами информационной войны (Infowar officers), введены в сухопутных войсках, на флоте и в ВВС США. В июне 1995 года. Национальный университет обороны в Вашингтоне осуществил выпуск первой группы специалистов в области и информационной войны.

Можно выделить следующие этапы развития идей американских военных стратегов по комплексному использованию информации в качестве средства вооруженной борьбы: в 1992 году вышли Директивы министра обороны США TS3600.1. «Информационная война», в 1991-м — Директива № 30 Объединенного комитета начальников штабов ВС США и в 1995-м — Устав ВС США FM 100-6 («Информационные операции»). Кроме того, отдельные аспекты информационного

противоборства регулировались периодически обновляющимся Уставом ВС США FM-31 («Психологические операции»).

Ведение психологических операций войсками (силами) предусмотрено практически во всех основных руководящих документах американских вооруженных сил. Так, полевой устав FM100-5 («Ведение операций»), в частности, гласит: «ПсО должны координироваться на всех уровнях: от ТВД до дивизии. Начальник оперативного отдела штаба несет ответственность за сочетание психологических и боевых операций».

В соответствии с уставом FM33-1 («Psychological Operations Field Manual № 33-1») основными задачами военных ПсО являются деморализация военнослужащих противника, склонение их к сдаче в плен, контрпропаганда и упреждение противника в проведении таких же операций, нейтрализация враждебно настроенного местного населения и формирование у него лояльного отношения к американским войскам, обострение противоречий в лагере противника и поощрение оппозиционной (диссидентской) деятельности на его территории, дезинформация.

Основные задачи психологических операций

В мирное время: дестабилизация внутривнутриполитического положения, ослабление экономических и общественно-политических структур в государствах, являющихся потенциальным противником; деморализация населения и армии, убеждение объекта воздействия в том, что США способны осуществить свои замыслы; стимулирование раскола между борющимися за власть влиятельными политическими группировками, поддержка оппозиционных политических сил; обострение недовольства среди населения противника, использование при этом политических, экономических, социальных, национальных, религиозных и иных трудностей.

В военное время: подрыв морально-боевого духа военнослужащих и стойкости населения противника, снижение за счет этого боевого потенциала его вооруженных сил; раскол единства народа и армии противника, усиление между ними разногласий, стимулирование недовольства среди военнослужащих; введение противника в заблуждение (участие в меро-приятиях дезинформации); побуждение населе-

ния стран, против которых ведутся боевые действия, к неповиновению законным властям; укрепление поддержки оппозиционных элементов в среде противника; обеспечение поддержки боевых действий своих войск населением противника, сведение к минимуму помех с его стороны.

По окончании боевых действий: формирование новых органов власти, армии и полиции, возобновление функционирования средств массовой информации; участие в выявлении скрывающихся военнослужащих противника, тайников с оружием, подпольных радиостанций, типографий; борьба с распространением слухов; разработка для новой администрации первоочередных политических, экономических, социальных, информационных и образовательных программ; распределение поступающей гуманитарной помощи.

Планирование и оценка эффективности ПсО

Достижение целей любой психологической операции, по мнению американских специалистов, во многом определяется тщательным планированием, которое должно быть долгосрочным, централизованным, гибким. Под этим понимается организация постоянного психологического воздействия на население и войска противоборствующей стороны, состоящего из непрерывных отдельных операций, проводимых под контролем высших военно-политических органов, с учетом конкретных условий.

Планирование психологических операций в вооруженных силах США представляет собой широкий комплекс мероприятий, включающий два этапа:

- изучение зарубежных стран и определение вероятных объектов психологического воздействия на их территориях (так называемые базовые исследования);
- разработка плана ведения конкретной психологической операции.

Первый этап, согласно американским уставам, начинается со сбора и анализа информационных материалов, к которым относятся:

- открытые печатные издания (книги, газеты, журналы и т. д.);

- официальные документы иностранных государств и американского правительства (законодательные акты, указы, ноты и т. д.);
- сообщения телеграфных агентств, радио и телевидения;
- сведения из ЦРУ, ФБР, политических отделов посольств (отчеты, справочники, перехваченные донесения, частные письма и дневники, фотографии, карты и т. д.);
- данные допросов пленных, перебежчиков, опроса населения на оккупированных территориях.

Информация обрабатывается по единой методике, кодируется, вводится в специально созданную для обеспечения психологических операций компьютерную систему и служит основой для последующего анализа.

Базовые исследования как в мирное, так и в военное время ведутся по унифицированной схеме и направлены на получение глубокой, всесторонней характеристики изучаемой страны с целью выявления наиболее уязвимых мест в ее политике, экономике, идеологии. В этих исследованиях находит отражение история развития государства, его место и роль в международных отношениях. Характеризуются правительство и оппозиционные группировки, раскрывается отношение различных слоев общества к его внешней и внутренней политике, особое место отводится вопросам, вызывающим недовольство в стране. Детально рассматриваются социально-экономическая структура общества, уровень образования населения, обычаи и нравы. Дается оценка программам социального развития. Подробно характеризуются религиозные группы населения.

При анализе экономики наряду с приведением основных показателей выделяются сведения об отношении народа к экономической политике правительства, ее слабые и сильные стороны. Рассмотрение военной организации государства, принципов строительства и комплектования вооруженных сил, оценка морально-политического состояния личного состава, сведения об иностранной военной помощи помещаются в отдельный раздел базовых исследований.

Значительное внимание уделяется анализу состояния культурного уровня населения, сведениям о средствах массовой информации, степени их влияния на различные слои общества, а также возможностям использования их в интересах США.

Первый этап планирования операции заканчивается перечислением наиболее уязвимых объектов психологического воздействия, среди которых могут быть классы общества, вооруженные силы, политические партии и группировки, общественные организации, религиозные общины и другие. На каждый из них оформляется рабочий бланк, в котором в лаконичной форме находят отражение следующие вопросы: национальные интересы США и задачи, решаемые в операции; морально-политическая устойчивость объекта воздействия; вероятные показатели оценки эффективности планируемой операции.

Второй этап планирования психологических операций, как указывается в уставах вооруженных сил США, направлен на непосредственную разработку конкретной операции для решения отдельной задачи, ограниченной по времени и месту проведения. Он включает оценку обстановки и разработку приложения к оперативному плану (боевому приказу) проведения психологической операции.

Оценка обстановки предусматривает изучение сил группировки противника, уточнение задач своих войск, определение возможностей частей и подразделений психологических операций, анализ технических средств пропаганды, учет времени проведения, прогноз ожидаемых трудностей и пути их устранения.

В приложении к оперативному плану освещаются следующие вопросы:

- характеристика личного состава войск противника, его морально-политическое состояние, благоприятные и неблагоприятные идеологические факторы, способные повлиять на ход операции;
- общая задача органам психологических операций, расчет сил и средств, выделяемых для их проведения, и сроки доклада вышестоящему командованию о достигнутых результатах;
- определение конкретного задания каждому подразделению психологических операций в интересах выполнения боевой задачи, поставленной в оперативном плане перед войсками на ТВД;
- основные объекты психологического воздействия, выбранные среди войск и населения противоборствующей стороны, и прежде всего те, по которым планируется нанесение ударов войск США и их союзников;

- цели американской политики в отношении государств, участвующих в военном конфликте, и задачи психологического воздействия, которые должны быть выполнены полностью или частично в поддержку действий войск США;
- факторы, которым необходимо придавать особое значение при проведении операций, тактика действий частей и подразделений психологических операций;
- организация взаимодействия указанных выше частей и подразделений, последовательность их действий, порядок материально-технического обеспечения¹².

Важным фактором достижения намеченных результатов считается учет особенностей проведения психологических операций. Американские специалисты различают следующие их виды: поддержка боевых действий войск; обеспечение закрепления американских войск на захваченных территориях; поддержка правительств союзных США стран при подавлении антиправительственных выступлений; обеспечение действий войск специального назначения США в тылу противника; обработка военнопленных и интернированных гражданских лиц; поддержка контингентов вооруженных сил США, привлекающихся к выполнению миротворческих и гуманитарных операций.

Операции по поддержке боевых действий войск на ТВД направлены, согласно американским наставлениям, на подавление морального духа противника и снижение его боеспособности. Находясь в постоянном контакте с командованием на ТВД и органами разведки, специалисты по ведению психологических операций обязаны непрерывно анализировать обстановку, вести систематический поиск новых объектов психологического воздействия. При этом считается, что независимо от вида боевых действий и успешности их выполнения войсками характер психологического воздействия должен быть наступательным, инициатива идеологического давления на противника должна сохраняться в руках американских военных психологов.

Особенности в организации психологических операций свойственны каждому виду боевых действий. Так, для подрыва морального духа и боеспособности личного состава войск противника, оказавшегося в обороне или окружении, предусматривается интенсивно распространять пораженче-

ские настроения с призывами сдаваться в плен. При этом имеется в виду привлечь внимание солдат противника демагогическими обещаниями хорошего обращения с военнопленными, оказания медицинской помощи раненым и т. д.

При ведении обороны основные усилия рекомендуется направлять на подрыв наступательного порыва войск противника, снижение его морального духа, особенно в отношении тех частей и подразделений, которые вклинились в боевые порядки американских войск или их союзников. При отступлении, маневре или смене своих войск части и подразделения психологических операций принимают участие в маскировке и остаются на месте до полного завершения отвода или маневра. В этот период времени они функционируют с обычной интенсивностью, чтобы не вызвать никаких подозрений у противоборствующей стороны.

Операции при закреплении войск США на захваченных территориях планируются как комплекс мероприятий по идео-логической обработке населения оккупированной страны, чтобы склонить его к активному сотрудничеству с администрацией американских оккупационных войск и обеспечить нормальную деятельность тыловых частей и подразделений в зоне коммуникаций театра военных действий. В период организации и ведения такого рода операций будут учитываться глобальные политические интересы США в стране не только на период военных действий, но и в послевоенное время¹³.

Уставы армии США требуют, чтобы специалисты из состава органов психологических операций заранее знакомились со средствами массовой информации противника (кинотеатры, радио, телевидение, типографии, театры и т. д.) и сразу же после оккупации отдельных районов территории противника организовывали их восстановление и функционирование. К формированию необходимых взглядов у местного населения предусматривается активно привлекать национальные кадры (известных художников, писателей, артистов, дикторов радио и телевидения).

Ведение операций по подрыву морального духа личного состава вооруженных сил и населения противника планируется осуществлять в тесном взаимодействии с марионеточными эмигрантскими правительствами, которые США наме-

рены создавать, и поддерживающими их военными формированиями и организациями.

В тех случаях, когда районы, которые оккупируют американские вооруженные силы, являются территорией союзного США государства, органам психологических операций рекомендуется не ограничиваться проведением мероприятий, диктуемых военной обстановкой, а скрыто руководить информационным аппаратом этой страны.

Если оккупированная территория принадлежит противнику, то деятельность всех средств массовой информации направляется на насаждение западного образа жизни. Пропагандистскую работу предполагается сочетать с принятием жестких мер по отношению к местному населению.

Частям и подразделениям психологических операций предписывается участвовать в доведении до населения приказов и распоряжений оккупационных властей и ведении пропаганды, направленной на беспрекословное выполнение установленного военной администрацией порядка, контролировать передвижение беженцев и перемещенных лиц, привлекать местное население на службу в американские тыловые учреждения и к выполнению разного рода восстановительных работ, доводить до населения в выгодном свете международную информацию, вести сбор сведений о настроениях граждан, деятельности патриотических групп, борющихся против оккупационного режима¹⁴.

Операции в поддержку правительства союзной США страны при подавлении антиправительственных выступлений планируется направлять на оказание ему помощи в идеологической обработке населения, в разложении отрядов повстанцев, чтобы они прекратили вооруженную борьбу, в оправдании перед народом лиц, поддерживающих проамериканское руководство, в стремлении добиться доброжелательного отношения народа к политике Соединенных Штатов. Такие операции намечается проводить только в условиях оккупации страны войсками США, а когда они отсутствуют на ее территории, задачи психологического воздействия, по мнению американских идеологов, целесообразно возложить на посольство США и управление по международным связям¹⁵. Органы же психологических операций предполагается привлекать только для оказания помощи национальному коман-

дованию в разработке программы психологического воздействия на отряды повстанцев и население страны, выделения технических и других средств пропаганды в его распоряжение и подготовки соответствующих кадров.

В материалах, подготавливаемых для обработки повстанцев, предусматривается значительный упор делать на их запугивание, усиленно подчеркивать трудности, которые они испытывают. Воздействуя на население, специалисты-психологи должны добиваться его лояльности по отношению к проводимой правительством политике. Особое внимание планируется отводить персоналу правительственных учреждений, так как считается, что активная поддержка ими руководства страны способствует стабилизации внутривластной обстановки и ликвидации повстанческого движения.

Операции по обеспечению действий войск специального назначения США в тылу противника, как подчеркивают уставы, требуют высокого профессионального мастерства и глубоких знаний местных условий. Основная задача в период проведения такого рода операций заключается в том, чтобы поднять моральный дух отрядов и склонить на их сторону часть населения. Считается, что даже само присутствие американских войск на территории страны оказывает соответствующее психологическое воздействие на восставших и местное население.

Руководство проведением этого вида психологических операций предполагается возлагать на посла США в данной стране и главнокомандующего американскими войсками. Политические аспекты психологических операций предусматривается согласовывать с лидерами повстанцев или с правительством в эмиграции и доводить их до исполнителей в виде совместных директив. На органы психологических операций планируется возложить осуществление мероприятий по пропаганде успехов восставших, оказанию населению медицинской и другой помощи войсками США, по предоставлению убежища лицам, преследуемым за поддержку восставших. Предусматривается также обращение к местному населению с призывами игнорировать правовые акты и ограничения, введенные существующим режимом.

Операции по обработке военнопленных и интернированных гражданских лиц планируется направлять прежде всего

на беспрекословное выполнение ими установленного лагерного режима и обеспечение лояльного поведения. Кроме того, считается необходимым исключить ведение среди них враждебной пропаганды. Психологическую обработку предусматривается строить таким образом, чтобы показать привлекательность западного образа жизни, навязать военнопленным и интернированным лицам взгляды, угодные военно-политическим кругам США.

Особенности действий частей и подразделений ПсО при поддержке контингентов вооруженных сил США, привлекающихся к выполнению миротворческих и гуманитарных акций, будут рассмотрены ниже.

В период войны в Корее (1950—1953) и на начальном этапе боевых действий во Вьетнаме эффективность психологического воздействия на противника, согласно сообщениям зарубежной печати, оценивалась с помощью статистических методов, возможности которых, однако, были ограничены. Во время американской агрессии против Вьетнама появилась система автоматизированной обработки отчетов. В ней накапливались данные о результатах психологических операций, делались попытки оценить их эффективность.

В середине 70-х годов на основе методов системного анализа была создана автоматизированная информационно-управляющая система психологических операций ПАМИС, являющаяся составной частью глобальной системы оперативного управления вооруженных сил. Ее внедрение, как отмечается в иностранной прессе, вызвано необходимостью более тщательного изучения исторических, экономических, национальных особенностей районов и стран в целом, против которых планируются эти операции. В результате учитываются социально-этническая структура общества, языковые группы населения, элементы их культуры, а также характеристики членов правительства, партийных руководителей и проводимые ими политические курсы. В этой информационной системе предусмотрена возможность оценивать эффективность психологических операций. На основе поступающих данных выпускаются периодические информационные издания, а также подбираются материалы по конкретным индивидуальным запросам. Для накопления и обработки дан-

ных по оценке эффективности в ПАМИС имеется подсистема анализа эффективности психологических операций (ПЕАС), в которой обобщается информация об их ведении, о результатах воздействия на противника и проводимых им психологических операциях.

Согласно уставу сухопутных войск FM-33-1 к показателям эффективности психологических операций относятся: ответные действия противника; результаты опроса лиц, подвергшихся обработке в ходе операции; сообщения очевидцев, а также ряд косвенных показателей.

Под ответными действиями противника американские специалисты подразумевают изменения в поведении групп людей, которые были подвергнуты психологическому воздействию. Диапазон результатов может быть чрезвычайно широк: от отдельных признаков формирования тенденций изменения поведения противника в нужном для американского командования направлении до полной капитуляции воинских формирований. Последнее считается конечной целью психологического воздействия.

Показания лиц, подвергшихся психологической обработке, отражают результаты воздействия на них. Американские специалисты считают, что, несмотря на невысокую достоверность таких показаний, в силу эмоциональных особенностей каждого человека, они могут быть полезными при оценке эффективности психологических операций. Прежде всего это относится к тем случаям, когда можно проанализировать большой массив данных подобного рода.

Сообщения очевидцев, как указывают американские психологи, отражают мнение тех лиц, которые не были прямыми объектами психологического воздействия, но имели возможность наблюдать его результаты. Эти данные зависят от восприимчивости очевидцев, вследствие чего их мнение может быть недостаточно объективным. При анализе информации от такого рода источников специалисты учитывают возможную поверхность их оценки.

К наиболее характерным косвенным показателям относятся:

— мероприятия противника по защите населения и своих вооруженных сил от воздействия подразделений психологических операций США;

- политические и военные меры по укреплению морально-политического состояния населения и вооруженных сил США;
- упреждающая контрпропаганда противника.

Эффективность психологического воздействия на избранный объект оценивается непрерывно в ходе операции и окончательно — после ее завершения. Отчеты об этом представляют собой ответы на серию вопросов, указанных в рабочих бланках, составляемых на каждый объект воздействия, а также в других документах плана операций. Особое внимание в отчетах по психологическим операциям уделяется факторам, снижающим их эффективность, к которым американские специалисты относят: меры противодействия противника, недостаточную координацию действий частей и подразделений при планировании и проведении операций, их неукomплектованность квалифицированными кадрами, отсутствие полных и своевременных разведывательных данных и другие. Оценка эффективности делается, как правило, путем сопоставления целей операции с достигнутыми результатами.

По мнению зарубежных военных специалистов, проблема оценки эффективности психологических операций продолжает оставаться одной из наиболее актуальных. Пути ее решения американское командование видит в качественном отборе личного состава для частей и подразделений, участвующих в таких операциях, и органов, производящих анализ и оценку их эффективности, а также в дальнейшей разработке соответствующих показателей и постоянном совершенствовании информационно-управляющей системы.

Уровни информационно-психологических операций и особенности их проведения (по взглядам военно-политического руководства США)

В зависимости от содержания военно-политических задач, решаемых в конфликте, масштаба и характера использования в нем сил и средств, а также объектов воздействия различаются мероприятия информационно-психологического обеспечения, проводимые государственными (стратегический уровень) и специальными армейскими структурами (оперативный и тактический уровни) непосредственно в зоне конфликта. Во многих странах — участницах НАТО оно осуще-

ствляется в форме самостоятельных психологических операций (ПсО), информационно-пропагандистских и оперативных мероприятий, а также отдельных акций. Они объединяются единым замыслом и планом и проводятся под единым руководством.

Рассмотрим, что представляет собой ПсО каждого из трех уровней, какие органы управления, силы и средства привлекаются для их проведения.

Стратегические

Они проводятся в интересах достижения долгосрочных целей — создание благоприятной психологической обстановки для ведения военных действий — и обычно носят глобальный характер. Осуществляются они как в мирное, так и в военное время на государственном уровне различными правительственными учреждениями. Например, если операция ВС США «Вспышка ярости» по захвату Гренады проводилась в октябре 1983 года, то план психологической операции был введен в действие осенью 1979 года и включал комплекс политических и экономических мероприятий, интенсивного информационно-психологического воздействия на население Гренады с целью вызвать недовольство политикой правительства М. Бишопа и затруднить осуществление намеченных преобразований страны¹⁶.

Параллельно с воздействием на противника Соединенные Штаты осуществляют стратегические ПсО против дружественных и нейтральных по отношению к ним стран, имея следующие намерения: разоблачить и дискредитировать в глазах мировой общественности цели политики, пропагандистские и практические мероприятия противника, повысить убежденность союзников в правильности курса США и НАТО, сдерживать правительства нейтральных государств от каких-либо действий, противоречащих интересам Запада. Так, в политической области руководство США сделало ставку на полную изоляцию Гренады со стороны ближайших государств Карибского бассейна. Это оказало значительное влияние на морально-психологическое состояние народа, особенно интеллигенции. Под давлением администрации Р. Рейгана Межамериканский банк развития, Международный

валютный фонд, Карибский банк развития, Международный банк реконструкции и развития отказались предоставлять Гренаде финансовую помощь. В результате ухудшающееся социально-экономическое положение провоцировало недовольство политикой правительства М. Бишопа, стимулировало раскол между борющимися за власть группировками.

Общее руководство по обеспечению ПсО на стратегическом уровне осуществляет военно-политическое руководство через комитет начальников штабов. В мероприятиях стратегических ПсО участвуют администрация, госдепартамент, информационное агентство (ЮСИА), различные частные агентства радио и телевидения. Одна из важных целей средств пропагандистского обеспечения ПсО — подготовить мировое мнение к возможности прямого военного вторжения.

Составная часть мероприятий ПсО — выступления в средствах массовой информации президента США, других высокопоставленных представителей администрации, известных политических и общественных деятелей, военных специалистов. В них гренадское руководство обвинялось в советско-кубинской милитаризации острова, что, по утверждению американцев, представляло прямую угрозу безопасности морских коммуникаций США, делало уязвимой доставку нефти из стран Ближнего Востока и т. д. Такое информационно-психологическое воздействие на население Соединенных Штатов и мировую общественность в целях морального, правового и политического обоснования возможного применения военной силы продолжалось вплоть до октября 1983 года — почти три года. Причем его интенсивность непрерывно возрастала.

Особая роль во вспомогательной деятельности на стратегическом уровне отводится ЦРУ, которое призвано обеспечивать оценку политической, экономической, социальной и духовной обстановки в странах и последствий проводимых по отношению к ним психологических операций. В составе ЦРУ имеется главное управление информации, которое является одновременно и базовым для центра национальной разведывательной информации в системе директора центральной разведки. Организационно оно состоит из нескольких служб, пяти региональных и пяти функциональных управлений и имеет до 4 тысяч человек, из которых более 1 тысячи занимаются ана-

литической работой. Главное управление обрабатывает огромное количество текущей и аналитической разведывательной информации для докладов высшему военно-политическому руководству США и различных федеральных ведомств.

Вооруженные силы США в ходе стратегической ПсО против Гренады осуществляли вспомогательную деятельность, носившую чисто психологический характер. Военно-морские силы проводили у ее берегов учения, боевые стрельбы, полеты палубной авиации. На этом фоне была организована утечка информации об обработке в ходе учений возможных вариантов вооруженного вторжения и захвата острова¹⁷.

Таким образом, из приведенных примеров следует, что основными объектами психологического воздействия в стратегической ПсО являлись: общественность и военно-политическое руководство ведущих стран мира; государственные лидеры и политические партии стран Карибского бассейна; руководители, военнослужащие и население Гренады; военнослужащие вооруженных сил и общественность Соединенных Штатов.

Согласно соответствующим наставлениям, задачами стратегических ПсО являются:

- обострение недовольства среди населения (для этого используются национальные, религиозные, этнические, экономические, социальные, психологические и иные факторы);
- поддержка оппозиционных элементов и сил сопротивления правящему режиму, завоевание поддержки людей, занимающих нейтральные позиции;
- стимулирование противоречий между влиятельными группировками руководства противника;
- подрыв доверия населения к лидерам страны и целям их политики;
- политический раскол общества;
- укрепление среди населения понимания и поддержки целей и действий США.

Мероприятия стратегических ПсО могут осуществляться и в более короткие сроки. Так, при подготовке вторжения армии Израиля в Ливан (1982) этот срок составил около года, а во время событий в зоне Персидского залива — чуть больше четырех месяцев. В последнем случае для решения задач помимо сил и средств США привлекались различные международно-правовые институты, в том числе ООН, ЕЭС, Лига арабских государств и

средства массовой информации многих стран мира. Кстати, начиная с войны в зоне Персидского залива наблюдается рост интереса США к Организации Объединенных Наций как легитимному каналу реализации своих геостратегических интересов.

Оперативные

Некоторые информационно-психологические акции в масштабе региона или небольшой страны, театра войны или военных действий по американской классификации нередко относятся к психологическим операциям оперативного уровня.

Специальное выделение этого уровня отражает стремление усилить эффективность психологических операций. В отличие от стратегических оперативные ПсО планируются на меньший период времени и направлены в большей степени на обыденное сознание. Главный акцент при их подготовке делается не столько на кардинальную трансформацию мировоззренческих ценностей социальных общностей, находящихся в данном регионе, сколько на их дезинформацию и дезориентацию, нагнетание у объектов воздействия таких психологических состояний, которые бы непосредственно способствовали решению поставленных задач. В мирное время эту цель предполагается достигать за счет повышения оперативной гибкости средств стратегического уровня (госдепартамента, ЮСИА, ЦРУ, Министерства обороны, АМР) и их связи с действиями органов тактического звена (средств радио- и телевидения, дислоцированных в приграничных районах, а также каналов культурного обмена, контрабанды, агентурной разведки и т. п.).

Вместе с тем специальное выделение оперативного уровня ПсО осуществлено в США в значительной мере и в целях повышения их эффективности в вооруженных конфликтах. Его разработка в определенной степени отразила появление в теории военного искусства США в 80-е годы новых концепций, например «воздушно-наземная операция (сражение)», а также планов развязывания «конфликтов низкой интенсивности».

Психологические операции на оперативном уровне обеспечиваются штабами главнокомандующих (командующих), объединенными (специальными) командованиями. Планы и

программы деятельности на этом уровне разрабатываются специальными подразделениями ПсО при этих штабах в соответствии с директивами Совета национальной безопасности, установками комитета начальников штабов, а также рекомендациями ЦРУ, ЮСИА и РУМО. Реализация этих планов осуществляется частями и подразделениями ПсО (группами, батальонами, ротами), которые действуют в составе соответствующих формирований сухопутных войск. В оперативном плане они подчинены штабам объединенного командования, корпуса, дивизии с сохранением административного подчинения вышестоящим органам ПсО. В административном плане данные части и подразделения объединяются в группы ПсО, которые не имеют жесткой организации, формируются в соответствии с решаемыми задачами и подчиняются командованию сухопутных войск на ТВД.

По штатной структуре в американской армии предусматривается иметь четыре группы ПсО, из состава которых на ТВД могут быть созданы группы следующих типов:

- общей поддержки (три—пять батальонов), которая развертывается в зоне коммуникаций и обеспечивает задачи по обработке информации и подготовке пропагандистских материалов, по материально-техническому обеспечению других частей ПсО на ТВД, а также по работе с военнопленными и населением на оккупированных территориях;
- непосредственной поддержки боевых действий корпусов и дивизий, в составе штабов которых производится планирование тактических ПсО, обеспечивающих в совокупности решение тех или иных задач оперативного масштаба¹⁸.

Оперативная глубина (до 300 км и более) и динамичный характер задач вооруженных сил в ходе воздушно-наземной операции (сражения) требуют, по взглядам американского командования, специального уровня планирования и организации ПсО. Считается, что в еще большей мере актуальность этого возрастет в конфликтах низкой активности, когда части и подразделения ПсО оперативного, а иногда и тактического уровня призваны выполнять задачи (как, например, при оккупации Доминиканской Республики и Гренады), имеющие не только военное, но и значительное политическое содержание, а также стратегические в международном масштабе последствия.

Основная цель, которую преследуют вооруженные силы ПсО в кризисных и конфликтных ситуациях на театре войны, это максимально возможное снижение морально-психологического уровня личного состава и населения противника, находящихся в районе проведения планируемой военной кампании или в зоне оккупации.

Самостоятельным направлением оперативных ПсО, по взглядам американского командования, является также дезинформация (введение в заблуждение) противника в части задач и действий вооруженных сил США в оперативном и оперативно-стратегическом масштабах.

Тактические психологические операции

Тактические ПсО — составная часть общего плана ведения боевых действий тактического уровня. Они имеют в качестве объектов воздействия отдельные, сравнительно небольшие группы людей, находящихся в пределах какой-либо ограниченной области, района, населенного пункта. Их цель — ослабить или подорвать решимость личного состава оказывать сопротивление, а также предотвратить нежелательные действия со стороны гражданского населения. К примеру, на начальном этапе операции ВС США против Гренады главной задачей ПсО тактического уровня являлось обеспечение действий частей и подразделений 82-й ввд по захвату острова, склонение обороняющихся к прекращению сопротивления и сдаче оружия, а также оказание психологического воздействия на население с целью исключить его из вооруженной борьбы¹⁹.

Тактические ПсО строятся на краткосрочной основе и направлены на обеспечение текущих задач политики США в данном районе. Используя в ходе этих операций в мирное время средства направленного вещания и перехвата, каналы торговли, туризма, контрабанды и агентурной разведки, а в кризисных ситуациях — воздушные зонды с листовками, подпольные радиостанции и множительную технику, США стремятся придать подобным психологическим акциям повышенную избирательность, конкретность, динамичность, быстроту перестройки аргументации, форм и средств воздействия в зависимости от изменения обстановки.

В кризисных и конфликтных ситуациях основными задачами тактических психологических операций являются:

- снижение морально-боевого духа и эффективности боевых действий личного состава противника, создание атмосферы неуверенности, недовольства и недоверия;
- осуществление действий по введению противника в заблуждение и маскировке на тактическом уровне;
- поддержка усилий по установлению контроля над гражданским населением, военнопленными и интернированными лицами;
- противодействие враждебной пропаганде.

Военно-политическое руководство США в ходе подготовки и ведения военных действий стремится в максимальной степени обеспечивать координацию и взаимосвязь различных сил и средств, форм и методов ПсО на всех уровнях их ведения. И это наглядно демонстрирует деятельность США по захвату Гренады.

Так, на стратегическом уровне ПсО, направленной против этой страны, средства массовой информации Соединенных Штатов и ряда стран Карибского бассейна стали распространять дезинформацию о том, что на острове Каррику находятся кубинские войска, а «правящий в стране коммунистический режим подорвал национальные демократические институты и создает угрозу для всего региона» и т. д. Одновременно в целях дестабилизации экономической обстановки американская администрация добивалась блокирования финансовой поддержки Гренады со стороны Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития, Межамериканского банка развития, Карибского банка развития и других организаций. Ход высадки войск на Гренаду сопровождался резкой активизацией пропагандистской деятельности США, многочисленными выступлениями президента, госсекретаря, американского представителя в ООН, использованием международных телевизионных и радиовещательных систем, агентств печати с целью морального, правового и политического обоснования этого акта.

На оперативно-стратегическом уровне силами Министерства обороны была проведена операция по маскировке приготовлений к агрессии. За месяц до ее начала Пентагон

распространил информацию о том, что в связи с обострением обстановки планируется переброска на Ближний Восток двух авианосных групп. В соответствии с этим в объявленном направлении из военно-морской базы Норфолк вышли амфибийно-десантная и авианосная многоцелевая группы. Через несколько дней плавания они сменили свой курс и в режиме полного радиомолчания начали следовать к острову Гренада, сосредоточились в 5 милях восточнее и 30 милях северо-западнее острова. На оперативно-тактическом уровне вместе с началом боевых действий и демонстративным устрашением противника боевой мощью своих сил командование американской группировки с помощью батальона психологических операций провело массированные пропагандистские акции по подрыву решимости противника сопротивляться действиям морской пехоты. В листовках, которые разбрасывались с самолетов, содержались призывы к населению оставаться в местах проживания, переключить приемники на соответствующие частоты, сообщать о нахождении бойцов Революционной армии народа и кубинских войск. При этом широко использовалось радиовещание²⁰.

На тактическом уровне личный состав роты ПсО непосредственной поддержки осуществлял акции прямого психологического воздействия на сопротивлявшиеся группы противника, используя громкоговорители, установленные на боевых машинах.

После завершения операции по захвату острова соответствующие подразделения психологических операций участвовали в мероприятиях по установлению порядка на Гренаде.

Эффективность психологических операций всех уровней во многом зависит от взаимодействия всех структур, причастных к их ведению, от умения и способностей командиров всех уровней использовать силы и средства ПсО. Особое место отводится СМИ, формирующим благоприятное общественное мнение по отношению к военному конфликту. Опыт участия формирований ПсО в войнах и локальных конфликтах доказывает, что главное не в том, на чьей стороне военное преимущество, а в том, какая из противоборствующих сторон сумеет убедить основную массу населения страны или региона в правоте своего дела.

Информационные службы вооруженных сил

В последнее время в Соединенных Штатах широко дискутируется вопрос о роли средств массовой информации (СМИ) в вооруженных конфликтах. В этой связи американская газета «Крисчен сайенс монитор» привела такой пример. Во время Гражданской войны в Северной Америке из сообщений газет стало известно о передвижениях армии генерала У. Шермана. В результате он был вынужден начать боевые действия, которых надеялся избежать. «Невозможно вести войну в условиях деятельности свободной печати», — заявил взбешенный генерал.

Как отмечают некоторые американские эксперты, интенсивное освещение событий в условиях, когда осуществляется мгновенная передача информации по всему миру, может ограничить возможности Президента США по использованию вооруженных сил в качестве одного из эффективных инструментов внешней политики. Каждая потеря или военная неудача, представляющаяся еще более значимой из-за освещения сотнями или тысячами журналистов, может оказывать негативное влияние на поддержку общественностью и Конгрессом действий американских войск на заморских ТВД.

В качестве примера можно привести такой факт. Наведение переправы американскими саперами через реку Сава превысило расчетные нормативы, что привело к задержке развертывания воинского контингента США в Боснии. Пристальное внимание журналистов к этому случаю вынудило командование выделить дополнительные силы и средства на завершение инженерных работ.

«Сообщения печати могут настроить общественность против военных операций, и президенту будет труднее воспользоваться своими правами», — отмечает Э. Снайдер, научный сотрудник, автор книги «Воины дезинформации». Подобного мнения придерживается и специалист по военным вопросам Л. Корб из института Брукингса: «Средства массовой информации — это обоюдоострый меч. Когда СМИ освещают трагические события, например на Гаити или в Боснии, это вынуждает президента принимать меры. Когда они показывают все ужасы боевых действий, это заставляет президента выводить войска». И далее он замечает: «СМИ заставляют вяззы-

ваться в разные события, однако в результате их деятельности продолжение операций в этих случаях затрудняется».

Поэтому в США в последнее время большое внимание уделяется работе со СМИ и с журналистами. Именно для таких целей была создана специализированная служба в ВС США, получившая наименование «Служба по связям с общественностью». Фактически же ее предназначение, функции и решаемые задачи, как отмечается в регламентирующих уставах и наставлениях ВС, охватывают более широкую сферу деятельности. Она включает следующие основные направления:

- установление и поддержание постоянных или временных информационных контактов между Министерством обороны и вооруженными силами с гражданскими структурами различного уровня (федерального, отдельных штатов, местного) в интересах осуществления взаимной информированности, взаимодействия и проведения совместных мероприятий;
- привлечение не только военных, но и гражданских СМИ, а при необходимости и зарубежных, как это было при ведении коалиционных военных действий в зоне Персидского залива в 1990—1991 годах для информирования населения по вопросам военной политики и строительства вооруженных сил;
- проведение информационно-воспитательной и пропагандистской работы среди личного состава ВС США в целях укрепления его морально-политического и психологического состояния. Американское военное руководство рассматривает службу по связям с общественностью как одну из трех составляющих деятельности по морально-политическому воспитанию военнослужащих (двумя другими являются службы по личному составу и военных священников-капелланов);
- оценка с точки зрения военной политики и интересов безопасности всех материалов военного характера, подготовленных к обнародованию, включая выступления должностных лиц МО, брифинги, статьи в СМИ и др.

Исходя из этих направлений деятельности службы по связям с общественностью, как отмечается в регламентирующих уставах и наставлениях ВС США, на нее возлагаются следующие основные функции и задачи:

- разработка основ политики и практических рекомендаций в области информирования общественности по проблемам вооруженных сил для органов МО, КНШ, министерств видов ВС и войск;
- согласование самостоятельных или совместно проводимых мероприятий Министерством обороны и структурами ВС с федеральными и местными органами власти и гражданскими организациями, а также устранение возникающих разногласий;
- содействие гражданским фирмам в создании кино- и телематериалов по военной тематике;
- привлечение и обеспечение деятельности СМИ, в том числе национальных коммерческих журналов, с учетом положений закона «О свободе информации» и требований национальной безопасности (предоставление информационных материалов, проведение пресс-брифингов, сопровождение при выездах, оценка запросов СМИ и подготовка ответов и др.);
- разработка и реализация внутренних информационных программ и пропагандистских материалов по целенаправленной проблематике для личного состава и гражданского персонала ВС в интересах обеспечения политической ориентации, мотивации действий и морально-психологической устойчивости;
- оценка материалов, содержащих военную информацию: выступлений, публикаций в прессе как представителей ВС, так и гражданских журналистов и корреспондентов, аудио- и видеоматериалов, ответов на запросы военного характера конгресса и Белого дома и др., подготовленных в рамках МО, на предмет соответствия требованиям обеспечения информационной безопасности. Следует подчеркнуть, что любое выступление американского военнослужащего в СМИ осуществляется исключительно через службу по связям с общественностью. Ей же необходимо предоставлять для проверки рукописи своих публицистических и художественных материалов, касающихся военных вопросов.

Работу по поддержанию связи с общественностью возглавляет и организует помощник министра обороны по связям с общественностью (гражданское лицо). Он является главным советником министра по этим вопросам и осуществляет ру-

ководство, координацию и контроль за деятельностью службы на всех уровнях управления вооруженных сил. В круг его конкретных задач входят: в качестве представителя Министерства обороны он устанавливает и поддерживает контакты с соответствующими федеральными органами и гражданскими СМИ, в частности с информационным агентством США (ЮСИА), отвечает за подготовку выступлений, публикаций и брифингов руководства МО, разработку форм и способов ведения внутриинформационной работы среди личного состава ВС и др. В ведении этого должностного лица находятся издательства ВС, военные СМИ, контроль всех открытых информационных материалов МО, планирование участия ВС в национальных и зарубежных выставках, конференциях, симпозиумах и др.

Аппарат помощника министра обороны по связям с общественностью включает отделы: административный, военной информации, редакционный, планирования, по связям с общественностью, цензуры, по взаимодействию с учреждениями Министерства обороны. По данным американской печати, численность аппарата составляет около 90 человек²¹.

В министерствах (видах) американских вооруженных сил вопросы связи с общественностью решаются соответствующими службами — по связям с общественностью в сухопутных войсках и военно-воздушных сил и службой информации в военно-морских силах. В принципе эти службы идентичны и решают следующие основные задачи, но с учетом специфики каждого вида вооруженных сил: обеспечение гражданской общественности, СМИ и Конгресса точной и своевременной информацией о деятельности, программах, действиях и нуждах данного вида вооруженных сил; разработку специализированных программ по связям с общественностью и информированию личного состава этого вида; осуществление надзора и контроля за внутривидовыми информационными программами и др.

Начальники служб по связям с общественностью видов вооруженных сил имеют соответствующий аппарат, подчиняются непосредственно министрам видов, являются их советниками по всем аспектам этих вопросов и имеют право прямого контакта с помощником министра обороны по связям с общественностью. Кроме того, видовые службы распо-

лагают специализированными центрами на местах. Так, служба информации военно-морских сил имеет шесть информационных центров, два центра по связям с общественностью и один флотский центр передачи новостей внутренней жизни страны, в ВВС имеется центр информации и новостей, который, по мнению американских военных специалистов, является оптимальной моделью армейской службы информации. Он создан в 1981 году на авиабазе Келли, штат Техас. Подчинен службе ВВС по связям с общественностью. Имеет филиалы в Чикаго, Лос-Анджелесе и Нью-Йорке. Центр состоит из четырех управлений.

Отдел внутренней информации. Занимается выпуском и распространением печатной продукции. В частности, издает официальный журнал ВВС «Эрмен», информационные бюллетени для командного состава, пресс-релизы и сводки новостей для газет авиабаз, своеобразные дайджесты типа «Вести с родины» для семей военнослужащих, находящихся за пределами США. Отдел готовит также продукцию для радио и телевидения военно-воздушных сил. Например, составляет радиопередачу «Новости ВВС за неделю», ретранслирует программу по идеологической обработке офицерского состава ВВС «Командера колл», выпускает киножурнал «ВВС сегодня» и т. д.

Отдел по информационным связям с гражданскими СМИ пропаганды тех мест, где проживают родные и близкие военнослужащих. Главная его задача — подготовка печатных, радиотелевизионных и фотоматериалов о жизни военнослужащих, а также их передача средствами массовой информации населенных пунктов, в которых живут родственники этих солдат и офицеров. По данным журнала «Эрмен», отдел ежемесячно подготавливает около 120 тысяч экземпляров печатной продукции, 10 тысяч фотографий, 150 радио- и телевизионных материалов. Такой пропагандистский рычаг используется, с одной стороны, как стимул для службы в ВВС и армии, а с другой — как рекламу вооруженных сил среди гражданского населения.

Отдел радиотелевизионных передач. Направляет деятельность службы радио и телевидения ВВС за рубежом и на Аляске. Располагает тремя радиотелевизионными станциями, размещенными на авиабазах Рамштейн (ФРГ), Эльмендорф

(Аляска) и Йокота (Япония). Готовит программы для американских военнослужащих, находящихся во многих странах.

Административно-финансовый отдел. Занимается кадровыми, материально-техническими и финансовыми вопросами. Курирует деятельность трех филиалов центра, а также сектора по работе с молодежью в управлении по связям с общественностью ВВС США.

Общая численность центра через три года после его создания составляла 875 человек, из них 696 военнослужащих и 179 гражданских лиц. Зарубежные специалисты не исключают, что подобным образом могут быть организованы информационные центры других видов вооруженных сил.

В объединенных командованиях вооруженных сил США задачи службы по связям с общественностью решаются соответствующими отделами, отделениями или отдельными офицерами в зависимости от уровня войскового звена.

Центральной фигурой пропагандистских органов вооруженных сил считается офицер по связям с общественностью — своего рода советник и помощник командира по вопросам в работе со СМИ и журналистами. Кроме выполнения функций по организации идеологической обработки различных категорий военнослужащих, офицер по связям с общественностью выступает, как говорят в Пентагоне, в роли буфера между командиром, с одной стороны, и военными и гражданскими средствами массовой информации — с другой. В его обязанности входит оперативное распространение присылаемых ему из вышестоящих пропагандистских инстанций специально подготовленных для СМИ пресс-релизов, информационных бюллетеней, сводок новостей и других материалов, организация в воинских частях дней «открытых дверей» для журналистов, выставок военной техники, интервью со специально подобранными военнослужащими, пресс-конференций, брифингов для работников СМИ и т. д.

Помощнику министра обороны по связям с общественностью подчинена школа информации, созданная в 1964 году. Она находится в г. Форт-Бенджамин-Харисон (штат Индиана) и является единственным учебным заведением, которое готовит кадры для СМИ и пресс-служб Пентагона. Школа издает журнал «Милитэри мэдиа ревью» («Обзор ВСМИ»).

Срок обучения в ней десять недель. Слушатели изучают административно-финансовые вопросы деятельности военных СМИ, а также приобретают практические навыки подготовки материалов для прессы, радио и телевидения, составления макетов печатных изданий, дикторской работы, обращения с радио-, теле- и фотооборудованием и т. д. Согласно данным газеты «Старз энд страйпс», ежегодно школу информации заканчивают более 2 тысяч офицеров, сержантов, солдат и гражданских лиц.

Под руководством служб по связям с общественностью видов вооруженных сил работают информационные центры, которые призваны обеспечивать потребности министерств видов вооруженных сил в пропагандистских материалах для печати, радио и телевидения, кинематографа и т. д., которые часто готовятся вместе с гражданскими СМИ и журналистами. Подготовленные ими материалы распространяются по техническим каналам, в роли которых выступают печатные периодические издания, радио- и телестанции (студии), служба кинопроката с подчиненными ей армейскими клубами и т. д.

Важная роль принадлежит этим службам в ходе участия вооруженных сил США в конфликтах. Так, при подготовке операции против Панамы помощник министра обороны США по связям с общественностью создал специальную группу журналистов для формирования общественного мнения. В нее включили доверенных корреспондентов ведущих американских СМИ. Состав группы утвердил министр обороны.

Управление оборонной информации установило со всеми членами группы постоянную связь. Это позволило оперативно собрать журналистов и на специальном самолете военно-транспортной авиации перебросить их в Панаму, где они работали только под псевдонимами. В результате целенаправленной деятельности группы журналистов, руководимой военными, операция Пентагона в Панаме предстала перед американским народом как акция исключительной важности в деле защиты его интересов, демократии и прав человека, а действия войск получили оценку высшего профессионализма.

Опрос общественного мнения, проведенный в январе 1990 года в крупнейших городах США, показал, что 80 процентов граждан полностью поддерживают действия прези-

дента и вооруженных сил. Как видим, целенаправленное информационно-пропагандистское обеспечение подготовки операции, продуманное, активное и упреждающее освещение в СМИ ее хода, с одной стороны, способствовали достижению военно-политических целей вторжения в Панаму, укреплению стойкости американских военнослужащих, подрыву морального духа сторонников генерала М. Норьегги, а с другой — оказывали противодействие попыткам некоторых государств формировать негативное мировое общественное мнение по отношению к действиям вооруженных сил США.

В целом, по оценке американского командования, существующая служба по связям с общественностью, несмотря на имеющиеся недостатки (не всегда высокая компетентность офицеров этой службы, случаи некорректного поведения в отношении представителей СМИ, недостаточная еще отработанность взаимодействия службы с командованием, особенно в боевых условиях, как показали военные действия в зоне Персидского залива, отставание технического оснащения в свете современных требований и др.) в основном позволяет решать задачи по формированию позитивного облика американских ВС в гражданской части общества и благожелательного общественного мнения в интересах обеспечения национальной безопасности США.

Важное значение информационной деятельности военных ведомств придается и в других государствах. Так, информационной работе Министерства обороны Германии и бундесвера придан государственный статус. Здесь центральной инстанцией в области руководства информационной деятельностью бундесвера, работы с прессой и общественностью, пропаганды вооруженных сил среди населения и в первую очередь среди молодежи является штаб прессы и информации Министерства обороны. Он находится в подчинении министра обороны и координирует работу в этих областях главного штаба бундесвера и главных штабов видов вооруженных сил. Штаб прессы и информации поддерживает необходимые контакты с аналогичными национальными и международными органами. Кроме того, на него возлагается обязанность осуществлять связь с межрегиональными СМИ (в ФРГ отсутствуют общегерманские), а также региональными, если местные события имеют широкий резонанс.

Приоритетными направлениями деятельности штаба прессы и информации МО являются: осуществление взаимодействия со СМИ в связи с выполнением федеральным министром обороны политических функций как руководителя военного ведомства и главнокомандующего вооруженными силами (в мирное время); доведение до общественности решений руководства Министерства обороны; информационная работа по вопросам безопасности и военной политики, комплектования ВС, контроля над вооружениями, военнополовой службы, военной службы женщин, охраны окружающей среды.

Работу штаба прессы и информации курирует один из заместителей министра обороны (статс-секретарь). Начальник штаба является одновременно пресс-секретарем министра обороны. Организационно штаб прессы и информации подразделяется на 5 отделов, каждый из которых отвечает за определенную сферу проблем. Это позволяет небольшим по численности штатом (около 50 человек) решать обширный круг задач.

Так, первый отдел координирует деятельность пресс-центров, отвечает за связь с национальной прессой и ведет архив прессы. Второму отделу поручено курирование основных вопросов политики безопасности и отслеживание иностранной прессы, а также ведение архива наглядных пособий. Третий отдел занимается планированием и разработкой основных направлений информационной работы, международными контактами, анализом общественного мнения. Четвертый отдел организует работу с общественностью, посетителями, письмами, жалобами и предложениями, руководит офицерами по работе с молодежью. Пятый отдел отвечает за рекламу военной службы, работу с допризывной молодежью, организацию выставок, расходование финансовых средств.

Для выполнения проводимой штабом прессы и информации работы привлекаются немалые силы — около 2,5 тысячи квалифицированных сотрудников, к числу которых относятся штатные офицеры по работе с прессой, общественностью и молодежью в звене от дивизии и выше и нештатные — от бригады до батальона.

В рамках выполнения своих функциональных задач штаб прессы и информации руководит деятельностью нижестоящих

пресс-центров, которые при этом остаются в оперативном подчинении командования тех структур, куда организационно входят. Штаб также осуществляет подбор, обучение, расстановку кадров и решает вопросы планирования, определения структуры и построения работы по связям с прессой и общественностью, среди молодежи, рекламы военной службы.

Главным органом по подготовке сотрудников для информационной работы является академия информации и коммуникации бундесвера, в которой проходят обучение перед назначением на должность все штатные работники. Она подчиняется штабу прессы и информации. Основной формой обучения в академии являются учебные курсы соответствующего профиля и продолжительностью несколько недель. Кроме того, академия регулярно проводит недельные курсы повышения квалификации, семинары для различных категорий военнослужащих и гражданского населения.

Основным направлением в информационной работе является не только выпуск военных газет и журналов, но и сотрудничество с гражданскими средствами массовой информации. Бундесвер регулярно проводит брифинги, пресс-конференции, выпускает пресс-релизы, организует посещение воинских частей и учреждений. В последнее время активно используются возможности «Интернета», где открыт и ведется соответствующий раздел.

Работа бундесвера с общественностью в основном направлена на все население ФРГ. Но особыми объектами сотрудничества среди других являются те лица, которые имеют непосредственное влияние на других людей. Это, в частности, преподаватели, депутаты, а также члены союзов, организаций и групп, работающих в составе политических учреждений информации и образования. С этими категориями граждан бундесвер ежегодно проводит до 20 тысяч недельных семинаров²².

Во Франции служба информации и общественных связей вооруженных сил (СИРПА) существует с 1969 года и находится в непосредственном подчинении министра обороны. СИРПА включает в себя пять управлений (внешних связей, печатных периодических изданий, аудиовизуальной информации, исследований, планирования и оценки, административного и финансов), два центра (международной информации, кинематографии и фотографии) и два отделения (при

военно-медицинской службе и управлении национальной повинности штаба сухопутных войск). Персонал службы насчитывает около 650 человек, из них офицеры и унтер-офицеры — 260 человек²³.

Имея такую солидную структуру и штат, СИРПА выполняет довольно широкий круг задач:

- анализ и информирование руководства Министерства обороны и вооруженных сил об освещении во французских и зарубежных средствах массовой информации военных проблем и выработка предложений по вопросам информационной политики Министерства обороны;
- обеспечение согласованной деятельности информационных органов видов вооруженных сил, национальной жандармерии и генеральной делегации по вооружению;
- формирование национального и мирового общественно-го мнения по вопросам военной политики Франции, состояния и перспектив развития вооруженных сил;
- пропагандирование военной службы среди населения, формирование благоприятного образа вооруженных сил в общественном мнении;
- распространение в вооруженных силах материалов по вопросам военной политики и деятельности вооруженных сил, выпуск военных изданий и обеспечение войск пропагандистскими материалами, информационно-воспитательная работа в войсках;
- осуществление эксклюзивного права на распространение информации о вооруженных силах и выполнение функций органа военной цензуры в кризисных ситуациях с участием вооруженных сил Франции;
- информационно-пропагандистская работа на войска и население противника в условиях использования контингентов французских войск за рубежом.

Естественно, что для решения такого широкого круга задач офицеры службы должны обладать полной и исчерпывающей информацией о вооруженных силах. Она беспрепятственно предоставляется всеми службами военного ведомства. Предоставление информации военного характера прессе возложено на управление внешних связей СИРПА. Оно осуществляет информирование представителей прессы, в том числе зарубежной, по военным проблемам, организу-

ет для них информационные поездки в войска, проводит «дни открытых дверей» в частях и подразделениях, информационные дни в учреждениях национального образования, различные коллоквиумы, выставки и салоны по военной тематике, готовит репортажи и публикации с мест проведения операций с участием французских вооруженных сил.

Второе направление работы СИРПА — самостоятельный выпуск конечной печатной продукции и телерадиоматериалов. Этим занимается управление печатных периодических изданий СИРПА, которое издает более 15 периодических изданий по видам вооруженных сил, родам войск и службам, готовит и распространяет различные пропагандистские брошюры, наглядные пособия и другие печатные материалы.

Среди периодической печатной продукции СИРПА — еженедельный официальный бюллетень «СИРПА Актуалитэ», предназначенный для журналистов, аккредитованных при Министерстве обороны, ежеквартальные брошюры «Национальная повинность и Вы» и «Военные школы и карьера» — для граждан призывного возраста (600—1000 тыс. экз. в год), ежемесячные информационно-иллюстрированные журналы «Армэ д'ожурдюи» (вооруженные силы в целом, 150 тыс. экз.), «Терр магазин» (сухопутные войска), «Эр актуалитэ» (ВВС), «Коль бле» (ВМС), ежемесячные информационные сборники «Эмпакт» и «Пропо сюр ля Дефанс» для лиц высшего военно-политического руководства и государственных органов власти, ежегодная брошюра «Организация обороны во Франции», справочники «Оборона в цифрах» (190 тыс. экз.) и «Оборона и вооруженные силы» (8500 экз.) — для широкой общественности; ведомственные информационные бюллетени «Терр энформасьон» (сухопутные войска) и «Обжектив Дефанс» («Задачи обороны»).

Армейская периодика в большинстве своем распространяется бесплатно не только среди военнослужащих, но и среди госчиновников, депутатов, учащихся и других заинтересованных лиц.

Управление аудиовизуальной информации организует выпуск учебно-пропагандистских фильмов, ежемесячных и внеплановых тематических телепередач и фотоматериалов о вооруженных силах, их распространение по национальным телевизионным каналам и в других средствах массовой ин-

формации. Управление выпускает ежемесячный тележурнал «Топ Дефанс» по общенациональному каналу «Франс-3», а также участвует в подготовке непериодических телевизионных передач о вооруженных силах. Кроме того, управление ежегодно выпускает около 30 фильмов, 70 видеорепортажей, 10 тысяч рекламных видеокассет и др.

Кроме того, в структуре СИРПА есть специальный центр — кинематографии и фотографии, специалисты которого осуществляют кино- и фотосъемку в вооруженных силах в интересах службы. Другой специальный центр — международной информации — реализует не менее важную задачу сбора информации и информационного противоборства. Он предназначен для организации получения и подготовки к изданию сообщений французских военных корреспондентов из-за рубежа, сбора, обработки и анализа информации по военной тематике во французских и зарубежных СМИ, оперативного информирования руководства Министерства обороны и вооруженных сил по важнейшим проблемам, которые находят отражение в СМИ, и организации публикаций, отражающих официальную точку зрения.

Кроме того, в условиях применения ВС Франции за рубежом специалисты центра проводят пропагандистское обеспечение военных акций, организуют работу на войска и население противника.

Важным звеном в деятельности СИРПА является оценка эффективности информационно-пропагандистской деятельности, проводимой службой. Эти задачи решает управление исследований, планирования и оценки СИРПА. Данное управление проводит исследования по повышению эффективности работы службы, подводит итоги и планирует работу службы, а также осуществляет хранение и учет информации по национальным вооруженным силам и армиям иностранных государств.

Что касается информационно-воспитательной работы в войсках, то для этих целей при штабах видов ВС, а также в национальной жандармерии и генеральной делегации по вооружению имеются отделы СИРПА (7—8 офицеров и унтер-офицеров). Они участвуют в планировании воспитательной и информационной работы, организуют и проводят сборы офицеров — руководителей занятий, а также семинары со

всем офицерским и унтер-офицерским составом соединений и частей, организуют контроль за результатами проведения информационно-воспитательной работы.

Сосредоточение в одних руках всей информационной деятельности Министерства обороны и информационно-воспитательной работы в ВС во многом позволяет максимально конденсировать и координировать все информационные потоки в поле деятельности военного ведомства, придать им нужный импульс. Выполняя эти задачи, СИРПА тратит в год 77 миллионов франков (около 13 миллионов долларов)²⁴.

Строго регламентированы отношения между средствами массовой информации и силами самообороны в Японии²⁵. Здесь какие-либо самостоятельные контакты между журналистами и военнослужащими практически исключены. Если журналисты хотят что-то написать о силах самообороны, то должны обращаться в соответствующие органы военного ведомства. Все они замыкаются на отдел информации секретариата управления национальной обороны.

Количественно отдел информации небольшой — всего около десятка гражданских сотрудников, которые подразделяются на два отделения: собственно информационное и пресс-службу. На отдел замыкаются отделения информации в штабах видов вооруженных сил и крупных соединениях, а также отделения по связям с общественностью, существующие при префектуральных вербовочных пунктах.

Значительное место в общем объеме деятельности японских военных органов информации занимает организация подготовки, выпуска и распространения разнообразной печатной продукции о жизнедеятельности вооруженных сил, их роли и месте в обществе. Это очень красочные брошюры, буклеты, в основном рекламного, пропагандистского содержания. Ежегодно выпускается управлением национальной обороны «Белая книга», раскрывающая проблемы безопасности Японии. В ней публикуются разнообразные материалы — от анализа и перспектив международной военной обстановки до денежного довольствия солдата первого года службы. В книге широко представлены различные схемы и диаграммы, показывающие структуру сил самообороны, тактико-технические характеристики всех видов вооружения и боевой техники, систему обучения и подготовки военнослужащих. В общем, тому, кто за-

хотел бы в общих чертах ознакомиться с военной доктриной Японии, сегодняшним днем и будущим сил самообороны, достаточно прочитать «Белую книгу».

Собственных средств массовой информации в управлении национальной обороны Японии нет. Однако под его контролем и по заказам военного ведомства работает издательство «Асагумо симбунся». Оно выпускает газету «Асагумо» тиражом свыше 60 тысяч экземпляров в расчете один экземпляр на четырех-пятерых военнослужащих, а также еженедельные многополосные газеты для каждого вида вооруженных сил, издает несколько ежемесячных военных журналов. Так, для рядовых и унтер-офицеров предназначен ежемесячник «Гэккан асагумо», для офицеров — военно-теоретический журнал «Кокубо». Кроме того, управлением национальной обороны, и прежде всего отделом информации, готовятся программы для телевизионных и радиопередач о роли сил самообороны в обеспечении безопасности страны, оказании ими помощи гражданскому населению при стихийных бедствиях, об устраиваемых военным ведомством авиационных, военно-морских и других праздниках, спортивных мероприятиях и т. п.

В 1996 году в глобальной компьютерной сети «Интернет» открыта электронная страница сил самообороны, освещающая основные вопросы их жизнедеятельности, планы и программы национального военного строительства.

Главная задача органов информации сил самообороны Японии заключается в популяризации деятельности вооруженных сил и формировании у общественности позитивного отношения к ним через национальные и местные средства массовой информации. С этой целью при отделе информации секретариата управления национальной обороны (УНО) существует клуб представителей крупнейших национальных информационных агентств, теле- и радиокompаний, газет. Для них проводятся брифинги, пресс-конференции, организуются поездки в воинские части и гарнизоны, с ними встречаются руководители УНО. Причем работа с представителями СМИ носит оперативный и даже упреждающий характер, строится таким образом, что журналистам не приходится выискивать, добывать информацию о тех или иных событиях в силах самообороны.

Побывавший в Японии российский журналист Владимир Кузарь пишет, что «сотрудники отдела не боятся поделиться с участниками клуба даже доверительной информацией, так как знают, что она не будет использована во вред силам самообороны. А если все же кто-то из журналистов окажется недобросовестным и захочет поспекулировать полученной информацией? Его что, исключат из клуба? Да нет, отвечали те, к кому я обращался с таким вопросом. Есть более цивилизованные формы наказания. Просто этих журналистов впредь будут “обходить” такой информацией, им не дадут возможности задавать вопросы на брифингах и пресс-конференциях, их “забудут” пригласить на очередную поездку в войска или встречу с руководителями УНО. Впрочем, такие случаи редки, так как каждый журналист дорожит своим местом и имиджем»²⁶.

В таком случае можно решить, что в японских СМИ вообще нет критических материалов о силах самообороны. «Точно так же подумал и я, — пишет В. Кузарь. — Почему же, возразили мои японские коллеги. Критика есть, и немалая. По конкретным проблемам военного строительства и деятельности вооруженных сил. Ну а если у военных возникает какой-либо скандал, тогда держись. Его раскрутят так, что виновникам мало не покажется. И все же критика сил самообороны в японских средствах массовой информации имеет конструктивный характер»²⁷.

Автор этой же публикации рассказывает о беседе с японскими журналистами, которые удивлялись тому, что российские СМИ пишут и говорят о своей армии как о чужой.

СМИ Японии немало способствовали тому, что к силам самообороны в стране относятся доброжелательно и с уважением. Военное ведомство пока не испытывает особых трудностей с комплектованием вооруженных сил. Японцы служить в них идут не столько по материальным соображениям — молодой солдат-контрактник получает меньше, чем его ровесник, работающий в «Макдоналдсе», — сколько из-за понимания необходимости военной службы.

Таким образом, в вооруженных силах зарубежных государств для взаимодействия со СМИ и направления деятельности журналистов по освещению жизни и деятельности армии созданы и развиваются информационные службы. Они

имеют разветвленную структуру, свои средства массовой информации и осуществляют свою деятельность в свете решений высшего политического и военного руководства своей страны.

Военная цензура США в вооруженных конфликтах второй половины XX века

В отличие от хорошо организованной и согласованной цензурной политики в ходе Второй мировой войны, военная цензура во время войны в Корее была с самого начала организована очень плохо, считают американские аналитики.

В течение корейской войны система цензуры менялась пять раз, пытаясь приспособиться к потребностям момента. С начала военных действий в июне 1950 года и до декабря около 300 корреспондентов печатных изданий, радио и кинохроники работали, руководствуясь фактически добровольной самоцензурой. Этот порядок был изменен, когда военная удача отвернулась от США и их союзников. В конце 1950 года армия Северной Кореи при поддержке китайских народных добровольцев вынудила ООН отступить. Это привело к тому, что надежды на скорую и окончательную победу рухнули, что, в свою очередь, заставило правительство США отказаться от системы добровольной цензуры^{27а}.

Военное командование в зоне конфликта и до того жаловалось на то, что журналисты распространяют конфиденциальную информацию, которую они получали в частных беседах, и это наносило ущерб национальной безопасности. Публикуемые материалы содержали сведения о высадке американских частей в Корее, передвижениях тактических соединений, освобождении из американских тюрем заключенных китайского происхождения, использовании новых боевых самолетов... Впрочем, следует отметить, что даже на начальном этапе существовала не только одна самоцензура, а ограничительные принципы не всегда были расплывчатыми. Всякий раз, когда журналисты публиковали материалы о панике в войсках ООН, возникшей из-за вступления в войну китайцев, о том, что американская техника уступает советской, о коррупции в южнокорейском правительстве и т. п., гражданские и военные власти не замедляли с принятием

соответствующих мер. Через некоторое время они вообще ввели жесткие цензурные ограничения для СМИ, объяснив это необходимостью лучшего обеспечения программы мобилизации в военное время²⁸.

В соответствии с новыми требованиями, журналисты должны были предоставлять все печатные и аудиоматериалы, а также пленки кинохроники в цензурный отдел Восьмой армии, а не напрямую в США по телеграфу или по военным коммуникационным каналам через Токио, как это было раньше. В скором времени эта система была скопирована также ВВС, которые организовали в Корее отдел цензуры. Отделы цензуры армии и ВВС возглавлялись офицером в чине подполковника. С 11 января по 12 марта 1951 года все материалы представлялись в цензурные отделы на местах и уже не проходили проверку в штабе в Токио. Однако вскоре сложилось мнение, что цензура на местах слишком либеральна, и 13 марта высокопоставленный представитель военного командования в Токио объявил, что отныне все материалы, включая кинохронику, будут проходить дополнительную экспертизу в Токио. Такая система двойной цензуры, существовавшая до того только на Южно-Тихоокеанском ТВД, где командовал Макартур, продержалась в течение всей весны 1951 года, после чего отделы цензуры на местах были вообще аннулированы. И до января 1953 года цензура осуществлялась только в штабе в Токио.

В январе приказом Главнокомандующего ВС на Дальнем Востоке была образована Объединенная группа полевой цензуры, в которую входили цензурные группы, образованные из представителей армии, ВВС и ВМФ. Группы функционировали на базе Восьмой армии и Пятой бригады ВВС, а также в Пханмунчжоне²⁹, где в то время уже начались мирные переговоры. В задачу этих групп входило цензурирование всех материалов и кинохроники, направляемой в США.

При этом цензоры, как и при предыдущей схеме, запрещали опубликование многих материалов, которые не имели прямого военного характера. Так, например, были запрещены материалы о практике вымогательства, широко распространенной в южнокорейской полиции. Иногда журналистам удавалось избегать цензурных запретов, прибегая во время

разговоров со своими бюро в Токио к эзопову языку. Жесткая цензурная система с одной стороны и уловки, направленные на ее обход, — с другой просуществовали вплоть до окончания войны в июле 1953 года.

С окончанием корейской войны изменилась и политика военной цензуры. Впервые в практике мирного времени МО разработало и в августе 1954 года опубликовало для всех родов войск «Руководство по полевой цензуре». Высшее военное руководство заложило основы системы цензуры для всех последующих конфликтов, и каждому роду войск вменялось выполнение определенных мероприятий, направленных на осуществление цензуры, хотя в мирное время группы цензуры должны были функционировать только в армейских частях. Так, во время кубинского ракетного кризиса в октябре 1962 года, были призваны пять офицеров, специалистов по полевой цензуре, которые после окончания кризиса были отпущены по домам³⁰.

Следует особо отметить, что после окончания корейской войны и до самого начала ввода американских войск во Вьетнам военное командование продолжало совершенствовать систему цензуры. Это привело к тому, что начало складываться мнение, будто ограничения военного времени для СМИ не являются чем-то исключительным. За годы холодной войны журналисты, редакторы и издатели поняли, что они в любой момент могут оказаться «под каблуком цензуры».

Решение администрации Джонсона о расширении американского присутствия во Вьетнаме воодушевило военных стратегов. После того как в августе 1964 года Конгресс принял резолюцию по Тонкинскому заливу, которая открывала возможности для полномасштабного задействования ВС США во Вьетнаме, сотрудники МО, отвечающие за военную цензуру, приступили к изучению имеющихся возможностей. На военную службу был призван и направлен во Вьетнам для изучения обстановки на месте один из бывших офицеров отдела цензуры. Главком ВС во Вьетнаме генерал Вильям Вестеморлэнд также консультировался с представителями МО по вопросам военной цензуры.

После некоторых колебаний и экспериментов военные решили все же не вводить обязательную цензуру. В основе этого важного решения лежало несколько причин. Одной из

наиболее важных, по-видимому, является желание военных максимально привлечь СМИ к освещению конфликта с тем, чтобы получить широкую общественную поддержку американской интервенции. Военные полагали, что введение цензуры только оттолкнет журналистов, в которых они хотели бы видеть союзников³¹.

Кроме того, военные сомневались, что жесткая система обязательной цензуры будет введена, она сможет эффективно функционировать. Во Вьетнаме военные власти не контролировали перемещение гражданских сил в зоне конфликта. Ежедневно в сайгонском аэропорту приземлялись гражданские самолеты. И ежедневно гражданские самолеты улетали оттуда. Для журналистов не составляло труда нанять маленький частный самолет, на котором они могли легко проникнуть в глубь страны. Широкое распространение реактивной авиации и рост числа коммерческих рейсов также существенно сократили время, необходимое для доставки материалов, в том числе кинохроники, и давали возможность избежать цензуры. Единственный способ, как военные могли бы осуществлять обязательное цензурирование, — это взять под полный контроль все перемещения в зоне военных действий и все транспортные средства. Это было возможно и было осуществлено во время Второй мировой войны; Вьетнам же представлялся значительно менее важным конфликтом. Едва ли военным, даже при всем желании, удалось бы убедить представителей Конгресса в том, что такой контроль действительно необходим.

Соответственно, военные решили попробовать систему полностью добровольной цензуры, при которой они только просили журналистов руководствоваться некоторыми общими принципами, вроде тех, что были опробованы во время Второй мировой войны в Северной Африке и Западной Европе и которые хорошо зарекомендовали себя с точки зрения соображений военной безопасности. Так, с августа 1964 года по конец 1968 года около 2 тысяч журналистов занимались освещением событий во Вьетнаме и только шестеро из них нарушили эти принципы в такой мере, что их аккредитации были отозваны. Таким образом, в самый разгар американского присутствия во Вьетнаме практически все журналисты добровольно соблюдали предложенные принципы, но

это при том что среди гражданского населения практически не было недовольства войной. Те журналисты, кто критиковал войну, делали это скорее из соображений неверия в возможности американской военной машины полностью и окончательно разгромить северовьетнамцев.

Но и когда в конце 60-х — начале 70-х военная удача отвернулась от США и Южного Вьетнама, представители МО не попытались возродить институт обязательной цензуры. В директиве МО в июне 1971 года слово «цензура» вообще было убрано из программы взаимодействия со СМИ в военное время. Вместо этого в директиве вводился новый термин: «информационная безопасность в военное время» (ИБВВ). Однако это начинание постигла неудача: в 1974 году бюджетные комитеты обеих палат проголосовали за прекращение финансирования резервных подразделений ИБВВ. Отделы ИБВВ в ВМФ и в ВВС были упразднены, а в апреле 1977 года они прекратили свое существование и в армии³².

Такое положение вещей сохранялось на протяжении четырех лет. В ноябре 1981 года в меморандуме МО, направленном в Комитет начальников штабов (КНШ), цитируя соответствующее решение Конгресса, было еще раз подтверждено, что «маловероятно, что какой-либо из элементов ИБВВ мог бы быть востребован в случае конфликта». Причиной изменения официальной установки послужило стремительное развитие коммуникационных и транспортных технологий, в результате чего система полевой цензуры безнадежно устарела.

Однако в скором времени последовал обратный откат. С введением американских войск на Гренаду в октябре 1983 года представители МО и рейгановской администрации де-факто восстановили институт цензуры. Отчасти именно из-за недовольства результатами подхода к цензуре на основе добровольности, как это было во Вьетнаме. При том что такой подход вполне оправдал себя с точки зрения принципов собственно военной безопасности, добровольность цензуры давала американскому обществу возможность узнать такие вещи, которые были недоступны в ходе корейской войны: материалы о коррупции в южновьетнамском правительстве и в армии, о страданиях, которые причиняют американские войска гражданскому населению и стране... Американское правительство и военные не без оснований полагали, что все это в

значительной степени подрывало доверие общественности к вьетнамской политике кабинетов Джонсона и Никсона.

С учетом прогресса в области технологий СМИ появился новый подход к ограничению информации о военном конфликте. Вместо того чтобы пытаться контролировать содержание информации, что технически стало практически невозможным, гражданские и военные чиновники, отвечающие за цензурную политику, предложили полностью закрыть СМИ доступ в зоны конфликтов. И хотя это предложение возмутило сами СМИ, оно доказало свою эффективность, по крайней мере, с двух точек зрения. Во-первых, главное, это позволило военным действовать в зоне конфликта, не находясь «под микроскопом» СМИ. Во время американского вторжения на Гренаду новости и видеоматериалы, которые получало общество, были не из первых рук и, соответственно, не возникло никакого общественного неприятия событий.

С другой стороны, запрет на доступ в район конфликта вынудил, по крайней мере некоторые, СМИ принять правила игры в обмен на возможность доступа в зоны конфликтов в будущем. Без этого, как хорошо понимали творцы нового подхода, попытки контролировать СМИ теми методами и способами, какие использовались до Вьетнама, обречены на провал из-за развития новых технологий, которые стали достоянием СМИ. Для того чтобы урегулировать все эти вопросы, в 1984 году была образована комиссия под председательством члена КНШ Джона В. Весси-младшего, в задачу которой входило изучение вопросов цензуры в военное время. В комиссию Весси пригласил руководителей крупнейших информационных организаций — Американской ассоциации издателей газет, Американского общества редакторов газет, Национальной ассоциации вещательных организаций, Ассоциации ведущих радио- и теленовостей. И хотя они отказались от участия, мотивируя свой отказ тем, что независимые СМИ не должны сотрудничать с правительством в таких вопросах, комиссия тем не менее указала в составе своих членов нескольких известных в прошлом журналистов и представителей учебных заведений, готовящих работников для СМИ. Отчеты комиссии также были разосланы в 16 крупнейших СМИ и организаций СМИ, а также 8 независимым экспертам и заинтересованным сторонам³³.

Отчет был назван по имени руководителя рабочей группы генерал-майора Винанта Сидла (в настоящее время — на пенсии) «Отчетом Сидла» опубликован 23 августа 1984 года. Он призывал СМИ освещать военные операции США с «максимальным учетом соображений секретности операций и безопасности ВС США». По своей сути это тот же самый руководящий принцип, который ставился во главу угла при разработке рекомендаций для Североафриканско-Западноевропейского ТВД во Второй мировой войне. В «Отчете Сидла» приводились также 8 конкретных рекомендаций, раскрывающих общий принцип. В свете последующих событий две из них представляют особый интерес. Одна вводила понятие «информационного пула» в зоне конфликта и представляла собой единственный законный способ для СМИ попасть в зону конфликта. Другая — определяла, что основным условием доступа СМИ в зону конфликта является добровольное согласие с правилами и принципами, устанавливаемыми военными, следование указанным правилам, а в случае их нарушения отлучение от дальнейшего участия в освещении конфликта³⁴.

Первые полевые испытания рекомендации Сидла прошли в Панаме в ходе состоявшегося в декабре 1989 года американского вторжения в эту страну. И хотя СМИ получили некоторый доступ в зону конфликта только в рамках информационного пула, как следует из последующего «разбора полетов» в самом МО, военные остались не удовлетворены собственными действиями, а система в целом была оценена как слабо организованная и неповоротливая. Неудачи были отнесены на счет министра обороны Ричарда Чейни и его помощника по связям с общественностью Луиса Вильямса. Скоротечность конфликта, однако, не дала возможность всесторонне проанализировать методику, предложенную «Отчетом Сидла». Аппарат Сидла заверил, что в будущем такие ошибки не повторятся³⁵.

Когда 8 августа 1990 года президент Буш приказал направить американские войска в Персидский залив, министр обороны Ричард Чейни запретил журналистам сопровождать себя в ходе поездки в регион. Последовавшая критика со стороны СМИ несколько смягчила его позицию. 31 августа его помощник по связям с общественностью Луис Вильямс распорядился о том, чтобы шесть пресс-офицеров сопровождала

ли информационный пул, состоявший из 17 журналистов, в г. Дхахран в Саудовской Аравии. Из этих шести офицеров было сформировано Объединенное информационное бюро, которое стало главным органом цензуры на ТВД, а группа из 17 журналистов оказалась первыми счастливицами, которым позволили освещать события³⁶.

В ответ на настойчивые просьбы СМИ Вильямс, в пик властям Саудовской Аравии, разрешил допуск второй группы журналистов, также объединенных в пул. Саудовцы всегда возражали против присутствия в стране западных журналистов. Отчасти из опасений, что контакты местного населения с журналистами могут привести к нежелательным последствиям, а также внести разлад в их теплые отношения с США. Осень 1990 года выявила серьезные разногласия между рядом СМИ, с одной стороны, и саудовским правительством с другой, что вынудило аппарат Вильямса лавировать.

Эта дилемма заставила Вильямса предложить систему взаимодействия, которая удовлетворила бы все заинтересованные стороны. На встрече, состоявшейся в середине октября, Вильямс и представители крупнейших печатных изданий и вещательных СМИ обсудили предлагаемые МО ограничения на освещение событий из зоны конфликта. Некоторые из этих ограничений были направлены на то, чтобы успокоить саудовцев. Другие, как сказал Вильямс, имели целью предотвратить возможную утечку информации, которая могла бы иметь негативные последствия для ВС США в Персидском заливе. На встрече, однако, не был достигнут консенсус, и под занавес Вильямс объявил, что будет создан новый пул и введена система цензуры, которой будут установлены Общие правила освещения событий и Дополнительные рекомендации.

Аппаратом Вильямса были подготовлены четыре проекта, по которым были проведены консультации с представителями СМИ. Однако начальство Вильямса отказалось принять одну очень важную вещь, содержащуюся в его предложениях. Соглашаясь с рекомендациями «Отчета Сидла» в той части, которая касалась информационного пула, Вильямс, однако, предлагал отказаться от него, когда станет возможным самостоятельное освещение СМИ событий в заливе. Это предложение, однако, было исклю-

чено из проекта, и после того, как 7 января 1991 года была обнародована окончательная версия, Вильямс уже не возвращался к этому вопросу. Таким образом, введенные ограничения устанавливали, что в течение всего времени конфликта все представители СМИ могут работать только в рамках пула.

Основные Правила определили круг из 12 позиций информации, которая не может быть опубликована. Запрет распространялся на следующую информацию.

(1) Сведения о численности войск, авиации, систем вооружения и т. п.

(2) Сведения о планах, боевых операциях, налетах, в том числе и о тех, которые были отменены.

(3) Информация или фотографии, которые могут способствовать определению местонахождения войск или военных объектов или снижать их безопасность.

(4) Правила задействования сил и средств.

(5) Действия по сбору разведанных, в том числе идентификация целей, методы и результаты.

(6) Конкретная информация о передислокации союзных войск, сведения о тактическом развертывании и позициях, что может нанести ущерб оперативной маскировке и жизнеобеспечению.

(7) Идентификация пунктов боевых вылетов, за исключением общих сведений о принадлежности к авианосному или наземному базированию.

(8) Сведения об эффективности мер и средств противника по маскировке, скрытию и дезориентации, целеуказанию, стрельбе прямой наводкой и с закрытых позиций, сбору разведанных, обеспечению жизнеспособности.

(9) Сведения о тактике и вооружении сил специального назначения.

(10) Сведения, позволяющие идентифицировать сбитые самолеты или выведенные из строя корабли при планировании и проведении поисково-спасательных мероприятий.

(11) ТТХ вооружения и техники, такие, как, например, угол или скорость атаки, при этом допускаются описательные термины, например «высокая» или «низкая».

(12) Сведения, которые могут понизить степень защищенности войск, например численная информация о потерях в

конкретном подразделении, прежде чем эти данные не будут официально распространены военными. Допускаются описательные прилагательные, например «незначительные», «некоторые», «серьезные» и т. п.

Дополнительные Принципы определяли, как, собственно, должны применяться указанные правила. Например, при сборе новостей в зоне конфликта, журналисты, входящие в пул, не имели права отказываться от сопровождения военных, если последние считали это необходимым. Это означало, что в то время, как журналист брал, например, интервью у солдата, оба находились под неусыпным надзором офицера по связям с общественностью. И хотя военные утверждали, что эта мера направлена исключительно на обеспечение безопасности журналистов, на самом деле такая практика вела к тому, что солдаты не могли свободно и открыто общаться с журналистами.

Процедуры, касающиеся передачи материалов, также были весьма строгими. От журналистов требовалось сначала представлять все материалы, как печатные, так и аудио- и видео-, на рецензирование офицерам по связям с общественностью, где они проходили проверку, прежде чем их отправляли в информационные агентства. Если журналист был не согласен с решением по конкретному материалу, он мог подать жалобу в Объединенное информационное бюро и далее, если решение бюро также не удовлетворяло его, в канцелярию Вильямса в Вашингтоне. Если руководство СМИ продолжало не соглашаться с официальным вердиктом, оно могло опубликовать спорные материалы. И хотя вроде бы такая схема оставляла окончательное право на принятие решения об опубликовании материалов за СМИ, практически делала это невозможным. Военные новости — это «скоропортящийся товар», а прежде, чем реализовать свое право на опубликование материалов, СМИ должны были выполнить все апелляционные формальности. Этот длительный процесс мог превратить любую «горячую» военную новость в «прокисшее блюдо». Таким образом, процесс рецензирования, если журналист собирался оспорить его, фактически превращался в процесс цензурирования.

Первоначальный вариант Правил и Принципов, естественно, подвергся жестким нападкам со стороны СМИ. После-

дние безуспешно пытались добиться права для всех корреспондентов участвовать в пуле и смягчить систему рецензирования. Вильямс пошел на некоторые изменения в версии Правил, опубликованной 14 января, однако на деле расхождения были незначительными и не имели никакого отношения к существу недовольства журналистов и СМИ первоначальной редакцией. Фактически новая редакция была еще более жесткой, так как единственное изменение состояло в том, что под обязательную ревизию попадали все без исключения визуальные материалы. Основное изменение в Дополнительных принципах касалось того, что только журналисты, аккредитованные в пуле, будут допущены на передовую. И хотя на словах Вильямс обещал, что если начнется сухопутная война, другие журналисты также будут допущены в зону боевых действий, этого так и не произошло.

Начавшиеся 16 января боевые действия стали испытанием для системы Правил и Принципов. С этого дня и до 23 февраля, когда американские и союзные войска вошли в Кувейт и Ирак, система функционировала примерно так, как и планировалось. Следует отдать и должное этой системе, так как она на деле обеспечивала нераспространение информации, которая могла бы иметь негативные последствия для безопасности ВС США и их союзников.

С другой стороны, лишь немногие из журналистов, которые должны были войти в пулы для освещения конфликта, получили аккредитацию в ходе вооруженного противостояния до начала собственно боевых действий. Точное число неизвестно, поскольку количество аккредитаций росло по мере того, как приближалось время «Ч», но также и увеличивалось количество пулов, во многом из-за давления со стороны СМИ, добивавшихся своего участия в них. К концу февраля, накануне ввода войск в Кувейт и Ирак, число корреспондентов, фотографов, операторов и других работников СМИ достигло максимальной цифры — 1400 человек. Но только 192 из них получили аккредитацию в 24 пулах при войсковых частях³⁷.

Небольшие размеры пулов делали журналистский корпус в целом полностью зависимым от официальных брифингов и тех новостей, которые поставляли журналисты, аккредитованные в пулы. Брифинги были, конечно, полезны, но лишь отчасти, поскольку уже в силу своей природы отражали ис-

ключительно точку зрения официальных военных властей. Что касается журналистов, аккредитованных в пулы, некоторые из них старались максимально использовать полученные возможности и собирали действительно полезные новости для всего журналистского корпуса. Они ежедневно поставляли информацию, даже если их собственные работодатели и не требовали этого, подавали материалы в виде, наиболее удобном для последующей работы с ними журналистов, не аккредитованных в пулы, и распространяли материалы на безвозмездной основе. Эти журналисты фактически работали как полноценные представители журналистского корпуса в целом, что, собственно, и подразумевалось системой пула и чем он единственно и мог быть полезен СМИ. Но были и другие, кто не мог или не хотел отказаться от старых привычек состязательной журналистики и которые уклонялись от ответственности. Такие журналисты оскорбляли своих коллег, оставшихся «за бортом», тем, что они готовили только те материалы, которые были нужны им самим, и не шли на сотрудничество.

Все эти проблемы только усугублялись неусыпным надзором военных, в рамках которых вынуждены были работать журналисты, аккредитованные в пулы. Офицеры по связям с общественностью заранее готовили и планировали мероприятия вроде посещения войск, военных объектов, линии фронта, и аккредитованный журналист не мог просто так взять и отказаться. В результате журналистам было нелегко увидеть, а тем более подготовить материал о чем-либо, что не являлось «домашней заготовкой» военных спецпропагандистов. Даже интервью с Джи-Ай были вымученными из-за постоянного присутствия офицеров по связям с общественностью.

Помимо проблем со сбором материалов имелись и проблемы с их передачей. Система рецензирования порождала многочисленные задержки, нередко для того, чтобы дать возможность Пентагону опровергнуть или «затушевать» ту или иную информацию. Кроме того, офицеры по связям с общественностью редактировали журналистские материалы, причем нередко таким образом, какой сами журналисты считали недопустимым, с учетом действующих Правил и Принципов. Например, репортажи о состоянии боевого духа солдат до и во время боя нередко подвергались цензурированию на

основаниях, не имеющих никакого отношения к вопросам военной безопасности³⁸.

Весь этот комплекс проблем привел к сильному недовольству американских СМИ. И хотя они и пытались несколько раз протестовать, а некоторые журналисты даже пробовали в частном порядке обойти систему пула, ограничения, введенные МО, продолжали действовать на протяжении всего конфликта. Некоторые журналисты даже пытались сбежать, воспользовавшись благоприятной возможностью, и пытаться самостоятельно работать и добывать новости, но практически все они были задержаны американскими военными властями, союзниками, а в одном случае даже иракцами. Единственное, на что шел Пентагон, это на постепенное расширение пулов. Это на некоторое время несколько смягчало нападки со стороны СМИ, но никоим образом не служило разрешению проблем, порожденных самой системой и практикой рецензирования, как таковыми.

Но как ни трудно приходилось журналистам на начальном этапе до введения войск в Кувейт и Ирак 23 февраля, после начала сухопутного наступления ситуация еще более ухудшилась. С началом наступления Чейни объявил, что все брифинги отменяются на неопределенное время, а также расформировываются все пулы. Успех наступления, правда, принес некоторые послабления. Уже через 10 часов после того, как журналисты, аккредитованные в пулах, подали свои материалы, Объединенное информационное бюро в Дхахране начало частично распространять их. Задержки, однако, превратились в правило вплоть до самого прекращения огня 27 февраля 1991 года. И только после того, как генерал Норман Шварцкопф, главнокомандующий ВС США в заливе, провел брифинг для журналистов, военные возобновили регулярное общение с прессой. Однако даже при этом ограничения, действовавшие в течение всей непродолжительной наступательной операции, были значительно более жесткими, чем в течение предшествовавших пяти недель³⁹.

Военные эффективно использовали журналистов до начала наступательной операции для введения в заблуждение иракской стороны. Они подсовывали изголодавшимся по материалам журналистам дезинформацию о том, как планируется дальнейшее развитие событий. И СМИ добросовест-

но распространяли сведения, почерпнутые из этого источника. Наиболее показательными в этом плане были сообщения о якобы готовящемся морском десанте в Кувейт и о планах союзного командования сконцентрировать войска на кувейтско-иракской границе для фронтального удара. Таким образом, Пентагон убивал сразу двух зайцев — не только цензурировал СМИ, но также и направлял публикуемые материалы в то русло, где они служили военным целям.

Лишь некоторым журналистам, например корреспонденту «Кей-Би-Эс» Бобу Ма-Къйону и корреспонденту «Эй-Би-Си» Форресту Сойеру, удалось обойти систему пулов и предоставлять «живые» новости во время союзного наступления. Большинство же вынуждены были идти на поводу у правил и подвергались жесткой цензуре, а их попытки обойти ограничения заканчивались неудачей. Быстрая победа союзников оставила вопрос о пулах открытым. Трудно сказать, не привело бы затягивание сухопутной операции к развалу системы пула, как таковой, или, по крайней мере, к ее серьезным изменениям.

В ходе стремительного сухопутного наступления СМИ успели, однако, опубликовать один материал, который военные власти задним числом объявили нарушающим установленные Правила и Принципы. Так, генерал Колин Пауэлл, начальник КНШ, расценил репортаж о тактике ВВС по обнаружению и уничтожению иракских танков, что, по его мнению, предоставляло иракской стороне полезную информацию для организации противодействия. За исключением этого случая, высокопоставленные представители Пентагона признались, что в целом они были удовлетворены работой СМИ в рамках установленных Правил и Принципов. И как свидетельствуют результаты опросов общественного мнения, большинство населения также придерживается такой оценки⁴⁰.

Со своей стороны, СМИ были значительно более сдержанны в своих оценках. Так, Хоуэлл Рэйнс, представлявший «Нью-Йорк таймс» в ходе дискуссии 1990 года по вопросам предлагаемых ограничений для СМИ, высказался следующим образом: «Мы проиграли. Они (Пентагон) делали с нами все, что хотели. Если говорить спортивным языком, то можно сказать, что нас разгромили со счетом 100:1»⁴¹. Редакторы и корреспонденты других СМИ также склонны разделять эту пессимистичес-

кую оценку. В конечном счете получилось, что СМИ пошли на поводу у властей, освещая события в русле того, как это было нужно военным для решительной победы, а не так, как это следовало бы, исходя из насущных потребностей полного и точного освещения событий. Теперь уже американскому обществу предстоит решать, действительно ли такой результат наилучшим образом отвечает общественным интересам.

Введенные МО ограничения по освещению войны в Персидском заливе трижды оспаривались в судебном порядке еще во время боевых действий многонациональных вооруженных сил против Ирака. Первый иск был подан 10 января Центром конституционных прав от имени 13 органов СМИ и журналистов. Обвинители, среди которых были такие издания, как «Харперс», «Мазэр Джонс», «Нэйшн» и «Вилладж Войс» отмечали в своем заявлении, что ограничения, выходящие за рамки установленных в свое время во Вьетнаме, противоречат законным соображениям национальной безопасности в части, касающейся сбора информации, и что введенная система цензуры является неконституционной и ограничивает свободу слова. Истцы конкретно указывали, что система пула, требование о сопровождении журналистов военными и рецензирование материалов, которые никогда не применялись во Вьетнаме, незаконно попирают права СМИ на сбор и распространение информации в нарушение первой поправки к Конституции, гарантирующей свободу слова, и пятой поправки, определяющей законный порядок. Истцы обратились в окружной суд Нью-Йорка с требованием раз и навсегда запретить МО введение каких-либо ограничений для СМИ, выходящих за рамки практики, имевшей место во Вьетнаме.

Второе судебное разбирательство началось месяц спустя по иску французского информационного агентства «Аженс Франс-пресс», которое не было аккредитовано в пул. Истец указывал, что военные власти США аккредитовали «Ассошиэтед пресс» и «Рейтер», но отказали «Аженс Франс-пресс», не имея на то законных оснований. Истец ссылаясь на то, что система пула сама по себе нарушает конституционное право собирать и распространять новости, и, в частности, требовал, чтобы временно фотографии, которые делают члены пула, предоставлялись также в распоряжение

«Аженс Франс-пресс», пока не будет вынесен судебный вердикт. Поскольку это дело было близко с первым, жалоба была подана в том же суде, а заявители объединили иски.

Ответ из Министерства юстиции указывал обоим истцам, что введенные ограничения служат целям безопасности ВС США. Министерство юстиции порекомендовало судебной инстанции строго придерживаться правил, введенных для СМИ, поскольку эти меры являются временными и будут незамедлительно отменены, как только позволит обстановка в зоне конфликта. Так, например, ответ из министерства заверял, что пулы «не планируется использовать в качестве постоянной системы организации освещения конфликта в Персидском заливе»⁴².

Оба дела попали на рассмотрение к судье Леонарду Санду. 25 февраля судья попросил у МО разъяснений касательно того, как начало сухопутной наступательной операции на Кувейт и Ирак скажется на правилах для прессы. Конкретно судья поинтересовался следующим. Во-первых, поскольку война вступила в новую фазу, планируется ли изменение или отмена ограничений, которые являются предметом разбирательства, и если да, то когда и как. Если ответ отрицательный, то, во-вторых, судья интересовался тем, планируется ли вообще изменение или отмена этих правил в будущем. Судья указал, что он распорядился разобраться в существе обоих дел до начала предварительного слушания, которое было назначено на 7 марта, а ответ из МО должен быть получен не позднее 28 февраля.

Приостановка ограничений для прессы и прекращение вооруженных действий незадолго до назначенной даты дало основания юристам из МО требовать прекращения дела, так как, по их мнению, оно стало ничтожным. На вопрос судьи юристы из МО дали ответ, что действие ограничений приостановлено, хотя сами они не отменены, а на следующий запрос ответили, что ограничения будут отменены и, таким образом, дело должно быть прекращено за отсутствием состава нарушения. На заседании 7 марта судья заслушал позицию обеих сторон. Истцы настаивали на том, что судебное разбирательство необходимо, так как МО явно планирует в будущих конфликтах использовать аналогичную систему ограничений, в том числе пулы, и, таким образом, дело не является ничтож-

ным в связи с окончанием боевых действий и снятием ограничений на настоящий момент. По ходатайству Министерства юстиции судья Санд отложил рассмотрение дела.

Третье судебное разбирательство по вопросам ограничений было начато 22 февраля, когда Союз за американские гражданские права подал в окружной суд округа Колумбия протест от имени ряда фотокорреспондентов, представителей СМИ, ветеранских организаций и групп инициативной поддержки семей военных. Протест был направлен против решения военных властей запретить гражданским и СМИ доступ на базу ВВС в Довере, которая в ходе войны была крупнейшим транзитным пунктом перевозки тел военнослужащих, погибших в Персидском заливе. Истцы указывали на то, что это нарушает первую поправку к Конституции, гарантирующую свободу прессы, и право граждан на свободные высказывания. Конкретно отмечалось, что запрет военных преследовал цели оградить общество от неприятных картин перевозимых гробов, а вовсе не цели национальной безопасности. Ответчиками по делу выступали МО и министр ВВС Дональд Райс.

Ответчики упирали на то, что база ВВС является режимным объектом, а запрет на доступ на территорию для представителей СМИ был продиктован заботой о скорбящих родственниках и телах погибших и направлен на защиту из прайвеси⁴³. Военные юристы указывали также на то, что если бы был разрешен доступ журналистов на базу в то время, как туда прибывали гробы, это могло бы иметь негативные последствия для национальной безопасности, так как могло бы оказать отрицательное влияние на состояние духа военнослужащих и их способность выполнять задачи, стоящие перед ВС США в Персидском заливе.

Оспаривая утверждения о том, что база была якобы закрыта для того, чтобы защитить прайвеси погибших и их скорбящих родственников, истцы отмечали, что база тем не менее была открыта для доступа СМИ в ходе вторжений на Гренаду и Панаму. В ответ на это юристы МО указывали, что это были быстротекущие конфликты, и тела военнослужащих, погибших в них, были доставлены на базу в один прием, что, соответственно, не оказало такого глубокого воздействия на личный состав базы. Они напоминали также, что база была

полностью закрыта для доступа представителей общественности и СМИ в ходе вьетнамской войны и что закрытие базы в данном случае было продиктовано тем, что власти полагали, что число жертв конфликта будет сопоставимо с войной во Вьетнаме, а не с молниеносными операциями на Гренаде и в Панаме. На это истцы просто отметили, что закрытие базы во время вьетнамской войны также было незаконным.

Что касается утверждений о режимном характере объекта и о том, что допуск представителей общественности и СМИ мешал бы выполнению задач, стоящих перед личным составом базы, истцы указывали, что доступ на базу не был закрыт в период подготовки и отправки войск в залив. И если тогда присутствие представителей общественности и прессы не мешало выполнению задач, то как оно могло мешать, когда на базу стали возвращаться гробы?

Поскольку истцы требовали принятия немедленных мер против произвола военных, рассмотрение дела было произведено в ускоренном порядке. 25 февраля состоялось экстренное заседание, на котором федеральный окружной судья Ройс Ламберт, однако, отклонил жалобу. Уже 26 февраля истцы обжаловали решение. На первую декаду марта было назначено повторное слушание. Однако и 8 марта, после того как были заслушаны представители обеих сторон, судья Ламберт не изменил своего решения. Суд счел, что военные имели достаточно законных оснований для ограничения доступа на базу, в том числе для защиты прайвеси погибших военнослужащих и их родственников. Кроме того, судья отметил, что работы, выполнявшиеся личным составом базы, имели такой характер, что ограничительные меры были целесообразны. Последнее замечание касалось жалоб истца на неоправданный характер запрета, который был введен только тогда, когда на базу стали поступать погибшие. Судья Ламберт принял сторону военных и в вопросе о том, что руководство базы имело право расширенно толковать право доступа представителей общественности и СМИ на базу и, по своему усмотрению, вводить ограничения.

Однако судья Ламберт отметил также, что хотя введенные ограничения не требуют принятия немедленных мер против произвола военных, следует все же подробно рассмотреть в обычном судебном порядке все юридические аспекты

проблемы. Когда результаты решения были опубликованы, обе стороны выступили с подробными комментариями. И истец, и ответчик согласились с тем, что в отличие от существа двух других судебных разбирательств это дело остается актуальным, поскольку американские военнослужащие продолжают находиться в зоне залива, а это может привести к появлению новых жертв. При том что ограничения, касающиеся доступа на базу ВВС в Довере, будут сохранены. Решение судьи Ламберта только озвучило твердое намерение властей не отступать от введенных ограничений.

Дэвид Стэббс, занимающийся в США проблемами взаимоотношений военных и СМИ, отмечает, что концепция национальной безопасности, сложившаяся в годы Первой мировой войны и индустриализации и ее дальнейшее развитие во время Второй мировой, сделали чрезвычайно запутанным рассмотрение подобного рода дел. Вопрос о том, как может быть разрешено противоречие между первой и пятой поправками Конституции США, с одной стороны, и интересами национальной безопасности — с другой, требует в будущем серьезного научного изучения.

Однако даже при этом Д. Стэббс замечает, что в действующем законодательстве имеются некоторые моменты, на которые можно было бы опереться. Во-первых, суды ориентировались на то, что законодательная и исполнительная власти могут иметь максимальную свободу во всем, что касается вопросов национальной безопасности, особенно в военное время. Но ведь с другой стороны, введенные ограничения касаются того, что гарантируется первой и пятой поправками, т. е. конституционных прав. Кроме того, иски касались того, что ограничения для СМИ не дают им возможности собирать и публиковать информацию, а не определяют порядок преследования СМИ по фактам публикаций. По этому вопросу уже имеются прецедентные решения Верховного суда (наиболее известное дело «“Нью-Йорк таймс” против правительства США», 403 US 713, 1971), устанавливающие полную меру судебной ответственности правительства в случае введения неконституционных ограничений для прессы⁴⁴.

Те, кто разрабатывал Основные правила и Дополнительные принципы, безусловно, имели в виду это обстоятельство,

пишет Д. Стэббс. Так, Дополнительные принципы предусматривают, что в случае, если СМИ не согласны с МО в вопросе о том, представляет ли данный конкретный материал угрозу для национальной безопасности, они имеют право вести судебную тяжбу с правительством, а конечное решение на опубликование остается в любом случае в компетенции самих СМИ. Таким образом, юристы МО дали понять, что система ограничений не запрещает публикацию материала, т. е. не является запретительной по сути, но просто сдерживает опубликование. Однако новости по своей природе — «скоропортящийся товар», и, поскольку продолжительные задержки обесценивают их, суд может усмотреть в этом создание условий для фактической невозможности отправлять свои права. Однако доказать это значительно труднее, чем если бы МО просто запретило публикации, особенно если на протяжении судебного разбирательства спорный материал продолжает, по утверждению МО, представлять угрозу для национальной безопасности. Дополнительные принципы были сформулированы таким образом, чтобы лишить почвы потенциальных жалобщиков.

Помимо прочего, истцы во всех трех случаях утверждали, что ограничения незаконно нарушают право СМИ на сбор материалов. И хотя имеются прецедентные судебные решения, защищающие права, гарантированные первой и пятой поправками, это не является абсолютным. Судебные разбирательства показали, делает вывод Дэвид Стэббс, что суды склоняются к особому подходу к праву правительства касательно введения ограничений на сбор информации в военное время на ТВД и на территории военных объектов. В двух случаях, разбиравшихся в Нью-Йорке, истцы отмечали, что ограничения на сбор информации, выходящие за рамки вьетнамской практики, являются незаконными уже в силу того, что эта практика сама по себе показала, что более жесткие ограничения не являются необходимыми для национальной безопасности. Такая аргументация требовала от суда пересмотреть ограничения, введенные МО, именно с точки зрения национальной безопасности, к чему, как оказалось, суды были не склонны. Истцам не удалось апеллировать к практике предшествующих войн, в первую очередь Второй мировой и корейской. Поскольку в предшествующие войны МО использовало различные

схемы ограничений, ни одна из которых не была успешно оспорена в суде, военные получили все основания утверждать, что различные войны требуют различного подхода к вопросам ограничений для СМИ. С другой стороны, этому противоречат утверждения самих представителей МО, что планируются использовать подобную же схему ограничений в будущих конфликтах, что, конечно, ослабляет официальную позицию. Однако, учитывая, что суды склонны полагать, что военные имеют право на особый подход в этих вопросах в зонах ТВД во время войны, шансы истцов представляются довольно слабыми.

Эверет Е. Деннис, исполнительный директор центра СМИ Фонда Ганнета, считает, что СМИ проиграли МО потому, что редко выступают единым фронтом в силу присущей им конкуренции. И когда Пентагон установил жесткие ограничения, СМИ практически не предприняли никаких коллективных действий, чтобы оспорить их и отвоевать свободу. Он приводит пример, что, когда в ходе конфликта в Персидском заливе редактор «Нэйшн» попытался организовать журналистов, чтобы подать в суд на ограничения, введенные военными, ни одно из крупных СМИ не присоединилось к акции и даже не выступило в ее поддержку. Военные же, напротив, всегда выступали единым фронтом⁴⁵.

Уже после опубликования статьи Д. Стэббена судья Леонард Санд вынес решение, что результаты рассмотрения двух дел являются неактуальными. Судья отклонил иск с требованием признать незаконным то, что МО планирует вводить ограничения для СМИ в будущих конфликтах, указав, что требуется рассмотрение конкретных обстоятельств каждого будущего конфликта с тем, чтобы принять решение о законности тех или иных ограничений. Таким образом, прогноз американского исследователя подтвердился.

Третье разбирательство, касавшееся права доступа представителей общественности и СМИ на базу ВВС в Довере, затрагивало еще один существенный аспект первой поправки американской конституции, пишет Д. Стэббэн. Дело в том, что часть истцов по делу не являлась представителями журналистского корпуса. Они представляли организации воинов-ветеранов и инициативные группы поддержки семей военнослужащих, требовавших права допуска на базу и свободы сло-

ва. Они указывали, что, закрыв доступ на базу на время, когда туда прибывали транспорты с погибшими, военные незаконно нарушили первую поправку, дающую право присутствия и свободы высказывания собственного мнения. Однако этот аргумент не был убедительным для суда. Просто действующее законодательство, регулирующее доступ гражданских лиц на военные объекты, является довольно строгим.

Таким образом, во время конфликта в заливе и сразу после него суды всегда принимали сторону военных по вопросу о праве доступа гражданских лиц на военные объекты.

В своих решениях суды исходили из того, что военные объекты в силу своего назначения выполняют обозначенные правительством законные функции и доступ на них гражданских лиц может мешать исполнению законных функций. Что касается заявлений истцов о том, что база была закрыта только тогда, когда начали поступать транспорты с погибшими, суд показал, что он склоняется к тому, что военные имеют широкие полномочия, если того требуют конкретные обстоятельства.

А в целом вопросы военной цензуры, возникшие в ходе последних вооруженных конфликтов XX века, далеко не новы для США. «Они существуют в нашей стране со времен Гражданской войны,— пишет Дэвид Стэбенн,— а с развитием коммуникационных технологий правительство только укрепило в своей позиции по ужесточению цензуры новостей в военное время. При этом обе стороны — и правительство и СМИ — как в прошлом, так и в настоящем в принципе согласны с тем, война диктует необходимость некоторых ограничений. Однако коренное противоречие заключается в том, каковы должны быть эти ограничения и кто должен их устанавливать: сами СМИ или власти. Существом вопроса является противоречие между двумя фундаментальными ценностями — свобода слова против так называемых интересов национальной безопасности⁴⁶.

Таким образом, исторический анализ института цензуры в военное время показывает, что военные в США практикуют введение ограничения для СМИ еще со времен Гражданской войны 1861—1865 годов. Однако в ходе войны в Персидском заливе был применен в своем усовершенствованном

виде новый подход, сформированный на основе уроков Вьетнама и впервые опробованный в 1983 году при вторжении на Гренаду, а именно полный запрет на доступ журналистов в район боевых действий. Жесткие ограничения, введенные в залив, резко контрастируют с той свободой, которую СМИ имели во Вьетнаме. Это свидетельствует о том, что военные использовали СМИ для проведения своей собственной политики, в том числе по дезинформации иракской стороны.

Исследовательская группа Центра СМИ Фонда Ганнета опросила 43 журналиста, которые освещали войну в Персидском заливе, об их отношении к цензуре. Они заявили, что открытая цензура и прямое запрещение подготовленных материалов практически не имели места. Только одна пятая часть опрошенных (17 %) сказала, что у них были случаи, когда им, по соображениям секретности, была запрещена передача подготовленных материалов. Вот как об этом высказался Гай Гультотта, корреспондент «Вашингтон пост», получивший за свои военные репортажи Пулитцеровскую премию: «Журналисты изрядно преувеличивали давление цензуры... а на самом деле сложности были в том, как собрать материал»⁴⁷.

Даже в Багдаде открытая цензура почти не практиковалась, но использовались различные способы ограничения доступа. Так, в Багдаде журналистам было запрещено самостоятельно передвигаться по городу. Как отметила Маргарет Лаури, корреспондент «Си-Эн-Эн», работавшая в Багдаде с конца января по начало февраля: «Без сопровождения военных нельзя было и носа высунуть из гостиницы... Да и вообще, отправляться в самостоятельное путешествие не имело никакого смысла, если только вы не говорили по-арабски». И далее: «Когда военные выводили нас в город, они не ограничивали нашего общения. В их глазах мы не представляли никакой опасности для умонастроения иракцев». Объясняя, что она имеет в виду под «умонастроением», Лаури приводит старую арабскую поговорку: «Я и мой брат против моего двоюродного брата. Я и мой двоюродный брат против чужака».

Военная цензура США задерживала (23 %) или несколько редактировала (29 %) материалы, поставлявшиеся из пулов, как для самих участников пулов, так и для не аккредитованного в пулы журналистского корпуса, который не имел возможности общаться с людьми и выезжать непосредствен-

но на места. В основном замечания касались тем, напрямую связанных с оперативной безопасностью, как, например, указания на дислокацию частей и соединений. Кроме того, военные редактировали материалы, которые, по их мнению, имели негативный характер с точки зрения саудовской культуры. Так, например, одному корреспонденту прикрыли материал о том, что солдаты соблюдают Пепельную среду⁴⁸. Был также заблокирован видеоматериал, где было заснято, как солдаты рассматривают купальные костюмы в «Спорте иллюстрейтед».

Сэм Дональдсон, не имевший аккредитации в пуле, отмечал: «Меня никто и не просил показывать мои материалы. Однажды я попал в группу, сопровождавшую генерал Шварцкопфа на иракскую границу. Военные просто попросили не упоминать, что мы находимся на иракской границе»⁴⁹. Я и не стал. Просто они не хотели, чтобы иракцы знали, где находится командующий. Но при этом никто из военных не потребовал от меня показать готовый материал».

Маргарет Лаури работала и в Аммане, и в Багдаде. Она поделилась двумя историями. «В Аммане правительственной цензуры не было, просто мы все добровольно ограничивали собственные материалы. А вот в Багдаде — все наоборот. Без контроля со стороны иракских официальных лиц и шагу нельзя было ступить — все тщательно контролировалось и проверялось»⁵⁰.

Однако имеются и яркие примеры задержек и существенной редактуре материалов, особенно на начальном этапе конфликта, когда вовсю эксплуатировалась система пула. Так, например, один из журналистов, Мальком В. Брауни, научный обозреватель «Нью-Йорк таймс», в свое время награжденный Пулитцеровской премией за серию репортажей из Вьетнама, который провел в заливе около месяца, подготовил материал об удачном налете истребителя-бомбардировщика В-2 «стелс», ход которому был закрыт командиром экипажа. Он аргументировал необходимость задерживать материал тем, что могут понадобиться новые налеты на ядерные объекты и поэтому, «пока задача не будет выполнена, ничего нельзя публиковать»⁵¹. Между тем французское агентство новостей «Аженс Франс-пресс» в своей статье от 3 марта написало, что «Брауни сумел всех опере-

дить со своим репортажем о воздушном налете, поскольку получил подробные сведения из аппарата одного из конгрессменов»⁵².

Особенно на начальном этапе конфликта задержки материалов доставляли немало головной боли. Как отмечает Боб Дэвис: «Неожиданно для всех военные ввели эмбарго на новости. С началом конфликта они установили 36-часовой барьер на прохождение информации. На кой это было нужно?» И далее: «Что касается фактической цензуры, я не думаю, что имеет смысл говорить, что де она имела место. А вот что касается того, чтобы вставлять палки в колеса, так в этом они (военные) вполне преуспели».

Нередко задержки обуславливались чисто техническими проблемами военной курьерской службы. Одного из корреспондентов «Эн-Би-Си» в г. Кувейте до того «достали» проволочки военных с доставкой, что он выбил себе в агентстве джип, на котором лично возил видеоматериалы к терминалу спутниковой связи «Эн-Би-Си».

О задержках много говорила также и Чарлейн Хантер-голт, американский корреспондент «Мак-Нэйл-Лерер ньюс-Оур», отмечавшая, что «получение разрешений отнимало кучу времени. Если бы военные работали оперативнее, мы могли бы готовить гораздо больше материалов. Мы все равно не делали ничего такого, что представляло бы угрозу для национальной безопасности».

Некоторые журналисты полагают, что противоречия между СМИ и военными неизбежны, просто они особенно обострились во время войны в Персидском заливе. При том что многие находили и положительные примеры, в том числе высоко оценивая работу офицеров по связям с общественностью, которые иногда сами помогали журналистам обойти суровые ограничения и получить доступ к интересующей их информации, отмечали общую доброжелательность военных по отношению к журналистам. Почти все (86 %) признались, что их собственные неформальные контакты с военными были полезными, а около трети (37 %) назвало такие контакты чрезвычайно полезными (см. рис.) Так, например, Лоуренс Джолидон, корреспондент газеты «Ю-Эс-Эй тудей» отметил, что среди военных он «встретил массу прекрасных людей, а некоторые из них даже стали его друзьями».

Большинство журналистов признавались, что так или иначе они пытались обходить введенные ограничения. Четыре пятых пользовались альтернативными каналами сбора информации. Две трети (68 %) сказали, что они конкретно знают журналистов, прямо нарушавших правила. А один респондент заявил, что если кто и не признается в этом, то он «просто лжет». Гейб Каджано, корреспондент «КМОЛ-ТВ» из Сан-Антонио в Техасе утверждал, что он только и делал, что обманывал военных и, выдавая себя за солдата, занимался исключительно тем, что нарушал установленные пулом правила.

Многие отмечали, что единственным способом получить своевременные живые новости, например попасть на место наступления на Скуд или получить интервью у солдата, было нарушение правил Объединенного информационного бюро.

Американский опыт освещения конфликтов в свете мнения журналистов

В США уделяется серьезное внимание исследованию проблем журналистики по освещению современных военных конфликтов. Так, еще в 1950-е годы там появились интересные работы Поля Бланшарда «Право читать»⁴⁰ и Кента Купера «Право знать»⁴¹, в которых на примерах корейской войны рассматривались актуальные вопросы информирования общества о событиях, происходящих на театре военных действий. В начале 60-х годов была издана книга Франка Мотта «История американской журналистики с 1690 по 1960 год»⁴², в которой значительное внимание отводилось работе прессы в период войн, в которых участвовали США. Тогда же, в первой половине 60-х, было опубликовано исследование Джеймса Виггинса «Свобода или секретность»⁴³, в которой рассматривались проблемы взаимоотношений прессы и цензуры в период вьетнамской войны. Серьезную работу по изучению роли американской прессы в ходе холодной войны провел Дж. Арансон⁴⁴. Филипп Найтли в середине 70-х годов опубликован свою книгу «Первая жертва: от Крыма до Вьетнама — военные журналисты — герои, пропагандисты, миротворцы»⁴⁵. В 80-е годы в США выходит целый ряд работ по проблемам взаимоотношений военных и СМИ при освещении вооруженных конфликтов. Так, в журнале «Коммуникации и право», № 5 за 1983

год, публикуется интересная статья Джека Готтчока «“Отвечает требованиям национальной безопасности”: История американской военной цензуры»⁴⁶. В 1985 году американский Фонд «XX век» выпустил научный отчет своей рабочей группы по проблемам военных и СМИ, который назывался «На фронтах»⁴⁷. В том же году вышла книга Джеральда Гантера «Судебные прецеденты и материалы по конституционному праву»⁴⁸, в которой рассматривались и случаи, в которых СМИ отстаивали свое право на информацию о боевых действиях и ее доведение до общества. Вопросам освещения вооруженных конфликтов большое внимание уделили и авторы исследования «Пресса и Америка: Обзор истории СМИ»⁴⁹ — очень популярной у читателей книги, которая в 1988 году вышла шестым изданием. В 80-е — 90-е годы изданы работы об освещении СМИ почти всех конфликтов, в которых участвовали США⁵⁰.

В США уже десятки лет проблемами освещения СМИ конфликтных ситуаций занимаются Центр по проблемам войны, мира и средств массовой информации при Нью-Йоркском университете, а также другие подобные центры американских вузов. Так, одно из последних исследований «Средства массовой информации в войне: пресса и конфликт в Персидском заливе» было проведено исследовательской группой Центра по изучению СМИ при Колумбийском университете во главе с Эверетом Е. Денисом⁵¹.

Подобные центры ведут постоянную работу по освещению вопросов войны в средствах массовой информации. Так, в Центре при Нью-Йоркском университете из публикаций газет и журналов, сюжетов телекомпаний и радиовещательных сетей страны выбираются все материалы по данной тематике и анализируется их стиль, форма подачи, наличие одинаковых стереотипов. Роберт МанOFF, директор этого центра, в 1988 году сообщал: «Сейчас мы систематизируем материалы по 800 различным тематическим досье... Сейчас к нам обращаются многие журналисты — за консультацией, необходимыми данными»⁵². Наиболее интересные результаты исследований центра публикуются в выходящем два раза в месяц журнале «Дедлайн», тираж которого более 60 тысяч экземпляров. Это самое крупное издание подобного рода в США. Его рассылают журналистам и редакторам, телевизионным продюсерам, газетным, теле- и радиообозревателям.

Материалы «Дедлайн» перепечатываются многими другими аналогичными изданиями.

Эти публикации помогают журналистам и изданиям избежать ошибок, изменить неверные представления, уйти от стереотипов.

В одном из своих интервью Р. Манофф сообщил, как у него возникла идея создания Центра при Нью-Йоркском университете. Он рассказал, что в 1983 году ему довелось рецензировать книжку, в которой несколько американских журналистов излагали свои взгляды на проблемы ракетно-ядерной войны. Внимательно изучив материалы, он пришел к выводу, что многие концепции ими излагаются неверно. Более того, он обнаружил, что этот неправильный подход постоянно тиражируется: статьи с ложными или искаженными концепциями попадают в справочные досье — «морги», как их называют в американских редакциях, и затем используются другими журналистами, которым поручают писать на данную тему. Проведенный Р. Маноффом анализ освещения американской печатью стратегии ядерной войны показал, например, что почти все материалы по этому вопросу содержали одни и те же ошибки. Так возникли стойкие представления и стереотипы, от которых журналистам порой трудно, а иногда и невозможно уйти. Р. Манофф, в прошлом журналист и редактор журнала «Харперс», а затем ответственный редактор журнала «Моор», решил бороться с этим, организовав подобный центр.

Номера журнала «Дедлайн» свидетельствуют, что у центра действует обратная связь: ему пишут и звонят те люди, чью работу они анализировали, как и те, кто не упоминался в его исследованиях. Как согласные с его выводами, так и несогласные. В журнале есть специальный раздел, в котором печатаются наиболее интересные письма, а также короткие ответы на них. Сотрудники центра стараются не навязывать своего мнения, хотя в своих ответах далеко не всегда соглашаются с авторами писем и объясняют причины этого. Своей задачей центр считает необходимость поддержания диалога и дискуссии.

Другая, не менее значительная часть более глубокой исследовательской работы центра по проблемам войны, мира и СМИ при Нью-Йоркском университете находит отраже-

ние в тематических бюллетенях. В них печатаются обзоры освещения журналистами тех или иных периодов или событий недавней истории — например, Карибского кризиса или размещения ракет средней дальности в Европе. А также и события более давней истории.

Кроме того, сотрудники центра проводят семинары и конференции журналистов по проблемам освещения военных конфликтов, дают рекомендации представителям американских СМИ в других странах о подаче материалов из этих государств. С этой целью ведется анализ публикаций по этим направлениям. Так, в 1985—1988 годах только Центр при Нью-Йоркском университете занес в свои архивы и частично проанализировал более 200 тысяч статей о Советском Союзе и советско-американских отношениях⁵³. А ведь помимо этого центра в США есть ряд других подобных учреждений с большим числом специалистов, анализирующих выступления печати. В России, как и раньше в СССР, аналогичного исследовательского центра нет.

В работах, которые вышли в США о роли СМИ в освещении войны в Персидском заливе — самом крупном после Вьетнама вооруженном конфликте, проходившем с участием американской армии, были сделаны следующие выводы:

- пресса, радио, телевидение СМИ обеспечивали «живую связь» между американским обществом и событиями в заливе. Несмотря на ограничения, введенные военными, СМИ доносили до общественности информацию об основных событиях, причем, как правило, весьма оперативно. Все виды СМИ максимально использовали свои возможности для наилучшего освещения событий в заливе, грамотно распределяя имеющиеся человеческие и финансовые ресурсы;
- в целом СМИ не были готовы к борьбе с ограничениями, введенными военными. И хотя СМИ могли бы кое-чему научиться на опыте Гренады и Панамы, они не сумели этого сделать;
- СМИ не сумели отвоевать у военных ничего существенного от введенных ограничений. И хотя некоторые журналисты и пытались высказывать свое недовольство и даже выступать против, большинство просто приняло правила игры и подчинилось им. Ни одно СМИ не прини-

- мало участия ни в одном из трех имевших место судебных процессов, касающихся введенных ограничений;
- то, что СМИ путь и нехотя, но подчинились ограничениям, введенным военными, по-видимому, ослабило их позиции по завоеванию больших свобод в возможных будущих войнах;
 - несмотря на то что новости из залива превалировали в эфире и заполняли все передовицы, сами многие работники СМИ полагают, несмотря на высокую общественную оценку, что СМИ проиграли информационную войну. Большая часть новостных сведений предоставлялась военными на брифингах и видеокассетах, и, таким образом, то, что Америка видела на экранах своих телевизоров (а для подавляющего большинства населения именно телевизор был основным источником информации), отражало официальную точку зрения;
 - за редким исключением, как репортеры, так и СМИ в целом, как правило, находились в плену военной эйфории, вместо того чтобы бороться за беспристрастную подачу новостей и анализ исторической перспективы.

Интерес представляет опрос журналистов, работавших в зоне Персидского залива, который провели члены исследовательской группы Центра СМИ Фонда Ганнета Джон Павлик и Сет Рахлин⁵⁴. Из 1400 журналистов группа провела подробные телефонные собеседования с 43 представителями американских СМИ, которые были аккредитованы в Персидском заливе в период между августом 1990 года и до окончания военных действий. Выборка респондентов была целевой, а не случайной. Исследователи ориентировались на то, чтобы были представлены как различные виды СМИ, так и отдельные яркие журналисты, освещавшие войну.

Большинство опрошенных журналистов имело солидный опыт. Средний стаж полевой работы составил 19 лет. Большинство также имело опыт освещения событий на Ближнем Востоке (39 %), освещения боевых действий (32 %), работы с военными (19 %). Большинство в выборке составляли мужчины (86 %). Женщины составили соответственно 14 %. Почти все были белые, представители национальных меньшинств составили только 6 %.

Опрошенные респонденты по-разному оценивали сложности с получением виз и время, которое пришлось на это

затратить. В отдельных случаях получение визы занимало длительное время и требовало многочисленных формальностей. Некоторым пришлось ждать месяц, сделать огромное количество телефонных звонков и послать кучу писем в различные инстанции. Примерно половина опрошенных (46 %) сказали, что у них были трудности. В среднем на получение визы уходило около трех недель. Пятерым (12 %) понадобилось целых три месяца. Большинство (60 %) сказали, что на получение визы у них ушло около недели. Меньше трудностей испытывали представители крупных СМИ, а также те, кто имел связи в американском или иностранных правительствах, в первую очередь в Конгрессе или в Сенате. А вот, например, у Хорхе Рамоса, ведущего испаноязычной программы новостей на «Юнивижн», на получение визы ушло более месяца. «Саудовцы не понимали важности испаноязычного вещания,— сказал он,— и не торопились выдавать мне визу».

Однако для других получение виз не составило никакого труда. «Проще простого»,— сказала Дебора Забаренко, корреспондент агентства «Рейтер», которая провела в заливе семь недель.

Опрошенные журналисты были достаточно единодушны в том, что система пула хотя и работала на цели военных, имела тем не менее множество недостатков.

192 журналиста из 1400 представителей СМИ, т. е. 13,7 процента, были аккредитованы в пулы, группами по 10—20 человек в сопровождении офицеров по связям с общественностью из Объединенного бюро информации. Примерно половина опрошенных (53 %) входила в пулы.

В ходе боевых действий члены пулов имели возможность выезжать в сопровождении военных на места боевых действий, например в районы сражения при Хафджи, в населенные пункты, по которым были нанесены воздушные удары, на позиции войск. Там под присмотром военных они могли брать интервью или снимать. Члены пулов также участвовали в брифингах, проводившихся в Рийаде и в других местах, и имели возможность общаться с различными военными представителями. Материалы и видеокассеты представлялись для рецензирования, после чего распространялись среди других членов журналистского корпуса. Большинство опрошенных передавало сообщения по модему (45 %), через спутнико-

вую связь (21 %) или по факсу (18 %). В отдельных случаях использовалась, например, диктофонная запись. За средний срок пребывания в заливе, который составил около семи недель, журналисты в среднем подготовили по 47 репортажей.

Более половины опрошенных (52 %) считали, что материалы, подготовленные ими в период работы в пулах, не были полезными или были полезными лишь отчасти. По мнению корреспондента «Балтимор Сан» Дэниэла Феспермана, пулы предназначались для того, чтобы «распространять дезинформацию»⁵⁵. Брэд Виллис, корреспондент «Эн-Би-Си-Ньюс», считает, что система пулов была просто «мерой военных для манипулирования прессой и контролем за освещением событий, прикрываясь так называемыми интересами национальной безопасности»⁵⁶.

Отмечались две основные проблемы: 1) организация и реализация собственно системы пулов, как таковой, и 2) конкуренция внутри пулов. Так, Сэм Дональдсон, один из соведущих программы «Горячие новости» на «Эй-Би-Си-Ньюс», трижды за время конфликта посетивший Персидский залив, отмечал: «Одной из проблем пулов была внутренняя конкуренция. Вам, как журналисту, не нужен чей-то прилизанный материал, вам нужно свое». Один из журналистов, работавших в пуле, отвечая на вопрос о конкуренции, Рассел Митчел, военный корреспондент «Бизнес Вик», находившийся в заливе с 16 января по 3 марта, охарактеризовал пулы как «гнусные змеиные ямы».

Эти проблемы порождались целым рядом факторов.

1) Пулов не хватало на всех.

2) При формировании пулов предпочтение отдавалось определенным СМИ (известным операторам и тем, кто имел хорошие связи).

3) Аккредитация в пулах производилась наобум.

4) Журналисты, аккредитованные в пулы, не всегда руководствовались правилами пулов или попросту игнорировали их.

Например, в одном пуле нередко объединялись корреспонденты ежедневных и еженедельных изданий или изданий, не выходящих по выходным дням. В результате некоторые члены таких пулов не занимались ежедневной подготовкой материалов, несмотря на то что журналисты, не получившие аккредитацию в пулах, ждали от них информа-

ции. Более того, в некоторых пулах были аккредитованы журналисты, не имевшие опыта освещения боевых действий, работы с военными, не знакомые с ближневосточной проблематикой. Такие журналисты не знали элементарных вещей и нередко вызывали неадекватную реакцию военных, приставая к ним с вопросами, ответы на которые им следовало бы знать самим.

Том Брокоу (не входил в число респондентов), сотрудничавший в заливе с программой вечерних новостей «Эн-Би-Си», отмечал наличие двух тенденций в среде самих военных: «Те, кто не попал в состав пулов, были заинтересованы в их работе. Они ждали корреспондентов и хотели, чтобы Америка узнала о том, что они делают. В то же время штабные офицеры из Объединенного бюро информации были заинтересованы в обратном, для чего ограничивали возможности доступа и прохождение материалов»⁵⁷.

Другое противоречие в среде военных отмечал Лоуренс Джолидон, корреспондент и один из редакторов «Ю-Эс-Эй тудэй», находившийся в заливе в течение семи месяцев. Говоря об офицерах, отвечавших за пулы, он сказал: «С одной стороны, их работа была полезна в той части, что касалась взаимодействия с военной бюрократией, но, с другой стороны, они же и мешали мне, ограничивая обратную связь для передачи моих материалов с места событий»⁵⁸.

Джолидон полагает, что система пулов «в принципе порочна, поскольку военные не выделяют ресурсы для корреспондентов, работающих на местах». Под ресурсами понимаются вертолеты, транспортные средства, факс-аппараты, спутниковая связь. «В большинстве ресурсов нам было попросту отказано, и даже то, что было обещано, мы так и не увидели». Таким образом, мало было собрать информацию — проблемой становилась ее передача обратно в США. Даже те материалы, которые подавались по команде, не всегда доходили до получателя. И нередко сами корреспонденты узнавали о том, что их материалы так никогда и не были получены, только после своего возвращения домой.

Вот что рассказал Боб Дэвис, семь недель проведенный в заливе и работавший и в Дхахране, и в частях, будучи прикомандированным к 82-й воздушно-десантной и 3-й механизированной дивизиям. Как журналист, аккредитованный в пул,

он отметил, что «система пула контролировалась также и самими СМИ. И это вызывало изрядное недовольство. Проблема в том, что у вас 1000 журналистов и всего 200 мест. И есть агентства, которые традиционно вне конкуренции. В конце концов все это приводит к омерзительной возне вокруг тех, кто принимает решения, за то, чтобы протолкнуть своих. Все это, вообще, не имеет никакого отношения к журналистике».

Фактически система пулов развалилась с началом сухопутного наступления и вводом союзных войск в Кувейт. Именно в эти 100 часов СМИ обрели наконец-то настоящую свободу и возможность независимого освещения событий.

По мнению журналистов, объединенное информационное бюро, созданное военными, показало свою высокую эффективность в вопросе контроля за освещением событий. «СМИ держали в узде», — прокомментировал положение Лоуренс Гроссман (в число респондентов не входил), в прошлом президент «Эн-Би-Си ньюс» и «Пи-Би-Эс»⁵⁹ и один из ведущих научных сотрудников Центра СМИ Фонда Ганнета, на состоявшемся в середине марта «круглом столе» Центра СМИ, посвященном вопросам освещения событий в заливе. Рик Каплан, выпускающий редактор программы «Горячие новости» на «Эй-Би-Си ньюс», провел в заливе 5 недель. Он отмечал, что степень контроля была столь высока, что его впечатления «напомнили ему работу на съезде политической партии по выдвижению кандидата в президенты». Джордж Эспер, руководитель бюро «Ассошиэйтед пресс» в Саудовской Аравии и в прошлом руководитель бюро «Ассошиэйтед пресс» во Вьетнаме, сказал, что «во Вьетнаме было намного проще работать». Он отметил, что во Вьетнаме журналисты имели гораздо больше возможностей.

Большинство опрошенных журналистов обвиняют в таком жестком контроле не одних только военных. По их мнению, отчасти виноваты сами СМИ, поскольку с самого начала приняли правила игры. Особенно критично по отношению к крупным агентствам новостей высказывались корреспонденты региональных изданий. Больше всех досталось «Нью-Йорк таймс», которую обвиняли в том, что она имела режим наибольшего благоприятствования при вхож-

дении в пулы и большие возможности для работы с источниками и на местах, причем за счет второстепенных изданий.

Как отметило большинство респондентов, брифинги для прессы служили удобным инструментом для распространения дезинформации, которая лишь в очень малой толике снабжалась правдивыми сведениями. Около трех четвертей (71 %) опрошенных сказали, что брифинги были бесполезны или почти бесполезны. Только 54 процента опрошенных посещали брифинги, а 88 процентов смотрели их по телевизору. Показательную историю привел Брэд Виллис, корреспондент «Эн-Би-Си», имеющий огромный опыт работы по освещению боевых действий на Ближнем Востоке, в том числе в Афганистане. Пул, в котором он был аккредитован, был направлен на место сражения при Хафджи, город, принадлежащий Саудовской Аравии и захваченный иракцами. И вот в то время как вокруг него гремел бой, Виллис в укрытии слушал по радио репортаж «Би-Би-Си» с брифинга в Эр-Рияде. Каково же было его удивление, когда среди грохота боя он услышал, как военные чиновники уверяют, будто город уже отбит. Чарльз С. Льюис, шеф бюро газеты «Хирст», прошедший в заливе шесть недель, сказал, что генерал Шварцкопф «твердо держал руку на крантике с информацией».

Чарлейн Хантерголт охарактеризовала информационные брифинги как «увлекательные, но не слишком полезные. Могу только догадываться, как многое до нас не доходило».

Информационные брифинги служили еще одной важной стратегической цели военных. Как предположил Лоуренс Гроссман, информация, распространявшаяся на брифингах, определяла приоритеты подачи новостей. Сначала подсовывались сведения о якобы готовящемся брицкриге, затем муссировалась возможность морской десантной операции, далее упор делался на успешные налеты союзной авиации на Багдад и так далее.

Многие журналисты, имевшие в прошлом опыт освещения вооруженных действий, отмечали, что конфликт в Персидском заливе был абсолютно уникальным как с точки зрения географии, так и с точки зрения методов ведения войны и ограничений для прессы. Это хорошо продемонстрировал

Гай Гульотта, который в свое время освещал события в Иране после падения шахского режима, гражданскую войну в Сальвадоре, никарагуанскую революцию, войну с сандинистами, фолклендский конфликт и массовые беспорядки в Гватемале и Панаме. «Война в заливе... впервые поставила меня в положение, когда я был вынужден считаться с американскими военными по существу... Я всегда освещал конфликты как гражданин США и был, в общем-то, сторонним наблюдателем... Здесь (в Персическом заливе) я ежедневно имел дело с ВС США и мне говорили, что я должен делать. Это была совершенно новая, тщательно спланированная война — столкновение двух гигантских военных машин... на гигантской территории»⁶⁰.

Чарлейн Хантерголт сравнила три месяца, проведенных ею в заливе, со своим предыдущим опытом освещения боевых действий: «На Гренаде ограничения были, но в значительно меньшем объеме... Гренада была как бы уменьшенной копией того, что происходило в заливе»⁶¹. Как следует из результатов опроса, журналисты нередко (58 %) не могли работать так, как они это делали раньше. Все опрошенные, в том числе и те, кто имел прошлый опыт работы в зонах вооруженных конфликтов, утверждали, что освещение событий в Персидском заливе было одним из самых сложных и напряженных заданий за всю их карьеру. Большинство выражали свое возмущение действиями военных по контролю за ситуацией в целом. Три четверти (75 %) согласны с тем, что Правила мешали СМИ нормально работать, а 25 процентов считают, что они не оставляли никакой возможности для нормальной работы. Лишь незначительное меньшинство считает, что эта война дала «что-либо стоящее» в профессиональном плане.

Вот, например, как описывает свои впечатления Дэниэл Фесперман. «Это было не похоже ни на что, с чем мне приходилось до сих пор иметь дело. Конечно, работать приходилось гораздо больше, чем обычно. В среднем я трудился по 18 часов в сутки». Однако журналист считает, что это был положительный опыт, заканчивая на оптимистической ноте: «Мне очень понравилось!»

А вот Джордж П. Родриг, берлинский корреспондент «Даллас морнинг ньюс», придерживается совсем другой точки зрения: «Надеюсь, что это было последний раз».

Многие отмечали существенную разницу между «печатным» освещением событий и новыми электронными технологиями. Большинство полагает, что электронные СМИ находились в более выгодном положении, отчасти в силу визуального характера самой информации, отчасти благодаря удаче «Си-Эн-Эн», которой покровительствовали военные и которая имела доступ к военным кругам в США, Саудовской Аравии и в самом Ираке. С другой стороны, пишущая братия имела больше возможностей по маскировке — телевизионной группе не так-то просто укрыть от бдительных глаз свое довольно громоздкое оборудование.

Любопытно, что около половины опрошенных (51 %) отмечали, что такие факторы, как пол, национальность и вероисповедание, оказывали заметное влияние на работу. Так, например, все согласны с тем, что вопрос о том, мужчина ты или женщина, был очень важным. Женщинам запрещено было водить машину и покидать гостиницу без военного сопровождения. Сопровождение было обязательным даже для тех, кто хотел посидеть в гостиничной зоне отдыха. Так, Дебора Забаренко сказала, что она чувствовала недовольство окружающих, когда посещала магазины и рестораны. Ей отводили место специально для женщин «в каком-нибудь паршивом углу за занавесочкой». Однако, отмечает она, со стороны саудовских военных никакого выражения недовольства не было. С другой стороны, большинство женщин-журналисток отмечали, что принадлежность к слабому полу давала и некоторые преимущества. Например, многие просто не воспринимали их всерьез и по сравнению с коллегами-мужчинами у женщин было больше шансов получить интересную информацию. Журналисты отмечали также, что еврейская национальность была фактором, осложнявшим работу. Так, одному телевизионному журналисту, еврею по национальности, для того чтобы попасть в Саудовскую Аравию, пришлось пойти на некоторые махинации со своим паспортом, чтобы скрыть тот факт, что он неоднократно бывал в Израиле.

Ни один из респондентов не владел в достаточной мере арабским языком (некоторые могли объясняться на бытовом уровне, но не настолько, чтобы работать или брать интервью). Все отмечали, что владение арабским языком было бы огромным плюсом в их работе.

Организация информационно-психологических действий в странах развитой демократии

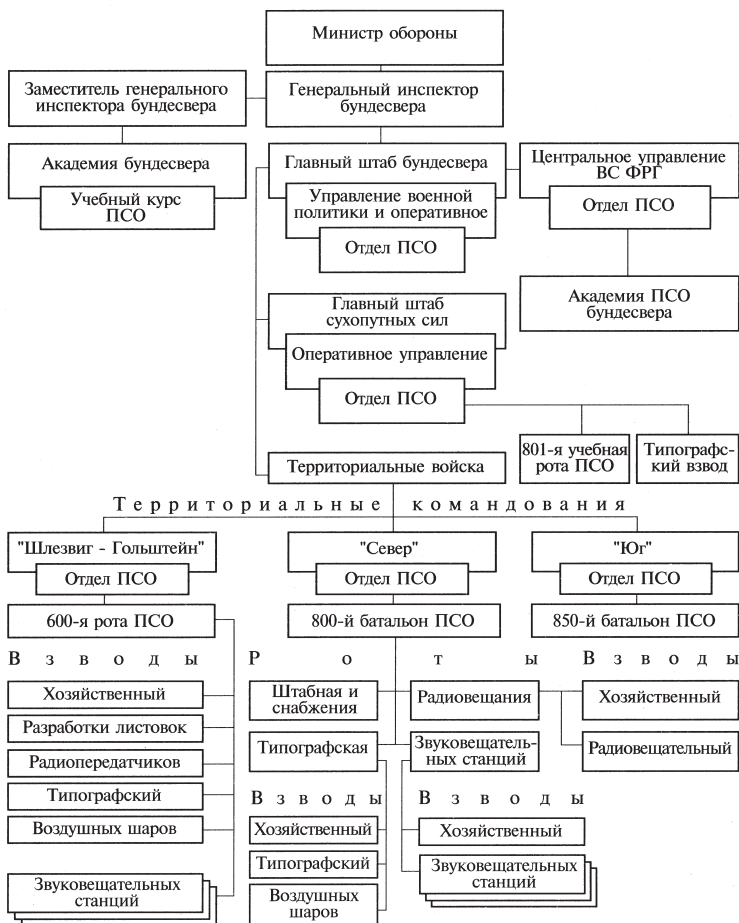
Союзники США по НАТО, несмотря на некоторые особенности, в основном придерживаются взглядов Вашингтона на организацию и ведение психологических операций, что подтвердила война в зоне Персидского залива. Между органами ПсО блока на основе директивы «О принципах планирования и ведения психологических операций» осуществляется тесная координация деятельности. Хотя по масштабам деятельности и получаемым ассигнованиям органы психологических операций значительно уступают американским, но по мастерству работы они от них не отстают.

В ФРГ решения о ведении психологических операций в угрожаемый период принимает федеральный канцлер. Министр обороны страны определяет основное содержание ПсО и подчиненность подразделений информационно-психологических операций армейским корпусам бундесвера. Общее руководство силами и средствами ПсО осуществляет генеральный инспектор бундесвера через главный штаб бундесвера, в котором для этих целей в 1957 году был сформирован отдел психологических операций в составе 3-го управления.

К началу 90-х годов силы и средства психологических операций (см. схему) представляли собой род войск сухопутных сил ФРГ и включали: органы центрального подчинения (учебные курсы психологических операций при академии бундесвера; академию «психологической обороны» бундесвера; 801-ю учебную роту психологических операций; типографический взвод) и подразделения, входящие в состав территориальных войск (800-й и 850-й батальоны, 600-я рота психологических операций)⁶³.

Учебный курс ПсО академии бундесвера (Гамбург), предназначенный для подготовки офицерского состава по вопросам психологических операций, является составной частью обучения офицеров в академии. На его прохождение в течение двухлетнего обучения выделяется около 40 учебных часов. Наличие этого курса в высшем военном учебном заведении вооруженных сил ФРГ позволяет командному составу и штабным офицерам овладеть навыками организации и ве-

Силы и средства психологических операций бундесвера

дения психологических операций как в период кризисной ситуации, так и в ходе войны⁶⁴.

Академия «психологической обороны» бундесвера является центральным органом по подготовке всех категорий военнослужащих войск психологических операций. Кроме того, она проводит широкий комплекс научно-исследовательских работ в области ПСО и вырабатывает соответствующие рекомендации руководству бундесвера.

Учебная рота ПсО подчинена начальнику главного штаба сухопутных сил и используется для начальной подготовки (три месяца) военнослужащих срочной службы.

Для службы в подразделениях ПсО отбираются лица, имеющие опыт работы в соответствующей гражданской сфере (дикторы, звукооператоры, редакторы, художники, фотографы, наборщики и т. д.). На учения подразделений «психологических операций» привлекаются, как правило, резервисты, работающие в редакциях газет и журналов, рекламных и научных учреждениях, на радио- и телестанциях⁶⁵.

Военная печать ФРГ выделяет следующие основные функции подразделений ПсО в ходе войны: подготовка радиопередач и ведение радиопропаганды, направленной на войска и население противника; издание и распространение листовок и другой печатной продукции; разработка и реализация программ устной пропаганды.

В мирное время войска ПсО разрабатывают новые формы и методы идеологического воздействия на различные категории военнослужащих и группы населения и принимают активное участие в учениях бундесвера и ОВС НАТО.

В начале 90-х годов взгляды командования бундесвера на содержание и ведение «психологических операций», применение сил и средств ПсО изложены в соответствующих документах. К ним в первую очередь относятся уставы HDv 100/100 «Управление войсками в бою» и HDv 100/200 «Принципы управления сухопутными силами», а также «Указания по ведению психологической обороны». Согласно этим документам целями ПсО являются подрыв морально-боевого духа личного состава противостоящих войск (сил), ослабление его воли к сопротивлению, создание паники, зарождение сомнений в целесообразности ведения боевых действий и пораженческих настроений, разжигание противоречий между различными группами (слоями) населения и другие.

В соответствии с положениями, принятыми в НАТО, в зависимости от масштаба и характера решаемых задач, а также привлекаемых сил командование бундесвера подразделяет «психологические операции» на стратегические, консолидирующие и тактические. Первые проводятся против крупных воинских контингентов противника (всеми средствами, в первую очередь при помощи радио- и печатной пропаган-

ды, с привлечением государственных органов информации). Вторые направлены на противодействие идеологическим и психологическим акциям противоборствующей стороны, нацеленным на свои войска и население. Третьи проводятся против конкретных воинских частей и групп населения противника, проживающих в ограниченных районах (с применением лишь штатных средств бундесвера).

В последние годы все больше внимания уделяется консолидирующей пропаганде среди населения своей страны. Германские аналитики считают, что успех боевых действий во многом будет зависеть от его взглядов на войну, от веры в справедливость политики ФРГ и других стран НАТО. Не менее важным является отношение населения к противнику. В уставе HDv 100/100 по этому поводу отмечается: «Противник будет пытаться вбить клин между армией и населением, завоевать себе активных сторонников. Противодействовать этому — первейшая задача политического руководства и гражданской администрации. Для оказания им помощи в работе по психологической консолидации населения могут привлекаться подразделения «психологических операций», прежде всего в ситуациях, когда поведение населения препятствует обеспечению свободы боевых действий своих войск. Задача заключается в том, чтобы разъяснить населению необходимость ведения боевых действий и побудить его к оказанию помощи войскам».

Чтобы повысить эффективность пропаганды среди населения своей страны, в бундесвере изучаются такие проблемы, как взаимоотношения между населением и военнослужащими, оценка психологической обстановки в ФРГ, подверженность различных групп населения пропаганде противника, слухам, панике, страху.

При ведении консолидирующих психологических операций основными задачами сил и средств ПХО являются: обучение соответствующих специалистов работе с местным населением по предотвращению антивоенных акций, направленных на снижение морально-психологической готовности личного состава вооруженных сил; обобщение опыта работы; изучение причин возникновения оппозиционных групп, действия которых направлены против бундесвера, а также оценка эффективности их акций; распространение (в угрожаемый период и в ходе войны) информации среди военно-

служащих и населения противника для противодействия его пропагандистским мероприятиям и ослабления готовности к сопротивлению войскам НАТО.

В соответствии с уставами вооруженных сил ФРГ командиры, занимающиеся организацией и проведением «психологических операций», исходя из поставленной задачи, обязаны: прогнозировать степень психологического воздействия операций или боев как на свой личный состав, так и на противостоящие войска; оценивать психологическую обстановку в районах расположения подчиненных частей и противника; определять цели, задачи и объекты идеологического и психологического воздействия; руководить действиями отделений ПсО штабов в ходе разработки предложений по организации «психологических операций»; принимать решение на их проведение и включать важнейшие мероприятия по ПсО в оперативные планы; отдавать приказы и боевые распоряжения приданным подразделениям ПсО на проведение «психологических операций».

Значительный опыт в ведении психологических операций накоплен в вооруженных силах Великобритании. Зарубежные специалисты связывают это с тем, что, являясь длительное время одной из самых крупных колониальных держав в мире, она вынуждена была постоянно приспосабливаться к быстроменяющейся международной обстановке. Еще в 30-е годы британские психологи вели большую работу по идейному и морально-психологическому воздействию на население колоний, доминионов и независимых территорий для укрепления в них английского влияния.

При разработке форм и методов информационно-психологического воздействия на общественное мнение зарубежных стран английские специалисты следуют сложившимся традициям, особенностью которых является то, что применяемые методы отличаются завуалированным характером, облакаются в форму «беспристрастия», «достоверности» и «объективности».

Огромный опыт по манипулированию общественным сознанием Великобритании приобрела в ходе двух мировых войн, участия в подавлении национально-освободительного движения и военных конфликтах последних десятилетий. Уже много лет способы информационно-психологического воздействия

обрабатываются во время непрекращающегося конфликта в Северной Ирландии. Так, в вооруженных силах Великобритании в конце 60-х — начале 70-х годов был принят ряд программ под общим названием «За сердца и умы людей», направленных на ликвидацию влияния прогрессивных сил в Ольстере. Иностранная пресса сообщала, что накопленный там опыт активно использовался в ходе англо-аргентинского конфликта из-за Фолклендских (Мальвинских) островов.

В вооруженных силах Великобритании имеются относительно небольшие силы и средства ведения «психологических операций» по сравнению с другими странами НАТО. Это объясняется прежде всего тем, что английские специалисты считают более целесообразным использовать в данных операциях гражданские силы и средства как самой Великобритании, так и тех стран, где они проводятся. Тем более что у них в этом был большой опыт в Первой и Второй мировой войнах. В отличие от американцев англичане полагают, что такая организация «психологических операций» позволяет добиться более высокого морально-психологического эффекта.

Ответственность за планирование и координацию «психологических операций» вооруженных сил Великобритании несет комитет пропаганды, возглавляемый одним из заместителей министра обороны. Согласно сообщениям английской печати, офицеры по «психологическим операциям» имеются в аппарате министра обороны, оперативном управлении штаба обороны, объединениях вооруженных сил, объединенном военном центре (Олд Сарум)⁶⁶.

Подразделения «психологических операций» Великобритании в мирное время содержатся по сокращенному штату в составе двух групп, одна из которых считается резервной. В период ведения боевых действий, согласно данным, опубликованным в монографии П. Уотсона «Война умов», в вооруженных силах развертываются базовые подразделения, состоящие из 13 военнослужащих и определенного количества гражданского персонала. При необходимости они до-укомплектовываются заранее отобранными и подготовленными специалистами из состава подразделений сухопутных войск. Кроме того, к «психологическим операциям» в боевых условиях привлекаются диверсионно-разведыватель-

ные подразделения, военная разведка, служба связи с общественностью и др.

Как показывают результаты англо-аргентинского конфликта, командование вооруженных сил Великобритании активно взаимодействует со средствами массовой информации страны. Через них организуется искусственная «утечка информации», фабрикуются и распространяются различные слухи. Заместитель министра обороны в своем выступлении в палате общин английского парламента в августе 1982 года высоко оценил итоги этого взаимодействия, которое еще раз продемонстрировало тесную связь между органами массовой информации и военно-политическим руководством страны.

В организационном плане в ходе боевых действий проведение психологических операций направляется центральным бюро информации, работающим под непосредственным контролем кабинета министров, через аппарат министра обороны, которому придается специально создаваемый комитет. В его состав входят представители от министерств обороны, иностранных дел и внутренних дел, правительственной службы информации, разведки и службы психологических операций. Кооптированными членами комитета являются специалисты по социологии, экономике, религии и т. д.

Вопросами подготовки военных кадров по психологическим операциям ведает объединенный военный центр (Олд Сарум), в котором проходят обучение как офицеры вооруженных сил Великобритании, так и представители гражданских учреждений и ведомств. Согласно сообщениям английской печати, этот учебный курс считается секретным и ни в каких открытых документах Министерства обороны даже не упоминается, что в вооруженных силах изучаются формы и методы ведения психологических операций. В подготовке офицеров, занимающих штатные должности специалистов по психологическим операциям, участвует также американский институт военной помощи (Фортрэгт, штат Каролина). В то же время офицеры по психологическим операциям вооруженных сил Великобритании ежегодно в течение недели принимают участие в сборах, проводимых на базе Академии психологических операций бундсвера в ФРГ.

В ряде западных стран, традиционно придерживающихся внеблоковой политики, также уделяется значительное вни-

мание информационно-психологической проблеме в системе национальной безопасности. Так, военно-политическое руководство Швеции считает достижение высокого уровня морального духа населения важной проблемой обеспечения защиты страны. Главные задачи морально-психологической обработки решаются в системе «психологической готовности», которая, по взглядам шведских специалистов, наряду с гражданской обороной является важным элементом всеобщей (тотальной) обороны страны.

В основе этой системы лежит идеология, которая направлена на «воспитание в духе преданности идеалам сложившегося в стране общества и готовности к его защите, а также противодействия иностранной пропаганде». Кроме того, на нее возложена задача контроля и распространения информации внутри страны и за рубежом.

Согласно сообщениям западной печати, система «психологической готовности» Швеции включает центральные, региональные и местные органы управления, средства массовой информации, а также запасы материальных средств для обеспечения функционирования издательств, радиовещания и телевидения в военное время.

Общее руководство системой «психологической готовности» осуществляет единый орган управления невоенными компонентами всеобщей обороны — главное управление гражданской готовности. Оно создано в соответствии с законом, принятым 1 июля 1986 года.

Центральным руководящим органом системы в мирное время является комитет «психологической готовности». Он состоит из 30 человек, назначаемых правительством по рекомендациям ведущих министерств, ведомств и учреждений, а также органов массовой информации. Комитет разрабатывает структуру органов «психологической готовности» и основные направления их деятельности в период обострения обстановки и в военное время, организует подготовку и расстановку руководящих кадров, создание запасов материальных средств, научные исследования, опросы общественного мнения, обобщает опыт работы аналогичных органов за рубежом, а также разрабатывает руководящие документы по проведению морально-психологической обработки населения. С целью решения функциональных задач в комитете

сформированы рабочие группы из трех—пяти человек каждая. Для ведения текущей работы в нем имеется канцелярия, насчитывающая десять человек³⁸.

В военное время в качестве высшего руководящего органа системы «психологической готовности» на базе комитета создается государственный информационный центр. В его функции входит общее руководство подготовкой и распространением информационных материалов внутри страны и за рубежом, контроль за деятельностью органов массовой информации, изучение общественного мнения и эффективности пропаганды, проведение мероприятий по борьбе с дезинформацией и распространением враждебных слухов и т. п.

Организационно центр включает отделы (информационный, исследований, иностранный), пресс-бюро и секретариат. В качестве консультативного органа при директоре центра действует совет по вопросам информации и совет по вопросам печати. Руководящие работники центра назначаются правительством уже в мирное время из числа служащих министерств, вооруженных сил и органов массовой информации.

Информационный отдел руководит подготовкой и распространением военной, внутривластной и международной информации в стране, контролирует деятельность органов массовой информации. Отдел исследований основные усилия сосредоточивает на проблемах пропаганды и контрпропаганды, изучения и формирования общественного мнения, разрабатывает мероприятия по борьбе с дезинформацией, распространением слухов и т. д. Иностранный отдел организует радиопередачи на зарубежные страны. На пресс-бюро возложена подготовка и распространение информации для шведской и иностранной печати.

Государственный информационный центр осуществляет распространение информации через акционерные общества «Шведское радио» (включающее и телевизионную компанию), «Шведское телеграфное бюро», а также редакции центральных газет и журналов. Всего в Швеции насчитывается более 300 радиостанций, работающих на длинных, средних, коротких и ультракоротких волнах, свыше 800 телевизионных передатчиков, транслирующих первую и вторую программы телевидения, а также 150 газет общим тиражом свыше 4 миллионов экземпляров.

В окружном звене управления вопросами «психологической готовности» занимаются секции штабов округов гражданской обороны и военных отделов губернских правлений. Их деятельность сводится главным образом к распространению информации, получаемой от государственного информационного центра, через редакции местных газет и радио, а также к изучению общественного мнения.

В местных органах власти (муниципалитетах) за вопросы «психологической готовности» отвечают специальные уполномоченные, которые изучают моральное состояние населения и затем информируют о нем вышестоящие органы.

Обучение кадров организуется комитетом «психологической готовности» путем проведения двух-, трехдневных курсов, конференций, семинаров, штабных тренировок. Органы «психологической готовности» раз в семь лет принимают участие в учениях, проводимых в масштабе страны.

Согласно планам развития системы «психологической готовности» предусматривается продолжить создание запасов типографского оборудования и материалов, средств связи и запасных частей к ним, расширение радиосети, в том числе ведущей передачи на зарубежные страны, а также дальнейшее развитие исследовательской работы в своей области с привлечением научно-исследовательских центров Министерства обороны и других ведомств.

По оценке шведского военно-политического руководства, организация и состояние органов «психологической готовности» страны в основном обеспечивают решение поставленных задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Волковский Н. Л. Силы специальных операций. СПб., 1996. С. 41—43.

² См.: Безруков М. Е., Безрукова О. М. Советы по вопросам безопасности: параллели становления и развития // США: Экономика, политика, идеология. 1997. № 2. С. 52—62.

³ См.: Доронин В. «Разведывательное сообщество» США // Зарубежное военное обозрение. 1990. № 7. С. 3—7.

⁴ См.: Из Архива Национальной безопасности США. Прогнозы ЦРУ в отношении СССР. 1991 год // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 113—130.

⁵ *Beschols M. R., Talbolt S.* At the Highest Levels. The Inside Story of the Cold War. Boston, 1993. P. 360.

⁶ См.: CIA and the Fall of the soviet Empire: The Politics of “Getting It Right”. Kennedy School of Goberment. Case Program. Copuright, 1994.

⁷ К новому, постсоветскому периоду в своей военной политике Вашингтон начал готовиться еще до официального окончания холодной войны. Действительно, еще в 1987—1988 годах стали появляться статьи относительно характера постбиполярной структуры международных отношений и вытекающих из этого приоритетов военной политики. Многие специалисты говорили о возможном переключении вектора конфликтности международных отношений с политической и геополитической борьбы на экономические и геоэкономические противоречия, а также об остром нарастании нестабильности в третьем мире.

⁸ См.: *Альцев М.* Совет национальной безопасности США // Зарубежное военное обозрение. 1996. № 10. С. 8—9.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: *Adolph R.* PSYOP: Gulf War Maltiplier // Army, Vol. 42, December. 1992. P. 16—22.

¹¹ См.: *Волковский Н. Л.* Силы специальных операций. С. 41—43.

^{11a} *Джулиан Р.* В Си-эн-эн стажируются разведчики // Среда. 2000. № 8—9. С. 9—10.

¹² Propaganda planning // Psychological Operationg Fild Manual. № 33-1/ Ch. 12.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Интервенция без помощи штыков // Журналист. 1970. № 3. С. 67—69.

¹⁶ *Paddorck A.* “PSYOP in Early 1980 s: The We Were” Special Warfare, Vol. 6. Oktober 1993. P. 29—33.

¹⁷ *Bolger D.* Special Operations and the Grenada Campaign. Parameters 18: 49—61. December. 1988.

¹⁸ *Волковский Н. Л.* Силы специальных операций. С. 41—43.

¹⁹ *Bolger D.* Special Operations and the Grenada Campaign. Parameters 18: 49—61. December 1988.

²⁰ Там же.

²¹ *Мгимов Ю.* Они заботятся об имидже армии // Красная звезда. 1977. 30 сентября.

²² *Гольев А.* Третье место бундесвера // Красная звезда. 1997. 16 октября.

- ²³ Панков Ю. Открытость и достоверность // Красная звезда. 1997. 12 ноября.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См.: Кузарь В. На доброе отношение к армии // Красная звезда. 1997. 30 сентября.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ^{27a} The media at War: The and Persian Gulf Conffoct. N. Y., 1991. P. 15.
- ²⁸ Davis Elmer, Price Byron. War Information and Censorship. Wash., DC: Amer Conneil on Pub aff. 1943. P. 17—24.
- ²⁹ Город на 38-й параллели, где начались мирные переговоры. В последующем он стал местом проведения ряда переговоров между Севером и Югом.
- ³⁰ *Gottschalk Jack A.* «Consistent with Security...»: A Hostory of American Military Press Censorship. Communications ahd the Law 5, 1983. P. 35—52.
- ³¹ Там же.
- ³² *Stebenne D.* The military and the media: The Gulf Conflict in Historical Perspective... The media at war. N. Y., June. 1991. P. 14—15.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. С. 16.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 18
- ³⁸ Там же. С. 19.
- ³⁹ Там же. С. 20.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 21.
- ⁴³ Комплекс понятий, охватывающий все аспекты конфиденциальности частной жизни, личности, личного имущества, тела и т. п.
- ⁴⁴ См.: *Gunter Gerald.* Cases and Materials on Constutlional Law. 11 th ed. Minecla, 1985.
- ⁴⁵ *Dennis E.* Introduction // The media at war: The Press and the Persion Gulf Conflict. N. Y, June. 1991. P. 1.
- ⁴⁶ *Stebenne D.* The military and the media // The media at war: the Press and the Persian Gulf Conflict. N. Y., June. 1991. P. 8.
- ⁴⁷ Там же. С. 29.
- ⁴⁸ День покаяния, первый день великого поста в англиканской церкви.
- ⁴⁹ *John Pavlih and Seth Rachlin.* On assignment: a Survey of Jornalists Why Covered the War // The Media at War: The and Persion Gulf Conflict. N. Y., June. 1991. P. 29.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 30.

⁵² Там же.

⁵⁰ *Daniek C.* «Thr Uncensord War»: The Media and Wietnam. Berkeley. 1989; Jacqueline Sharkey. «Under Fire»: U.S. Military Restrictions in the Media from Grenada to the Persion Gulf. Washington, 1991; Warand Peace News. Glasgow University Media Group. Glasgow, 1985 и др.

⁵¹ *Everette E. Dennis*, et. al. The Media at War: The Press and the Persian Gulf Conflict. A Report of the Gannett, Foundation. New York City, 1991.

⁵² *Манюфф Роберт.* «Исходя из своих ошибок» // Журналист. 1988. № 6. С. 81—82.

⁵³ Там же. С. 85.

⁵⁴ *John Pavlik and Seth Rachlin.* On assignment; a survey of Journalists why Covered the War // The Media at war: The and Persian Gulf Conflict. N. Y., 1991. P. 26—33.

⁵⁵ Там же. С. 28.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 29.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Служба общественного вещания.

⁶⁰ The media at war... P. 26—33.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ *Волковский Н. Л.* Силы специальных операций. СПб. 1996. С. 46.

⁶⁴ См. *Владимиров П.* Новая академия в бундесвере // Зарубежное военное обозрение. 1988. № 6. С. 15—16; *Владимиров П.* Академия «психологической обороны» бундесвера // Зарубежное военное обозрение. 1989. № 6. С. 15—18.

⁶⁵ См. *Павлов П.* Подготовка бундесвера к ведению психологических операций // Зарубежное военное обозрение. 1985. № 11. С. 17—21; *Овсяник В., Зимин А.* Силы и средства «психологических операций» бундесвера // Зарубежное военное обозрение. 1989. С. 3—9.

⁶⁶ *Джури И.* Психологические операции в вооруженных силах Великобритании // Зарубежное военное обозрение. 1986. № 7. С. 17.

ГЛАВА XVI

Особенности информационного обеспечения советских и российских войск в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века

При подавлении восстания в Венгрии

Анализ печати, литературы и источников позволяет сделать вывод о том, что информационные действия имели важное значение во всех локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века, в которых участвовала Россия (СССР). Прежде всего это было в военно-политических кризисах в Восточной Европе, связанных по своей природе со становлением новых социалистических государств, опиравшихся во внутренней и внешней политике на Советский Союз. В целях их разрешения широко использовались регулярные воинские части и соединения Советских Вооруженных Сил. Наиболее рельефно это проявилось в 1956 году в Венгрии, где местное руководство пыталось произвести внутривнутриполитические перемены, несколько «модернизировать социалистический строй», сделав его более демократичным. Однако развитие событий в Венгрии вызвало негативную реакцию советского руководства, и уже 23 сентября 1956 года части Особого корпуса, дислоцировавшегося после окончания Великой Отечественной войны в Венгрии, двинулись в Будапешт для восстановления порядка. Но этих сил оказалось недостаточно, и советским руководством было принято решение о вводе в Венгрию нового контингента войск.

Подготовка к вторжению советских войск проводилась под информационным и дипломатическим прикрытием. Руководство СССР вело интенсивные переговоры с главами других социалистических стран. 30 октября в «Правде» и других центральных газетах была опубликована «Декларация об

основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами». В этом документе, который готовился с середины октября, дана самокритичная оценка послевоенного опыта формирования отношений СССР с этими государствами, подвергнуты критике различного рода деформации и выражена готовность строить равноправные отношения, убрать все препятствия на пути сотрудничества, обсудить трудные вопросы, включая и пребывание советских войск на территории ряда стран, прежде всего в Венгрии.

Однако в действие вступили и другие планы. К этому времени маршал И. С. Конев уже был назначен командующим операции «Вихрь» (кодовое название вторжения в Венгрию) и 1 ноября начал перегруппировку войск и переброску подкреплений, окружение аэродромов и т. д. Таким образом, прибегнув к дезинформации, советские войска внезапно окружили Будапешт и заняли другие важнейшие населенные пункты Венгрии.

Советская печать главную причину венгерского кризиса объясняла «происками западных спецслужб» и деятельностью внутренних «врагов венгерского народа», называла случившееся в Венгрии «контрреволюцией», сообщала о расправах восставших над коммунистами.

Для вторжения советских войск был использован благоприятный момент в международной обстановке. С 1 по 3 ноября советские руководители провели встречи с И. Тито, В. Гомулкой, с руководителями Румынии. Они все высказались за ввод войск, обеспокоенные последними фактами расправ над коммунистами. Свою поддержку силовому решению проблемы высказали руководители ГДР, Чехословакии, Болгарии, делегация ЦК КПК во главе с Лю Шаоци. Страны запада в это время были втянуты в Суэцкий кризис, где в конце октября началась агрессия против Египта (освещая ее, советские СМИ выражали поддержку общественности страны борьбе египетского народа). Вашингтон был вынужден выступить против своих союзников, к тому же Президент США Д. Эйзенхауэр был занят предвыборной кампанией. 27 октября, выступая в Далласе, Госсекретарь Д. Даллас публично провозгласил политику невмешательства в венгерские дела, а в личном послании Председателю Совета Мини-

стров СССР Н. С. Хрущеву Эйзенхауэр заявил об отсутствии интереса США к венгерским событиям, так как это внутреннее дело советского блока. Однако американские радиостанции продолжали воодушевляющее вещание на Венгрию, слушая которое восставшие верили, будто Соединенные Штаты Америки придут к ним на помощь¹.

Во время боев радио Будапешта на русском и венгерском языках постоянно передавало сообщение: «Венгерское правительство просит офицеров и солдат Советской Армии не стрелять. Избегайте кровопролития! Русские — наши друзья и останутся ими!» Революционный комитет венгерской интеллигенции в этот период выразил благодарность всем, кто «с первой минуты встал на сторону народа», а также тем советским солдатам и офицерам, которые «не проявляли склонности направить оружие против венгерского народа и его свободы». А возродившаяся Христианско-демократическая народная партия предлагала предоставить политическое убежище тем военнослужащим Советской Армии, «которые перешли на сторону венгерского народа и таким образом доказали свое недовольство террором, царящим в их стране»², т. е. в СССР. Об успехе пропаганды восставших может свидетельствовать то, что по докладу начальника 3-го Главного управления КГБ генерал-лейтенанта Л. Е. Леонова министру обороны Г. К. Жукову, за «осуждение советской военной агрессии» против Венгрии около 200 солдат, сержантов и офицеров Советской Армии были «репрессированы» органами госбезопасности СССР³.

Почти одновременно с началом операции советских войск, утром 4 ноября на волнах Сольнокского радио прозвучало обращение нового, якобы созданного в Сольноке, Революционного рабоче-крестьянского правительства Яноша Кадара. В нем говорилось, что это правительство обратилось с просьбой к командованию советских войск, чтобы оно «помогло нашему народу разбить черные силы реакции и контрреволюции, возродить народный социалистический строй, восстановить порядок и спокойствие в нашей стране»⁴. Передачи радио правительства Я. Кадара стали регулярными. По некоторым сведениям, они велись из советского города Ужгорода.

С началом операции «Вихрь» в Венгрию была направлена оперативная группа генералов и офицеров Главного по-

литического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота (ГлавПУ СА и ВМФ), в состав которой входили несколько спецпропагандистов. Вместе с находившимися там офицерами отдела спецпропаганды Прикарпатского военного округа и редакцией газеты на венгерском языке они начали вести пропагандистскую работу по разъяснению населению и военнослужащим Венгрии причин ввода советских войск, их целей и задач. Особенно важную роль в этом играли листовки и газеты на венгерском языке, которые выпускались регулярно с ноября 1956 года. Спецпропагандисты также устанавливали связи с новыми властями, политическими, партийными и общественными организациями, молодежью, помогая им в налаживании деятельности своих СМИ.

Они организовали круглосуточное прослушивание программ основных западных радиостанций, и на основе полученных сводок вели контрпропаганду, готовили информационные материалы для проведения лекций и бесед с личным составом подразделений советских частей.

Особенно эффективны были приемы и методы спецпропаганды периода Великой Отечественной войны. Это связано с тем, что первое десятилетие после окончания войны 7-е управление ГлавПУ СА и ВМФ вело большую исследовательскую и аналитическую работу по обобщению опыта ведения политической пропаганды на войска и население фашистской Германии, ее союзников⁵.

Советская пропаганда главным образом доминировала в отечественном информационном поле и активно велась на венгерское население. Однако она значительно уступала антисоветской пропаганде за рубежом. Она не смогла найти убедительных доводов для убеждения международного общественного мнения в справедливости советской военной акции в Венгрии. Подавление венгерского восстания было не первым примером жестокого разгрома политической оппозиции в Восточной Европе, аналогичные акции в меньших масштабах проводились в Польше всего несколькими неделями ранее. В ретроспективе, возможно, это было первой вехой на пути, приведшему спустя поколения к разрушению коммунистической системы в Европе, поскольку это событие вызвало «кризис сознания» среди искренних сторонников марксизма-ленинизма. Многие ветераны партии в Запад-

ной Европе и США лишились иллюзий, потому что уже нельзя было больше закрывать глаза на решимость советских руководителей сохранить власть в странах-сателлитах, полностью игнорируя устремления их народов.

Кубинская революция и Карибский кризис

Кубинская революция 1953—1958 годов и ее победа широко освещались в средствах массовой информации Советского Союза. А в начале 1960-х, когда Куба заняла особое место во внешней политике СССР, «принципы классовой солидарности» и «пролетарского интернационализма» в сотрудничестве с этой страной стали прочно внедряться советской пропагандой в сознание населения СССР. Проводилась идея защиты свободы и суверенитета Кубы и обеспечения возможности для ее народа создать «свободное и демократическое общество».

Советская печать, радио, телевидение и кинохроника изображали Кубу малой страной, «освобожденной народной революцией», страной, народ и руководство которой стремились создать новое «справедливое общество», свободное от нищеты, угнетения, коррупции и зависимости извне, «первую свободную страну в Западном полушарии». Газета «Правда» писала, что молодое кубинское государство, поставившее себе целью воплотить в жизнь социалистическую модель, достойно «братской и бескорыстной помощи» СССР⁶.

Однако СМИ Советского Союза не сообщали ни о модели кубинского социализма, ни о политическом терроре, царившем на острове, ни о той подрывной деятельности, которой занимались поддерживаемые кубинским правительством революционные группы в ряде стран Латинской Америки, ни о том, что Фидель Кастро постепенно отказывался от демократических принципов, которые привели его к власти и стал превращаться в диктатора, о чем было достаточно хорошо информировано советское руководство из особых источников⁷.

Такое одностороннее освещение в СМИ событий и жизни на Острове свободы создало в сознании советских людей весьма привлекательный и в определенной степени даже романтический образ Кубы, ее народа и руководителей. В ап-

реле 1961 года они искренне сопереживали кубинскому народу, когда в районе Плайя-Хирон высадились формирования из кубинских эмигрантов, и радовались тому, что этот десант через 72 часа боев был полностью разбит. Во время Карибского кризиса, когда 12 сентября 1962 года было опубликовано Заявление ТАСС, посвященное политике СССР в связи с ситуацией, сложившейся вокруг Кубы, более 32 тысяч солдат и матросов, сержантов и старшин, ожидавших осенью увольнения в запас, подали командованию рапорты с просьбой об отсрочке их демобилизации «до тех пор, пока американский империализм не перестанет угрожать всеобщему миру». Сотни тысяч советских военнослужащих обратились к командованию с просьбой направить их в качестве добровольцев на защиту «молодой Кубинской республики»⁸.

Исследователи истории противостояния двух сверхдержав в период Карибского кризиса указывают, что, судя по имеющимся архивным документам, военно-политическое руководство СССР на протяжении трех предшествующих кризису месяцев не считало необходимым предпринимать какие-либо специальные пропагандистские акции в отношении Кубы. Исключением явился утвержденный Секретариатом ЦК КПСС 10 октября 1962 года. один из шести пунктов «Предложения В. Семичастного», в котором председатель КГБ отмечал, что необходимо через «неофициальные возможности» разведки «организовать выступления некоторых видных общественных деятелей Западной Европы» с призывом не допустить экономической блокады и агрессии против Кубы. Комитет госбезопасности считал, что «в случае начала американской блокады должен быть организован единый фронт помощи Кубе и проведена неделя бойкота американских товаров с одновременным отказом во всех странах продажи американцам каких бы то ни было товаров»⁹.

Так, 23 октября 1962 года советские газеты сообщили о том, что первый заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий Объединенными вооруженными силами Варшавского договора маршал А. А. Гречко созвал представителей армий — участниц пакта и дал указание провести ряд мер по повышению боевой готовности войск, входящих в состав Объединенных вооруженных сил. Параллельно с этим в полную боевую готовность приводились ракетные

войска межконтинентального и стратегического назначения на территории СССР, зенитно-ракетная оборона страны и истребительная авиация ПВО, стратегическая авиация; в повышенную боевую готовность — Сухопутные войска, часть сил и средств ВМФ СССР. Были задержаны увольнения из СА и ВМФ старших возрастов в Ракетных войсках стратегического назначения, войсках ПВО страны и на подводном флоте; задержаны обычные отпуска личного состава¹⁰.

Одновременно пресса опубликовала Заявление советского правительства, в котором предупреждало руководство США о том, что «берет на себя тяжелую ответственность за судьбы мира и ведет безрассудную игру с огнем»¹¹. В то же время правительство обратилось к народам мира выступить в защиту Кубы, что нашло поддержку у населения ряда стран Латинской Америки и других государств.

Ныне аналитики отмечают, что во второй половине октября 1962 года человечество оказалось поистине в шоковом состоянии, во всей полноте ощутило реальность апокалипсиса. К счастью, силы разума взяли тогда верх над безрассудством и разыгравшимися эмоциями. Государственные деятели СССР, США и Кубы впервые осознали что такое «ядерный тупик» и, проявив необходимый реализм при разрешении кризисной ситуации, нашли в себе силы вступить на путь снятия острейших международных проблем не военными, а политическими средствами. В осознании необходимости этого определенную роль сыграли и СМИ, которые в предыдущие годы много внимания уделяли теме борьбы за мир и показывали опасность ядерной войны, предостерегали государственных деятелей от поспешных и непродуманных решений, об их ответственности за мир на земном шаре.

**«Судьба Чехословакии имеет исключительно серьезное
значение для безопасности всего социалистического
содружества»**

Тщательно прорабатывалось «идеологическое обеспечение» вторжения войск армий пяти стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 года. Выдвинув тезис о возможности отрыва ЧССР от Организации Варшавского Договора, советская пропаганда начала эксплуатировать

мифы о германской угрозе, особых планах американского империализма в отношении Чехословакии.

В связи с этим в центральных газетах начали публиковаться сообщения о маневрах бундесвера и НАТО у границ с ЧССР, статьи об «авантюристических планах Пентагона и ЦРУ» в отношении стран социалистического лагеря¹². Не раз приводилась формулировка о том, что «защита завоеваний социализма... является... интернациональным долгом всех братских партий», принятая на совещании коммунистических партий в Братиславе 3 августа 1968 года, хотя концентрация войск НАТО летом 1968 года не выходила за пределы, которых она достигла в прошлом, и не давала повода для подобных опасений. И 8 августа, за три дня до ввода войск, началась подготовка проектов обращения к народу и армии ЧССР, правительственного заявления пяти стран—участниц вторжения и специального письма руководству компартий западных стран. Союзники объясняли свои действия угрозой контрреволюции, упоминали о жизненных интересах социалистических стран и о мире в Европе, ссылались на Братиславскую декларацию о защите завоеваний социализма и на «просьбу» о помощи партийного и государственного руководства ЧССР.

Эти же тезисы были доминирующими и в материалах, которые готовились для использования в устной пропаганде. Так, в одной из брошюр того времени (с предупреждающим грифом «не для печати»), полученной пропагандистами и агитаторами буквально через несколько дней после ввода войск, последовательно, начиная с ленинской оценки справедливых и несправедливых войн, доказывалось, что предпринятая акция — это вполне законная мера, вытекающая из договорных обязательств социалистических стран и статуса Варшавского договора, где записано, что защита каждой входящей в него державы является общим делом для всех других, объединяемых им государств. Разъяснялось, что судьба Чехословакии как социалистического государства имеет исключительно серьезное значение для безопасности всего социалистического содружества. Само положение ЧССР как страны, далеко выдвинутой на запад и непосредственно граничащей с ФРГ, таково, что ее отторжение от социалистического лагеря неминуемо нарушит сложившуюся систему

обороны на европейском континенте. Национальные интересы Чехословакии, таким образом, сливаются с национальными интересами других стран социализма. И хотя взаимоотношения соцстран строятся на принципах полного равноправия, уважения территориальной ценности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга, тем не менее основой их связей следует считать братскую взаимопомощь, действенным проявлением которой является социалистический интернационализм.

Особо подчеркивалось, что в ведении пропагандистской работы необходимо акцентировать внимание не на «наличие или отсутствие разрешения на ввод союзных войск в пределы ЧССР», а на то, «была или не была реальной опасность контрреволюционного переворота в Чехословакии»¹³.

Советская печать, указывая на то, что «контрреволюция в Чехословакии — выкормыш международного империализма», писала, что с помощью нее Запад пытался «нанести военно-политический удар по мировому социализму». В подтверждение приводились выдержки из публикаций западной прессы, высказываний политиков и государственных деятелей США, ФРГ и других стран. Рассказывалось о том, что в июле 1968 года достоянием гласности стал «оперативный план», разработанный Пентагоном и ЦРУ против социалистических стран, и в частности против Чехословакии. Также со ссылкой на ливанскую газету «Ад-Дунья», которая 11 сентября 1968 года опубликовала корреспонденцию из Брюсселя о секретной программе по Чехословакии под кодовым названием «Зефир», которая должна была способствовать «выходу Чехословакии из Варшавского договора». Среди одобрительных отзывов советских людей на вступление вооруженных сил пяти союзных стран в Чехословакию, помещались и письма зарубежных граждан, которые также поддерживали эту военную акцию. Так, 27 августа 1968 года «Правда» опубликовала письмо известного английского писателя Джеймса Олдриджа, который заявил, что критика западных СМИ действий Советского Союза и других стран Варшавского договора в отношении Чехословакии — «верх лицемерия, цинизма и лжи»¹⁴. Организация этого выступления Олдриджа, многие книги которого были изданы в СССР и пользовались здесь популярностью, являлось удачей совет-

ской пропаганды. Его письмо вызывало значительно больше доверия, чем публикуемые в центральных газетах выступления лидеров международного коммунистического движения.

Своими публикациями советская печать стремилась убедить, что «поборники социализма в Чехословакии и их подлинные друзья в социалистическом лагере и международном коммунистическом движении» оказались перед выбором: либо позволить международной реакции столкнуть страну с социалистического пути, допустить возвращение старых хозяев чехословацких заводов и поместий, согласиться молча на новый Мюнхен и отторжение судетских земель в пользу реваншистской Западной Германии, открыть империализму его излюбленную дорогу на Восток между Рудными горами и хребтом Чешского леса, поставив тем самым под удар завоевания мирового социализма и итоги Второй мировой войны; либо «до конца выполнить свой интернациональный долг и всей мощью сил и идей социалистического содружества» защитить социалистический строй в Чехословакии, раз и навсегда покончить с мюнхенской политикой, решительно отбросив все притязания «реваншистских наследников Гитлера, воздвигнуть неодолимую преграду перед новым «дранг нах Остен»».

В советских СМИ одной из важных причин «событий в Чехословакии» называлась деструктивная роль чешской прессы, попавшей под влияние «контрреволюции и изощрявшейся в клеветнических нападках» на коммунистическую партию, на последнее 20-летие истории своей страны, на социалистическое содружество, Варшавский договор, Совет Экономической Взаимопомощи.

В брошюре «К событиям в Чехословакии: Факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев», оперативно выпущенной пресс-группой советских журналистов в Москве в первой половине сентября 1968 года тиражом 300 тысяч экземпляров¹⁵, рассказывалось, как происходила «дискредитация» КПЧ, «подрыв установленных конституцией государственных и общественных институтов», велась «ревизия коренных принципов марксизма-ленинизма», как «контрреволюция» использовала лозунг «свободы слова» и проводила «курс на захват власти». Там рассматривались публикации «контрреволюционных» газет «Млада фронта», «Свобода

слова», еженедельника «Литерарни листы» и ряда других изданий. Назывались помещенные в них статьи И. Ганзелки «Час правды», И. Свитака «Смысл возрождения», А. Крамера «Какая демократия?» и другие публикации, в которых авторы «клеветали на социализм». Подчеркивалось, что «контрреволюционеры в своей пропаганде ориентировались на молодежь», что долговременная и хорошо продуманная «идеологическая обработка», проводившаяся объединенными усилиями «внутренней и внешней контрреволюции», не могла не сказаться на сознании части молодежи, на ее настроениях и увлечениях.

Авторы брошюры писали: «Резко изменился даже внешний облик некоторой части чехословацких юношей и девушек. Длинноволосые юнцы в рубашках, украшенных рекламной кока-кола, слоняющиеся без дела, отказавшиеся от полезного труда, повышенный спрос на алкоголь, рост числа наркоманов, резкое увеличение числа уголовных преступлений — всему этому способствовали серьезные недостатки, имевшие место в воспитании молодежи в течение ряда лет. Реакционные элементы льстили молодежи, разжигали нигилистические страсти, настроения огульного, отрицания завоеваний социализма.

Четко пропагандировался, в частности, взгляд на молодежь как на особую социальную группу, которой якобы присущи самостоятельные, не связанные с каким-либо классом политические требования.

Одновременно выдвигался тезис, что в ЧССР будто бы не созданы необходимые условия для роста молодежи, для обеспечения ее материального благосостояния»¹⁶.

Далее подчеркивалось, что в выступлениях печати, радио, телевидения, в публичных высказываниях «отдельных деятелей», явно рассчитанных на завоевание популярности среди молодежи, всячески обыгрывались и подчеркивались такие слова и выражения, как «демократия», «свободное волеизъявление», «творческая инициатива снизу» и т. д.

В связи с этим отдел пропаганды ЦК КПСС рекомендовал в работе среди населения Чехословакии особое внимание уделить молодежи. В сентябре здесь был разработан детальный план «массированной пропагандистской кампании» с использованием таких мер, как усиление радиовещания из

Москвы на чешском и словацком языках, временная мобилизация 1,5 тысячи комсомольских работников в армию для службы в воинских частях, находившихся в Чехословакии, где они должны были заниматься пропагандистской работой среди населения, публикация в тесной координации с КГБ серии пропагандистских статей в иностранной прессе и др. Высказывалась идея создать на территории ГДР «радиостанцию полуполюгального характера, выступающую от имени преданных делу социализма работников идеологического фронта Чехословакии. Такая радиостанция необходима для передачи материалов, которые в нынешних условиях не могут быть по политическим соображениям переданы официальным московским радио». Особо отмечалось, что сам факт передачи «может вызвать известные протесты со стороны КПЧ и правительства ЧССР». Однако деятельность такой радиостанции, «за выступления которой мы не будем нести формальной ответственности, не только оправдана, но и необходима»¹⁷.

С началом введения советских войск в Чехословакию в их составе находились офицеры отдела спецпропаганды Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота (ГлавПУ СА и ВМФ) и спецпропагандисты войсковых органов. Они не только выпускали листовки, вели радиопередачи, для чего использовались автотинографии и мобильные радиоузлы, но и анализировали и оценивали информацию международных СМИ и оперативно доводили ее до командования.

Следует заметить, что в органах военной спецпропаганды ранее произошел ряд реформирований. В 1956 году и до того сокращенный 7-й отдел ГлавПУ СА и ВМФ был ликвидирован, а часть его функций передана отделу печати, в котором около двадцати должностей укомплектовали офицерами-спецпропагандистами¹⁸.

В новых условиях аппарат спецпропаганды часто принимал участие в инспектировании органов политической пропаганды и агитации, редакций военных изданий и т. п. Это отвлекало его от решения своих специфических задач. Однако и в таких условиях спецпропагандисты проводили значительную работу по изучению военно-политической обстановки в мире, разработке аналитических материалов по вооруженным силам США, Великобритании, Франции, Западной

Германии, Японии, Турции и других государств, исследованию методов деятельности аппарата идеологической обработки военнослужащих армий зарубежных стран, форм и методов психологического воздействия на них.

Одним из результатов этой деятельности явился рост авторитета спецпропагандистов в войсках, штабах, политорганах. Поэтому руководством Министерства обороны было принято решение о восстановлении самостоятельного отдела спецпропаганды в составе ГлавПУ СА и ВМФ и некотором увеличении штатного состава этих органов в войсках.

Перед вновь реорганизованными и расширенными седьмыми отделами были поставлены задачи в совершенстве владеть и правильно оценивать информацию об изменениях в военно-политической обстановке в зарубежных странах, оперативно доводить ее до сведения командования, готовить качественные материалы, оказывать всемерное содействие руководству и центральным органам управления Варшавского договора в организации взаимодействия между политорганами дружественных армий. Офицеры службы также участвовали в мероприятиях по пропаганде Вооруженных Сил СССР за рубежом, оказании помощи соответствующим организациям в деле повышения качества подготовки военнослужащих зарубежных армий, обучавшихся в военных учебных заведениях СССР.

Активная деятельность велась по изучению опыта тех стран, которые использовали средства специальной пропаганды в ходе войн и вооруженных конфликтов. Так, например, особое внимание было уделено изучению практики информационного воздействия вооруженных сил Демократической Республики Вьетнам в операциях против войск сайгонского режима и американского экспедиционного корпуса. Значительное внимание уделялось подготовке справок-персоналий и характеристик на высшее политическое и военное руководство США и их союзников по НАТО, генералов, адмиралов и старших офицеров, занимающих командные посты в иностранных государствах, а также информационных документов, раскрывающих вопросы состояния боеготовности, идеологической обработки и морально-психологического состояния военнослужащих зарубежных армий и флотов.

Спецпропагандисты вели постоянный поиск новых форм и методов военно-политического анализа боеготовности войск иностранных государств, а также способов оказания воздействия на их личный состав в боевых условиях. Одним из результатов этой деятельности явилась разработка большого пакета документов, получивших общее наименование «Соображения по ведению спецпропаганды» на различные объекты (страны, население, различные категории военнослужащих и т. п.).

Это были глубокие по содержанию, аргументированные, насыщенные убедительными фактами аналитические документы по конкретным странам и армиям, включая характеристику различных категорий военнослужащих, систему их отбора, обучения, анализ форм и методов деятельности органов идеологической обработки, данные о морально-психологическом состоянии личного состава вероятного противника. Эти материалы постоянно обновлялись. Затем было разработано «Наставление по ведению политической работы среди войск и населения противника в боевых условиях» — важный уставный документ по организации и содержанию спецпропаганды.

В 1960—1970 годы спецпропагандисты постоянно разрабатывали аналитические справки для информирования командования, штабов и политорганов и ряд материалов для использования в пропагандистской работе в войсках, готовили статьи в военных журналах и других изданиях с обзором вопросов подготовки к информационно-психологическим действиям в иностранных армиях.

Пропагандистское обеспечение военной акции СССР в Афганистане

Следует заметить, что еще при подготовке к вводу советских войск в Афганистан на заседании Политбюро ЦК КПСС от 27 декабря 1979 года был утвержден специальный документ, который назывался «О пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении Афганистана». В нем указывалось, что во всей нашей пропагандистской работе — в печати, по телевидению, по радио надлежало исходить из положений, содержащихся в обращении афганского руководства

к Советскому Союзу с просьбой о военной помощи и Сообщения ТАСС на этот счет, проект которого был утвержден на этом же заседании Политбюро ЦК КПСС¹⁹.

В качестве главного тезиса рекомендовалось выделять, что осуществленное по просьбе афганского руководства направление в Афганистан ограниченных советских воинских контингентов служит одной цели — оказанию народу и правительству Афганистана помощи и содействия в борьбе против внешней агрессии. Никаких других целей эта советская акция не преследует.

Во всей пропаганде необходимо было подчеркивать, что в результате актов внешней агрессии, нарастающего вмешательства извне во внутренние афганские дела возникла угроза для завоеваний Апрельской революции, для суверенитета и независимости нового Афганистана. В этих условиях Советский Союз, к которому руководство Демократической Республики Афганистан за последние два года неоднократно обращалось с просьбой о помощи в отражении агрессии, откликнулся положительно на эту просьбу, руководствуясь, в частности, духом и буквой советско-афганского договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве.

В печати, радио, телевидении требовалось делать акцент на то, что просьба правительства Афганистана и удовлетворение этой просьбы Советским Союзом — это исключительно дело двух суверенных государств, которые сами регулируют свои взаимоотношения. Им, как и любому государству — члену ООН, принадлежит право на индивидуальную или коллективную самооборону, что предусматривается статьей 51 Устава ООН.

При освещении изменений в руководстве Афганистана рекомендовалось подчеркивать, что это является внутренним делом афганского народа, исходить из заявлений, опубликованных Революционным Советом Афганистана, из выступлений Председателя Революционного Совета Афганистана Кармаля Бабрака.

В заключительном пункте предложений о пропагандистском обеспечении намеченной акции говорилось о необходимости давать твердый и аргументированный отпор любым возможным инсинуациям насчет имеющегося якобы советского вмешательства во внутренние афганские дела. «Под-

черкивать, что СССР не имел и не имеет никакого отношения к изменениям в руководстве Афганистана. Задача Советского Союза в связи с событиями в Афганистане и вокруг него сводится в оказании помощи и содействия в ограждении суверенитета и независимости дружественного Афганистана перед лицом внешней агрессии. Как только эта агрессия прекратится, угроза суверенитету и независимости афганского государства отпадет, советские воинские контингенты будут незамедлительно и полностью выведены с территории Афганистана»²⁰.

На том же заседании Политбюро ЦК КПСС были даны указания советским послам за рубежом и советским представителям в ООН, а также утверждены тексты писем ЦК парторганизациям КПСС и коммунистическим и рабочим партиям несоциалистических стран. Во всех этих документах звучало требование давать решительный отпор «инсинуациям насчет имеющегося якобы советского вмешательства во внутренние афганские дела». В письме послам в странах Варшавского договора подчеркивалось, что и на Западе, и на Востоке найдутся круги, которые поднимут пропагандистскую кампанию против помощи и поддержки «законно оказываемой Советским Союзом революционному Афганистану. Но, как это случалось и в прошлом, наскоки наших классовых и идеологических врагов не должны нас остановить в том, чтобы быть на высоте защиты широких интересов нашей безопасности, безопасности наших союзников и друзей...»²¹

Эти указания Политбюро ЦК КПСС и легли в основу деятельности советской прессы по освещению военной акции СССР в Афганистане. Они также были дополнены цензурскими требованиями, которые ограничивали показ масштабов боевой деятельности советских войск на афганской земле, характер проводимых операций, гибель наших солдат и офицеров и многие другие стороны войны. Это способствовало формированию общественного мнения в поддержку решения руководства страны. Материалы советских СМИ о событиях в Афганистане формировали у населения образ мужественных советских воинов-интернационалистов, оказывавших не только помощь афганскому народу, но и впереди рубежей своей страны защищавших ее от посягательств вра-

га. Несмотря на установленные «параметры» в показе происходящего в Афганистане это не может «бросить тень на многих замечательных журналистов, которые делали свое полезное дело²², — пишет в своих воспоминаниях генерал-полковник М. А. Гареев, руководивший в Афганистане советскими военными советниками. По его мнению, в Афганистане всеобщим уважением пользовался телевизионный репортер А. Шкирандо. Примечательной чертой этого журналиста было умение оказаться там, где происходили наиболее важные события, и в самых, на первый взгляд, незначительных фактах, эпизодах и деталях тонко подметить то, что являлось наиболее типичным, характерным для происходящих событий и отражающим действительные настроения людей. Отмечались также его отвага и мужество, без которых невозможно было бы находиться там, где он часто оказывался.

«Хорошее впечатление глубокого аналитика международных аспектов афганских событий оставил главный редактор журнала «Международная жизнь» Г. Д. Пядышев. Он не только задавал вопросы, изучал обстановку, но и нам, в том числе посольским работникам помог дальше заглянуть в перспективы развития обстановки», — такая оценка генералом М. А. Гареевым, доктором военных наук, автором ряда работ по теории и истории военного искусства, известным военачальником, — свидетельство высокой компетентности журналиста.

Правдиво и очень остро писал по афганской теме корреспондент «Красной звезды» А. Олейник, который раскрыл подвиг советских военнопленных в пакистанском лагере Бадабера²³. Корреспондент этой же газеты А. Гольц умел как-то по особенному объемно с учетом не только военных, но и социально-политических и психологических аспектов освещать военные действия в Афганистане. Александр Проханов, публицист и писатель, хорошо знающий Афганистан, во время своих поездок проделал основательную работу по освобождению наших военнопленных. Таким образом он положил начало той деятельности российских журналистов и писателей по освобождению военнопленных, которая проводилась в последующих вооруженных конфликтах с участием российской армии.

В конце 1980-х годов, когда в некоторых публикациях советской печати моджахеды стали отождествляться со всем афганским народом, изображая положение так, что вооруженная оппозиция во всем права и только правительство Демократической Республики Афганистан препятствовало урегулированию в этой стране. Хотя было известно, что именно моджахеды отвергали все предложения по политическому урегулированию конфликта. На такие публикации, замечает М. А. Гареев, афганское руководство и часть общества реагировали крайне болезненно.

Не отличались дальновидностью и публикации, в которых ставился вопрос о том, что для умиротворения воюющих между собой афганцев есть только один путь — это капитуляция существующего строя в Республике Афганистан. При этом не учитывалось мнение аналитиков о том, что в случае прихода к власти вооруженной оппозиции, в раздираемом внутренними противоречиями стране разразится еще более ожесточенная гражданская война, что и подтвердило время.

На протяжении всех лет нахождения советских войск в Афганистане (1979—1989) в их составе действовал специальный агитотряд. Своими листовками и передачами звукостанций он настойчиво разъяснял местному населению цели пребывания советских войск в Афганистане, убеждал, что «шурави» (русские) — друзья. При поддержке советских спецпропагандистов политорганы афганских правительственных войск вели пропаганду в оппозиционных военных формированиях.

В западных СМИ была развернута пропагандистская кампания против военной акции СССР в Афганистане. Кроме реальных фактов, изображавших в негативном свете действия советских войск, в сообщениях об Афганистане широко использовалась дезинформация. Так, однажды западная печать писала о нанесении со стороны Афганистана ракетных ударов по Пакистану и об имеющихся жертвах среди населения. СМИ продолжали обсуждать эту тему и только через неделю одна пешаварская газета сообщила о взрывах подложенных бомб в лагерях беженцев, а все остальные газеты промолчали. Также в зарубежных СМИ прошло сообщение об обстреле ракетами «СКАД» Асадабада, контролируемо-

го моджахедами. Говорилось, что ракета взорвалась на базаре, погибло 500 человек и т. п. Потом выяснилось, что там происходили стычки между оппозиционными группировкам Хайматъяра и Саяфа и хейматъяровцы взорвали склады боеприпасов. «Подобные сообщения по тому или другому поводу появлялись почти каждый день, — пишет М. А. Гареев. — Все это едва ли имело отношение к тому, что называется информацией. Шла обычная психологическая война, а представители прессы сознательно или невольно участвовали в ней»²⁴.

Робкие контрпропагандистские попытки советских властей опровергнуть дезинформацию часто оказывались запоздалыми и неумелыми, не только в период войны в Афганистане, но и в других локальных военных конфликтах 1970—1980-х годов, где участвовали советские военные специалисты и использовалась наша военная техника. Например, во время арабо-израильского вооруженного столкновения в долине реки Бекаа 6—12 июня 1982 года истребители ВВС Сирии советского производства уничтожили в воздушных боях 42 самолета ВВС Израиля американских фирм, потеряв при этом 47 машин (четыре МиГ-23 МС, шесть МиГ-23 МФ, а также 26 МиГ-21-бис и 11 МиГ-21 МФ)²⁵.

Оценивая результаты боевого применения истребителей в боях над долиной Бекаа, один «крупный израильский военачальник» (пожелавший остаться инкогнито) в интервью журналу «Flight International», касаясь самолета МиГ-23, заявил: «Мое мнение... таково: советские самолеты очень хороши, судя по тому, что мы знаем об их возможностях и что видели на практике. Однако сирийские летчики часто действовали не тогда, когда нужно, и не там, где нужно»²⁶.

Однако, несмотря на в целом благоприятный для Сирии итог воздушных боев в долине реки Бекаа, США сумели добиться выдающейся победы в информационной войне, успешно проведя широкомасштабную пропагандистскую кампанию, направленную в первую очередь против Советского Союза. Данные о потерях в Ливане, опубликованные в Израиле, где утверждалось об уничтожении в воздушных боях 102 сирийских самолетов и о потере всего одной своей машины, сбитой огнем с земли, носили ярко выраженный пропагандистский характер. Американские информационные агентства

практически полностью повторили информацию израильских источников. США сумели использовать свою самую мощную в мире пропагандистскую машину для дискредитации авиационной промышленности СССР, а также продвижения на мировой рынок собственной авиационной техники, в частности истребителей F-16, которым создавалась репутация «убийц МиГов».

Советские власти через сообщения ТАСС попытались опровергнуть израильскую версию боев в Ливане и «спасти лицо» отечественного авиапрома, но эти действия оказались запоздалыми и недостаточно активными: заявление ТАСС от 15 августа 1982 года о том, что «в ходе боевых действий над долиной Бекаа сирийскими вооруженными силами было уничтожено около 70 израильских самолетов, в том числе и машины новейших типов»²⁷, осталось практически незамеченным ни за рубежом, ни в СССР.

Результаты этого информационного поражения практически сразу же сказались и на экспорте истребителей МиГ-23: летом 1982 года с Республикой Перу, ранее закупавшей в основном советскую авиационную технику, велись переговоры о поставках партии истребителей МиГ-23, однако после боев в долине Бекаа заинтересованность перуанцев в приобретении МиГов явно ослабла, и сделка так и не состоялась. Безуспешно завершились и попытки поставить МиГи Аргентине, ВВС которой понесли огромные потери в ходе фолклендской войны, а также Финляндии, ранее ориентировавшейся на закупку самолетов у России. Таким образом, проигрыш в информационном противостоянии обернулся значительными экономическими потерями для СССР.

СМИ и чеченский военный конфликт

Совершенно особенная ситуация с точки зрения информационного обеспечения боевых действий российских войск сложилась в ходе проведения первой чеченской кампании 1994—1996 годов. Исполнительная власть ощущала пробел в этой сфере. Это было связано с тем, что со времен Гражданской войны 1918—1922 годов Россия впервые масштабно использовала свои вооруженные силы во внутреннем конфликте. Также власть в достаточной мере не обладала инст-

рументарием для выполнения таких специфических задач. С крушением партийно-идеологической структуры в стране была демонтирована и подчиненная ей информационно-пропагандистская система. Были ликвидированы специальные информационно-пропагандистские подразделения, которые существовали и в Вооруженных Силах, и в КГБ, и в МВД. Также был не использован огромный опыт спецпропаганды, накопленный в стране за многие десятилетия, включая годы Великой Отечественной войны.

Судя по всему, информационное обеспечение операции федеральных сил, в Чечне организовывалось в спешке, без надлежащей подготовки и привлечения соответствующих кадров. Важную роль в информационном обеспечении должен был играть Временный информационный центр при Роскомпечати, созданный распоряжением Правительства РФ за десять дней до того, как федеральные войска вошли на территорию Чечни²⁸. Обязанности по руководству им были возложены на председателя Роскомпечати С. П. Грызунова. Министерство обороны (МО), Министерство внутренних дел (МВД), Федеральная служба контрразведки (ФСК), Федеральная пограничная служба (ФПС), Министерство чрезвычайных ситуаций (МЧС) и Министерство национальностей России должны были представлять во Временный информационный центр оперативную информацию о происходящих на Северном Кавказе событиях, а также направить для работы в нем специалистов для обработки поступающей информации. Роскомпечати и Министерству иностранных дел указывалось обеспечить аккредитацию при Временном информцентре представителей российских и зарубежных СМИ.

Государственным информационным агентствам, общероссийским и региональным государственным телерадиокомпаниям, редакциям газет «Российская газета» и «Российские вести» вменялось в обязанности в первоочередном порядке направлять во Временный информцентр текущую информацию о событиях на Северном Кавказе, а также материалы, содержащие оценку этой информации в российских и зарубежных СМИ, осуществлять оперативное доведение информации Временного информцентра при Роскомпечати до российской и мировой общественности. Российской Академии наук рекомендовалось оказать научно-консультативную по-

мощь Временному информцентру силами специалистов государственного права, политологии, социологии и международных отношений.

Временный информцентр при Роскомпечати был обязан оказывать необходимое содействие государственным информационным агентствам, общероссийским и региональным государственным телерадиокомпаниям, редакциям газет «Российская газета» и «Российские вести» в публикации материалов о событиях на Северном Кавказе, включая направление соответствующих специалистов в указанные средства массовой информации, в том числе из состава приданных сотрудников силовых ведомств и Миннаца России для оказания помощи в оценке и распространении поступающей информации. Временный информационный центр совместно с Минобороны, МВД и ФСК должен был оказывать необходимое содействие представителям российских и зарубежных СМИ, работавших в Северо-Кавказском регионе, имея в виду получение ими объективной информации и обеспечение их личной безопасности.

Федеральное агентство правительственной связи должно было обеспечить Временный информцентр необходимыми средствами связи; Управление делами Президента РФ — транспортными и другими средствами для обеспечения круглосуточной работы; Минфин России — решить в установленном порядке вопрос о финансировании его деятельности. Ответственность за исполнение этого распоряжения Правительства РФ возлагалась на первых заместителей руководителей соответствующих министерств, ведомств и организаций²⁹.

Об эффективности работы Временного информцентра при Роскомпечати и других ведомственных пресс-служб свидетельствует проведенное позднее исследование, предметом которого являлась работа журналистов, освещавших российско-чеченский конфликт, и их контакты с официальными представителями местных администраций и министерств РФ. Оказалось, что услугами информцентра пользовались в Москве — 17 процентов журналистов, в Моздоке — 8 процентов, а 83 процента журналистов считали его работу бесполезной. Журналисты смогли получить информацию от официальных лиц: МВД РФ — 22 процента, МО РФ — 26 процентов, ФСК РФ — 17 процентов, от администрации Ингушской рес-

публики — 56 процентов, от администрации Чеченской республики — 78 процентов. В брифингах и пресс-конференциях МВД, МО и ФСК России участвовали 26 процентов, в брифингах и пресс-конференциях Чеченской республики — 65 процентов. Неприязнь российских официальных лиц и военных ощущали 83 процента корреспондентов, официальных лиц Чечни — 4 процента³⁰.

Выше отмечалось то внимание, которое оказывается в вооруженных силах США работе со СМИ и журналистами, справедливо считая ее составной частью ПсО преодоления конфликта. В силовых российских ведомствах имеются структуры, которые должны вести подобное сотрудничество. Приведем мнения об их работе журналистов и тех, кто был связан с работой СМИ во время чеченского конфликта 1994—1996 годов.

Стивен Эрлангер, заведующий московским бюро газеты «The New York Times» (США): «В отличие от наших (американских) военных, российская армия — и это уже личный опыт, все сотрудники московского бюро «Нью-Йорк Таймс» побывали на чеченском фронте — не оказывает журналистам никакой помощи. Она по традиции агрессивно настроена против СМИ. А заявления правительственного пресс-центра оказались столь откровенно лживы, что даже ребенок им не поверит. Сообщения о том, что чеченцы сами себя бомбят, взрывают, утверждение, что воюют одни лишь наемники и «бандформирования» (надо же слово такое изобрести!) перечеркивают даже правдивую информацию. Военные даже не пытаются продумать политику в отношении прессы»³¹.

Елена Масюк: «Чеченцы... охотно предоставляли информацию. К сожалению, со стороны российских войск я всего этого не видела»³².

Анатолий Венгеров, председатель Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ, профессор права: «Я был поражен и тем, что вообще скрывается в Чечне за громкими словами «пресс-служба»: не то что факсов и ксероксов у них там нет, но даже пишущей машинки! Комната 15 кв. метров, стол и телефон, по которому не дозвонишься. В результате «Останкино» не имеет телефонной связи ни с одной пресс-службой, информация абсолютно случайна. При этом за два месяца боев и неразберихи никто из руково-

дителей Российского телевидения, информационных служб «Останкино» там так и не побывал!..»³³

Сергей Омельченко, корреспондент ИТА-«Останкино»: «У спецподразделений есть камеры, на которые они снимают самые криминальные моменты. Они могли бы поделиться этими съемками, если они не секретные, оперативно передать журналистам для того, чтобы они оперативно были (показаны) на экранах телевизоров. Кроме этого, целая сеть специальных журналистов Воен-ТВ, МВД-ТВ специально предназначены работать в боевых действиях»³⁴.

Непрофессионализм и бессистемность работы федеральных пресс-служб, по оценке журналистов, являлись основными причинами того, что они постоянно опаздывали с предоставлением оперативной информации. Вот что по этому поводу сказал 24 января 1995 года заместитель начальника управления информации и печати Министерства обороны РФ В. Никоноров: «Действительно, можно предъявить массу упреков к информационной поддержке этой акции, и эти упреки высказывали не только журналисты, но и мы их высказывали. Так сложилась ситуация, что было определено решением правительства, определен порядок поступления информации в прессу и общественность. Мы оказались вне этого порядка, к сожалению, наше конкретное управление, пресс-служба. Мы постарались предпринять массу усилий, чтобы каким-то образом это исправить»³⁵.

Таким образом, видно, что при организации информационно-психологического обеспечения выпало такое звено, как пресс-служба МО. Через полгода, в июле 1995 года, еще более подробно рассказал о работе этого же органа генерал В. Косарев: «Я возглавляю в Министерстве обороны управление информации. Оно существует 2 года. Когда оно создавалось, мы ставили своей целью сделать окно из Министерства обороны в мир более открытым, приблизить общество к тому, что происходит в Вооруженных Силах. Сейчас можно подводить какие-то итоги. Известно многим, наверное, что с давних пор большие военачальники относились к прессе, к журналистам, образно говоря, как «Ленин к буржуазии». И когда я и мои товарищи, профессиональные журналисты, пришли на эту работу, то первое, с чем мы столкнулись, — то как раз с этим, и стоило больших трудов

переломить это отношение, хотя должен признаться, что далеко не все его изменили. Первая моя встреча с очень большим начальником в министерстве, вторым лицом, происходила примерно так — «Зачем вы все нужны? Зачем эти газеты? Мне достаточно того, что каждое утро мне приносят сводку, и вот этого», и нажимает кнопку радио, настроенного на «Маяк», и «больше ничего не нужно...» Порой информацию, даже простую, не имеющую отношения к военным секретам, приходилось у наших начальников просто выбивать. Случаи порой бывали парадоксальные, особенно первое время. Освобожден населенный пункт, наш сотрудник присутствует с войсками вместе, но право передать эту информацию журналистам он получает через два часа после «завершения» операции. Когда все агентства уже давным-давно послали, передали... Существует опыт работы с представителями прессы в других цивилизованных странах, в тех же США, который узаконен в инструкциях и наставлениях... У нас, к сожалению, этого нет, и мы много делали для того, чтобы разработать такие инструкции. Не инструкции, но по крайней мере методички. Ничего не получилось.

Может, мы виноваты, может, не созрели еще наши ведомства — к тому, чтобы вести такой свободный диалог с журналистами»³⁶.

Эти откровения начальника управления информации и печати МО РФ свидетельствуют, что руководящий состав вооруженных сил недооценивал информационное обеспечение проводимой операции, роль СМИ в ходе освещения действий федеральных сил по решению задач в чеченском конфликте.

Следует признать, что существующая система взглядов на информационное противодействие при столкновении с реальной действительностью оказалась нежизнеспособной, малоэффективной из-за отсутствия теоретических основ и непрофессионализма исполнителей. По мнению некоторых экспертов, федеральные силы, все сменявшие друг друга информационные центры не предприняли ни малейших усилий, чтобы показать очевидное: дудаевские силы обрекли чеченское население на уничтожение, сделали его заложником в своей стране, когда они избирали самые населенные и цветущие города своей республики ареной военного сражения.

Даже самые успешные операции федеральных войск не были использованы для захвата инициативы в информационном противоборстве. Молниеносная операция в горном районе Кавказа, завершившаяся 4 июня 1995 года взятием Ведено, подтверждает это. Однако комментарии по поводу этой операции, наиболее точные и выигрышные с точки зрения информационного воздействия, последовали уже 5 июня не с российской стороны, а со стороны западных СМИ. В них говорилось и о растерянности руководителей чеченских военных формирований, и о значимости этой победы для окончательного военного успеха операции, и об использовании федеральными войсками опыта войны в горной местности, приобретенного в Афганистане. «Мы были крайне удивлены той быстротой, с которой войска провели эту операцию, — говорилось со ссылкой на западного военного наблюдателя в комментарии Франс Пресс 5 июня. — Федеральные войска совершили обходной маневр по горным маршрутам и появились там, откуда их совершенно не ждали. Солдаты ворвались в Ведено буквально на спинах дудаевских боевиков и овладели городом практически без сопротивления»³⁷. Подобные оценки действиям федеральных войск по захвату Ведено давали и другие западные эксперты.

Обращает на себя внимание и то, что не в российской, а в западной прессе часто появлялись сообщения, в которых проводились исторические параллели с Кавказской войной, завершившейся в середине XIX века. Будто за рубежом, а не в России лучше известны факты нашей истории. Знание и использование, исторических фактов информационными службами — не только их обязанность, но и долг. И безусловно, эти службы в своей работе должны были проводить параллель с той далекой войной, которая стоила много крови, оказалась бессмысленной и бесполезной для чеченцев. Но были и другие уроки, усвоенные российским воинством в почти столетней Кавказской войне. С обеих сторон отмечалось немало фактов рыцарского отношения к противнику, уважения к мужеству и великодушию воинов-горцев к стойкости и героизму российских воинов.

Стремление исполнительной власти улучшить информирование о событиях в Чеченской республике привело к созданию в пресс-службе Правительства Российской Федера-

ции Бюро оперативной информации и Мобильного информационного центра при Территориальном управлении федеральных органов власти в Чеченской республике. Распоряжением Правительства РФ № 154-р от 3 февраля руководитель Мобильного информационного центра был возведен в ранг заместителя руководителя указанного Территориального управления. Однако существенно улучшить работу со СМИ Бюро оперативной информации и Мобинформцентру не удалось.

Солдаты, офицеры в зоне конфликта узнавали о событиях в стране и мире из газет недельной давности. С середины января 1995 года стали применяться вертолеты со звуковещательными установками. Они же использовались для разбрасывания листовок в местах дислокации военных формирований чеченской оппозиции и в поселках, находившихся в зоне их контроля. Иностранные корреспонденты, которым дудаевцы доставили эти листовки, как правило, приводили их содержание в своих сообщениях полностью, без комментариев. Часто неумело написанный текст листовок производил обратный желаемому эффект.

Целенаправленное разъяснение политики России в Чечне, задач выполняемых там ее армией, носили нерегулярный и противоречивый характер. В связи с этим глава ФСК сделал характерное признание: «Да, информационная война российской властью проиграна. Как блистательно работает министр информации Чечни Мовлади Удугов, как искусно и ловко он запускает в прессу всякую ложь, искажения, переделки!.. А мы оттолкнули журналистов: «Никуда не пускать, ничего не давать!» Да и сам я долгое время не хотел высказываться»³⁸.

Чеченский конфликт 1994—1996 годов в полной мере подтвердил, что средства массовой информации в настоящее время такой же боевой ресурс, как танки и артиллерия, ибо с помощью телевидения и прессы достигаются такие важнейшие цели, как рекрутирование и боевой дух рядовых воинов и общественная, в том числе международная, поддержка конфликтующих сторон. И в современных конфликтах всеми средствами и силами информационно-психологической борьбы обе стороны стремятся достигнуть этих целей.

По единодушному утверждению исследователей чеченского конфликта, перевес в информационно-психологической

борьбе был на стороне чеченских сепаратистов. Это откровенно признавали представители российских силовых ведомств. Так, еще 24 января 1995 года начальник центра общественных связей МВД РФ генерал-майор В. Ворожцов сказал об успешном информационном обеспечении противника: «С чеченской стороны мы видим действия, хорошо копирующие бывший ЦК КПСС. У них есть секретарь по работе с прессой — Яндарбиев, есть зав. отделом пропаганды — это Мовлади Удугов, у них есть блестяще отработанный аппарат...»³⁹

В ходе военной операции в Чечне в СМИ стали появляться данные социологических опросов, характеризующих отношение общества к чеченской проблеме. Оценки этих событий общественным мнением менялись едва ли не каждый день. Так, 14—15 декабря 1995 года провели опрос социологи «Комсомольской правды». 22 процента опрошенных одобрили, 58 процентов осудили ввод российских войск в Чечню. Повторное исследование, проведенное через неделю, дало несколько иные результаты: одобрили — 30 процентов, осудили — 54. Ту же тенденцию выявили и другие исследовательские центры — ВЦИОМ, фонд «Общественное мнение», социологическая служба ВГТРК «Останкино». Такое настроение населения исследователи объясняли тем, что люди считают: если уж власти решили применить в конфликте вооруженные силы, пусть побыстрее доведут свою «за-тею» до конца.

Более существенный сдвиг в общественном настроении произошел после провала новогоднего штурма Грозного. Результаты московских и общероссийских опросов свидетельствовали о значительном снижении популярности военной акции в Чечне. По данным социологической фирмы «Атлантис», лишь 13 процентов опрошенных москвичей продолжали поддерживать действия российского правительства.

В числе причин информационного провала освещения чеченских событий Всероссийский центр исследования общественного мнения указывал на очевидное падение интереса населения к политическим проблемам вообще. Так, на вопрос: «В какой степени вас интересует политика?» 37 процентов ответивших признались, что политика их совершенно не интересует, 25 процентов — что интересуются поли-

тикой в малой степени. 57 процентов москвичей ответили, что не следят вовсе или следят не очень внимательно за событиями в Чеченской республике⁴⁰.

На общественное настроение повлияло то, что перед началом операции в СМИ не появилось аналитических материалов, раскрывающих сложную ситуацию в Чечне и необходимость разрешения возникшего конфликта вооруженным путем. То есть общественное мнение было не готово к такому повороту дела. Начало военной акции стало полной неожиданностью для большинства россиян. В Москве социологи зафиксировали парадоксальный факт: более неожиданными чеченские события оказались для людей, внимательно следящих за сообщениями СМИ.

Отсутствие материалов правительственных информационных служб, разъясняющих необходимость применения Вооруженных Сил РФ в чеченском конфликте привело к тому, что российским гражданам не было понятно, кто и как принимал решение о действиях российских войск в Чечне.

Интересно, что на фоне противоречивых оценок силового решения обеспечения порядка в Чечне и противоречивых оценок действий российских политических лидеров москвичи были единодушны в осуждении деятельности Д. Дудаева — полностью или хотя бы частично его поддерживало менее 6 процентов опрошенных. Казалось бы, такая ситуация создавала хорошую основу для консолидации общества против режима Дудаева. Однако власть даже не попыталась ее использовать в своей информационной политике. И это наряду с другими ошибками (они рассматриваются ниже) свидетельствует о том, что отсутствовала информационно-пропагандистская концепция, которая должна была ее сопровождать.

Также причиной провала в освещении чеченского конфликта 1994—1996 годов стали недостатки в организации и принципах работы правительственных и ведомственных информационных структур. Не учтен был опыт американских государственных структур с журналистами во время войны в Персидском заливе 1991 года, возможно, по той причине, что сама операция мыслилась как быстротечная. Ошибочно предполагалось, что сами журналисты в район боевых действий не поедут, а послушно будут пользоваться предоставленным им транспортом и охраной.

Работа Временного информационного центра, равно как и работа всех последующих специальных информационных органов, которые возникали на федеральном уровне, с первого дня отличалась непрофессионализмом и бессистемностью. Центры постоянно опаздывали с предоставлением оперативной информации. Не обретя инициативы, они попытались добавлять в неконтролируемый ими информационный поток некоторые сведения, способные представить операцию в свете, выгодном для Правительства РФ. Сведения противоречили данным, передаваемым многочисленными журналистами с мест событий, часто они воспринимались как дезинформационные. В конечном счете это привело к полному неприятию всего того, что исходило от правительственных органов.

По данным исследования, проведенного в марте 1995 года Всероссийским институтом печати и массовой информации, источники, из которых москвичи получали информацию, распределялись так: на первом месте телевидение (85 %), затем газеты (52 %), радио (46 %). В рейтинге телеканалов лидировало «Останкино», за ним — НТВ и РТВ. Более чем на 70 процентов аудитории этих каналов пересекаются (т. е., скажем, 70 % зрителей «Останкино» смотрят также и НТВ)⁴¹.

Совсем иная иерархия выстраивалась по вопросу о доверии аудитории к информации того или иного телеканала. Тут с большим отрывом первенство держало НТВ — больше 60 процентов, в то время как степень доверия сообщений о Чечне у «Останкино» и РТВ почти в два раза ниже⁴².

Среди радиостанций лидировало «Радио России» (26 % опрошенных узнавали о чеченских событиях из ее передач), на втором месте — «Маяк» (20 %), причем «Маяку» доверия больше, чем «Радио России»⁴³.

Абсолютный лидер по доверию к сообщаемой информации — газеты. Так, среди читателей «Московского комсомольца» доверяли его информации 63 процента опрошенных «Известиям» — 62 процента, «Комсомольской правде» — 54 процента⁴⁴.

Опросы позволили сделать и такой вывод: заметно большим доверием пользовались независимые источники информации или кажущиеся таковыми, что лишний раз подтверждает провал государственной информационно-пропагандистской кампании, связанной с чеченским кризисом.

До начала операции информационно-психологические позиции дудаевцев оценивались специалистами как откровенно слабые. Влияние Д. Дудаева как политического лидера распространялось на незначительную часть населения. С началом ввода войск военно-политическое руководство Чечни осуществило ряд оперативных мероприятий по организации собственной информационной службы. Главным органом, призванным формировать, координировать и осуществлять информационно-пропагандистскую деятельность, стала пресс-служба Дудаева. По всем вопросам информационного обеспечения данной структуре подчинялся главный штаб так называемых вооруженных сил Чечни, а также приступившее к работе уже 12 декабря 1994 года во Владикавказе представительство ЧР на переговорах с Россией. В начале февраля 1995 года при правительстве ЧР было создано Министерство информации, главной задачей которого становилось информационное обеспечение вооруженного сопротивления⁴⁵. С этого момента вся информационная деятельность стала осуществляться исходя из единого плана и под единым руководством.

Информационная служба сепаратистов активно вела работу с представителями СМИ. С самого начала боевых действий против федеральных сил чеченские НВФ старались привлечь на свою сторону всех журналистов, которым удавалось проникнуть в контролируемые ими районы, любых политических и общественных деятелей. Журналистам не было отказано ни в одной просьбе в интервью, им активно помогали в работе, заботились о транспорте, пропитании, охране. Позднее также гостеприимно, доброжелательно встречали дудаевцы солдатских матерей, депутатов. Журналисты по достоинству оценили подчеркнуто внимательное к ним отношение и в долгу не остались. С самого начала кампании Д. Дудаев и его ближайшие сторонники регулярно появлялись в информационных материалах многочисленных телекомпаний, их голос постоянно звучал по радиостанции «Свобода», по радио десятков стран. Вплоть до середины января до 90 процентов информации о ситуации в Чечне российские и иностранные корреспонденты получали исключительно от чеченской стороны, что способствовало формированию одностороннего представления о характере ведения боевых действий и, соответственно, было сформировано ус-

тойчивое негативное общественное мнение по поводу методов силового разрешения чеченского конфликта.

В разрушенном Грозном работало местное телевидение «Президентский канал», по которому Д. Дудаев и его полевые командиры обращались к местному населению и давали указания, что делать и как себя вести в конкретных ситуациях. Даже оставив Грозный, НВФ вели телепередачи, используя мобильный телевизионный передающий комплекс. Таким образом чеченские сепаратисты довольно успешно использовали телевидение в своей информационно-пропагандистской деятельности.

Важное значение сторонники Дудаева придавали печатной пропаганде. Кроме официального органа Чеченской Республики — еженедельной газеты «Ичкерия», выступающей в роли главного проводника идей сепаратизма и продолжения вооруженного сопротивления федеральным властям, — во многих населенных пунктах распространялись газеты «Республика», «Возрождение». Выражая интересы правительства национального возрождения или комитета национального согласия, подобные издания помещали на своих страницах публикации тенденциозного, а порой и откровенно антироссийского содержания. С помощью ингушских и дагестанских типографий сепаратисты печатали свои издания, в которых концентрировалось внимание на разрушениях, которые совершали федеральные войска в ходе боевых действий. Эффективность подобного информационного воздействия на местное население подтвердилась тем, что в феврале 1995 года кроме 15 тысяч организованных в отряды боевиков, против российских войск действовало уже 20–40 тысяч так называемых народных ополченцев⁴⁶.

В сообщениях их информационных агентств неоднократно приводились высказывания отдельных дудаевских боевиков, которые сводились к одному: «Я не собирался воевать, но российские войска разрушили мой дом, погибли мои дети. Я буду мстить!»

Исследователи первой чеченской войны считают, что Д. Дудаев с самого начала избрал основным «полем» военного столкновения весь город Грозный с его 400-тысячным населением, а также все наиболее крупные населенные пункты Чечни. Коварный расчет строился на том, что, понеся боль-

шие потери в первых же уличных боях, федеральные войска начнут массированно применять артиллерию и авиацию. Следовательно, неизбежно разрушение города, гибель огромного числа его жителей, их имущества, их домов и квартир. Реакция значительной части населения может быть лишь одна — встать с оружием в руках на сторону дудаевцев, чтобы мстить за погибших, за погубленное имущество и жилище⁴⁷.

Основательно разрушенные города — богатый пропагандистский материал. Почти ежедневная демонстрация по всем телепрограммам мира апокалиптических картин разрушенного города, улиц, усыпанных трупами наступавших подразделений федеральных войск, оказало настолько сильное воздействие на мировое общественное мнение, что оно однозначно встало на сторону сепаратистов.

Чтобы эффективно использовать СМИ на международном уровне в январе 1995 года в польском городе Кракове сепаратисты организовали Чеченский информационный центр, который под прикрытием организации гуманитарной помощи жертвам боевых действий в Чечне вел антироссийскую пропаганду. На базе краковского центра была создана радиостанция «Свободный Кавказ» с филиалом в литовском городе Каунас. Она вела вещание на нескольких языках не только на многие страны Центральной Европы, но и на значительную часть территории России.

Сотрудники Министерства информации Ичкерии сумели внушить журналистам, что им гарантируется и доступ к первоисточникам информации, и минимальный риск. И это имело успех. К примеру, агентство Франс Пресс отважилось направить в Грозный в разгар боевых действий своих репортеров-женщин, которые работали под полным покровительством и защитой боевиков НВФ. Соответственно было и их восприятие происходящих событий.

Отсутствие целенаправленной и предметной работы со стороны пресс-служб силовых ведомств России, негативное отношение в федеральных войсках к журналистам резко контрастировало с тем, как их встречали на стороне противника. В результате мировая информационная машина, освещавшая события в Чечне, оказалась практически под контролем сепаратистов и невольно работала на них. Зарубежные СМИ активно поддерживали обращения руководства самопровоз-

глашенной республики Ичкерии к мировой общественности. Так, когда Д. Дудаев обратился в ООН с просьбой «оказать содействие в разрешении противоречий» между Москвой и Грозным, многие информационные агентства широко комментировали это заявление. В виде сенсации было подано выступление в Турции министра иностранных дел самопровозглашенной республики Ичкерии о том, что «чеченские повстанцы, значительно ослабив мощь российской армии, сделали стратегический подарок армиям НАТО. И в этой связи Чеченская Республика обращается к руководству Североатлантического альянса с просьбой оказать ей немедленную помощь». Значительным успехом информационного воздействия сепаратистов на мировое общественное мнение явилась принятая Европейским парламентом резолюция «О положении в Чечне», которая на основе тезиса о «русской военной интервенции в Чечне» обвиняла Россию в использовании вооруженных сил против национальных меньшинств. Результативной оказалась и проведенная в декабре 1995 года в Кракове конференция «Международное право и Чечня» с участием 45 журналистов и правозащитников из 14 государств.

Таким образом, используемое сепаратистами массированное и многоуровневое информационное воздействие в своих интересах оказало существенное влияние на ход конфликта и способствовало прекращению боевых действий осенью 1996 года и началу переговорного процесса в интересах Республики Ичкерия.

Анализ центральной прессы показал, что между первой и второй чеченскими войнами, т. е. в период 1996—1999 годов, внимание СМИ в основном концентрировалось на освещении жизни в Чечне, политическом, экономическом положении в республике, ее отношении к соседям. Особенно акцентировалось внимание на росте криминалитета в Чечне. Отмечая, что не существует криминальных народов, пресса писала о том, что высокий уровень безработицы, отчаяние, агрессивность создают в Чечне питательную среду для криминальности. Открытая террористическая деятельность чеченских боевиков при попустительстве грозненских властей создала своеобразный «античеченский синдром», на фоне которого государственным средствам массовой информации,

поддерживающим их общественным и частным СМИ удалось перехватить инициативу. В прессе широко обсуждалось похищение в Чечне представителя МВД генерала Г. Шпигуна, взрыв на Владикавказском рынке и непрекращающиеся боевые столкновения по периметру административно-государственной границы с Чечней. Чуть ли не целый месяц до первой пролитой крови пресс-службы всех федеральных силовых ведомств сообщали о скоплении боевиков на границе Чечни и Новолакского района Дагестана. Эти сообщения некоторыми СМИ воспринимались как пропаганда силовиков. Однако, когда 2 августа 1999 года группа дагестанских милиционеров вынуждена была вступить в бой с чеченскими боевиками, которые стали занимать приграничные населенные пункты республики, СМИ стали значительно больше писать о предыстории конфликта и ставить вопрос: почему власть не наносит упреждающий удар по ваххабитам.

Уже в первые дни после начала конфликта пресса сообщала, что по оперативным данным, в день «икс» боевики намерены развернуть в северной равнинной и центральной горной частях Дагестана 16 фронтов, которые станут очагами локального сопротивления федеральным силам. Одновременно будут нанесены удары по расположению российской дивизии в Буйнакске и по позициям военных в Хасавюрте и Кизляре. «При этом предполагается, что повстанцы попросят о помощи чеченцев», — писал корреспондент «Общей газеты» М. Дашкин из района конфликта⁴⁸.

Дальнейшее развитие событий в Дагестане показало верность прогнозов журналиста. В следующем номере «Общей газеты» ее репортер Б. Ахмеджанов уже рассказывал о войне в Дагестане. Он не только поведал о том, что сам видел и слышал, но и передал информацию из официальных источников, которая в контексте репортажа убеждала, насколько серьезен военный конфликт в Дагестане. Так, в одном из абзацев он пишет: «По уточненным данным в Дагестан из Чечни перешло порядка полутора тысяч человек — это практически все боевики, базировавшиеся в Урус-Мартане. По свидетельству очевидцев, отряды исламистов представляют собой настоящий интернационал — помимо чеченцев и дагестанцев в их составе арабы, прибалтийцы, албанцы, русские, украинцы, узбеки, таджики и даже африканцы. По опе-

ративной информации, войну финансирует международный террорист Бен-Ладен. Называется и сумма, уплаченная за установление шариата в Дагестане, — 25 миллионов долларов»⁴⁹.

В следующем своем репортаже Б. Ахмеджанов рассказал о том, что ему показали видеозапись входа боевиков в село Рахата: Шамиль Басаев отдает приказы по-чеченски и через переводчика-аварца разговаривает с местными жителями. Эту же запись показали в вечерней программе ОРТ, но уже без Басаева. На следующий день Аслан Масхадов заявил, что чеченцев среди боевиков нет. Переданный по ОРТ сюжет и заявление Масхадова вызвали в Дагестане бурю возмущения, дошло даже до письменных обращений в миностреспублики с требованиями дать правовую оценку «антироссийской информационной политики некоторых центральных СМИ»⁵⁰. Однако в ответ на заявление Масхадова видеозапись на ОРТ показали повторно уже с Басаевым. Вскоре официальный Грозный признал наличие «добровольцев из Чечни». Чувствовалось, что демонстрация этих сюжетов была организована «информационным командованием», чтобы президент Республики Ичкерия дискредитировал себя ложным заявлением.

В той же публикации Б. Ахмеджанов рассказал о переломе в информационной войне. Прежде всего журналист заметил это в Интернете, где инициатива была перехвачена федералами. Ими в Сети был создан сайт «Дагестан», который только за пять дней посетили около 5 тысяч человек. Больше всего гостей было из России и США, затем шли Канада и Израиль, отмечал военный корреспондент. А буквально до последнего времени получить информацию можно было только на известном удуговском сайте «Кавказ». В правительстве Дагестана уверены, что эту войну Удугову уже не выиграть. «Впрочем, информационная война ведется и традиционными методами, — сообщал Б. Ахмеджанов. — В пятницу над захваченными селами были разбросаны листовки-обращения»⁵¹.

Во время конфликта в Дагестане СМИ значительное внимание уделили показу мужества и самоотверженности российских военнослужащих, оказывавших помощь дагестанскому народу, широко освещались факты дружественного отношения местного населения к ним. «Российских солдат

встречали в Дагестане только что не цветами, в горах во всю угощают фруктами и мясом»⁵², — говорилось в «Общей газете» и многих других периодических изданиях.

А о случае, когда женщины райцентра Агвали сели на дорогу и наотрез отказались выпустить выходивших из селения 200 солдат, направлявшихся в район Батлиха, заявив: «Пусть они останутся здесь, мы согласны их кормить сколько понадобится», — сообщали все печатные и электронные СМИ.

Также центральные СМИ стали больше показывать общестественности антигуманные действия чеченских боевиков. Так, в начале сентября 1999 года по ряду российских телеканалов были показаны страшные по восприятию кадры из Чечни: заложник за несколько минут до своей смерти призывает российские власти вступить за тех, кто находится в чеченском рабстве. Вслед за тем боевик в маске топором отсекает голову пленнику. Следующий кадр: пленник взывает к властям, жалуясь на свою участь «хуже чем у дворовой собаки». В завершении исповеди без всякого сопротивления, покорно подставляет ладонь под дуло пистолета охранника. Тот хладнокровно производит выстрел, отсекая палец жертве...

Лица подвергающихся экзекуции пленников и их палачей на телеэкране размыты. Это подчеркивает, что съемка велась скрыто, не профессионалом или произведена в таких кошмарных условиях, что даже электроника оказывается полуроботоспособной. В любом случае ясно, что без российских спецслужб не обошлось: или добывали видеозапись, либо организовали съемку. Демонстрация ее в начале контртеррористической операции была своевременна: она объясняла основной мотив второй чеченской военной кампании. Официальный Грозный упреждался в развертывании военно-пропагандистского воздействия на российскую общественность; визуально были представлены эпизоды вопиющей чеченской антигуманности для международных организаций. Еще одна особенность показа этой ленты была в том, что ее впервые показали по НТВ — телеканалу, который критически относился к решению чеченской проблемы военным путем.

Антигуманные действия чеченских боевиков давали повод и в дальнейшем для подготовки пропагандистских мате-

риалов, целью которых было показать, что терроризм — это зло, с которым необходимо бороться любыми средствами. Так, определенный психологический эффект имели многочисленные сообщения о причастности чеченских террористов к взрывам жилых домов в 1999 году в Москве, Буйнакске и Волгодонске. При этом по центральному телевидению были показаны кадры из Урус-Мартана, где федеральные войска на базе террористов обнаружили запасы взрывчатки, аналогичной той, что применялась при совершении актов терроризма в российских городах. Все это показало, что информационные органы федеральной власти значительно преуспели в освоении навыков как в формировании негативного образа врага, так и в создании позитивного имиджа российской армии. Также был значительно отлажен механизм получения необходимых сведений и фактов для интеграции военно-политической хроники.

Перемены в работе информподразделений вооруженных сил России стали заметны еще во время освещения событий в Косово, когда они профессионально комментировали происходящее, вели собственный счет потерь воюющих сторон, при этом их цифры расходились с официальными натовскими. Однако факты хроники и сообщения различных источников убеждали в точности их сведений. И российское общественное мнение в большей мере доверяло своим военным комментаторам. Затем российские информационные службы ярко показали марш-бросок подразделения российских воздушно-десантных войск из Боснии на Приштинский аэродром, ставший финальным аккордом натовско-югославского военного противостояния.

Этот образцовый переход, совершенный с соблюдением всех правил военно-полевого пиара, отчасти вернул уважение российского общества к собственным вооруженным силам, что было особенно важно перед началом новой чеченской кампании.

В контртеррористической операции, начавшейся осенью 1999 года, руководство информационными действиями взяло на себя Министерство обороны России, естественно, согласовывая свои действия с политическим руководством страны. В связи с тем, что А. Масхадова в информационной войне должны были поддерживать зарубежные и кое-какие

российские СМИ, которые по своей совокупной мощи значительно превосходили то, чем располагала официальная российская пропаганда, стратегический замысел федерального «информационного командования» значительно строился на том, чтобы сохранить доминирующее положение в отечественном информационном поле, безотносительно к результатам антироссийской пропаганды за рубежом. Начали проводиться мероприятия по блокированию, добыванию, обработке информации и особенно фильтрации ее потока. В этих целях получение первичной информации представителями СМИ значительно сужалось путем введения системы разрешений, пропусков и допусков на театр военных действий. Информация о происходящем в Чечне обрабатывалась информационными службами военных, затем передавалась в информационные агентства и СМИ. Таким образом до минимума сводился поток неконтролируемого «информационного бэкграунда», а следовательно, резко уменьшились возможности построения видеорядов и убедительных текстовых материалов о «мерзостях войны». СМИ переключились на использование чеченских сюжетов, но в России они не находили значительного спроса, ибо не вызывали доверия аудитории. Выигрышной картой российской стороны стало и то, что чеченские информационные «ребусы» в большинстве случаев составлялись за границей, куда переместил свой штаб главный ичкерийский идеолог и пропагандист М. Удугов⁵³.

Более изобретательно военные информационные службы стали вести контрпропаганду. Так, при освещении потерь в ходе контртеррористической операции они утверждали, что если верить чеченской пропаганде и сложить приводимые ею цифры российских потерь, то получится, что «армия уже должна перестать существовать». Тут же, со ссылкой на официальные источники (а также в ходе прямых репортажей с передовых позиций передовых сил) давались «реальные» цифры убитых и раненых, где красной нитью проводилась мысль о том, что во второй чеченской кампании федеральное командование «жалеет» личный состав, но отнюдь не снаряды».

По сообщению СМИ, в составе российских вооруженных сил имеются специальные подразделения для психологической войны. Одно из них было представлено в телепрограмме

«Военная тайна»⁵⁴. Оно включает 15 человек, занятых тремя видами деятельности: полиграфической, звуковещательной, а также звукозаписывающей и обрабатывающей информацию. Дальность вещания громкоговорительных установок — до 6 километров. Приводился пример, когда на одно из селений вещалась передача, которую вел человек, подражая голосу М. С. Горбачева, и призывал сельчан избавиться от повстанцев. Жители селения выполнили это пожелание. Были продемонстрированы листовки, где рисунки разделялись на две половины, на одной было — ОБЕЩАЛИ, на второй — ПОЛУЧИЛИ. За листовки подобного подразделения ичкерийские полевые командиры расстреливали тех, у кого их находили. Представленный в программе ефрейтор в совершенстве знал английский и французский язык.

В период контртеррористической операции в российских центральных СМИ также поднимались вопросы, которые не способствовали имиджу армии (обсуждение «дела Буданова», сообщения о нарушении прав человека в Чечне при проведении зачисток, показ недостатков в организации управления операцией и т. п.). В связи с этим в некоторых общественных кругах появилась ностальгия по временам, когда в стране существовала жесткая цензура, отмененная в 1990 году в связи с принятием Закона «О печати и других средствах массовой информации». В сентябре 1990-го органы военной цензуры были реорганизованы в органы по охране тайн в печати и других средствах массовой информации, а позднее — в 1997 году — в органы по информационной безопасности в средствах массовой информации.

Главное их отличие от прежней военной цензуры в том, что теперь материалы по военной тематике от гражданских редакций и издательств консультируются лишь по просьбе этих учреждений, а не подвергаются предварительному контролю, как практиковалось раньше. Более того, после консультации автор материала или издатель могут оставить текст без изменения и опубликовать его, но уже под свою ответственность в соответствии все с тем же Законом «О средствах массовой информации». Предварительному же контролю подлежат лишь служебные издания, содержащие информацию о Вооруженных Силах РФ, готовящиеся к печати в органах военного управления, военно-учебных

заведениях, научно-исследовательских институтах и учреждениях МО РФ.

В своей работе органы информационной безопасности в СМИ, кроме вышеназванного, руководствуются Законами РФ «О государственной тайне», «Об информации», «О рекламе», Указами Президента РФ об утверждении перечней сведений, отнесенных к государственной тайне, и сведений конфиденциального характера, постановлением правительства «О порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения», документами МО и ГШ. Сегодня органы информационной безопасности никакого политического и идеологического регулирования не осуществляют. В нормативных документах исключены ограничения по вопросам информации о состоянии воинской дисциплины, судимости, происшествий⁵⁵.

Все это является свидетельством позитивных перемен в информационной политике нашего государства. «Информационная безопасность — это прежде всего хорошее информирование», — отмечает известный теоретик коммуникастики Я. Н. Засурский⁵⁶. В подтверждение он приводит веские доводы: в странах, где в течение длительного периода осуществляется политика свободы печати — наиболее устойчивы государственные структуры. Пример этого: Англия, где конституционная монархия держится столь длительное время; США, в которых за 200-летнюю с лишним историю не было правительственных переворотов.

По мнению Я. Н. Засурского, эти две страны, где печать всегда открыто говорила правителям неприятные истины, и не только правителям, но и разным партиям, общественным организациям, создали определенную культуру свободы печати, которая предохраняет от многих неприятностей, связанных с тем положением, когда их нет. По его словам, СССР мог бы выиграть холодную войну, если бы советские средства массовой информации имели возможность также свободно говорить своим правителям неприятные истины, а наш народ знал, что происходит «в Архангельске, Владивостоке, Магадане, да и в Москве за высокими заборами. Информационная война велась скорее против своих людей, их лишали информации, и это сделало позицию СССР безнадёжной»⁵⁷.

Отметим, несмотря на то что западной демократии более 300 лет и в этих странах законопослушное общество, там кроме того есть целый спектр решений на уровне правительств и президентов, специальные структуры, которые контролируют, что готовится к печати и что в ней появляется. На газету за разглашение тайны может быть наложен штраф, нередко равносильный банкротству⁵⁸. Есть инструкции по военным вопросам, другие рычаги, позволяющие и в отсутствие цензуры соблюдать интересы государства в этой области.

Например, начало и развитие локальной войны (вооруженного конфликта) нередко приводят в США к нарушению нормального режима функционирования СМИ, к ограничению или полному контролю за информацией поступающей с театра военных действий. Так, в ходе антииракской операции «Буря в пустыне» в соответствии с решением американского военного командования были приняты жесткие меры в отношении работы с журналистами, предварительной цензуре материалов, которые они готовили для СМИ. В район боевых действий корреспонденты не допускались. То же самое было в период операции «Объединенная сила», когда сведения о действиях натовской авиации в Косово можно было получить лишь на ежедневных брифингах в штаб-квартире НАТО в Брюсселе.

Причем, как стало известно позднее из публикации американского еженедельника «Ньюсуик» со ссылкой на закрытый доклад ВВС США о том, что результативность натовских ударов по сербским целям оказалась в отдельных случаях завышенной в десятки раз. И пострадали от «точечных» бомбардировок в первую очередь гражданские лица, а не военнослужащие Югославии. В документе приводится число югославских военных объектов, уничтожение которых поддается проверке: 14 танков (а не 120, как утверждал когда-то председатель комитета начальников штабов вооруженных сил США Г. Шелтон), 18 бронетранспортеров (вместо 220), 20 артиллерийских орудий (что намного меньше называвшейся когда-то цифры — 450). Официально считалось, что в ходе 78-дневной кампании пилоты самолетов НАТО «гарантированно» поразили 774 цели. Однако, когда война закончилась, инспекторы ВВС США, буквально прочесав

каждую пядь косовской земли, смогли обнаружить свидетельства лишь 58 успешных попаданий⁵⁹. Ясно теперь, почему и во время проведения операции против талибов допуск журналистов в Афганистан был запрещен.

Также объединенная комиссия по государственной безопасности США считает важным и необходимым ведение оборонительной информационной борьбы с целью обеспечения информационной безопасности. Она включает мероприятия по блокированию, добыванию, обработке информации и особенно внедрению дезинформации. Сюда можно отнести также и контрпропаганду — от распространения простейших слухов и сплетен и до глубокой психологической обработки («промывание мозгов») в глобальном масштабе средствами радио и телевидения.

Очень важной, по мнению западных специалистов, является политическая, социальная и культурная ангажированность информационных источников, их техническое оснащение, дающее возможность при фильтрации информационного потока придавать ему желаемое направление. При этом конечным ориентиром фильтрации и направленности информационного потока является создание заданного стереотипа общественного сознания и управления им государственными, политическими, военными, идеологическими или иными структурами. Методы фильтрации информации в обществе могут быть разнообразными. Самыми распространенными из них являются:

1. Полное препятствие появлению информации о каких-то проблемах, темах и явлениях (информационная «заслонка»).
2. Информация о некоторых явлениях, событиях, только с негативной интерпретацией («односторонний негативный вентиль»). Вариантом названного подхода является соединение негативного информационного потока с определенной нравственно-этической трактовкой события.
3. Распространение информации с позитивной интерпретацией («односторонний позитивный вентиль»).
4. Создание избыточной информации («открытый вентиль») — сброс в общество информации в объеме, превышающем средний уровень, причем этот объем должен быть заведомо превосходящим возможности переработки и усвоения информации адресным субъектом. В результате проис-

ходит «срыв рациональной деятельности» его сознания (фрустрация на уровне общественного сознания), последствием развития которого является синдром «толпы» (на телевизионном уровне).

5. Метод «двустороннего открытого вентиля» представляет собой создание нескольких избыточных информационных потоков с противоположными оценочными суждениями.

6. Особый временной режим каналов информирования («временной селектор») в зависимости от поставленной цели может использовать: а) «шоковую» подачу информации (типа чрезвычайных сообщений, сенсаций и т. д.); б) эпизодический режим («случайная утечка информации», чаще используется для дезинформации); в) периодический режим — обычно для создания состояния устойчивого привыкания (реклама, транслирование по телевидению и т. д.).

7. Комбинированная подача информации («многозвенный селективный вентиль») является объединением перечисленных выше методов. Наиболее часто используется многослойная информация, включающая нейтральную информацию, блок позитивной информации, блок «объективистской» информации, в которую эпизодическим фрагментом входит заданная тенденциозная информация.

8. Воздействие на эмоциональный и подсознательный уровень субъекта с целью ослабления и постепенного вытеснения у него способности рационального типа мышления. Для этого используются перечисленные выше методы в сочетании с «шумовым» методом подачи информации, характерным для «массовой» аудитории⁶⁰.

Причем, следует заметить, все эти и другие методы фильтрации информации осуществляются в условиях западной демократии, которая высоко ценит свободу печати, но в интересах национальной безопасности идет на ее ограничения. В военных конфликтах США намечают вести информационную войну наступательно, с целью достижения информационного превосходства в обеспечении национальной военной стратегии. Об этом не раз заявляли высокопоставленные американские генералы, об этом говорится в уставе Министерства обороны США.

По данным иностранных специалистов, за 15 лет расходы на приобретение средств информационно-психологической

борьбы увеличились в США в четыре раза и занимают первое место среди всех программ вооружений. Специалистам вооруженных сил США принадлежит ведущая роль в создании теории и практики информационно-психологического обеспечения, подготовки и ведения войн и военных конфликтов.

Последнее время в армиях США и стран НАТО в целом значительная роль отводится также информационно-психологическому обеспечению миротворческих и специальных действий вооруженных сил.

В США недавно были приняты уставы и наставления, в соответствии с которыми, специалисты психологических операций осуществляют информационно-психологическое обеспечение миротворческих операций. Одновременно они принимают участие в процессе формирования новых государственных институтов власти, создании «независимых» средств массовой информации, отстранении от власти неугодных политических лидеров и наоборот, в продвижении лояльных политиков и др. Командование сухопутных войск США оценивает эти документы как новый шаг на пути расширения и углубления военной доктрины в эпоху новой фазы международного развития, когда использование вооруженных сил предусматривается не только в полномасштабной войне, но также и в «операциях, отличных от войны».

В этой связи, как отмечает ряд специалистов, слияние информационного потенциала и военной силы высокоразвитыми государствами может представлять угрозу не только безопасности отдельных государств, в том числе и России, но и стабильности международных отношений в целом.

В доктрине информационной безопасности Российской Федерации от 2000 года прямо указано на то, что серьезную опасность представляет собой стремление ряда государств к доминированию в информационном пространстве, разработка ими концепций информационных войн, предусматривающих создание средств опасного воздействия на информационные сферы других стран мира⁶¹.

Учитывая возрастающую зависимость российского общества от устойчивого функционирования информационной инфраструктуры, обеспечение безопасности интересов Российской Федерации в информационной сфере становится важным фактором национальной безопасности в целом.

В российской печати последних лет довольно полно изложены взгляды на сущность и формы информационной борьбы в войнах и военных конфликтах второй половины XX — начала XXI века. Уроки чеченских кампаний, а также зарубежные примеры говорят о том, что в России необходимо форсированно развивать эффективный механизм информационно-психологического противоборства, который должен совершенствоваться на основе продуманных, научно обоснованных, опирающихся на достижение психологии, соответствующим правам человека мер, которые должны соответствовать долгосрочным, коренным национально-государственным интересам.

Необходима разработка концепции информационно-психологического противоборства. По мнению специалистов, она может включать в себя: определение информационно-психологического противоборства; основные категории и термины; цель, требования, решаемые задачи; принципы организации и осуществления; формы и способы в мирное и военное время; привлекаемые силы и средства; приоритеты, проблемы, пути их решения; возможные тенденции в развитии теории и практики информационно-психологического противоборства на перспективу.

Такая концепция информационно-психологического противоборства не только должна быть рассчитана на время боевых действий, но и на периоды обострения внешне- и внутриполитической обстановки, участия вооруженных сил в обеспечении преодоления конфликтов в стране и за рубежом; необходима всесторонняя теоретическая разработка проблемы информационно-психологического обеспечения войск (сил) в мирное время (в том числе при участии войск в миротворческих, военно-гуманитарных и иных специфических операциях), в периоды обострения военно-политической обстановки (в угрожаемый период) и в военное время (в операциях и боевых действиях).

При этом информационно-психологическое противоборство должно быть упреждающим, мобильным, гибким и выполнять прежде всего следующие функции: информационно-разъяснительную, убеждающую, политико-ориентирующую, объединительную и воспитательно-нейтрализующую,

техничко-запретную, а соответствующие организационные структуры — отвечать задачам, формам и способам действий.

Решение о проведении информационно-психологических действий (операций) должно приниматься на самом высоком уровне страны. В координации действий и осуществлении мероприятий информационно-психологической операции стратегического и оперативного уровня необходимо участие высшего военно-политического руководства.

В Вооруженных Силах России необходимо развивать специальные формирования информационно-психологического обеспечения, которые должны состоять из следующих структур: органов информации и связи с общественностью; органов воспитательной работы; частей и подразделений информационно-психологической защиты. Целесообразно объединить органы, участвующие в информационно-психологическом обеспечении Вооруженных Сил РФ общей целью и единой управленческой структурой. Это позволит уменьшить численность управленческого и административного аппарата, повысить оперативность реагирования на изменение информационно-психологической обстановки, ускорить принятие решений по вопросам информационно-психологического противодействия.

В районе военных действий необходимо заранее создавать пресс-центры командования группировки войск, на которые целесообразно возлагать следующие задачи: регулярное информирование старшего информационного органа о ходе операций (боевых действиях), событиях и фактах, которые могут привлечь внимание общественности; подготовку для командующего группировкой войск обзоров СМИ, освещающих деятельность соединений и частей; оказание содействия журналистам в объективном и своевременном освещении деятельности войск, хода боевых действий (что позволит исключить влияние на морально-психологическое состояние военнослужащих); информирование военнослужащих о событиях на родине; координацию деятельности журналистских бригад, прибывающих для освещения деятельности войск. Следует заблаговременно разрабатывать правила для журналистов, регламентирующие нормы их поведения в различных ситуациях. В частности, правила должны предусматривать неразглашение сведений закрытого характера,

соблюдение представителями СМИ норм личной безопасности. В район военных действий представителей СМИ желательно доставлять в составе уже сформированных групп (пулов) транспортом министерства, ответственного за силовую акцию. Состав групп желательно иметь небольшой (4—6 человек). Сопровождать журналистов должен представитель пресс-центра (центра общественных связей) соответствующего силового ведомства. Его главные функции: оказание помощи в организации работы журналистов в частях и подразделениях.

В масштабе всей страны органом, который мог бы заниматься координацией взаимодействия всех государственных и независимых органов, влияющих на разработку информационной политики и ее осуществление, может стать Совет безопасности (СБ), который создан как специальная структура для координации Президентом РФ деятельности различных ведомств в интересах национальной безопасности. Согласно закону, основными задачами Совета безопасности являются: определение жизненно важных интересов личности, общества и государства и выявление внутренних и внешних угроз объектам безопасности; разработка основных направлений стратегии обеспечения безопасности страны и организация подготовки федеральных программ ее обеспечения; подготовка рекомендаций президенту для принятия решений по вопросам внутренней и внешней политики в области обеспечения безопасности личности, общества и государства; подготовка оперативных решений по предотвращению чрезвычайных ситуаций, которые могут повлечь существенные социально-политические, экономические, военные, экологические и иные последствия, и по организации их ликвидации; подготовка предложений президенту о введении, продлении или отмене чрезвычайного положения; разработка предложений по координации деятельности органов исполнительной власти в процессе реализации принятых решений в области обеспечения безопасности и оценка их эффективности; совершенствование системы обеспечения безопасности путем разработки предложений по реформированию существующих либо созданию новых органов, обеспечивающих безопасность личности, общества и государства.

Решение Совета безопасности по вопросам обеспечения безопасности оформляются указами Президента РФ.

Закон «О безопасности» определяет также организацию работы СБ Российской Федерации, предусматривая возможность образования постоянно действующих и временных межведомственных комиссий, действующих под эгидой СБ, которые могут создаваться на функциональной или региональной основе. Эти комиссии могут возглавляться членами СБ, руководителями соответствующих ведомств или уполномоченными на то президентом лицами. Что касается организационно-технического и информационного обеспечения деятельности СБ, то эти функции возлагаются на его аппарат, возглавляемый секретарем Совета.

На межведомственные комиссии и аппарат СБ возложены следующие задачи: оценка внутренних и внешних угроз жизненно важным интересам объектов безопасности, выявление источников опасности; подготовка научно обоснованных прогнозов изменения внутренних и внешних условий и факторов, влияющих на состояние безопасности Российской Федерации; разработка и координация федеральных программ по обеспечению безопасности РФ и оценка их эффективности; накопление, анализ и обработка информации о функционировании системы обеспечения безопасности РФ, выработка рекомендаций по ее совершенствованию; информирование Совета безопасности РФ о ходе исполнения его решений; подготовка проектов решений СБ, а также проектов указов президента по вопросам безопасности; подготовка материалов для доклада президента Верховному Совету об обеспечении безопасности Российской Федерации.

Совет безопасности является единственным органом, имеющим возможность сводить воедино информацию правительственных ведомств по вопросам внешней и внутренней политики и обороны, осуществлять их координацию в рамках исполнительной ветви власти, а затем представлять все варианты действий. Созданная при Совете межведомственная комиссия по информационно-психологической безопасности могла бы анализировать оперативную и аналитическую информацию, поступающую из различных ведомств, в первую очередь из МИД, Минобороны, МВД и ФСБ, МЧС, ФПС, суммировать оценки и выводы и на основе этого готовить доклады и вырабатывать рекомендации президенту, которые могут стать предметом обсуждения на

заседаниях. Решение о проведении информационно-психологических действий принимает Президент РФ, он же дает указания по основополагающим вопросам развития потенциала информационно-психологической защиты (или противоборства, т. е. как будет определено в законодательных документах). Президент утверждает соответствующие директивные документы, определяет цели предстоящей стратегической информационно-психологической операции: в подготовительный период, с началом операции, по ее окончании.

Общее руководство информационно-психологическими действиями (ИПД) осуществляет Совет безопасности. Он координирует и направляет пропагандистские и вспомогательные мероприятия администрации президента, МИДа, Роскомпечати, Академии наук и других научных учреждений, информационных агентств ИТАР-ТАСС и «Новости», Минобороны, МВД, МЧС, ФПС, ФСБ, ФАПСИ, государственных телерадиокомпаний и органов прессы. Кроме данных органов, образующих официальную часть информационно-психологического аппарата, его важнейшими элементами должны стать независимые организации: многочисленные научно-исследовательские центры, фонды, общественные образования (союзы, комитеты, лиги и т. п.), частные СМИ (см. схему).

На Межведомственную комиссию при СБ (она может быть по закону постоянная) также возможно возложить функции по разработке структур органов информационно-психологической защиты и основные направления их деятельности в период обострения обстановки и в военное время, организовывать подготовку и расстановку руководящих кадров, создание запасов материальных средств, научные исследования, опросы общественного мнения, обобщать опыт работы аналогичных органов за рубежом, а также разрабатывать руководящие документы по проведению морально-психологической обработки населения. С целью решения функциональных обязанностей в комиссии могут быть сформированы рабочие группы. В военное время в качестве высшего руководящего органа информационно-психологической системы на базе комиссии может быть создан государственный информационный центр. В его функции может входить общее руководство подготовкой и распространением информационных материалов внутри страны и за рубежом, конт-

роль за деятельностью органов массовой информации, изучение общественного мнения и эффективности информационно-психологических действий, проведение мероприятий с дезинформацией и распространением враждебных слухов.

В рамках Министерства обороны РФ должен существовать главный потенциал формирований информационно-психологической поддержки. Он должен осуществлять поддержку государственных (национальных) интересов России в мирное время, в угрожаемый период и на всех этапах военного конфликта. Кроме того, требуется разработка соответствующей программы развития и использования органов информационно-психологической защиты ВС России, осуществление которой должно начаться с формирования нормативной базы информационно-психологических операций. Подготовка и принятие соответствующих наставлений (инструкций, а лучше всего уставов) будет способствовать становлению высокопрофессиональных органов информационно-психологической поддержки, их эффективному использованию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дюпюи Р., Дюпюи Т. Н. Всемирная история войн. В 4 т. СПб. — М., 1998. Т. 4. С. 586.

² Советская внешняя политика в годы «холодной войны». Новое прочтение. М., 1995. С. 277.

³ Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века /Под ред. В. А. Золотарева. М., 2000, С. 146.

⁴ Советская внешняя политика... С. 277.

⁵ Белащенко Т. К. Спецпропаганда в 50-е годы // Информационный сборник. 1998. № 3. С. 71.

⁶ См.: Правда. 1962. 5 августа, 3 сентября, 7 октября.

⁷ Россия (СССР) в локальных войнах... С. 157.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 162.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Правда. 1962. 23 октября.

¹² См.: Правда. 1968. 19, 20, 24 июля.

¹³ Россия (СССР) в локальных войнах... С. 151.

¹⁴ См.: Правда. 1968. 27 августа.

¹⁵ К событиям в Чехословакии: Факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев. Вып. 1. М., 1968. (Сдано в набор 13 сентября, подписано в печать 14 сентября 1968 г.)

¹⁶ К событиям в Чехословакии... С. 25.

¹⁷ Россия (СССР) в локальных войнах... С. 152.

¹⁸ *Белащенко Т. К.* Указ. соч. С. 70.

¹⁹ Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф. 89, оп. 14, д. 33.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² *Гареев М.* Моя последняя война. М., 1996. С. 353.

²³ См.: статью А. Колосова в журнале «Международная жизнь» (1990. № 4).

²⁴ *Гареев М. А.* Указ. соч. С. 351–352.

²⁵ См.: *Ильин В. Е.* Миг-23, «Мираж» F-1, «Вигген». Истребители третьего поколения. М., 2002. С. 127. (Автор использует данные «Журнала боевых действий», составляемого на месте событий, являющегося объективной хроникой войны, которая предназначена для «внутреннего пользования».)

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Правда. 1982. 15 августа.

²⁸ Распоряжение Правительства РФ, № 1886-р от 1 декабря 1994 года // Российские вести. 1994. 15 декабря.

²⁹ Там же.

³⁰ Данные социологических исследований/Журналисты на чеченской войне: Факты документы свидетельства. М., 1995. С. 14–16.

³¹ Там же. С. 225.

³² Там же. С. 230.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 229.

³⁵ «Освещение войны в Чечне и политика средств массовой информации» (Стенограмма «Круглого стола» Российско-американского информационного пресс-центра 9 февраля 1995 г.) / Журналисты на чеченской войне: Факты, документы, свидетельства. 210–212.

³⁶ «Свобода прессы и интересы национальной политики» (Стенограмма «Круглого стола» Международного пресс-центра и клуба « и Фонда «Фридом форум» 5 июля 1995 г.) / Журналисты на чеченской войне. Факты, документы, свидетельства. — М., 1995. С. 222–237.

³⁷ *Новичков Н. Н., Снеговский В. Я., Соколов А. Г., Шварев В. Ю.* Российские Вооруженные Силы в чеченском конфликте. — Париж–Москва, 1995. С. 125.

³⁸ Цит. по: Журналистика и война. М., 1995. С. 86.

³⁹ М. Удугов был назначен министром информации и печати правительства Джохара Дудаева 17 декабря 1991 года. Потом министерство переименовали в Госкомитет по информации и печати. Летом 1994 года Госкомитет перестал существовать, и Мовлади Удугов стал председателем национальной службы информации, которая выполняла функции информационно-аналитической структуры. У специалистов создавалось впечатление, что Мовлади Удугов возглавлял службу, объединяющую органы разведки и идеологического действия.

⁴⁰ Журналисты в российско-чеченском конфликте/Журналистика и война: Освещение российскими СМИ военных действий в Чечне / Ред. А. Г. Рихтер. М., 1995. С. 17—18.

⁴¹ Данные социологических исследований / Журналисты на чеченской войне: Факты, документы, свидетельства. С. 14—16.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См.: Россия (СССР) в локальных войнах... С. 318.

⁴⁶ Там же. С. 320.

⁴⁷ Новичков Н. Н. и др. Указ. Соч. С. 157.

⁴⁸ Дашкин М. Шестнадцать фронтов готовы взорвать Дагестан // Общая газета. 1999. 5—11 августа.

⁴⁹ Ахмеджанов Б. Шариат приходит ночью, вооруженный до зубов // Общая газета. 1999. 12—18 августа.

⁵⁰ Ахмеджанов Б. Ваххабиты не позволяют России отделиться от Дагестана // Общая газета. 1999. 19—25 августа.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ См.: Независимая газета. 2000. 13 января.

⁵⁴ Телепрограмма «Военная тайна» // Ren TV 1998. 22 ноября.

⁵⁵ См.: Васильев Т. Цензуры нет, но тайны остаются // На страже Родины. 1999. 23 декабря.

⁵⁶ Засурский Я. Н. Роль средств массовой информации в современном обществе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1995. № 2. С. 6.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Поросков Н. Цензуры нет. Но тайны остаются // Красная звезда. 1996. 11 июля.

⁵⁹ См.: Зарубежное военное обозрение. 2000. № 6. С. 9.

⁶⁰ Кот В. Поле борьбы – информационное пространство // Военный парад. 1997. № 6. С. 86—87.

⁶¹ См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. М., 2000.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Информационно-психологическая борьба велась во всех войнах и противостояниях человечества. Ее содержание в основном составляли действия противостоящих сторон по распространению дезинформации или тенденциозной информации для воздействия на оценки, намерения и ориентацию населения, личного состава вооруженных сил и лиц, принимающих решения, с целью формирования общественного мнения, выгодного для действующей стороны.

Заметные количественные и качественные изменения информационной борьба стала претерпевать по мере того, как началось создание единого мирового информационного пространства. Современная научно-техническая революция произвела подлинный переворот в информационной борьбе. Это характерно тем, что более активно и глобально стали проводиться психологические операции, развивается радиоэлектронная борьба, интенсивно внедряются новые информационные технологии. Сегодня все больше сил и средств вовлекается в информационную борьбу, все более масштабнее становятся ее последствия. Наглядной иллюстрацией этому служат войны и вооруженные конфликты последних десятилетий XX века и начала XXI века. Их анализ со всей очевидностью свидетельствует о том, что ход и исход военных действий любого масштаба в современном мире определяется искусством ведения информационной борьбы.

На рубеже XX—XXI веков появился термин «информационная война». Ее концепция впервые разработана в США. Американская классификация войн предусматривает выделения основного вида вооружения, которое доминирует при ведении боевых действий: биологическая война (если применяется биологическое оружие), химическая (химическое), ядерная (ядерное). В этой связи оружием информационной войны является информация, средства ее распространения и технологии, которые нарушают информационные системы и способствуют защите своей информационной среды.

По мнению американского военного руководства, информационная война — это совокупность мероприятий, предпринимаемых в целях достижения информационного превосходства над противником путем воздействия на его информационные системы, процессы, компьютерные сети, общественное и индивидуальное создание и подсознание населения и личного состава вооруженных сил, при одновременной защите своей информационной среды.

В России при рассмотрении проблем информационной безопасности страны выделяются два вида информационной борьбы: информационно-техническую и информационно-психологическую. При информационно-технической борьбе главными объектами воздействия и защиты являются информационно-технические системы (системы связи, телекоммуникационные системы, радиоэлектронные средства и т. д.). При информационно-психологической борьбе главными объектами воздействия и защиты являются психика личного состава вооруженных сил, спецслужб и населения противостоящих сторон, системы формирования общественного мнения и принятия решений. Причем, в распространенном в России определении информационной войны как коммуникативной технологии по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями, внимание акцентируется на содержательные, а не на технические аспекты этого явления.

Зарубежные специалисты, говоря о психологических операциях в психологической войне как составляющей информационной войны, отмечают, что они являются одним из ее основополагающих элементов. В США определяют психологическую войну как деятельность государства, в том числе и его вооруженных сил по активному использованию информации для воздействия на общественное мнение в основном информационно-психологическими средствами. В широком смысле под термином «психологическая война» понимается целенаправленное и планомерное использование пропаганды и других средств (дипломатических, военных, экономических, политических и т. д.) для прямого или косвенного психологического воздействия на мнения, настроения, чувства и, в итоге, на поведение противника с целью заставить его действовать соответствующим образом.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Авторитетная информация — полученная из надежных источников, и качество ее не вызывает сомнений.

Агентство новостей, или информационное агентство, — организация, занимающаяся сбором, обработкой и распространением информации для газет, журналов, издательств, радио и телевидения, правительственных, научно-культурных и других учреждений. Крупные агентства имеют собственные корреспондентские пункты и подписчиков в разных странах мира, пользуясь для их обслуживания новейшей электронно-информационной техникой и эффективно действующими системами коммерческих служб.

Агитация — пропагандистская деятельность с целью побуждения к политической активности отдельных групп или широких масс населения. Отличается разнообразием устных, печатных и аудиовизуальных средств и является распространенным инструментом политической борьбы.

Анонс «тизер» (teaser — от слова tease — дразнить, надоедать) — вид броского рекламного объявления, предваряющего сводки новостей или другие телевизионные программы соблазнительными намеками на интереснейшую информацию. По своей функции такие анонсы в вещательных программах напоминают *преамбулы* к газетно-журнальным статьям. Жаргонным синонимом этого термина является слово «хукер» (hooker — вербовщик, от слова hook — крючок, приманка, западня).

Аутентичность — подлинность сообщения, его соответствие первоисточнику.

Безопасность информационная (информационная безопасность) — составная часть *национальной безопасности* государства, отражающая состояние защищенности его информационных ресурсов, обеспечивающее их формирование и развитие в интересах личности, общества, государства. Достигается комплексом мер по выявлению, устранению или предотвращению внешних и внутренних угроз в информационной сфере.

Безопасность национальная (национальная безопасность) — состояние защищенности национальных жизненно важных интересов в экономической, политической, военной, экологической, информационной и других областях от реальных и потенциальных угроз.

Блеф (англ. bluff) — первоначально название приема в карточной игре в покер, когда игрок, имеющий плохие карты, действует так, чтобы соперники сочли его карты выигрышными. В переносном значении: обман, имеющий целью запугать, внушить преувеличенное представление о себе; выдумка из хвастовства или обман, рассчитанный на запугивание, введение в заблуждение кого-либо; ложь с целью запугать или внушить другому преувеличенное представление о чем-либо.

Борьба идеологическая (идеологическая борьба) — совокупность идейно-политического и морально-психологического воздействия на личный состав и население противника с целью подорвать их моральный дух. Содержание и характер Б. и. определяются социально-политическими целями войны.

Брифинг — вид пресс-конференций, проводимых на регулярной основе с целью ориентации корреспондентов, аккредитованных при данном ведомстве или делегации. Б. закрытого характера проводятся для журналистов, которым информация передается на доверительной основе.

Буклет — оперативное малоформатное издание: брошюра, проспект.

Бэкграунд (от англ. background — фон, задний план) — подсобный материал обзорно-реферативного или аналитического характера, раскрывающий подоплеку, суть вопроса и исполь-

зуемый в процессе принятия политических решений или для подготовки пропагандистского выступления.

Бюллетень — оперативное издание сообщений или подборок сообщений на регулярной основе. Б. могут выпускаться правительственными службами, информационными агентствами, научно-исследовательскими учреждениями, общественными организациями, а также пресс-центрами. Б. разового или эпизодического характера — пресс-релиз.

В сфере международного распространения информации практикуются Б., выпускаемые пресс(информ)-отделами посольств или отделениями агентств в той или иной стране. В первом случае информация носит преимущественно официальный характер, а ее использование подписчиками подразумевается на бесплатной основе. Агентские Б. могут быть как общего (оперативно-информационного) характера, так и специального, отраслевого.

Война — общественно-политическое явление, особое состояние общества, связанное с резкой сменой отношений между государствами, народами, социальными группами с переходом к применению вооруженного насилия для достижения политических, экономических, военных и других целей. Наряду с вооруженной борьбой, которая составляет главное содержание В., в военное время и в подготовительный период могут также применяться экономические, дипломатические, *идеологические, психологические, информационные* и другие (бескровные) средства и соответствующие им формы борьбы. В. подразделяют: в зависимости от количества участвующих государств — на межгосударственные и коалиционные; по пространственному размаху — на мировые, региональные и локальные; по типу противоречий — на межгосударственные и внутригосударственные; по целям воюющих сторон — на захватнические, оборонительные, освободительные и т. д.; по применяемым средствам — на В. с применением ОМП и В. с применением только обычных средств поражения. Возможна классификация и по иным основаниям.

«**Война холодная**» («холодная война») — форма стратегического противостояния на грани развязывания войны ведущих капиталистических государств во главе с США (каплагерь) и

социалистических государств во главе с СССР (соцлагерь). Велась в период после Второй мировой войны до распада соц. лагеря и СССР обеими сторонами во всех областях — политической, экономической, идеологической, военной, *информационной* и др.

Гедонистический ряд — компонент, часть информационно-пропагандистской программы, включающий материалы эстетического, эмоционально-развлекательного характера.

Гиперреальность — термин, употребляемый специалистами по рекламе для обозначения стремления современных дизайнеров вызвать у зрителей иллюзии непосредственных связей, соучастия с тем, что они видят в телевизионном рекламном клипе, представляющем товары на фоне натуралистических сценок бытовой повседневной жизни довольных покупателей этих товаров.

Горячая линия — прямая связь с местом событий для передачи самых свежих «горячих» новостей и сведений из первых рук. В последнее время в условиях развития высокоскоростных средств связи эта форма информации оказывается в преимущественном положении по сравнению с прежними студийными передачами, которые подвергаются критике за искусственность их монтажей.

Дайджест — периодическое издание, составляемое из материалов, опубликованных по другим каналам и, как правило, адаптированных при перепечатке в соответствии с аудиторной направленностью данного издания.

Дезавуирование (от фр. *desavue* — отречься, отказываться) — акт правительственного органа или какой-либо организации, которым заявляется, что их представитель или доверенное лицо осуществляли какую-либо акцию или делали какое-либо заявление без ведома того, от чьего имени они действовали, или с превышением полномочий. Отсюда — отмежевание от этого действия или от содержания оглашенной информации.

Дезинформация — 1) предназначенная для распространения по пропагандистским каналам (включая т. н. «черные каналы») версия, имеющая целью ввести противную сторону в заблуждение о намерениях данной стороны или дискредитировать противную сторону; 2) использование пропагандистских кана-

лов с целью навязывания общественному мнению искаженных и откровенно лживых представлений о фактах реальной действительности, извращение политики другой стороны, манипулирование массовым сознанием в интересах правящих классов.

Демарш — акция правительства, посредством которой в ясной, категорической форме, в том числе через посредство публикаций в прессе, выражается отношение к действиям какой-либо другой стороны или призыв к взаимодействию в возникшей ситуации.

Деморализация — моральное разложение, упадок нравственности, дисциплины и морально-психологического состояния личного состава вооруженных сил. Причинами Д. могут быть неблагоприятный ход войны, политические и военные просчеты руководителей, неудовлетворительное материальное обеспечение, физическая и психическая усталость войск, долговременное боевое и информационно-психологическое воздействие противника.

Деятельность миротворческая (миротворческая деятельность) — действия национальных или многонациональных контингентов войск по поддержанию мира в регионах, странах с нестабильной внутривнутриполитической обстановкой, в районах возможного возникновения вооруженных конфликтов на межэтнической, сепаратистской, религиозной или идеологической почве путем разъединения враждующих сторон, разоружения незаконных вооруженных формирований, создания буферных зон, контроля за передвижением войск сторон, изъятия и конфискации оружия у гражданских лиц, введения комендантского часа, *информационные действия*, патрулирования районов и населенных пунктов, выставления контрольных постов и проведения других мероприятий, определяемых международными или иными соглашениями (договорами). Приравнивается к выполнению боевых задач в военное время.

Диффамация — использование каналов средств массовой информации для распространения версий, домыслов и прямой лжи с целью скомпрометировать какое-либо лицо.

Документированная информация (документ) — зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать.

Достоверность информации — степень соответствия информации реальным событиям и фактам. Зависит от надежности источников информации и каналов связи. По степени достоверности информация может быть достоверной, вероятной, сомнительной и ложной. Д. и. достигается дублированием источников ее получения, тщательным анализом с перепроверкой и сопоставлением полученных данных из различных источников.

Доступ к информации — возможность совершения действий с информацией: ознакомление, сбор, обработка, накопление, передача, копирование, изменение, искажение, уничтожение. Пользователи обладают равными правами на доступ к государственным информационным ресурсам, которые являются открытыми и общедоступными. Исключение составляет документированная информация, отнесенная законодательством к категории ограниченного доступа. Документированная информация с ограниченным доступом по условиям ее правового режима подразделяется на информацию, отнесенную к государственной тайне, и конфиденциальную. Порядок накопления и обработки документированной информации с ограниченным доступом, правила ее защиты и порядок доступа к ней определяются органами государственной власти, ответственными за определенный вид и массивы информации, в соответствии с их компетенцией либо непосредственно ее собственниками в соответствии с законодательством.

Желтая пресса — бульварно-массовая печать, насыщенная крикливыми сенсациями, сплетнями, инсинуациями и иллюстрациями, рассчитанными на малообразованных читателей с низменными интересами и вкусами. С Ж. п. связывают деятельность журналистов, способных ради материальной выгоды нарушать принципы объективно-честной информации. Этимологические корни этого термина уходят в историю американской печати конца XIX в., когда в пылу острой конкурентной борьбы между газетными монополиями Джозефа Пулитцера и Уильяма Рэндолфа Херста полемическим оружием для соперников служили карикатурные серии Р. Ф. Аутколта «Желтый малыш» и разного рода сенсационные новости, расцвеченные красками низкопробного «желтого журнализма».

Жупел — нечто, внушающее страх, ужас, отвращение.

Законы военного времени — государственные правовые акты и нормы, действие которых ограничено военным временем. Регламентируют гражданские, административные и другие правоотношения, в том числе и деятельность СМИ.

Закрытая пресс-конференция или интервью — форма эксклюзивного изложения информации с правом ее публикации, но без раскрытия источника, поскольку в такой информации могут содержаться факты, объясняющие тайные причины или закулисные стороны события.

Защита информации — комплекс организационных и технических мероприятий, направленных на выявление, устранение или предотвращение утечки информации и несанкционированных воздействий на нее с целью сохранения государственной тайны, конфиденциальной документированной информации в соответствии с законодательством.

Знак — ключевое понятие семиотических исследований масс медиа, ставящих акцент не на стабильности объективного содержания информационных сообщений, а на относительности, изменчивости и плюрализме значений, вкладываемых в *тексты* их отправителями и получателями. Под *З.* может подразумеваться один из моментов проявления такого плюрализма значений в непрерывном генеративном процессе коммуникативных связей и диалоговых взаимодействий между создателями текстов и их реципиентами (читателями, слушателями или зрителями). *З.* в концепциях семиотиков не отражают реальность, а условно ее обозначают, подчиняясь системам межзнаковых отношений. Поэтому их сравнивают не с окнами в мир реальности, а с картами мира, выделяя три основных типа *З.*: 1) образ, предполагающий частичное подобие обозначаемому объекту (фотография); 2) индекс — прямая связь между *З.* и объектом (дым — показатель огня); 3) символ — отсутствие и связи, и подобия (слово — это символ). Подвижность границ между ними допускается и анализируется.

Зона конфликта — зона (район, регион), в пределах которой происходит столкновение интересов различных социальных субъектов, противостояние и разрешение противоре-

чий между классами, другими социальными группами, партиями (зона внутреннего конфликта) или государствами (зона межгосударственного конфликта) с использованием политических, дипломатических, экономических, военных, правовых, информационных, психологических и др. акций противоборствующих сторон.

Инсайдер — журналист, входящий во влиятельные структуры и имеющий доступ к закрытой информации.

Инсинуация — клеветнические измышления, в т. ч. распространяемые по каналам прессы.

Инспирация — передача средствам массовой информации версий с политическими оценками событий или намерений сторон с акцентом на то, что больше всего отвечает интересам источника.

Инсценировка новостей — термин, применяемый для характеристики приемов искусственного монтажа новостей, ведущего к изображению псевдособытий на экране.

Интрига — происки, скрытые действия, обычно неблагоприятные, для достижения чего-либо; коварство, козни, направленные против кого-либо.

Информатизация — организационный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов.

Информационная система — организационно упорядоченная совокупность документов (массивов документов) и информационных технологий, в том числе с использованием средств вычислительной техники и связи, реализующих информационные процессы.

Информационно-психологическое воздействие — это воздействие словом, информацией, которое ставит своей основной целью формирование определенных идей, взглядов, представлений, убеждений, вызывает у людей положительные или отрицательные эмоции, чувства и даже бурные массовые реакции.

Информационные процессы — процессы сбора, обработки, накопления, хранения, поиска и распространения информации.

Информационный ряд — компонент пропагандистской программы, в котором концентрируются новости, факты. Обычно используется в качестве «запевки» программы.

Информация (от лат. *informatio* — разъяснение, изложение) — первоначально — сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом (с помощью условных сигналов, технических средств и т. д.); с середины XX в. общенаучное понятие, включающее обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом. Одно из основных понятий кибернетики.

Информация о гражданах (персональные данные) — сведения о фактах, событиях и обстоятельствах жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность.

Источник (коммуникатор) — индивидуальный или коллективный автор или владелец информационно-пропагандистского сообщения.

Комментарий (от лат. *commentarius* — заметки, толкование) — в системе СМИ — разновидность оперативного аналитического материала, разъясняющего смысл актуального общественно-политического события, документа и т. п.

Конгрегация пропаганды веры (*Congregatia de propaganda fide*) — специальное ведомство по ведению активной пропаганды в поддержку католической веры во всем мире, учрежденное папским престолом в 1622 г. Отсюда исходит использование в международном обиходе термина *пропаганда*.

Контент-анализ — анализ текстовых материалов, выясняющий закономерные для данного текста соотношения между смысловой нагрузкой или символами-знаками, с одной стороны, и особенностями их восприятия данной аудиторией с точки зрения навыков и социопсихологических особенностей последней — с другой.

Контрпропаганда — меры политического и пропагандистского характера, предпринимаемые данной стороной с целью упреждения или нейтрализации враждебных и клеветнических инспираций и линий пропаганды какой-либо другой стороны.

Конфликт (лат. *conflictus* — столкновение) — столкновение интересов различных социальных и социально-политических субъектов; противоборство, форма разрешения противоречий между ними с применением политико-дипломатических, экономических, идеологических, военных, информационных и др. средств и соответствующих им форм борьбы. В зависимости от состава противоборствующих сил и применяемых ими форм и средств борьбы К. классифицируются как межгосударственные, гражданские, этнические, религиозные, а также политические, экономические, военные, информационные и др.

Конфликт военный (военный конфликт) — любое столкновение, противоборство, форма разрешения противоречий между государствами (коалициями государств), внутри государства между социальными группами, политическими элитами, этническими и религиозными общностями с применением силы. Под К. в. понимается любое военное противоборство: войны различного масштаба, вооруженные конфликты на государственной границе, в приграничной зоне или возникшие внутри государства; военные акции, демонстративные действия и другие формы применения военной силы. В зависимости от политических и военно-стратегических целей и задач, масштабных показателей, привлекаемых сил и средств и др. факторов К. в. могут быть условно разделены на ограниченные (вооруженные конфликты, локальные и региональные войны) и неограниченные (мировая война).

Конфликт вооруженный (вооруженный конфликт) — обобщенное понятие, отражающее различные виды (типы), способы и формы столкновений вооруженных формирований конфликтующих сторон (между государствами, внутри страны), ограниченные целями, задачами, местом (территорией), временем и размахом боевых действий, не переходящих в состояние войны. К К. в. относят военные акции, вооруженные инциденты и другие столкновения вооруженных формирований как регулярных войск (сил), так и иррегулярных формирований конфликтующих сторон.

Конфликт этнический (этнический конфликт) — тип социального взаимодействия этнических (национальных) общностей и групп, каждая из которых стремится к состоянию, несов-

местимому с намерениями другой стороны. К. э. представляет собой, как правило, открытое столкновение, нередко перерастающее в вооруженное противоборство, в котором по крайней мере одна из сторон выступает с требованием национального самоопределения, против мнимого или действительного ущемления своих национальных прав.

Концепция военная (военная концепция) — документально представленное видение, понимание, основная точка зрения, ведущий замысел, конструктивный принцип деятельности в военной сфере, отражающий совокупность официально принятых взглядов на военное строительство, подготовку страны к обороне, обеспечение оборонной безопасности.

Концепция информационного противоборства — официально принятая система основополагающих и взаимосвязанных взглядов на цели, задачи, содержание, методы, средства и формы подготовки и ведения информационного воздействия на военно-политическое руководство и информационный ресурс потенциально опасных государств (противника), а также защита своего информационного ресурса.

Концепция национальной безопасности — политический документ, отражающий совокупность официально принятых взглядов на цели и государственную стратегию в области обеспечения безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера с учетом имеющихся ресурсов и возможностей.

Лид (от англ. lead — вести, лидировать) — вступительная часть информационного сообщения, комментария или статьи, которая предвещает основное развитие темы, привлекая внимание к центральному факту и главным выводам. Л. родился в практике прессы англосаксонских стран.

Ликвидация последствий чрезвычайной ситуации — процесс выполнения мероприятий по оказанию помощи пострадавшим войскам, населению, военным и хозяйственным объектам, подвергшимся воздействию стихийных бедствий, аварий, катастроф, диверсий, факторов социально-политического или военного характера.

Ликвидация последствий информационно-психологического воздействия — проведение организованных и спланированных по единому замыслу действий по нейтрализации последствий и уничтожению источников информационно-дезинформирующего, морального и психологического влияния противника на политическое и военное руководство государства, личный состав ВС и население страны (региона) и подготовка к защите от возможных последующих воздействий.

Локализация военного конфликта — 1) комплекс политических, дипломатических, экономических, военных, информационных и др. мер, принуждающих воюющие стороны к прекращению военных действий в начальной стадии военного конфликта и разрешению возникших противоречий путем переговоров; 2) решительные действия стороны, подвергшейся нападению, по срыву вторжения агрессора, разгрому его исходной группировки в приграничном сражении и принуждению к отказу от вооруженного решения спорных вопросов. Достигается систематической и эффективной оперативной (боевой) подготовкой ВС и высокой боевой готовностью.

Макиавеллизм (от имени Н. Макиавелли) — образ политической деятельности, не пренебрегающий любыми средствами ради достижения поставленной цели.

Манипуляция — махинация, мошенническая ловкая проделка. В переносном значении употребляется для: 1) специфического общего подхода к социальному взаимодействию и управлению, предполагающего активное использование разнообразных способов и средств скрытого принуждения людей. В этом значении М., манипулятивный подход, манипулирование заменяют термин «макиавеллизм». Его использование применительно к средствам массовой коммуникации и политическим мероприятиям означает действия, направленные на программирование мнений, устремлений, целей масс и психических состояний населения. Конечная цель таких акций — это контроль над населением, его управляемость (*Доценко Е. Л.* Психология манипуляции. М., 1996. С. 45); 2) специфического вида психологического действия. В этом значении используются также понятия «манипулятивное воздействие», «психологические манипуляции», «манипулирование общественным мнением» и

«манипулирование общественным сознанием», «межличностные манипуляции», «социально-политические манипуляции личностью» и т. п.; 3) определенных организационных форм тайного принуждения человека и отдельных способов или устойчивых сочетаний приемов скрытого психологического воздействия на личность.

Массовая информация — печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы, предназначенные для неограниченного круга лиц.

Морально-психологическое обеспечение — комплекс согласованных взаимосвязанных по целям, месту и времени мероприятий, проводимых органами военного управления по единому замыслу и плану в интересах успешной подготовки и проведения операций и направленных на формирование и поддержание моральной готовности, психологической устойчивости личного состава, нейтрализацию информационно-психологического воздействия противника. М.-п. о. включает: информационно-воспитательную, психологическую, военно-социальную, культурно-досуговую работу, защиту войск (сил) от информационно-психологического воздействия противника.

Морально-психологическое состояние — специфическая форма психического отражения в сознании военнослужащих морально-политических и нравственных требований общества к армии и армии к обществу. Определяется субъективным отношением к воинской деятельности и характеризуется степенью психологической готовности военнослужащих к выполнению боевых и военно-служебных задач в конкретных условиях боевой обстановки в определенной промежуток времени.

Направленность — всесторонний учет всех специфических черт, свойственных аудитории или ее части, на которую ведется информационное воздействие.

Некомбатант (несражающийся) — лицо медицинского или духовного персонала, не принимающее непосредственного участия в военных действиях. Н. лишь обслуживают и обеспечивают боевую деятельность вооруженных сил и вправе применять оружие только в целях самообороны. В случае пленения они не должны считаться военнопленными. Удерживающая их в плену вою-

ющая сторона предоставляет им возможности, необходимые для оказания медицинской и духовной помощи военнопленным. Некомбатантами являются военные корреспонденты.

Новое мировое сознание — понятие, которое формируется, по мнению ряда аналитиков, благодаря тому, что электронные слуховизуальные СМИ создают особое образное видение мира, более понятное всем людям планеты, независимо от их национально-демографической принадлежности, нежели вербальные средства коммуникации, функционирующие в границах национальных общностей. Прямые телетрансляции из горячих точек планеты, рассказывающие об острых конфликтах на языке визуальных образов, или любые иные события из общественно-культурной, экономической, научной, спортивной и других сфер жизни, изображаемые на телеэкранах, помогают преодолевать национальные границы и языковые барьеры и поэтому формируют, как полагают эти аналитики, новое трансграничное планетарное сознание.

Новости (news) — новые сведения, вести, известия, сообщения о разных, но прежде всего о важнейших событиях в стране и мире.

Новости мягкие — информация, которая в отличие от *новостей твердых* может нести на себе печать авторской индивидуальности как в выборе событий, так и в форме их изложения.

Новости твердые — информация о важных событиях и неопровержимых фактах в стиле, не допускающем (в отличие от *новостей мягких*) мнений или субъективных оценок журналистов и соблюдающем каноны строгих лапидарных сообщений, которые по языку и тону должны носить объективно-ответственный характер.

Новости экстренные — краткое сообщение о новейших событиях, которое может передаваться вне плана.

Обеспечение военных действий — комплекс мероприятий, направленных на поддержание высокой боевой готовности войск (сил), сохранение их боеспособности, создание благоприятных условий для организованного и своевременного вступления в боевое соприкосновение и успешного выполнения поставленных задач, а также на воспреещение или предупреждение внезапного нападения противника, снижение эффек-

тивности его ударов. О. в. д. подразделяется на оперативное (боевое), техническое, тыловое, морально-психологическое, информационное.

Обеспечение оборонной безопасности — 1) основополагающий элемент (направление) системы обеспечения национальной безопасности государства (другими направлениями являются — экономическое, технологическое, *информационное*, демографическое и др.; 2) комплекс мероприятий в государстве по нейтрализации угроз военного характера (ядерной угрозы, внешней угрозы суверенитету государства и его целостности, проистекающей от государств — вероятных противников и их военно-политических блоков, ведущих военные приготовления и прибегающих к политике военного шантажа, провокаций и др.).

Обзорно-аналитическая статья — газетно-журнальный жанр, предназначенный для интерпретации актуальных событий, проблем, концепций и мнений.

Обман — слова, поступки, действия и т. п., намеренно вводящие других в заблуждение.

Образ жизни — совокупность существенных черт, характеризующих формы жизнедеятельности общества, народов, классов, социальных групп, индивидов в рамках определенной общественно-экономической формации; преломление господствующих производственных отношений и соответствующих им идейных и нравственных ценностей в повседневных занятиях людей.

Обстановка военно-политическая (военно-политическая обстановка) — совокупность военно-политических отношений субъектов политики и их военных организаций. По масштабам выделяется глобальная (международная), региональная и внутригосударственная О. в. п.; по остроте проявления — спокойная, конфронтационная, кризисная (предвоенная), конфликтная и т. д. Отдельным видом рассматривается О. в. п. на театре военных действий.

Обстановка морально-психологическая (морально-психологическая обстановка) — совокупность морально-психологических факторов и условий, обеспечивающих готовность личного состава вооруженных сил к выполнению боевых задач. Содер-

жание О. м.-п. определяется: характером военной доктрины государства; способностью политического и военного руководства страны обеспечить мобилизацию духовных сил народа на победу; укомплектованностью вооруженных сил личным составом, вооружением и военной техникой; способностью активного противодействия информационно-психологическому воздействию противника.

Общественное мнение — форма общественного сознания, выражающая отношение людей к наиболее актуальным для данного момента проблемам бытия. Будучи весьма подвижной, эта форма сознания в наибольшей степени подвержена влияниям со стороны различных институтов общества, нередко становится объектом манипулирования со стороны ее пропаганды.

Общественное сознание — форма отражения общественного бытия в сознании масс (массовое, обыденное сознание), отдельных социальных групп, целых обществ. Формы существования О. с. — политические идеи, право, философия, мораль, религия, наука, эстетика и т. д.

«Организация интереса», псевдособытие — метод манипулятивной пропаганды с целью искусственного привлечения внимания к событиям, в том числе гиперболизированным тривиальностям, воздействующим на инстинктивно-эмоциональные стороны психики человека, а равно к откровенно сфабрикованным («организованным») фактам и событиям в интересах воздействия на массовое сознание и общественное мнение в нужном для манипулятора-пропагандиста направлении.

Официоз — информационный орган с утвердившейся репутацией выразителя взглядов политического руководства данной страны, при этом не обязательно являющийся декретированным органом правительства.

Оценка морально-психологического состояния войск (сил) — процесс получения оценочного результата и содержание самого результата одновременно (как по своим войскам, так и по войскам противника). Основная цель О. м.-п. с. в. — выявление способности и готовности личного состава решать боевые задачи, определение тенденций развития и организации морально-психологического обеспечения.

Оценка обстановки военно-политической (оценка военно-политической обстановки) — определение расстановки военно-политических сил, их интересов, намерений, возможностей (особенно военных), предпринимаемых действий и как следствие — характера отношений между ними в конкретном геополитическом пространстве в данный или прогнозируемый период времени. В качестве военно-политических сил выступают государства, их военные блоки, а также различные социально-политические организации и группировки внутри и вне государств. Отношения между ними формируют военно-политическую обстановку в мире, отдельном регионе, районе, внутри страны или ее части. Ее текущая и прогностическая оценка является основой оперативных политических решений и планов действий на данный момент и перспективу, необходимой предпосылкой эффективных стратегических, оперативных и тактических решений определения целей и задач информационного воздействия.

Первичная информация — информация, фиксирующая события глазами его очевидца или вышедшая из первоисточника, инстанции, принявшей решение, в том числе в виде документа или в форме каких-либо данных, впервые предаваемых огласке.

Периодическое печатное издание — газета, журнал, альманах, бюллетень, иное издание, имеющее постоянное название, текущий номер и выходящее в свет не реже одного раза в год.

План морально-психологического обеспечения — служебный документ, в котором отражается система согласованных по месту, времени, целям, задачам, последовательности осуществления, привлекаемым силам и средствам мероприятий, проводимых командующими (командирами), военными советами, штабами и органами воспитательной работы, по изучению, оценке и учету морально-психологической обстановки в районе боевых действий, морально-психологического состояния личного состава войск (сил), его формирования и поддержания на необходимом уровне, защиты войск и населения от информационно-психологического воздействия противника.

Потенциал военный (военный потенциал) — обобщенный предельный показатель военных возможностей государства (группы государств), включающий количественную и каче-

ственную оценку наличия подготовленных людских ресурсов, оснащенность вооруженных сил ВВТ и их технический уровень, мобилизационные возможности, степень развития военной инфраструктуры, науки, соответствие организационно-штатных структур вооруженных сил решаемым задачам и т. п.

Потенциал морально-психологический (морально-психологический потенциал) — система духовных качеств, способностей и возможностей населения страны, уровень его политического, правового и морального сознания, а также психологического настроения народа (нации) и ВС, которые при определенных условиях могут превратиться в фактор достижения социальных, экономических, политических и военных целей.

Потенциал моральный (моральный потенциал) — духовные возможности личного состава ВС и всего населения страны, определяемые степенью политического, религиозного и морального сознания народа; П. м. в войне отражает способность народа и личного состава мобилизовать все силы для достижения победы, выдержать все испытания войны.

Потери психологические (психологические потери) — вид боевых потерь, состоящих из военнослужащих (боевых расчетов, подразделений, частей), утративших боеспособность (трудоспособность) вследствие изменения состояния сознания в результате воздействия психотравмирующих факторов боевой обстановки, проявляющихся наличием у личного состава истерики, шока, двигательного паралича, частичной потери памяти, слуха, зрения и т. п.

Предотвращение военных конфликтов — система мер, направленных на устранение предпосылок для возникновения военных конфликтов путем своевременного разрешения возникающих противоречий политико-дипломатическими, экономическими, информационными и другими мирными средствами. Военные средства при этом выполняют роль сдерживающего фактора.

Пресс-бюро — службы при редакциях крупных газет или агентств, занимающихся подготовкой и распространением статей и др. материалов среди абонирующих эти материалы редакций.

Пресс-отдел (департамент) — служба при правительствах, ведомствах, посольствах и т. д., главной функцией которой является поддержание отношений с прессой.

Пресс-релиз — вид бюллетеня для прессы, который в отличие от регулярных бюллетеней может выпускаться не на регулярной основе, а по мере надобности в интересах информирования о предпринятой акции или публикации текстов речей и заявлений. В американской практике под П.-р. подразумевается, как правило, регулярный *бюллетень*.

Пресс-сервис — служба по подготовке для печати информации, распространяемой на коммерческой основе или по подписке.

Пресс-синдикаты — агентства, приобретающие авторские права на журналистскую продукцию и выступающие в роли посредников между авторами и редакциями — потребителями этих произведений.

Пресс-центр — пункт, «штаб» информационно-пропагандистского обеспечения крупных событий, конфликтных ситуаций, важных мероприятий. В его задачи входят: специальный оперативный выпуск информации, относящейся к данному мероприятию, содействие аккредитованным при П.-ц. журналистам в их работе. Оборудование П.-ц. включает технические средства для обработки журналистами информации и ее передачи по каналам связи в эфир.

Прецизионность в журнализме предполагает неуклонное соблюдение точности всех сообщаемых фактов, четкости в подаче проверенной информации, недопустимость вольных комментариев, мнений или предположений, способных нарушить стиль объективных новостей, доброкачественность изложения и надежность источников их получения.

Прогнозирование информационно-психологического воздействия — определение конкретных перспектив негативных воздействий противника на психику и общественное сознание военнослужащих и населения. П. и.-п. в. осуществляется в интересах планирования и осуществления мероприятий по защите войск и населения. Могут применяться математические, эвристические и комбинированные методы исследования.

Пропаганда (от лат. *propaganda* — подлежащее распространению) — деятельность устная или с помощью СМИ, осуществляющая популяризацию и распространение идей в общественном сознании. Многие зарубежные специалисты призна-

ют, что П. является средством информационно-психологического насилия над личностью и контроля ее поведения. Так, английский теоретик Л. Фрезер полагает, что «пропаганду можно определить как искусство принуждения людей делать то, чего бы они не делали, если бы располагали всеми относящимися к ситуации данными» (*Fraser L. Propaganda. London, 1957. P. 1*). Американский исследователь СМИ Лассуэл подчеркивал, что не цель, а метод отличает управление людьми с помощью П. от управления ими при помощи насилия, бойкота, подкупа или других средств социального контроля (*Lasswell H. D. The theory of political propaganda. N. Y., 1955*). Сущность П. состоит в том, считают американские психологи, что под ее влиянием «каждый индивид ведет себя так, как будто бы его поведение вытекает из его собственных решений. Точно так же можно манипулировать поведением группы людей, причем каждый член такой группы будет считать, что поступает по собственному разумению» (*Krech D., Kruchfield R. Theory and problems of Social Psychology. N. Y., 1948. P. 316*). Также американские психологи утверждают, что пропаганда является «частью более широкого процесса создания легенд и мифов» (*Yong K. Social Psychology. N. Y., 1944. P. 505*).

Пропаганда «белая» — ведется по открытым для всех и официально зарегистрированным каналам, источник которой не скрывает своей принадлежности и ясно обозначает ее. Она не сводится только к официальным (правительственным и т. п.) публикациям, но включает и публикации любых официально зарегистрированных коммерческих, общественных и иных частных СМИ.

Пропаганда «серая» — пропаганда по каналу, чья истинная принадлежность замаскирована, с тем чтобы ее прямой источник оставался в тени и степень воздействия на аудиторию определялась заданной маскировкой источника под дружественный, нейтральный (объективный или враждебный).

Пропаганда «черная» — нелегальная, ее диверсионный характер завуалирован таким образом, чтобы фабрикуемые сообщения приписывались лицам или группам в той аудитории, на которую она ведется.

Пропаганда конверсионная — массированное пропагандистское воздействие на группы людей с применением методов

«психологической войны», главная цель которого состоит в том, чтобы заставить объект воздействия (аудиторию) изменить своей стороне и перейти на другую.

Пропаганда консолидационная — комплекс пропагандистских мер с целью обеспечения и развития достигнутого успеха во внутривнутриполитической борьбе или в войне при операциях на территориях других государств.

Пропаганда разделительная — дезинформационная деятельность с акцентом на дискредитацию тех или иных деятелей или социальных групп, противопоставления одних групп (слоев) другим группам или руководителей — народу, с конечной целью подрыва единства другой стороны.

Пропаганда подрывная — использование иностранным центром пропагандистских средств в обход норм и законов данной страны с целью вызвать в ней движение в интересах дискредитации или свержения существующего строя.

Пропаганда манипулятивная — использование информационных средств для такого воздействия на массовое сознание, при котором пропагандируемые не сознают, что являются объектом такого воздействия, даже если — как это и есть на самом деле — оно направлено прямо против их интересов.

Пропаганда внешнеполитическая — целенаправленная деятельность, осуществляемая государствами, партиями, общественными движениями, частными лицами и объединениями, межправительственными и международными общественными организациями с использованием информационных средств и других каналов международных обменов с целью разъяснения своих взглядов, идей и программных установок и обеспечения своих внешнеполитических задач и интересов, а также нейтрализации пропагандистской активности политических противников данного государства или общественного движения (см. *контрпропаганда*).

Пропаганда военная (точнее — пропаганда военного времени) — использование информационных каналов в интересах политико-пропагандистской поддержки ведущихся военных действий и общих целей, поставленных в войне. Соответственно различаются тактическая, оперативная и стратегическая пропаганда. Под политической пропагандой понимаются система-

тически осуществляемые усилия повлиять на сознание индивидов, групп, общества для достижения определенного, заранее намеченного результата в области политического действия.

Пропагандистский барраж — вид интенсивной и целенаправленной пропагандистской кампании, применяемый с целью подготовки общественного мнения к какой-либо акции.

«Просачивание», «пробный шар» — специальная информация, передаваемая в доверительном порядке или маскируемая под «случайную утечку», с тем чтобы через эту намеренную публикацию заранее выявить возможную реакцию на запланированный курс действий. В случае неблагоприятного исхода зондажа источник может быть дезавуирован.

Противоборство информационное (информационное противоборство) — форма борьбы сторон в мирное и военное время, в которой противоборствующие стороны проводят комплекс мер (действий) по нанесению информационного и иного ущерба (поражения) с целью достижения информационного превосходства путем воздействия на информационные системы и ресурсы противника и предотвращения (снижения) ущерба своим аналогичным силам и средствам.

Противодействие психологической операции противника — система согласованных и взаимосвязанных по целям, задачам, объектам, месту и времени информационных и психологических, а также оперативно-профилактических акций и мероприятий, проводимых командирами (начальниками), органами военного управления и войсками (силами) по единому замыслу. П. п. о. п. организуется с целью нейтрализации (ослабления) психологического воздействия противника, снижения психологических потерь, защиты военнослужащих и населения от дезинформации, предотвращения деморализации и дезорганизации боевой деятельности войск (сил), поддержания их морально-психологического состояния на уровне, обеспечивающем успешное решение боевых задач.

Психоаналитическое (психокоррекционное) воздействие — это воздействие на подсознание человека терапевтическими средствами, особенно в состоянии гипноза или глубокого сна. Также существуют методы, исключая сознательное сопротивление как отдельного индивида, так и групп людей в бодрствующем

состоянии. К ним относится, например, технология компьютерного психоанализа и компьютерной психокоррекции, разработанная профессором И. В. Смирновым. Она позволяет: осуществлять математический и статистический анализ реакций организма на внешние воздействия, возникающие при очень быстром визуальном просмотре или звуковом прочтении различных «стимулов» — слов, образов, фраз; определять наличие в подсознании человека конкретной информации и изменять ее значимость для каждого человека, выявлять скрытую мотивацию, истинные стремления и наклонности людей; на основе выявленной и проанализированной информации получать полную картину невротических состояний психики, беспокоящих человека или целые группы людей; при необходимости проводить целенаправленную коррекцию (действующую немедленно или с отсрочкой — по желанию) психических состояний, основным фактором которой являются слова-команды, картинки-образы, запахи-мотиваторы, определяющие поведение человека. Например, в процессе звукового управления психикой людей и их поведением словесные команды в закодированной форме выводятся на любой носитель звуковой информации (аудиокассету, радио-, телепередачу, шумовые эффекты). Человек, слушающий их, и не подозревает, что в них содержатся не воспринимаемые сознанием, но всегда фиксируемые подсознанием команды, заставляющие его впоследствии делать то, что предписано.

Психогенное воздействие — происходит в результате: 1) физического влияния на мозг индивида, из-за которого нарушается нормальная нервно-психическая деятельность. Может быть последствием случайной травмы головного мозга человека либо специального воздействия звука, освещения, температуры и других физических факторов, которые через определенные физиологические реакции изменяют состояние его психики; 2) шока от каких-то событий (картин массовых разрушений, многочисленных жертв насилия и т. п.), после которого человек, не в состоянии рационально действовать, теряет ориентацию в пространстве, испытывает аффект или депрессию, впадает в панику и т. д.

Психологическая борьба в операции (боевых действиях) (ПсБ) — вид оперативного (боевого) обеспечения, комплекс

мероприятий по информационно-психологическому воздействию на военнослужащих и население противника в интересах выполнения поставленных перед войсками (силами) задач. Ее целью является снижение морально-боевого потенциала противника путем подрыва его психологической устойчивости, формирования и стимулирования у военнослужащих и населения противника мнений, взглядов, эмоций и поведения, способствующих повышению эффективности выполнения войсками (силами) стоящих перед ними боевых и иных задач.

Психологическая борьба — комплекс мероприятий по информационно-психологическому воздействию на личный состав вооруженных сил и население вероятного или реального противника в мирное и военное время с целью снижения его морального духа и по предотвращению (снижению эффективности) такого воздействия со стороны противника на личный состав ВС и население своей страны.

Психологическая война — деятельность государства, в том числе и вооруженных сил, по активному использованию информации для воздействия на общественное мнение в основном информационно-психологическими средствами. В широком смысле под термином П. в. понимается целенаправленное и планомерное использование пропаганды и других средств (дипломатических, военных, экономических, политических и т. д.) для прямого или косвенного психологического воздействия на мнения, настроения, чувства и, в итоге, на поведение противника с целью заставить его действовать соответствующим образом.

Психологическая операция (ПсО) — форма ведения психологической борьбы (ПсБ), совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, содержанию, месту, времени и объектам мероприятий сил и средств ПсБ, а также взаимодействующих и приданных сил и средств родов войск (сил) и специальных войск, проводимых по единому замыслу и плану в интересах снижения психологической устойчивости и морально-боевых качеств личного состава противостоящей группировки противника. Зарубежные источники (США) определяют ПсО как «проводимую в мирное или военное время плановую пропагандистскую и психологическую деятельность, рассчитанную

на иностранные враждебные, дружественные или нейтральные аудитории, с тем чтобы влиять на их отношения и поведение в благоприятном направлении для достижения как политических, так и военных национальных целей США». ПсО могут носить долговременный характер и значительный пространственный размах, предшествовать боевым действиям и наращаться в ходе их.

Пул (от англ. pool — объединение, общий фонд) — группы, на которые разбиваются корреспонденты при работе в «горячих точках», для работы в районе конфликта и обмена полученной информацией с журналистами, которые не вошли в состав пулов.

Секретная информация — неофициальные сведения, не подтвержденные достоверно надежным источником. В сленговом плане этот термин может означать и ложные сведения.

Совет безопасности РФ — конституционный федеральный орган государственного управления; осуществляет подготовку решений Президента РФ в области национальной безопасности, организует координацию и контроль их выполнения. С. б. РФ рассматривает вопросы внутренней, внешней и военной политики РФ в области обеспечения национальной безопасности, стратегические проблемы государственной, экономической, общественной, оборонной, экологической, информационной и иных видов безопасности и ответственности перед Президентом РФ за реализацию мер по защите национальных интересов.

В состав С. б. РФ входят: Председатель, секретарь, постоянные члены и члены С. б. РФ. Председателем С. б. является по должности Президент РФ. В число постоянных членов С. б. входят по должности: Председатель Правительства РФ и Секретарь С. б. РФ, назначаемый Президентом РФ. Постоянными членами С. б. РФ Президентом РФ могут быть назначены Председатель Совета Федерации РФ; Председатель Государственной Думы РФ; руководители федеральных органов исполнительной власти, иностранных дел, обороны, внутренних дел, внешней разведки, контрразведки, пограничной службы, а также начальник Генерального штаба ВС РФ. Кроме того, Президентом РФ могут быть назначены членами С. б. и другие должностные лица РФ.

С. б. РФ в соответствии с основными задачами его деятельности образует постоянные межведомственные комиссии.

Средство массовой информации (СМИ) — периодическое печатное издание, теле-, радио-, видео-, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации.

Стратегическая политика — это политика, которая обеспечивает реализацию подготовленной стратегии, используя при этом средства и методы не из норм и обычаев международного права, а из теории военного искусства, и основывается на принципе — цель оправдывает средства. Содержательная модель стратегии является «синтезом результатов оценки ситуации и специфического приема, выработанного теорией для аналогичной обстановки». Стратегия, в частности внешнеполитическая, в интерпретации специалистов — это, как правило, хорошо разработанный стратегический план, нацеленный на решение одной или нескольких важнейших стратегических задач внешней политики государства и предусматривающий использование обманных действий (хитростей, ловушек), которые вводят противника в заблуждение относительно истинных целей и побуждают его действовать определенным образом, выгодном для противоположной стороны.

Структура листовки — это совокупность всех шрифтовых, графических и иллюстративных элементов, отражающих ее вид и тематический замысел. Различные виды листовок имеют как общие, так и своеобразные структурные элементы.

Теле-, радио-, видео-, кинохроникальная программа — совокупность периодических аудио-, аудиовизуальных сообщений и материалов (передач); имеет постоянное название и выходит в свет (в эфир) не реже одного раза в год.

Урегулирование военного конфликта — 1) военно-политический процесс, включающий проведение комплекса разносторонних мер (политико-дипломатических, экономических, информационных, психологических и др.), направленных на прекращение военного конфликта, на достижение согласия о прекращении военных действий (огня), разоружении сторон и установлении между ними отношений, не угрожающих государственной (международной) безопасности; 2) нормализация от-

ношений и восстановление мира между конфликтующими сторонами (бывшими противниками) в результате проведения вышеназванного комплекса мер. В отличие от разрешения военного конфликта У. в. к. может не полностью устранять причины его возникновения.

Установка — 1) психологическая — состояние готовности индивидуума к определенной форме реагирования (восприятие, отношение), в т. ч. на поступающую информацию; 2) идеологическая — пропагандистская установка, формируемая в русле принятия политических решений с учетом конкретных факторов обстановки, методологических моментов и т. д.

Фальсификации пропагандистские — использование поддельных «документов» или сфабрикованных «свидетельств» или версий о «фактах» с целью создания повода для реализации агрессивно-экспансионистских замыслов, планов захвата власти, а также для дискредитации или устранения политической оппозиции.

Цензура — это комплекс мер официальных органов по контролю за содержанием, выпуском в свет и распространением печатной продукции и других материалов открытых видов информации; за содержанием (исполнением, показом) произведений сценического и изобразительного искусства, кинофильмов, радио- и телевизионных передач, фотографическими и художественными произведениями, экспонатов, предназначенных к обозрению, с целью недопущения опубликования (оглашения, показа) в них сведений, составляющих государственную или военную тайну, других сведений, признаваемых запрещенными или нежелательными к опубликованию. Военная Ц. является составной частью государственной Ц. и предназначена для охраны государственной и военной тайны в открытых видах информации. По видам осуществления контроля Ц. делится на предварительную (разрешительную) и последующую (контрольно-карательную). Предварительный (разрешительный) цензорский контроль — это специальная проверка органами Ц. и другими компетентными органами материалов, подготовленных к печати, обозрению, показу, демонстрированию, оглашению, передаче по радио и телевидению, вывозу за границу и т. п., с целью предупреждения разглашения в них сведе-

ний, составляющих государственную или военную тайну, сведений, запрещенных к открытому опубликованию нормативными документами, выявления политически ошибочных положений, определения правомерности выпуска печатной продукции издающей ее организацией. В СССР право выдачи юридического разрешения на опубликование материалов в открытых видах печати было предоставлено только органам Главлита и военной Ц. Этим органам была вменена в обязанность профилактическая работа в редакциях, издательствах, типографиях по соблюдению требований нормативных документов по цензуре, изданию и правилам печатания. Последующий контроль — это специальная проверка опубликованных или показанных материалов органами Ц. с целью выявления нарушений требований нормативных документов или политически ошибочных положений, не вскрытых ранее, и принятие мер по предупреждению разглашения сведений, запрещенных к опубликованию.

Эксклюзивное произведение (статья, комментарий, репортаж, иллюстрация и т. п.) — информационный материал, подготовленный агентством по специальной заявке исключительно для данного заказчика. Отсюда — эксклюзивные (исключительные) права на заявленный материал.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

Архив президента Российской Федерации (АП РФ)

Ф. 3, оп. 34, д. 37.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. Р-130, оп. 5, д. 112;

Ф. Р. 1235, оп. 34, д. 19;

Ф. Р. 9425, оп. 1, д. 5, 12, 123.

Российский государственный военный архив (РГВА)

Ф. 1, д. 92;

Ф. 25883, оп. 1, д. 87.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 772, оп. 1, д. 3100;

Ф. 776, оп. 34, д. 14; оп. 6, д. 139; оп. 23, д. 18; оп. 32, д. 205, 213;

Ф. 1611, оп. 1, д. 1;

Ф. 1616, оп. 1, д. 324;

Ф. 134, оп. 1, д. 4;

Ф. 1358, оп. 1, д. 44, 107, 1241;

Ф. 1358, оп. 1, д. 1241.

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦИДНИ)

Ф. 17, оп. 114, д. 826.

Центральный архив Военно-морского флота Российской Федерации (ЦА ВМФ РФ)

Ф. Р-562, оп. 10, д. 13с;

Ф. Р-663, оп. 1, д. 320;

Ф. Р-920, оп. 23с, д. 42;

Ф. Р-1672С, оп. 1с, д. 126.

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО)

Ф. 4, оп. 2, д. 129;

Ф. 32, оп. 11306, д. 36; оп. 231346, д. 15; оп. 11306, д. 9; оп. 64601, д. 29; оп. 51585, д. 47;

Ф. 217, оп. 1217, д. 131.

Центральный государственный архив литературы и искусства
(ЦГАЛИ СПб)

Ф. 31, оп. 2, д. 1;

Ф. 281, оп. 3, д. 1, 27.

Центральный государственный военно-исторический архив
(ЦГВИА)

Ф. 1 Л, оп. 1, д. 2536;

Ф. 29, оп. 153а, д. 2952;

Ф. 103, оп. 208а, д. 107; оп. 291/11а, д. 9;

Ф. ВУА, д. 3564, д. 7424;

Ф. Главного штаба, оп. 3, д. 5213.

Музейные материалы

Центральный музей вооруженных сил (ЦМВС)

Инв. № 4/38047; 4/16260; 4т/15086; 4/22298; 4/13798; 4/16517;
4/122299.

Мемориальный музей немецких антифашистов (ММНА)

Ф. Н. В. Ф. 1223/373; 1515/6а; 1516/4а; 1556/52.

Документальные публикации

Бережной А. Ф. История отечественной журналистики (конец XIX — начало XX в.): Материалы и документы. СПб., 1997.

Большевистские газеты в тылу врага: Сборник материалов из подпольных газет Ленинградской области в период немецкой оккупации / Сост. М. Абрамов. Л., 1946, с. 244.

Важнейшие законы и постановления Советского государства за время Великой Отечественной войны. М., 1946.

Война без победы. Кемеров, 1996.

Война в Чечне: кризис федеральной власти. М., 1995.

Война в Чечне: Международный трибунал. М., 1996.

Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001—2005 годы» // Красная звезда. 2001. 2 марта.

Дашинцев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические истории. Документы и материалы. М., 1973.

Декреты Советской власти. В 2 т. М., 1982.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Журналист. 2000. № 10. С. 14—27.

Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах. СПб., 1862.

Из документов белогвардейской контрразведки. Секретная сводка о работе Харьковского Освага // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 340—348.

Информационная война в Чечне. М., 1997.

Информационная война в Чечне: Факты, документы, свидетельства. Ноябрь 1994 — сентябрь 1996. М., 1997.

История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М., 1997.

Канун и начало войны: Документы и материалы / Сост. Л. А. Киршнер. Л., 1991.

Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941—1945 гг.): Документы и материалы. М., 1970.

Концепции национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 1997. 26 декабря.

Концепция информационной безопасности Российской Федерации // Вестник РОИВТ. 1995. № 6. С. 53—78.

Концепция национальной безопасности России в 1995 году. М., 1996.

КПСС в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., доп. и испр. М., Политиздат, 1971. Т. 6.

КПСС о Вооруженных силах Советского Союза: Документы 1917—1981. М., Воениздат, 1981.

Кутузов М. И. Сборник документов. Т. 4.

Ленин В. И. КПСС о печати: Сборник документов и материалов. М., 1977.

Листовки Отечественной войны 1812 года: Сборник документов. М., 1962.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны: Сборник документов. М., 1941. С. 472.

О мерах по совершенствованию взаимодействия Правительства РФ со СМИ // Российская газета. 1995. 7 мая.

О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. М., 1972.

О печати и других средствах массовой информации. Закон СССР. 12 июня 1990., М. 1990.

О порядке освещения деятельности органов государственной власти // Российская газета. 1995. 17 января.

О средствах массовой информации. Закон РФ. 27 декабря 1961 г. // Журналист. 1992. № 2—3.

О статье И. Дементьевой «Война и мир пригородного района» в газете «Известия» / Решение палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации // Российская газета. 1994. 31 марта.

Об информации, информатизации и защите информации. Федеральный закон от 20 февраля 1995 // Российская газета. 1995. 22 февраля.

Об основах государственной политики в сфере информации. Указ Президента Российской Федерации от 20 января 1994 г. № 170 // Российская газета. 1994. 29 января.

Перечень сведений, относящихся к государственной тайне // Российская газета. 1998. 3 ноября.

Петроградские листовки Гражданской войны. 1918—1920. Л., 1944.

Пламенное слово. Листовки Гражданской войны (1918—1922). М., 1967.

Полевой устав армии США ФМ-33-1. М., 1988.

Положение о Комитете при Президенте Российской Федерации по политике информатизации // Российская газета. 1994. 23 февраля.

Положение о пресс-службе Президента Российской Федерации / // Российская газета. 1996. 14 мая.

Приказы по военному ведомству. СПб.—Пг., 1809—1917.

Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947.

Решения партии о печати. Политиздат при ЦК ВКП (б). 1941.

Россия и Чечня (1990—1997 годы): Документы свидетельствуют. М., 1997.

Сборник афиш в Императорской публичной библиотеке. СПб. (год не указан).

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Вып. 1—43. М., 1947—1960.

Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 1—19. М., 1949.

Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862.

Сообщение Советского информационного бюро. Т. I—VIII. М., 1944—1945.

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1949.

Устав о цензуре 1804 года. СПб. (год не указан).

Устав о цензуре и печати. СПб., 1899.

Дневники, мемуары, воспоминания

- Адам В.* Трудное решение. М., 1967.
- Борзенко С. А.* Пятьдесят огненных строк. М., 1982.
- Борман А. А. А. В.* Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувен, Вашингтон., 1964.
- Бурцев М. И.* Прозрение. М., 1981.
- Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960.
- Вольф В.* На стороне Красной Армии: К деятельности национального комитета «Свободная Германия» на советско-германском фронте с 1943 по 1945. М., 1976.
- Вяземский П. А.* Воспоминание о 1812 годе. СПб., 1837.
- Гальдер Ф.* Военный дневник. В 3 т. М., 1967, 1968, 1970.
- Гамильтон Я.* Записная книжка штабного офицера. М., 1940.
- Гареев М. А.* Моя последняя война. М., 1996.
- Градовский В.* Война 1877—1878 гг. в корреспонденции и романе // Военный сборник. 1902. № 7, 8, 10—12; 1903. № 1—6.
- Гудериан Г.* Воспоминания солдата. М., 1954.
- Деникин А. И.* Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1990. № 3—12; 1991. № 1—12; 1992. № 1—9; 11—12; 1993. № 2, 4—12; 1994. № 1—6.
- Денисов Н. Н.* 1418 дней фронтового корреспондента. М., 1969.
- Денисов Н. Н.* Срочно в номер: Воспоминания военного журналиста. М., 1978.
- Дневник Геббельса 1940—1941* // Новая и новейшая история. 1995. № 3.
- Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3 т. М., 1990.
- Журналисты на войне.* Кн. 1. М., 1966. Кн. 2. М., 1974. Кн. 3. М., 1984.
- Застольные беседы в Ставке Гитлера (июнь 1941 г. — июль 1942 г.) // Новая и новейшая история. 1992. № 4.
- Зульцман Р.* Пропаганда как оружие в войне / Итоги Второй мировой войны: Выводы побежденных. СПб.; М., 1998. С. 516—545.
- «Как германцы мы никогда не поймем славян»: Из дневника Й. Геббельса // Военно-исторический журнал. 1994. № 5.
- Клаузевиц.* О войне. В 2 т. М., 1936.
- Колчаковщина: Из белых мемуаров. Л., 1930.
- Крестовский В.* Двадцать месяцев в действующей армии (1877—1878 гг.): Письма в редакцию газеты «Правительственный вестник» от официального корреспондента. В 2 т.

- Куропаткин А. Н.* Русско-японская война. СПб.; М., 2002.
- Лемке М. К.* 250 дней в царской ставке. Пг., 1920.
- Летописцы победы / Авт.-сост. Б. С. Бурков и В. А. Мякушков. М., 1984.
- Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. В 5 т. М. Т. 3. 1935; Т. 5, 1937.
- Лошиц М. Ф.* В первом эшелоне: Записки военного журналиста. Л., 1988.
- Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. В 2 т. М., 1923.
- Максимов Н. В.* Две войны 1876—1878 гг. СПб., 1879.
- Маслов А. Н.* Год войны в Малой Азии 1877—1878 гг. СПб., 1879.
- Милюков П. Н.* Воспоминания государственного деятеля. Нью-Йорк, 1982.
- Мусьяков П. И.* Писатели на флоте в годы Великой Отечественной войны. М., 1977.
- Мэтлофф М., Снелл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне. 1941—1942. М., 1955.
- Немирович-Данченко В. И.* Год войны. Дневник русского корреспондента. 1877—1878 гг. Т. 1—3. СПб., 1878—1879.
- Оболенский В.* Крым при Врангеле: Мемуары белогвардейца. Л., 1929.
- Опаленные войной. М., 1995.
- Ортенберг Д. И.* Время не властно: писатели на фронте. М., 1975.
- Ортенберг Д. И.* Год 1942: рассказ-хроника. М., 1988.
- Ортенберг Д. И.* Сорок третий: рассказ-хроника. М., 1991.
- Ортенберг Д. И.* Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. М., 1995.
- Ортенберг Д. И.* Это останется навсегда. М., 1981.
- Паренсов П.* Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба. СПб., 1901.
- С пером и автоматом: Писатели и журналисты Ленинграда в годы блокады. Л., 1964.
- Семилетняя война. М., 1948.
- Соколов К. Н.* Правление генерала Деникина: Из воспоминаний. София, 1921.
- Солдаты слова: Рассказывают ветераны советской журналистики. М., 1983.
- Устинов А. С.* С «лейкой» и блокнотом. М., 1985.
- Шаховский Л. В.* С театра войны 1877—1878 гг. Два похода за Балканы. М., 1878 г.

Шаховский Л. В. Два похода за Балканы. С театра войны 1877—1878 гг. М., 1897.

Шейнин Б. Г. В объективе война: Из блокнота военного фото-репортера. Симферополь, 1969.

Штейдле Л. От Волги до Веймара. М., 1973.

Периодические издания

Альбом героев войны. 1914—1915.

Армейский вестник. 1914—1916.

Ведомости. 1703—1721.

Вестник X армии. 1914—1917.

Вестник Маньчжурской армии. 1904—1906.

Военная летопись. 1914—1917.

Военная мысль. 1980—2002.

Военно-исторический архив. 2000—2002.

Военно-исторический журнал. 1970—2002.

Военный сборник. 1859—1879.

Война и мир. 1906—1907.

Война с Японией. 1904.

Досуг и дело. 1867—1869; 1877—1882.

Журналист. 1972—2002.

Зарубежное военное обозрение. 1980—2022.

Известия. 1994—1996; 1999—2001.

Иллюстрированная летопись русско-японской войны. 1904—1905.

Красная звезда. 1941—1945; 1995—1996; 1999—2000.

Комсомольская правда. 1941—1945; 1994—1996; 1999—2001.

Летопись войны с Японией. 1904—1905.

Общая газета. 1997—2001.

Правда. 1941—1945.

Морской сборник. 1995—2000.

Независимая газета. 1999—2001.

Независимое военное обозрение. 1999—2001.

Разведчик. 1989—1917.

Информационные ресурсы России. 1999—2002.

Русский инвалид. 1813—1816; 1853—1866; 1869—1879.

Санкт-Петербургские ведомости. 1812.

Северная пчела. 1812.

Среда. 2000—2001.

Сын Отечества. 1812—1814.

США: экономика, политика, идеология. 1992—2000.

Хроника мировой войны. 1915.

Хроника русско-японской войны. 1905.

Книги, монографии, брошюры

Апушкин В. Русско-японская война 1904—1905 гг. М., 1906.

Алехина А. С. Советская публицистика периода Великой Отечественной войны. М., 1988.

Аналитическая психология: прошлое и настоящее. М., 1997.

Андреата Ф. Война в Боснии и новый мировой порядок. Успехи и фиаско мировой интервенции. М., 1997.

Андреев А. Р. История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI — начало XIX века. М., 1998.

Андрунас Е. Ч. Бизнес и пропаганда. М., 1986.

Аникин П. П., Балыбердин А. А., Вус М. А. и др. Государственная тайна в Российской Федерации. СПб., 1999. С. 330.

Антикоммунистическая пропаганда империализма. М., 1971.

Антисоветская интервенция и ее крах (1917). 1922. М., 1987.

Аристотель. Сочинения. В 4 т. М., 1983.

Артемов В. Л. По тылам психологической войны. М., 1973.

Балабанова А. Несколько слов об агитации. М., 1920.

Баренбаум И. Е., Шомракова И. А. Книга и книжное дело в капиталистических странах. Л., 1990.

Барсук Н. В. Растопчинские афиши. СПб., 1912.

Беглов С. И. Внешнеполитическая пропаганда: Очерк теории и практики. М., 1984.

Беглов С. И. Монополия слова. М., 1972.

Белков А. К. Партийная и советская печать в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1960.

Белов В. Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность: Материалы для будущего историка. Ревель, 1922. С. 125.

Бемер Г. Иезуиты. М., 1913.

Бережной А. Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л., 1975.

Бережной А. Ф. Углубляясь в историю печати. СПб., 1996.

Березина В. Г., Дементьев А. Г., Есин Б. И. История русской журналистики XVIII—XIX веков. М., 1966.

Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в. М.; Л., 1952.

Блаватский В. Д. Очерки военного искусства в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

Блажнов Е. А. Пропаганда и журналистика. М., 1982.

Блументаль Ф. Буржуазная политработа в мировую войну. М.; Л., 1928.

Блюм А. В. За кулисами «министерства правды»: тайная история советской цензуры. 1917—1929 гг. СПб., 1994.

Бобров А. «Мы говорим правду»: В. И. Ленин и печать зарубежных интернационалистов. Л., 1990.

Богданович М. История войны 1814 года во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. СПб., 1856.

Браун Д. Р., Фрайерстоун Ч. М., Мицкевич Э. М. ТелерадионОВОСТИ и меньшинства. М., 1994.

Бритвин Н. Политическое обеспечение прорыва обороны противника. М., 1948.

Быков А. А. Игнатий Лойола. 1491—1556. СПб., 1894.

Вальрад. Нежелательные репортажи. М., 1982.

Валуженич А. Внешнеполитическая пропаганда США. М., 1973.

Васильева Т. В., Осинский В. Г., Рукавишников Л. А. Телерадиоинформация. Л., 1987.

Вишневский В. Статьи. Дневники. Письма. М., 1961.

Власов Ю. М. Пропаганда за фасадом новостей. М., 1976.

Власов Ю. М. Средства массовой информации и современное буржуазное государство. М., 1988.

Военная мысль в изгнании. М., 1999.

Войгасик Л. Психология политической пропаганды. М., 1981.

Война в Афганистане. М., 1991.

Война и победа: «Комсомольская правда» в Великой Отечественной войне. М., 1976.

Волкогонов Д. А. Оружие истины. М., 1987.

Волкогонов Д. А. Психологическая война: подрывные действия империализма в области общественного сознания. М., 1984.

Волоцкий И., Зудин В., Кудрин Н., Митяев Д. Очерки по военной работе печати. М.; Л., 1928.

Вороненкова Г. Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листа до информационного общества (национальное своеобразие средств массовой информации Германии). М., 1999.

- Газенкамф М.* Мой дневник. 1877—1878. СПб., 1908.
- Газета в бою. М., 1942.
- Гейдорн Г.* Монополии, пресса, война: Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 г. Роль прессы в подготовке Первой мировой войны. М., 1964.
- Герцштейн Р. Э.* Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996.
- Гершберг С.* Завтра выходит газета. М., 1966.
- Гершельман С.* Мысли о японской войне.
- Гетте В.* История иезуитов. В 3 т. М. 1911—1912.
- Глинка Ф.* Письма русского офицера. СПб., 1816.
- Голяков С. М.* Война без выстрелов. М., 1968.
- Горбатовский Б. С.* Оружие мысли. М., 1991.
- Гридин И. И.* Партизанский набат. Киев, 1983.
- Гризингер Т.* Иезуиты: Полная история их явных и тайных деяний. В 2 т. СПб., 1868.
- Гриняев С. Н.* Интеллектуальное противодействие информационному оружию. М., 1999.
- Громов Н. А.* Цензура и шпионство по законам военного времени. Пг., 1914.
- Гросс В.* Война в искусстве. Л., 1930.
- Грушин Б. А.* Массовое сознание. М., 1987.
- Губер И.* Иезуиты. СПб., 1872.
- Гуревич Г. С.* Буржуазная пропаганда в поисках теоретического обоснования. М., 1978.
- Даллес А.* Искусство разведки. М., 1992.
- Деревянко И. В.* Тайны русско-японской войны. М., 1993.
- Дмитриев Б.* Пентагон и внешняя политика США. М., 1964.
- Доценко Е.* Психология манипуляции. СПб., 1996.
- Драгомиров М.* 14 лет (1881—1894): Сборник оригинальных и переводных статей. СПб., 1896.
- Думова Н. Г.* Кадетская партия и ее разгром. М., 1982.
- Думова Н. Г., Трухановский Н. Г.* Черчилль и Миллюков против Советской России. М., 1989.
- Душа армии. М., 1997.
- Дююи Р. Э., Дююи Т. Н.* Всемирная история войн. Харперская энциклопедия, военной истории с комментариями изд-ва «Поллигон». В 4 кн. СПб.; М., 1997—1998.
- Егоров В. В.* Телевидение и власть. М., 1997.
- Ежова Г. В.* Немецкие антифашисты на фронтах Великой Отечественной войны. СПб., 1998.

- Живейнов Н. И.* Операция РВ: «Психологическая война» американских империалистов. М., 1966.
- Жирков Г. В.* Белый поход, ты нашел своего летописца: Журналистика забытой России 1918—1920. СПб., 1998.
- Жирков Г. В.* История советской цензуры: Материалы к лекции. СПб., 1994.
- Жирков Г. В.* История цензуры России XIX—XX вв. М., 2001.
- Жорес Ж.* Новая армия. Париж, 1920.
- Жуков С. И.* Фронтовая печать в годы Великой Отечественной войны. М., 1968.
- Журналист и информация / Ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 1994.
- Журналистика и война. М., 1995.
- Зазворка Г.* Психологическая война НАТО. М., 1963.
- Зайончковский А. М.* Восточная война. В 2 т. СПб., 1904.
- Зайончковский А. М.* Первая мировая война. СПб., 2000.
- Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973.
- Зарубежная военная печать / Под ред. В. Н. Ковалева. М., 1986.
- Засурский Я. Н.* и др. Буржуазные теории журналистики: критический анализ. М., 1980.
- Здравомыслов А. Г.* Социология конфликта. М., 1996.
- Зельчицкий Г.* Описание происшествий 1812 года, случившихся в пределах Калужской губернии. М., 1815.
- Зенгер Х.* Стратегемы: о китайском искусстве жить и выживать: Знаменитые 36 стратегем за три тысячелетия. М., 1995.
- Зобов Р. А., Келасьев В. Н.* Социальная мифология России и проблемы адаптации. СПб., 1997.
- Золотарев В. А.* В грядущее глядим мы сквозь былое. Война 1877—1878 гг. — Апофеоз Восточного кризиса. М., 1997.
- Ивлев И. А., Юденков А. Ф.* Оружие контрпропаганды: Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР. 1941—1944 гг. М., 1988.
- Идеологическая работа в Советских Вооруженных Силах СССР: Историко-теоретический очерк. М., 1983.
- Ильин А.* Иезуиты. М., 1905.
- Информационное общество. Информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность / Под ред. М. А. Вуса. СПб. 1999.
- Историки Древней Греции. М., 1976.

- Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862.
- Исторический очерк газеты «Русский инвалид» и журнала «Военный сборник». СПб., 1907.
- История XIX века. В 8 т. / Под ред. Лависса и Рамбо. М., 1938.
- История Древнего Рима. СПб., 1999.
- История Древней Греции. СПб., 1999.
- Кайда Л. Г.* Эффективность публицистического текста. М., 1989.
- Кайзеров Н. М., Ножин Е. А.* Контрпропаганда: проблемы методологии и методики. М., 1984.
- Какурин В. М.* Система, задачи и организация контрпропаганды в Вооруженных Силах СССР. — М., 1987.
- Караваева А. А.* Фотопублицистика периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1981.
- Карамышев В.* Советская военная печать в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1955.
- Катков Н. Ф.* Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918—1920 гг. Л., 1977.
- Кашлев Ю.* Идеологическая борьба или психологическая война? М., 1985.
- Кашлев Ю. Б.* Массовая информация и международные отношения. М., 1981.
- Келин В.* Внешняя политика и идеология. М., 1969.
- Келлен Тони.* Газета и журнал. Их прошлое и настоящее во всех странах мира. СПб., 1908.
- Кениг Т.* Реклама и плакат как оружие пропаганды. Л., 1925.
- Кингстон-Маклори Э. Дж.* Руководство войной. М., 1957.
- Ковалев С. И.* История Рима. Л., 1986.
- Колычев В. Г.* Партийно-политическая работа в Красной Армии в годы гражданской войны 1918—1920 гг.
- Комков Г. А.* На идеологическом фронте Великой Отечественной войны. М., 1983.
- Кондакова Н. И.* Идеологическая победа над фашизмом (1941—1945). М., 1982.
- Кононыхин Н. М.* Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны. М., 1960.
- Конрад Н. И.* Сунь-Цзы: Трактат о военном искусстве. М.; Л., 1950.
- Контрпропаганда: теория и практика / Под ред. Д. А. Волкогонова. М., 1988.

Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997.

Конфликты и согласие в современной России. М., 1998.

Кореневский М. С. Советская военная публицистика: основные этапы становления и развития. М., 1986.

Костюк В. Н. Информация как социальный и экономический ресурс. М., 1997.

Коупленд Н. Психология и солдат. М., 1991. С. 95.

Кочан В. З. Теория информационного взаимодействия. Новосибирск, 1991.

Краминов Д. Ф. В орбите войн: записки советского корреспондента за рубежом. 1939—1945 гг. М., 1986.

Крысько В. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, опыт). Минск, 1999.

Кузьмина В. Д. Возникновение периодической печати в России и развитие русской журналистики в XVIII в. М., 1948.

Кукайгородская А. П. Оружием слова — листовки петроградских большевиков. 1918—1920. Л., 1981.

Кучарь А. Г. Большевицские военные газеты — боевой помощник Коммунистической партии в создании Красной Армии. Л., 1986.

Лайнбарджер П. Психологическая война. М., 1962.

Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.; Л., 1929.

Лебедев М. М. Политическое урегулирование конфликтов. М., 1997.

Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. Пг., 1922.

Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг. СПб., 1903.

Леонов Н. С. Информационно-аналитическая работа в заграничных учреждениях. М., 1996.

Леонтьев М. Моральный фактор в современной войне. М., 1946.

Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М., 1999.

Литературное наследство. Т. 78. М., 1966. Кн. 1, 2.

Лихоманов А. В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905—1907 годах. СПб., 1997.

Лобов В. Н. Искусство военной хитрости. М., 1984.

Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1968.

Львов-Рогатинский В. Печать и цензура. М., 1906.

- Лямин А. И.* Пропаганда войны в Японии и Германии. Минск, 1935.
- Маграчев Л. Е.* Репортаж из блокады. Л., 1989.
- Маевский В. В.* Сражения мирных дней. М., 1975.
- Малаховский А. К.* Очерки журналистики США второй половины XIX в.: Журналистика позолоченного века. М., 1997.
- Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971.
- Маслов И.* Научные исследования по тактике. СПб., 1896.
- Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886—1891.
- Медведко Л. И.* «Седьмая» ближневосточная война. М., 1993.
- Мелюхин И. С.* Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М., 1999.
- Меринг Ф.* Очерки истории войн и военного искусства. М.; Л., 1936.
- Методика изучения периодической печати. М., 1977.
- Методологические основы изучения региональной печати. М., 1993.
- Митницкий Л.* Записки редактора: Из прошлого красноармейской печати. М., 1940.
- Мифы древних славян. Саратов, 1993.
- Михневич Д. Е.* Очерки по истории католической реакции (иезуиты). М., 1955.
- Мишуриц А. Л.* Советская публицистика в годы Великой Отечественной войны. М., 1980.
- Морошкин М.* Иезуиты в России в царствование Екатерины II и до нашего времени. Ч. 1—2. СПб., 1867—1870.
- Мясоедова Б. А.* Страна читает, слушает, смотрит. М., 1986.
- Намин Ю.* Сделано в НАТО. М., 1985.
- Национальная безопасность России: реальность и перспективы. М., 1996.
- Николаев В. Д.* Генераторы дезинформации. М., 1984.
- Норден А.* Так делаются войны. М., 1951.
- Огненные годы: Публицистика Великой Отечественной войны. Л., 1985.
- Орден иезуитов. СПб., 1874.
- Орлов Ю. Я.* Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М., 1985.
- От Советского Информбюро, 1941—1945. Публицистика и очерки военных лет. В 2 т. М., 1984.

- Охочинский В.* Плакат. Л., 1926.
- Павлов Я. С.* Народная война в тылу интервентов и белогвардейцев. Минск, 1983.
- Панарин И. Н.* Информационно-психологическое обеспечение национальной безопасности. М., 1998.
- Панов В. А.* Петр I как полководец. М., 1940.
- Панфилов А.* Радио США в психологической войне. М., 1967.
- Панфилов А. Ф.* Радиовойна: история и современность. М., 1984.
- Першин А. И.* и др. Война и мир в ранней истории человечества. В 2 т. М., 1994.
- Печать и общественное мнение. СПб., 1905.
- Печать на передовые позиции оборонной работы. М., 1934.
- Пиз А.* Язык жестов. Воронеж, 1992.
- Писатели в Отечественной войне. М., 1946.
- Плано Карпини. История монголов. СПб., 1911.
- Пойчина Л.* Эволюции образа СССР на страницах газеты «Нью-Йорк Таймс». М., 1990.
- Поклад А. Б., Юдина Н. И.* Массовая информация: международное общение или подрывная пропаганда? М., 1987. С. 96.
- Полонский В.* Русский революционный плакат. М., 1924.
- Попов Н. П.* Индустрия образов. М., 1986.
- Попов Н. П., Горохов Н. А.* Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны. М., 1981.
- Потапов Н. М.* Печать и война. М.; Л., 1926.
- Почепцов Г. Г.* Информационно-психологическая война. М., 1999.
- Почепцов Г. Г.* Информационные войны. М., 2000.
- Почепцов Г. Г.* Как ведутся тайные войны: Психологические операции в современном мире. Ровно, 1999.
- Почепцов Г. Г.* Паблик рилейшенз для профессионалов. М., 1999.
- Почепцов Г. Г.* Психологические войны. М., 2000.
- Почепцов Г. Г.* Теория и практика информационных войн. Ровно, 1999.
- Погю Ф. С.* Верховное командование. М., 1959.
- Проблемы речевого воздействия на аудиторию в зарубежной специальной психологической литературе. Л., 1973.
- Прокофьев В. Ф.* Тайное оружие информационных войн. М., 1999.
- Прохожьев А. А.* Национальная безопасность, основы теории, сущность, проблемы. М., 1995.
- Психологическая борьба. Ч. 1—4. М., 1993—1995.

- Психологические операции ВС США: прошлое, настоящее, будущее. М., 1993.
- Психологические операции и противодействие им. М., 1993.
- Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М., 1985.
- Пузин А.* О некоторых задачах печати в дни Отечественной войны. М., 1942.
- Радио в дни войны / Сост. М. С. Глейзер и Н. М. Потапов. М., 1975.
- Разин Е. А.* История военного искусства. В 3 т. СПб., 1994.
- Райх В.* Психология масс и фашизм. СПб., 1997.
- Рамбо А.* Русские и пруссаки: история Семилетней войны. СПб.; М., 2002.
- Расторгуев С. П.* Информационная война. М., 1998.
- Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Деникин, Юденич, Врангель. М., 1991.
- Ржешевский О. А.* Война и история. М., 1976.
- Родионов В.* Газета освобожденного района. Ростов-на-Дону, 1944.
- Розанов Г. Л.* Германия под властью фашизма (1933—1939 гг.). М., 1964.
- Розанов Е. Л.* Крушение фашистской Германии: Последние дни Гитлера. М., 1963.
- Розенберг В., Якушкин В.* Русская печать и цензура. М., 1905.
- Российский независимый институт социальных и национальных проблем: первые пять лет (1991—1996). М., 1996.
- Ротарь И.* Общие рекомендации для журналистов, работающих в зонах конфликтов на территории бывшего СССР. М., 1993.
- Роцин С. К.* Психология и журналистика. М., 1989.
- Рубан Л. С.* Чеченский узел кавказского кризиса. М., 1996.
- Русская военно-историческая мысль XIX — начала XX века. М., 1960.
- Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып. XII. СПб., 1907.
- Саламон С.* Всеобщая история прессы. СПб., 1909.
- Сановфф Э.* Американская модель: с будущим в конфликте. М., 1984.
- Саченко И. И.* Война и публицистика. Минск, 1980.
- Свириденко С. С.* Современные информационные технологии. М., 1989.

- Своим оружием. М., 1961.
- Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий. М., 1996.
- Скабичевский А.* Очерки истории цензуры. СПб., 1892.
- Смирнов С. В.* Легальная печать в годы первой русской революции. Л., 1981.
- Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
- Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. М., 1981.
- Советская печать. М., 1960.
- Современные проблемы национально-государственной и международной безопасности. М., 1992.
- Современные Соединенные Штаты Америки. М., 1998.
- Соколов К.* Правление генерала Деникина. София, 1921.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1870.
- Сорель А.* Европа и французская революция. Т. 8. СПб., 1908.
- Стратегическая информационная война. М., 1996.
- Строков А. А.* История военного искусства. СПб., 1994.
- Стюарт К.* Тайны дома Крю: Английская пропаганда в мировую войну 1914—1918 гг. М.; Л., 1928.
- Сунь-Цзы: Трактат о военном искусстве. М., 1956.
- Суханов А. П.* Информация и человек. М., 1980.
- США: СМИ, политическая власть и общество. СПб., 1993.
- Табурно И. П.* Правда о войне. СПб., 1907.
- Тагиров Э. Р., Тронова Л. С.* Конфликты в обществе: от противостояния к согласию. Казань, 1996.
- Тайны и уроки зимней войны 1939—1940 гг. /Под ред. В. А. - Золотарева. СПб., 2000.
- Тарле Е. В.* Крымская война. В 2 т. М.; Л., 1944.
- Тарле Е. В.* Печать во Франции при Наполеоне I: По неизданным материалам. Пг., 1922.
- Тартаковский А.* Военная публицистика Отечественной войны 1812 года. М., 1962.
- Техника дезинформации и обмана. М., 1978.
- Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. М., 1956.
- Томсинский С. М.* Первая печатная газета России (1702—1727). Пермь, 1959.
- Томсинский С. М.* Первая печатная газета России (1702—1727 гг.). Пермь, 1959.
- Трайнин И. П.* Механизм немецко-фашистской диктатуры. Ташкент, 1942.

- Трухановский Н. Г.* Уинстон Черчилль. М., 1989.
- Ужegov Т. И., Белогуров С. Б.* Отечественная военная журналистика. Часть I. XVIII — начало XX в. М., 1995.
- Улановская И. А.* Борьба за Восточную Африку и пресса (1884—1890). М., 1969.
- Утченко С. Л.* Древний Рим: События. Люди. Идеи. М., 1996.
- Фараго Л.* Игра лисиц: Эпизоды агентурной борьбы. М., 1979.
- Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. СПб., 1929.
- Халед ибн Султан.* Воин пустыни: Война в Персидском заливе 1990—1991 гг. М., 1996.
- Хроника войны: Свод корреспонденции английской газеты «Дейли-ньюс». В 2 т. СПб., 1878.*
- Цыганков В. Д., Лопатин В. Н.* Психотропное оружие и безопасность России. М., 1999.
- Черняк Е. Б.* Вековые конфликты. М., 1998.
- Черняк Е. Б.* Пять столетий тайной войны. М., 1972.
- Черняк Е. Б.* Химеры старого мира: Из истории психологической войны. М., 1970.
- Шальнев А. А.* Репортаж из Белого дома. М., 1988.
- Шапошников А. П.* Летопись мужества: Печать Ленинграда в дни войны. М., 1978.
- Шафиров П.* Рассуждения о Свейской войне. СПб., 1917.
- Шерковнин Ю. А.* Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973.
- Шиверский А. А.* Защита информации: проблемы теории и практики. М., 1996.
- Шиллер Г.* Манипуляторы сознания. М., 1980.
- Энгельгардт Н.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703—1903). СПб., 1904.
- Энгельс Ф.* Заметки о войне: Статьи о франко-прусской войне 1870—1871 гг. М., 1971.
- Эпоха крестовых походов.* СПб.; М., 1999.
- Янушевский А. С.* Пропагандистская работа большевиков среди войск интервентов в 1919—1920 гг. М., 1974.

Статьи, сообщения, обзоры

«Все началось с войны слов...» Как уцелеть репортеру в «горячей точке» // Журналист. 1995. № 5. С. 54—57; № 6. С. 60—63.

- Абрамов Ю.* Власть и армия // Свободная мысль. 1997. № 12.
- Александров В.* Уважение к действительности // Октябрь. 1942. № 10. С. 110—114.
- Александров И.* Вооруженные Силы США и СМИ // Зарубежное военное обозрение. 1996. № 22. С. 58.
- Альбац Е.* Каждый народ достоин своих репортеров // Новая газета. 1997. 8—14 сентября.
- Альцев М.* Совет национальной безопасности США // Зарубежное военное обозрение. 1996. № 6. С. 8—10.
- Апушкин В.* Война 1877—1878 гг. в корреспонденции и романе // Военный сборник. 1902. № 7—8; 1903. № 1—6.
- Артамонов Г. Т.* От информационного обслуживания — к управлению информацией // Межотраслевая информационная служба. 1997. № 1—2. С. 3—7.
- Архипова Н. И., Кульба В. В.* Управление в чрезвычайных ситуациях. М., 1988.
- Афанасьев Н., Большаков Е.* Убийственный крупный план // Журналист. 1982. № 3. С. 68—69.
- Барынькин В. М.* Некоторые меры разрешения военных конфликтов // Военная мысль. 1997. № 3. С. 31—37.
- Барынькин В. М.* Оценка эффективности мер по разрешению военных конфликтов на ранних фазах их развития // Военная мысль. 1997. № 7. С. 3—8.
- Батурин Ю. М.* Цензура против гласности: От Ивана Грозного до 1917 г. // Советское государство и право. 1989. № 3. С. 134.
- Баульновский В.* Карикатура и цензура в начале XX века // Былое. 1924. № 26. С. 177—206.
- Башаткин А.* Аккредитацией по шее // Огонек. 1997. № 11. С. 20.
- Безруков М. Е., Безрукова О. М.* Советы по вопросам безопасности: параллели становления и развития // США: экономика, политика, идеология. 1997. № 2. С. 52—62.
- Белов Г. В.* От информационной доктрины к информационной политике // Межотраслевая информационная служба. 1996. № 2.
- Белогуров С.* «Я еду простым рабочим» // Красная звезда. 1996. 6 декабря.
- Белогуров С.* Военная периодическая печать в России начала XX века // Военно-исторический журнал. 1997. № 6. С. 80—85.
- Бикметов Е. Ю., Балес И. Р.* СМИ в коммуникационной политике властных структур // Журналистика в переходный период. М., 1997. Ч. I. С. 33—36.

Бирюков Ю. М., Марченко А. Н. Средства массовой информации и формирование общественного мнения о войне и мире // Проблема становления нового мышления. М., 1990. С. 103—114.

Богданов С. А. О современных подходах к теории военных конфликтов // Военная мысль. 1993. № 3. С. 36—44.

Богданов Э. Пентагон и «психологическая война» // Зарубежное военное обозрение. 1980. № 8. С. 6—9.

Боголюбов А., Боголюбов В. Подготовка французских журналистов для работы в «горячих точках» // Зарубежное военное обозрение. 1996. № 3. С. 21—22.

Богомолов Ю. Война как средство массового общения // Журналист. 1995. № 6. С. 28—30.

Бойцов М. Информационная война // Морской сборник. 1995. № 10. С. 10—14.

Болтин Е., Камский В. Агитационный плакат // Война и революция. М.; Л. Кн. 7.

Болтин Е., Камский В. О восприятии политического плаката красноармейцами-крестьянами // Вопросы педагогики. Л., 1929. Вып. 5—6.

Борьба метрополии с восставшей провинцией и тактика проведения крупномасштабных противоповстанческих операций // Независимая газета. 1996. 28 марта.

Боулновский В. Карикатура и цензура в начале XX в. // Былое. 1924. № 26. С. 177—206.

Вартанов А. Атакуется тайна // Журналист. 1996. С. 18—21.

Васильев Г. Военная операция «Буря в пустыне» // Зарубежное военное обозрение. 1991. № 3. С. 10—14.

Васильев Г. Завершающий этап операции «Буря в пустыне» // Зарубежное военное обозрение. 1991. № 4. С. 7—11.

Викторов Ю. Высшие органы управления вооруженных сил США // Зарубежное военное обозрение. 1985. № 8—9.

Виноградов В. Н. Об исторических корнях «горячих точек» на Балканах // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 3—12.

Витберг Ф. А. Мнение иностранцев-современников о великой Северной войне // Русская старина. 1893. Август.

Владимиров И. Западная Европа и кризис в Персидском заливе // Зарубежное военное обозрение. 1991. № 2. С. 3—11.

Владимиров П. Академия «психологической обороны» бундесвера // Зарубежное военное обозрение. 1989. № 12. С. 15—18.

Владимиров П. Новая академия в бундесвере // Зарубежное военное обозрение. 1988. № 6.

Военная реформа: оценка угроз национальной безопасности России. М., 1997.

Военный телеграф в Европейской Турции в кампанию 1877—1878 гг. // Военный сборник, 1879. № 3.

Война и печать (параллели). Роль французской и русской прессы в бывшую войну // Утро России. 1915. № 258.

Вольский В. М. Что ожидает печать? (Новый законопроект о печати) // Накануне. 1994. № 4.

Воробьев И. Какие войны грозят нам в будущем? // Красная звезда. 1995. 23 августа.

Гаглов И. И. О деятельности Совета военно-политической пропаганды в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории КПСС. 1977. № 12. С. 10—14.

Гареев М. А. Контуры вооруженной борьбы будущего // Международная жизнь. 1994. № 4. С. 75—84.

Герасимов Г., Беглос С. Из жизни пресс-секретарей: Небольшое исследование небольшого феномена не всегда любовного треугольника «власть — пресс-секретарь — пресса» // Новое время. 1996. № 8. С. 28—30.

Герман К. Победители и побежденные в информационном мире // Международная жизнь. 1997. № 10. С. 44—50.

Гершельман С. К. Нравственный элемент в руках опытного начальника // Военный сборник. 1888. № 12.

Глебова Е. Война — это совсем не то, что вы думаете // Журналист. 1993. № 8. С. 6—9.

Гордон М. Звала на подвиги строка: Писатели во фронтовой газете «На страже Родины» // Нева. 1973. № 11. С. 99—118; 1974. № 1. С. 133—160; 1975. № 6. С. 141—156.

Горчева А. Ю. Главлит: становление советской тотальной цензуры // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1992. № 2.

Горяева Т. М. Журналистика и цензура // История СССР. 1990. № 4. С. 112—113.

Горянин А. В трясине мифов // Журналист. 1997. № 11. С. 33—36.

Грабельников А. Ленин и Сталин как реформаторы русской прессы // Известия. 2000. 4 марта.

Гусев В. С. Информационная война — угроза или благо? / Средства массовой информации в современном мире. СПб., 1977. С. 103—104.

Гушев А. Итоги войны в зоне Персидского залива // Зарубежное военное обозрение. 1991. № 6. С. 3—15.

Дангулов С. Корреспонденты и война: Страницы воспоминаний // США: экономика, политика, идеология. 1975. № 5. С. 42—54.

Данилов Н. Информационно-психологическое воздействие и компьютерные технологии // Зарубежное военное обозрение. 1996. № 7. С. 14—16.

Двадцатипятилетие «Военного сборника» // Военный сборник. 1883. № 4.

Дерлугьян Г. Военное дело в XXI веке и Российская Армия // Свободная мысль. 1997. № 1. С. 44—46.

Джури И. Психологические операции в вооруженных силах Великобритании // Зарубежное военное обозрение. 1986. № 7. С. 13—14.

Джури И. Оценка эффективности психологических операций вооруженных сил США // Зарубежное военное обозрение. 1983. № 2.

Джури И. Психологические операции в вооруженных силах Великобритании // Зарубежное военное обозрение. 1986. № 7.

Долгополов Е. Региональные конфликты: истоки и пути решения // Зарубежное военное обозрение. 1988. № 7. С. 3—9.

Дудаевщина под покровительством СМИ (Чечня в пламени сепаратизма) / Сост. Сурков А. П. Саратов, 1998. С. 329—347.

Дуклов С. Информационно-пропагандистский аппарат НАТО / Зарубежное военное обозрение. 1988. № 12.

Дьяконов И. Откуда мы знаем, когда это было // Наука и жизнь. 1988. № 5. С. 66—74.

Евстафьев А. Г. Особенности современной американской военной политики // США: экономика, политика, идеология. 1996. № 2. С. 28—37.

Егоров А. «Управление, информация, качество — ключевые проблемы военной реформы» // Красная звезда. 1996. 12 декабря.

Епанчин В. Нравственный элемент в руках Суворова // Военный сборник. 1892. № 1.

Ершов Ю. Информационный империализм на службе НАТО // Зарубежное военное обозрение. 1988. № 3.

Жизнь армии в изображении современных писателей // Война и мир. 1906. № 2.

Жилин А., Скоробогатько Т. Если завтра война // Московские новости. 1994. 9—16 января. С. 9.

Жирков Г. В. Проблемы изучения механизма мифологизации в журналистике // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1992. № 3.

Жуков В. Взгляды военного руководства США на ведение информационной войны // Зарубежное военное обозрение. 2001. № 1. С. 2—8.

Журналисты должны сидеть. Генералы начинают войну против прессы // Комсомольская правда. 1997. 5 ноября.

Заворотный С., Черняк И. Информационная война и война за информацию // Журналист. 1991. № 6. С. 52—54.

Заворотный С., Черняк И. Информация о войне и война за информацию // Журналист. 1991. № 6. С. 52—54.

Загитов В. М. Место иранской прессы в формировании общественного мнения в стране // Информационный сборник по зарубежным странам и армиями. 1995. № 100. С. 67—72.

Засурский Я. Н. Если бы в те дни около дачи Горбачева оказались журналисты, ложь хунты была бы немедленно разоблачена // Известия. 1991. 5 сентября.

Засурский Я. Н. «Звездные войны» особого свойства // Правда. 1987. 20 апреля.

Засурский Я. Н. Журналистика, новое мышление и борьба за мир // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1988. № 2. С. 3—6.

Засурский Я. Н. Информационная безопасность // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1997. № 2. С. 3—16.

Засурский Я. Н. Печать и литература Соединенных Штатов Америки в годы гражданской войны // К столетию гражданской войны в США. М., 1961. С. 481—512.

Засурский Я. Н. Роль средств массовой информации в борьбе за мир // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1984. № 3. С. 3—10.

Зеленков М. Морально-психологическая подготовка в армиях зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение. 2000. № 11. С. 12—17.

Иванов В. Г. Военная политика и военная доктрина после холодной войны // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 4. С. 104—111.

Иванов И. «Табу» и просто цензура // Журналист. 1988. № 10. С. 82—85.

Игнатов Н. Г., Мотков С. И. Роль СМИ в процессе формирования общественного мнения // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика 1997. № 1. С. 19—27.

Информационная война и военная безопасность // Вести из-за рубежа: Приложение к журналу «Военный парад». 1996. № 4. С. 16.

Кагарлицкий Б. Чеченская война и общественное мнение // Свободная мысль. 1997. № 1. С. 33—44.

Как уцелеть в горячих точках // Журналист. 1992. № 10. С. 2—6.

Калиновский О. Н. «Информационная война» — это война // Военная мысль. 2001. № 1. С. 57—59.

Касюк А. Пресса на службе бундесвера // Зарубежное военное обозрение. 1980. № 7. С. 13—15.

Ковалев В. Средства массовой информации и защита мира // Международная жизнь. 1980. № 10. С. 63—71.

Кожин С. В. Изучение противника органами спецпропаганды Красной Армии в период Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. 2002. № 2. С. 94—114.

Козловский В. Фронтовые корреспонденты // Военный вестник. 1994. № 6. С. 44—46.

Колесников А. Пиршество во время чумы // Новое время. 1997. № 42, с. 16—21.

Колесников А. А. Анализ вооруженных конфликтов на территории СНГ // Информационный сборник по зарубежным странам и армиями. 1995. № 100. С. 54—66.

Колесников Л. Окна ТАСС // Журналист. 1994. № 9; 1995, № 5.

Колосов В. А. Российская геополитика: традиционные концепции и современные вызовы // Общественные науки и современность. Ладь. № 3. С. 86—94.

Кольев А. СМИ против армии и страны / *Кольев А.* Чеченский капкан. М., 1997. С. 63—67.

Комов С. А. Информационная борьба в современной войне: вопросы теории // Военная мысль. 1996. № 4. С. 76—80.

Комов С. А. О доктрине информационной безопасности России // Военная мысль. 1998. № 3. С. 72—76.

Контртеррористическая операция на Северном Кавказе: основные уроки и выводы // Военная мысль. 2000. № 5. С. 5—18.

Корниенко Г. М. Как принималось решение о вводе советских войск в Афганистан // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 107—118.

Коротченко Е. Г. Информационно-психологическое противоборство в современных условиях // Военная мысль.

Костырченко Г. В. Советская цензура в 1941—1952 годах // Вопросы истории. № 11—12. С. 87—95.

Коэн Р. Свобода слова в условиях информационной войны // «Нью-Йорк Таймс» — недельное обозрение. 1993. № 20.

Красногоров В. Гласность и безгласность: Заметки об истории цензуры // Нева. 1990. № 3. С. 146—165.

Кузьминский К. Очерк развития военной журналистики в России // Война и мир. 1906. № 7—10.

Куприн О. Словно смотришь в бинокль перевернутый // Журналист. 1995. № 5. С. 28—31.

Лебедева Т. В чьих руках микрофон?: О процессах в СМИ в африканских государствах в 80-е годы // Азия и Африка. № 3. С. 20—22.

Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг. СПб., 1903.

Лещинский М. Б. Отторжение: О журналистской работе в Афганистане // Журналист. 1991. № 2. С. 6—12.

Лигская А. Ф. Индустрия переработки информации в США в 80-е годы. М., 1990. С. 132.

Липс Ю. От сигнального барабана до газеты // Происхождение вещей. М., 1954. С. 231—254.

Лотман Ю. В. А. С. Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1957. Вып. 63.

Лунев В. Н. Деятельность Коммунистической партии по организации и ведению контрпропаганды в Красной Армии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Сборник научных статей. № 31. М., 1986. С. 112—134.

Маевский Л. С. Скачок в информационные сети // Красная звезда. 2001. 25 июля.

Мальшинский А. Первый русский репортер // Исторический вестник. 1886. № 5. С. 387—391.

Мамаладзе Т. Карабахский синдром // Новые известия. 1998. № 32 (721).

Манюф Р. «Исходя из своих ошибок» // Журналист. 1988. № 6. С. 81—85.

Маров Ю., Брюсов А. Некоторые стороны военного фолклендского конфликта // Зарубежное военное обозрение. 1984. № 5.

Мгимов Ю. США: психологические операции в локальных войнах // Зарубежное военное обозрение. 1985. № 2. С. 3—7.

Мгимов Ю. Нормативно-правовые основы психологических операций Вооруженных Сил США // Зарубежное военное обозрение. 1998. № 7. С. 8—12.

Мельников М. Перо и меч // Правда. 1982. 5 мая.

Мельников М. А. СМИ в условиях социально-политического конфликта // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1997. 1993. № 1. С. 90—91.

Микулин В. Ранние времена военного репортажа // Советское фото. 1938. № 9. С. 20.

Михайлов А. Силы специальных операций европейских стран НАТО // Зарубежное военное обозрение. 1996. № 7. С. 6—10.

Михальченко И. Тенденции монополяризации мира и информационные войны / Средства массовой информации в современном мире. СПб., 1997. С. 178—179.

Молодцыгин М. Создание местных органов военного управления // Военно-исторический журнал. 1968. № 5.

Москвин В. Национальная безопасность и военная реформа // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 4.

Московский В. Газета «Красная Армия» на фронте // Пропандист и агитатор. 1939. № 24. С. 3035.

Незнамов А. План войны // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX века. М., 1960.

Немировский Е. Л. Полиграфия в годы гражданской войны // Полиграфия. 1966. № 7. С. 13—16.

Нескромный В. Взгляд на экстремальную фотографию // Foto & Video. 1998. № 3. С. 90—95.

Нисневич Ю. А. О необходимости государственной информационной политики // Межотраслевая информационная служба. 1997. № 1—2. С. 7—10.

Новоселов В. Война и печать // Пробуждение. 1915. № 17. С. 580—581.

Омельченко Н. И., Милешкевич В. А. Методологический аспект оценки кризисных ситуаций // Военная мысль. 1998. № 3. С. 64—71.

Онорский Б. Информационная война — основная форма борьбы ближайшего будущего? // Обозреватель. 1998. № 5. С. 66—71.

Острогорский В. Разоружение в эфире // Новое время. 1988. № 23. С. 40—41.

Павлов П. Подготовка бундесвера к ведению психологических операций // Зарубежное военное обозрение. 1985. № 4.

Панкин А. Б. Белый дом и средства массовой информации // США: экономика, политика, идеология. 1983. № 1. С. 38—49.

Панкин А. Б. Дипломатия в международной журналистике // Международная жизнь. 1989. № 15. С. 102—106.

Паренти М. Придумывая реальность: политика СМИ // США: экономика, политика, идеология. 1988. № 5. С. 75—85.

Пекарский П. Журналистика во Франции во времена консульства и империи // Современник. 1862. Т. ХСII. Отд. 1.

Пельц А. Единое информационное поле для силовых структур // Красная звезда. 1996. 6 декабря.

Петров А. Победоносное отступление // Власть. д. я. 1998. № 30 (282). 11 августа. 9—12.

Печоров С. И. О роли дезинформации в подготовке войны и военных конфликтов: По опыту войны на Ближнем Востоке // Военная мысль. 1991. № 2. С. 68—74.

Писарев В. Д., Хозин Г. С. Механизм выработки внешнеполитических решений // США: экономика, политика, идеология, 1996. № 1. С. 26—31; № 2. С. 47—57.

Плотников Н. На кого работает пресса в Америке? // Ориентир. 1995. № 8. С. 49—51.

Пожидаев Д. Информационная война в планах Пентагона // Зарубежное военное обозрение. 1996. № 2. С. 2—4.

Поздняков А. И. Информационная безопасность личности, общества, государства // Военная мысль. 1993. № 10. С. 13—18.

Познер В. Разящее слово правды // Советская культура. 1986. 16 декабря.

Поляков К. Война за умы: Психологические операции и противодействие им // Морской сборник. 1993. № 4. С. 58—63.

Попов А. Барон Штейн в России в 1812 году // Русская старина. 1893. № 2. С. 386—391.

Правительственная периодическая печать в России // Всемирный вестник. 1903. № 2. С. 60—90.

Применение Вооруженных сил США в войнах, военных конфликтах и кризисных ситуациях с 1990 по 1998 г. // Зарубежное военное обозрение. 1998. № 6. С. 51—54.

Проигранная информационная война // Независимое военное обозрение. 1996. 10 сентября.

Прохожев А. А. Информационная безопасность — важнейшая составляющая национальной безопасности современной России // Безопасность. 1995. № 5—6. С. 64—77.

Пузин А. О некоторых задачах печати в дни Великой Отечественной войны. М., 1942.

Рендо С. И. Организация пропагандистской деятельности Красной Армии в период боевых действий осенью 1939 г. // Журналистика: История и современность. Сб. научн. трудов. М., 1993. С. 47—59.

Рогос С. Россия и США на пороге XXI века // Свободная мысль. 1997. № 4. С. 29—45; № 5. С. 92—101.

Романов Ю. Советы дилетанта // Журналист. 1995. № 5. С. 15—17.

Российская пресса под колпаком спецслужб // Аргументы и факты. 1997, № 12. С. 12.

Рощин С. К., Соснин В. А. Психологическая безопасность: новый подход к безопасности человека // Российский монитор. 1995. № 6. С. 133—144.

Рубинов А. Департамент любви к свободной печати // Журналист. 1996. № 7. С. 7—9.

Ручкин А. На смену звездным войнам приходят информационные // Российская газета. 1997. 23 августа.

Рябчиков Е. Агитация фактами // Журналист. 1969. № 4. С. 12—15.

Савулеску К. Первый военный корреспондент Кароль Сатмари (1812—1887) // Интерпресс-график. 1978. № 1. С. 8.

Санин А. Взгляды руководства США на возможные вооруженные конфликты // Зарубежное военное обозрение. 1990. № 11. С. 3—8.

Светлов А. Б. Кайсаров А. С. и его просветительская деятельность // Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России. М., 1957.

Сеидов В. Г. Журналистика и дипломатия периода Крымской войны // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1979. № 1. С. 51—59.

Сенявская Е. С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. С. 140—145.

Сергеев А. Система «психологической готовности» Швеции // Зарубежное военное обозрение. 1987. № 4.

Сергеев С. Рекламирование вооруженных сил в США, Германии и Франции // Зарубежное военное обозрение. 1991. № 3. С. 15—17.

Серебровская Е. Действует слово // Звезда. 1986. № 2. С. 122—128.

Серебряков В. Новый центр военно-социологического исследования безопасности России // Армия. 1994. № 8. С. 7—10.

Сироткин В. Г. Изгнание и смерть Наполеона // Новая и новейшая история. 1974. № 4. С. 175—181.

Сироткин В. Г. Наполеоновская «война перьев» против России // Новая и новейшая история. 1981. № 1.

Скоробогатько Т. Четвертая власть // Московские новости. 1997. № 37.

Слово — оружие // Новый мир. 1944. № 1. С. 18—26.

Смирнов О. В горячих точках // Фотография. 1994. № 6. С. 12.

Смирнов П., Горохов Н. Фронтовая печать в битве за Москву / Военно-исторический журнал. 1972. № 1.

Смолян Б. Г., Цыгичко В., Черешкин Д. Оружие, которое может быть опаснее ядерного // Независимое военное обозрение. 1995. № 3.

Смородинов В. П. Информационная политика милитаристской Японии в оккупированных странах Д. Востока и Юго-Восточной Азии (1895—1945) // Журналистика развивающихся стран. М., 1986. С. 94—107.

Старовойтов А. У кого в руках ключ к информации // Российская газета. 1997. 22 мая. С. 1, 3.

Стуруа М. В ожидании компьютерного Перл-Харбора // Независимое военное обозрение. 1995. 11 июля.

Тыкалин А. С. Пропаганда СССР на зарубежную аудиторию и общественное мнение стран Запада в первые послевоенные годы (по документам российских архивов) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. № 1. С. 57—71; № 2. С. 35—45.

Суровцева Е. Запад переходит в «информационное наступление» // Красная звезда. 1997. 16 мая.

Табала М. Использование сил и средств психологических операций в интересах дезинформации противника // Информационный сборник ГУ ГШ ВС РФ. 1995. № 3. С. 3—7.

Тарле Е. Печать во Франции при Наполеоне I / Собр. соч. в 12 т. М., 1958. Т. 4. С. 483—533.

Тартаковский А. Г. Листовки эпохи Отечественной войны 1812 года // Записки ОРГБЛ. Вып. 20. С. 205—219.

Технические средства психологических операций ВС США // Информационный сборник ГУ ГШ СВ РФ. 1996. № 2. С. 78—86.

Тишков В. Геополитика Чеченской войны // Свободная мысль. 1997. № 4. С. 65—74.

Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

Токов Е., Касюк А. Психологические операции вооруженных сил США в войнах и конфликтах XX века // Зарубежное военное обозрение. 1997. № 6. С. 12—17.

Трошкин Ю. В. Нарушение и защита прав журналистов // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1997. № 1. С. 3—18.

Трошкин Ю. В. Права прессы: печать и власть // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1997. № 2. С. 3—16.

Трудовачев С. В., Бондаренко М. М. Средства массовой информации Израиля и их влияние на формирование общественного мнения // Информационный сборник по зарубежным странам и армиям. 1998. № 3. С. 36—45.

Туган-Барановский Д. М. «Лошадь, которую я пытался обуздать». Печать при Наполеоне // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 155—179.

Туган-Барановский Д. М. Наполеон как журналист // Вопросы истории. 1995. № 7.

Турпалов Л. СМИ между независимостью и войной // Среда. 2000. Май. С. 38—42.

Увайский Н. Психологические операции в планах Пентагона / Зарубежное военное обозрение. 1984. № 9.

Устинов А. Методология псевдоправды // Партийная жизнь Казахстана. 1990. № 8. С. 88—93.

Уткин А. Западная интерпретация противостояния // США: экономика, политика, история. 1997. № 5, 7, 8.

Фарина А. Цели прежние, методы новые // Красная звезда. 1989. 21, 22 марта.

Федотов М. А. Гласность и цензура // Советские государство и право. 1989. № 7.

Фирсович В. В. Использование мифов в интересах информационно-психологического воздействия // Информационный сборник. 1989. № 2. С. 3—17.

Фрунзе М. В. Наказ журналу «Война и революция» / Избранные произведения. Т. 2. М., 1957.

Фрунзе М. В. Привет «Красноармейцу». Избранные произведения. М., 1965.

Фукуяма Ф. Войны будущего // Независимая газета. 1995. 11 февраля.

Хаизов Д. Кавказские пленники // Власть. 1998. № 30 (282). 11 августа. С. 13—15.

Хитрова Н. И. Реакция русской периодической печати на черноморо-турецкую войну 1862 // Славяне и Россия. М., 1972. С. 130—137.

Чебан В. Некоторые уроки военных конфликтов // Военный вестник. 1994. № 2. С. 14—17.

Черешкин Д. С., Смолян Г. Л., Цыгичко В. Н. Реалии информационной войны // Защита информации. Конфидент. 1996. № 4. С. 9—12.

Черкасов В. А. Духовная основа боеготовности // Ориентир. 1995. № 8. С. 4—14.

Черкасов В. А. Фронт без выстрелов // Ориентир. 1995. № 5. С. 51.

Черменных В. Афганистан: Война со многими неизвестными // Вестник ветерана. 1997. № 12. С. 15.

Шабает Ю. П., Жеребцов И. Л., Александер Дж. Национальное развитие и этнополитика в восточно-финских республиках России // Мир России. 1997. № 4. С. 171—182.

Шаламберидзе Е. «Психологические операции» США // За рубежом военное обозрение. 1989. № 9. С. 12—16.

Шапарский В. Структура, задачи, формы и методы работы аппарата психологических операций ВС США // Информационный сборник ГУ ГШ ВС РФ. 1993. № 1. С. 3—22.

Шафаревич И. Шестая монархия // Наш современник. 1990. № 8. С. 134—147.

Швецов В. Военная цензура России // Морской сборник. 1999. № 2. С. 85—89.

Шевелев В. Г. Проблема адекватности восприятия угроз национальной безопасности и приоритетные направления ее разработки // Военная мысль. 1994. № 6. С. 12—16.

Шишков В. Веду диалог с читателем: Заметки о контрпропаганде // Журналист. 1984. № 9. С. 57—59.

Шнуренко И. Семена будущей победы // Известия. 1997. 19 марта.

Штемянко С. Местные органы военного управления // Красная звезда. 1968. 7 апреля.

Юдина Т. Н. Отзвуки победы в американской прессе (1941—1945 гг.) // США: экономика, политика, идеология. 1985. № 5. С. 26—35.

Юдина Т. Н. Пресса и второй фронт: По страницам американской печати. 1941—1944 гг. // США: экономика, политика, идеология. 1984. № 6. С. 51—58.

Юрьев А. Когда утрачиваешь доверие к государственным органам, оно переходит к средствам массовой информации // Дело. 1993. № 5.

Яковлев Н. О. О так называемом «завещании Петра Великого» // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 128—133.

Якутин Н. Зеленый попугай // Журналист. 1999. № 7—8. С. 56—58.

Справочные издания

В помощь военному журналисту: Сборник обзоров «Красной звезды». М., 1949.

Война советского народа против немецко-гитлеровского империализма — освободительная, справедливая: В помощь политруку. М., 1941. С. 45.

Газеты СССР. 1917—1960. Библиографический справочник. Т. 1. М., 1970.

Горячая точка. Справочник для журналистов. М., 1995.

Дубровин Н. Ф. Библиографический указатель книг и статей, относящихся к описанию Отечественной войны с 1812 по 1815 год. СПб., 1882.

Колоколова Л. И., Дерягина В. Г. Названия военных газет периода Великой Отечественной войны // Русское языкознание. 1986. Вып. 12. С. 22—27.

Кузнецов И. В., Фингерт Е. М. Газетный мир Советского Союза. 1917—1970 гг. Т. 1. М., 1972.

Русская военная периодическая печать. 1707—1916: Библиографический указатель. М., 1959.

Советский энциклопедический словарь. М., 1980.

Справочник для журналистов стран Центральной и Восточной Европы. М., 1993.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Ахмед Сауд Исса. Вооруженные конфликты в Персидском заливе в 80-х — начале 90-х годов: причины и последствия: Автореф. канд. дисс. М., 1993.

Демин Б. П. Деятельность политорганов и партийных организаций по воспитанию у воинов Советской Армии ненависти к врагу в годы Великой Отечественной войны: Дисс. канд. ист. наук. М., 1969.

Дудников В. М. Журналистская фотография как средство пропагандистского воздействия на массовую аудиторию: Автореф. канд. дисс. М. 1987.

Караваева А. А. Фотопублицистика периода Великой Отечественной войны. 1941—1945: Автореф. М., 1981.

Лукин И. Н. Деятельность КПСС по разоблачению идеологии и политики германского фашизма в годы Великой Отечественной войны: Дисс. канд. ист. наук. М., 1956.

Манилов В. Л. Теория и практика организации системы национальной безопасности России: Автореф. дисс. доктора полит. наук. М., 1995.

Пашута В. Л. Деятельность политорганов действующей армии по разоблачению идеологии фашизма в годы Великой Отечественной войны: Дис. канд. ист. наук. М., 1982.

Пронин Е. И. Выразительные средства журналистики: Автореф. докт. дисс. М., 1981.

Рязанов В. Г. Роль средств массовой информации в этнополитическом конфликте: Автореф. дисс. канд. социол. наук. М., 1998.

Соболев Н. И. Борьба КПСС против фашистской пропаганды на фронте в годы Великой Отечественной войны: Дис. докт. ист. наук. Л., 1974.

Спасский Н. Н. Основные аспекты эволюции доктрины национальной безопасности США: Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 1992.

Тертычный А. Н. Типы аргументов в структуре публицистического произведения: Автореф. канд. дисс. М., 1979.

Иностранные публикации

Mackinnin W. A. On the Rise, Progress and Present State of Public Opinion in Great Britain and other parts of the World. London, 1828.

Adolph Robert B. PSYOP. Gulf War Multiplier // Army. 1992. December. P. 2—7.

Allard Kenneth. Somalia operations: Lessons learned. Washington, 1995. 113 с.

Allied Forces. Supreme Headquarters. Psywar Div. The Psychological Warfare Division, Supreme Headquarters, Allied Expeditionary Force: An Account of Its Operations in the Western European Campaign, 1944—1945. ETO. 1945.

Andrews J. Cutler. The South Reports the Civil War. Princeton, 1970.

Andrews L. C., Leadership, Military Training, Philadelphia, 1918. — Military Manpower, New-York, 1920.

Angell Norman (Ralphlane). Patriotism under Three Flags, London, 1903.

Arnold W. Fascist War Propaganda, 1939—1943. PhD des Miami, Ohio, 1990.

Baird Jay W. The Mythical World of Nazi War Propaganda. 1939—1945. Minneapolis, 1974.

Balfour Michael. Propaganda in War, 1949—45: Organization, Policies and Publics in Britain and Germany. London, 1979.

Barnet Frank H., Lord Carnes, eds. Political Warfare and Psychological Operations: Rethinking the US Approach. Washington, 1989. P. 242.

Baschwitz Kert. Der Massenwahn. Munchen. 1924.

Bernstorff Count. My Three Years in America, New-York, 1920.

Blankenhorn Heber. Adventures in Propaganda. Boston, 1919.

Borchini Charles P. and Borstelmann Mari. PSYOP in Somalia: the Voice of Hope // Special Warfare. 1994. October. P. 2—9.

Bornstein Joseph & Milton Paul R. Action Against the Enemy's Mind. Indianapolis, 1942.

Bransted E. K. Goelbels and National Socialist Propaganda 1925—1945. Michigan State Uni Press, 1965.

Brownrigg Rear-Admiral Sir Douglas. Indiscretions of the Naval Censor. London, 1920.

Buchsbaum Tohn H. German Psychological Warfare on Russian Front. 1941—1945. Wash., 1953.

Busch Moritz. Bismark. New-York, 1898.

Campeano M. Essai de psychologie militaire individuelle et collective. Paris, 1902.

Carroll Wallace. Persuade or Perish. Bocton, 1948.

Cincinnatus. Der Krieg der Worte. Stuttgart; Berlin, 1916.

Colton F. Barrows. Winged Words-New Weapon of War // Nat Geog Mag 82 1942. Nowember. P. 662—692.

Cook Sir Edward Tyas. The Press in War-time, with some account of the Official Press Bureau. London, 1920.

Creel George. How we advertises America. New-York, 1920.

Cruickshank Charles. The Fourth Arm. London, 1977.

Culbert David H., ed. Information Control and Propaganda: Records of the Office of War Infotmation. Part I: Director's Central Files, 1942—45. Frederic. 1986.

Culbert David, ed. Tilm and Propaganda in America: A Documentary History. 4 vols. NY., 1990.

Dangherty E. Psuchological Warfare case book. Baltimore, 1958.

Daugherty W., Janowitz. A psychological warfare Gasebook. Joh Hopkins University press, 1958.

Davis Elmer & Price Byron. War Information and Censorship. Washington, 1943.

Demartial Georges. La guerre de 1914. Comment on mobilisa les consciences. Paris, 1922.

Dover Rohn W. War Without Merey: Race and Power in the Pacific War. NY., 1986.

Drouilly J. Germain et Guerinon E. Les chefs-d'oeuvre de la propagande allemande. Nancy, Paris, Strasbourg, 1919.

Dunn William J. Pacific Microphone. College Station: Texas, 1988.

Dyer M. The Weapon on the wall Rethinking Psuchological warfare. Baltimore, 1959.

Ebbinghaus Therese. Napoleon, England und die Presse (1800—1803). Munchen u. Berlin, 1914.

Erdmann Tames M. Leaflet Operations in the Second World War n. h. Denver Print, 1969.

Ettlinger Harold. The Axis on the Air. Indianapolis, 1943.

Eyck Frank. Psychological Warfare and Newspaper Control in British-Occupied Germany: A Personal Account / Men at War. Chicagil. 1982. P. 137—147.

Franco Igor. Spetsnaz Signals [Radio Communication] Secrets Revealed // International Defense Review. 1991. June. 551—553.

Fuller T. F. C. Propaganda and War. The New Technique of Mendcity as a Psychological Warfare in World War II. NY., 1946.

Gallishaw J. and W. Lynch. The Man in the Ranks. New-York, 1917.

Gavet Andre. L'art de commander. Nancy, 1921.

German Wartime Propaganda in the U.S.S.R. // Study. 1949. 7 apr.

Gillette F. E. The Military Aspect of Psuchological Warfare // Military Rev. 1942. P. 13—17.

Gilmore Allison B. :In the Ware of Winning Armies; Allied Psychological Warfare Against the Imperial Taoanese Army in the Soutwest Pacific Ared During WW II». PhD dss. Oho State U. 1989.

Gipson Melinda. Tracing the Line the Sayd // Electronic Media. 1991, 21 January.

Gladwin Th., Walter I. Multinationals Under Fire: Lessons in the Management of Conflict. New York; Toronto, 1980.

Goddard H. G. Morals, New-York, 1918.

Gordon Matthew. News Is a Weapon. NY., 1942.

Gordon Michael R. and Schmitt Eric. Radios and Mine Sweepers: Problems in the Gelf // New York Times, 1991, 23 February.

Graux Dr. L. Les fausses nouvelles de la grande guerre. Paris, 1919. 5 tomes.

Grouchy de. Lapress sous le premier Empire. Paris, 1876.

Gulick L. H. Morals and morale. New-York, 1919.

Haas Albert. Die Propaganda im Ausland. Weimar, 1916.

Hall G. S. Morale. New-York, 1920.

Hallays Andre. L'opinion allemande pendant la guerre, 1914—18. Paris, 1919.

Hallin Daniel C. The «Uncensored War»: The New York, 1986.

Hansi (Johann Jacob Waitz) et E. Tonnelet. A travers les lignes ennemies. Trois annees d'offensive contre le moral allemand. Paris, 1922.

Hartmann Peter. Franzosische Kulturarbeit am Rhein. Leipzig, 1921.

- Hatman R.* Napoleonic propaganda. Louisiana, 1950.
- Hilvert Tohn.* Blue Pencil Warriors: Censorship and Propaganda in World War II. Queensland, Australia, 1984.
- Hocking W. E.* Morale and its Enemies. New-Haven, 1918.
- Hohenberg John.* Free Press/ Free People. New York, 1971.
- Hollywood Goes to War: How Politics, and Propaganda Shaped World War II Movies. NY., 1987.
- Holt R.* Radio Free Europe. Minneapolis, 1958.
- House F. N.* Industrial morale. Chicago, 1924 (Thesis).
- Inte Pub Opinion Research, Inc. Views of World War II Psywar Personnel. Study, ORO. 1951.
- J. Martin.* International Propaganda (Its Legal and Diplomatic Control). Minneapolis University press, 1958.
- Johnson Richard D.* PSYOP the Gulf Paper War: Psychological Warfare Operations against the Iraqi Military and Civilian Establishments between November 1990 and February 1991. Titusville, FL. 1992.
- Johnson Tom.* A Look Inside CNN's Control Room // Electronic Media, 1991, 21 January.
- Jones Jeffrey B.* Psychological Operations in Desert Shield, Desert Storm and Urban Freedom // Special Warfare. 1994. July. P. 22—29.
- Kappelman Paul B. and Amstong Robert E.* PSYOP Task Force to JTF (Joint-Task-Force) Andrew: A Case Study in Support to Disaster-Recovery Operations // Special Warfare. 1993. July. P. 18—21.
- Kehn H. D.* The Methods and Functions of Military Psychological Warfare // Mil Rev. 1947. P. 2—15.
- Kenyon Mark.* Black Propaganda // After the Battle 1992. No 75. P. 8—31.
- Kerkhof Karl.* Der Krieg gegen die deutsche Wissenschaft. Charlottenburg, 1922.
- Keyserlingk Robert H.,* Austria in World War II: An Anglo-American Dilemma. Kingston, Can., 1988.
- Kilgore Joe E.* PSYOP in Support of Low-Intensity Conflict // Special Warfare. 1992. October. P. 26—31.
- Kinghtley Phillip.* The First Casualty. From the Crimea to Vietnam: The War Correspondent as Hero, Propagandist, and Myth Maker. New York, 1975.
- Koestler A.* The Thirteenth Tribe. The Khazars Empire and Its Heritage. N. Y., 1976.

Koppes Clayton R. & Black Gregory D. Blacks, Loyalty, and Motion-Rieture Propaganda in Word War II. // *Itnl of Amer. Hist* 73. 1986. September. P. 383—406.

Krawczyk Stphanit. Recognizing the Heroes of Somalia // *Army Times*. 1994. 11 april.

Leonzon Le Duc. *La question russe*. Paris, 1853.

Linebarger Paul M. A. Psychological Warfare in Word War Two / / *Inf. Trnl.* 1947. Mag. P. 30—39.

Mackinnon W. A. *History of Civilization and Public Opinion*, 3rd edition, 2 vols. London, 1849.

MacVane John. *On the Air in World War II*. New York, 1979.

Margolin Leo T. A Paper Bullet Is no Spitball / *Inf. Trnl.* 1947. Feb.

Martin B. Kingsley. *The Triumph of Lord Palmerston*. London, 1924.

Martin E. D. *The Behavior of Crowds*. New-York, 1920.

Maxwell W. N. *A Psychological Retrospect of the Great War*. New-York, 1923.

McLaine Ian. *Ministry of Morale: Home Front Morale and the Ministry on Information in World War II*. London, 1979.

Meyer, lieut. *La psychologie du commandemenet*. Paris, 1923.

Miller A. H. *Leadership*. New-York, 1920.

Molt Frayk Luther. *American Journalism: A History: 1690—1960*. New York, 1962.

Moyssset Henri. *L'opinion publique*. Lyon, 1910.

Munson E. L. *The Management of Men*. New-York, 1921.

Napoli Donald S. *The Mobilization of American Psychologists, 1938—41* // *Mil Aftairs* 42. 1978. February. Pp. 32—26.

Nodecort R. G. *Les sierets del la propaganda en Trance occupee*. Paris. 1962. P. 530.

Nowe Ressel W. *The Hunt for «Tokyo Rose»*. NY., 1990.

Organization for Military Psuchological Wargace on ETO // *Mil Pev.* 1947. Feb. P. 10—15.

Paddock Alfred H. *PSYOP in the Early 1980 s: The Way We Were* / / *Special Warfare*. 1993. October. P. 29—33.

Padover Suel K. *Experiment in Germany*. NY., 1946.

Papon Jean Pierre. *De l'action de l'opinion sur le gouvernement*, 1788.

Park R. E. *Masse und Publikum*. Bern, 1904.

- Parker Tay M. Training the PSYOP Force // Special Warfare. 1992. October. 1992.
- Perivier A.* Napoleon journaliste. Paris, 1919.
- Peterson J.* Psychology of Handling Men in the Army, Minneapolis, 1919.
- Pieper Karl.* Die Propaganda, ihre Entstehung und religiöse Bedeutung. Aachen, 1922.
- Plenge Johann.* Deutsche Propaganda, Die Lehre von d. Propaganda als prakt. Gesellschaft. Mit Nachw. von Ludwig Raselius. Bremen, 1922.
- Polo Charles.* Radio Goes to War: The «Fourth Front». NY. Putnam's, 1942.
- Price Maurice T.* Christian Missions and Oriental Civilization. Shanghai, 1924.
- Putman G. H.* The Censorship of the Church of Rome. N. Y., 1967.
- Quabter Terence H.* Propaganda and Psychological Warfare. NY., 1962.
- Quiett G. G.* and Casey G. Principles of Publicity. New-York, 1926.
- Rhodes Antony.* Propaganda: The Art of Persuasion, World War II. NY., 1976.
- Riis R. W. and Boner C. W.* Publicity. New-York, 1926.
- Rohan Henri,* duc de, Le parfait capitaine. Paris, 1744.
- Rosenberg Jim.* «Alternate Route for News Photos // Editor & Publisher, 1991. 23 February.
- Ross E. A.* Social Control. New-York, 1901.
- Rossi P.* Le suggesteur et la foule, psychologie du meneur. Paris, 1904.
- Salmon L. M.* The Newspaper and Authority. New-York, 1923; Salmon L. M. Newspaper and the historian. New-York, 1923.
- Sandler Stanley.* Army Psywarriors: A History of U. S. Army Psychological Operations // Special Warfare. 1991. Winter. P. 38—41.
- Save George.* War Without Guns. London, 1943.
- Schultze-Pfaelzer Gerhard. Propaganda, Agitation, Reklame. Eine Theorie des gesamten Werbewesens. Berlin, 1923.
- Shaw Russell.* Secret CNN Journey Ends in Exclusive Hussein Broadcast // Electronic Media, 1991. 4 February.
- Short K. R. M.* Film & Radio Propaganda in WW II. Knoxville. 1983.

Sighele S. Psychologie des Auflaufs und der Massenverbrechen. Leipzig, 1897.

Smith from The sea: rettief operations in Bangladesh, 1991: U. S. marienes in humanitarian operations. Washington, 1995.

Somalis operations: Lessons learned. Washington, 1995.

Sorensen M. The Word War. The Story of American Propaganda. New York, 1968.

Sparagana Eleanor A. The Conduet and Consequences of Psychological Warfare: American Psywar Operations Against Japan. 1941—45. Phd dss, Brandeis V. 1990.

Stern-Rubarth Edgar. Die Propaganda als politisches Instrument. Berlin, 1921.

Summe Jack N. PSYOP Support fo Operation Desert Storm // Special Warfare. 1992. October. P. 6—9.

Summe Jack N. Total PSYOP Intigration: Reorganizing Active and Reserve Component PSYOP Forces // Special Warfare. 1992. October. P. 10—12.

Szirtes Artur. Zur Psychologie der offentichen Meinung. Wien und Leipzig, 1921.

Tarde G. L'opinion et la foule. Paris, 1901.

Taulylor Edmond. The strategy of Teror. Boston, 1940.

Terman L. M. Psychohgy and Pedagogy of Leadership, «Pedagogical Review», XI, p. 113—151.

The media at War: The Press and the Persian Gulf Conflict: A Report of the Gannet Foundation. New York, 1991. 116 p.

The Nationalistion of Women: The Natural History of Hil. L., 1919.

The Plan to Kill Saddam Hussein: Gulf War: Could Special Operations Have Preempted Desert Stotm? // Newsweek. 1994. 10 January.

The Wherlwind War. The United stay Army in oneretiong Desert Shield a Desert Storm. Washington, 1995.

Thompson Charles A. Overseas Information of the United States Government. Wash. 1948.

Thompson Geo. Carslake. Public Opinion and Lord Beaconsfield, 1875—1880, two vols. London, 1886.

Tonnies F. Kritik der offentlichen Meinung. Berlin, 1922.

Tulard J. Le mythe de Napoleon. Paris, 1971.

Tulard J. L'anti-Napoleon. La legende noire de l'empereur. Paris, 1965.

- Tulard J.* Napoleon on le mythe de sauvenr. Paris, 1977.
- U. S. Army Service Forces. Spec Services Div. Guide fo the, Use of Information Materials. Wachington, 1943.
- U. S. Office of Stratihic Services. Research and Analysis Branch. The Main of Soviet Wartime Propaganda. Study. Wash. DC. 1945.
- Urguhart D.* The war ofignorance and collusion, its progress and results; prognostication and testimony. London, 1854.
- Wallas G. S.* Human nature and politics. London, 1908.
- Wallas G. S.* The Great Siciety. New-York, 1914.
- Watson Reter.* War on the Mind. NY., 1976.
- Weeks A. D.* Control of the Social Mind. New-York, 1923.
- Welschinger H. la censure sous le premier Empire. Baton Rouge, 1950.
- Wiggins James Russell.* Freedom or Secrecy. New York, 1964.
- Wilder R. H. and Buell K. L.* Publicity. New-York, 1923.
- Winkler Allan M.* The Politics of Propaganda: The Office of War Information, 1942—45. New Haven, 1978.
- Wust R.* La guerre psychogiogue. Lausanne, 1954.
- Ziehen A.* Die Psychologie grosser Heerfuhrer. Leipzig, 1916.
- Златева М.* Европейските воени кореспонденти в руската Дунавската армия, участии в руско-турската освободителна война (1877—1878 гг.) // Известия Института за военна история. 1999. № 64. С. 18—20.
- Карбелавиши А.* Репортажите на грузинки журналист на Освободителната война // Болгарски журналист. 1977. № 2. С. 18—21.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава XI. Средства информации в Первой мировой войне: механизм контроля и управления (1914—1918)	3
Пресса и военная тайна	3
Положение военных корреспондентов в России	10
Официальные сообщения с фронта	23
Бюро печати при Ставке	25
Русская военная цензура в 1914—1917 годах	29
Взаимоотношения армии и печати союзников	63
Эффективность воздействия печати:	
объекты, задачи, руководство	70
Управление СМИ в Германии	77
Организация пропаганды в странах Антанты	97
Что показал опыт войны	115
Примечания	124
 Глава XII. 1917—1922 годы: в противостоянии двух России	129
Пропаганда Советской власти	129
В своих войсках и на своей территории	129
В войсках интервентов	143
Военная цензура диктатуры пролетариата (1917—1922)	149
В поддержку Белого движения	159
Примечания	186
 Глава XIII. Особый фронт Второй мировой войны (1939—1945)	191
Аппарат и методы пропаганды фашистской Германии ...	191
Пресса — рояль в руках правительства	191
Радиопропаганда	194
Телевидение на службе нацистов	198
Тайные структуры Министерства пропаганды	201
Инструктаж журналистов	202
Войска пропаганды	203
На оккупированной территории	204

Издания русских формирований вермахта	209
Методичность и системность	214
Идея исключительности немецкой нации	215
«Пропаганда балагана»	215
Фальсификация истории	216
Фабрикация фальшивых документов, цитат, опровержений	218
Жупел «превентивной войны»	219
Мифы большой лжи	219
Обращение к символам	221
«Ложь для узкого круга»	222
«Источник лжи должен тотчас маскироваться»	223
Ложь — плохое средство	224
«Факты должны представляться в высшей степени вероятными»	224
«Дезинформация должна иметь форму мозаичной картины»	226
Легенды и слухи	229
«В новостях мы делаем ставку на объективность»	229
Упредить противника в информации	230
СМИ — непогрешимы и вездесущи	232
Извращение понятий, организация фактов	232
Пропаганда жестокостей	233
Запугивание противника	235
Метод опережающих сообщений	235
Отвлекающие прогнозы	236
Геббельс и Нострадамус	237
О самом главном — во второстепенных фразах	237
Хвалить то оружие противника, которое слабое	238
Если замыслил наступать, говори об оборонительных намерениях	238
Отношение к руководству страны	239
«Мы пишем и говорим для народа»	240
«Двое делают одно и то же дело, а вещи получаются разные»	241
Формирование образа врага	242

Этапы германской пропаганды во Второй мировой войне	254
Деятельность англо-американских служб военной информации в Северо-Западной Европе	260
Военная цензура союзников	277
Советская военная пропаганда накануне Великой Отечественной войны	284
Мобилизационная готовность журналистики и литературы	289
Агрессор становится другом	299
Халхин-Гол: первый этап пропаганды среди войск противника	308
Пропагандистское обеспечение войны с Финляндией 1939—1940 годов	312
1941 год: «...во всей пропаганде... преобладает мирный тон»	331
Усиление контроля за СМИ	339
Советская пропаганда в годы войны	365
Перестройка системы СМИ	365
Организация работы среди войск и населения противника	378
Общеполитическая и оперативная пропаганда	381
Промахи начального этапа	383
Для населения оккупированной территории	391
Газеты на иностранных языках	400
Листовки как вид информационного оружия	405
Брошюры	418
Работа с пленными	419
Пропаганда антифашистов	424
Примечания	432
 Глава XIV. Роль СМИ в военных конфликтах (1950—2000)	 447
Место информационно-психологических мер в разрешении военных конфликтов	447
50-е годы: опыт войны в Корее	457

Вьетнамская война: проверка обновленной концепции и выводы (1964—1973)	463
80-е годы: основной компонент «стратегии национальной безопасности»	466
Психологические операции в период конфликта в Персидском заливе (1990—1991)	471
Силы ПсО в миротворческих операциях и в акции по «восстановлению демократии» в Гаити	488
Примечания	506

Глава XV. Управление информационным воздействием в современных военных конфликтах

Руководство информационно-психологическим обеспечением конфликтов в США	509
Войска психологических операций	515
Основные задачи психологических операций	521
Планирование и оценка эффективности ПсО	522
Уровни информационно-психологических операций и особенности их проведения (по взглядам военно- политического руководства США)	531
Стратегические	532
Оперативные	535
Тактические психологические операции	537
Информационные службы вооруженных сил	540
Военная цензура США в вооруженных конфликтах второй половины XX века	556
Американский опыт освещения конфликтов в свете мнения журналистов	581
Организация информационно-психологических действий в странах развитой демократии	593
Примечания	602

Глава XVI. Особенности информационного обеспечения советских и российских войск в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX в.

При подавлении восстания в Венгрии	606
--	-----

Кубинская революция и Карибский кризис	610
«Судьба Чехословакии имеет исключительно серьезное значение для безопасности всего социалистического содружества»	612
Пропагандистское обеспечение военной акции СССР в Афганистане	619
СМИ и чеченский военный конфликт	625
Примечания	657
Заключение	660
Словарь терминов и понятий	662
Источники и литература	690
Архивные материалы	690
Музейные материалы	691
Документальные публикации	691
Дневники, мемуары, воспоминания	694
Периодические издания	696
Книги, монографии, брошюры	697
Статьи, сообщения, обзоры	709
Справочные издания	724
Диссертации и авторефераты диссертаций	724
Иностранные публикации	725

Научное издание

Николай Лукьянович ВОЛКОВСКИЙ
ИСТОРИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН
Часть 2

Редактор *И. В. Петрова*
Технический редактор *И. В. Буздалева*
Корректоры *В. В. Безымянская, И. С. Миляева,*
Н. Б. Абалакова
Компьютерная верстка *Ю. А. Федоровой*
Компьютерная графика *А. В. Аракчеева*

ЛР ИД № 03073 от 23.10.2000 г.
Подписано в печать 28.10.2002. Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Гарнитура TimeRoman. Печ. физ. л. 23,0. Усл. печ. л. 38,64.
Тираж 5000 экз. Зак. № .

ООО «Издательство «Полигон»
194044, С.-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 38/40.
Тел.: 320-74-24; тел./факс: 320-74-23.
E-mail: polygon@rol.ru